

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»
совместно с
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ

Материалы XXI Международной научной конференции

(Рязань, 3–5 октября 2023 года)

Рязань 2023

УДК 811.161.1'373.2(470.4)(063)
ББК 81.411.2-316(235.4)я431
О-59

Главные редакторы:
И. Н. Хрусталёв, В. И. Супрун

Редакционная коллегия:
В. А. Лаврентьев, Е. П. Осипова

Рецензенты:
Л. Б. Карпенко, д-р филол. наук, проф.
(Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва);
А. А. Решетова, д-р филол. наук, проф.
(Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина)

Ономастика Поволжья : материалы XXI Междунар. науч. конф. (Рязань, 3–5 октября 2023 г.) / под общ.ред. И. Н. Хрусталёва, В. И. Супруна. — Электрон. текстовые дан. (1 файл : 3,95 МВ). — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2023. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — Систем. требования : IBM / PC ; Windows XP и выше ; 256 МВ RAM ; свободное место на HDD 25 МВ ; Acrobat Reader 3.0 или старше. — Загл. с экрана.

ISBN 978-5-907635-15-9

В сборнике представлены материалы XXI Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», состоявшейся в Рязани 3–5 октября 2023 года. Сборник содержит статьи, посвященные рассмотрению теоретических и методологических аспектов ономастики, современным проблемам антропонимики, топонимики и зоонимики, литературной и педагогической ономастики. Материалы сборника вносят вклад в теорию и практику ономастических исследований и представляют интерес для широкого круга исследователей.

онимы, ономастика, антропонимика, топонимика, урбанонимика, зоонимика, этнонимика, литературная и фольклорная ономастика

УДК 811.161.1'373.2(470.4)(063)
ББК 81.411.2-316(235.4)я431

ISBN 978-5-907635-15-9

© Хрусталёв И. Н., Супрун В. И., под общ. ред., 2023
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОНОМАСТИКИ	12
<i>Анциупова В. Г. (Москва)</i> Социоономастические аспекты имянаращения	12
<i>Арутюнова Е. В. (Москва)</i> Проблемы употребления прописных и строчных букв в астрономических названиях	16
<i>Бахшиева Тунзала Лятиф кызы (Баку)</i> Ономастические единицы и орфографические проблемы	21
<i>Беляева М. Ю. (Славянск-на-Кубани)</i> Авторские лингвонимы: статус и ономастическое сопровождение вымышленных языков	23
<i>Васильева Н. В. (Москва)</i> Метафорические термины в метаязыке ономастики	26
<i>Габибли Рейхан Юсиф кызы (Баку)</i> Онимы в медицинском дискурсе	30
<i>Дамбуев И. А. (Улан-Уде)</i> Нормализация топонимов в зеркале ГКГН: итоги 2022 года	34
<i>Кичикова Н. А., Манджиева Э. Б. (Элиста)</i> Этнонимический компонент в ономастиконе Калмыкии	37
<i>Коваленко А. С., Манченкова А. И. (Москва)</i> Воздействие социокультурных факторов на развитие ономастического концепта	40
<i>Крюкова И. В. (Волгоград)</i> Имена собственные в конструкциях с экспрессивным отрицанием	43
<i>Луговская Е. Г. (Тирасполь)</i> О разграничении производных, вариантов, вариаций и ошибок в документальной записи имен собственных	47
<i>Нечаева И. В. (Москва)</i> Орфография собственных имен: зоны неоднозначности	52
<i>Редькина Н. С. (Рязань)</i> Топонимы и речевая практика: нормативный аспект	56
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОНИМИКИ	58
<i>Ахметова М. В. (Москва)</i> Кинематографический антропоним волконогов: о стратегии художественной номинации	58
<i>Басангова Т. Г. (Элиста)</i> Тибетские имена у калмыков	61
<i>Бубнова Н. В. (Смоленск)</i> Антропонимическое пространство электронного ресурса «армянский текст русской поэзии»	63
<i>Ганжина И. М., Черненко М. Ю. (Тверь)</i> Фаунистическая лексика в прозвищах жителей средневековой Твери	68
<i>Катермина В. В. (Краснодар)</i> Антропонимы в загадках: культурный код.....	72
<i>Климкова Л. А. (Арзамас)</i> Неофициальная антропонимия: разноплановость коннотаций	75
<i>Кривошапова Н. В. (Тирасполь)</i> Языковая интерференция в антропонимике Приднестровья	80
<i>Смирнова О. С. (Екатеринбург)</i> Метаморфозы имени Владимир в XX и XXI веках	83

<i>Сулейманова Р. А. (Уфа)</i> История происхождения некоторых башкирских фамильных антропонимов	85
СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ТОПОНИМИКИ И МИКРОТОПОНИМИКИ	89
<i>Багомедов М. Р. (Махачкала)</i> Антропотопонимы полиэтнического региона	89
<i>Беленов Н. В. (Самара)</i> К этимологии потапонима БЕЗЕНЧУК в Самарском Поволжье	93
<i>Булычёв Н. А. (Рязань)</i> Из опыта работы Рязанской городской топонимической комиссии	95
<i>Верховых Л. Н. (Борисоглебск)</i> Топонимические единицы с компонентом красный в Воронежском ономастиконе	103
<i>Врублевская О. В. (Волгоград)</i> Социальные коннотации топонима КАВКАЗ в массовом сознании носителей русского языка	108
<i>Герцен А. А. (Москва)</i> Топонимические связи Поочья и Поднестровья	110
<i>Гордова Ю. Ю. (Москва)</i> Топонимический атлас России: состояние и перспективы	117
<i>Звезда Г. В. (Липецк)</i> Гидронимы как лингвокультурологический источник при изучении родного края (на материале Липецкой области)	120
<i>Красовская Н. А. (Тула)</i> Топонимы в региональной прессе военного периода	127
<i>Пархоц Э. О. (Воронеж)</i> Названия исчезнувших населённых пунктов в микротопонимии Верхнехавского района Воронежской области	130
<i>Саркисян А. Г. (Ереван)</i> О субстантивированных прилагательных в русских топонимах	134
<i>Состин Т. А. (Украина)</i> К вопросу о происхождении топонимов СУСТЬЕ в Ленинградской и Тверской областях	139
<i>Теркулов В. И. (Донецк)</i> Основания типологии астионимов (на примере астионимов Поволжья)	143
<i>Цветкова Е. В. (Кострома)</i> Микрогидронимия Костромского края (названия заводов)	148
<i>Южакова Ю. А. (Рязань)</i> Особенности использования нарицательных существительных в качестве собственных названий населённых пунктов Рязанской области	152
<i>Хрусталёв И. Н., Лаврентьев В. А., Гладышев А. Г. (Рязань)</i> Варианты географических наименований Рязанского края и этимологизация топонимов	156
<i>Исмайылы Айшен Физули кызы (Баку)</i> Микротопонимы, образованные от названий животных (на языковых материалах Мегринского района западного Азербайджана)	160
СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ УРБАНОНИМИКИ И ГОРОДСКОГО ОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	163
<i>Афанасьева М. А. (Ярославль)</i> Особенности современных артиэргонимов (на примере названий театров Москвы и Санкт-Петербурга)	163
<i>Боброва М. В. (Санкт-Петербург)</i> Особенности функционирования современных полионимов г. Санкт-Петербурга	165

Веденева Е. В. (Саратов) Медицинские эргонимы Саратова и Саратовской области: особенности словообразования	170
Дорофеенко М. Л. (Минск) Меморативы, связанные с известными личностями, в урбанонимном пространстве Беларуси и Франции	173
Заонегина В. В. (Тверь) Топонимическое пространство города Торжка: опыт моделирования	178
Казнина Е. А. (Ярославль) Микроурбанонимы малого города: причины появления (на примере городов Ярославской области)	182
Мезенко А. М. (Витебск) Урбанонимы-меморативы в честь ученых как экспоненты культуры народа	186
Орлова Е. О. (Великий Новгород) Имы и памятники в честь героев Великой Отечественной войны: действие/бездействие исторической памяти	190
Пашаева Юнус Ф. Ш. (Карс) «Русские» названия в Карсе	195
Полежаева С. С. (Тирасполь) Мотивировочный аспект топонимов города Тирасполя как текстов культуры	199
Попов С. А. (Воронеж) Память о Великой Отечественной войне в названиях улиц населенных пунктов Воронежской области	204
Природина У. П. (Москва) «Лечебное искусство» в урбанонимической номинации Стокгольма	208
Разумов Р. В. (Ярославль) Посвящения политическим деятелям в урбанонимии Российской Федерации	212
Рассадин А. П., Ильин В. Н. (Ульяновск) Городской топонимический фотоальбом (о визуализации урбанонимической информации)	216
Сабиева Е. В., Какимова М. Е., Габдулина Н. А. (Петропавловск) Прагматический аспект номинации эргономической лексики на материале детских учреждений Петропавловска (Казахстан)	219
Сальнова О. В. (Элиста) Этнокультурные эргонимы в рекламных текстах Калмыкии на русском языке	223
Соколова Т. П. (Москва) Языковая игра в городском онимическом пространстве	227
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗОНИМИКИ, ТЕОНИМИКИ, ЭТНОНИМИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ДРУГИХ ТИПОВ ОНИМОВ. ОНОМАСТИКА И ОНОМАСТИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ	
Гарькуша А. А. (Волгоград) Русская официальная иппонимия в диахроническом аспекте	231
Ирнарзов Э. Н., Яковлева Е. А. (Уфа) Специфика формирования и применения каронимов	234
Левушкина Р. (Белград) Теотоконимы в лингвистических исследованиях (на материале акафистов Богородицы на современном сербском языке)	238
Мухаметгареева Н. М., Яковлева Е. А. (Уфа) Влияние эмоциональной ауры креолизованного текста на выбор артионима	242
Мызников С. А. (Москва) Прозвищные этнонимы в контексте этноязыковых контактов	246
Никитин О. В. (Мытищи) Этнонимы в «ушаковском словаре»	249

Николаев Е. Р. (Якутск) Современный якутский календарь: фонетическое освоение названий святцев	253
Омакаева Э. У. (Элиста) «Язык звезд»: лексика материальной и духовной культуры как источник номинации астрономов и космонимов в монгольском и калмыцком языках на фоне русского	256
Осипова Е. П. (Рязань) О микроэтнонимах Рязанского края	259
Робустова В. В. (Москва) Факторы развития ономастического сознания ребенка	263
Романова Т. П. (Самара) Армонимы в онимическом пространстве России	268
Рудометова С. М. (Волгоград) Онимы в Мещёрских говорах Волгоградской области	272
Скрябина О. А. (Рязань) О ценностном потенциале топонимики для изучения русского языка	274
Соколова А. А., Фатеева Н. А. (Тюмень) Фразеологические милитаронимы Сталинграда	277
Сомова М. В. (Рязань) «Собственные имена» русских кораблей	282
Файзуллина И. И. (Уфа) Использование принципа языковой игры в создании прагматонимов	285
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ОНОМАСТИКА, ОНИМЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ	290
Бугакова Н. Б. (Воронеж) Профессионализм как элемент модели ономастического творчества А. Платонова	290
Бурченкова А. А. (Смоленск) Ономастикон романа Б. Васильева «В списках не значился»	294
Волков С. С., Смирнова А. С., Ткачева Н. В., Шарихина М. Г. (Санкт-Петербург) Онимы и их производные в авторском словаре (на примере топонимической лексики)	299
Вязовская В. В. (Воронеж) «Имя стёрли»: персонажи романа Н. С. Лескова «На ножах» об именах и кличках (лингвистический комментарий)	303
Генералова Е. В. (Санкт-Петербург) Функции онимов в новой русской фразеологии	307
Гординская Е. М. (Москва) Роль топонимии в создании дуалистического образа Лондона в рассказе Нила Геймана «Как маркиз вернул своё пальто»	311
Данилина Н. И. (Саратов) Genius Loci сквозь призму литературной ономастики	314
Демидович Т. В. (Москва) Хремотонимы оружия и военной техники в произведениях Г. В. Дубового	319
Калинкин В. М. (Донецк) О мыслях, «изреченных» поэтонимами (из филолософических опытов дилетанта)	322
Ковалев Г. Ф. (Воронеж) Русский ономастический анекдот как отражение календаря политических, экономических и социальных событий в России и в мире	327
Колобова Е. А. (Кострома) Функционирование антропонимов и топонимов в мемуарной литературе (на примере дневниковых записей И. А. Дедкова)	335

Комлева Н. В. (Вологда) Библейские и фольклорные мотивы в выборе имени персонажа (на материале творчества В. И. Белова)	338
Костаи Л. Л. (Тирасполь) Характеристика ономастического пространства и особенности перевода говорящих онимов в художественных текстах.....	342
Кочнева Н. С. (Тюмень) Игровой ономастикон в сказочном тексте в. П. Крапивина (на материале романа-сказки «Стража лопухастых островов»)	346
Красильникова П. Ю., Федотова К. С. (Москва) Имена библейских персонажей в творчестве Николая Гумилева и Саша Черного	349
Ланге Н. В. (Смоленск) Прецедентные антропонимы в романе Д. И. Рубиной «Маньяк Гуревич»	353
Лаптева М. Л. (Астрахань) Итальянские топонимические образы во фразеологической семантике	356
Патроева Н. В. (Петрозаводск) Греция: образный потенциал и синтагматика топонима в русской поэзии	360
Разумовская Е. А. (Саратов) Топонимы и антропонимы в сборнике Р. М. Рильке «Жертвы ларам» как прием создания образа города	364
Супрун В. И. (Волгоград) Специфика поэтонимии драматургии: отражение устно-письменной речи в онимах	368
Тихонова Е. А. (Волгоград) Имена собственные в поэтическом цикле Хай Цзы «Сергей Есенин»	371
Третьякова И. Ю. (Кострома) Фразеологические компоненты-астионимы: функциональный аспект	374
Ховрина Т. К. (Ярославль) Спиридоны-повороты	378
Шехтман Э. Н. (Оренбург) Языковая игра в ономастическом пространстве сказок Льюиса Кэрролла об Алисе	382
Кокова Л. Дж., Кокова Б. Дж. (Нальчик) Онимы с элементом -кара в русской мифологии и литературе: история и современность	386

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поволжье занимает огромную территорию на востоке Европы от озера Белого на севере Вологодской области до Каспийского моря и от Новгородской области до Уральских гор. Это составляет 65 % территории европейской части России и 8 % всей территории страны [Поволжье, 2018]. Самым крупным волжским притоком является Ока, площадь её водосборного бассейна занимает почти пятую часть всего Поволжья. Она протекает по территории Орловской, Тульской, Калужской, Московской, Рязанской, Владимирской и Нижегородской областей [Ростовцев, 1975].

Крупнейшим городом Поочья (если не считать находящийся у впадения Оки в Волгу Нижний Новгород) является Рязань с её более полумиллионным населением. Город является одним из древних на Руси, Переяславль-Рязанский был основан в 1095 году, более чем на полвека раньше Москвы. Рязанский Кремль, памятник русского градостроительного искусства XVIII века, ансамбли деревянной и каменной застройки XVIII – начала XX веков, многие музеи рассказывают о красоте многовековой русской культуры и о достижениях русского народа. Древняя Рязань в Средние века была столицей княжества, владения которого простирались от Мещеры до Дикого поля на Дону и Северском Донце. В 1778 году по указу Екатерина II город получил современное название, став центром важной российской губернии [Города, 1990; Ружинская, 1998; Абрамова, Ружинская, 1992]. В 1800 году географ-картограф географического отдела Кабинета Ея Императорского Величества Александр Михайлович Вильбрехт (Вильбрехт) (1757–1823) [Шибанов, 1961] в созданный им Российский атлас включил карту Рязанской губернии [Вильбрехт, 1800].

В Рязани имеется солидная научная филологическая школа. В декабре 1915 года здесь был основан первый в России женский учительский институт, в котором было словесно-историческое отделение с трёхлетним сроком обучения. С 1 июля 1917 года он стал учительским, а ещё через год — педагогическим институтом. В 1985 году ему было присвоено имя Сергея Александровича Есенина, в новое время он был реорганизован в педагогический университет, а 7 декабря 2005 года стал именоваться Рязанским государственным университетом имени С. А. Есенина. В вузе работают более 70 докторов наук, профессоров и 270 кандидатов наук, доцентов. За время своего существования университет подготовил для региона и всей страны свыше 75 тысяч специалистов [Лиферов, 2006].

С РГУ имени С. А. Есенина связаны своей судьбой многие выдающиеся филологи России, которые учились или работали в этом вузе: Василий Ильич Лыткин (1895-1981), Николай Максимович Шанский (1922-2005), Тамара Ивановна Тепляшина (1924-2014), Евгения Николаевна Борисова (1925-2008), Галина Александровна Богатова (*1930), Владимир Георгиевич Руделёв (1932-2018), Ольга Ефимовна Воронова (*1958) и др.

С Рязанской землёй связана биография выдающегося русского учёного Измаила Ивановича Срезневского (1812-1880), родовое имение его семьи в селе Срезневе находится в ста километрах от Рязани на берегу Оки. Академик побывал на родине своих предков только один раз в 1877 году, но в конце жизни завещал детям похоронить его возле алтаря храма Покрова Пресвятой Богородицы в этом селе, где ныне и покоится его прах. В РГУ имеется Музей академика И. И. Срезневского (открыт 25 мая 2007 года). Людям, внёсшим вклад в развитие науки и культуры региона, присуждается премия имени академика И. И. Срезневского.

Немало сделано уроженцами Рязани и выпускниками РГУ для развития ономастических исследований. Автором многих книг по топонимике является Галина Петровна Смолицкая (1926-2006), которая в 1981 году защитила докторскую диссертацию «Гидронимия бассейна Оки в её отношении к истории словарного состава русского языка: проблема реконструкции» [Смолицкая, 1981]. Редактором её книги о гидронимии Оки [Смолицкая, 1976] был Олег Николаевич Трубочёв (1930-2002), супруг Г. А. Богатовой, который в 2000 году посетил Рязань во время Всероссийского праздника славянской письменности и культуры, он побывал в Срезневе, возложил цветы на могилу И. И. Срезневского. Выпускницей РГПИ З. П. Никулиной написана одна из первых работ о топонимии Рязанского края – диссертация «Топонимия междуречья Оки, Прони и Осетра : Лингвистический анализ названий населенных пунктов». Выпускницей РГПИ является и Ю. П. Чумакова, монография которой «Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным» также во многом построена на данных топонимии и содержит в себе подробный анализ этимологии многих рязанских географических названий.

Развивает традиции отечественной ономастики Юлиана Юрьевна Гордова. Научным руководителем её кандидатской диссертации «Ономастика Рязской Засечной черты: XVI – XVII вв.» [Гордова, 2002] была Г. П. Смолицкая, научным консультантом докторской диссертации «Лингвистические проблемы региональной ономастики в исторической перспективе» [Гордова, 2018] выступила Александра Васильевна Суперанская (1929-2013). Исследовательницей был подготовлен краткий топонимический словарь Рязского района [Гордова, 2007], топонимический атлас Рязанской области [Гордова, 2015] и ряд публикаций по современным методам обработки ономастического материала [Гордова, 2020; Гордова, 2021] и др.

Рязанской гидронимии посвящены исследования Игоря Николаевича Хрусталёва, который в 1997 году защитил кандидатскую диссертацию «Названия озёр и болот Рязанской области» [Хрусталев, 1997] и написал несколько десятков статей на эту тему.

Последовательно осуществляют научный ономастический поиск сотрудники кафедры русского языка и методики его преподавания Александр Александрович Никольский, Лидия Алексеевна Кононенко и Игорь Николаевич Хрусталёв, которые опубликовали учебное пособие по топонимии Рязанской области [Топонимы, 2009] и топонимический словарь [Топонимический словарь, 2004].

Помимо учёных-профессионалов, топонимическими исследованиями занимаются в регионе и любители, уровень работ которых является достаточно высоким. Рязанский топонимикон описывает в своих книгах и статьях Арсен Валентинович Бабурин (*1968), автор «Рязанского топонимического словаря» [Бабурин, 2004], статей в «Рязанской энциклопедии» [Рязанская энциклопедия, 1992–1997] и заметок в региональных газетах. Он является членом топонимической комиссии, в 2008 году стал лауреатом премии Рязанской области имени академика И. И. Срезневского II степени.

Инициатор и вдохновитель конференций «Ономастика Поволжья» Владимир Андреевич Никонов (1904-1988) предполагал, что эти научные встречи будут проводиться регулярно, переезжая из одного волжского города в другой. Первая конференция была проведена Владимиром Андреевичем с 18 по 22 сентября 1967 года на своей родине в Ульяновске (см.: [Исаева, Ухмылина, 1968]). Затем она проходила в Горьком (1969), Уфе (1971), Пензе (1973), Саранске (1974),

Волгограде (1989, 1995, 1998, 2002), снова в Уфе (2006), Йошкар-Оле (2008), Казани (2010), Ярославле (2012), Твери (2014), Арзамасе (2016). XVI конференция была проведена в 2017 году в Ульяновске, она посвящалась памяти В. А. Никонова и 50-летию юбилею первой «Ономастики Поволжья». На этой встрече ономатологи вспомнили не только энтузиаста ономастических исследований и зачинщика многих конференций по проблемам изучения имен собственных Владимира Андреевича Никонова, но и прежних участников «Ономастики Поволжья»: А. В. Суперанскую, Н. М. Шанского, Г. Ф. Саттарова, Н. Ф. Мокшина, Ф. И. Гордеева, В. Ф. Барашкова, Л. Л. Трубе, С. И. Зинина, А. С. Кривошекову-Гантман, Э. М. Мурзаева, Г. П. Смолицкую и др.

В 2019 году конференция прошла в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого. На востоке Новгородской области протекает крупный приток Волги Молога (общая длина 456 км), а её большим притоком является Кобожа (184 км). Связана с бассейном Волги через свой приток Тихвинку и Тихвинский канал река Сясь (длина 260 км). Проведение поволжской конференции в Великом Новгороде, казалось бы, удалённом от Волги, было оправданным и уместным.

XVIII конференция в 1920 году прошла в Костроме: Костромская область является едва ли не «самой волжской» в России, чуть ли не вся её территория находится в бассейне великой русской реки. Затем снова участники «Ономастики Поволжья» удалились непосредственно от берегов Волги, конференция была проведена в расположенном на реке Урал Оренбурге в Южном Предуралье, однако, как и в случае с Великим Новгородом, значительная часть территории региона относилась к волжскому бассейну, 31 % поверхностных вод области являются притоками Волги. Конференция проводилась в период пандемии, поэтому значительная часть докладчиков участвовала онлайн или заочно, однако был опубликован солидный сборник материалов XIX конференции и по традиции было передано знамя «Ономастики Поволжья» оргкомитету из Элисты.

В 2022 году форум поволжских ономастологов прошёл в столице Калмыкии г. Элисте. Благодаря непосредственному участию в работе конференции ректора Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова Бадмы Катиневича Салаева все заседания и мероприятия культурной программы прошли без сучка, без задоринки: участники имели возможность не только обсудить ономастические проблемы, но и познакомиться с культурой калмыков, посетить музеи и другие учреждения культуры Элисты. На заключительном заседании знамя «Ономастики Поволжья» было передано делегации из Рязани: заведующему кафедрой русского языка и методики его преподавания РГУ профессору Виталию Александровичу Лаврентьеву и доценту кафедры Игорю Николаевичу Хрусталёву. Вернувшись в родные пенаты, они сразу же приступили к подготовке очередного форума ономастологов Поволжья.

На XXI конференцию «Ономастика Поволжья» были направлены заявки от 106 российских и иностранных участников. Широко представлена Россия (34 города): Арзамас, Астрахань, Борисоглебск, Великий Новгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Донецк, Екатеринбург, Кострома, Краснодар, Липецк, Махачкала, Москва, Нальчик, Новосибирск, Оренбург, Петрозаводск, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Славянск-на-Кубани, Смоленск, Тверь, Торжок, Тула, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Уфа, Элиста, Якутск, Ярославль. Зарубежные участники прислали заявки из 8 стран: Азербайджан (Баку), Армения (Ереван), Белоруссия (Витебск), Казахстан (Петропавловск), Приднестровская Молдавская Республика (Тирасполь), Сербия (Белград), Турция (Карс), Украина (независимый исследователь). Среди докладчиков один член-корреспондент РАН, 29 докторов наук, 56 кандидатов наук (из них 52 – филологических, 3 – педагогических, 1 – географических), всего 81 % участников имеют научную степень. На этот раз много докладчиков из Москвы (16 участников), по 6 человек придут на конференцию из Санкт-Петербурга, Волгограда, столько же будет рязанцев, по 5 человек представляют Элисту и Воронеж, 4 – Ярославль, по 3 – Саратов, Смоленск, Баку, Кострому, Тюмень, Петропавловск, из остальных городов по одному или по два ономастолога.

Очевидно, что ономастика по-прежнему является востребованной и актуальной наукой, поэтому мы верим, что научная конференция «Ономастика Поволжья» будет и впредь на высоком научном уровне проходить в различных университетских центрах нашей страны. Эстафету от Рязани примет волжский город Саратов, поступают заявки на проведение конференции от других городов, расположенных в обширном бассейне великой российской реки Волги.

Список источников

1. Абрамова Т. Н., Ружинская Л. А. География Рязанской области. — 2-е изд., перераб. [для 9 кл. ср. шк.]. — Рязань : Горизонт, 1992. — 112 с.
2. Бабурин А. В. Рязанский топонимический словарь: названия рязанских деревень. — Рязань : Ряз. обл. науч.-метод. центр народ. творч., 2004. — 545 с.
3. Вильбрехт А. Российский атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию Империи разделяющий. — СПб. : Географ. департамент, 1800. — 43 к.
4. Гордова Ю. Ю. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009–2019. — М. : ЛЕНАНД, 2020. — 128 с.
5. Гордова Ю. Ю. Географические названия Рязского района Рязанской области : краткий топоним. слов. — Рязань : Узорочье, 2007. — 40 с.
6. Гордова Ю. Ю. Лингвистические проблемы региональной ономастики в исторической перспективе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2018. — 46 с.
7. Гордова Ю. Ю. Ономастика Рязской Засечной черты: XVI–XVII вв. : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2002. — 245 с.
8. Гордова Ю. Ю. Ономастическая реконструкция. Поэтапное воссоздание истории рязанской топонимии и антропонимии. — М. : ЛЕНАНД, 2021. — 488 с.
9. Гордова Ю. Ю. Топонимический атлас Рязанской области. — М. : Наука, 2015. — 72 с.
10. Города и районы Рязанской области : ист.-краевед. очерки / [предисл. Ю. В. Фулина]. — Рязань : Моск. рабочий, Ряз. отд-ние, 1990. — 605 с.
11. Исаева Т. А., Ухмылина Е. В. [Хроникальная заметка] // Вопросы языкознания. — 1968. — № 1. — С. 155–157.
12. Лиферов А. П. От учительского института в классический университет // Высшая школа XXI века. — 2006. — № 5. — С. 64–67.
13. Никулина З. П. Топонимия междуречья Оки, Прони и Осетра (лингвистический анализ названий населенных пунктов) : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1964. — 259 с.
14. Поволжье. Современный путеводитель. — М. : Пресс Код, 2018. — 132 с.
15. Ростовцев М. И. На приокских просторах. — М. : Мысль, 1975. — 224 с.
16. Ружинская Л. А. География Рязанской области. — Рязань : Изд-во РГПУ, 1998. — 71 с.
17. Рязанская энциклопедия. — Рязань : Ряз. энцикл., 1992–1997. — Т. 1–16, 18.
18. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки в её отношении к истории словарного состава русского языка: проблема реконструкции : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1981. — 428 с.
19. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки: список рек и озёр / под ред. О. Н. Трубочёва. — М. : Наука, 1976. — 404 с.
20. Топонимический словарь Рязанской области. — 2-е изд., испр. и доп. / авт.-сост. А. В. Бабурин, Л. А. Кононенко, А. А. Никольский, И. Н. Хрусталев ; под ред. А. А. Никольского. — Рязань : РГПУ им. С. А. Есенина, 2004. — 294 с.
21. Топонимы Рязанской области : учеб. пособие / А. А. Никольский, Л. А. Кононенко, И. Н. Хрусталёв. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2009. — 72 с.
22. Хрусталёв И. Н. Названия озёр и болот Рязанской области : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1997. — 233 с.
23. Чумакова Ю. П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. — Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 1992. — 170 с.
24. Шибанов Ф. А. Забытая страница в истории русской картографии (Деятельность А. М. Вильбрехта) // Вестник ЛГУ. Геология и география. — 1961. — № 24, вып. 4. — С. 157–163.

Сведения об авторах

Супрун Василий Иванович — д.филол.н., профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, Россия).

Хрусталёв Игорь Николаевич — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ имени С. А. Есенина.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОНОМАСТИКИ

В. Г. Анцупова

СОЦИООНОМАСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена сопоставительному изучению моделей образования русских и болгарских антропонимов, особенностям отражения в них социальной и культурной традиций России и Болгарии. В статье описаны основные тенденции формирования антропонимов под влиянием различных факторов, а также проанализированы наиболее распространенные антропонимы в указанных странах в 2022 г в сравнении с 2012 и 2002 г.

Ключевые слова: антропоним, социоономастика, история, культура

С начала XXI столетия в ономастике появилось множество смежных направлений. На данный момент наука широко развивается в междисциплинарной среде, где вместе с психологией, когнитивистикой и культурологией, появляются другие направления. Так, одним из современных направлений является социоономастика – наука, возникшая на базе ономастических и социолингвистических учений. Спектр вопросов социоономастики строится вокруг функционирования имен собственных в обществе: динамика и развитие онимов ввиду исторических и культурных изменений, функционирование уменьшительно-ласкательных форм, мода на имена, приобретение именами новых смыслов и коннотаций и многие другие. В целях подробного изучения функционирования и развития антропонимикона России и Болгарии, необходимо исследовать антропонимы с точки зрения социальных процессов и тенденций, возникающих в обществе, а также проанализировать наиболее распространенные модели имянаречения и изучить их влияние на современный именник указанных стран. Социоономастика отпочковалась от социальной лингвистики, определяемой как «направление языкознания, изучающее общественную обусловленность возникновения, развития и функционирования языка, воздействие общества на язык и языка на общество» [Бондалетов, 1970: с 23]. В научных трудах так же встречается термин социальная ономастика.

В книге *The Oxford Handbook of Names and Naming* (2016) посвящен целый раздел социоономастике, который включает следующие темы: *Names in Society* (Terhi Ainiälä), *Names and Identity* (Emilia Aldrin), *Linguistic Landscapes* (Guy Puzey), *Toponymic Attachment* (Laura Konstanski), *Forms of Address* (Irma Taavitsainen, Andreas H. Jucker), *Pseudonyms* (Katarzyna Aleksiejuk), *Commercial Names* (Paula Sjoblom) (pp. 371-466), что подчеркивает интерес к данной области ономастики, попытку очертить круг входящих в нее вопросов и направлений.

В западной традиции термин социоономастика (*socio-onomastics, Sozioonomastik*) был введен Гансом Уолтером в 1971 году. Он выделил два основных направления исследований: 1) изучение социального происхождения имени и использования различных форм антропонимов в разных ситуациях говорения, и 2) изучение антропонимов с позиции того, кто дает имя, того, кто носит это имя и того, кто использует его в коммуникации при обращении к другому [Ainiälä, 2016: p. 372]. Появление антропонимов всегда связано с культурным и социальным контекстом. Имена возникают в процессе межличностного общения и даются только субъектам/объектам, имеющим важное значение для людей. «By giving names, people take control of their environment, leaving their imprint on it, as it were; thus making it part of their own culture» [там же].

Использование имен собственных в процессе формирования индивидуальной или коллективной идентичности является основной темой исследований в социоономастике. Следует отметить, что семантику имени необходимо разделять и рассматривать ввиду существования различных

типов знаний: лингвистических и энциклопедических, а также учитывая различные формы общественного сознания: собственное языковое и когнитивное. А. В. Суперанская в своих исследованиях рассуждает о наличии различных типов информации в имени собственном, в частности, речевой, языковой и энциклопедической. Следовательно, антропонимы функционируют как социальные элементы, энциклопедическое значение которых подвержено динамике под влиянием социокультурного и коммуникативного контекста в целом.

В ходе взаимодействия культур происходят различные процессы, влияющие как на культуру определённого народа в целом, так и на его ономастикон, топонимические и антропонимические тенденции. Имена собственные пропитаны культурой и историей народа, и могут рассматриваться как социально обусловленные языковые единицы.

Стоит отметить, что семантика имени собственного играет огромную роль в ономастических и междисциплинарных учениях. Известно, что в имени собственном сосредоточены экстралингвистические и речевые признаки. Как отмечал В. Д. Бондалетов: «К речевым признакам мы относим адресные особенности, в то время как к «экстралингвистическим относятся идеологические, религиозные, исторические, психологические и географические особенности» [Бондалетов, 1980: 23].

Подробное рассмотрение ономастического пространства народа или социума способствует выявлению культурно и социально значимых объектов в создании ономастической системы. По мнению [Щербак, 2012: 78], с, так называемые ономалексемы располагают огромным потенциалом, который является важным для многих исследователей, чтобы установить связь между этносами, определить пути их создания и функционирования в различных регионах. Одним из аспектов социальности антропонимов выступает мода на имена. Данный феномен представляет собой совокупность привычек, ценностей и традиций, принятых в определённой среде в определённое время, которые находят свое отражение в антропонимической системе языка. мода присуща большим социальным системам и носит глобальный характер.

Объединив исторические и актуальные материалы, мы сможем понять современные вопросы в более широкой перспективе, позволить более проблематизировать понимание явления с помощью диахронических перспектив, получить новое представление о том, какая модель имени исторически привела к каким последствиям, и тем самым лучше понять настоящее.

В данном исследовании были подробно изучены именники России и Болгарии, рассмотрены самые популярные имена в 2022 году и выполнен сравнительный анализ данных имен с самыми популярными антропонимами в 2002 и 2012 гг. В России на данный период исследователи отмечают несколько факторов, которые влияют на родителей при выборе имени: приверженность к определенной моде на имена (*Софья, Арина, Полина*); выбор редкого и нестандартного имени, которое будет отличаться от распространенных имен (*Есения, Августина, Устина*); влияние семейных ценностей и традиций на выбор имени (случаи, когда через поколения мальчиков называли *Николаями*); определение имени согласно церковным канонам и православным праздникам (*Ольга, Василий, Владимир*); выбор имени в зависимости от его семантической составляющей (*Виктория – победа*).

В настоящий момент все чаще появляются редкие имена. Сейчас мы наблюдаем, что большинство родителей нацелены на выбор нестандартных антропонимов. Следовательно, за последние 5 лет в именнике Российской Федерации зафиксированы имена с разнообразной семантикой: *Арина, Анжелика, Аида, Виолетта, Есения, Аделина, Ульяна, Лиана, Арсений, Климент, Тихон, Родомир, Ростислав, Мирослав, Фергус*. Они не являются наиболее популярными или совершенно новыми, многие из них когда-то были популярны, но потом вышли из моды. Чтобы вернуться через 50–60 лет.

Имя как социальный знак может вызывать определенные ассоциации и реакции. Если человека называют в честь известной личности, в честь определенного святого или человека, который был почитаем в роду, то следует упомянуть о прецедентной функции имени собственного, что подразумевает антропонимы, которые являются определенными маркерами в обществе для обозначения конкретного человека, точнее связанных с ним широко известных характеристик, и выступают в качестве определенного символа культуры, через который выражаются особенности этноса.

В Управлении ЗАГС по Российской Федерации сообщается, что наивысшую популярность сегодня занимают имена славянского и греческого происхождения. В наши дни популярными стали такие имена, как *Мирослав* (слав. мир, слава), *Гордей* (греч. имя царя Фригии), *Демид* (греч. божественный, покровитель), *Платон* (греч. широкоплечий), *Тихон* (греч. имя бога случая, судьбы и счастья). Среди девочек – *Ангелина* (греч. возвещать, извещать), *Афина* (греч. имя богини мудрости, военного искусства), *Мирослава* (слав. мир, слава) [Новинар 21].

В ведомстве сообщается, что сокращается количество таких имен, как *Татьяна* (лат. от сабинского царя *Тита*, *Татия*), *Ольга* (сканд. святая), *Надежда* (греч. надежда), *Антон* (греч. вступать в бой, состязаться), *Игорь* (сканд. бог изобилия, охранять), *Вадим* (возможно из др. рус. сеять смуту, возможно, как храбрый), которые были широко распространены 20 лет назад.

Среди имен, зафиксированных в списках отделов ЗАГС в 2022 году, встречаются следующие имена, пришедшие из западной культуры: *Ральф* (сканд. предводитель волков), *Бенедикт* (лат. благословенный), *Уильям* (др. герм. защита), *Арнольд* (др. герм. орлиная сила), *Артур* (кельт. медведь). Следующие восточные имена тоже зафиксированы в списках: *Тимур* (тюрк. железо), *Умар* (араб. жизнь), *Амина* (араб. верная, значение), *Марьям* (араб. набожная, служащая Богу). Наша страна является многонациональной, что находит свое отражение в ее именнике.

В 2022 году в болгарской пятерке самых распространенных имен присутствуют *Александр* (греч. защитник, воин, мужчина), *Георгий* (др. греч. земледелец), *Иван* (др. иуд. помилованный Богом), *Димитар* (др. греч. посвященный богине Деметре), *Николай* (греч. побеждающий народ), *Петр* (греч. скала, камень). Среди женских имен наиболее популярными считаются *Виктория* (лат. победа), *Мария* (др. евр. желанная), *Иванка* (др. евр. помилованная Богом), *Елена* (греч. избранная, светлая, сияющая), *Джорданка* (евр. вечная), *Десислава* (болг. достигать славу), *Гергана* (др. греч. возделывает землю) и *Росица* (болг. маленькая роза). Имена Александр и Виктория стали наиболее популярными. Данную тенденцию можно объяснить тем, что в последнее время Болгария все больше подвергается процессу глобализации, что свидетельствует о социокультурной динамике в обществе. Имена Александр и Виктория несут в себе значение победы и несокрушимости. Возможно, тем самым Болгария заявляет себя как одна из великих держав с богатой историей и культурой, ее граждане стремятся принести победу/славу своей родине. Многие болгарские исследователи даже ставят под вопрос сохранение культурного наследия в антропонимах страны. На протяжении нескольких лет в национальный именник проникают такие имена, как *Глеб* (сканд. наследник бога), *Николя* (греч. победитель), *Виктор* (лат. победитель), *Мартин* (лат. принадлежащий Марсу), *Даниил* (евр. Бог-мой судья) и остаются популярными [Реестр ЗАГС].

Однако существует и другая тенденция, подтверждающая несомненное сохранение культурного наследия в имени. На пике популярности много лет остаются имена протоболгарских ханов и вождей, такие как *Борис* (слав. борец), *Симеон* (евр. услышанный богом), *Аспарух* (болг. тот, у кого сияющие лошади), *Калоян* (болг. красивый). Вместе с ними актуальны и имена славянского и греческого происхождения, такие как *Владимир* (слав. владеет миром), *Лада* (слав. супруга, милая), *Людмил* (слав. милый к людям), *Борислав* (слав. бороться за славу), *Василий* (греч. царь), которые неразрывно связаны с историей и культурой страны.

Ввиду тесных связей с Турцией и общими историческими факторами популярными остаются и имена тюркского и арабского происхождения, такие как *Мерт* (тур. мужественный), *Эмир* (араб. повелитель, вождь), *Ибрагим* (араб. родоначальник), *Аиша* (араб. женственная), *Элиф* (араб. общительная), *Фатме* (араб. отнятая от груди), *Мехмед* (тур. хвалимый).

Сохраняется и тенденция на имена древнееврейского происхождения, такие как *Мария* (др. евр. любимая, желанная), *Иван* (др. иуд. помилованный Богом), *Елизавета* (евр. мой бог-клятва), *Данаил* (евр. бог – мой судья), *Елизар* (евр. бог помог), которые несут в себе библейское начало, что чрезвычайно ценится как отражение христианской традиции в Болгарии. Можно встретить имена как православных, так и католических святых: *Амалия* (герм. труд), *Анастасий* (греч. воскрешенный), *Захар* (евр. памятный богу), *Ефим* (греч. благочестивый), *Николай* (греч. побеждающий народ), *Серафим* (евр. огненный ангел).

Большой популярностью в Болгарии всегда пользовались имена растительно-цветочного происхождения. В 2022 году данная тенденция не теряет своих позиций и довольно часто можно встретить такие онимы, как *Цветан* (болг. цветущий), *Невяна* (болг. Нюгетки), *Божур* (болг. Пи-

он), *Ралица* (болг. *Шпорник, Дельфиниум*), *Маргарита* (др. греч. *жемчужина*), *Роза* (лат. *царица цветов*), *Лилия* (лат. *Лилия*).

На сайте <https://novinar21.com/355/majki-imena-za-momche/> представлена динамика болгарского антропонимикона на последние 20 лет.

10 самых частотных имён новорождённых в 2022, 2012 и 2002 годах (в целом по Болгарии)						
№	Мужские имена			Женские имена		
	2002	2012	2022	2002	2012	2022
1.	<i>Георги</i>	<i>Георги</i>	<i>Александр</i>	<i>Виктория</i>	<i>Мария</i>	<i>Виктория</i>
2.	<i>Александр</i>	<i>Иван</i>	<i>Иван</i>	<i>Мария</i>	<i>Иванка</i>	<i>Мария</i>
3.	<i>Мартин</i>	<i>Димитър</i>	<i>Георги</i>	<i>Никол</i>	<i>Елена</i>	<i>Иванка</i>
4.	<i>Димитър</i>	<i>Николай</i>	<i>Димитър</i>	<i>Александра</i>	<i>Йорданка</i>	<i>Елена</i>
5.	<i>Иван</i>	<i>Петър</i>	<i>Петър</i>	<i>Габриела</i>	<i>Пенка</i>	<i>Йорданка</i>
6.	<i>Николай</i>	<i>Христо</i>	<i>Христо</i>	<i>Рая</i>	<i>Марийка</i>	<i>Пенка</i>
7.	<i>Никола</i>	<i>Александр</i>	<i>Тодор</i>	<i>Йоана</i>	<i>Росица</i>	<i>Маргарита</i>
8.	<i>Даниел</i>	<i>Йордан</i>	<i>Николай</i>	<i>София</i>	<i>Даниела</i>	<i>Александра</i>
9.	<i>Виктор</i>	<i>Стефан</i>	<i>Васил</i>	<i>Симона</i>	<i>Десислава</i>	<i>Виолета</i>
10.	<i>Кристъян</i>	<i>Васил</i>	<i>Йордан</i>	<i>Елена</i>	<i>Петя</i>	<i>Цветанка</i>

На сайте <https://zags.nalog.gov.ru/analytics/names> представлены наиболее популярные имена в России за последние 20 лет.

10 самых частотных имён новорождённых в 2002, 2012 и 2022 годах (в целом по России)						
№	Мужские имена			Женские имена		
	2002	2012	2022	2002	2012	2022
1.	<i>Данила</i>	<i>Александр</i>	<i>Александр</i>	<i>Анастасия</i>	<i>Анастасия</i>	<i>Софья</i>
2.	<i>Кирилл</i>	<i>Артем</i>	<i>Михаил</i>	<i>Ксения</i>	<i>Анна</i>	<i>Мария</i>
3.	<i>Никита</i>	<i>Максим</i>	<i>Максим</i>	<i>Мария</i>	<i>Мария</i>	<i>Анна</i>
4.	<i>Артем</i>	<i>Иван</i>	<i>Лев</i>	<i>Александра</i>	<i>Полина</i>	<i>Алиса</i>
5.	<i>Иван</i>	<i>Дмитрий</i>	<i>Марк</i>	<i>Елена</i>	<i>Софья</i>	<i>Виктория</i>
6.	<i>Петр</i>	<i>Даниил</i>	<i>Артем</i>	<i>Дарья</i>	<i>Дарья</i>	<i>Ева</i>
7.	<i>Егор</i>	<i>Никита</i>	<i>Иван</i>	<i>Полина</i>	<i>Елизавета</i>	<i>Полина</i>
8.	<i>Матвей</i>	<i>Кирилл</i>	<i>Матвей</i>	<i>Елизавета</i>	<i>Александра</i>	<i>Александра</i>
9.	<i>Максим</i>	<i>Денис</i>	<i>Дмитрий</i>	<i>Валерия</i>	<i>Софья</i>	<i>Василиса</i>
10.	<i>Григорий</i>	<i>Павел</i>	<i>Даниил</i>	<i>Екатерина</i>	<i>Екатерина</i>	<i>Варвара</i>

Подводя итог, необходимо отметить, что личные имена образуют сложное семантически насыщенное имя собственное, обладающее двойной, а иногда и более, мотивировкой. Антропоним в большинстве своем маркирует культурное наследие, наиболее важные исторические события, традиции и ценности каждой страны. Как мы уже убедились, данные единицы обладают экстралингвистической спецификой и богатым смысловым потенциалом (энциклопедическим значением), поэтому их важно изучать, ведь они называют объекты реальности, хранят память о том, как развивались разные страны, формировалась история и культура.

Антропонимы способны приобретать значение посредством ассоциаций с тем или иным поколением или классом людей. Окраска имени часто связана с его звучанием, а частично обу-

словлена стереотипом взрослых людей, наиболее часто носящих то или иное имя. В каждой культуре имеется общий фонд имен, находящихся в обращении. Иногда родители стараются дать необычное имя своему ребенку, такое часто бывает при смене идеологии и ценностных ориентаций, но решающую роль в том, закрепится ли новое имя, играет общество. «Имена не растут и не уменьшаются в одном измерении, подобно лацканам пиджака, но у них множество варьируемых черт: звучание их начала или коды, их этимология (древнееврейская, латинская, греческая, кельтская, англосаксонская), их буквальные значения (цветы, украшения, оружие, месяцы), их ассоциации с известными людьми» [Пинкер, 2016: 381]. Социономастика представляется интересным и многообещающим полем для исследований в русле ономастических штудий.

Список источников

1. Бондалетов В. Д. Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. — М. : Наука, 1970. — С. 17–23.
2. Новинар 21. — URL : <https://novinar21.com/355/majki-imena-za-momche/> (дата обращения: 10.04.2023).
3. Пинкер С. Субстанция мышления. Язык как окно в человеческую природу. — М. : УРСС : Либроком, 2016. — 560 с.
4. Реестр ЗАГС : информ.-аналит. портал. — URL : <https://zags.nalog.gov.ru/analytics/names> (дата обращения: 10.04.2023).
5. Щербак А. С. Ономастические категории: соотношение языковых и когнитивных структур // Вопросы когнитивной лингвистики. — № 4. — С. 78–83.
6. Ainiala T., Saarelma M., Sjöblom P. Names in focus: an introduction to Finnsih onomastics // *Studia Fennica Linguistica*. — 2016. — P. 372.
7. Socio-onomastics // *The Oxford Handbook of Names and Naming*. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — P. 771.

Сведения об авторе

Анцупова Валерия Григорьевна — студент-бакалавр, кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Е. В. Арутюнова

ПРОБЛЕМЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОПИСНЫХ И СТРОЧНЫХ БУКВ В АСТРОНОМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ

***Аннотация.** В статье выполнен обзор основных проблем описания орфографии астрономических названий: определение объекта и терминологии описания, кодификация прописных и строчных букв в трех группах астрономических названий – в лунных и марсианских астротопонимах (селенонимах и марсионимах) со словами «океан», «море», «залив», «озеро», «болото»; в словах «земля», «луна», «солнце», «вселенная»; в названиях, включающих порядковые обозначения (буквы и числа). Для каждой проблемы предлагаются кодификационные решения, они обосновываются с опорой на функциональное противопоставления собственных и нарицательных имен, исторические процессы в данной области письма и современную узуальную норму.*

***Ключевые слова:** астрономические названия; астронимы; космонимы; астротопонимы; селенонимы; марсионимы; прописная буква; правила орфографии.*

Существующие на сегодняшний день правила написания астрономических названий были составлены на ономастическом материале середины XX века, поэтому они не охватывают всего разнообразия значимых для орфографии типов названий, появившихся к настоящему времени,

вступают в противоречия с живыми орфографическими процессами и вследствие этого нуждаются в корректировке и дополнении. Рассмотрим основные проблемы написания астрономических названий, которые были обнаружены в ходе исследования в рамках подготовки полного академического описания русской орфографии.

Источниками изучения кодифицированных норм стали орфографические словари и справочники [Правила, 1956; Розенталь, 1984; Правила, 2006; РОС, 1999–2023; Академос] и др., а также труды отечественных астрономов по номенклатуре космических объектов, например [Шингарева, Бурба, 1977]. Наблюдения за практикой письма осуществлялось в астрономической и ономастической научной, научно-популярной, учебной литературе, энциклопедических изданиях, ономастических словарях, художественных произведениях, СМИ. Осмыслению лингвистической сущности орфографических явлений способствовали труды по ономастике и, в частности, астрономике (космонимике), например [Бондалетов, 1983; Карпенко, 1981; Рут, 2008], толковые словари XX–XXI веков, исследования орфографии онимов, например [Арутюнова, Бешенкова, Иванова, 2020; Арутюнова, 2023].

Сплошная выборка астрономических названий, их тематическая и структурная классификация позволили определить круг онимов, которые необходимо описать в правилах употребления прописных и строчных букв. Это названия областей космического пространства, природных космических тел и их групп (галактик, созвездий, астеризмов, туманностей, звезд, планет, спутников, астероидов, комет, метеоритов, метеорных потоков и др.), а также объектов планетной географии – деталей альbedo (темных и светлых областей на поверхности космических тел) и рельефа (кратеров, гор, равнин, областей, долин, дюн, извилин, котловин, лабиринтов, уступов, морей и др.), атмосферных явлений. Для обозначения этих типов онимов в ономастике используются термины «космонимы», «астронимы», «астротопонимы» [Подольская, 1988]. Орфографические различия между названными типами онимов обнаружены не были, поэтому целесообразно описывать их совокупно, как один массив. По этой причине, а также в связи с малой известностью специальных ономастических терминов в правилах орфографии, адресованных самому широкому пользователю, целесообразно обозначать предмет описания традиционным для орфографии сочетанием «астрономические названия». Под это понятие можно подвести более широкий круг названий — не только перечисленные природные объекты космоса, но и сложные технические устройства (телескопы, летательные аппараты), организации космической отрасли (космодромы, обсерватории), космические программы и др. На данном этапе материалом исследования стали названия природных космических объектов. Названия искусственных объектов, имеющих отношение к астрономии, могут описываться в разделах, посвященных сложным техническим устройствам, организациям, а при обнаружении специфичных принципов написания и в разделе астрономических названий.

Выбор прописной или строчной буквы в названиях природных космических объектов (как в личных именах и географических названиях) основывается на функциональном противопоставлении нарицательного имени (родового наименования, номенклатурного термина) и собственного имени (собственно названия). Первое, указывая на тип названного объекта, обозначает понятие, второе служит для выделения одного объекта из ряда подобных. Наричательные имена пишутся со строчной буквы, собственные – с прописной, например: *звезда Бетельгейзе, планета Юпитер, созвездие Южный Крест, галактика Большое Магелланово Облако, астеризм Пояс Ориона, пояс Койпера*. Рассмотрим различные случаи, когда применение этого в теории понятного принципа по различным причинам осложнено и поэтому нуждается в специальных разъяснениях и комментариях в правилах орфографии.

1. Слова *океан, море, залив, озеро, болото* в лунных и марсианских астротопонимах.

Слова *океан, море, залив, озеро, болото* в астрономии приобрели особые терминологические значения и называют объекты планетной географии Луны и Марса (селенонимы и марсионимы). Термины свободно употребляются без названий, сочетаются с несколькими названиями и имеют дефиниции. Закономерно было бы писать их со строчной буквы, например: *океан Бурь, море Москвы, залив Любви, озеро Настойчивости, болото Сна*. Однако слова *океан, море, залив, озеро, болото* в составе селенонимов осмыслялись ранее, а неспециалистами осмысляются и сегодня как компоненты названий – слова, используемые не в прямом значении (так как воды в жидком состоянии на Луне нет), и чаще пишутся с прописной буквы, например: *Океан Бурь, Море Москвы, Залив Любви, Озеро Настойчивости, Болото Сна*. Восстанавливая всю историю

«водных» селенонимов, нужно отметить, что такие названия были заимствованы в русский язык из латинского, в котором они, в свою очередь, появились в XVII веке. Изначально «водные» термины использовались в лунной топонимии в прямом значении для называния темных пятен на поверхности Луны, казавшимися водными пространствами.

В марсианских топонимах «водные» термины стали употребляться позже, чем в лунных, марсионимы менее известны и среди них много построенных по модели *прил. + сущ.*, в отличие от селенонимов, в которых порядок слов исключительно обратный: *сущ. + прил.* Все это создало условия для написания «водных» терминов в марсионимах со строчной буквы, например: *Адриатическое море, Жемчужный залив, Лунное болото, залив Прометея, озеро Феникса*. На картах Марса, кроме морей, заливов, озер и болот, есть еще проливы, например *пролив Уликса*. В современной литературе написание «водных» терминов в топонимах и Луны, и Марса колеблется, но по-разному: в селенонимах термины часто пишутся с прописной и редко со строчной, в марсионимах — наоборот.

В правилах орфографии селенонимы стали фиксироваться с 1980-х гг., «водные» термины предлагалось писать с прописной буквы в соответствии с практикой письма, например: *Море Дождей, Океан Бурь, Залив Радуги, Болото Гнили*. Сегодня для кодификации можно предложить три альтернативных решения. Первое — рекомендовать писать слова *океан, море, залив, озеро, болото* в топонимах Луны и Марса с прописной буквы, закрепив традиционные написания селенонимов и подравняв под них марсионимы (при этом встанет вопрос о проливах Марса); второе — дать противоположную рекомендацию, подведя топонимы и Луны, и Марса под правило; третье — в соответствии с частотными предпочтениями и традицией рекомендовать писать «водные» термины в марсионимах со строчной буквы по правилу, а в селенонимах — с прописной, создав для них подправило-исключение.

2. О написании слов *солнце, луна, земля, вселенная*.

До середины XX века нормативным было написание слов *солнце, луна, земля, вселенная* со строчной буквы во всех значениях (см., например, соответствующие статьи в толковых словарях [Ушаков, 1935–40; Ожегов, 1949]). Слова *луна* и *солнце* осмыслились прежде всего как обозначения уникальных небесных светил, *земля* и *вселенная* — как место жизни человека и всего живого, весь обитаемый мир под небесной сферой (ср. *подлунная, подсолнечная, ойкумена*). Написание со строчной буквы слов *солнце, луна, земля, вселенная* было обусловлено тем, что они не служили для выделения объектов из ряда подобных, то есть не обладали индивидуализирующей функцией, и, соответственно, представляли собой нарицательные существительные. Таковыми они и остаются, если предмет нашей речи не выходит за рамки традиционной народной картины мира:

– *Дул очень сильный и холодный ветер, а солнце сияло* (В. П. Аксенов). *Князь Игорь увидел в пути затмение солнца;*

– *И между тем луна сияла / И томным светом озаряла / Татьяна бледные красы* (А. С. Пушкин). *В Норвегии все еще можно встретить людей, которые, заготавливая дрова, ориентируются на фазы луны* (из газ.);

– *Все говорят: нет правды на земле* (А. С. Пушкин). *Ирина вдруг подумала, что земля с людьми – тоже муравейник* (В. С. Токарева). *На Русь за невестами ездят со всех концов земли* (В. Г. Распутин). *Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле* (А. Т. Твардовский);

– *Всю-то я вселенную проехал, / Нигде я милой не нашёл* (из русской народной песни). *Воздух так ясен и прозрачен, что если взобраться на голубятню, то, кажется, увидишь всю вселенную от края до края* (А. П. Чехов). *Дай бог, чтобы во всей вселенной / Воскресли мир и тишина* (А. И. Куприн).

Написание слов *солнце, луна, земля* в других «нарицательных» значениях (*солнце* ‘свет, тепло’, *луна* ‘любой естественный спутник’, *земля* ‘почва’ и др.) не вызывает трудностей, поэтому в настоящей статье не рассматривается. Трудности написания вызывают фразеологизмы со словами *солнце, луна, земля, вселенная*. Семантический и этимологический анализ фразеологизмов показывает, что они отражают исторические народные представления о мире и поэтому слова *солнце, луна, земля, вселенная* правильно писать в них со строчной буквы, например:

– *на таких людях земля держится, земля слухом полнится, пуп земли, стереть с лица земли, спуститься с небес на землю, соль земли, земля обетованная* (место, страна, куда страстно стремятся; ср. *Земля обетованная* – Палестина);

– как с луны свалился, луну с неба достать, ничто не вечно под луной, выть на луну, как до луны;

– найти место под солнцем, и на солнце есть пятна, по солнцу (по положению солнца на небе), до солнца (до восхода солнца);

– на всю вселенную (очень громко), вселенная в алфавитном порядке (о словарях).

Изменение представлений человека об устройстве космоса, распространение научной картины мира, в которой наша планета и главные небесные светила выступают как объекты космического пространства, повлекло за собой переосмысление функции называющих их слов: они стали служить для выделения объектов из ряда однородных (планет, спутников, звезд) и таким образом приобрели индивидуализирующую функцию, пополнив класс собственных имен. Изменение функции вызвало – хоть и с некоторым опозданием, характерным для орфографии в целом, — изменение написания, например: *Рассчитать время обращения Луны вокруг Земли. Астрономы зафиксировали новую вспышку на Солнце. Новая теория происхождения жизни на Земле. Изучать строение Земли. Атмосфера и гидросфера – внешние оболочки Земли. Отдельные науки о Земле РАН.*

Новая норма написания слов *Земля, Луна, Солнце* при обозначении ими объектов космоса была закреплена правилами орфографии с середины XX века (см., например, [Былинский, Никольский, 1949; Правила, 1956]) и нашла отражение в толковых и орфографических словарях (см., например [Ожегов, 1960; МАС, 1981; Розенталь, 1984; РОС, 1999]).

Слово *вселенная* приобрело новое, более широкое значение, включившее в себя всё открывшееся перед человеком мироздание, оказавшееся значительно больше изначально известного земного мира. В этом космическом значении слово стали устойчиво писать с прописной буквы, хотя оно не обладает всеми признаками собственного имени. Орфографическую новацию кодифицировали словари [Розенталь, 1984 и след.; РОС, 1999 и след.] и поддержали толковые, например [Ожегов, 1991].

Анализ практики письма слов *солнце, луна, земля, вселенная* выявил две орфографические проблемы. Первая — нейтрализация в конкретных текстах значений слов в парах типа *Земля* и *земля*. Например, в предложениях *Только б ты [Москва] осталась лучшим на планете, / Самым справедливым городом земли* (Н. Н. Добронравов) и *Псоглавцев встречали во все времена по всей земле, кроме Австралии и Антарктиды* (А. В. Иванов) слово *земля* означает ‘наш мир’ и записывается со строчной буквы, но в соседстве со словом *планета* или названиями материков оно вполне может быть осмыслено как название планеты и записываться с прописной буквы.

Вторая проблема — тенденция к расширению употребления прописной буквы в тех случаях, когда правильна только строчная, например: *С нами как раз ездил съемочная группа, ребята делают фильм о жителях края Земли* (газетный подкорпус НКРЯ). *Исследователи полагают, что в городе и вокруг него проживали порядка тысячи человек, которые поклонялись богу Солнца Инти, возделывали новые земли* (газетный подкорпус НКРЯ). *Воздух так ясен и прозрачен, что если взобраться на голубятню, то, кажется, увидишь всю Вселенную от края до края* (А. П. Чехов, по [БАС, 2004: 253]).

Выявленные проблемы показывают, что в правилах орфографии необходимо уточнить критерии выбора написания в парах *земля* и *Земля, луна* и *Луна, солнце* и *Солнце, вселенная* и *Вселенная*, подобрать представительный иллюстративный материал, включив туда фразеологизмы, а также дать рекомендации об оценке нормативности написания в случаях нейтрализации значений. Правила должны быть нацелены на предотвращение экспансии прописной буквы.

3. О названиях, включающих порядковые обозначения.

В названиях космических объектов могут входить порядковые обозначения в виде цифр и букв латинского или греческого алфавитов, например: *α Центавра, S Золотой Рыбы, EZ Водолея А, RR Лир, W Девы, Сириус А, Сириус В, R Кассиопеи, OU Андромеды, V398 Возничего, 60 Андромеды, 15 Большой Медведицы, комета Темпеля 1, комета Темпеля 2*. Буквы греческого алфавита (чаще в неспециальной литературе) могут записываться словом. В правилах орфографии была закреплена норма, сложившаяся в узусе к середине XX века, — писать порядковые обозначения светил, выраженные словом, со строчной буквы, например: *альфа Малой Медведицы, бета Весов* (см. [Правила, 1956; Розенталь, 1984; Правила, 2006]). Однако данная норма оказалась неустойчивой, что отчасти было обусловлено малой известностью букв греческого алфавита,

следующих после *дельты*. Постепенно в названиях звезд, а также в соотносимых с ними названиях метеорных потоков, первое слово стали писать по правилу с прописной буквы в текстах всех стилей: *звезды Альфа Центавра, Тау Кита, Омега Дракона, Нью Козерога; метеорные потоки Альфа-Центавриды, Дельта-Леониды, Гамма-Нормиды, Эта-Аквариды* (ср. с топонимами, включающими порядковые числительные, например: *Первый Курильский пролив, Вторая Тверская-Ямская улица* [Арутюнова, Бешенкова, Иванова, 2020]). В правилах орфографии написание астрономических названий, включающих буквы греческого алфавита, необходимо привести в соответствие с современной узуальной нормой.

Список источников

1. Академос : орфограф. акад. ресурс. — URL : <https://orfo.ruslang.ru> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Арутюнова Е. В., Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Прописные и строчные буквы в географических и административно-территориальных названиях: академические правила русской орфографии // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17, № 2. — С. 256–277.
3. Арутюнова Е. В. Орфография астрономических названий. К постановке проблемы // Актуальные проблемы преподавания естественно-научных и гуманитарных дисциплин. Ч. 1 : Гуманитарные дисциплины : сб. науч. ст. — Смоленск : ВА ВПВО, 2023. — С. 10–22.
4. Большой академический словарь русского языка — М. : Наука ; СПб : Наука, 2004–2005. — Т. 3 : Во — Вящий. — 664 с. (БАС).
5. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. — М. : Просвещение, 1983. — 224 с.
6. Былинский К. И., Никольский Н. Н. Справочник по правописанию и пунктуации для работников печати. — М. ; Л. : Гизлегпром, 1949. — 142 с.
7. Карпенко Ю. А. Названия звездного неба. — М. : Наука, 1981. — 183 с.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. — М. : Рус. яз., 1981–1984. (МАС).
9. Национальный корпус русского языка. — URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.05.2023) (НКРЯ).
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М. : ГИС, 1949. — 968 с.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : ГИС, 1960. — 900 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Рус. яз., 1991. — 917 с.
13. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 187 с.
14. Правила русской орфографии и пунктуации : утв. Акад. наук СССР, М-вом высш. обр. СССР и М-вом просвещ. РСФСР. — М. : Учпедгиз, 1956. — 175 с.
15. Правила русской орфографии и пунктуации : полный академ. справ. : одобрен Орфограф. комиссией РАН / отв. ред. В. В. Лопатин. — М. : Эксмо, 2006. — 478 с.
16. Розенталь Д. Э. Прописная или строчная : опыт словаря-справочника. — М. : Рус. яз., 1984. — 327 с.
17. Русский орфографический словарь / отв. ред. В. В. Лопатин. — М. : Азбуковник, 1999. — 1260 с.
18. Руг М. Э. Образная номинация в русской ономастике. — 2-е изд., стер. — М. : URSS : ЛЕНАНД, 2019. — 192 с.
19. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М. : Сов. энц. : ГИС, 1935–1940.
20. Шингарева К. Б., Бурба Г. А. Лунная номенклатура. Обратная сторона Луны, 1961–1973 гг. — М. : Наука, 1977. — 56 с.

Сведения об авторе

Арутюнова Елена Вячеславовна — к.филол.н., старший научный сотрудник отдела культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия).

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Орфография ономастических единиц имеет своеобразные аспекты. Существующие общие орфографические принципы азербайджанского языка применимы и здесь. Малейшие ошибки, допущенные при изменении написания ономастических единиц, иногда могут стать причиной больших проблем. В городах и селах Азербайджана можно найти искажения ономастических единиц, написанных на настенных табличках. По существующим орфографическим правилам в азербайджанском языке первая буква всех специальных имен, кроме названий людей, родов, племен, пишется с прописной буквы. Иногда географические названия наносятся на карты в искаженном виде. До сих пор до конца не решены проблемы, связанные с правилами транскрипции и транслитерации заимствованных ономастических единиц, используемых в азербайджанском языке.

Ключевые слова: Азербайджан, орфография, правила, ономастические единицы.

Введение

Орфографические правила составляются на определенных научных основаниях и в целом представляют собой регламентированные законом нормы письменной речи. Все проблемы, связанные с орфографией, постоянно находятся в центре внимания ученых.

Как и в апеллятивной лексике, написание и произношение ономастических единиц также своеобразны. Эти вопросы, как особый объект исследования в азербайджанском языкознании, до сих пор не решены в должном направлении и качестве. Орфографические и орфоэпические особенности ономастических единиц в современном азербайджанском языке, роль ударения, приспособление присвоенных и привнесенных ономастических единиц к грамматическим нормам азербайджанского языка, исследование происхождения древних ономастических единиц и др. являются одним из вопросов.

Есть такие ономастические единицы, которые используются в международном масштабе и на азербайджанском языке они пишутся совсем по-другому. Особенности приобретения ономастических единиц. Сложный процесс проявляется в их написании и произношении. Есть такие ономастические единицы, которые используются на международном уровне и на азербайджанском языке они пишутся совсем по-другому. Орфография ономастических единиц имеет своеобразные аспекты. Орфография ономастических единиц уникальна имеет аспекты. Существующие общие орфографические принципы азербайджанского языка применимы и здесь. Все имена собственные пишутся с большой буквы.

В изучении ономастических единиц и получении научных результатов велика роль их письменных форм. Иногда ономастические единицы испытывают внутриязыковое (внутри языка) и внеязыковое (внешнее) воздействие и меняют свое написание в процессе исторического развития. Одна из основных причин этих изменений связана с их произношением. Помимо вариаций имен собственных, есть еще вариации, связанные с произношением.

Малейшие ошибки, допущенные при изменении написания ономастических единиц, иногда могут стать причиной больших проблем. В городах и селах Азербайджана можно найти искажения ономастических единиц, написанных на настенных табличках. Одним из важных вопросов при написании ономастических единиц является определение их единообразной письменной формы. Этот вопрос следует тщательно продумать, особенно при написании топонимов и палеотопонимов. Т. Ахмедов пишет об этом: «Они (имена) образованы на основе лексико-грамматических правил языков народов, к которым принадлежат, живут долго, переходя из языка в язык, из поколения в поколение. Хотя определенная часть этих названий изменяется в связи с социально-экономическими условиями жизни и одно сменяется другим, большой группой народов, исторически существовавших на определенной территории и существующих

в настоящее время, потеряны приобретённые ими в прошлом, — культура, хозяйство, общественное и социальное положение, обычаи жизни как памятники, отражающие их традиции, а также отдельные черты их языков, которые исчезли и стали архаичными [Ахмедов, 1985: 3].

В результате несоблюдения некоторых орфографических требований возникают неприятные ситуации при написании ономастических единиц. В печати, картах, книгах и журналах ошибки в написании имен собственных встречаются и сегодня. Малеишие ошибки, допущенные при изменении написания ономастических единиц, иногда могут стать причиной больших проблем. В селах Азербайджана иногда встречается искаженное написание ономастических единиц на настенных табличках.

При историко-лингвистическом изучении ономастических единиц их правильное написание является одним из основных факторов на которые делается ссылка. В орфографической системе существуют определенные правила относительно ономастических единиц, занимающих особое место в лексике языка. Известно, что ономастические единицы различны по смыслу и структуре. Поэтому правила раздельного, слитного и дефисного написания распространяются и на ономастические единицы. В азербайджанской орфографии такое правило установлено для имен собственных.

Фонетические явления и закономерности в азербайджанском языке нашли свое отражение и в ономастических единицах нашего языка. Например, Авуш-Хавуш (Шарурский район), Сабир-Сабирканд (Ордубадский район), Дар-Дарканд (Ордубадский район), Арынч-Айрынч (Шахбузский район), Нурс-Нурсу (Шахбузский район), Орудж-Диза-Калбаорудж-Диза (Бабекский район) и т. д. Это неправильно, потому что другие Дизы объединены (Наджафли Диза-Наджа-флидиза) а это написано отдельно [Алибекова, 2016: 20].

Известно, что все личные имена, народы, племена, родовые названия, топонимы и гидронимы, космонимы и зоонимы, ктематонимы являются специальными именами. По существующим орфографическим правилам в азербайджанском языке первая буква всех специальных имен, кроме названий людей, родов, племен, пишется с прописной буквы. Однако сегодня мы являемся свидетелями того, что названия народов, племен, племен иногда неправильно пишутся с большой буквы.

Приобретение правописания ономастических единиц эта область требует особой точности и контроля, поэтому при использовании имен собственных, принадлежащих другим народам следует учитывать внутренние закономерности, требования и особенности родного языка. Исходя из этого необходимо добиться единых принципов в правописании. Правописание ономастических единиц требует учета их специфических особенностей.

Наименования населенных пунктов и административно-территориальных единиц в новое время утверждаются законодательным органом государства. Имена, как и фамилии, официально подтверждаются в органах ЗАГС. К сожалению, в Азербайджане одно и то же имя человека может писаться по-разному. Например, Земфира-Зенфира, Юнис-Юнус, Гамбар-Ганбар и др. В правописании некоторых топонимов есть заслуживающая внимания проблема. Некоторые имена собственные, такие как Гейгёль, Маралгёль и т. д., пишутся слитно, некоторые через дефис, а некоторые раздельно. Мы обнаруживаем, что ономастическая единица Гейтюрк пишется в двух формах (Гойтюрк и Гой тюрк).

Исторические источники имеют большую роль в восстановлении первоначальной формы географических названий, которые изменили свою форму и сохранились в современной азербайджанской топонимии, отошедшей от прежней формы написания. Люди играют роль в изменении ономастических единиц из одной формы в другую. «Село Атьемезли, расположенное в Агдамском районе, в советское время было искажено в форме Этьемезли и не исправлено до сих пор. Это географическое название, искаженное в форме Атьемезли, на самом деле является этнотопонимом, связанным с названием племени Атьемез (Атьемезли — ветвь племени Карвандли, входящей в группу племен Кабирли) и означает «те, кто не ест конину». [Энциклопедический словарь азербайджанских топонимов, 2007: 64].

Например, топонимы на основе этнонима афшар звучат по-разному в зависимости от места распространения. Существуют фонетические варианты этнонима, такие как авшар, афшар,

овшар, афшар. Афшары — одно из древнейших тюркских племен, участвовавших в формировании этногенеза азербайджанского народа. Даже сегодня существует множество географических названий, связанных с афшарским этнонимом. Племена, мигрировавшие из одной области в другую в разные периоды, иногда брали название местности, в которой они жили раньше, и оставляли ее в том месте, где они поселились. В то время местные племена, жившие в этом районе, произносили эти имена по-разному, поэтому появлялись новые варианты этих имен. В целом ареальные ономастические единицы, в частности топонимы, следует изучать не только на территории нашей республики, но и в связи с названиями ряда племен и племен, проживавших на территории других государств.

Иногда географические названия наносятся на карты в искаженном виде. Основная причина этого в том, что звуки в системе алфавита одного языка не находятся в системе алфавита другого языка. Поэтому невозможно правильно транслитерировать эти имена. Например, на русскоязычных картах вместо Учтепе в Азербайджане пишется Оштепе, вместо Биладжари пишется Баладжары.

Заключение

Произношение топонимов в разговорном языке адаптировано к диалекту и особенностям эпохи. Это иногда мешает определить правильную форму топонимов. При исследовании топонимов следует обращать внимание на их произношение, учитывать их написание в древних источниках. До сих пор до конца не решены проблемы, связанные с правилами транскрипции и транслитерации заимствованных ономастических единиц, используемых в азербайджанском языке. Сегодня этот важный вопрос ждет своего принципиального решения

Список источников

1. Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti. — Bakı : Şərq-Qərb, 2007. — I c. — 304 s. [Энциклопедический словарь азербайджанских топонимов. — Баку : Восток-Запад, 2007. — I т. — 304 с.]
2. Əhmədov T. M. Azərbaycan paleotoponimiyası. — Bakı : ADU, 1985. — 87 s. [Ахмедов Т. М. Палеотопонимия Азербайджана. — Баку : АГУ, 1985, — 87 с.]
3. Əlibəyova Z. Azərbaycan onomastikasının orfoqrafik və orfofonik məsələləri : avtoref. — Bakı, 2016. — 24 s. [Алибекова З. Орфографические и орфоэпические вопросы азербайджанской ономастики : автореф. — Баку, 2016. — 24 с.]

Сведения об авторе

Бахшиева Гунзала Лятиф кызы — д.филол.н., главный Научный сотрудник отдела «Топонимия» Института языкознания имени Насими Национальной Академии наук Азербайджана (Баку, Азербайджан)

М. Ю. Беляева

АВТОРСКИЕ ЛИНГВОНИМЫ: СТАТУС И ОНОМАСТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ВЫМЫШЛЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье поднимаются вопросы о статусе вымышленных языков — лингвонимов и их сопровождения — этнонимов, катойконимов. Описывается лингвистический эксперимент, целью которого служит выявление структурно-семантических особенностей лингвонимов, их места в фонетической и морфологической классификациях языков. Чаще всего в качестве эталона выступает родной русский язык опрошенных. Эффект «остранения» достигается за счёт имитации языков животных, мифических существ, в т. ч. из популярной фэнтези-литературы и фильмографии.

В качестве ономастического сопровождения лингвонимов выступают хоронимы и катойконимы. Несмотря на активное использование супплетивизма, сопоставление хоронимов — этнонимов — лингвонимов выявило доминирование «триад», где все слова относятся к однокорневым. Многочисленны морфологические явления при словообразовании от хоронимов.

Ключевые слова: ономастика, лингвоним, этноним, хороним, конланг.

Доказательством «открытости» (Ч. Хоккет) и «бесконечной креативности» языка (Н. Хомский) [Филд, 2012: 190–191] как его основообразующих свойств служат примеры лингвонимов — авторских, вымышленных названий языков (*нибблер, руо, тартутский, тринди, «алья-красота»* и др.).

Количество проектов вымышленных языков за всю историю человечества огромно, насчитывает более 2000 упомянутых и ещё несколько тысяч неизвестных обществу; в XX–XXI вв. их число «без учета любительских проектов приблизилось к сотне» [Буданова, 2020]. Нами были проанализированы образцы вымышленных языков, представленные студентами-гуманитариями на внутривузовский конкурс «Я придумал язык» (29 работ). Наиболее простой и наглядный вид девиаций, воспринимаемый воображением, заключается в изменении размеров, количеств и параметрических пропорций исходного. Чаще всего в качестве образца фигурировал родной русский язык. Помимо русского («АЛЯ-КРАСОТА», *Тошисия* и др.), были привлечены индоевропейские языки («*Нибблер*, язык латино-фалисской ветви итальянских языков, очень схож с латинским языком»); семитские или хамитские («*марагорский* напоминает языки африканских государств»), языки кликсов у аборигенов Австралии или Южной Африки, койсанские (готтентотский, бушменский) на юге Африки (*кликбумский*).

С точки зрения фонетической типологии были представлены языки вокалические (а), консонантные (б) и авторские — смешанного типа (в):

а) *руо* (50% гласных звуков), *антанезийский* (24 гласных, 16 согласных);

б) консонантные: *инитийский*: 5 гласных, 28 согласных; *соглаский*: 21 согласный, гласных нет; *венатрийский*: 4 гласных, 12 согласных; *баларыскы*: 3 звука, все согласные ([з],[ж],[с]) (исключение: название страны *Баларысы* и языка);

в) *лумповый*: 2 гласных, 3 согласных и 15 гласно-согласных.

С позиций морфологической типологии языка делились на:

а) флективные: *Белорский, кликбумский, Марагорский, Норцкий, соглаский, Таузалиангвийский*;

б) агглютинативные: *Нибблер*: У прилагательных окончание [ый] или [ий] заменяется на [тыш]: *милтыши, Тошисия*: «У личных местоимений в конце добавляется Ф (*яф, тыф, мыф, онаф, ониф*)»; *Ивиланифанахи, руо, Тринди, «АЛЯ-КРАСОТА»* имеют форму существительных / прилагательных с нулевым склонением.

По характеру письменности выделялись

а) иероглифические языки: *агродинский*: печатные и прописные буквы у них одинаковые и различия не имеют. Буквы состоят из набора черточек и снежинок; *норцкий*: «Каждый символ особенный, в некоторых из них можно заметить разные фигуры: змеи, дракона, рыбы, кинжала, посоха»;

б) звуко-буквенные языки: *цинтрийский*: 6 гласных, 21 согласная буква (27 букв); *тартутский*: 4 гласных, 21 согласная (26 букв); *погарский*: 15 гласных, 10 согласных букв (25 букв); *таузалиангвийский*: 4 гласных буквы, 14 согласных (18 букв) и др.

Для называния вымышленных языков чаще использовались заглавные буквы алфавитов.

Если в русской языковедческой традиции названия языков относят к апеллитивам, причём амбивалентно к предметным и признаковым (существительным и прилагательным), то, например, в болгарском языкознании термин «лингвоним» (или его синоним «лингвонимен») распространён на собственные имена как «название на язык (племенен, народностен, национален, книжовен); име на език» [Балкански, 2010: 230].

Термины «лингвоним мистификат», «лингвоним фалшификат», «лингвоним призрак», которыми оперируют болгарские ономасты, излишне узки для анализируемых нами феноменов: ими маркируются не собственно языки, но диалекты или иные части единого языка как отдельные языки, «обикновено създавано с политически, националистически цели» [Балкански, 2010: 230–231]. Можно подчеркивать ту или иную сторону явления, применяя термины «искусственные», или «виртуальные» (будучи моделями, таковыми являются все языки без исключения),

или «вымышленные», «авторские», наконец, «*плановые*» (в нашем эксперименте таковые невозможны по определению). В последнее время фонд языкознания пополнился такими востребованными терминами, как «конланги» (англ. ‘constructed language’), «артланги» — фантастическая разновидность последних для литературы, игр и кино [Буданова, 2020].

Вопрос о лингвистическом статусе названий языков аналогичен вопросу о природе этнонимов. В русской языковедческой традиции этнонимы чаще причисляют к апеллятивам, равно предметным и признаковым (существительным и прилагательным) (А. В. Суперанская, Н. В. Подольская), реже — к онима́м (В. А. Никонов, А. А. Белецкий) [Поляков, 2016]. «Третий путь» в решении проблемы сводится к акцентированию промежуточного характера этнонимов («слова ... не совсем апеллятивного типа» [Бондалетов, 1983: 102]), зависимости их статуса от контекста (В. И. Супрун). При кардинально ином подходе к проблеме взамен сомнительной дихотомии в научный обиход вводятся *идентони́мы* — имена, идентифицирующие человека с точки зрения принадлежности к этнической общности, цивилизации, культуре, религии, территории проживания, языку, как [Поляков, 2016: 16]. Определения катооиконима эволюционировали от «номен для обозначения жителей по названию места жительства» [Подольская, 1978: 64–65] до проапеллятивного «нарицательное именование жителей ...», что не помешало включению их в оба издания словаря *ономастической терминологии*.

В любом случае подобные образования характеризуются как *потенциальные* — если исходить из того, что каждый язык должен иметь уникальное название в своем этническом сообществе. Признаки, отграничивающие окказиональные слова от канонических, на сегодняшний день хорошо известны [Лыков, 1976: 39, 68], однако границы между ними в русистике нечётки. Окказиональное и потенциальное обладает оборачиваемостью ролей, зависимостью от воспринимающего субъекта. Так, лингвонимы экзотических народов и племён реальны для носителей данных языков и одновременно окказиональны для европейцев. Это доказывают примеры этнонимов (по большей части совпадающие с названием языков), извлечённые нами из жизнеописаний прославленных путешественников: Карло Гуармани, итальянца, исследовавшего Северную Аравию: *алейдан, атайба, бени сахр, валял сулейман, руала, рука, шаммар, этейм*; Георга Августа Швейнфурта, немецкого исследователя Центральной и Восточной Африки: *азанде (ням-ням), бонго, монбутту (манбету)*; Льюиса Мериветера, американца, проследившего всё течение р. Миссури в Северной Америке: *манданы, осейджи, сиу (махасы), рикари (ри), шошоны* и мн. др. [100 великих путешественников: 235–488]. Неоткрытые и не исследованные доселе лингвонимы потенциальны для чужих языков.

В качестве ономастического сопровождения лингвонимов обычно выступают хоронимы и катооиконимы. Сопоставление хоронимов — этнонимов — лингвонимов в нашем материале выявило доминирование триад, где все слова принадлежат к однокорневым: *Агродин — агродинцы — агродинский, Венатра — венатрийцы — венатрийский, Фрогия — фроги — фрогский* и др. Многочисленны морфологические явления при словообразовании от хоронимов — усечения производящих, интерфиксация: *Умпolandия, умполумпы — лумповый, Кинтарра — кинтarrарейцы, кинтarrарийский, Тартуна — Тартутейцы — тартутский* и проч.

Сопоставление названий территорий / стран (хоронимов) — этносов (этнонимов) — языков (лингвонимов) выявило доминирование моделей, где все слова являются однокорневыми (62 % «триад»): *Баларыс — Баларысы — Баларыскы, Крас — красавчики — АЛЯ Красота, Погар — погарчане — погарский* и др.

Для представителей этносов типичен суффикс -ец / -цы (иногда в женском роде -ка), для названий языков — -ск (ий): *Скафни — Скафонцы — Скафонский, Таузалиангва — таузалиангвийцы — таузалиангвийский, Эуставмия — эуставмыцы — эустамский*.

13,8 % «триад» составили реализации образцов по способу супплетивизма, когда один из компонентов «триад» отличался от остальных основой или корневой морфемой. Отличия проявлялись в названии стран (*Солнечный остров — белорцы, белорусский, Безгласность — согласики, согласный*), языков (*Мурчания, мурчики — мурмурский*); 10,3 % приходится на модели «хороним — катооиконим», где не указаны лингвонимы (*Антанезия — антанезийцы*) (а), «хороним — лингвоним», где не указаны этносы (*Мурия — мурийский, марагоры — марагорский*) (б). 10,3 % триад составляют авторские названия языков, разнокорневые как по отношению к этнонимам,

так и к хоронимам в модели «страна — этнос — язык»: *Эйлинггейм — фолкмаги — ивилани-фанáхи*. Супплетивны пары «хороним — лингвоним»: *Руо — руут, Этерниум — ниблер*.

Эффект «остранения» достигается за счёт имитации языков животных: пчел, котов, лягушек (*баларыс, мурмурский, фрогский*); мифических существ: вампиров, ведьм, гномов, эльфов, русалок (*рубресальский, тартунский, мурсийский, кинтаррийский, белоруский, русальянский*), в т. ч. из популярной фэнтези-литературы и фильмографии: *умполумпы* из к/фильма «Чарли и шоколадная фабрика», *хоббиты* из произведения Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно», княжество *Цинтра* из эпопеи А. Сапковского о Ведьмаке Геральте (*лупмовый, хоббитский, цинтрийский*).

Эксперимент по «производству» вымышленных языков показал: ономастическое сопровождение языков проявляется в том, что в сознании говорящих лингвоним тесно связан как минимум с одним из компонентов номинации — хоронимом и (или) катойконимом, а чаще с обоими. Использование большинством участников конкурса заглавных букв для лингвонимов свидетельствует, на наш взгляд, о восприятии данных образований как уникальных, т. е. имен собственных.

Список источников

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика : учеб. пособие для студентов пед. вузов. — М. : Просвещение, 1983. — 224 с.
2. Буданова Д. Искусственные языки. От эсперанто до клингонов // Мир фантастики. — 2020. — № 234. — URL : <https://www.mirf.ru/science/iskusstvennye-yazyki-conlang/> (дата обращения: 26.05.2023).
3. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (Русское окказиональное слово). — М. : Высш. шк., 1976. — 118 с.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1978. — 199 с.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 193 с.
6. Поляков А. С. К вопросу о содержании понятия «этноним» // Вестник Костромского государственного университета. — 2016. — № 4. — С. 125–129.
7. 100 великих путешественников / авт.-сост. И. А. Муромов. — М. : Вече, 2003. — 656 с.
8. Филд Д. Психоллингвистика: ключевые концепты : энцикл. терминов с англ. эквивалентами / пер. с англ. — М. : Изд-во ЛКИ, 2012. — 344 с.
9. Балкански Т. Г, Цанков К. Энциклопедия на българската ономастика : към основите на българската ономастика / Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий». — Велико Търново : Фабер, 2010. — 550 с.

Сведения об авторе

Беляева Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани (Славянск-на-Кубани, Россия).

Н. В. Васильева

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В МЕТАЯЗЫКЕ ОНОМАСТИКИ

Аннотация. *Статья посвящена метафорическим (образным) терминам в метаязыке ономастики, число которых весьма невелико по сравнению с основным корпусом ономастических терминов, носящих классификативно-денотативный характер и определяющих облик ономастической терминосистемы. Образные термины на облик терминосистемы не влияют, однако они вносят существенный вклад в способ описания и представления ономастических объектов, выполняя важную для термина инструментальную функцию.*

Ключевые слова: *терминология ономастики, метафорические термины, метаязык описания, концептуальная метафора, инструментальная функция термина*

Терминология современной ономастики обладает рядом особенностей, которые во многом определяют ее облик. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению метафорических (образных) терминов, следует на этих особенностях кратко остановиться. Это позволит увидеть, в каких именно подсистемах терминологии ономастики такие термины возникают, а также попытаться дать этому объяснение.

Как хорошо известно, ономастическая терминология является частью лингвистической терминологии, однако довольно специфической ее частью. Как правило, лишь малое количество ономастических терминов включается в словари общелингвистической терминологии, их можно условно обозначить как «ономастический терминологический минимум», ср. сам термин *ономастика*, термины *антропоним*, *гидроним*, *топоним*. Большинство ономастических терминов носит узкоспециальный характер и находит отражение лишь в соответствующих специализированных словарях, каким для русского языка является «Словарь русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской. К двум изданиям этого словаря мы обратимся ниже [Подольская 1978; 1988].

Ономастическая терминология в целом представляет собой довольно замкнутую систему, основную часть которой составляют термины, носящие **классификативно-денотативный характер**: это термины для обозначения имен многочисленных денотативных объектов, которые попали (и продолжают попадать) в поле внимания исследователей-ономатологов. Они создаются по единой терминологической модели *N+оним* из интернациональных терминоэлементов, поэтому их сразу можно исключить из числа кандидатов в образные термины. Для анализа оставшегося массива терминов обратимся в первом и второму изданию Словаря Н. В. Подольской. В первом издании [Подольская 1978] обнаруживаются следующие термины, которые можно отнести к образным (кавычки в терминах авторские, они важны как один из маркеров образности): «*ономастический язык*», *ономастическое поле*, *топонимический ландшафт*, *топоним-«прозвище»*, «*говорящее*» *имя* («*говорящий*» *антропоним*, «*говорящий*» *топоним*), «*новое*» *имя*, «*обманное*» *имя*. Во втором издании Словаря [Подольская 1988] присутствует следующий набор: *анатомическая лексика*, *говорящее имя* (*говорящий антропоним*, *говорящий топоним*), «*малых типов*» *метод*, «*новое*» *имя*, *обманное имя*, *топонимный «спектр»*. Сравнение показывает, что во втором издании автор употребляет меньше кавычек для образных терминов, оставляя их для условных терминов («*малых типов*» *теория*). Во втором издании исчез «ономастический язык», понимаемый как «единственный сохранившийся от исчезнувшего языка письменный текст, состоящий из имен собственных, без контекста, без парадигм» [Подольская 1978: 103]. В числе новых появился термин *топонимный «спектр»*, который определяется как «весь комплекс названий данной территории с точки зрения различий их языкового происхождения» [Подольская 1988: 137].

Таким образом, обращение к классическому источнику для анализа терминов — лексикографическому — выявило весьма малое количество образных терминов в ономастической терминологии для периода до 90-х гг. XX в. Следует добавить, что в Словаре отсутствуют термины литературная ономастика (кроме термина *поэтоним* во втором издании), поскольку фиксация метаязыка этой области ономастики не входила в задачи Н. В. Подольской. Тем не менее, для нас эти наблюдения очень важны, поскольку Словарь Н. В. Подольской как первый системный словарь «сохраняет непреходящую ценность до настоящего времени, на него опираются в своих исследованиях современные исследователи русской ономастики» [Супрун 2011: 134].

Словарь как научный жанр, согласно терминоведческой традиции, относится к одной из терминологических сфер — **сфере фиксации**. Другую сферу — **сферу функционирования терминов** — формируют различные типы текстов, в которых встречаются термины. Обращение к многочисленным научным текстам в области ономастики за последние два десятилетия с целью обнаружения образных терминов, позволило сделать наблюдения, которые далее перечислим.

1. Одним из важных категориальных различий терминов (не только в ономастике) является различие **терминов для объектов** и **терминов для способов описания объектов** [Васильева 2014: 120–122]. Для ономастики первые, как уже говорилось, составляют основной массив терминов, в которых отсутствует образность. Вторая категория терминов демонстрирует разнообразие и возможность образности. Так, в области этнолингвистического изучения собственных имен в связи с методикой извлечения этнокультурной информации Е. Л. Березович предложила термины *семантическая вертикаль* и *семантическая горизонталь* [Березович, 2007: 60 сл.].

Семантическая вертикаль создается иерархией семантических пластов — от поверхностных до глубинных. Наиболее явный и доступный для этнолингвистического изучения уровень вертикальной семантики — уровень мотивационного значения имени: *Тещина тропа* — тропинка, по которой парни бегали к теще не блины. Семантическая горизонталь — это способность имени вступать в деривационные процессы и семантическое «рассеивание» имени, а также продвижение имени в другие семантические коды и прецедентность имени. Ср. *Париж* — как прозвище красивого парня [там же]. Термины *семантическая вертикаль* и *семантическая горизонталь* заключают в себе образность, коррелирующую со способом представления ономастической семантики (признаки «иерархия», «пласты», «рассеивание»).

2. Новая жизнь «старых» метафорических терминов — так можно назвать актуализацию термина *ономастический/онимический ландшафт* в ономастических работах последних двух десятилетий. В издании [Подольская, 1978: 101] присутствует термин *ономастический ландшафт* в значении ‘спектр ономастических типов, представленных на данной территории’, с отсылкой на *топонимический ландшафт* как частный случай, т.е. в трактовке этого термина присутствует пространственно-территориальная составляющая. Появившийся в исследованиях ономастологов последних лет термин *ономастический ландшафт* расширил свое значение и свою образность: помимо топонимической сферы, где он сохраняет связь с понятием ландшафта в географии, этот термин употребляется для представления антропономической и социоономастической сфер, обозначая некоторую совокупность онимов как образ и/или представление, полученное наблюдателем и обусловленное точкой зрения наблюдателя, ср. [Bauko, 2021]. Как совокупность онимов в их взаимодействии друг с другом и с другими элементами художественного текста, *ономастический/онимический ландшафт* (оnomic landscape) уже вошел в инструментарий литературной ономастики и получил отражение в международном энциклопедическом издании, ср. [Falck-Kjällquist, 2016]. В формировании ономастического ландшафта участвуют различные типы онимов, включая значимое их отсутствие [Васильева, 2022]. Это явление — экспансия термина *ландшафт* в различные сферы гуманитарного знания, ср. *языковой/лингвистический ландшафт города, культурный ландшафт* и др., требует более внимательного изучения. Думается, что немалую роль для генерирования образности этого термина могла сыграть немецкая традиция употребления понятия *ландшафт*. Для немецкого языка слово является родным (Landschaft), и в выражаемом им понятии, как свидетельствуют специально посвященные этому работы, например, работа Герхарда Харда «Ландшафт языка и ландшафт географов» [Hard, 1970], на первое место ставится субъективное, зависящее от культурных факторов восприятие, а затем уже пространственно-территориальное значение. «Семантический ореол» (semantischer Hof), согласно Г. Харду, у ландшафта в истории немецкой культуры столь велик и разнообразен, что некоторые ученые отказываются определять его точное значение [Hard, 1969].

3. Продолжая географическую тему, отметим еще один термин, который в лингвистическую ономастику еще не пришел, но находится в пути, и его с полным правом можно обозначить как **концептуальную метафору**, поскольку он формирует взгляд исследователя на объект и на когнитивную репрезентацию объекта с использованием семантического сдвига. Это термин *топонимический палимпсест*, уже давно и успешно используемый представителями новой культурной географии, мифогеографии и критической топонимики, см. [Митин 2004; 2014; 2021; 2022], [Басик 2018]. Как отмечает И. И. Митин, создатель направления мифогеография, «палимпсест стал важной метафорой в социально-гуманитарных науках, описывающей множественность текста (или иного феномена, представимого и осмысляемого в виде текста), в котором подчеркивается выделение множества слоев (пластов) реальности» [Митин 2021: 110]. Как известно, исходное значение слова *палимпсест* (греч. παλίμψηστον, от πάλιν ‘опять, вновь’ и ψηστός ‘соскобленный’) — «пергамен (реже папирус) с рукописным текстом, нанесённым поверх ранее написанного и удалённого (стёртого, смытого или вытравленного) текста» [БРЭ]. В палеографии известны факты, когда сквозь вновь нанесенный текст буквально «просвечивали» фрагменты старого текста. Поэтому слову легко было приобрести метафорический смысл и начать использоваться для описания самых разных «...исторических следов, напластований, отпечатков, отголосков и неявных свидетельств, которые могли “проглядывать” сквозь современные ландшафты, “сохраняя ландшафты прошлого”» [Митин, 2014: 148]. Данный пример относится к концептуальным метафорам, определяющим целую исследовательскую парадигму.

4. К числу менее масштабных, но также определяющих способ рассмотрения объекта, можно отнести ряд образных терминов из области литературной ономастики и прагмаономастики, ср. *ономастическая рокировка* (Г. Ф. Ковалев), *ономастическое шаржирование* (И. В. Крюкова), *ономастическая контрабанда* (Н. В. Васильева), *ономастическое травестирование* (Н. И. Зубов). Приведенные сложные (составные) термины демонстрирует механизм метафоризации, состоящий в апроприации терминов из других областей знания и/или общеупотребительного языка с помощью прилагательного *ономастический*.

Подводя итог, отметим что в количественном отношении метафорических терминов в ономастической терминологии довольно мало. Однако размещение их в категории терминов, относящихся к способам описания объектов, делает их присутствие в ономастике весьма значимым. Мы сознательно употребили в заглавии выражение *в метаязыке ономастики* вместо *в ономастической терминологии*. Понятие метаязыка как языка описания шире понятия терминологии, оно включает также термины *in statu nascendi*, терминойды, описательные выражения — всё, что еще только формируется в исследовательском поле, но уже выполняет функцию, отмеченную тоже метафорически: «Термин выступает в виде своеобразного органа, при помощи которого “ощупывается”, “осматривается”, “измеряется”, “взвешивается” открываемое» [Слюсарева, 1979: 74]. Образные термины в метаязыке ономастики, выступая в категории терминов для описания объектов, инструментальную функцию выполняют весьма успешно.

Список источников

1. Басик С. Н. Имя и место: топонимический палимпсест в геокультурном пространстве // Современные проблемы территориального развития. — 2018. — № 3. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-i-mesto-toponimicheskij-palimpsest-v-geokulturnom-prostranstve> (дата обращения: 25.05.2023).
2. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. — М. : Индрик, 2007. — 599 с.
3. Большая российская энциклопедия 2004–2017. — URL : <https://old.bigenc.ru/literature/text/2704991> (дата обращения: 30.05.2023). (БРЭ).
4. Васильева Н. В. Ономастический ландшафт рассказа Л. Добычина «Конопатчинова» // Язык. Человек. Культура : сб. науч. тр. — М. : Ин-т языкознания РАН, 2022. — С. 238–245.
5. Васильева Н. В. Традиционное и новое в русской топонимической терминологии // *Mikrotoponimia i makrotoponimia. Problematyka wstepna. Microtoponymy and macrotoponymy. Preliminary problems*. Redakcja / ed. by A. Gałkowski, R. Gliwa. — Łódź : WUŁ, 2014. — Pp. 117–126.
6. Митин И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. — Смоленск : Ойкумена, 2004. — 157 с.
7. Митин И. И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина, В. Н. Стрелецкого. — Ростов н/Д. : Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. — С. 147–156.
8. Митин И. И. Топонимический палимпсест: переименования как символическое (пере)конструирование пространства и места // Псковский регионологический журнал. — 2021. — № 4 (48). — С. 73–83.
9. Митин И. И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2022. — № 1 (49). — С. 108–125.
10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1978. — 198 с.
11. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
12. Слюсарева Н. А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопросы языкознания. — 1979. — № 4. — С. 69–76.
13. Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — Т. 62, № 8. — С. 133–138.
14. Bauko J. Official and non-official proper names in a bilingual onymic landscape // *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*. — 2021. — Vol. 72, № 1. — Pp. 124–141.
15. Falck-Kjällquist B. Genre-based Approaches to Names in Literature // *The Oxford Handbook of Names and Naming* / ed. by C. Hough. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — Pp. 330–340.

16. Hard G. Das Wort Landschaft und sein semantischer Hof. Zur Methode und Ergebnis eines linguistischen Tests // Wirkendes Wort. — 1969. — № 19. — S. 3–14.

17. Hard G. Die «Landschaft» der Sprache und die «Landschaft» der Geographen. Semantische und forschungslogische Studien zu einigen zentralen Denkfiguren in der deutschen geographischen Literatur. — Bonn : Dümmler, 1970. — 280 S. [Colloquium Geographicum. Bd. 11].

Сведения об авторе

Васильева Наталия Владимировна — д.филол.н., главный научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва, Россия).

Рейхан Юсиф гызы Габибли

ОНИМЫ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена особенностям употребления имён собственных в медицинском дискурсе. Материалы исследования показывают, что эпонимы играют важную роль в медицинской терминологии, и их изучение всегда актуально. Установлено, что подробно описывая признаки явлений, болезней в научных текстах, эпонимы выполняют информативную, коммуникативную и когнитивную функции. Особо отмечается, что эпонимы, сформированные на основе антропонимической модели, наиболее продуктивны. Полученные результаты в будущем помогут более углублённому изучению особенностей употребления эпонимов в различных дискурсах.*

***Ключевые слова:** медицинский дискурс, оним, эпоним, антропоним, терминология, функции эпонимов.*

Введение

С развитием науки появляются новые понятия. Для номинации этих понятий возникает потребность в новых терминах. Эпонимы — это термины, образованные от имён собственных. Другими словами, под эпонимией понимается «образование новых слов на основе имён собственных». [Стариченок, 2008: 716]. Это один из способов обогащения словарного состава языка. В современном языкознании термин «эпоним» широко употребляется. Эпонимы наиболее широко распространены в спорте, физике, математике, в частности, в области медицины. В номинации понятий, относящихся к различным областям науки, во многих случаях участвуют имена собственные; при этом они выступают в статусе как ономастической единицы, так и термина. Именно поэтому такие единицы чаще всего называют эпонимическими терминами, терминами-эпонимами, а иногда просто эпонимами. Н. Подольская в своём словаре даёт следующее объяснение термина «эпоним»: «лицо, чем-то знаменитое, имя которого послужило для образования любого другого онима». [Подольская, 1988: 150].

Как известно, эпонимы отражают известных личностей, литературных героев. Эпонимы служат увековечению объекта или личности, к которым относятся имена собственные. Следовательно, эпонимы также выполняют мемориальную функцию. Некоторые исследователи считают использование этих единиц нецелесообразным. По их мнению, эпонимы не раскрывают особенности, качества, содержание понятия, связанного с описываемым явлением и поэтому в семантическом плане не могут считаться приемлемыми.

В исследовании рассматриваются структурные и семантические особенности эпонимов в медицинском дискурсе.

Основная часть

Как уже отмечалось выше, эпонимы наиболее широко используются в области медицины. «К медицинскому дискурсу, проявляется все более возрастающий интерес в современной мире.

Растет число сайтов и форумов, медицинских публикаций, наполненных медицинской терминологией и понятиями. Современное общество, заинтересованное в собственном здоровье, здоровье своих детей, все чаще и чаще обращается за помощью к таким источникам, пытаясь найти ответы на вопросы, сталкивается с проблемой понимания специфического медицинского дискурса». [Щербакова, 2018: 4]. Употребление эпонимов в медицинском дискурсе, связано с их когнитивными особенностями. Эпонимы играют важную роль в медицинской терминологии и их изучение всегда актуально. Они очень удобны в плане отражения и конкретного обозначения сущности понятия. В научных текстах эпонимы, подробно описывая признаки явлений, болезней, выполняют информативную, коммуникативную и когнитивную функции.

Классификация и анализ эпонимов позволяют выявить их характерные признаки. Н. В. Новинская выделяет два типа эпонимов:

- «1. термины, в состав которых входят имена, фамилии лиц, сделавших крупное или принципиально важное открытие, либо возглавивших новое научное направление, школу и т.д.;
2. термины, имеющие в составе имена, фамилии, присвоенные объектам в память или в честь лица». [Новинская, 2013].

В целом, эпонимы классифицируются в различных аспектах: «Эпонимы в медицинской терминологии делят на следующие группы: мифологизмы; термины, включающие имена литературных персонажей; термины, включающие имена ученых и врачей. В медицине эпонимы применяются в качестве синдромов, операций, наименования болезней, реакций, методов исследований — например, болезнь Бехтерева, перелом Монтеджа, реакция Вассермана, синдром Пиквика и другие». [Григорьева, 2019: 39].

По способу образования эпонимы можно разделить на следующие группы:

- «1. непрямые — это эпонимы, возникшие в результате перехода имени собственного в имя нарицательное без каких-либо трансформаций путем метонимического переноса;
2. производные — это эпонимы, претерпевшие изменения состава слова в результате перехода в имя нарицательное [Свешникова].
3. сложные — это эпонимы, образованные при помощи сложения основ;
4. аббревиатуры — это эпонимы, образованные путем сокращения, и составленные из начальных букв имени». [Новинская, 2004: 284].

Факты показывают, что наиболее продуктивными являются эпонимы на основе антропонимической модели. Антропоним отражает один из существенных признаков — признак принадлежности. Поэтому эпонимы, образованные от имён учёных, врачей, открывших, описавших какое-либо явление, метод, составляют большинство. Эпонимы, употребляющиеся в данной области, обычно состоят из двух слов. Самый широко распространённый способ — это образование словосочетаний, одним из компонентов которых является нарицательное существительное как знак имени собственного, а также научного понятия.

Обобщая принципы классификации эпонимов, примеры, встречающиеся в научной литературе, можно сгруппировать следующим образом:

1. Эпонимы, в составе которых слово «болезнь»: **Болезнь Крона** — В 1932 году три нью-йоркских врача по имени Беррил Бернанд Крон, Леон Гинзбург и Гордон Оппенгеймер опубликовали статью, описывающую новый вид воспаления кишечника. Поскольку имя Крона было указано первым в алфавитном порядке, состояние в конечном итоге носило его имя. [13 заболеваний, названных...]

Болезнь Паркинсона — Первым, кто в истории современной науки описал это заболевание в 1817 году, был английский врач Джеймс Паркинсон. Правда, тогда это заболевание не носило еще имени английского врача, а именовалось «дрожательным параличом». Назвать заболевание в его честь предложил много лет спустя французский невролог Жан Шарко. [Соболев]

Болезнь Хантингтона — В 1872 году Джордж Хантингтон, только что окончивший медицинскую школу, опубликовал одну из двух исследовательских работ. В статье Хантингтон описал эффекты нейродегенеративного расстройства, которое теперь носит его имя, после изучения нескольких поколений семьи, которые все страдали от этого генетического заболевания. [13 заболеваний, названных...]

Болезнь Альцгеймера — В 1901 году немецкий невропатолог Алоис Альцгеймер начал наблюдение за странным пациентом во Франкфуртском приюте. У 51-летней женщины, миссис Огюст Детер, не было кратковременной памяти, и она вела себя странно. Когда в 1906 году миссис Детер умерла, Альцгеймер начал рассечение головного мозга пациента, и в ноябре он представил свои выводы в том, что было первым формальным описанием пресенильного слабоумия. [13 заболеваний, названных...]

Болезнь Брайта — Научное представление о заболеваниях почек тесно связано с именем английского врача Р. Брайта, который в 1827 г. впервые описал артериальную гипертензию с отечным синдромом на фоне поражения почек, сопровождающегося потерей большого количества белка. [Осадчук и др., 2019]

Болезнь Аддисона — Томас Аддисон впервые описал заболевание надпочечников, которое мы называем болезнью Аддисона, в 1855 году. Помимо этого открытия, Аддисон также опубликовал раннее исследование аппендицита. [13 заболеваний, названных...]

Болезнь Тея-Сакса — редкое наследственное заболевание с аутосомно-рецессивным типом наследования, поражающее центральную нервную систему. Названо в честь британского офтальмолога Уоррена Тея и американского невролога Бернарда Сакса, которые впервые описали это заболевание независимо друг от друга в 1881 и 1887 годах соответственно. [Болезнь Тея — Сакса]

2. Онимы, в составе которых слово «синдром»: **Синдром Туретта** — Когда французский невролог Джордж Жиль де ла Туретт впервые описал болезнь, которая теперь носит его имя в 1884 году, он не назвал ее в честь себя. Вместо этого он назвал это состояние «болезнью дезинфекции». Наставник и современник Туретта Жан-Мартен Шарко переименовал болезнь в честь Туретта. [13 заболеваний, названных...]

Синдром Тернера — Хромосомное расстройство получило свое название от врача из Оклахомы Генри Тернера, который впервые описал это состояние в 1938 году. [13 заболеваний, названных...]

Синдром Клайнфельтера — Генетическое состояние, при котором у мужчин есть дополнительная X-хромосома, носит имя Гарри Клайнфельтера, молодого бостонского эндокринолога, который опубликовал знаменательное исследование, работая под руководством звезды эндокринологии доктора Фуллера Олбрайта в 1942 году. [13 заболеваний, названных...]

Синдром Аспергера — Австрийский педиатр Ганс Аспергер впервые описал синдром, который теперь носит его имя, в 1944 году после наблюдения за группой детей, страдающих тем, что Аспергер назвал «аутистической психопатией». (Он называл своих пациентов «Маленькими профессорами».) Интересно, что, поскольку все исследования Аспергера были написаны на немецком языке, его вклад в литературу оставался незамеченным намного позже. Термин «синдром Аспергера» не получил широкого распространения до 1981 года. Сегодня это заболевание классифицируется как расстройство аутистического спектра. [13 заболеваний, названных...]

3. Имена специалистов, имеющих большие заслуги в развитии медицины, физиологии, отражены в изобретенных и разработанных ими способах и методах: способ Штамма — Сенна — Кадера, техника резекции желудка по Бильрот II в модификации Гофмейстера — Финстерера, дренирование тазовой клетчатки по Буальскому — Мак-Уортеру, внедрение краев по Шмидену, способ «улитки» С. С. Юдина

4. Название хирургических операций занимают своеобразное место в эпонимии: операция Коллиса, операция Гартмана, операция Лонго, операция Фрея

5. Названия специфических видов операций также встречаются среди эпонимов: косой поясничный разрез по Федорову, разрез по Пирогову, разрез Бергмана, косой переменный разрез по Волковичу — Дьяконову, прямой параректальный разрез по Леннандеру, вворачивающий шов Шмидену, петельный шов Ревердена — Мультиановского, пилоропластика по Гейнске — Микуличу, пилоромиотомия по Финнею, гастростомия по Топроверу

6. Некоторые микробы названы именами их первооткрывателей: палочка Леффлера, палочка Коха

7. Критерии, определяемые в диагностике болезней, называются эпонимами: постулаты Коха, или триада Генле — Коха

8. Определённые части организма также могут быть названы именами специалистов: *дуга Риолана, точка Гриффитса, точка Зудека, артерия Мошковица, Ауэрбахово сплетение, Мейсснерово сплетение, сфинктер Кеннона*

9. Создание и совершенствование различных инструментов медицинского назначения чаще всего связано с именами учёных и врачей, имеющих заслуги в данной области: *лопаточка Буяльского, пластинка Лена, аппарат Оспанова, пила Джильи, зажим Кохера, дренаж Вишневского, раздавливающий жом Пайра.*

Заключение

В заключении отметим, что цель эпонимов, употребляющихся в медицинском дискурсе, — увековечивание личностей, имеющих выдающиеся заслуги в данной области. Эпонимы формируются соответственно правилам номинации. За счёт них упрощается процесс передачи научной информации. Например: вместо «хирургическая операция, заключающаяся в рассечении сфинктера привратника для уменьшения проявлений врожденного пилоростеноза» конкретно употребляется «Операция Рамштеда», что помогает специалистам быстрее понять ситуацию. Эти единицы в определённом смысле отражают и этапы развития науки. В широком распространении эпонимов важную роль играет и их интернациональность. Это значительно облегчает научное общение.

Список источников

1. Болезнь Тея — Сакса. — URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 26.02.2023).
2. Григорьева Е. Н. Эпонимы в судебной медицине. Судебно-медицинская квалификация «именных» переломов костей предплечья // Судебная медицина. Наука. Практика. Образование. — 2019. — Т. 5, № 1s, прил., апр. — С. 39–40. — URL : <https://www.for-medex.ru/jour/issue/viewFile/21/21> (дата обращения: 26.02.2023).
3. Новинская Н. В. Структурно-грамматическая характеристика терминов-эпонимов // Вестник АГТУ. — 2004. — № 3. — С. 284–285. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-grammaticheskaya-harakteristika-terminov-eponimov> (дата обращения: 26.02.2023).
4. Новинская Н. В. Термины-эпонимы в языке науки // Вестник РУДН. Сер. «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — 2013. — № 4. — С. 107–110. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/terminy-eponimy-v-yazyke-nauki> (дата обращения: 26.02.2023).
5. Осадчук А. М., Гаранин А. А., Рогозина Л. А. [и др.]. Современный взгляд на заболевания почек, имеющие эпонимическое название // Современные проблемы науки и образования. — 2019. — № 6. — URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29362> (дата обращения: 13.04.2023).
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
7. Свешникова М. Н. Изучение эпонимов. — URL : <https://multiurok.ru/files/doklad-na-tiemu-izucheniie-eponimov.html> (дата обращения: 13.04.2023).
8. Соболев В. Можно ли победить болезнь Паркинсона? — URL : https://www.gazeta.ru/science/2016/04/17_a_8181575.shtml (дата обращения: 13.04.2023).
9. Старичёнок В. Д. Большой лингвистический словарь : более 3 000 лингвист. терминов и понятий. — Ростов н/Д. : Феникс, 2008. — 811 с.
10. 13 заболеваний, названных в честь людей. — URL : <https://ru.triniradio.net/13-medical-conditions-named-after-people> (дата обращения: 26.02.2023).
11. Щербаква Е. Н. Особенности реализации медицинского дискурса в масс-медийных текстах, посвященных развитию и здоровью детей. — URL : <https://core.ac.uk/download/162319915.pdf> (дата обращения: 13.04.2023).

Сведения об авторе

Габибли Рейхан Юсиф гызы — д.филол.н., профессор кафедры азербайджанского языкознания Бакинского государственного университета (Баку, Азербайджан).

НОРМАЛИЗАЦИЯ ТОПОНИМОВ В ЗЕРКАЛЕ ГКГН: ИТОГИ 2022 ГОДА *

Аннотация. В статье представлены результаты нормализации топонимов в России, отраженные в Государственном каталоге географических названий в 2022 году. Изменения в написании затрагивают топонимы, подверженные варьированию на разных языковых уровнях. Показаны явления, нуждающиеся в дополнительной кодификации, а также некоторые топонимические закономерности. Отмечается тесная связь нормализации топонимов с нормативными актами

Ключевые слова: российская топонимия; нормализация топонимов; топонимическое варьирование; правила орфографии.

В результате нормализационных процессов в российской топонимии ежегодно в Государственном каталоге географических названий (ГКГН) происходят изменения. В 2022 г. более двух сотен топонимов, имевших расхождения в написании, были нормализованы. Несмотря на то, что эти топонимы из разных регионов страны, многие вопросы их написания являются общими, но могут решаться по-разному.

Написание буквы *ё*, несмотря на тенденцию последних лет к ее последовательному употреблению, остается бессистемным. Например, наряду с ее употреблением в одних регионах: д. *Мещера* → *Мещёра* (Владимирская обл.), д. *Семено* → *Семёно* (Калужская обл.), д. *Аксеново* → *Аксёново*, д. *Березкино* → *Берёзкино*, с. *Богатыревка* → *Богатырёвка*, с. *Варгатер* → *Варгатёр*, с. *Веселое* → *Весёлое*, д. *Дегтяревка* → *Дегтярёвка*, с. *Леботер* → *Леботёр*, п. *Молодежный* → *Молодёжный*, д. *Пчелка* → *Пчёлка*, д. *Черная Речка* → *Чёрная Речка* (Томская обл.), наблюдается и неупотребление: с. *Аёв* → *Аев* (Омская обл.), д. *Воробьево* → *Воробьево* (Костромская обл.). При этом изменение в написании вариативных *е/ё* может быть как обусловлено законодательно, так и не обусловлено. Например, изменение написания *Семено* на *Семёно* осуществлено в соответствии с законом Калужской области от 26.04.2022 г. № 218-ОЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Калужской области в связи с уточнением написания наименований населенных пунктов». Нормализация же *Мещера* → *Мещёра* не имеет соответствующего нормативно-правового акта, напротив, в законе Владимирской области от 06.05.2005 г. № 38-ОЗ «О наделении Собинского района и муниципальных образований, входящих в его состав, соответствующим статусом муниципальных образований и установлении их границ» дано написание *Мещера*.

Нормализация топонимов с варьированием *о/ё(е)* после шипящих и *ц* представлена примерами: с. *Инюшево* → *Инюшово* (Алтайский край), д. *Княжево* → *Княжово*, д. *Горбенцево* → *Горбенцово* (Вологодская обл.), д. *Житово-Лихачово* → *Житово-Лихачево* (Тульская обл.). Изменения в написании топонимов осуществлены согласно их написанию в региональных нормативно-правовых актах. Примеры свидетельствуют об устойчивой тенденции написания *ё(е)* в данной позиции после непарного мягкого *ч*, что подтверждается статистически [Дамбуев, 2021: 174–176]. В целях уменьшения вариативных написаний в топонимах высказывались мнения писать под ударением *о* или *ё(е)* в зависимости от произношения. Выборочное употребление буквы *ё* приводит к «разночтению однотипно написанных названий (*Кропачево* — *Кропачево* и *Кропачёво*)» [Бондарук, 1965: 13].

Нормализация топонимов с варьированием безударных гласных также остается актуальной: *Рештиловский* → *Решетиловский*, *Щекотурово* → *Щекатурово* (Краснодарский край), с. *Калмаково-Миасское* → *Колмаково-Миасское* (Курганская обл.), д. *Колчанка* → *Калчанка*, д. *Крапивинка* → *Крапивенка*, д. *Саламатовка* → *Соломатовка*, д. *Свопские Дворы* → *Свапские Дворы*, д. *Чермошенские Выселки* → *Чермаиенские Выселки* (Орловская обл.). Звуки [а], [о], [и],

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9)

[e] в безударной позиции изменяют свое качество и становятся неразличимыми в устной речи, что приводит к варьированию на письме. Вариативные гласные могут находиться как в топоосновах, так и в суффиксах. Анализируя написания топонимов, закрепленные в нормативно-правовых актах, возникают следующие вопросы: адекватно ли выделяются суффиксы (напр., *крапив(а)+енк+а* или *Крапивин+ка* в *Крапив(е/и)нка*) и применяются правила их написания; чем обусловлен выбор написания основы топонима, если оно варьировалось на протяжении веков, а сама основа вариативна на дотопонимическом уровне (напр., фамилии *Саламатов* и *Соломатов*); что подразумевается под традиционным написанием, если наиболее ранние написания деэтимологизированных топонимов не совпадают с современными официальными (напр., река *Свона*). Другими словами, вопрос о соотношении узуса и языковых особенностей топонимов при их нормализации остается нерешенным.

Традиционно много нормализовано топонимов с варьированием прописной и строчной буквы. В соответствии с правилами орфографии кодифицируются варианты топонимов с прописными буквами во всех знаменательных словах: п. *Дальнее поле* → *Дальнее Поле*, д. *Папуз-гора* → *Папуз-Гора* (Ульяновская обл.), д. *Асаевские горки* → *Асаевские Горки* (Тверская обл.), *Амуши большое* → *Амуши Большое*, *Гребенской мост* → *Гребенской Мост*, *Тох-орда* → *Тох-Орда* (Респ. Дагестан) и др. Противоречивым остается написание топонимов, включающих в свой состав наименования организаций, при которых были созданы населенные пункты. С одной стороны, есть примеры действия общего правила: *Кенафный завод* → *Кенафный Завод* (Респ. Дагестан), *75-й пикет* → *75-й Пикет* (Кемеровская обл.), *Опытная станция* → *Опытная Станция* (Брянская обл.) и др. С другой стороны, в подобных топонимах в виде исключения из общего правила может употребляться прописная буква только в первом слове [Арутюнова, 2020: 265]: *Ковшовское Лесничество* → *Ковшовское лесничество* (Брянская обл.), п. *птицетоварной фермы* → *Птицетоварной фермы* (Краснодарский край) и др. Неопределенность в написании отчетливо проявляется в нормативно-правовых актах. Например, в ГКГН в 2022 г. было нормализовано название п. *Фокинское лесничество* → *Фокинское Лесничество* (Брянская обл.) в соответствии с законом Брянской области от 09.08.2005 г. № 3-З «О наделении муниципальных образований статусом городского округа, муниципального округа, муниципального района, городского поселения, сельского поселения и установлении границ муниципальных образований в Брянской области» с изменениями на 26.09.2022 г., как и в постановлении Правительства Брянской области от 05.08.2019 г. № 343-п «Об утверждении реестра административно-территориальных единиц, административных округов, населенных пунктов Брянской области». Однако в аналогичных постановлениях от 24.08.2020 г. № 389-п, от 28.06.2021 г. № 236-п, от 20.06.2022 г. № 232-п дано написание *Фокинское лесничество*.

Ежегодно в ГКГН много изменений происходит с написанием топонимов с варьированием слитного, раздельного и дефисного написания. Топонимы с варьированием слитного и раздельного написания были нормализованы следующим образом: д. *Юрты Нижнежерновские* → *Юрты Нижне-Жерновские* (Орловская обл.), с. *Маложирово* → *Мало-Жирово*, с. *Новокусково* → *Ново-Кусково* (Томская обл.). Примерами нормализации раздельного и дефисного написания являются: с. *Гилев Лог* → *Гилев-Лог* (Алтайский край), *Барское Городище* → *Барское-Городище* (Владимирская обл.), *Юрьево-Первое* → *Юрьево Первое* (Ивановская обл.). Все перечисленные примеры нарушают действующие правила орфографии, но такое написание закреплено в региональных нормативно-правовых актах. Происходят изменения и в русской транскрипции составных топонимов на языках народов России: *Уллутеркеме* → *Уллу-Теркеме*, *Таратулмеэр* → *Таратул-Меэр*, *Ачису* → *Ачи-Су* (Респ. Дагестан). Если согласно Инструкции по передаче на картах географических названий Дагестанской АССР 1959 г. издания рекомендовалось номенклатурные термины передавать в слитном написании в соответствии с традицией, то сейчас наблюдается тенденция их дефисного написания.

В 2022 г. в ГКГН были отражены и изменения в написании топонимов с порядковыми прилагательными: *Юхта III* → *Юхта-3* (Амурская обл.), *Куликовка 1-я* → *Куликовка Первая*, *Сезеново 1-е* → *Сезеново Первое*, *Корытное 2-е* → *Корытное второе*, *Ольшанка 2-я* → *Ольшанка вторая* (Липецкая обл.), *Муратова 1-я* → *Муратово Первое* (Орловская обл.), д. *Нива 1* → *Нива 1-я*

(Тверская обл., закон Тверской области от 25.02.2022 г. № 3-ЗО «О внесении изменений в отдельные законы Тверской области»), д. *Дуброво I-е* → *Дуброво I* (Тверская обл.). Как видно из примеров, в написании порядковых прилагательных нет никакого единообразия. Более подробно разные способы выражения порядковых прилагательных в топонимах изложены в [Дамбуев, 2021].

Как и в прошлые годы продолжается нормализация топонимов с варьированием формантов *-ова /-ово, -ева /-ево, -ина /-ино*: д. *Скилягина* → *Скилягино*, д. *Сунгурова* → *Сунгурово* (Курганская обл.), д. *Анахина* → *Анахино*, д. *Еньшина* → *Еньшино*, д. *Заикина* → *Заикино*, д. *Извекова* → *Извеково*, д. *Коротеева* → *Коротеево*, д. *Новоморозова* → *Новоморозово*, д. *Орехова* → *Орехово*, д. *Погонева* → *Погонев*, д. *Сетенева* → *Сетенёво*, д. *Харчикова* → *Харчиково* (Орловская обл.). Тенденция вытеснения формами среднего рода форм женского рода наблюдается на протяжении полутора столетий.

Нормализация топонимов с морфологическим варьированием включает нормализацию написания флексий числа: *Канны* → *Канна* (Алтайский край), *Новый Викри* → *Новые Викри* (Респ. Дагестан); флексий рода: с. *Глубокая* → *Глубокое* (Курганская обл.), п. *Хлебоборный* → *Хлебоборное* (Оренбургская обл.), сл. *Беломестная* → *Беломестное* (Орловская обл.) и др.; словообразовательных суффиксов: п. *Крыловский* → *Крыловка*, х. *Калининский* → *Калинин* (Оренбургская обл.). Изменение статуса населенного пункта часто приводит и к необходимости согласования топонима с номенклатурным термином по роду. Здесь также отмечаем тенденцию употребления среднего рода даже для названий поселков и слобод, что в очередной раз свидетельствует о стереотипизации топонимов среднего рода как универсальных показателей сельских населенных пунктов [Дамбуев, 2021: 273]. Любопытно изменение названий сумонов в Республике Тыва, произведенное в соответствии с законом Республики Тыва от 03.06.2022 г. № 824-ЗРТ «О внесении изменений в Закон Республики Тыва ‘О статусе муниципальных образований Республики Тыва’» и мотивированное несоответствием правилам орфографии тувинского языка написаний топонимов с аффиксом *-ский*: *Арыг-Бажынский* → *Арыг-Бажы*, *Бай-Тальский* → *Бай-Тал*, *О-Шынаанский* → *О-Шынаа* и др.

Нормализация топонимов с морфолого-синтаксическим варьированием представлена примерами: с. *Гидмост* → *Гидатлинский Мост* (Респ. Дагестан), с. *Малодобринский* → *Малая Добринка*, д. *Новобарангуловка* → *Новая Барангуловка* (Оренбургская обл.). Возникновение сложных топонимов на основе топонимов-словосочетаний типично для разговорной речи и обусловлено экономией языковых средств. В данных примерах в качестве официальных выбраны полные формы названий, но бывает и иначе, как в случае с д. *Вязовские Выселки* → *Вязь-Выселки* (Орловская обл.).

В результате нормализации топонимов с варьированием порядка слов выбор был сделан в пользу прямого порядка слов: *Клочково Большое* → *Большое Клочково* (Ивановская обл.), *Юмагузино Второе* → *Второе Юмагузино*, *Юмагузино Первое* → *Первое Юмагузино* (Оренбургская обл.).

Нормализация топонимов, испытывающих лексическое варьирование, представлена примерами: п. *Областной опытной станции* → *Царицын* (Волгоградская обл.), с. *Алдын-Булаг* → *Аксы-Барлык* (Респ. Тыва).

Многочисленны примеры нормализации топонимов с так называемым лексико-синтаксическим варьированием: с. *Губерля* → *Казачья Губерля* (Оренбургская обл.), д. *Водоцкое* → *Водоцкое Городище*, п. *Ивановский* → *Ново-Ивановский*, д. *Нижняя Шкава* → *Шкова*, д. *Новая Деревня* → *Новая*, п. *Труд* → *Артель-Труд*, п. *Тубсанаторий* → *Санаторий «Войново»*, д. *Яичкина* → *Хутор Яичкина* (Орловская обл.), арб. *Ужеп* → *Усть-Ужеп* (Респ. Тыва). Причины варьирования и выбора при нормализации варианта названия могут быть разными. Во многих случаях они связаны с вопросом идентификации объекта и особенностями региональной топонимической системы.

Нормализации подвергаются и топонимы на языках народов России. Чаще всего изменения в написании связаны с их передачей на русский язык: *Цушар* → *Цушар*, *Миких* → *Микик*, *Сыртыч* → *Сиртич*, *Дургели* → *Доргели*, *Аркида* → *Архида*, *Муцули* → *Мушули* (Респ. Дагестан), с. *Хуса-Кардоник* → *Хусы-Кардоник* (Карачаево-Черкесская Респ.).

В заключение следует отметить, что процессы нормализации топонимов связаны с широким кругом вопросов, имеющих непосредственное отношение к правилам орфографии, к традициям употребления топонимов, к вопросам статуса топонимов в языке и их функционированию, а также закономерностям развития топонимических систем.

Список источников

1. Арутюнова Е. В., Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Прописные и строчные буквы в географических и административно-территориальных названиях: академические правила русской орфографии // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17, № 2. — С. 256–277. — DOI : 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.027.
2. Бондарук Г. П., Тюрин С. А. Правописание географических названий // Орфография собственных имен. — М. : Наука, 1965. — С. 11–20.
3. Дамбуев И. А. Топонимия России: варьирование и нормализация. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2021. — 304 с.

Сведения об авторе

Дамбуев Игорь Александрович — к.филол.н., старший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ, Россия).

Н. А. Кичикова, Э. Б. Манджиева

ЭТНОНИМИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ОНОМАСТИКОНЕ КАЛМЫКИИ

***Аннотация.** В статье предпринята попытка рассмотрения этнонимического компонента в ономастической системе Республики Калмыкия. Анализ показал, что этнонимы участвуют в образовании различных классов онимов: топонимов, антропонимов, урбанонимов, эргонимов; транслируют культурно-историческую информацию, являются маркерами этнической идентичности.*

***Ключевые слова:** этноним, топоним, ойконим, антропоним, эргоним, ономастикон*

Этнонимические наименования в составе ономастических единиц представляют большой интерес для исследователей, так как являются живыми свидетелями, сохранившими сведения о древних племенах и народах.

Этнонимы как отдельный разряд лексики имеют сложную природу, которая определяет их значимость в жизни представителей различных сообществ, объясняет особенности развития этносов, позволяет выявить этническую картину мира, этническое самосознание.

Ономастикон Калмыкии, включающий различные классы имен собственных (антропонимы, топонимы, урбанонимы, эргонимы и др.), представляет интерес для исследования, так как является репрезентацией духовной и материальной культуры народов, изучение которой важно как в историческом, так и в лингвистическом аспектах.

Топонимы, в частности ойконимы, Калмыкии хранят память о прошлом народа. Среди ойконимов, различных по времени появления, языковой принадлежности, способу образования, особое место занимают наименования с этническим компонентом. Топонимы данной группы на территории Калмыкии и сопредельных с ней территорий представлены значительно. Объяснением является существовавшая издревле у всех кочевых народов, в том числе и калмыков, номинация по роду. Родо-племенная структура калмыцкого этноса (ойратов) складывалась веками и происходит от общемонгольской этнической системы XII–XIII вв. Родо-племенную систему ойратов, прикочевавших к границам России в начале XVII века, отличали определенные черты, которые были свойственны кочевым народам. Как утверждают историки, внутри этноса наблюдалось деление

на крупные и мелкие группы, которые входили в удельные владения, называемые улусами. Улусы, во главе которых стояли нойоны, как основная административно-территориальная единица включала аймаки, которыми управляли зайсанги. В состав аймаков входили хотоны, состоящие из кибиток кочевников. Каждый хотон именовался по роду. Так, ойраты, предки современных калмыков, делились на три большие группы — *торгуты*, *дербеты* и *хошеуты*, которые в более поздний период и станут основой становления калмыцкого этноса. Данные этнические группы, в свою очередь, делились на более мелкие: один род мог включать несколько хотонов (отоков).

Таким образом, административно-территориальная организация и родо-племенная структура способствовали с переходом калмыков на оседлый образ жизни появлению на карте современной Калмыкии уникальных наименований населенных пунктов, таких как *Ачинеры*, *Ульдучины*, *Вторые Ульдучины*, *Дашман*, *Джеджеликины*, *Зюнгар*, *Ики-Бурул*, *Бага-Бурул*, *Ики-Бухус* и др. (всего около 40 ед.). Однако следует отметить, что на сохранившихся довоенных картах прошлого века (1939 г.) обнаруживается большое количество этнотопонимов, не сохранившихся в настоящее время. Утрата уникальных наименований явилась следствием трагических событий, пережитых калмыцким народом. Ввиду значительного сокращения числа вернувшихся из депортации калмыков, многие населенные пункты были впоследствии стерты с лица земли.

Многие топонимы калмыцкого происхождения, функционируя в системе русского языка, фонетически трансформировались, однако при этом продолжают сохранять прозрачную мотивировку. Например, некоторые из перечисленных топонимов восходят к этнониму тотемистического происхождения: *Бага-Бурул* и *Ики-Бурул* — компонент «бурул» указывает на масть лошади — седой, чалый; *Ики-Бухус* — компонент «бухус» означает бык, *Ики-Чонос* и *Бага-Чонос* — в основе топонима лексема «чонос» от калм «волк». Как утверждает Н. Ц. Манджиев, *чоносы* — древний монгольский род, считавший волка своим прародителем [Манджиев, 2004: 50]. В составе ойконима часто можно наблюдать компонент *ик* «большой» и *бага* «малый», что указывало на внутриулусное деление: крупный (большой) и малый хотоны. Этнонимы, перейдя в разряд топонимов, изменились незначительно: в некоторых случаях утратили формант –Ы (*тугтуны* — пос. *Тугтун*, *ик чоносы* — пос. *Ики-Чонос*), свойственный данной лексической группе, стали употребляться с нулевым формантом или формантом –О согласно родовой принадлежности номенклатурного термина, например: поселок *Барун*, село *Абганерово*. Некоторые наименования населенных пунктов этнонимического происхождения, расположенных на пограничных территориях с Калмыкией, не только трансформировались фонетически под влиянием русской речи, но и подверглись структурному изменению, например, село Дербетовка в Ставропольском крае. К основе наименования калмыцкого происхождения *дербет* присоединились суффиксы –ов + к. Как известно, данная словообразовательная модель, характерная для большинства славянских, в большей степени для восточнославянских языков, и довольно типичная для Центра и Юга России, образовывалась, как правило, от имени или фамилии первопоселенца, например: *Максимовка*, *Романовка* и т.п.

Некоторые этнонимические наименования можно наблюдать не только в топонимии региона, но и в урбанонимии и эргонимии. Так, *Зюнгар* (*зюн гар* «левая рука») и *Барун* (*барун* «правый») являются не только наименованиями населенных пунктов, но и названиями улиц, внутригородских объектов, также образованы от этнонимов. Как отмечают историки, у предков калмыков, торгутов и дербетов, возможно, и у хошеутов, была триадная организация административного деления — на левое, правое и центр: *баруны* (правые), *зюны* (левые), *запсоры* или *шабинеры* (центральные). В современной урбанонимии и эргонимии Элисты данные наименования вряд ли являются свидетельством глубоких познаний истории Калмыкии номинатором: наименования улиц, внутригородских объектов образованы от топонимов, а те, в свою очередь, — от этнонимов.

В ономастическом пространстве столицы республики часто можно встретить наименование *Ойрат*, например: спортивный комплекс *Ойрат-Арена*, юношеский спортивный клуб *Ойрат*, сеть салонов связи *Ойрат*, рестораны и кафе *Ойрат*. Ойраты, древнее наименование калмыков, исторически состояли из четырех крупных племен: *джунгар*, *дербет*, *хоирут* и *торгут*. Так, номинатор, на наш взгляд, подбирая звучное имя, апеллирует к истории народа, периодам могущества, государственности. Подобные единицы достаточно информативны: транслируют сведения о национальной культуре и истории своего народа, являются маркерами этнической идентичности.

Калмыцкая антропонимия так же, как и топонимия, представляет большой интерес для исследователей. Система имен калмыков, сложившаяся на протяжении нескольких веков, представляет собой ценный источник по истории и культуре калмыцкого этноса. Антропонимическая система, уходящая корнями в общемонгольскую систему имен XII-XIII веков, со времени присоединения к границам России развивалась самостоятельно и в настоящее время представляет собой чётко сформировавшуюся систему, которая в течение долгого времени пополнялась за счёт заимствований из других языков. Речь идёт о длительных исторических контактах с татарами, казахами, а также о географической близости с кабардинцами, черкесами, ногайцами и другими народами Северного Кавказа. Безусловно, все эти факторы нашли непосредственное отражение в антропонимиконе калмыков [Монраев, 1999: 212].

В калмыцкой антропонимической системе присутствует группа фамилий, образованных от этнонимов, например: Багутов — *багуты*, Бурулов — *бурулы*, Кибенов — *кевюды*, Цохоров — *цохоры*, Эркетенов — *эркетены*, Хойтов — *хойты*, Теленгидов — *теленгиды*, Мангутов — *матарин*, Хазыков — *казах*, Пранцузов — *француз*, Эрмялиев — *армянин* и др.

Так, фамилия Багутов происходит от крупной этнической группы — *багуты*, которые проживают в восточных районах республики, в Астраханской области. Также *багуты* проживали на Дону, в станице Багутовская, об этом свидетельствуют карты прошлых лет. Известно, что в составе ойратов, проживающих в Синцзян-уйгурском автономном округе Китайской Народной Республики, присутствует субэтнос *багутов*, которые вышли в 1771 году из Калмыцкого ханства и приняли подданство Китая [Авляев, 2002; Митиров, 1998 и др.].

В калмыцком именнике часто можно встретить имена, называющие тот или иной этнос: Китид (китаец), Монгол, Хасык (казах), Мангт (татарин). В настоящее время такие имена практически не встречаются в именной системе калмыков. И необязательно носитель такого имени принадлежал к этому этносу, хотя в единичных случаях так и было. Напоминанием этих имен остались фамилии: Китидов, Китидинов, Хасыков, Хасиков, Мангутов, Мангатов. Имя Мангт, вернее этноним, обозначает не только татар, но и башкир (иштык мангт), ногайцев (хар мангт). Фамилии Оросов, Орусов, Урусов восходят к этнониму *русский* (калм. орс).

Свидетельством тесных контактов калмыков с народами Кавказа являются фамилии Эрмелиев (армянин), Ремилев, Шеркешев, Серкишев (черкес или кавказец).

Фамилия Пранцузов, распространенная в Калмыкии, появилась после Отечественной войны 1812 года, участниками которой были калмыки-казаки. Бытует мнение, что вернувшиеся из военного похода калмыки называли своих детей Пранцуз, Париж и др., поэтому у калмыков встречаются фамилии Французов, Пранцузов.

Эта информация подтверждает, что одним из принципов номинации в антропонимии может быть бытовая ситуация, способствующая появлению онима. Исследователи отмечают, что не всегда предками обладателей данных фамилий могли быть представители этноса. Известно, что калмыки часто нарекали ребенка именем-оберегом, надеясь на то, что темные силы не тронут ребенка с именем Орс (русский), Хаск (казах), Мангд (татарин). Так, Б. А. Шантаев в пример приводит этноним орсуд в Малодербетовском районе в бывшем Дунду-хуруловом аймаке. По легенде данный этнос произошел от русского мальчика, усыновленного калмыцкой семьей [Шантаев, 2010: 163].

Таким образом, ономастическая система Калмыкии представляет большой интерес с научной точки зрения. Рассмотрение специфики наименований этнонимического происхождения весьма продуктивно не только в рамках ономастики, но и в этнолингвистическом аспекте, поскольку, как правило, транслируют культурно-историческую информацию: представляют собой своего рода историю жизни этноса, энциклопедию народного быта, которая передаёт его уникальный колорит, своеобразие духовной и материальной культуры.

Список источников

1. Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. — Элиста : Калмыц. кн. изд-во, 2002. — 326 с.
2. Манджиев Н. Ц. Кердата и кердатинцы. — Элиста : Джангар, 2004. — 528 с.
3. Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 1998. — 384 с.

4. Монраев М. У. Проблемы современной калмыцкой антропонимии : дис. ... д-ра филол. наук. — Элиста, 1999. — 236 с.
5. Шантаев Б. А. Некоторые особенности соотношения калмыцких этнонимов и антропонимов // Вестник института. — 2010. — № 2 (21). — С. 162–163.

Сведения об авторах

Кичикова Надежда Андреевна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова; **Манджиева Элина Борисовна** — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия).

А. С. Коваленко, А. И. Манченкова

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА *

Аннотация. Настоящее исследование ставит перед собой цель рассмотреть особенности воздействия социокультурных факторов на развитие ономастического концепта. Анализ ономастического концепта MAD HATTER позволил сделать вывод о том, что с течением времени претерпевать значительные изменения может как базовая, так и вариативная часть ономастического концепта.

Ключевые слова: ономастический концепт, профилирование, ономастика, когнитивная лингвистика.

Активное развитие когнитивной лингвистики, оформившейся как отдельное направление науки в конце XX века, предопределило интерес ученых к рассмотрению когнитивной природы имени собственного, поскольку, по замечанию А. С. Щербак, «ономастика играет огромную роль в формировании когнитивной базы языковой личности в процессе ее становления» [Щербак, 2009: 169]. Более того, изучение связи языка и мыслительных процессов «позволяет выяснить, как ономастические единицы отражают видение и восприятие мира человеком и способы его концептуализации в языке» [там же].

В. В. Робустова подчеркивает, что ономастические единицы, неся в себе исторический и культурный след и транслируя таким образом основные ценности определенного общества, представляют собой «культурный портрет, степень яркости и насыщенности которого зависит от реципиента и его способности читать между строк» [Робустова, 2015: 21].

Особенно важными с точки зрения репрезентации культурно-исторического знания являются прецедентные, «концептуально нагруженные», имена собственные [Новикова, 2011: 91], поскольку они выполняют одновременно и номинативную, и характеризующую функции, а также обладают коннотативным потенциалом [Ли Яньянь, 2020: 31]. Д. Б. Гудков подчеркивает, что характерным признаком прецедентности является «регулярность интенционального использования соответствующего имени, при котором оно занимает позицию семантического предиката, а передаваемая с его помощью характеристика не нуждается в экспликации для представителей определенного лингвокультурного сообщества» [Гудков, 2003: 146–147].

Следствием концептуализации и категоризации содержащейся в сознании коммуникантов информации об определенном имени собственном становится образование ономастического концепта. В. В. Робустова синтезирует определение термина, данное А. С. Щербак, и предлагает собственную трактовку: «ономастический концепт — это символизируемая именем собственным

© Коваленко А. С., Манченкова А. И., 2023

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

ментальная структура, представляющая собой модель ориентации говорящего в мире на некотором участке его языковой картины», в составе которой находятся информационный, ассоциативный и эмоционально-оценочный компоненты [Робустова, 2018: 388]. Кроме того, в структуре концепта выделяется базовая и вариативная части [там же]. К базовой части ономастического концепта относятся те признаки имени собственного, которые актуализируются в сознании большинства реципиентов, для которых данный оним является прецедентным. К вариативной части ономастического концепта лингвисты относят информацию, связанную с индивидуальными ассоциациями и менее распространенными сведениями об имени собственном, обусловленными наличием у реципиентов большего количества фоновых знаний. Поскольку ономастический концепт является открытой и постоянно развивающейся структурой, как базовая, так и вариативная его части с течением времени могут претерпевать изменения.

Для исследования ономастического концепта важным оказывается также понимание особенностей реализации когнитивного механизма профилирования в прецедентных именах собственных, описанного Р. Лэнкером. Данный когнитивный механизм имеет физиологическую природу, поскольку, согласно замечанию Ж. Н. Масловой и Е. А. Поповой, человек способен «концентрировать внимание на определенной области концептуального содержания в составе комплексной, интегративной структуры знания и высвечивать отдельные, наиболее актуальные в конкретной ситуации характеристики этой области» [Маслова, Попова, 2015: 81].

Центральными понятиями изучаемого когнитивного механизма являются «база» (base) и «профиль» (profile). Базой является определенная часть концептуального содержания, которую вызывает некоторое языковое выражение в сознании реципиента, а профилем — какая-либо характеристика, на которой фокусируется реципиент [Лэнкер, 2006: 18]. Фактически профилем является какая-либо яркая характеристика (черта внешности, характера или какое-либо прецедентное событие), проявляющаяся на фоне концептуальной базы, на которой фокусируется внимание реципиента [Маслова, Попова, 2015: 80].

Целью данного исследования стало изучение особенностей воздействия социокультурных факторов на развитие ономастического концепта *MAD HATTER*.

Наверняка широкой аудитории *Hatter / Mad Hatter* известен в первую очередь как персонаж «Алисы в Стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье» британского писателя Льюиса Кэрролла. Именно с момента выхода данного литературного произведения и зарождается этот ономастический концепт. Однако интересно проследить значение самого слова *hatter*, зафиксированное в словарях английского языка. Так, словарь Merriam-Webster отмечает, что слово *hatter* впервые было использовано ещё в XIII веке в значении ‘one that makes, sells, or cleans and repairs hats’ [Merriam-Webster, эл. источник]. Аналогичное значение можно встретить и в словарях Oxford Learner’s Dictionary, Oxford Advanced American Dictionary, Collins Dictionary и Cambridge Dictionary. Для настоящего исследования важен факт вхождения слова *hatter* в состав идиомы *as mad as a hatter*, которую Oxford Learner’s Dictionary объясняет следующим образом: ‘(of a person) with crazy ideas or behaviour; very silly’ [Oxford Learner’s Dictionary, эл. источник]. Словарь Oxford Advanced American Dictionary связывает данное идиоматическое выражение с персонажем, созданным Льюисом Кэрролом, а также поясняет причину, почему безумие в какой-то момент стало идти рука об руку с профессией шляпных дел мастера: «From the Mad Hatter, a character in Lewis Carroll's Alice's Adventures in Wonderland. Because of the chemicals used in hat-making, workers often suffered from mercury poisoning, which can cause loss of memory and damage to the nervous system» [Oxford Advanced American Dictionary, эл. источник]. Таким образом, мы можем наблюдать, как до появления произведений Льюиса Кэрролла *hatter* в первую очередь было словом, обозначающим конкретную профессию, однако благодаря тому, что это имя нарицательное в книге превратилось в имя собственное, рождается образ, а вместе с ним и ономастический концепт *MAD HATTER*, который связан не с профессиональным поприщем героя, а с его профилируемым личностным качеством, т.е. безумием. Слово *hatter* обрастает новыми оттенками смысла, что зафиксировано в толковых словарях.

Для настоящего исследования ценным материалом стал Oxford Dictionary of Allusions, в котором *Mad Hatter* упоминается в двух тематических блоках: *Insanity* и *Chaos and Disorder*. С хаосом в словаре связано прецедентное событие *Mad Hatter's Tea Party*, символ беспорядка

и неразберихи. Сам же *Mad Hatter* связан с безумием: статья в Oxford Dictionary of Allusions упоминает идиому *as mad as a hatter* («To be 'as mad as a hatter' is to be wildly eccentric, a phrase that derives from the effects of mercury poisoning that was formerly a common disease suffered by hatters» [Delahunty et al, 2001: 211]), а также происхождение данного образа, т.е. связь *Mad Hatter* с произведением Льюиса Кэрролла («In Lewis Carroll's *Alice's Adventures in Wonderland* (1865), Alice attends a bizarre tea party in the company of the Hatter, the March Hare, and the Dormouse. The Hatter's conversation consists mainly of non sequiturs and strange riddles like 'Why is a raven like a writing-desk?'») [там же]).

Кроме того, было найдено значение, которое слово *hatter* приобретает в австралийском варианте английского языка. В Австралии шляпником могут называть человека-отшельника, который предпочитает обществу людей одиночество на лоне природы: «The hatter was most often a middle-aged bearded man (usually portrayed as an old prospector still searching for gold) who lived and travelled alone with no other company except perhaps for a pet dog. He was not social and did not like to talk to other people» [Barrat, эл. источник]. «Шляпничество» в таком случае нередко связывалось с эксцентричностью, странностью, нелюдимостью и иногда паранойей. Интересно, что подобное значение у *hatter* появляется именно в Австралии: плотность населения в прибрежных зонах данного материка даже сегодня крайне низкая, а центральная часть совсем не освоена, поэтому неудивительно, что географические и исторические факторы повлияли на развитие энциклопедического значения этой лексической единицы.

Перейдём к анализу образа персонажа *Hatter / Mad Hatter*, представленному в популярной культуре, через который можно проследить эволюцию ономастического концепта. *Mad Hatter* появляется в мультфильме студии Дисней «*Alice in Wonderland*» и в целом соответствует своему книжному аналогу: это пожилой шляпных дел мастер, которого Алиса встречает за странного вида чаепитием вместе с Мартовским Зайцем. *Mad Hatter* ведёт себя крайне эксцентрично, не прекращает хаотично разговаривать. Как и в книге, *Mad Hatter* в мультфильме – лишь второстепенный персонаж, поэтому мы видим его в малом количестве сцен. Определяющим качеством героя и базовой частью концепта *MAD HATTER* остаётся безумие. Помимо этого, в мультфильме, как и в литературном произведении, присутствует стойко ассоциирующаяся с персонажем шляпа, а также происходит привязка образа к чаепитию.

Герой *Mad Hatter* появляется и в адаптации «*Alice in Wonderland*» режиссёра Тима Бёртона. Здесь *Hatter* – уже не просто персонаж, который появляется на экране в ряде второстепенных по значению сцен, но один из главных героев и друзей Алисы, с которым у неё образовывается сильная эмоциональная связь. Он всё так же отличается странным поведением, носит шляпу, и его первая встреча с Алисой тоже проходит за чашкой чая.

Однако для настоящего исследования любопытным стал мини-сериал «*Alice*» совместного производства Великобритании и Канады. Данная весьма вольная адаптация произведения Льюиса Кэрролла рисует перед зрителем портрет совсем другого Шляпника. Здесь *Hatter* – молодой человек, которого Алиса встречает, попав в Страну чудес. На его голове – всё та же традиционная шляпа, в его руках – всё тот же чай (к тому же здесь он не шляпных дел мастер, а владелец чайной лавки), однако герой вовсе не безумен. Возможно, его характеризует некая эксцентричность, однако на протяжении сериала *Hatter* – преданный помощник и в конечном итоге основной романтический интерес главной героини. Часто именно он становится голосом разума, в то время как остальные персонажи ведут себя странно, ведомые отчаянием или жаждой наживы.

Причиной вышеописанных трансформаций образа персонажа и связанного с ним ономастического концепта могло стать наличие социального запроса и интереса зрителей к развитию изначально второстепенного героя, усложнению его характера, а также существующий в современной киноиндустрии тренд на создание адаптаций известных произведений с внесением изменений в характер персонажей и отношений между ними.

Рассмотрев эволюцию концепта *MAD HATTER* и изменения образа связанного с ним прецедентного персонажа в литературе, киноиндустрии и словарях, можно сделать вывод о том, что при упоминании данного героя у реципиента могут профилироваться следующие ассоциативные черты: безумие, чаепитие, шляпа. Несмотря на то, что все эти черты являются базовой частью концепта, в различных художественных адаптациях под влиянием различных социокультурных факторов они претерпевают сильные трансформации.

Список источников

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М. : Гнозис, 2003. — 288 с.
2. Ли Яньян. Прецедентное имя и его коннотации // *Litera*. — 2020. — № 4. — С. 30–36.
3. Лэнекер Р. В. Концептуальная семантика и символическая грамматика // *Вопросы когнитивной лингвистики*. — 2006. — № 3 (009). — С. 15–27.
4. Маслова Ж. Н., Попова Е. А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций // *Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докл. VII Междунар. конф.* — 2015. — С. 80–85
5. Новикова О. Н. Аспекты когнитивного изучения имени собственного — антропонима // *Вопросы когнитивной лингвистики*. — 2011. — № 3. — С. 90–93.
6. Робустова В. В. Ономастическая лексика как способ вербализации концептов // *Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация*. — 2015. — № 2. — С. 20–30.
7. Робустова В. В. Особенности вербализации ономастического концепта АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС в современной культуре // *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. науч. тр.* — 2018. — № 2. — С. 387–390.
8. Щербак А. С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // *Вестник ТГУ*. — 2009. — № 10 (78). — С. 169–174.
9. Barrat J. The Australian Hatter // *The Dusty Box*. — URL : <https://thedustybox.com/2017/08/18/the-australian-hatter/> (дата обращения: 23.05.2023).
10. Delahunty A., Dignen S., Stock P. *The Oxford Dictionary of Allusions*. — NY : Oxford University Press, 2001. — 453 p.
11. Cambridge Dictionary. — URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hatter> (дата обращения: 23.05.2023).
12. Collins Dictionary. — URL : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/hatter> (дата обращения: 23.05.2023).
13. Dictionary by Merriam-Webster. — URL : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/hatter> (дата обращения: 23.05.2023).
14. Oxford Advanced American Dictionary. — URL : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/hatter (дата обращения: 23.05.2023).
15. Oxford Learner's Dictionary. — URL : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hatter> (дата обращения: 23.05.2023).

Сведения об авторах

Коваленко Анна Сергеевна — преподаватель кафедры испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; **Манченкова Анна Игоревна** — преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

И. В. Крюкова

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В КОНСТРУКЦИЯХ С ЭКСПРЕССИВНЫМ ОТРИЦАНИЕМ

Аннотация. В статье анализируются функциональные возможности имен собственных в конструкциях с экспрессивным отрицанием, нацеленных на выполнение прагматических задач (уточнение, коррекция, оценка и др.). Показаны семантические различия между употреблением в таких конструкциях имен собственных с интралингвистическими коннотациями и экстралингвистическими. У имен с интралингвистическими коннотациями отрицание направлено на языковое выражение имени, а у имен

с экстралингвистическими коннотациями — на какой-либо признак объекта/субъекта номинации, закрепленный в массовом языковом сознании.

Ключевые слова: имя собственное, отрицание, экспрессивность, оценочность, интралингвистическая коннотация, экстралингвистическая коннотация

Предмет исследования в данной статье — имена собственные в составе отрицательных высказываний, которые нацелены не столько на сообщение новой информации, сколько на осуществление прагматических задач: оценка, коррекция, уточнение, усиление смысла, выражение настроения и т.п. По нашим наблюдениям, онимные конструкции с отрицанием способны выражать подобные компоненты значения. В качестве примера рассмотрим высказывания двух типов:

(1) *Пришла не Таня, а Настя.*

Местом проведения конференции стала не Москва, а Рязань.

(2) *Она тебе не Таня, а Татьяна Ивановна.*

Это не Москва, здесь плохо с общественным транспортом.

В высказываниях (1) представлено логическое отрицание, а в высказываниях (2) — экспрессивное. По своей природе это эмоционально-экспрессивные конструкции, эмфаза, выраженная именами собственными, выступает в таких конструкциях очень ярко.

В высказываниях с экспрессивным отрицанием используются, как правило, имена собственные, в семантической структуре которых, помимо предметно-логического содержания, присутствуют коннотативные компоненты значения. Мы определяем ономастическую коннотацию как компонент семантики имени собственного, в котором отражено отношение носителей языка к внутренней форме онима или к субъекту/объекту номинации. Соответственно выделяются имена с интралингвистическими коннотациями и с экстралингвистическими. Интралингвистические коннотации связаны с языковой формой имени собственного, актуализаторы интралингвистических коннотаций — необычный фонетический или графический облик имени, нестандартные словообразовательные формы, суффиксы субъективной оценки антропонимов и т.п. Экстралингвистические коннотации соотносимы с признаками широко известного денотата, закрепленными в массовом сознании носителей языка, безотносительно к языковой форме имени [Крюкова, 2019]. Онимы этих двух групп мы совокупно рассматриваем как коннотативные имена собственные.

С целью определения функциональных возможностей коннотативных имен собственных в конструкциях с экспрессивным отрицанием мы проанализировали контексты их употребления, полученные путем ориентированного поиска из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и двух лексикографических источников [Отин, 2004; Крюкова, Врублевская, Кирпичева, 2021]. Контекстуальный анализ показал зависимость характера отрицательной оценки от типа коннотативного значения имени собственного.

У имен с интралингвистическими коннотациями отрицание при имени собственном направлено на внешнюю форму имени. В этом отношении особенно показательны русские личные имена, имеющие большие деривационные возможности. Подобные случаи И. М. Богуславский и Е. Л. Вилинбахова определяют как метаязыковое отрицание: «Феномен метаязыкового отрицания интересен тем, что в его сфере действия оказывается не пропозиция, а способ ее языкового выражения: речь идет не о том, что имеет место не одно действие, а другое (как в случае Не спим, а работаем), а о том, что данное действие правильно называть не одним способом, а другим» [Богуславский, Вилинбахова, 2021].

Компактным и емким характеризующим средством метаязыкового отрицания подобного рода становятся антитезные конструкции, в которых обе позиции занимают разные формы именования одного и того же субъекта:

– при исправлении неофициальной формы имени; *Кстати, почему вы меня называете Ваней? Я для вас не Ваня, а Иван Викторович* (А. Анисимов. Чужая мама, 2022).

– при указании на изменившийся социальный статус героя или его взросление; *На пороге стоял не Димочка, а Дмитрий. От прежнего милого юноши ничего не осталось* (М. Тауб. Терпкий вкус терновника, 2016).

– при маркировании изменившейся ситуации, которой перестала соответствовать прежняя форма имени; *Мой отец, его называли уже не Якоб, а по-нашему, Яков, мотается с Черниговщины в Базель, из Базеля на Черниговщину* (А. Рыбаков. Тяжелый песок, 1975–1977).

В подобных конструкциях отрицание буквально означает ‘вы не должны называть меня / его Ваней / Димочкой и т.п.’ или ‘его больше не называют Якоб’.

Между тем, по нашим наблюдениям за функционированием коннотативных имен собственных, сфера их употребления в экспрессивных отрицательных конструкциях более широкая. Она не ограничивается метаязыковым отрицанием, характерным для коммуникативных ситуаций, в которых разные формы антропонима привязаны к конкретному носителю имени.

Среди антропонимов с интралингвистическими коннотациями выделяется небольшая, но функционально активная группа онимов, способных к переносному употреблению в качестве средства обобщенной оценки субъекта. Такова, например, фамилия *Иванов*, которая в «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина определяется как ‘всякий русский, условное именование русского, замещающее его реальную фамилию и лишаящее индивидуальных черт’ [Отин, 2004: 168]. Однако в конструкциях с экспрессивным отрицанием, в том числе и в форме множественного числа, эта фамилия используется для обозначения носителей более редкой фамилии, чем *Иванов*, причем безотносительно к их национальности. *Притом фамилия у него не Иванов и Петров, а Плинт, ее не сразу и забудешь, если услышал хоть раз* (В. Зверовщиков. Плинт, 2019). *Зыбины — это не Ивановы, фамилия нечастая, потому мама и тетя Катя считали себя родственницами* (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха, 1987). В эмоционально-оценочном плане такие высказывания близки к нейтральным.

При этом у устойчивой отрицательной конструкции *не Иванов /не Ивановы* в ряде контекстов появляется иное коннотативное значение с более ярко выраженным эмоционально-оценочным компонентом. Эта фамилия используется с отрицанием в эвфемистических конструкциях для обозначения национальности и буквально означает ‘еврей’. *Академики Иоффе и Раушенбах — тоже не Ивановы.* (Д. Каралис. Космонавт, 2002-2003 // Нева, 2002). *Я же правда не Иванов* (А. Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания, 1991-2000).

Однако наибольшим разнообразием отличаются отрицательные конструкции с именами собственными, в семантической структуре которых отмечены экстралингвистические коннотации. Такие имена собственные, принадлежащие к фонду общих фоновых знаний носителей русского языка и культуры, обладают потенциальной способностью к эмоционально-оценочному употреблению в переносном значении.

В равной степени активно в отрицательных конструкциях используются не только антропонимы, но и топонимы, эргонимы, гемеронимы. При этом одни из них выступают в качестве инструмента позитивной оценки (*Брэд Питт* — привлекательная внешность, *Пугачева* — известность, популярность, *мать Тереза* — благотворительность, *Сочи* — хороший климат, *Сбербанк* — платежеспособность и т.п.), а другие — в качестве негативной (*Павлик Морозов* — предательство, *ГУЛАГ* — жестокое обращение, ограничение свободы, *Макдоналдс* — однотипные некачественные услуги, *КВН* — низкокачественный юмор и др.).

Имена с позитивными экстралингвистическими коннотациями используются в отрицательных эмоционально-оценочных конструкциях для негативной оценки в связи с отсутствием у лица или объекта признаков, необходимых с точки зрения говорящего.

Например, отсутствие внешней привлекательности или известности, популярности субъекта: *Голос явно не оперный, и внешне далеко не Брэд Питт* (Пятница, 16.11.2018); — *А где вы взяли мой телефон? — Это не трудно. Вы же не Пугачева* (В. Токарева. Невезучая Фима, 2016). Или плохие климатические условия: *Тепла не хватает — все-таки Новосибирск — не Сочи* (Советский спорт, 14.04.2009). *Вообще запаситесь теплыми вещами: Тверская область — не Сочи* (Труд-7, 07.07.2010).

Позитивно-оценочные имена используются также как аргумент при оправдании, часто — самооправдании, т.е. при снятии с себя вины. Это, как правило, демонстрация объективной невозможности совершения какого-либо действия. Например, невозможности оплачивать что-либо. *Я вам не мать Тереза, а бизнесмен* (Комсомольская правда, 16.02.2004). *Это просто*

несуветные деньги! Я же не «Лукойл» какой-нибудь (Труд-7, 2007.11.02). *Я тебе не Сбербанк, чтобы льготные кредиты выдавать* (С. Янушкевич. Время — назад, 2019).

Очевиден ироничный характер таких высказываний. Рассматривая конструкции с отрицанием как одно из средств проявления иронии, О. П. Ермакова отмечает, что гораздо охотнее с отрицанием сочетаются метафоры положительной оценки, чем отрицательной: не ангел, не клад, не геркулес, не Аполлон, не Венера, не рай, не мед, не сахар, не подарок и т. п. Все слова с положительными коннотациями [Ермакова, 2017: 148].

Однако, как показал наш материал, имена с негативными экстралингвистическими коннотациями проявляют не меньшую активность в конструкциях с экспрессивным отрицанием. При этом они, в отличие от предыдущих примеров, характеризуют лицо или объект в высшей степени положительно в связи с отсутствием у них отрицательных признаков, закрепившихся в коннотативном значении имени собственного. *Говорят, Никита Михалков правильно ответил, когда его спросили про папашу: «Я же не Павлик Морозов»* (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов», 1997). *Наука — это ж не Голливуд, где каждый Спилберг может все что угодно напридумывать* (Комсомольская правда, 2001.11.30). Здесь частотны противопоставленные отрицания, в которых негативно окрашенное имя собственное находится в постпозиции и противопоставлено другому объекту, обозначенному собственным именем. *Это программа «Время», а не КВН. Здесь неуместны глупые шутки* (Известия, 29.01.2002). Или именем нарицательным. *Это книжный магазин, а не Макдоналдс. Здесь не нужны мальчики и девочки с бессмысленными глазами и в маячках с логотипом фирмы* (Завтра. 16.07.2008).

Обратим внимание на присутствие практически во всех приведенных выше примерах усилительных элементов при именах собственных с экспрессивным отрицанием. Например, частица *же* /*ж*, неопределенное местоимение *какой-нибудь* /*какая-нибудь* или личное местоимение второго лица в дательном падеже *тебе* /*вам* усиливают эмоционально-оценочные коннотации. Иногда встречаем концентрацию усилительных элементов в одном высказывании. *Знаете, это же вам не Куршевель какой-нибудь. Это место никогда не станет модным* (М. Галина. Добро пожаловать в нашу прекрасную страну! 2013).

По нашим данным, наиболее частотный элемент, усиливающий экспрессивное отрицание — местоимение второго лица в дательном падеже. Это, по определению Л. Г. Кустовой, экспрессивный («риторический») дательный, он является факультативным и вводится для достижения определенного риторического эффекта [Кустова, 2012]. Значения отрицательных конструкций с риторическим дательным находятся в прямой зависимости от типа коннотативного значения онима. Так, у имен с интралингвистическими коннотациями дательный падеж прямо указывает на конкретного адресата, присутствующего в данной коммуникативной ситуации. Например, *Он тебе не Дима, запомни, а Дмитрий Вениаминович* (пример Л. Г. Кустовой). А у имен с экстралингвистическими коннотациями риторический дательный имеет обобщенное значение и не обращен к конкретному адресату. *Я вам не Виктор Цой, мне не надо перемен* (С. Атасов. 1000 золотых анекдотов, 2003).

Таким образом, экспрессивное отрицание актуализирует разные признаки, закрепленные в коннотации имени собственного. Учет рассмотренных признаков, напрямую зависящих от типа ономастической коннотации, расширяет и углубляет представления о контекстуальной семантике имени собственного.

Список источников

1. Богуславский И. М., Вилинбахова Е. Л. Имена собственные в сфере действия метаязыкового отрицания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодн. междунар. конф. «Диалог». — М. : РГГУ, 2022. — Вып. 21. — URL : <https://www.dialog-21.ru/media/5749/boguslavskiyimplusvilinbakhovael091.pdf> (дата обращения: 31.05.2023).
2. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. — 3-е изд., стер. — М. : Флинта, 2017. — 202 с.
3. Крюкова И. В. Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, вып. 10. — С. 261–266.
4. Крюкова И. В., Врублевская О. В., Кирпичева О. В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: опыт лексикографического описания. — Волгоград, 2021. — 199 с.

5. Кустова Г. И. Дательный падеж : материалы для проекта корпусного описания рус. грамматики. — М., 2012. — URL : <http://rusgram.ru> (дата обращения: 31.05.2023).
6. Национальный корпус русского языка. — URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.05.2023) (НКРЯ)
7. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. — Донецк : «Юго-Восток, Лтд», 2004. — 412 с.

Сведения об авторе

Крюкова Ирина Васильевна — д.филол.н., профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогический университета (Волгоград, Россия).

Е. Г. Луговская

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРОИЗВОДНЫХ, ВАРИАНТОВ, ВАРИАЦИЙ И ОШИБОК В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЗАПИСИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

***Аннотация.** В статье рассматриваются логические основания и способы фиксации имени, фамилии и отчества в личных документах индивида. Определяется, что деформированная запись именованного характеризуется референциальностью определенной дескрипции, что позволяет на основании лингвистического исследования способов именованного одного и того же лица, доказывать его идентичность. Рассматривается категория нормативности именованного и предлагается классификация способов представления имен собственных в документальной записи с их распределением на производные, ошибочные именованного, варианты и вариации по отношению к нормативному употреблению имени собственного.*

***Ключевые слова:** антропоним, референция имени собственного, референциальность определенной дескрипции, именованное, ошибка, норма, вариант, вариация, документальная запись, лингвистическое исследование*

Оставляя за рамками настоящего исследования рассуждения о сущностной специфике референции имен собственных и полноте их знаковой структуры согласимся с утверждением о том, что референция имени собственного-антропонима как процесс соотношения имени с объектом действительности может быть обеспечена как значением, так и отношением именованного; что ее суть в указании на объект и возможны такие контексты, в которых имя собственное предстает полноценным знаком и имеет самостоятельное значение; что имя собственное-антропоним реализует свои потенции языкового знака по-разному в языке и речи; что базовым признаком для имени собственного является наличие у него энциклопедического значения и определенного набора индивидуализирующих признаков, определяющих его уникальность.

С этих позиций подойдем к рассмотрению функционированию имени собственного как единственного способа именованного объекта в качестве представителя класса предметов объективной реальности той части делового дискурса, которая характеризуется письменным характером представления, строгостью, официальностью и полнотой реализации и подтвержденной достоверностью указанных сведений (наличием обязательных реквизитов официального документа, заверением) — речь пойдет об основаниях и способах фиксации имени, фамилии и отчества в личных документах индивида.

Основное требование к указанной документальной формуле в деловом дискурсе (особенно для его письменной реализации) — это полная идентичность представляемых данных в любом и каждом из документов, принадлежащих одному и тому же лицу. Соответствующая запись может быть реализована как неполная (только имя и фамилия), инверсированная (имя — отчество — фамилия, имя — фамилия — отчество) или сокращенная, смешанная (фамилия и инициалы,

фамилия — имя — инициал отчества) в зависимости от жанровых особенностей документа и специфики его формуляра, однако в любом случае наличествующие данные должны совпадать для всех документальных обозначений данного лица.

На практике это требование иногда не выдерживается, что может быть связано как с техническими ошибками при заполнении формуляра, так и с коммуникативной установкой составляющего/заполняющего документ. И в том, и в другом случае прагматика документальной записи аспектирована отношением к контексту и организацией составляемого текста, который результирует взаимодействие физического лица с юридическим (индивида с официальной организацией, государством), а также интенцией и объемом фонда знаний, в первую очередь, представителя юридического лица, заполняющего документ, но и самого именуемого в документе объекта (или его законных представителей).

Любые изменения в документальной формуле (в дальнейшем будем обозначать их термином деформированная запись), разидентифицирующие представление именуемого лица, ведут к недействительности всего документа, то есть выводят поименованный объект из поля субъектов официально-деловой сферы, но при этом не отменяют сущностной референциальности именованного.

Однако в таком случае мы имеем дело с референциальностью определенной дескрипции, хотя по сути, конечно же, каких-либо свойств, описываемых деформированной записью по сравнению с документальной формулой, в этом представлении не появляется, но именно в этих различиях и эксплицировано отношение деформированной записи как определенной дескрипции к другим объектам, существование которых обусловлено лингвокогнитивными, историко-культурными, социально-политическими или другими причинами.

Так, например, использование имен Иван на Ион в разных документальных записях одного и того же лица делает одну из них нелегитимной и исключает поименованное лицо из объектов той юридико-социальной сферы, для которой значим его документально подтвержденный статус, но не отрицает самого факта отнесения деформированной записи к именованию этого лица.

Возникает парадокс — отрицать факт, например, окончания лицом учебного заведения и получения им соответствующей квалификации на основании того, что в представленном им в качестве доказательства документе содержание документальной формулы имени не соответствует записи в основном документе, удостоверяющей личность (например, паспорте), нельзя, потому что этим отрицается факт реальной действительности; но подтвердить идентичность лица, предъявляющего, к примеру, паспорт и поименованного в документе об образовании также не представляется возможным в силу несоответствия форм представления.

Вместе с тем, характер деформированности записи указывает на объекты, через отношение к которым обозначается данный единичный объект — в данном случае использование имени Ион вместо Иван прецендирует коммуникативную установку заполнявшего этот документ лица (и согласие с этой установкой поименованного лица), обусловленную фоновыми знаниями сторон этой коммуникации об этимологии обоих имен и соотносимости их в качестве национально-культурных вариантов имени Иоанн.

Такая имплицитная дескриптивность и позволяет на основании наличествующей референциальности исследовать языковое выражение имени и обнаружить указания если не на описание свойств поименованного единичного объекта, то, по крайней мере, на его отношения в другим объектам, отнесенность к которым не противоречит условиям реальности и уникальности (единственности) его существования.

В данном случае семантический подход к пониманию референциальной сущности имени собственного позволяет нам рассматривать его как скрытую дескрипцию, содержание которой может быть восстановлено в рамках интенционально-прагматического подхода, который подтверждает зависимость способа реализации именованного лица при заполнении документа от условий этой специфической коммуникации. Дейктический подход позволяет предполагать, что выбор способа отнесения имени к лицу в конечном счете сводится к сущностной референциальности имени как способности указывать на конкретное лицо, а строго номинативный помогает, абсолютизируя отношения именованного (не указания), рассматривать знаки именованного как жесткие десигнаторы.

Правомерность выводов лингвистического исследования деформированной записи имени собственного, подтверждающих (или отрицающих) идентичность лица, таким образом поименованного, лицу, предъявляющему документ с деформированной записью, не может быть истолкована как доказательство идентичности имен (их вариантов или вариаций, производных или ошибочных написаний) как представителей классов объектов предметов объективной реальности.

Вместе с тем, лингвистическое исследование письменной речи — это, прежде всего, поиск закономерностей использования языка в том или ином ключе, исследование продуктов речевой деятельности. Лингвистическое исследование документальной записи имени собственного направлено на установление факта принадлежности документов с сопоставимыми, но отличающимися по форме представления в силу объективных обстоятельств именами собственными, оному и тому же лицу, что может быть доказано посредством обращения к закрепленным национально-языковой традицией и кодифицированным лексикографическим и грамматическим описанием языковым единицам — именам собственным, с обязательным учетом историко-этимологических, лингвокультурных и социокоммуникативных (а иногда и политико-экономических) особенностей реализации имен собственных в письменном тексте делового дискурса (документальная запись).

При проведении лингвистического исследования деформированной записи исследователь руководствуется признанными в лингвистической науке лексикографическими источниками (для записей на русском языке это прежде всего словари русских личных имен Н. А. Петровского [Петровский, 1980] и А. В. Суперанской [Суперанская, 2004]) и грамматическими правилами (например, в русском языке — правила склонения имен и фамилий, правила образования отчеств).

Обращение к этим источникам важно не в качестве доказательства того, что языковые единицы в документальной записи входят в состав литературного языка — это, в какой-то мере, лишает запись элемента индивидуализации, а в качестве установления отправного пункта определения обстоятельств деформации записи.

Здесь стоит ввести понятие условно деформированной записи — иногда основная (в свидетельстве о рождении, паспорте) запись содержит такие языковые единицы, которые не соответствуют требованиям нормативности и кодифицированности, в этом случае исследователь-лингвист должен рассматривать именно эту запись как основную, идентифицирующую лицо, поименованное в документе, а записи измененные записи в других документах (содержащие в себе попытки «исправить ошибку» представления имени с опорой на узуальное его употребление) — как деформированные. Например, в паспортных записях используются в функции полных сокращенные русские имена, типа Миша, Таня, др., что, строго говоря, является нарушением правил функционирования русских имен в документальных записях (только полные имена). Тогда возможна ситуация, что в документе, например, об образовании, лицо, заполняющее формуляр, укажет на месте условно деформированного имени его нормативный вариант. В этом случае разница в именовании будет исследоваться от ненормативного к нормативному как от конкретной референции к определенной дескрипции.

Определение обстоятельств деформации записи всегда связано с необходимостью дополнительных сведений о месте и времени выдачи оригинального документа, как того, где закреплена деформация, так и того, по соотнесению с которым проводится исследование (то, что все остальные признаки принадлежности исследуемых документов, как то время и место рождения, идентичность хотя бы одного из компонентов документальной записи для всех представлений, одному и тому же лицу подтверждены, не подлежит сомнению).

В нашей исследовательской практике мы чаще всего сталкивались с социолингвистическими (например, для документов, выдаваемых в сельской местности), лингвокультурными (например, для документов, выдаваемых в полиязычном регионе, с образцами языковой интерференции в письменной фиксации имени), историко-культурными (например, для документов, выданных во времена СССР), субъективно-техническими (например, для документов, оформляемых при помощи технических средств (опечатка, автоисправление) и выписываемых от руки лицом с невысоким уровнем юридической и языковой компетентности) причинами деформации документальных записей имен.

В каждом конкретном случае интерпретировать деформацию причинами только одного из отмеченных аспектов нельзя, как правило, в деформации задействован целый комплекс таких причин. Так, например, на исследование поступили материалы гражданина N, фамилия которого, созвучная общеупотребительному прилагательному (например, серебряный), в составе документально закрепленного именованья писалась с удвоенной буквой н. Проблема заключалась в том, что в электронных расчетных листках, выдаваемых гражданину, фамилия фигурировала в варианте с одной н, потому что электронная система «исправляла» ошибку в написании имени собственного, рассматривая его как обычное слово русского языка; на основании этих расчетных листков была составлена справка, в которой оформитель указал вариант с двумя н либо на основании записи фамилии в сопровождающих документах, либо по причине невнимательности или низкой языковой компетентности. При проверке и соотнесении всех документов выяснилось, что справка не может быть принята, потому что сведения о лице, которому выдана справка не совпадают со сведениями о лице, указанном в расчетных листках как основаниях справки, при этом проблем с идентификацией лица, поименованного в расчетных листках, не возникло, так как идентичность лица была подтверждена полным совпадением остальных сведений (табельный номер, должность, др.).

Осуществляя поиск причин деформации именованья лица, исследователь имеет дело как минимум с тремя аспектами сопоставления правильного и деформированного вариантов: формально-содержательным (есть такое имя в словаре национального языка, на котором произведена документальная запись, или нет), преимущественно содержательным (есть ли похожее по звучанию и значению (этимологии) имя в другом языке) и преимущественно формальным (есть ли есть ли похожее по написанию и значению имя в любом языке).

Полное и производное имена, а также нормативное и ошибочное могут быть рассмотрены с точки зрения литературной нормы безотносительно к идентифицирующему лицу оформлению записи. В этом случае в основании сопоставления оказывается ортологический критерий как собственно лингвистический, что совершенно не объясняет причин и обстоятельств существования закрепленной документом деформированной формы именованья лица. На основании отнесения формы именованья к нормативным, ошибочным, полным или производным исследователь не может сделать вывод о причинах референциального выбора при документальной фиксации имени. На этом этапе очень легко исследование референциальной предрасположенности именованья лица подменить суждением существования или несуществования соответствующей формы имени, тогда как для описания потенциальных речевых реализаций именованья необходим семантико-функциональный критерий — с чем мы имеем дело с вариантом или вариацией нормативной (полной или производной) формы имени? Что представляет собой имя собственное Серебряный по соотнесению с нормативным с(С)еребряный, или имя Ана по соотнесению с Анна, Марианна и Мари-Анна, Серафим и Сирафим. А как рассматривать такие случаи несовпадения в написании как Дмитрий и Думитру, Ион и Иван, варианты фамилий на -ко с концовкой -ку, варианты фамилий на -ский с концовкой -ски без изменения формы фамилии женского рода, или такие отклонения от правил образования отчеств, т.п. Как, доказывая принадлежность формально различающихся именованья, лингвистически верно обозначить исследуемые языковые элементы?

Предлагаем следующую систему обозначений.

Производные имена — все возможные номинации для класса объектов, которые могут иметь похожие, совпадающие по форме или содержанию, но не идентичные имена (семантический подход к референции); принадлежность имени к этой группе определяется языковой конвенцией (закреплено в словарях и справочниках).

Ошибка в имени может трактоваться именно как ошибка, обусловленная некоторыми обстоятельствами заполнения документов (но не самого акта имянаречения), только в том случае, если имянаречение реализовано в рамках традиций и норм данной лингвокультуры, в остальных случаях понятие ошибки не может быть использовано, так как для имени собственного базовым выступает референция к уникальному объекту, и нормой представления того или иного имени в процессе имянаречения может быть выбрано имя, формально или содержательно нарушающее традицию. Например, Серафим и Сирафим могут быть как разными именами в том случае, если они указывают на разных людей, так и двумя представлениями одного и тоже имени; имя Миша для

лица мужского пола может рассматриваться как производное и быть возведено к полной форме Михаил. Однако точно такое же имя Миша для лица женского пола уже не может быть рассмотрено как производное к имени Михаил. В этом случае мы будем иметь дело с лингвокультурным вариантом производного имени Миша, взятого как полное и нормативное (ср.: Микаэль — Микаэла), вариантность которого обеспечивается единым этимологическим основанием. Так, для вариантов Ион, Джон, Иван, использованных для именованя одного и того же лица, этимологическим основанием будет выступать Иоанн. Такой же подход можно применять и при интерпретации вариантов некоторых национальных фамилий в случаях непоследовательного документально закрепления формально-грамматических маркеров гендерной или социально-статусной специфики носителя фамилии; тоже для фамилий, имеющие в русском языке форму женского рода, но при выдаче документа на иностранном языке потерявшие этот грамматический показатель (Ольга Крылов или Мария Петровски), а для формы представления отчества без соответствующего грамматического показателя, только с указанием имени отца (типа Иванова Ирина Александр).

Таким образом варианты именованя — это характеризующиеся национально-культурной спецификой номинации для класса объектов, которые имеют общие этимологические основания, но не совпадают по форме.

Вариациями являются все существующие и вероятные написания нормативно и культурно закреплённого имени, трансформации представления которого обусловлены потенцией языка, на котором делается документальная запись, реализовать особенности его звукового или формально-графического представления. Так, вариации типа Наталья и Наталия, Джон и Джонн, Еуджениу и Еугениу, отчества Валерьевна и Валериевна, Михайлович и Михайлович, Ольга и Олга будут вариациями именованя одного и того же лица. Для фамилий вариациями можно считать запись, в которой последовательно использованы надстрочные диакритические знаки (для букв ё и й), не использованы или использованы непоследовательно (обозначение только для й). С осторожностью нужно относить к вариациям записи фамилии одного и того же лица случаи обусловленного языковой интерференцией дополнительного указания на твердость или мягкость в некоторых позициях, (например, Костолевский и Костолевский, Топольский и Тополский), а особенно — несовпадения гласных и согласных в значимой части фамилии (в этом случае высока вероятность того, что Марьянов и Марианов, Каравай и Коровай (Каровой, Коравай), Заяц и Заец (Заиц) — совершенно разные люди). Для того, чтобы делать вывод о том, что указанные случаи формального несовпадения маркируют вариацию одного и того же имени, важно располагать сведениями о частотности (распространенности, преимущественности) такого способа записи имен на той или иной территории, в тот или иной временной промежуток. Так, например, высокая частотность записи имени Геннадий с одной н в документах, выданных на территории бывшей МССР в период существования МССР позволяет рассматривать такую форму именованя лица вариацией при соотнесении с закреплённой основным документов формы именованя Геннадий с двумя н.

Интересны вариации женских патронимов, образованных не от основы мужского имени, а от формы мужского рода патронима — Михайловична, Серафимовична, Ильична — в данном случае критерием отнесения данных патронимов к вариациям нормативных Михайловна, Серафимовна и Ильинична будет регулярность использования словообразовательной модели.

Имя должно быть жестким десигнатором, но любые отклонения от формы приводят к тому, что такое деформированное имя начинает рассматриваться как уникальное само по себе, а не в связи с его недеформированным соответствием, то есть соотнесенное с другим лицом, принадлежащее другому лицу, указывающее на другое лицо. Лингвистическое исследование призвано доказать, что вариант, вариация, или даже имя с ошибкой — представляются как десигнаторы нормативного (но не с точки зрения языка, а с точки зрения носителя) имени.

Таким образом, понятие производного имени — поле всех форм имени — десигнаторов, которые могут быть использованы как референция к конкретному человеку (надо учитывать культурный фон, социальные факторы (город/деревня)); понятие ошибки — отношение не к норме вообще, а к тому представлению о ней, которым руководствовался называтель в процессе имянаречения (могут быть нарушены орфографические и грамматические нормы языка именованя — если в свидетельстве о рождении и паспорте указано Сегизмунд, то для данного конкретного объекта

это жесткий десигнатор и если потом при выдаче другого документа имя было записано в соответствии с нормой национального языка Сигизмунд — то это ошибка); вариант именования определяется по общим этимологическим основаниям и формальному несоответствию (Хуан — Жуан — Гуан), но не наоборот (ср.: Марианна от лат. *Marīānus*, посвященный Марсу и Мари-Анна (Анна-Мария, Анна-Мари) от слияния двух древнееврейских имен); вариация — допускаемое нормами языка, а в полиязычных сообществах — обусловленное интерференцией, написание именования.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. — М. : Гнозис, 2005. — 326 с.
2. Боровикова Н. В. Имя собственное как знак в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета — 2010. — С. 13–19
3. Лазарева В. А. Имя собственное: проблемы референции. — М. : Индрик, 2017. — 264 с.
4. Линский Л. Референция и референты = Leonard Linsky. Reference and referents // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XIII : Логика и лингвистика (Проблемы референции). — URL : https://classes.ru/grammar/157.new-in-linguistics-13/source/worddocuments/_6.htm (дата обращения: 30.05.2023).
5. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. — 2-е изд. — М. : Рус. яз., 1980. — 384 с.
6. Суперанская А. В. Словарь русских личных имён. — М. : ЭКСМО, 2004. — 543 с.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — 368 с.
8. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А. П. Непокупный. — 2-е изд. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — 256 с.
9. Черняк А. З. Собственные имена как жесткие десигнаторы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Философия». — 2016. — № 2. — С. 113–120.
10. Cherniak A. Z. References of proper names as the problem of contemporary philosophy of language // RUDN Journal of Philosophy. — 2019. — № 23 (1). — Pp. 56–65.
11. Kripke S. Naming and Necessity. — URL : http://socialistica.lenin.ru/analytic/txt/k/kripke_1.htm (дата обращения: 30.05.2023).

Сведения об авторе

Луговская Елена Григорьевна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь, ПМР).

И. В. Нечаева

ОРФОГРАФИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН: ЗОНЫ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ

***Аннотация.** В статье речь идет о случаях употребления прописной буквы в ономастике, в отношении которых орфографическая норма не является устоявшейся и основания ее установления неоднозначны. Это поликомпонентные названия с родовым термином в препозиции, лексические переносы (метафора и метонимия), переходные явления с неясным онимо-апеллятивным статусом, номинации с индифференциальной семантикой, контекстно-зависимые написания и др.*

***Ключевые слова:** ономастика; орфография; прописная буква; имя собственное; оним; антропоним; топоним; культуроним.*

Орфография собственных имен в общих закономерностях подчиняется орфографическим правилам основной системы; специфична для онимов проблема употребления прописной буквы (графемы). Этой проблеме и посвящена данная статья.

1. Как мы знаем, орфографическую норму в области ономастики принято описывать «по-разрядно» — по лексическим категориям, определяемым по связи наименований с именуемыми объектами: это антропонимы, топонимы, эргонимы, культуронимы, политонимы, историонимы (последние термины не являются общепринятыми, а введены для удобства номинации автором данной статьи) и др. Этот принцип удобен как для кодификатора, так и для пользователя, поскольку, с одной стороны, позволяет систематизировать необъятный ономастический материал и, с другой стороны, облегчает его поиск. При этом каждый тематический раздел правил наряду с нормами общепринятыми, бесспорными содержит и проблемные, трудноусваиваемые и даже спорные случаи. Эти последние в их совокупности назовем зоной орфографической неоднозначности.

Наблюдения показывают, что неоднозначные написания из разных разделов русского ономастикона в значительной части относятся к ряду типов, изоморфных по своей структуре или способу описания семантики. Попробуем определить, каковы типы неоднозначных написаний в отношении употребления прописной графемы.

2. Кодификаторская кухня орфографиста обычно построена на аналогиях, но нужно правильно определять эти аналогии. Так, следующие культуронимы (городские топографические объекты) хотя и относятся к одной и той же ограниченной лексической группе, в семантико-структурном отношении не подобны и служить орфографическими образцами друг для друга не могут:

дом Пашкова, дом Тургенева на Остоженке, Дом на набережной, д/Дом Павлова в Волгограде, палаццо дождей ~ палаццо Дожей ~ Палаццо дождей; памятник героям Плевны, памятник «Тысячелетие России», «Памятник убитым евреям Европы» («Мемориал жертвам холокоста»), мемориал «Маска скорби», Мемориал жертвам теракта в Беслане.

Другие тематические группы ономастикона отражают аналогичные орфографические коллизии, например:

музей Орсе, Музей истории Франции, Музей дизайна, м/Музей Виктории и Альберта, м/Музей мадам Тюссо (последнее написание наиболее неоднозначно), галерея Тейт, галерея Уффици, музей-панорама «Бородинская битва»;

1-й Инженерный мост, мост «Багратион», мост Бетанкура, мост Миллениум (в Казани), мост Риальто (в Венеции), мост Александра III, мост Менял ~ Мост менял в Париже (последнее написание вариативно);

среди политонимов: Движение за права женщин, Движение перемен, Пагуошское движение ученых, движение «Матери России», движение «Солидарность», движение Сопротивления; Либеральная партия Австралии, Консервативная партия Великобритании, Партия регионов (Украина), Партия Разума (Германия), Партия реформ Эстонии, партия «Объединенные демократы» (Кипр), партия «Альтернатива для Германии», партия «Подemos» (Бразилия);

среди топонимов: залив Дрейка, гавань Трёх Святителей, бухта Благополучия, фьорд Матусевича, канал имени Москвы, ущелье Прыгающего Тигра ~ Ущелье прыгающего тигра, долина Десяти Пиков ~ Долина десяти пиков, долина Смерти ~ Долина смерти и др.

В приведенной подборке примеров спорные написания даются в контексте структурно им подобных, но относительно устойчивых. Можно наблюдать, что в ряде случаев затруднено отделение родового термина (апеллятивного идентификатора) от собственно названия, т.е. мы имеем место с описательной конструкцией, дескрипцией, характеризующейся закрепленным составом компонентов и жестким порядком слов. Проблема в том, что не всегда можно провести четкую грань между первым и вторым типом названий и размежевать их по этому признаку, что влияет на их написание; так образуется зона орфографической неоднозначности. Для орфографии поликомпонентных номинаций имеют значение несколько факторов: место родового наименования в составе названия, порядок слов, наличие собственных имен, кавычки. Тем самым проблема проистекает из неоднословной (поликомпонентной) структуры названия и определения «главного» (по формуле Я. К. Грота) слова в составе номинации [Грот, 1876: 360], которое и подлежит графическому выделению (подробнее об этом см. [Нечаева, 2021]). Таким образом, намечается первая дихотомия, создающая орфографическую неоднозначность — однословная ~ неоднословная структура номинации.

3. Вторая дихотомия касается различий в способе описания семантики названия (прямом ~ иносказательном), что также имеет значение для буквенного регистра. Речь идет о перифразах

в разных областях ономастикона. Такие номинации, выполняя онимическую функцию, дополняют ее функцией характеризующей, а следовательно, не являются в полном смысле онимами, поскольку несут на себе «печать» исходного нарицательного значения [Суперанская, 1973: 115]. Это отражается на их правописании.

Так, в топонимах-перифразах, в отличие от топонимов «настоящих», с прописной пишется, как правило, только первое слово (хотя встречаются отклоняющиеся от этого правила написания, что дает основания включать этот тип номинаций в зону орфографической неоднозначности). Конструкция является неделимой, родовой термин не вычленяется. Примеры: *Страна восходящего солнца* (Япония), *Страна утренней свежести* (Корея), *Страна тюльпанов* (Голландия), *Страна кленового листа* (Канада), *Поднебесная империя* (Китай), *Остров свободы* (Куба), *Город ангелов* (Лос-Анджелес), *Вечный город* (Рим) и др.

Примеры перифрастических именовании в антропонимике: *Железная леди* (Маргарет Тэтчер), *Отец народов* (Сталин), *Отец Нации* (Ким Ир Сен), *Орлеанская дева* (Жанна д'Арк), *Желтый император* (Хуан-ди, легендарный правитель Китая), *«Русская ракета»* (фигуристка А. Трусова) и др. К этому разряду иносказательных имен можно добавить такое новое явление, как интернет-ники, никем до настоящего времени не кодифицированное. Примеры из социальных сетей: *Добрый человек*, *Белая ворона*, *Любовь фатальная*, *Крапива ягучая*.

4. В различных разделах ономастикона немало и других пограничных случаев — названий с неоднозначным онимо-апеллятивным статусом. Это переходные явления, не завершившие свой путь от имени нарицательного к имени собственному. Среди них есть так называемые «неофициальные» названия, не обладающие признанным терминологическим статусом и, в силу этого, установившейся орфограммой.

Это, например, такие политонимы, как *«большая семерка»* ~ *большая семерка* ~ *Большая семерка* ~ *«Большая семерка»* (а также *большая восьмерка*, *большая двадцатка*, *исламская восьмерка* во всех вариантах написания);

историонимы *брежневская эпоха*, *допетровская эпоха*, *догоорбачевский период* — притом что *Петровская эпоха*, *Александровская эпоха*, *Екатерининская эпоха* имеют более определенный онимический статус и более устойчивую орфографию; ср. также *Возрождение* и *П/предвозрождение* с вариантными орфограммами последнего, а также *П/проторенессанс*, *Т/треченто*, *К/кватроченто* и др.

Не вполне определенный статус имеют также и некоторые региональные топонимы, родовое наименование которых имеет ограниченное употребление: *Старосельский м/Мох*, *Демидов р/Рям*, *Делиблатские п/Пески*, *Тункинские г/Гольцы*, *Королевский б/Белок* и др.

5. Другой тип переходности представляют всевозможные переносы — например, метонимические. Это весьма частое явление в нашей речи, ср. *Пушкин в 3-х томах*, *новое издание Ожегова*, *справиться в Ларуссе*, *играть на Страдивари*, *приобрести двух Фаберже*. Здесь обычно сохраняется прописная. Подобные случаи следует орфографически отличать от эпонимов высокой степени языкового освоения (как оттопонимических, так и отантропонимических), встроенных в «иные денотативные ряды» [Суперанская, 1978: 60–61], таких как *боржом* (по названию города-курорта в Грузии), *рокфор* (по одноименной деревне во Франции), *кашемир* (от названия области Кашмир на полуострове Индостан), *балаклава* (город в Крыму), *хохлома* (по названию села в Нижегородской области) и др.; *ампер*, *джоуль* (по именам ученых-физиков), *аксель*, *риттбергер* (спортсмены-фигуристы), *кардиган* (по имени графа Кардигана), *калашников* (по фамилии конструктора М. Калашникова), *наполеон* (торт), *оливье* (салат) и мн. др.

Больше разнообразия в написаниях дает метафорический перенос. Так, если *Аполлон*, *Брижит Бардо*, *Наполеон* (но *наполеончик*), *Робин Гуд*, *Рокфеллер*, *Ромео*, *Шумахер* в соответствующих переносных значениях (как носители определенных качеств) обычно пишутся с прописной, а *альфонс*, *ловелас*, *меценат*, *нарцисс*, *папарацци* — со строчной, то написание некоторых имен варьируется: *Иуда* ~ *иуда*, *Плюшкин* ~ *плюшкин*, *Казанова* ~ *казанова*, *Гулливер* ~ *гулливер* и др. Та же картина у оттопонимических метафор: *камчатка* (задние ряды в зале — по названию полуострова), *клондайк* (источник богатства — по названию золотоносных месторождений в Канаде), *тьмутаракань* (захолустье — по названию средневекового города в дельте реки Кубань) обычно понижают регистр, а *Черемушки* (район новостроек), *Хиросима* (мощный атомный

взрыв), *Чернобыль* (крупная атомная авария с тяжелыми последствиями), *Мекка* (центр паломничества), *Сталинград* (кровавопролитная битва) сохраняют прописную; *Олимп* ~ *олимп* (избранный круг, верхушка какого-н. общества), *Вавилон* ~ *вавилон* (большое скопление людей разных национальностей и социального), *Ходынка* ~ *ходынка* (массовая давка людей в толпе), *Бродвей* ~ *бродвей* (главная, «парадная» улица города) пишутся вариативно.

6. Как уже было сказано, при выборе прописной vs. строчной у онимических номинаций играет роль структурный либо семантический фактор, либо оба фактора одновременно. Последнее относится к отэргонимическим географическим названиям, или «квазитопонимам» [Дамбуев, 2019: 41].] (например, *деревня санатория «Нагорное»*, *деревня Парсуковский карьер*, *поселок пансионата «Весна»*, *поселок Разъезд № 6*, *село Грязненское лесничество*, *село Паликский кирпичный завод* и т.п.). Это населенные пункты, созданные при каком-либо предприятии, учреждении, станции и др. Семантическая непроясненность (это топоним или эргоним?) плюс сложная, «двухъярусная» структура названия определяет его орфографическую неоднозначность. Такие названия до сих пор не имеют согласованной орфографической кодификации. Разногласия начинаются с вопроса о том, что считать родовым наименованием (родовыми наименованиями) и что — начальным словом номинации. Узус представляет многочисленные варианты написаний. Представляется, что двойная структура названия не является основанием для десемантизации внутреннего родового термина (и, соответственно, для его графического выделения с помощью прописной), однако в настоящее время это является предметом дискуссии.

7. Важным, и на данный момент совершенно неизученным, фактором орфографической неоднозначности является фактор дискурса. Известно, что одни и те же имена и названия в разных контекстных условиях могут писаться по-разному, но пока это остается на уровне частных рекомендаций. Так, слово *бог* в составе фразеологизмов и междометий, употребляемых вне прямой связи с религией, может употребляться без повышения буквенного регистра вопреки установившегося на рубеже веков обычая писать его с прописной, например: *ей-богу*, *бог ты мой*, *бог его знает*, *бог знает что*, *не дай бог*, *не бог знает что*, *не слава богу*, *ради бога*, *как бог на душу положит*, *ни богу свечка*, *ни черту кочерга* и др. Однако существует возражение, что ни контекст, ни отношение говорящего к религии и ее установлениям не имеет в данном случае значения для правописания и что графический облик слов, обозначающих религиозные понятия, должен быть един. Это относит данный вопрос к категории неоднозначности.

Второй случай касается употребления имен и названий в официальном vs. неофициальном дискурсе. В первую очередь это относится к названиям высших должностей в политической, социальной, религиозной и др. иерархиях: *Президент* ~ *президент* (*Президент Российской Федерации*, но *выборы президента*, *рейтинг президента*), *Патриарх* ~ *патриарх* (*Патриарх всея Руси*, но *российские патриархи*), *Папа Римский* ~ *папа римский*, *Председатель Правительства* ~ *председатель правительства*, *Премьер-министр* ~ *премьер-министр* и т.п.

Третий случай относится к именам вымышленных персонажей, приобретших в культурном обиходе статус некоего артефакта. В контексте оригинального произведения такие имена могут не иметь графического выделения, ср. у Андерсена: *принцесса*, *стойкий оловянный солдатик*, *штопальная игла*, однако при вторичном употреблении в ином дискурсе оставить эти имена без обозначения их онимического статуса не представляется возможным: *Принцесса на горошине*, *Оловянный солдатик*, *Гадкий утенок*, *Голый король* и др.

8. Обобщая этот краткий обзор, можно констатировать, что зона неоднозначных написаний в сфере употребления прописной графемы достаточно обширна и не исчерпывается перечисленными случаями. За рамками данной статьи остаются, к примеру, названия, несущие на себе выраженные черты иноязычного влияния, в том числе включающие служебные элементы нерусского происхождения.

На основе описанного материала назовем следующие факторы письменной нестабильности в данной области:

а) закреплённый состав поликомпонентного названия с жесткой структурой и с родовым термином в препозиции, особенно при отсутствии других средств выделения (собственных имен в составе номинации или символических названий в кавычках), в результате чего усиливается орфографическая значимость начальной позиции даже при наличии родового термина;

- б) иносказательная семантика;
- в) переходный онимо-апеллятивный статус названия с лексическими переносами или без них, иногда в совокупности с усложненной структурой;
- г) фактор контекстной зависимости или дискурса.

В такой ситуации в ряде случаев кодификаторам не следует ставить невыполнимую задачу найти «единственно верное» орфографическое решение, хотя дать рекомендации в рамках желательной модальности в большинстве случаев возможно.

Список источников

1. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне. — СПб., 1876. — 461 с.
2. Дамбуев И. А. Прописная и строчная буквы в многокомпонентных топонимах // Ономастика Поволжья. Теория и методы ономастических исследований. — В. Новгород, 2019. — С. 38–42.
3. Нечаева И. В. Поликомпонентные онимы и их регистровое оформление // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. — 2021. — № 3. — С. 176–185.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М. : Наука, 1973. — 366 с.
5. Суперанская А. В. Групповые обозначения людей в лексической системе языка // Имя нарицательное и собственное : [сб. ст.] / [отв. ред. А. В. Суперанская]. — М. : Наука, 1978. — С. 59–83.

Сведения об авторе

Нечаева Ия Вениаминовна — к.филол.н., ведущий научный сотрудник отдела культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия).

Н. С. Редькина

ТОПОНИМЫ И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос изменения некоторых топонимов с точки зрения нормативного аспекта культуры русской речи.

Ключевые слова: топонимы, нормы русского языка, культура речи.

Свойства языковой системы, сопряженные с актуальными для современной России экономическими, социальными, культурными изменениями позволяют ярче представить динамику языковых процессов в области топонимики.

Современная речевая практика фиксирует, с одной стороны, бережное отношение к традиции употребления имен собственных, сохраняя кодифицированные формы в том виде, в котором предписывают их употреблять нормативные грамматические справочники; с другой же, мы сталкиваемся с вариантами, подчас грубо нарушающими существующие нормы. Относится к данному явлению можно по-разному.

Языковая норма, естественно отбирая и закрепляя наиболее устойчивые наименования в процессе устной и письменной коммуникации, представляет собой важный лингвистический феномен. При этом предоставление выбора и организации системой языка таких средств, которые в разных ситуациях речевой деятельности человека определяют стиль его общения, должны приводить к эффективному результату этой самой коммуникации. «Вопрос о норме возникает тогда, когда есть два и более претендента на нее...» (Е. Н. Ширяев). Вопрос в том, будет ли такая вариативность соотноситься с понятием императивности.

Обратимся к примерам, когда географическое название дается то в склоняемой форме, то в несклоняемой. В качестве речевого образца возьмем топонимы Рязанской области на *-ово (-ево)*, *-ыно (-ино)* и сопоставим их в типичных грамматических формах с использованием традиционных падежных предлогов. Источниками исследования послужили СМИ и Интернет-издания.

Подробный прогноз погоды в Путятино — Прогноз погоды в Путятине; усадьба фон Дервиза в Старожиллово — лучшие достопримечательности в Старожиллове; под Сасовом загорелась пилорама — авария под Сасово; в Захарове отметили День села — гуляния в Захарово; известные личности в Шилове — дом в Шилово; жители Шилова — население Кораблино; бесплатные объявления Константинова — доска объявлений Константиново...

Как показали многочисленные примеры поисковых запросов, проблема склонения или несклонения топонимов в русском языке остается важной, и решения данной дилеммы лингвистами неоднозначны.

На выбор той или иной формы влияют, как правило, несколько факторов: происхождение названия, степень его освоенности, сфера употребления и стиль речи, грамматическая принадлежность. Русские и славянские географические названия на *-ово (-ево)*, *-ыно (-ино)* традиционно склоняются. Закрепилась тенденция к неизменяемости топонимов при употреблении их в качестве приложения к обобщающему термину.

При этом существует правило, согласно которому топонимы, по грамматической соотнесенности совпадающие с родовыми понятиями, склонны изменяться (*в селе Вердерево, у деревни Дегтярки*) и наоборот, не совпадающие с родовыми понятиями, не склоняются (*к селу Ибердус, в деревне Бедишево, возле поселка Дивово*). Однако и здесь не все так просто, поскольку топонимы среднего рода, являющиеся приложениями и оканчивающиеся на *-е, -о*, не должны склоняться (*в селе Спасское, у села Рождествено*). Возникает противоречие. С этой точки зрения характеристика вариантов словоизменения топонимов будет неполной, если не принимать в расчет особенности употребления географических терминов село, город, река и т.п. Способность к словоизменению определяется внешней морфологической формой топонима, и помимо экстралингвистических факторов здесь действуют причины системно-языкового характера. Не случайно доля употребления несклоняемых вариантов сильно увеличивается именно в функции приложения, и не в одной какой-то группе топонимов. Усиливается тенденция к аналитическому способу соединения слов в определительных сочетаниях.

Не вызывает сложностей употребление топонимов вместе с родовыми понятиями в качестве приложений, поскольку их несклоняемость обусловлена жесткими рамками официальных сообщений и документов, а также профессиональной речью военных и топографов. Тем не менее в последнее время под влиянием иноязычной стихии, административно-канцелярской речи, а также воздействия рекламных текстов почти повсеместно утрачивается практика нормативного употребления топонимов (*88 объявлений о продаже домов в Старожиллово; дома под ключ в Сасово*).

Как же все-таки быть в случае выбора. Лингвисты рекомендуют учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Так, официальная ситуация должна настроить человека на использование кодифицированного литературного языка с определенными нейтральными именованями, которые должны совпадать с записями, установленными в юридическом порядке. В неофициальных случаях общения обычно используется разговорная речь, свободная от ограничений, налагаемых нормированием, и обладающая значительно большей эмоциональной нагрузкой. Необходимо помнить, что строго нормативным считается вариант, где географические названия склоняются, а вариативность допустима с пониманием старого (склоняемого) и нового (несклоняемого).

Нормализаторская работа в области словоизменения топонимов способствует популяризации лингвистических знаний, пропаганде грамотности и формированию культуры устной и письменной речи. Однако успешность этого процесса будет зависеть и от того, насколько кодифицированными источниками будет выработана единая точка зрения на подход к решению этого вопроса.

Сведения об авторе

Редькина Наталья Сергеевна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ имени С. А. Есенина (Рязань, Россия).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОНИМИКИ

М. В. Ахметова

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ АНТРОПОНИМ ВОЛКОНОГОВ: О СТРАТЕГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ НОМИНАЦИИ*

Аннотация. *Анализируется стратегия художественной номинации на примере кинематографического антропонима Волконогов (фильм «Капитан Волконогов бежал», 2021 г.). Рассматриваются коннотации антропонима, связанные с образом волка и «волчьими» топосами в отечественной культуре, которые находят соответствие в сюжете фильма. Демонстрируются параллели между кинематографическим персонажем и историческим лицом, носившим фонетически близкую фамилию, — генерал-полковником Д. А. Волконоговым; таким образом, последняя фамилия в данном случае может считаться прецедентной.*

Ключевые слова: *антропоним, фамилия, художественная номинация, кинематографический оним, Волконогов, Волконогов.*

В классической статье о литературной ономастике Ю. А. Карпенко отмечает существенность для собственного имени в авторском произведении «внутренней формы, его проекции на действующие в языке ономастические модели и вариативность именования»; говорит о важности информационной функции литературных онимов, могущих выводить читателей за пределы данного текста, о сочетании в художественной номинации отсылок как к реальному, так и к собственно художественному денотату, при этом характер соотношения первого со вторым в рамках произведения изменяется, поскольку автор «интерпретирует (...) денотат, высвечивает подчас только одну черту, одно свойство» [Карпенко, 1986: 37–39]. Художественный оним отсылает к рефлексии реципиента (т.е. он должен быть опознаваемым) и в то же время оказывается адекватным «стремлению автора сделать имя персонажа соответствующим его внутренней сущности» [Калинкин, 1999: 117, 122]. Очевидно, что эти наблюдения применимы и к кинематографической ономастике.

В этой заметке я обращусь к художественной номинации на материале фильма «Капитан Волконогов бежал» (Россия — Франция — Эстония, режиссеры Н. Ф. Меркулова и А. В. Чупов, 2021) и попытаюсь выявить номинативную стратегию его авторов.

Бегло напомним сюжетную канву этого фильма-притчи, жанр которого сами режиссеры определяют как «ретроутопию» и «страшную сказку» [Пресс-конференция, 2001: 3:56–4:00, 5:52]. Действие происходит в Ленинграде в 1937 или в 1938 г. Главный герой, сотрудник силовых структур (очевидно, имеется в виду исторический НКВД) капитан Фёдор Волконогов, догадывается об ожидающем его аресте и скрывается. Во время скитаний беглецу является призрак расстрелянного сослуживца и говорит, что попал в ад, а также что рая не достичь и самому Волконогову, если тот не покается и если его не простит хотя бы кто-то из родных тех, кого он пытал, добываясь признательных показаний. Главный герой, преследуемый чекистами, обходит родственников расстрелянных «врагов народа», пытаясь получить прощение.

Как представляется, выбор фамилии главного героя отнюдь не случаен, он продиктован определенной стратегией авторов и отсылает к контекстам, как непосредственно связанных с сюжетом фильма, так и «внешних» по отношению к нему. К слову, к поискам скрытых смыслов и неэксплицитных контекстов подвигает уже сам идеоним «Капитан Волконогов бежал», поскольку в нем содержится семантическая и грамматическая неоднозначность: в случае с глаголом *бежал* речь может идти как об имперфективном, так и об аористивном прошедшем времени,

© Ахметова М. В., 2023

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Благодарю А. Б. Ипполитову и Р. Камю за обсуждение статьи и важные замечания.

т.е. он одновременно воспринимается в значениях и 'быстро передвигался' (несов. вид) и 'совершил побег' (сов. вид), и оба эти значения соответствуют сюжету.

На самом поверхностном плане антропоним *Волконогов* в контексте и фильма, и его названия оказывается типичной «говорящей фамилией» (сочетание *волк* + *ноги* может указывать на «волчьи ноги», на внутреннюю форму фамилии «имеющий ноги, как у волка»), отсылая как к известной паремии *Волка ноги кормят*, так и к устойчивому обороту *бежать как волк*. Во-первых, главный герой бежит, спасаясь от бывших сослуживцев, для которых он стал врагом (и на визуальном плане его перемещение в пространстве часто показывается именно как бег); во-вторых, его быстрое передвижение преследует достижение определенной цели — в данном случае это поиск прощения и, следовательно, рая.

При этом данная фамилия не относится к числу самых частотных в восточнославянском ономастиконе. Она встречается в редких источниках преимущественно как южнорусская/казачья (так, одним из корреспондентов Л. Н. Толстого был К. В. Волконогов из станицы Некрасовской Кубанской области [Толстой, 1955: 278]), при этом не зафиксирована в словарях русских [Никонов, 1993; Ганжина, 2001], казачьих [Чемякин, 2013] и украинских [Редько, 1968] фамилий.

У зрителей, знакомых с отечественной историей, этот малораспространенный антропоним неизбежно вызовет ассоциации с фонетически сходной фамилией *Волкогонов*. Я располагаю свидетельствами нескольких респондентов, которые, узнав о фильме из письменных источников, первоначально читали фамилию персонажа именно таким образом, а оригинальный кинематографический антропоним воспринимали как искусственно сконструированный (то же могу сказать и о своем собственном первом восприятии). Фамилия *Волкогонов*, также не самая частотная, широко известна благодаря ее носителю — историку, публицисту, политологу и политику, генерал-полковнику Д. А. Волкогонову (1928–1995). Между биографиями реального Волкогонова и кинематографического Волконогова обнаруживаются определенные, впрочем, и не самые близкие параллели. Во-первых, оба имели воинские звания (хотя исторический персонаж служил в Вооруженных силах СССР, а герой фильма — в правоохранительных органах). Во-вторых, обоим пришлось отказаться от своих прежних убеждений. Реальный Д. А. Волкогонов, написавший в 1970–1980-е годы ряд трудов об идеологическом воспитании, вполне в духе советской идеологии, позднее признавал, что «долгие годы был ортодоксальным марксистом и только к исходу своей жизни, после долгой внутренней и мучительной борьбы, смог освободиться от химер большевистской идеологии. Испытав после этого огромное душевное облегчение...» [Волкогонов, 1995: 19]. Кинематографический Волконогов также буквально «под конец жизни» проходит путь мучительных рефлексий от непонимания того, почему «враги народа» не признавали вменяемых им преступлений и будто бы вынуждали их пытаться, — до подлинного покаяния. В-третьих, и тот и другой обладают собраниями документов, на которые ссылаются, пытаясь обнародовать некую скрытую информацию. С одной стороны, Дмитрий Волкогонов собрал значительный архив документов по истории СССР и с конца 1980-х годов опубликовал ряд трудов по новейшей политической истории, исполненных обличительным пафосом и в том числе содержащих информацию о репрессиях (публицистический характер этих трудов и их критику со стороны профессиональных историков здесь следует оставить за скобками). С другой стороны, Фёдор Волконогов выкрадывает с места службы карточки с данными о «врагах народа», которые демонстрирует близким репрессированных, сообщая, что последние оговорили себя, поскольку к ним в ходе дознания были применены «особые методы».

Показательно, что авторы фильма совершенно не отвергают (хотя и не подтверждают напрямую) связи между фамилиями своего героя и исторического лица. На пресс-конференции кинофестиваля «Кинотавр» в 2021 г. им был задан вопрос: «Скажите, пожалуйста, если вместо фамилии Волконогов была бы более обычная [sic!] фамилия Волкогонов, это на что-то повлияло [бы]?» [Пресс-конференция, 2001: 6:04–6:13]. К ответу на этот вопрос режиссеры вернулись после обсуждения того, что они не планировали снимать собственно «историческое кино», поэтому в фильме присутствуют анахронизмы и элементы фантастической креативности, не имеющие ничего общего с реалиями демонстрируемой эпохи. По словам Алексея Чупова, «...возможно, что это и есть (т.е. фильм не является историческим. — М. А.), что был Дмитрий Волкогонов, он был историк. У нас — Волконогов. Не историческое кино. У нас вот сказочный персонаж.

Вот поэтому Волконогов не равняется Волкогону» [Там же: 13:44–14:02]. Этот весьма уклончивый ответ позволяет как минимум не исключать аллюзий к фигуре Д. А. Волконова (а равно и к его фамилии), а по сути видеть здесь признание того, что отсылка к историческому персонажу, безусловно известному авторам, вполне ими подразумевалась, таким образом, его фамилию можно считать в данном случае прецедентной.

Соответственно, оказывается необходимым обратить внимание на фамилию *Волконогов* — гипотетическому прототипу фамилии главного героя фильма, связанной с оригиналом паронимически/метатетически. Она построена по модели «существительное + глагол» (*волк + гнать*), свойственной для фамилий, образованных от названий профессий либо прозвищ [Унбенгаун, 1989: 136] и, очевидно, восходит к термину *волкогон* (букв. «тот, кто гонит/загоняет волков», т.е. охотник, ср. [СРЯ XVIII в. (4): 38]), но в контексте рассматриваемого фильма ее внутренняя форма может пониматься как отсылающая к образу волка, которого гонят/загоняют. Действительно, согласно сюжету фильма капитан Волконогов оказывается объектом «охоты» для бывших сослуживцев-чекистов, которые его преследуют, как загонщики волка.

Здесь в первую очередь вспоминается одна из наиболее известных и ярких в отечественной культуре литературных реализаций соответствующего мотива — песня В. С. Высоцкого «Охота на волков» (1968). (Но в то же время нельзя не отметить, что в приведенном режиссером Чуповым списке из нескольких десятков имен режиссеров, актеров, художников, писателей и бардов / рок-поэтов — в числе последних названы Вячеслав Бутусов, Александр Галич, Борис Гребенщиков и Юрий Шевчук, — чье творчество повлияло на создание фильма, Высоцкий не указан [Пресс-конференция, 2001: 6:52–9:08].) В последней сцене фильма Волконогов на крыше дома настигает и берет на прицел антагонист-майор; внизу дежурят чекисты; главный герой бросается вниз, тем самым реализуя известный мотив самоубийства как бегства (у Высоцкого лирический субъект-волк вырывается из облавы: «Обложили меня, обложили, / Но остались ни с чем егеря»). В песне Высоцкого упоминается и волчья быстрота («Наши ноги и челюсти быстры»), а рефрен содержит строки «Кричат загонщики, и лают псы до рвоты, / Кровь на снегу — и пятна красные флажков». В фильме же (не говоря об обилии «кровавых» сцен и о том, что в финале под головой прыгнувшего с крыши главного героя растекается кровавый «нимб»), красный цвет имеет особое значение в контексте художественного замысла его авторов: кроме изредка мелькающих в кадрах красных флагов на стенах домов, красных светофоров, красных трамваев, красных стен в здании НКВД — в глаза зрителю бросается в первую очередь такая деталь, как спортивные костюмы красного цвета в качестве униформы сотрудников НКВД (в многочисленных отзывах критиков это неизменно трактуется как указание на «кровавый» характер их работы, на параллели с представителями криминалитета 1990-х, носившими спортивные костюмы, или с «красными дьяволятами», понимаемыми критиками как относящимися к бесовскому миру).

Нельзя не отметить и то, что «животная» составляющая образа главного героя выявляется в прологовой сцене: капитан Волконогов, допустивший промашку во время игры с сослуживцами в футбол, изображает пса (вероятно, в наказание): он ходит на четвереньках, прерывисто дышит по-собачьи, влаивает, делает вид, что ест из рук коллеги, а затем бросается на него. Пес внезапно становится диким — а может, превращается в волка?

Вообще ономастические подтексты в рассматриваемом фильме касаются не только фамилии главного героя. Майор, его главный преследователь и антагонист, носит фамилию *Головня*, восходящую к апеллятиву *головня* 'тлеющее или обгорелое полено, кусок обуглившегося дерева, бревна' [ТС, 2007: 159]. В контексте ономастических отсылок к образу волка в фильме важно, что в многочисленных литературных текстах горящая/тлеющая головня служит для отпугивания/отгона/загона волков, ср., например, в стихотворении «Кассандре» О. Э. Мандельштама: «Я вижу человека, он / Волков горящими пугает головнями» (1917). (Вдобавок между фамилиями *Головня* и *Волконогов* обнаруживается фонетическое сходство: в них повторяются звуки [г], [л], [в] и [н']/[н].) А если выйти за пределы собственно «волчьей» топики, нельзя не отметить имя возлюбленной главного героя *Рая*, *Раечка*, сходное со словом *рай*, — и одновременно инверсивного параллелизма: подобно тому как Раечка отказывается от Волконогова, предав его и сообщив о нем преследователям, так и он в финале отказывается от раи, понимая, что ему «туда нельзя», и совершив самоубийство.

Режиссер Меркулова на пресс-конференции говорила, что фильм «Капитан Волконогов бежал» отразил «два генеральных страха: оказаться на месте жертвы, но в то же время оказаться и на месте мучителя» [Пресс-конференция, 2001: 3:27–3:34]. Как представляется, номинативная стратегия, реализованная авторами фильма и подразумевающая ономастическую игру с задействованием рефлексии зрителей, в полной мере отражает топику и волка-«мучителя» (ср. образ волка как хищника в общеславянской, а также античной и библейской традиции), и волка как объекта преследования.

Список источников

1. Волконогов Д. А. Семь вождей: галерея лидеров СССР : в 2 кн. — М. : Новости, 1995. — Кн. 1 : Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Никита Хрущев. — 496 с.
2. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. — М. : Астрель : АСТ, 2001. — 672 с.
3. Калинин В. М. Поэтика онима. — Донецк : Юго-Восток, 1999. — 408 с.
4. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. — 1986. — № 4. — С. 34–40.
5. Никонов В. А. Словарь русских фамилий / сост. Е. Л. Крушельницкий. — М. : Школа-Пресс, 1993. — 224 с.
6. Пресс-конференция конкурсного фильма «Капитан Волконогов бежал», реж. Н. Меркулова, А. Чупров // KinotavTV : [канал на YouTube.com]. — 2021, 24 сент. — URL : <https://www.youtube.com/watch?v=PuRktOln1FY&t=814s> (дата обращения: 23.03.2023).
7. Словарь русского языка XVIII века. — Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1988. — Вып. 4. — 256 с. (СРЯ XVIII в).
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2007. — 1175 с. (ТС 2007).
9. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. — М. : Гос. изд-во худ. лит., 1955. — Т. 80 : Письма: 1909 (июль – декабрь). — 374 с.
10. Унбэнгаун Б. О. Русские фамилии / пер. с англ. ; общ. ред. Б. А. Успенского. — М. : Прогресс, 1989. — 443 с.
11. Чемякин Е. А. Казачьи фамилии и всё... (этимология, гидронимика, краеведение). — 3-е изд., доп. — Волгоград, 2013. — 222 с.
12. Редько Ю. К. Довідник українських прізвищ / за ред. І. Варченко. — Київ : Радянська шк., 1968. — 254 с.

Сведения об авторе

Ахметова Мария Вячеславовна — к.филол.н., старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

Т. Г. Басангова

ТИБЕТСКИЕ ИМЕНА У КАЛМЫКОВ

***Аннотация.** Автор статьи рассматривает калмыцкие имена тибетского происхождения, изучение этого феномена в антропонимике калмыков позволяет сказать, что имена были распространены среди калмыков как иноэтнические имена — обереги, ибо у калмыков бытовала и бытует вера в сглаз. Интересно проследить, как трансформировалось тибетское имя в современном написании имен и фамилий.*

***Ключевые слова:** Имя, заимствования, иноэтничность, женские имена, мужские имена, фамилии, классификация, наречение имени*

Калмыкия — единственный в Европе регион традиционного распространения тибетской формы буддизма, исповедуемого калмыками с конца XVI века. В. П. Санчиров пишет: «Массовое распространение буддизма среди ойратов происходило на рубеже XVI-XVII вв., тогда же утвердился государственный статус этой ветви буддизма во всех ойратских улусах, были определены правовое положение буддийского духовенства и имущественные права хурулов (дацанов), составлен оригинальный калмыцко-ойратский алфавит, ставший основой старо-калмыцкой письменности, и начат перевод тибетской буддийской литературы». [Санчиров, 2004]

Распространение буддизма среди калмыков не могло не повлиять на антропониимику калмыков. А. Ш. Кичиков, исследуя калмыцкие имена, отметил, что «калмыцкие имена имеют свою историю, встречаются санскритские и тибетские имена, а также имена, связанные с животным миром — Чон (волк), Ноха (Собака), Гаха (свинья), Харцх (Сокол). Для калмыков эти имена были тотемными, то есть охранительными [Кичиков, 1979: 23 — 30]. В монографии исследованы некоторые калмыцкие имена тибетского происхождения, по каждому имени написаны статьи, объясняющие этимологию той или иной статьи: Чимэд (тиб.) — это калм. Утнасун (долгая жизнь), имя Церин (калм. Церен) также обозначало имя Утнасун (долгая жизнь). Калмыки, как и другие монголоязычные народы нарекали детей названиями планет. Это связано с тем, что в древности было известно семь подвижных небесных тел: Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера и Сатурн. [Олзоева, 2015]

Автором статьи В. Олзоевой приведена таблица соответствия планет и дней недели, приведены имена на санскритском, тибетском и монгольском языках.

<i>Планета</i>	<i>День недели</i>	<i>Санскрит</i>	<i>Тибетский</i>	<i>Монгольский</i>	<i>Монгольский</i>
Солнце	Воскресенье	Адьяа	Нима	Наран одон	Наран
Луна	Понедельник	Ангараг	Даба	Саран одон	Саран
Марс	Вторник	Буда	Мигмар	Гал одон	Улан нюдэн
Меркурий	Среда	Бархасбадь	Лхавга	Усун одон	Улэмжи
Юпитер	Четверг	Сугар	Пурбо	Модун одон	Гадас (гадахан)
Венера	Пятница	Санчир	Баасан	Алтан одон	Солбон
Сатурн	Суббота	Сумьяа	Бимба	Шороо одон	Хэшэг

Санскр. Солнце (воскресенье) — **Адьяа**: имя у калмыков Адьян, фамилия Адьянов, **тиб. Нима**: имя Нима, фамилии Нимеев, Нимаев, Ниманов, **монг. калм. Наран**: имя Наран, фамилия Наранов. Санскрит **Луна** — **Ангараг**, калм. **Ангарык**: фамилия Ангарыков, **тиб. Даба**, калм. **Даваа**: калм. мужское имя Дава, фамилии — Даваев, Давинов, Давашкин, **монг. калм. Саран (Сар)**: имя Саран, фамилия Саранов, Сарангов. **Санскр Марс (вторник) Буда**: имя Буда, фамилия Будаев, Будиев, **тиб. Мигмар**: имя Мигмр, фамилия Мигмеров. **Тиб. Меркурий (среда)** — **Лхавга**, калм. **Лавга**: имя Лавга, фамилия Лавгинов., **калм. монг. Улюмджи**: имя Улюмджи, фамилия, распространенные у калмыков: Улюмджиев, Улюмджинов, Улюмджанов, Илюмжинов, Улюмжуев. **Тиб. Юпитер (четверг) Пурбо**, калм. **Пюрвя**: фамилии Пюрбеев, Пюрвеев, Первеев. **Санскрит. Венера (Пятница) Санчир**: муж. имя Санчир, жен. — Санчира, фамилия Санчиров, **тиб. Баасан**, калм. **Баснг**: имя мужское Басанг, Баса, жен. — Басана, Баска, фамилия — Басангов, Басанов, Баскаев, Басаев. **Санскрит. Сатурн (суббота)** — **Сумья**: имя Сумьян, фамилия Сумьянов, **тиб. Бимба**, калм. **Бембе**: мужское имя Бембе, Бем, фамилия Бембеев, Бимбаев, Бембинов. **Монг. счастье Хэшэг**: калм. женское имя Киштя (сокр. от кишгтя — счастливая), фамилии Киштеев, Киштанов, Кишигтеев. В калмыцком именнике употребляется довольно много антропонимов, связанных с буддийской религией. Большая часть имён, связанных с буддизмом, имеет монголо-тибетское происхождение, часть их происходит из санскрита. Калмыцкие имена тибетского происхождения описаны В. С. Манджиевым [Виктор Манджиев]. **Намка** (тиб.) — пространство, космос. Например Кичиков Намка Долдушевич (1901 — 1985), выпускник высшей буддийской школы Чееря-хурула, монах, эмчи, астролог. В годы советской власти был вынужден снять с себя монашеский сан, чтобы избежать репрессий. Но буддийские принципы неукоснительно соблюдал всю жизнь. **Самтан** — Самдан (тиб.) — имя произошло

от буддийского понятия дхьяна — самдан, означающего начальную стадию сосредоточения, медитации, при которой объект сосредоточения полностью овладевает умом. Это размышление, созерцание. Именем Самтан современные калмыки редко называют детей, но оно сохранилось в фамилиях — Самтонов, Самтунов. В народе известно имя лекаря Самтана Хулхачиева (Самтн эмч), также выпускник Чееря Хурула, практиковал в годы сибирской ссылки, а также после возвращения из нее. — **Делек** (тиб.) — счастье — Годжуров Делег Борисович (1957 — 2020) проживал в пос. Кетченеры Республики Калмыкия. Фамилия от имени Делек — Деликов **Эрднй Теледжиевич Деликов** (калм. *Делкэн Эрднь*; 9 [22] ноября 1922, Ики-Заргакин, Астраханская губерния — 1942, хутор Пухляковский, Ростовская область) — Герой Советского Союза, первый калмык, удостоенный звания Героя Советского Союза. [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Деликов>]. **Серэтр** — (тиб.) избавитель от злого духа. **Бадмаев Сергей Мучкаевич** (15 апреля 1938, Цегрг, КалмАССР, РСФСР, СССР — 15 декабря 1998) — советский и российский калмыцкий поэт, член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры Калмыкии. В 1985 году окончил Литературный институт им. Горького. Исконное калмыцкое имя Бадмин Серэтр [Бадмаев Сергей Мучкаевич]. **Чиме** (тиб) — бессмертный имя Чимэ, фамилия Чимеев — например Чимеева Галина Мухлаевна (1948 г.р) Заслуженный учитель Республики Калмыкия. Таким образом, анализ калмыцких имен тибетского происхождения, часть из которых восходит к санскриту, является следствием приверженности калмыков к буддийской вере. Распространенность буддийских имен говорит о том, что они были охраняемыми в семейной обрядности калмыков. При наречении имени калмыки обращались к ламам. Данная традиция бытует и в семьях современных калмыков.

Список источников

1. Санчиров В. П. Тибет и ойраты // Известия Калмыкии. — 2004, 19 нояб.
2. Олзоева В. Что объединяет бурятские имена с названиями дней недели и планет // Агинская правда. — 2015, 26 янв.
3. Манджиев В. — URL : <https://vk.com/id34369645> (дата обращения: 20.04.2023).
4. Деликов. — URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Деликов> (дата обращения: 20.04.2023).
5. Бадмаев Сергей Мучкаевич. — URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Бадмаев,_Сергей_Мучкаевич (дата обращения: 20.04.2023).
6. Кичиков А. Ш. Үгин туск үг Элст, Хальмг дегтр һарһач. — 1979. — С. 23–30.

Сведения об авторе

Басангова Тамара Горяевна — д.филол.н., заведующий сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве» Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия).

Н. В. Бубнова

АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА «АРМЯНСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ПОЭЗИИ»*

Аннотация. В статье предложен подход к описанию антропонимической лексики в словаре имён собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии». В макроструктуре словаря будет выделено «ядро», включающее в себя ономастические единицы с высокими индексами частотности употреблений в рамках всего исследуемого локального текста, и периферийные области низкочастотных

©Бубнова Н. В., 2023

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 22-18-00339, Электронный ресурс «Армянский текст русской поэзии»: репрезентация локального текста русской литературы

имён, составляющих так называемый ономастический фон. Расположение словарных статей предполагается по убыванию индексов частотности заголовочных онимов. Микроструктуру словаря составят три словарные зоны: предметных сведений (базовая энциклопедическая справка), языковых сведений (краткий лингвистический комментарий) и дополнительных сведений (ссылки на все тексты электронного ресурса, в которых зафиксировано анализируемое имя, а также сведения об ассоциативно-культурном фоне онима в случае его наличия и экспликации).

Ключевые слова: армянский локальный текст; русская поэзия; ассоциативно-культурный фон; имя собственное; ономастическое пространство; антропоним; электронный ресурс

Настоящая работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Электронный ресурс «Армянский текст русской поэзии»: репрезентация локального текста русской литературы», поддержанного в 2022 году грантом Российского научного фонда. Научный коллектив, работающий в рамках проекта, включает исследователей из Смоленска, Москвы и Екатеринбурга; руководитель — профессор В. И. Карасик. Целью данного проекта, рассчитанного на три года, является создание в сети Интернет в открытом доступе электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии», в состав которого будет входить максимально полный Корпус "армянских текстов" русской поэзии, а также справочный материал в виде словарей и указателей, библиографии и исследовательских комментариев.

На данном этапе практически завершена работа по формированию Корпуса "армянских текстов", осуществляется его выверка и сопровождение необходимыми метаданными; разработан официальный сайт проекта (см. подробнее [Армянский текст русской поэзии]), который регулярно пополняется новыми текстами (система текстового поиска подобна Национальному корпусу русского языка). Определяя понятие локального текста Л. В. Павлова и И. В. Романова отмечают: «Под локальным текстом мы понимаем, вслед за Е. К. Созиной, «систему текстов, интегрированных в целое благодаря их общей “внетекстовой ориентации”» <...>, в нашем случае объединяющим фактором стала Армения» [Павлова, Романова, 2023: 5–6]. При формировании Корпуса текстов большим подспорьем для нас стала антология профессора М. Д. Амирханяна «Армения в зеркале русской поэзии» (см. подробнее [Амирханян, 2021]). Круг авторов собранных текстов весьма разнообразен (от классиков до современной литературы), а временной диапазон создания очень широк (от русского фольклора, где в бытине «Илья Муромец и Святогор» дважды упоминается гора Арарат, до XXI века, когда 2002 году И. Л. Лиснянская пишет стихотворение с одноимённым названием «Арарат»).

Анализ полученного Корпуса текстов коллектив проекта проводит по разным направлениям: реконструкция и интерпретация цветовой картины мира "армянского текста" [Павлова, Романова, 2022], выделение и описание паттернов локального текста [Шафранская, Кешфидинов, 2022], изучение национальной системы ценностей, выраженной в армянских паремиях [Карасик, 2022], описание сенсорной лексики "армянских текстов" [Андреев, 2022].

В поле зрения нашего исследования находятся имена собственные, формирующие ономастическое пространство "армянского текста" русской поэзии. Актуальность нашей работы обусловлена тем, что в целом «одним из критериев локального текста является наличие в нем знаковых имен собственных — своего рода культурных маркеров» [Павлова, Романова, 2023: 6], а в армянском тексте, в частности, ономастические единицы встречаются уже на первых этапах его формирования (оним *Арарат* дважды встречается в русском фольклоре). Ономастическим пространством художественного текста традиционно принято называть совокупность всех поэтонимов / литературных имён, которые функционируют в том или ином тексте. Если говорить о локальном тексте, то его ономастическое пространство — это не только и не столько совокупность всех имён собственных данного текста, сколько своего рода «ономастический портрет» определённого этноса. Описанию отдельных ономастических единиц "армянского текста" русской поэзии посвящены наши работы (*Арарат* — [Бубнова, 2022б], *Вардавар* — [Бубнова, 2022а]), в которых имя собственное рассматривается как знак культуры, как носитель многоплановой историко-культурной информации о жизни народа, которую мы вслед за Н. А. Максимук называем ассоциативно-культурным фоном [Максимчук, 2002: 166].

С целью структурирования обширного и многопланового ономастического пространства электронного ресурса "Армянский текст русской поэзии" нами разрабатывается электронный словарь имён собственных данного локального текста. В макроструктуре словаря предполагается размещение онимов по убыванию их индексов частотности (количеству употреблений в рамках всего "армянского текста"). Наиболее частотные имена сформируют "ядро" ономастического пространства "армянского текста", а низкочастотные онимы — периферийную область, называемую ономастическим фоном. На сегодняшний день собранный Корпус "армянских текстов", как уже было сказано выше, окончательно выверяется, поэтому говорить о макроструктуре словаря, основанной на точных индексах частотности ономастических единиц, пока преждевременно, но уже на данном этапе очевидно, что "ядро" сформируют онимы, относящиеся к разрядам антропонимов и топонимов; другие разряды онимов будут относиться к так называемому ономастическому фону. При множестве классификаций ономастических единиц по разрядной принадлежности и дискуссионности данного вопроса в своей работе мы придерживаемся классификации И. А. Королевой, которая заключает, что «для выявления коннотативного содержания и роли различных онимов в художественном тексте мы считаем вполне возможной, с учётом антропоцентрического подхода в языкознании, деление всех ИС на три разряда: антропонимы — именованья человека, топонимы — обозначение места, где существует человек, и ономастический фон — все другие онимы, дающие дополнительную, так называемую фоновую информацию о человеке и месте» [Королева, 2014: 313]. Таким образом, в ономастическом пространстве "армянского текста" русской поэзии нами будет выделено антропонимическое и топонимическое пространства, а также группа имён, имеющих иную разрядную принадлежность.

В антропонимическом пространстве "армянского текста" особое внимание обращает на себя стихотворение М. Л. Матусовского «О, тайна фамилий на «ян»» (полужирный шрифт наш), которое можно назвать своего рода «культурологическим портретом Армении в лицах» [Армянский текст русской поэзии]:

О, тайна фамилий на «ян»,
Смущавшая нас постоянно,
Как горный прозрачный туман,
Скользкий меж строк **Туманяна**.

Как где-то за свесом горы
Заря, заплывшая рдяно.
Как звездные эти миры,
Пленившие **Амбарцумяна**.

Как звук колокольца в ночи,
Диктующий ритм каравана,
Который всегда различим
В поэзии **Исаакяна**.

Как врубленный в скалы амвон —
Гегарда глубокая рана.
Как яростный сабельный звон
Мелодии **Хачатуряна**.

Как взлет этой арки сквозной,
Над бездною замершей странно.
Как сжегший подрамники зной
Картин **Мартироса Сарьяна**.

В работе «Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов» Л. В. Павлова и И. В. Романова отмечают: «Каждый упомянутый в стихотворении великий сын Армении — яркая индивидуальность, каждому посвящена отдельная строфа и «собственная» рифма (постоянно — Туманяна; рдяно — Амбарцумяна; каравана — Исаакяна; рана — Хачатуряна; странно — Сарьяна), но, преодолевая синтаксическую автономность строф, цепочка рифм обретает сквозной характер из-за исходного созвучия фамилий на -ян. Так создается единое «армянское» звучание.

Поэты Ованес Туманян и Аветик Исаакян, ученый-астрофизик Виктор Амбарцумян, композитор Арам Хачатурян, художник Мартирос Сарьян — эти имена в общественном сознании являются отчетливыми знаками «армянского» вклада в развитие мировой культуры и науки» [Павлова, Романова, 2023: 7].

Все представленные в тексте М. Л. Матусовского имена собственные станут заголовочными единицами разрабатываемого нами словаря имён собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии», в макроструктуре которого антропонимам и топонимам будут соответствовать два типа базовых словарных статей.

В микроструктуре словаря предполагается выделение нескольких словарных зон: зоны предметных сведений (ПС), зоны языковых сведений (ЯС) и зоны дополнительных сведений (ДС). В структуру ПС словарной статьи с антропонимом в качестве заголовочной единицы будут входить следующие позиции: годы жизни и род деятельности носителя имени, ключевые события биографии и основные произведения. ЯС об антропонимах, помимо акцентологической характеристики, будут включать указание формы родительного падежа и родовой принадлежности имени, образуемого от антропонима имени прилагательного и этимологию имени. В зоне ДС будет представлена информация об ассоциативно-культурном фоне имени, а также ссылки на все тексты в Корпусе, в которых содержится данный оним.

В качестве примера приведём разрабатываемый текст словарной статьи об О. Т. Туманяне (предполагаемая в словаре иллюстрация — портретное фото — в настоящей работе опущена; текст подготовлен на основе материалов Большой российской энциклопедии [БРЭ, электронный ресурс] и сайта «История фамилий» [История фамилий, электронный ресурс]):

ТУМАНЯН Оганёс (Ованёс) Тадевóсович (1869–1923)

ПС: Армянский поэт и писатель, общественный деятель. Национальный поэт Армении, председатель Кавказского союза армянских писателей (1912–1921). В годы геноцида армян (1915–1916) помогал беженцам из Западной Армении, за что был награждён народным званием «Поэт всех армян».

Родился в семье священника. Согласно родовому преданию, род Туманянов происходит от ветви армянского княжеского нахарарского рода Мамиконянов, правившей в средние века в селе Дсех (Лори).

Писать начал в середине 1880-х годов, сотрудничал с армянскими газетами и журналами. Всенародную известность приобрёл после выхода двух сборников «Стихотворения» (1890–1892). В поэмах «Маро» (1887), «Сако из Лори» (1889), «Ануш» (1890) О. Т. Туманян описывает нелёгкую долю армянского крестьянства, различные стороны традиционного уклада жизни патриархальной армянской деревни. Баллады «Ахтамар» (1892), «Парвана» (1903), «Капля мёда» (1909), «Взятие крепости Тмук» (1902), «Давид Сасунский» (1902), «Голубиный скит» (1913), «Шах и разносчик» (1917) написаны О. Т. Туманяном на основе армянских и восточных легенд, народных преданий и национального эпоса. Также О. Т. Туманян — автор произведений разных жанров для детей: «Кувшин с золотом» (1908), «Масленица» (1910), «Райский цветок» (1911), «Смерть Кикоса» (1913) и др. Многие произведения О. Т. Туманяна экранизированы.

О. Т. Туманян переводил классику с нескольких языков (тексты А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Дж. Г. Байрона, И. В. Гёте). Произведения О. Т. Туманяна переводили В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, С. Я. Маршак, И. А. Бродский, Б. А. Ахмадулина и др.

ЯС: *род.* Туманя́н|а Оганёс|а Тадевóсович|а, *м.* || *прил.* туманя́нск|ий. *Этим.* Фамилия Туманян образована от имени / прозвища Туман, в основе которого лежит татарско-монгольское слово *тумен* / персидское *туман*, что означает “десять тысяч”. Тумен — это наиболее крупная тактическая единица монгольского войска XIII–XV веков: её численность составляла обычно десять тысяч всадников. Также туменом в Монгольском государстве называлась административно-территориальная единица, население которой обязано было выставить десять тысяч воинов. Туман — официальная денежная единица Персии (1825–1932), один туман был равен десяти тысячам динаров.

ДС: Памятники О. Т. Туманяну открыты в г. Ереване и с. Дсех; его именем в Армении названы город, улицы, школы. Имя О. Т. Туманяна носит одна из площадей г. Москвы. К. И. Чуковский писал: «Того, кто написал «Каплю мёда», «Пёс и Кот», «Смерть Мышонка», и в самом деле нельзя не причислять к плеяде первоклассных мастеров мирового искусства».

Тексты: «Беседа с Ованесом Туманяном» (С. М. Городецкий), «Армении» (В. К. Звягинцева), «О, тайна фамилий на «ян»» (М. Л. Матусовский), «Армения вставала откровеньем...» (Н. С. Тихонов).

В заключение отметим, что представленный в настоящей работе проект, в котором собраный в максимально полном объёме «армянский текст» как культурный феномен впервые станет предметом специального изучения, предполагает междисциплинарный подход, включающий лингвистический и литературоведческий аспекты. При этом общей целью для коллектива проекта является выделение в данном локальном тексте максимально репрезентативных единичных объектов — знаков, образующих его многомерное семиотическое пространство, в котором отражаются культура и традиции региона, менталитет и ценностные координаты. Разрабатываемый нами словарь имён собственных, носителей многоплановой историко-культурной информации о жизни народа, направлен на реализацию общей цели проекта. Кроме того, создание электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии», содержащего Корпус «армянских текстов» с сопровождающими его необходимыми справочными и исследовательскими материалами будет способствовать укреплению долговременных отношений России и Армении, сохранению истинных ценностей, объединяющих, а не разобщающих народы.

Список источников

1. Амирханян М. Д. Армения в зеркале русской поэзии / под ред. И. В. Романовой. — Ереван : Копи Принт, 2021. — 579 с.
2. Андреев С. Н. Распределение сенсорной лексики в локальных армянских текстах XIX–XXI вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, № 12. — С. 4066–4073.
3. Армянский текст русской поэзии. — URL : <https://localtext.linghub.ru/> (дата обращения: 31.05.2023).
4. Бубнова Н. В. Преображение Господне, или Вардавар: общность культур России и Армении // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. ст. — Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2022а. — С. 74–81.
5. Бубнова Н. В. Топоним *Арапат* в «армянском тексте» русской поэзии // XVI Поливановские чтения : сб. ст. по материалам докл. и сообщ. междунар. науч. конф. / отв. ред. И. А. Королева. — Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2022б. — С. 25–32.
6. Карасик В. И. Сюжетная символика армянских пословиц // Известия Смоленского государственного университета. — 2022. — № 3 (59). — С. 80–89.
7. Королева И. А. Ономастический фон лирики А. Т. Твардовского // Ономастика Поволжья : материалы XIV Междунар. науч. конф. / под ред. И. М. Ганжиной, В. И. Супруна. — Тверь : Изд-во Марины Батасовой : Альфа-Пресс, 2014. — С. 313–316.
8. Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении : в 2 ч. — Смоленск : СГПУ, 2002. — Ч. 1. — 184 с.
9. Павлова Л. В., Романова И. В. «Цветная» составляющая частотного словаря «армянского текста» // *Litera*. — 2022. — № 12. — С. 20–32.
10. Павлова Л. В., Романова И. В. Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов // Известия Смоленского государственного университета. — 2023. — № 1 (61). — С. 5–18.
11. Туманян // Большая российская энциклопедия. — URL : <https://old.bigenc.ru/literature/text/4219426> (дата обращения: 31.05.2023).
12. Туманян // История фамилий. — URL : <https://istorya-familii.ru/> (дата обращения: 31.05.2023).
13. Шафранская Э. Ф., Кешфидинов Ш. Р. Буквы МАШТОЦА — паттерн армянского ТЕКСТА // Вопросы филологии. — 2022. — № 4 (80). — С. 31–35.

Сведения об авторе

Бубнова Нина Викторовна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского, старший научный сотрудник НОЦ «Смоленский центр количественной филологии» Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия).

ФАУНИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПРОЗВИЩАХ ЖИТЕЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТВЕРИ

Аннотация. В статье рассматриваются прозвища, зафиксированные в тверской деловой письменности XVI–XVII вв., восходящие к названиям представителей фауны. Анализируется их состав, грамматическая структура. Показано их место в составе именованного лица в преднациональный период.

Ключевые слова: фаунистическая лексика, зооним, прозвище, фамилия, словообразовательный формант, апеллятив, квалитатив

Одним из приоритетных направлений современного языкознания является исследование языковой картины мира. При этом внимание многих лингвистов в последние десятилетия привлекает обладающая высоким коннотативным потенциалом фаунистическая лексика, в которой культурная семантика органично вплетается в денотативную, являясь «мерилом многих человеческих качеств — как физических, так и нравственных» [Мокиенко, 2007: 92]. Нередко исследователи обращаются к сравнительному анализу зоонимической лексики в разных языках, особенно в их фразеологии, так как в ней ярко отражена исторически сложившаяся система ценностных ориентаций, стереотипов, характерных для культуры того или иного народа [Багана, Михайлова, 2011; Галимова 2004; Головня, Юань Фан 2011; Гукетлова 2009; Каримова 2005; Маркова 2013; Михайлова, Чжао 2016; Сакаева 2008; Хао Хуэйминь 2009 и др.].

Кроме того, в настоящее время антропоцентрический подход к исследованию материала является ведущим в лингвистических исследованиях. И именно антропонимия, как в свое время отмечал В. Д. Бондалетов, «теснее всего связана с людьми и теми социальными отношениями, которые существуют в обществе» [Бондалетов, 1970: 18], а значит, в ней прежде всего просматривается явная тенденция к антропоцентризму, и прозвища оказываются чрезвычайно значимыми в плане отражения в них культурных особенностей человека и коллектива в целом, позволяя охарактеризовать социальные и психологические особенности человеческой личности, понять «историко-культурный код соответствующей эпохи» [Теория и методика, 2009: 114] и даже ввести такое понятие, как «особый зоологический код языка культуры» [Гура, 1997: 22].

Палитра прозвищ, записанных в деловых документах XVI–XVII вв., представляет довольно пеструю картину, и немалую часть представляют онимы, образованные от названий различных представителей фауны, с которыми взаимодействовал человек в процессе своей жизнедеятельности, что свидетельствует об их значимости в общей картине мира номинаторов. Рассмотрим подробнее, какие именно представители животного мира отражены в составе тверских фаунистических прозвищ преднационального периода (в том числе вычлененных из состава фамильных прозваний).

1. ЖИВОТНЫЕ:

- домашние: *корова, бык, лошадь, коза, козел, овца, баран, боров, собака, кошка*
- дикие: *зверь, волк, белка, бобр, куница, медведь, соболь, горностаи, барсук, мышь, хомяк, лисица, заяц, лось*

2. ПТИЦЫ:

- домашние: *гусь, утка, петух, курица*
- дикие: *журавль, зуй, сова, чиж, рябчик, свиязь, зяблик, гоголь, орел, дрозд, цапля (чапля), синица, глухарь, дятел, баклан, воробей, ворона, желна, плишка, касатка, сокол, тетерев, голубь, скопа, сыч, коростель, гагара, ворон, грач, стриж, щур*

3. РЫБЫ: *ерш, килька, селедка, щука, линь, лещ, судак, белуга, сиг, карась*

4. НАСЕКОМЫЕ: *жук, блоха, муравей, сверчок, муха, комар, оса, паук*

5. ЗЕМНОВОДНЫЕ, ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ, ЧЛЕНИСТОНОГИЕ: *лягушка, полоз, жаба, змея, рак*

Значимым нам кажется тот факт, что при относительно небольшом количестве домашних животных и птиц, ставших основой для номинации людей, количество прозвищных онимов, соотносимых с видами данных животных, достаточно разнообразно. Собранный материал позволяет выделить целые гнезда слов, в которые входят не только лексемы, различающие определенное животное или птицу по принадлежности к полу или возрасту, но и представляющие собой всевозможные субъективно-оценочные формы: *Гусь* — *Гусынка* — *Гусинец*; *Петух* — *Курица* — *Курочка* — *Курёнок* — *Цыпуля* — *Цыплеть* — *Кур* — *Кочаток* — *Клушанец* < *клуша* 'наседка' [СРНГ, 13: 314]; *Утка* — *Селезень*; *Бык* — *Корова* — *Коровица* — *Быня* — *Бычко* — *Теля*; *Жеребец* — *Кобыла* — *Лошак* — *Кляч*; *Коза* — *Козел* — *Козелок* — *Козля* — *Козица* — *Козуля*; *Овца* — *Баран* — *Овен*; *Собака* — *Сука* — *Кобель* — *Собачка* — *Собачко*; *Кот* — *Кошка*.

Чаще всего подобная вариативность относится именно к домашним животным и птицам, жившим бок о бок с человеком и активно использовавшимся в хозяйственной деятельности. У диких представителей фауны такое явление довольно редко и включает обычно лишь две лексемы, либо указывающие на различие по полу, возрасту, особенностям данного вида, либо отражающие в качественной форме ласковое отношение к именуемому: *Волк* — *Волчонок*, *Лисица* — *Лисака*, *Сыч* — *Сычко*, *Голуба* — *Голубец*, *Гоголь* < *гоголь* 'дикая утка, селезень' [СРНГ, 6: 263] — *Гоголка* < *гоголка*, *гоголя* 'самка гоголя' [там же], *Журавель* — *Жерава* (в псковских, тверских и смоленских говорах *жерав* 'журавль' [СРНГ, 9: 129]), *Дрозд* — *Желна*, *Лось* — *Турица* < *тур* 'зубр, лось' [Срезневский, 3: 1038], *Кунец* — *Кунка* < *кунка* — одно из значений 'куница' [СРНГ, 6: 93], *Зуйко* — *Зуёнок* < *зуй* 'птица семейства куликовых' [СРНГ, 6: 69], *Змей* — *Змеиха* — *Полоз*. При этом апеллятивы, лежащие в основе подобных прозвищ, ярко отражают разнообразие местной фауны.

Как свидетельствует материал, в XVI в. подобная лексика еще могла употребляться в качестве личного имени на 1-й позиции или в качестве мирского отчества на 2-й позиции в трехчленных именованных, выполняя тем самым прежде всего номинативную функцию. Ср.: *Жук Степанов сын Ленкова* (ПК, 117), *Боран да Гришика Митины* (ПКБП, 42); *Цыпуля Крюков* (ТПК, 282); *Паук Бешенцов, помещик* (ПКБП, 203); *Бычко*, дв. (КБП, 46); *Степан Соболев сын Бирилев* (ПКБП, 44), *Степанко Жюков с. Ларивонова* (ПК, 105) и др. Однако в документах XVII в. фаунистические онимы зафиксированы лишь в качестве прозвищ на 2-й и 3-й позиции после христианского личного имени либо в составе фамильных прозваний: *Васка Ёри* (ДК, 22), *Ивашко Чижик* (ДК, 27), *Ивашко Килька* (ДК, 38); *Ивашка Ортемьев прозвище Куренок* (ВПК, 41); *Василей Игнатъев сын Чаплин* (ТД-1, 65), *Ермола Микифоров сын Плишкин* (ТД-4, 101), *Михайло Офонасьев сын Блохин* (ТД-2, 108) и т.д. Несомненно, подобная тенденция изменения статуса прозвищных онимов (любых, а не только восходящих к названиям животных) носила общерусский характер: так, О. Е. Афанасьева, исследовавшая деловую письменность Поонежья того же периода, обнаружила в середине XVI в. прозвищных имен, употреблявшихся на 1-й позиции, лишь 5 %, а уже к середине XVII в. все они употребляются только на 2 и 3 позициях [Афанасьева, 2010, 122].

М. Э. Рут, рассматривая образную номинацию в русской ономастике, в частности сферы «Дом и двор» и «Природа», говорит о том, что «местный колорит в отборе образов очень ощущим» [Рут, 2008: 75]. Однако сравнение зоонимических прозвищ в наших источниках с данными по другим среднерусским территориям не позволяет согласиться с подобным утверждением. Сравнение фаунистических онимов по другим территориям Средней России и по разным временным срезам показывает, что сам регистр подобных прозвищ сходен и обусловлен важностью определенных представителей животного мира в жизни людей, прагматичностью мировидения номинаторов, их жизненным опытом, особенностями хозяйственной деятельности. На наш взгляд, «местный колорит» проявляется прежде всего в грамматическом оформлении подобных онимов. Заметим, что М. В. Боброва, сравнивая исторические и современные прозвища-орнитонимы Пермского края, отмечает тот факт, что исторические прозвища «редко сопровождаются аффиксами или морфологическим оформлением, нетипичными для соответствующих апеллятивов» [Боброва, 2016: 136]. Во многих же отмеченных в тверских памятниках прозвищ, несмотря на официальный характер документов, подобные онимы употреблены в качественной форме и сохраняют некоторую эмоциональность и образность. В образовании таких онимов участвуют те же словообразовательные форманты, что и в качественных христианских личных имен того же периода:

-а / -я: *Голуба, Жерава, Тетеря*
 -к(о, -а): *Жучко, Грачко, Собачко, Бычко, Сычко, Гоголка, Гусынка, Кунка*
 -очк(а): *Курочка*
 -онок: *Зуёнок*
 -ец: *Воронец, Голубец, Гусинец, Клушанец, Сивец, Кунец*
 -иц(а): *Коровица, Козица, Турица*
 -ул(я): *Цыпуля, Козуля*
 -н(я): *Быня*
 -ок / -ук / -ик / -ак / ак(а): *Козелок, Жучок, Кочаток, Лошак, Лещук, Чижик, Лисака*
 -иш: *Лягиш*

Так, в «Дозорной книге г. Твери 1616 года» большинство зоонимических прозвищ записано именно в квалитативной форме — ср.: *Сенка Гусынка* (ДК, 39), *Сенка Курочка* (ДК, 39), *Ивашко Козелок* (ДК, 38), *Тренка Кочаток* (ДК, 37), *Митка Лягиш* (ДК, 23), *Ивашко Чижик* (ДК, 27) и др.

Подобный факт свидетельствует не только о важности домашних животных и птиц в хозяйственной жизни, но и о добром, нежном отношении к ним, что в процессе онимизации апеллятивов транслируется на соответствующие прозвища.

Кроме того, в прозвищах преднационального периода еще зафиксированы древние обозначения детенышей животных, с праславянской *t-основой: *Козля, Теля*.

При этом некоторые апеллятивы многозначны, поскольку могут варьироваться в разных говорах — ср.: *Сивец < сивец* — и рыба хариус, и птица ржанка, и конь сивой масти [СРНГ, 27: 143]; *Клушанец < клуша*, которое в говорах называет не только наседку, но и ворону, и галку, и чайку [СРНГ, 13: 314]; *Плишка < плишка* 'трясогузка / синица / певчая птица: зяблик, чиж и т.п. / маленькая птица' [СРНГ, 27: 143] и др.

Безусловно, подобные прозвища в исследуемый период уже никоим образом не были связаны с пережитками тотемизма и представляли собой метафоры, характеризовавшие именуемого по каким-либо чертам характера, склонностям, особенностям поведения или внешнего вида. При этом говорить о каких-то конкретных номинативных интенциях не представляется возможным. Мы вправе лишь констатировать огромный интерпретирующий потенциал подобных прозвищ и их широкую репрезентативность относительно формирования переносных значений. Каждая такая фаунистическая номинация могла в отдельно взятом случае образовывать свою метафорическую модель, и один и тот же зоонимный апеллятив мог быть производящим для онимов с разными мотивационными основами. В этом плане прозвища вполне сопоставимы с местоимениями, реализующими свое лексическое значение лишь в контексте.

Помимо онимов, отражающих непосредственно названия представителей местной фауны, в памятниках зафиксировано большое число «околофаунистических» прозвищ, мотивированных лексикой периферийных групп, так или иначе связанных с животными: их мастью (*Серко, Бурко, Воронец, Чюбар*), действиями или издаваемыми звуками (*Брех, Рыкун, Рыкач, Рычко*), частями тела (*Курдючок, Мосол, Окорок, Моклок, Хвост*), занятиями людей (*Волкомор, Козодав, Кошкодам, Кошкаръ, Кобельцик*), предметами быта, имеющими отношение к животным (*Хомут, Жерлица*) и др. Все они в совокупности дают полное представление о хозяйственной деятельности, быте, предпочтениях русских людей далекого прошлого и позволяют увидеть народную картину мира, где далеко не последнюю роль играют животные.

Список источников

1. Афанасьева О. Е. Имена собственные в деловых документах Поонежья в XVI–XVII вв. : дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2010. — 192 с.
2. Багана Ж., Михайлова Ю. С. Фаунонимическая лексика в системе языка и её национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках) // Научные ведомости БелГУ. Сер. «Гуманитарные науки». — 2011. — № 24 (119), вып. 12. — С. 84–93.

3. Боброва М. В. Прозвища жителей Пермского края, мотивированные лексикой тематической группы «Животные», в XVI–XVII и в XX–XXI вв. // Русская устная речь. — Саратов : Амирит, 2016. — Вып. 2. — С. 135–139.
4. Бондалетов В. Д. Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. — М. : Наука, 1970. — С. 17–23.
5. Выпись из Тверскихъ писцовыхъ книг письма и меры Федора Игнатьева да подъячаго Тимофея Стефанова 135 и 136 годовъ. — Тверь, 1916. — Вып. I. (ВПК).
6. Галимова О. В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2004. — 309 с.
7. Головня А. И., Юань Фан. Репрезентация фразеологизмов с компонентами, называющими представителей животного мира в русском и китайском языках // Карповские научные чтения. — Минск : Белорус. Дом печати, 2011. — С. 114–118.
8. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2009. — 431 с.
9. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. — М., 1997. — 912 с.
10. Дозорная книга города Твери 1616 года. — Тверь : Тип. Губ. правления, 1890 (ДК).
11. Каримова Р. Х. Семантика зоонимов во фразеологии немецкого и русского языков // Политическая лингвистика. — 2005. — № 16. — С. 169–176.
12. Маркова Е. М. Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как инославянскому // Вестник МГОУ : электрон. журн. — 2013. — № 1. — С. 1–14. — URL : www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 19.03.2023).
13. Михайлова Ю. Н., Чжао И. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии // Известия УрФУ. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 18, № 4 (157). — С. 168–181.
14. Мокиенко В. М. В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых и образных выражений. — СПб. : Азбука, 2007. — 256 с.
15. Новгородские писцовые книги. — СПб. : Сенатская тип., 1910. — Т. 6 : Книги Бежецкой пятины (ПКБП).
16. Писцовые книги Московского государства XVI века. Ч. 1 / под ред. Н. В. Калачева. — СПб., 1877. (ПК).
17. Рут М. Э. Образная номинация в русской ономастике. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 188 с.
18. Сакаева Л. Р. Фразеологизмы с компонентами зоонимами, описывающие человека как объект сопоставительного анализа русского и английского языков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 62. — С. 43–47.
19. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — М. ; Л. / СПб. : Наука, 1965. — Вып. 1 (СРНГ).
20. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1912. — Т. 3. — 996 с.
21. Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII в. — Тверь : Тип. Губ. правления, 1891. — Вып. 1 : Состав Зубцовского и Ржевского дворянства (ТД-1).
22. Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII в. — Тверь : Тип. Губ. правления, 1893. — Вып. 2 : Состав Тверского дворянства (ТД-2).
23. Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII в. — Тверь : Тип. Губ. правления, 1895. — Вып. 4 : Состав Бежецкого дворянства (ТД-4).
24. Торопецкая писцовая книга 1540 года // Археографический ежегодник за 1963 год. — М. : Наука, 1964. — С. 277–358 (ТПК).
25. Теория и методика ономастических исследований. — М. : URSS, 2009. — 254 с.
26. Хао Хуэйминь. Фразеобразующий потенциал зоонимической лексики в русском и китайском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2009. — 24 с.

Сведения об авторах

Ганжина Ирина Михайловна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета; **Черненко Марина Юрьевна** — учитель русского языка и литературы Прямухинской средней общеобразовательной школы, главный хранитель музея дворянского рода Бакуниных (Тверь, Россия).

АНТРОПОНИМЫ В ЗАГАДКАХ: КУЛЬТУРНЫЙ КОД

Аннотация. В статье рассматриваются загадки русского народа с антропонимическим компонентом. Проведенный анализ позволил прийти к выводу, что загадки с именем собственным проявляют аксиологический код русской лингвокультуры, который, в свою очередь, органично сочетает систему символов и национально-специфичную игровую составляющую, отражающую богатство русской культуры.

Ключевые слова: антропоним, загадка, культура, язык, код, фольклор, стилистические средства выразительности.

В работах отечественных и зарубежных ученых, посвященных исследованию жанра загадки, имеется огромное количество его определений: энигматический текст понимается как «замысловатое поэтическое выражение, в котором признаки загадываемого предмета даны в зашифрованном, уводящем в сторону виде» [цит. по: Логутенкова, 2018: 109]; «иносказательное изображение какого-либо предмета или явления на основании сходства между скрытым предметом и тем, который его заменяет в загадке» [цит. по: Логутенкова, 2018: 109]; «построенное в виде иносказания небольшое фольклорное произведение, содержащее замысловатый вопрос, на который необходимо дать исчерпывающий ответ» [цит. по: Логутенкова 2018: 109] и др. Алан Дандес (Alan Dundes) понимает загадку как вопрос, цель которого сбить собеседника с толку или проверить, насколько он сообразителен. (“questions that are framed with the purpose of confusing or testing the wit of those who do not know the answer”) [цит. по: Логутенкова, 2018: 109].

В. Н. Топоров рассматривает загадку как явление культурно-языковое и утверждает, что загадку следует изучать, принимая во внимание то, что ее исходный локус представляет собой некий текст, понимаемый как целое, а «отдельная загадка не более чем отпавший от сакрального целого тела его профанизированный член» [цит. по: Орлова, 2012: 106]. «Загадочный» текст, основной особенностью которого является метафоричность, автор относит к текстам с четко выраженной формальной спецификой. Загадка, по В. Н. Топорову, имеет вопросно-ответный характер, и основу ее составляет именно вопрос. Автор выделяет два основных типа загадок, исходя из связи вопроса и ответа: в первом типе вопрос может иметь более одного ответа, все из которых признаются правильными, а во втором загадчик ведет сознательно запланированную игру, предполагая опровержение наиболее очевидного разгадчику ответа. Особенность языка текста загадки, согласно В. Н. Топорову, состоит в своеобразии распределения стандартных элементов языка, а также в наличии загадочного элемента. Для загадки также характерна совокупность относительно часто повторяющихся элементов, у них особое значение для загадок, обладающих стихотворно-поэтической природой, имеют ритм и рифма [цит. по: Орлова, 2012: 106].

Загадка может считаться «достоверным источником знаний о культуре и истории народа, а ее структурно-семантическая завершенность, смысловая емкость, богатство образных ассоциаций, позволяют рассматривать загадку в качестве источника реконструкции и интерпретации языковой картины мира» [Медведева, 2022: 9].

Загадки оказываются культурно-маркированными текстами, они отражают специфику национального менталитета и национальной языковой картины мира [цит. по: Чеснокова, Медведева, 2022: 99], определяемой как «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности, требующая изучения не столько “актов культуры”, сколько наивных представлений в системе языка» [цит. по: Чеснокова, Медведева, 2022: 99], обладает культурно-когнитивной знаковой функцией [цит. по: Чеснокова, Медведева, 2022: 99].

Загадка занимает «особое место в фольклорной идентичности этнического сообщества и в системе жанров фольклора. Загадка отражает религиозно-мифологические, бытовые, идеологические и другие представления народа, входящие в фольклорную картину мира, которая образует важную часть концептуальной картины этноса. При этом благодаря семантической глубине

поэтического слова и компактности стихового ряда, загадка активно воздействует на адресата, порождает особый тип поэтического дискурса, создает фольклорную идентичность этнического сообщества» [Чеснокова, Медведева, 2022: 98–99].

Необходимо помнить о том, что загадки являются продуктом устного народного творчества, и их уникальная способность заключается в том, что они являются отражением народа, их создавшего, и, как любое анонимное фольклорное произведение, допускают множество вариантов. Народная мудрость говорит устами загадки: именно в них нашла отражение первая дидактическая система, существовавшая в мире, система вопросов и ответов [Чеснокова, Медведева, 2022: 102–103].

Личное имя собственное в любой культуре представляет собой «своеобразный памятник, отражающий историю этноса, специфику языка как знаковой системы и процесс развития языковых закономерностей. Антропоним является важным элементом фольклорной картины мира, посредством анализа личных имён можно узнать традиционное архаическое восприятие мира» [Ван И, 2021: 3].

Личное имя собственное, являясь значимым элементом, играет важную роль в системе языка и культуры. Входя в состав фразеологии и паремииологии, а также художественных текстов, оно способствует выявлению национально-культурных особенностей определенного этноса [Катермина, 2009: 6].

Личные имена собственные в загадках выступают как опорный знак, квинтэссенция, вывод и обобщение в виде метафоры, метонимии или синекдохи, за счет которых создаются образы, выражающие этнопсихологию народов. Выбор имени в малых прецедентных текстах также может определяться звуковой формой (рифмой, аллитерацией) имени и частотностью его употребления. Имя сравнимо с загадкой, ответ на которую мы получаем, опираясь на общеязыковые и культурно-психологические коннотации личных имен собственных в сознании народа (фоновые знания, вертикальный контекст, культурные традиции) [Катермина, 2009: 7].

Загадка представляет собой «небольшое по объему произведение иносказательного характера, актуализируемое с целью представления реалий действительности в отношении их внешних, структурных, функциональных и иных свойств, предназначенное для распознавания носителями соответствующей культуры. Особенностью жанра загадки является возможность функционировать как в традиционной, так и в современной культуре. Сохраняя традиционные формы, она способна вмещать в себя новое содержание. Многие традиционные тексты сохраняются в современном фольклорном фонде, что позволяет относить их к числу современных загадок, получивших сегодня определенное переосмысление. К современным загадкам могут также относиться авторские произведения, бытующие по законам фольклора» [Абдрашитова, 2012: 7-8].

Семантический критерий типологии загадок предполагает систематизацию текстов по тематическому принципу. В центре загадки находится окружающий человека мир: природная и бытовая жизнь. В ней проявлены значимые смыслы как для традиционной, так и для современной культуры. Темы, актуальные для традиционных и современных загадок, связаны с миром природы, человеком, сферами его деятельности и бытия [Абдрашитова, 2012: 9].

В качестве основных функций исследуемого жанра выступают информационно-дидактическая, развлекательная и социодифференцирующая. Наиболее часто в традиционной и современной культуре загадка реализует дидактическую и развлекательную функцию [Абдрашитова, 2012: 9].

Своеобразие изображаемых образов определяется также тем, что в основе загадок часто лежит принцип языковой игры. В загадке посредством языковой игры происходит намеренное отступление от нормы языка и логики изображения явлений действительности. Понятие языковой игры соотносимо с иносказательностью текстов загадки, где основным средством выступает метафора. Среди других художественных приемов, представленных в загадке, именно метафора в большинстве случаев позволяет представить многоплановость образов [Абдрашитова, 2012: 9].

Специфика изображения мира в загадке определяется также своеобразной фонетической организацией ее текстов. Построенные на созвучиях, а также анаграммических принципах традиционные и современные загадки представляют действительность как замысловатую, нереальную.

Загадка — текст культуры, который необходимо исследовать в контексте культуры и того паремнологического дискурса, частью которого загадка является [Орлова, 2017: 112].

Большая часть русских загадок с личным именем собственным описывает явления природы, тело человека, бытовые предметы, одежду и украшения, музыкальные инструменты, растения, которые человек употребляет в пищу, животных, которые его окружают. Все это составляет традиционный мир русского народа: *Узелок Кузьма/Развязать нельзя/Имячко хорошо:/Алексеем зовут (замок). Сорока в куст,/Алексей за хвост (сковорода и сковородник); Долгий Антошка/Стоит у окошка,/Он и долог, и высок,/Уродился без кишок (дождь); Стоит Афанасий лычком подпоясан (сноп); Братья Данилы/Дорогу до глины пробили (мялица); Корми меня до Ивана/Сделаю из тебя пана (пчела); Долгий Макар /По суметам скакал (кочерга); Старая Варвара/Да сухой Матвей/Привязался к ней/И теперь у ней (печь и голбец); Идет Яшка,/Белая рубашка (снег); Два кума Абакума,/Две кумы Авдоты,/Шесть Фалалеев,/Да десять Андреев (сани и их части).*

Изобразительно-выразительные средства загадки богаты и разнообразны. Это объясняется как самой природой загадки, требующей иносказания, сопоставления, точности в употреблении слова, так и малым размером жанра, в котором каждый языковой элемент должен нести большую смысловую и изобразительно-выразительную нагрузку. В русских загадках используются различные приемы фонетической выразительности речи, призванные поддержать внимание адресата, вызвать у него заинтересованность, эмоциональное сопереживание и желание отгадать обращенную к нему загадку. Наиболее употребительны следующие фонетические средства выразительности: аллитерация, звукоподражание, паронимазия, игра слов (в частности, каламбур):

Стоит Андрюха — /Набитое брюхо (овин); Узловат Кузьма!/Завязал узла/Развязать нельзя (пупок); Старый Федот/Сидит у ворот,/Счет ведет,/Дюжину отсчитывает,/И сызнова начинает (календарь); Стоит стоята,/Висит висюта;/Пришла Аксюта,/Потрясла висюту,/Упала висюта,/Съела Аксюта (свинья и желуду).

Наиболее распространенными синтаксическими средствами языковой выразительности в русских загадках являются анадиплозис, эпанадиплозис, анафора, эпифора, полисиндетон, параллелизм, гипербатон, хиазм, зевгма, асиндетон: *Туда Митя,/Сюда Митя,/И под лавку ушел (голик); Висит Анюта/Нога загнута;/Пришел Панюта/В дырочку подудел,/ Дырочка отомкнулась/Нога отогнулась (замок); Летели три ворона,/Кричали в три голоса,/Один кричит: «Я Петр!»/Другой кричит: «Я Филипп!»/Третий кричит: «Я сам велик!» (три поста); Пять пятишашек,/Пять загибашек,/Две Марьи,/Две Дарьи,/Да Палагея (дуга). Дарья с Марьей/Лицо в лицо глядятся./Не сходятся (пол и потолок).*

В ходе исследования нами были выделены следующие лексические средства выразительности, наиболее часто употребляемые в русских загадках с личным именем собственным: метафора, метонимия, синекдоха, эпитет, сравнение, градация, гипербола, литота, антитеза, оксюморон, плеоназм.

Стоит Егорка/В красной ермолке;/Кто ни пройдет,/Всяк поклон отдает (земляника); Лежит Егор под межой,/Накрыт зеленой фатой (огурец); Два Анисима/Четыре Максима/Седьмая Софья (стол и стул); Двину, подвину/По белому Мартыну,/Мартын взглянет,/Зубы оскалит (подъемное окно); . Идут четыре брата/Навстречу старшему./— Здравствуй, большак! — говорят./— Здорово, Васька-указка,/Мишкасередка,/Гришка-сиротка, /Да крошка Тимошка (пальцы руки); Дарья да Марья/Без устали/Одна другой/В глаза глядят (пол и потолок).

Таким образом, загадки с именем собственным проявляют аксиологический код русской лингвокультуры, который, в свою очередь, органично сочетает систему символов и национально-специфичную игровую составляющую, отражающую богатство русской культуры.

Список источников

1. Абдрашитова М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2012. — 23 с.
2. Ван И. Личное имя в русской фольклорной картине мира (на фоне китайской) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2021. — 25 с.
3. Катермина В. В. Русские имена собственные в загадках, паремиях, фразеологизмах и художественных текстах : слов. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2009. — 112 с.

4. Логутенкова О. Н. Репрезентация фольклорно-языковой картины мира русско-греческих билингвов школьного возраста средствами паремиологии и фразеологии : дис. канд. ... филол. наук. — Краснодар, 2018. — 293 с.
5. Медведева Е. С. Лингвокультурологический анализ репрезентации флоры и фауны в испано-язычных загадках (на материале Пиренейского и мексиканского национальных вариантов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2022. — 24 с.
6. Орлова О. С. Загадка как объект лингвистического исследования // Слово.ру: балтийский акцент. — 2017. — Т. 8, № 3. — С. 104–114.
7. Чеснокова О. С., Медведева Е. С. Лексико-семантические особенности мексиканских загадок о флоре // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — № 3. — С. 97–109.

Сведения об авторе

Катермина Вероника Викторовна — д.филол.н., профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия).

Л. А. Климкова

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОНИМИЯ: РАЗНОПЛАНОВОСТЬ КОННОТАЦИЙ

Аннотация. После преамбулы о структурах именовании (официального — полуофициального — неофициального) русского человека автор сосредоточивает внимание на индивидуальных прозвищах как неофициальных, дополнительных именах, причем рассматривает их в плане коннотативности. Особое внимание обращено на явление диссонанса в возникновении, мотивации и функционировании единиц в микросистемах Нижегородского Окско-Волжско-Сурского региона.

Ключевые слова: структура именовании; неофициальная антропонимия; прозвище; коннотативность; асимметрия.

Русская антропонимия представлена рядом структур (формул) именовании человека. Прежде всего они делятся на три типа: официальные — полуофициальные — неофициальные.

Официальная, юридически закреплённая структура именовании русского человека является трехчленной: личное имя (персоним) в полной форме (в нетрансформированном, немодифицированном виде) + отчество (именование по отцу) + фамилия (родовое, семейное именование). Она представляет собой результат длительного, многовекового формирования от периода язычества до XVIII века, если же иметь в виду ее полную социализацию, то до начала XX века [см. об этом, в частности: Зинин, 1972: 44–227]. С конца XX века активно распространяется (по крайней мере, в СМИ) структура официального именовании с устранением исконно русского антропонимного компонента — отчества (по западному образцу). В XX веке она представляла собой полуофициальную формулу: персоним в полном виде + фамилия (*Екатерина Иванова, Алексей Рябинин*). Полуофициальными являются и сочетание полного персонима с отчеством (*Мария Ивановна, Павел Александрович*), только полное личное имя (*Мария, Павел*), только фамилия (*Кузнецова, Богданов*).

Разнообразием структур отличается неофициальное именование: модификат(ы) персонима (*Ваня, Маруся, Паша, Пашенька* и т.д.); только отчество в полном виде (*Ивановна, Александрович*); модифицированное отчество (*Иваныч, Иванна, Саныч, Алексевна*); модификат персонима + полное отчество (*Марья Ивановна, Лидочка Петровна, Пал Алексеевич*); модификат персонима + модификат отчества (*Марья Ванна, Марь Ванна, Пал Палыч, Сан Саныч*); сюда относятся и так называемые уличные, или дворовые, фамилии в сельском социуме; прозвище. Все эти

структуры реализуются в условиях непосредственной коммуникации членов языкового коллектива в определенной среде, в более или менее замкнутом сообществе. Примыкают к этому перечню псевдонимы и никнеймы как вторичные именованья, отличаясь выходом в широкое коммуникативное пространство, подвергаясь письменной фиксации.

Все это вписывается в общую онимическую картину русского языка, отличающуюся необыкновенным богатством, включающую миллионы единиц (до 200 миллионов). В перечисленных структурах неофициальной антропонимии как части общей онимической картины мира совершенным своеобразием отличается *прозвище*. Как дополнительное именование, оно даётся человеку в разные периоды его жизни по какой-то причине, по какому-то поводу: по отличительному признаку, внешнему или внутреннему, по манере поведения, привычкам, пристрастиям, по происхождению, по отношению к другим людям, по тому или иному событию и т.д. в определенном коллективе, поэтому имеет корпоративный характер [см.: Подольская, 1988: 111]. Прозвища делятся на индивидуальные, семейные (к ним примыкают уличные фамилии), коллективные. Для категории прозвищ наиболее показательны индивидуальные именованья, в частности в региональной картине мира, например, в нижегородской окско-волжско-сурской. Мы уже рассматривали их в некоторых аспектах — семантическом, грамматическом, структурно-деривационном, лексикографическом, а также в аспекте системных отношений [см. наши работы: Климкова, 1998; 2015; 2021; 2022; и др.].

Колоритны прозвища, прежде всего индивидуальные, и в плане коннотативности. Коннотативность категориально заложена в них. Все прозвища уже по определению коннотативно окрашены, призваны выразить то или иное отношение к человеку, запечатлев его отличительные черты или просто обозначив принадлежность к своему коллективу, к своему кругу. Прозвище отмечает в человеке то, что не соответствует норме, в основном то, что ниже ее. В целом диапазон коннотативности имеет крайние характерологические точки *обидное* — *необидное*, причем каждая из них отличается синкретизмом и в соответствии с этим может конкретизироваться: *обидное* — неодобрительное, пренебрежительное, уничижительное, презрительное, бранное, грубое, ироническое, насмешливое; *необидное* — одобрительное, ласкательное, уважительное, шутовое, в основном же (чаще всего) *необидное* является синонимом номинанты *фамильярное*.

Источником, причиной номинации прозвищем предстает сама именуемая личность, ее характерные черты, что находит отражение в мотивационной и деривационной базе номинанты, с этим сопряжен и характер ее коннотативности. Доброта человека, широта его души, открытость, физическое и духовное здоровье, мастерство, трудолюбие, добрые, полезные дела отмечаются прозвищами, признающими все это, по меньшей мере *необидными*, *фамильярными*, что отражается в мотивационной базе. О характере окраски свидетельствуют сами члены языкового коллектива, жители села. Рассмотрим это на материале прозвищной номинации в микросистемах нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья, например: *Музыкальный*, одобр. прозвище мужчины. *Музыку любил он и мастерила всяки инструменты*. (Балахониха Арз.); *Музыкánt*, одобр. прозвище мужчины. *Уж больно музыку он любит. На гитаре играет, поёт*. (Туркуши Кул.); *Мультфильм*, необидн. *Он харашо рисует*. (Лукоянов); *Мудрый*, уваж. прозвище мужчины. *За советом к Ивану-то всегда хадили*. (Курилово Д.-Конст.); *Делева́ка*, уваж. прозвище мужчины. *Ну, у этыва, как огонь, всё в руках так и горит, эх и мастеровой! — Всё умет делать — деловой*. (Леметь Ард.). (Эти и другие примеры, в том числе использованные в данной статье, а также полные адреса микросистем см.: [Климкова, Гузнова, 2022: ч. 1-3]).

И, напротив, всё негативное в самом человеке, в его жизни, достойное порицания, отражается в *обидных* прозвищах, которые в микросистемах преобладают. См. некоторые примеры: *Марышка*, обидн. прозвище женщины. *Вредна бабёнка, странная и злая, а уж жадна-а-а!* (Кудеярово Лук.); *Станный*, обидн. прозвище юноши. *Ноги у него как вставлены, да и весь он связанной какой-то*. (Кирилловка Спас.); *Старуха*, обидн. прозвище юноши. *Парень вялый, медлительный, пахож на старуху*. (Лукоянов); *Царям-Барям*, обидн. прозвище мужчины. *Гаварит плохо, вот и завут так*. (Маёвка Див.); *Цекá*, обидн. прозвище мужчины. *Всё доносы тишет, вот и прозвали Цека*. (Череватово Див.); *Бахорья*, м. обидн. прозвище мужчины. *Остролов был, бахорил больно, балясничал, вот и прозвали. Обидна эта прозвища*. (Успенское Арз.); *Кóля Бубу́ля*, обидн. прозвище мужчины. *Бубнёл уж больно, вот и Бубуля, Коля Бубуля*. (Натальино Нав.);

Авдо́тья, ж. обидн. прозвище мужчины. *Он сё, кто ни едет, кто ни идёт всех кричит: «Авдо-тья!».* И яво так празывають. Канешно, абидно: *ба́бско имя-то.* (Новый Усад Арз.); **Ага́**, ж., обидн. прозвище женщины. *Ее зовут Агафья. Она зря сердита и зла, всё время со всеми ругатся, как всё равно Баба-Яга. И вот ругают так за это.* (Наруксово Поч.); **Белору́чка**, ж., неодобр. *Соколова она. Ничего не делала, всё возле дома семечки лузгала, вот и прозвали Белоручкой. Конечно, осудительно.* (Пожарки Серг.) и др.

Во всех приведенных и других, подобных случаях происходит согласование, симметрия: внутренняя форма прозвища — его мотивационная база — коннотативность. См. еще: **Ми́ла**, неодобр. прозвище женщины. *Уми́льна больно была. Всем говорила: «Ми́ла моя.» Она не убижатся.* (Пожарки Серг.); **Буке́тик**, ласк. прозвище женщины. *Красивенька така́ была, как цветочик.* (Яново Серг.); **Грязни́ха**, презрит. прозвище женщины. *Она всё неопрятна, и ходит грязно, и делат грязно, и в доме всё грязно. Заглазно зовём её мы так.* (Бортсурманы Пильн.); **Грызун**, презрит. прозвище мужчины. *Злой был этот Гунтáсов, зубами всё скрежетал от злости, загрызть готов всех был.* (Дальнее Константиново); **Зуда́**, обидн. прозвище женщины. *Зуда́ уж больно навязчива.* (Кирилловка Арз.); **Проти́вный**, обидн. прозвище мужчины. *Карактир-то у ниво плохой. Все ему угождать должны. Вот Противным и прозвали.* (Ключищи Шатк.); **Плесе́нь**, обидн. прозвище мужчины. *Уж больно нуднай он, лазит, просит вечно всё.* (Кудеярово Лук.) и др.

Обращает на себя внимание факт рассогласования внутренней формы прозвища и его эмоциональной, оценочной окрашенности, а также его мотивационной базы — явление противоречивости, асимметрии. Примеры многочисленны. См. некоторые из них: **Профе́ссор**, обидн. прозвище мальчика. *Так зовут мальцьишку, который три года сидел в одном классе.* (Бабино Перв.); **Иисус**, обидн. прозвище мужчины. *Волосья-то у ниво длинные да на прямой ряд, вот и звали Исус. Обижатся больно.* (Вазьян Вад.); **Ми́лка**, обидн. прозвище мужчины. *Милов фамилья ему, а мы Милкой зовём. А ему не нравится.* (Б. Туманово Арз.); **Елэнушка Прекра́сная**, насмешл. прозвище женщины. *Сидит всю дарогу у акошка, ничево не делат, патаму так и празвали.* (Хватовка Арз.); **Ёжик**, обидн. прозвище мужчины. *Хитрай был, злой, как иголками калол. Дитей-та у ниво тожа так празвали.* (Яново Серг.); **Чернобро́вая**, насмешл. прозвище женщины. *Мать у меня была чернобровой, а я белобрыса. В деревне смеются надо мной, Чернобровой называют.* (Туртапки Ард.); **Мари́нка Красáвица**, насмешл. *Все смеются над ней так: не больно красива.* (Яново Серг.) и др.

Диссонанс проявляется и в восприятии прозвища именуемой и именуемой сторонами, в реакции на него. Типичное соотношение здесь: необходимое в языковом коллективе так же воспринимается и прозываемым, аналогична симметрия обидное — обидное. Однако в некоторых микросистемах есть случаи асимметрии: прозвище необходимое в языковом коллективе, но именуемый не приемлет его, обижается на тех, кто его использует, и, напротив, прозвище обидное, а именуемый не воспринимает его таковым, спокойно реагирует на него. Здесь диссонируют и отдельные слова в речи. Например: **Богомо́лец**, неодобр. прозвище женщины. *Богу молится, вот и Богомолец она. А она обижатся почему-то.* (Чернуха Арз.); **Бо́дрый**, неодобр. прозвище мужчины. *Он когда ходит, то уж больно бодрится, вот и празвали. А што-то он обижатся.* (Костылиха Арз.); **Белы́й**, неодобр. *У них дедушку всё Белым дразнили, так и завут Беловыми.* (Андросово Гаг.); **Борисёнок**, неодобр. прозвище девочки. *Борисову мы зовем Борисёнок. Вроде слово-то необходимо, а она обижатся.* (Красный Бор Шатк.); **Бо́рькин**, неодобр. прозвище мужчины. *Отца у него Борисом звали, а сына Борькиным зовут по ево имени. А он што-то обижатся.* (Водоватово Арз.); **Филиппо́к**, неодобр. *Он Филиппов, а его Филиппок называют. Он абижатся. А што бы вроде абижаться-то?* (Верякуши Див.); **Фе́шка**, неодобр. прозвище мужчины. *Фёдором зовут ево, а от Федора Фешкой празвали. Убижатся, когда так называм.* (Кавлей Ард.); **Симуля́нт**, неодобр. прозвище мужчины. *Больной всё время, думали, што придумыват. Он на это обижался. — Симулянт добрый был, угощал.* (Новоселки Арз.); — **Косты́ль**, обидн. прозвище мужчины. *Он длинной да худой, как костыль. Ево давно уж так зовут: Костыль да Костыль. Нет, не обижатся.* (Лопатино Вад.); **Бес**, обидн. прозвище мужчины. *Он как напьётся, так бешеный, никавова сладу нету. Не абидно ему.* (Кочкурово Поч.); **Адра́**, насмешл. *Адра вот у нас есь, молодой, ходит, ни работат, пьяница. Надо «виноград», а он «адра» звал, и так остался он Адра. Ево Женькой так-то зовут, а на прозвищчы свое не убижатся.* (Пологовка Арз.).

В некоторых номинантах диссонанс подчеркивают и уменьшительно-ласкательные суффиксы: *-онок-, -ок-, -чик-, -ушк-* и др., например: **Кукáнчик**, обидн. прозвище мужчины. *Он всегда рыбу лавил не удачкой, а на кукан. Патаму и зовут Куканчик. Не любит, когда иво зовут так.* (Лопатино Лук.); **Ба́ушка-Шура́вушка**, ж., обидн. прозвище женщины. *Шурка иё звали, Ликсандра. Ана всё абижалась на прозвище. А вот што уж Шуравушку прибавили — бох ведат.* (Верякуши Див.).

В области прозвищной номинации проявляется ряд закономерностей. Так, единицы, пережившие демотивацию, чаще всего необидные. Например: **Маркél**, необидн. прозвище мужчины. *Есь Маркел, не знай, почему ево так назвали.* (Елховка Вад.); **Мимá**, необидн. прозвище женщины. *Мимóй давно зовут, а почему — никто не знает.* (Новое Иванцево Шатк.); **Михрón**, необидн. прозвище мужчины. *Так Михроном зовём, а почему — не знаю. Он не обижатся.* (Кошелиха Перв.); **Коруно́к**, необидн. прозвище мужчины. *Чёво не знай — тово не знай, зовут и всё.* (Веригино Арз.); **Корсачо́нок**, необидн. прозвище мужчины. *У него отца звали Корсачонок, так и ево. Хто знает, почэму так звали. Ему необидно.* (Шатовка Арз.); **Ингá**, необидн. прозвище мужчины. *Вон Ингá пошёл, ево все так с детства што-то зовут.* (Княжиха Пильн.); **Могóнька**, необидн. прозвище женщины. *Давно уж её так прозвали, а за што — не знаю.* (Волчиха Арз.) и мн. др.

Обидных среди демотивированных номинант гораздо меньше, и такая коннотация — признание их обидными со стороны именуемых — вызывает в коллективе недоумение, передающееся неопределёнными местоимениями, наречиями, их эквивалентами (*што-то, почему-то, не знай што* и др.). Таковы, например: **Изу́ма**, обидн. прозвище мужчины. *Да я уж и не помню, почему ево так зовут. Изума он, вот и всё. Обидно ему что-то.* (Курмыш Пильн.); **Корсу́ль**, обидн. прозвище мужчины. *Не знай, што так празвали. Сроду Карсуль он што-то, с детства. Абижатся.* (Суворово Див.); **Котáся**, обидн. прозвище женщины. *Не знай, почему так празвали.* (Борнуково Бут.); **Пину́ха**, обидн. прозвище женщины. *Ругали её так: Пинуха и Пинуха. Не знай што, но обижалась.* (Канерга Ард.) и др. Здесь прозвища обидные только с точки зрения именуемого, в его восприятии. Для членов же социума, языкового коллектива они предстают уже как необидные. Так возникает своего рода диссонанс.

В основном необидные прозвища, образованные от фамилий. Таковы, например: **Касты́ль**, необидн. прозвище мужчины. *У няво же фамилия Кастыльёв, вот и празвали Кастыль. И в глаза называли, а чаво тут такова.* (Хватовка Арз.); **Яшка**, необидн. прозвищу мужчины. *Яшка мы по фамилии кличем, ведь прозвище в деревне процветает. Яшка сроду не обижался.* (Нелей Перв.); **Минéй**, необидн. прозвище мальчика. *У него фамилия Минеев, а зовут Минéй — так легче.* (Ждановка Кр.-Окт.); **Корóва**, необидн. прозвище мужчины. *От фамилии Коровин. Не обидно ему.* (Спасское); **Кошелёк**, необидн. прозвище мужчины. *Кошельков фамилия, а зовут Кошелёк.* (Неледино Шатк.) и мн. др.

Прозвище может передаваться другим лицам, прежде всего родственникам, в этом случае происходит и проецирование коннотации [см. об этом в другой сфере: Климова, 2019: 51–55]. Например: **Филинёнок**, обидн. прозвище сына мужчины по обидному прозвищу **Кóля Фíлин**. *Глаза-то уж больно большэи, как у филина. А ево Саику уж Филинёнком зовут.* (Абрамово Арз.); **Балдá**, обидн. прозвище мужчины. *Это прозвище иму на наследстве досталось ат атца, да и иму падходит.* (Кудеярово Лук.); **Бу́ка**, обидн. прозвище мужчины. *Прозвище идёт от деда к сыну и внукам. А што — хто е знает.* (Семеново Арз.); **Були́т**, обидн. прозвище мужчины. *Не знай, што так звать, отец был Булит.* (Смольный [б.] Шатк.); **Ёж**, обидн. прозвище мужчины. *У ёво деда Ёжом звали, и прадеда Ёжом звали, и ёво Ёжом зовут, за колючый карактер.* (Мадаево Поч.); **Маркét**, необидн. прозвище женщины. *Он дружил с девочкой по прозвищу Маркиза. Сына ево сейчас тоже называют Маркет.* (Семеново Арз.); **Купéц**, обидн. прозвище мужчины. *Прадед какой-то был Купцом, а патом и пашло: сын — Купец, внук — Купец, на наследстве.* (Ульяново Лук.).

Заметна в микросистемах эволюция в отношении восприятия прозвища и его коннотации, об этом свидетельствуют сами информанты: **Симачо́к**, необидн. прозвище мужчины. *Пачаму, правды, не знай, но у няво и атец был Симачок, и дед тоже, ну и он Симачок. Атец яво раньше абижался, а он уж нет.* (Хватовка Арз.); **Мойше́нька**, обидн. прозвище женщины. *Мужик уж*

больно жену свою любил, называл — «мояшенька», вот и зовут её все теперь Мояшенька. Только ей уж теперь обидно. Муж-ат звал ласково, эт совсем другó дело, а все-то — эт вроде уж и насмешка. (Вишневая Ард.); **Скворéшня**, необидн. прозвище мужчины. Он сё смыгат, смыгат носом-то. А нос-ат паднимат и рот здаравеннай делат, как скварешня. Давно завут все, и не абижатся. А кагда празвали, больно абижался. (Новый Усад Арз.) и др.

При выходе за пределы отдельных микросистем в общую региональную картину мира соотношение параметров *внутренняя форма* прозвища — *мотивация* — *коннотативность* предстает также неоднородным. Здесь переплетаются явления согласования и рассогласования (диссонанса). Так, внешне одно и то же прозвище (в случае тезоименности, параллелизма) при одной мотивации имеет разную окрашенность. Например: **Кот**. Прозвище мужчины. 1. **необидн.** Звать его Васькой, да и на ката чем-то похож. (Мухтолово Ард.). А он Васька (Спасское), но **обидн.** Васька, вот и Кот. В глаза так не называли. (Бебяево Арз.). Вася есь мужик — Кот, да и гулять любит, по бабам ходить. (Курмыш Пильн.); 2. **необидн.** У него усы рыжи, как у ката, вот и завут так. А он не абижатся. (Суворово Див.). Котом его прозвали за то, што у него пышные усы (Тёплого Кул.), но **обидн.** Усы у него бальшие, как у ката, вот мы иво Катом и празвали. (Архангельское Шатк.). **Карась**. Прозвище мужчины. 1. **необидн.** Глаза красные, как у карася. (Сальниково Арз.). У него, у Ваньки-ти, глаза вечно красны́, как у рака, вот и Карась. Не обижатся: так ведь это правда. (Хватовка Арз.). Меня звали Карась. С глазами связано: вон у ты глаза, как у карася. Да што обижаться-то! Толку-то! (Мурзицы Сеч.); 2. **обидн.** Красный, как карась. Морда всегда, как у карася, красна. (Леметь Ард.). Глаза у него как у карася: маненьки, круглы и красноваты. (Семеново Арз.). Андрюшку так зовут. Лицо у него всегда красное, как карась всё равно што. Обижатся, ну-у-у, и не скажи даже. (Натальино Нав.). Дано за очень выпуклые глаза, как у рыбы. «Глаза как у карася», — так о нем говорят. (Рогово Нав.).

Тезоименные прозвища при разной мотивации имеют и разную окрашенность: **Синегла́зка**. Прозвище женщины, **необидн.** Уж давно так завут, а пачаму — ни знай, мож, за глаза голубые (Архангельское Шатк.); **о́добр.** прозвище девушки. У ней синие глаза. — Ах ты, Синеглазка моя! (Сеченово), но **обидн.** прозвище женщины. С подбитыми глазами всегда ходила, потому и Синёглазка (Толба Серг.). **Кука́**. Прозвище женщины, **необидн.** Дочь маненька не говорила, она осердится на ково: «Ну, кука́!» Потом ее и прозвали Кука́. А она и говорила: «Машиенок-то много, а Кука-то одна» (Шатовка Арз.), но **обидн.** Трещит как кукушка. Да она и есь Кука́, ну суща кукушка, трещит да трещит. (Леметь Арз.). **Баи́кан**. Прозвище мужчины, **о́добр.** У няво баи́ка больно уж бальшая, да и умнай мужик-та (Ратово Сеч.), но **обидн.** Этово прозвали за баи́ку бальшую, голову то бишь. Бальшая уж больно. (Малый Макателём Перв.).

Таким образом, прозвище как компонент неофициальной номинации, как категория является своеобразным во всех отношениях, в том числе в плане коннотативной окрашенности, где отчетливо проявляется *симметрия-асимметрия*. По большому счету прозвище свидетельствует о том, что в более или менее замкнутом социуме человек, вся его жизнь на виду у коллектива, подвергается оценке со стороны окружающих его людей, тем самым в этом хотя и частном компоненте языковой картины мира проявляется глубинная черта русского человека, русской культуры (русскости) — общинность. Прозвище является и своеобразным профилактическим знаком: сигнализирует членам коллектива, подрастающим поколениям о неприемлемости черт, отражающихся (отраженных) в прозвищах, по-своему ориентирует их на то, чтобы жить по правде и совести, в гармонии с окружающим миром.

Список источников

1. Зинин С. И. Введение в русскую антропонию : пособие для студентов-заочников. — Ташкент : Ташкентский гос. ун-т, 1972. — 277 с.
2. Климкова Л. А. Микроантропонию как составная часть региональной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). — СПб. : ИЛИ РАН, 1998. — С. 63–73.
3. Климкова Л. А. Прозвищная номинация в русской языковой картине мира: общий взгляд // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней : сб. науч. ст. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. / сост. и науч. ред. И. А. Сотовой (отв. ред.) [и др.]. — Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2015. — С. 110–119.

4. Климкова Л. А. Микротопонимия в аспекте семантического проецирования // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. / сост., ред. В. Л. Васильев ; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. — В. Новгород : Печатный двор, 2019. — С. 51–55.
5. Климкова Л. А. Категория рода в неофициальной антропонимии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2021. — Т. 43, № 1. — С. 49–55.
6. Климкова Л. А. Системные отношения в окско-волжско-сурской неофициальной антропонимии // Ономастика Поволжья : материалы XX Междунар. науч. конф. / сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун ; Калмыцкий гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова. — Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. — С. 80–84.
7. Климкова Л. А., Гузнова А. В. Неофициальная антропонимия Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья : слов. : в 3 ч. / Арзамасский фил. ННГУ им. Н. И. Лобачевского ; Княгининский ун-т. — Ульяновск : Зебра, 2022. — Ч. 1. — 437 с. ; Ч. 2. — 434 с. ; Ч. 3. — 267 с.
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 192 с.

Сведения об авторе

Климкова Людмила Алексеевна — д.филол.н., профессор (Арзамас, Россия).

Н. В. Кривошапова

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В АНТРОПОНИМИКЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Аннотация. В статье выделяются основные группы молдавских антропонимов, рассматриваются примеры молдавско-русской фонетической и грамматической интерференции в области фамилий и иноязычных имён с указанием причин смешения в образовании и склонении антропонимов в двух языках.

Ключевые слова: языковая интерференция, антропоним, лингвистическое исследование, молдавские антропонимы.

Молдавские антропонимы, использующиеся на территории Приднестровья и Республики Молдова, можно условно разделить на несколько групп:

1. Имена из православного календаря (в основном пришедшие из древнегреческого языка): *Андрей, Дмитрий, Георгий, Мария, Елена, Николай, Василий* и др.
2. Имена, заимствованные из славянских языков: *Раду (Родион), Богдан* и др.
3. Имена, происходящие от молдавских лексем: *Луминица* (молд. *луминэ* — свет), *Виорел, Виорика* (молд. *виоря* — фиалка).
4. Имена из католического календаря (в основном, заимствованные из западноевропейских языков в XIX–XX вв.): *Альберт, Роберт, Фердинанд*.
5. Имена, заимствованные из родственных молдавскому романских языков (в основном, итальянского и испанского) в XIX–XX вв.: *Бьянка, Доминик*.
6. Древнеримские имена, появившиеся на фоне всеобщего увлечения античностью в XIX в.: *Аурел, Ливиу, Дамиан*.

Таким образом, как мы видим, большая часть молдавских имен заимствована из других языков, и лишь малая их доля происходит от молдавских лексем.

В молдавской антропонимической системе фамилии появились намного позже личных имён. Официально фамилии были введены лишь в начале XVII века. Они были приняты сначала господствующими классами, а затем стали распространяться в среде широких народных масс. Как утверждают А. Еремия и М. Косничяну, в одном документе 1680 года говорится, что господарь Шербан Кантакузино потребовал, чтобы каждый гражданин в обязательном порядке наряда с личным именем имел и фамилию [Еремия, Косничяну, 1968].

Первые фамилии были образованы от названия местностей (*Плопяну*). Другая большая категория фамилий была образована от названия рода занятий (*Грэдинару*, *Кожокару*). Определенное распространение получили патронимы и матронимы (*Абабей*, *Акатриней*). Позднее к этим категориям добавились фамилии, образованные от названий народов (*Греку*, *Ляху*), от прозвищ (*Блынду*, *Вэрзару*), фамилии с украинскими суффиксами *-ашко*, *— енко*, и др.

А. Еремия и М. Косничяну указывают также на то, что фамилии, оканчивающиеся на *-у*, в более древнем периоде развития молдавского языка имели окончание *-ул*, то есть были артикулированы, и гласный *-у* составлял одно целое с артиклем *-л*. В славяно-молдавских документах XIV века эти антропонимы встречаются, в основном, с артиклем: *Албул*, *Нятедул*, *Микул*. Начиная с XV века, артикль *-л* встречается все реже и реже и, наконец, окончательно исчезает из разговорного языка, передав свои функции гласному *-у*.

Кроме того, данные исследователи подчеркивают, что официальные формы молдавских фамилий не изменяются по родам. Правильная литературная форма молдавских фамилий одинакова как для мужского, так и для женского родов [Еремия, Косничяну, 1968].

Изучив представленные референтом документы, мы заметили, что в свидетельстве о заключении брака между гражданином Пикул Юрием Федоровичем и гражданкой Мога Еленой Михайловной указано, что после заключения брака им присвоены фамилии: мужу — *Пикул*, жене — *Пикула*. У сына данных граждан фамилия *Пикул*, а у дочери — *Пикула*.

Как видим, здесь нарушено правило о том, что официальные формы молдавских фамилий не изменяются по родам. Вероятно, это можно объяснить межъязыковой грамматической интерференцией, характерной для Приднестровского региона. В данном случае мы наблюдаем влияние на склонение молдавских фамилий русского языка, в котором фамилии, оканчивающиеся согласной буквой, могут изменяться по родам: *Васин* — *Васина*, *Кривошеев* — *Кривошеева* и т.д.

Фонетическая интерференция найдена нами в молдавских именах.

В справочнике А. Еремии и М. Косничяну «Нуме де персоане. Личные имена» авторы указывают на то, что в некоторых молдавских антропонимах буква *ж* звучит как аффриката *дж*: «Личные имена и фамилии, в состав которых входит аффриката «дж», графически изображенная через «ж», сопровождаются специальным указанием по поводу их произношения (в квадратных скобках):

Анжела [Анджела] — *Анжела*

Виржиния [Вирджиния] — *Виргиния*

Еужениу [Еуджениу] — *Евгений* [Еремия, Косничяну 1968].

Евгения является русским вариантом румынского / молдавского имени *Еуджения* которое особо прижилось в нашей стране. В любом случае, это одинаковые имена, обладающие сходными характеристиками.

В данном случае нормативным для русского языка и для документов на русском языке считается имя *Евгения*, семантически близким — *Еуджения*.

Учет человеческого фактора (описки заполняющего) обусловили возможность вариантного написания имени *Евгения* в форме *Еуджения*.

Таким образом, как мы видим, А. Еремия и М. Косничяну указывают на то, что верное написание молдавского имени *Анжела* идентично русскому: без буквы *д* и удвоенных согласных.

А. Н. Думбрэвяну в работе «Молдавская диалектная антропонимия» указывает на то, что для молдавской диалектной антропонимии характерен феномен эпентезы, т. е. вставки в корпус антропонима согласного звука, отсутствующего в первоначальной форме имени-основы [Думбрэвяну, 1982]. Это явление мы и наблюдаем в варианте имени *Анджела*, в написании которого появилась согласная *д* из-за аффрикативного произношения *ж* как *дж*.

Вероятно, этим же явлением эпентезы объясняется и возникновение варианта имени *Анжелла*, только в данном случае добавочной является буква (и звук) *л*.

У имени *Анжела* (*Анджела*) есть различные варианты произношения в европейских странах — аналоги. Так в Англии девочку или женщину будут звать *Энджел* (*Эйнджел*), в Германии, Греции, Нидерландах — *Ангела*, во Франции — *Анжель*, в Испании — *Анхель*, *Анхела* и *Анхелес* (именно это имя дается в честь Девы Марии, царицы ангелов), в Польше, Белоруссии — *Анэля* (*Анеля*), в Болгарии — *Ангела* или *Анелия*, в Ирландии — *Ангел*.

В бретонском языке также существует форма имени *Аэль*, которая, возможно, и стала прототипом имени *Аэлита*.

Буква *л* двойная в корне под влиянием фонетических особенностей иноязычного имени не влияет на значение имени в целом, поэтому представляется возможным говорить об окказиональном образовании данного имени.

Идентичность имён *Анжела*, *Анжелла*, *Анджела* исследованием подтверждается. *Анжела* — нормированный вариант имени, *Анжелла* и *Анджела* — диалектные варианты, возникшие как проявление феномена эпентезы. Все варианты имени в официальных документах можно считать равноправными и эквивалентными.

Вторая часть справочника А. Еремии и М. Косничяну, указатель, включает некоторые молдавские фамилии, написание или произношение которых также представляет затруднения. В частности, авторы выделяют следующие категории:

- 1) Фамилии, в состав которых входит дифтонг «-оа»: *Доагэ*, *Скоарцэ*, *Скобиоалэ* и др.
- 2) Сложные фамилии: *Бабэлунгэ*, *Мынэскуртэ*, *Мереакре* и др.
- 3) Матронимы: *Абабей*, *Агафицей*, *Амарией*, *Апреотесей* и др.
- 4) Фамилии с окончанием на -у: *Морару*, *Пынзару*, *Пэдуару*, *Скутару* и др.
- 5) Фамилии с окончанием на -э: *Топалэ*, *Сорбалэ*, *Крянгэ* и др.
- 6) Фамилии на -ану, -яну: *Бурдужану*, *Бэнэцяну*, *Сорочяну* и др.
- 7) Фамилии на -чя: *Кучя*, *Купчя*, *Михалчя*, *Стырчя* и др.
- 8) Фамилии с суффиксами -ов (-ев), -овский (-евский): *Иванов*, *Петров*, *Котовский* и др.
- 9) Непроизводные фамилии: *Мэлай*, *Рацэ*, *Фурникэ* и др.

Мы выделили 5-ю и 9-ю категории фамилий как подтверждение того, что именно окончание -э в молдавских фамилиях является верным. Более того, фамилия *Быркэ* зафиксирована в справочнике А. Еремии и М. Косничяну. Поэтому вариант фамилии *Быркэ* можно считать нормированным, а *Бырка* — его диалектным либо разговорным вариантом.

Согласно предоставленным документам, национальность заявителя — молдаванка, что дает нам право рассматривать анализируемые имя и девичью фамилию как молдавские.

Идентичность фамилий *Быркэ* и *Бырка* исследованием подтверждается, поскольку разница в написании составляет лишь одну букву. Кроме того, на основании представленных заявителем документов можно прийти к выводу, что оба варианта фамилии принадлежат одному и тому же человеку, поэтому их можно считать равноправными и эквивалентными.

Во всех случаях (при исследовании и имени, и фамилии) мы можем руководствоваться рекомендациями «Справочника личных имён РСФСР» [СЛИН РСФСР, 1987].

В приложении к данному справочнику «Соотношение вариантов имён» А. В. Суперанская сделала весьма существенное замечание: «Обычно отличие в одну-две буквы (один-два звука) свидетельствует о том, что это варианты одного и то же имени» [Суперанская, 2005].

Список источников

1. Думбрэвяну А. Н. Молдавская диалектная антропонимия. — Кишинев, 1982. — 43 с.
2. Еремия А., Косничяну М. Нуме де персоане. Личные имена. — Кишинев, 1968. — 216 с.
3. Справочник личных имен народов РСФСР. — М., 1987. — 656 с.
4. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен. — М. : Айрис Пресс, 2005. — 384 с.

Сведения об авторе

Кривошапова Наталья Викторовна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации филологического факультета, директор Многопрофильного центра исследований и консультаций Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко (Тирасполь, ПМР).

МЕТАМОРФОЗЫ ИМЕНИ ВЛАДИМИР В XX И XXI ВЕКАХ

Аннотация. В мини-исследовании затронут вопрос динамики общероссийского антропонимикона и регионального именника: рассматривается, как в диахронии, на протяжении 80 лет, с 1935 года по 2015-й, меняется частотность имени Владимир и его экстралингвистическое наполнение.

Ключевые слова: антропоним; антропонимикон; региональный именник; имя-неологизм; имена-аббревиатуры; диахрония; узус

Еще в 1967 году В. А. Никонов заметил, что личное имя обрастает особым антропонимическим значением, придающим нейтральному знаку идеологическое значение от того лица, которое он обозначил. В качестве наглядного примера исследователь упоминает имя *Владимир*, которое большинство его современников связывали с личностью В. И. Ленина [Никонов, 1967: 106]. На протяжении всего XX века фигура этого философа, политика и создателя первого в мире государства рабочих и крестьян оставалась знаковой для России и других стран.

В нашем мини-исследовании мы рассматриваем, как в региональном антропонимиконе в течение восьмидесяти лет, с 1935 года по 2015-й, менялась частотность имени *Владимир* (в том числе под влиянием авторитета личности Ленина), какие неологизмы вызвало к жизни именованные *Владимир Ильич Ленин* и прижились ли они в узусе.

В качестве исследовательской базы привлекаем данные именника по г. Сухой Лог Свердловской области (находится в 114 км северо-восточнее Екатеринбурга). Сведения об именнике были добыты из алфавитной книги загса Сухого Лога (до 1943 года рабочего поселка, затем — города).

Имя *Владимир* мы представляем в диахроническом срезе с 1935-го по 2015 год. В таблице ниже приводятся данные о количестве новорожденных с именем *Владимир* в разные годы обозначенных десятилетий (через косую черту указано число новорожденных мальчиков):

годы	1935	1938	1943	1953	1963	1983	1993	2003	2015
число носителей	23/206	33/240	13/117	42/290	12/223	7/327	6/153	1/273	4/276
удельный вес	0,112	0,138	0,111	0,145	0,053	0,021	0,039	0,0037	0,0145

Как следует из таблицы, популярность имени *Владимир* на протяжении восьмидесяти лет не была постоянной, менялся и его удельный вес в именнике (в процентном отношении). Проанализируются три периода:

1. С 1930 годов по 1950-е, когда востребованность имени была высокой. Значительно она выросла в 1953 году, когда именем *Владимир* нарекли 42 малыша;
2. Со второй половины XX века интерес к имени значительно слабеет: его удельный вес заметно падает, уменьшаясь втрое и более раз;
3. В первые два десятилетия XXI века имя *Владимир* становится редким.

На протяжении XX века менялось положение имени в топ-5 частотных антропонимов Сухого Лога. В течение 18 лет, с 1935 года по 1953-й, оно прочно удерживается на самой верхушке антропонимической пятерки: в 1930 годы обходит своих «соперников» *Анатолия*, *Виктора*, *Юрия*, *Геннадия* (*Генадия*) в 1943-м — *Виктора*, *Юрия*, *Анатолия*, в 1953-м — *Александра*, *Сергея*, *Виктора*. В 1963 году имя *Владимир* сдает лидерские позиции, перемещаясь на шестое место. Дальше спад популярности имени *Владимир* продолжается, и в 1983 году по частотности оно уже на десятом месте. В 1993-м году на фоне падения рождаемости имя возвращается на шестую позицию.

Совпадают ли данные сухоложского именника XX века картина по имени *Владимир* с наблюдениями В. А. Никонова и В. Д. Бондалетова?

В. А. Никонов устанавливает, что имя *Владимир* в 1961 году входило в пятерку популярных в семи областных центрах европейской части России: Курске, Калуге, Костроме, Владимире, Тамбове, Пензе и Ульяновске [Никонов, 1967: 108].

В. Д. Бондалетов, выделяя пять подгрупп имен с учетом роста или уменьшения их популярности в XX веке, относит антропоним *Владимир* к именам устойчивой популярности. По наблюдениям исследователя, это имя лидировало в мужском именнике г. Пензы в 1921–1930 гг., в 1960–1969 — перешло с первого места на третье в пределах частых именовании. [Бондалетов, 1983: 148]. Статистические данные по его удельному весу в именнике Пензы таковы: *Владимир* в 1920-м — 11,8 %, в 1930-м — 14,3 %, в 1957-м — 11,9 % [Бондалетов, 1983: 150].

Автор монографии «Языковая мода в русской ономастике» Оксана Врублевская, объединив имеющиеся по антропонимиконам разных регионов России данные, получила общероссийский рейтинг десяти частотных мужских имен в разные рубежные срезы XX и XXI веков. В XX веке каждый срез охватывает временной промежуток в двадцать лет, в XXI — в четыре года. Какие выводы по имени *Владимир* можно сделать на основе этих рейтингов? Начиная с 1920 годов и вплоть до 1960-го оно не просто входило в десятку топовых имен, но занимало ее верхние позиции: в 1920-1930 годы имя *Владимир* второе по частотности, а в 1940-1950-е — первое. Однако в 1960-1970 годы оно передвинулось на седьмое место, а в 1980-е вообще перестало быть частотным и вплоть до 2014-го его рейтинг не изменился [Врублевская, 2017: 81].

Таким образом, данные именника Сухого Лога по имени *Владимир* в диахронии совпадают со статистическими показателями антропонимиконах других территорий и подтверждают общеизвестный тезис о том, что в русской антропонимии действуют универсальные закономерности.

Вобрав в себя отсвет личности Ленина, имя *Владимир* в 1930-1950 годах — в период, когда находилось на пике популярности, было вовлечено в процесс создания многокомпонентных антропонимов-неологизмов. А. В. Суперанская в «Словаре русских личных имен» приводит целое гнездо подобных образований, мужских и женских. Мужские имена-неологизмы более разнообразны, в них больше изобретательности. Наряду с именами *Вилен* или *Владилен*, инициальными сокращениями полного именовании *Владимир Ильич Ленин* в историю антропонимики вошли такие аббревиатурные «шедевры», как *Вилорг* < *Владимир Ильич Ленин — организатор*, *Вилорд* < *Владимир Ильич Ленин, Октябрьская революция, диалектика*, *Вилорик* < *Владимир Ильич Ленин — освободитель рабочих и крестьян* [Суперанская, 2005: 143–144, 146]. Некоторые из именовании — *Вилен*, *Владилен*, *Владлен* — оказываются вполне жизнеспособными, так как порождают женские формы, ср. *Вилена*, *Владилена*, *Владлена* и др. [Суперанская, 2005: 369, 370].

В этот период антропонимических экспериментов в именнике Сухого Лога также встречаются аббревиатуры *Вилен* (1943), *Виль* (1935), *Владлен* (1935). Все они по происхождению представляют собой разные вариации сокращений полного имени политика и философа. Более развернутое сочетание скрыто за именем *Вилорий* (1943) < *Владимир Ильич Ленин, Октябрьская революция*. Из женских имен отмечено только одно — *Нинель* (1938), производное от псевдонима *Ленин*, прочитанного справа налево.

В постсоветское время вновь возник интерес к антропонимам-аббревиатурам *Вилена* (1993), *Владилена* (1994), *Владлена* (2003), *Владилен* (2006), но только не из идеологических соображений, а, скорее всего, по причине их благозвучности и необычности. Об их этимологии номинаторы-родители в момент наречения ребенка вообще ничего не знали — открыли ее для себя гораздо позже. Поэтому объясняют происхождение имени в народно-этимологическом ключе. Например, имя *Владилена* (1994), переосмысливается через свой сокращенный неофициальный древнерусский вариант *Лада*: он полностью вытесняет полную форму из обиходного общения и ограничивает ее употребление исключительно официальными ситуациями. В другом случае имя *Владлена* (2003) воспринимают как сложение двух имен *Владимир* + *Лена*.

Сохраняет ли сейчас имя *Владимир* отсвет личности Владимира Ленина или его в первую очередь соотносят уже с другими известными носителями? Мы выясняли это в ходе опроса, который запустили в августе 2022 года в группе газеты «Знамя Победы» (муниципального издания

городского округа Сухой Лог) в соцсети «ВКонтакте». Для ответа предложили три варианта: Владимир Путин, Владимир Маяковский, Владимир Ленин.

Откликнулось 112 человек. В сознании 61 % респондента имя *Владимир* связано с персоной президента России Владимира Путина, 29 % отдали свои голоса за Владимира Ленина, 10 % — за Владимира Маяковского.

Очевидно, что сейчас имя *Владимир* поменяло привязку к личности. Сдвиг в сознании носителей русского языка произошел, но мода на это имя пока не вернулась. Кто знает, может быть, сейчас именно тот момент, когда формируются экстралингвистические предпосылки для роста его популярности. Ведь состав и структура именника — характеристики переменные.

Список источников

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. — М. : Просвещение, 1983. — 224 с.
2. Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике. — Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. — 328 с.
3. Никонов В. А. Личные имена в современной России // Вопросы языкознания. — 1967. — № 6. — С. 102–111.
4. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. — М. : Эксмо, 2005. — 544 с.

Сведения об авторе

Смирнова Ольга Сергеевна — к.филол.н., корреспондент газеты «Знамя Победы» (Екатеринбург, Россия).

Р. А. Сулейманова

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ БАШКИРСКИХ ФАМИЛЬНЫХ АНТРОПОНИМОВ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением некоторых башкирских фамилий, образовавшихся в XVII — XIX веках. Объектом исследования явились фамилии, редко встречающиеся среди башкир, в связи с чем представляющие большой интерес в плане их этимологии. Так, анализ редких фамилий позволил сделать вывод об их восхождении к личным именам: Сырым, Сатучи, Бейсуба, Алтаяк. Также было установлено, что носители некоторых личных имен известны как основатели населенных пунктов, в которых они проживали. Носители рассмотренных нами фамилий, зафиксированные в формулярных списках, являются потомками этих личностей.

Ключевые слова: башкирская ономастика, историческая антропонимия, фамилия, оним, этимология, формулярные списки

Вопросы, связанные с возникновением башкирских фамилий, являющихся сравнительно поздней единицей в числе категорий антропонимики, по сей день остаются актуальными. Исследования, отражающие историю происхождения, этимологическую суть башкирских фамилий, практически отсутствуют, за исключением лишь нескольких работ, таких, как статья авторов Т. М. Гарипова и Г. Б. Сиразетдиновой «Фамилии башкир в русских документах XVII-XVIII вв.» [Гарипов, Сиразетдинова, 1976], посвященная рассмотрению происхождения башкирских фамилий от личных имен, словарь-справочник С. Тупеева [Тупеев, 2008], «Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий» Р. А. Сулеймановой [Сулейманова, 2013]. Тем не менее, труды исследователей относительно тюркоязычных фамилий (В. А. Никонов, З. Б. Мухамедова, Т. Ж. Жанузаков, Г. Ф. Саттаров, Я. И. Мазитов, Н. П. Бутенко, А. В. Суперанская,

Ш. Жаларов, Ш. Саадиев, Г. Р. Алиев, А. В. Танрывердиев, Э. А. Бегматов и др.) позволяют полагать, что в тюркоязычной среде фамилии стали появляться в XVII веке лишь у представителей имущих классов, а в народных массах широкое распространение получили в XIX веке. Данное явление было характерно и для башкирского народа, факт истинности которого необходимо показать в данной статье.

Цель данного исследования заключается в определении этимологии некоторых башкирских фамилий, зафиксированных в сборнике документов «Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы» [ДМИБН, 2012, 2014], вышедшего в двух книгах, в котором опубликованы документы второй четверти XIX в., в первую очередь, формулярные списки чиновников Башкирско-мещеряцкого войска.

Заслуживает, по нашему мнению, должного внимания такая необычная, редкая фамилия, как **Сырымов** (Сырымов). Так, в формулярных списках зафиксировано 4 человека с этой фамилией: зауряд-есаул Абдулвахит Абдрафиков сын Сырымов, урядники Багман Юзеев сын Сырымов, Сейфульмулюк Шафиев сын Сырымов, старшинский писарь Абдулзелиль Абдрафиков сын Сырымов [ДМИБН, 2012: 650–652]. Все они из 5-й юрты 10-го кантона (Бирский уезд; деревня Верхнее Мончарово нынешнего Илишевского района). Село Верхнеманчарово основано башкирами Ельдякской волости Казанской дороги на собственных вотчинных землях [Википедия]. Фамилия Сырымов восходит к личному имени Сырыма Бисубина, о котором известно то, что в 1700 году он вместе с Султанбеком Мятиковым и другими земляками получил царскую грамоту «с прочетом» о подтверждении владельческих прав на вотчинную их землю, которую «истари де владели прадеды и деды, и отцы их» [Документы и материалы по истории башкирского народа, 2012: 98]. В плане этимологии следует отметить, что древнетюркский по своему происхождению и обозначающий ‘терпеливый, выносливый’, антропоним Сырым встречается, в основном, у казахов.

Параллельно с фамилией Сырымов целесообразно было бы остановиться и на фамилию самого Сырыма — *Бисубин*. Эта фамилия восходит к древнему личному имени Бейсуба, состоящему из двух компонентов: бей+суба, где второй компонент, вероятнее всего, произошло от этнонима. В раздельном письме башкир-минцев к царю Алексею Михайловичу упоминаются сыновья Чуплековых: Яиксуба, Кадырсуба, Минлисубы, Идельсуба [Башкирские шежере, 1960: 223]. Здесь родовое название субы выступает объединяющим фактором, показывая их общее происхождение [Кусимова, 1975: 25]. Род суби относится к племени Мин. По мнению Р. Г. Кузеева: “... в формах суби-мин — могли означать «край (область) минцев», «удел минцев», «страну минцев» [Кузеев, 1974: 309]. Как считают некоторые исследователи, есть предположение о том, что во время родоплеменного строя название рода и имя человека совпадали [Кусимова, 1975: 161]. Антропонимы, образованные путем присоединения слова суба, наблюдаются и среди чувашских языческих имен, например, Алчуба, Илсува [Магницкий, 1905: 26, 43].

Немалый интерес представляет фамилия *Алтаяков* (Алтаяков).

В формулярных списках 23-й юрты 6-го кантона (Верхнеуральский уезд. Абзелиловский район РБ) зафиксирован зауряд-сотник Абдряшит Алтаяков Габейдуллин сын (место жительства Алтаяково) [ДМБН, 2012: 176]. На странице 120 формулярных списков при указании данных этого же лица допущена ошибка в названии деревни, записанной как Алчаяковой. Это связано с тем, что «формулярный список чиновников Башкиро-мещеряцкого войска заполнялся делопроизводителем, заверялся кантонным начальником. От уровня грамотности первого и педантичности второго зависели достоверность и информативность документа» [ДМБН, 2012: 15].

Следует отметить и то, что в Учалинском районе была в прошлом деревня Алтаяково (Кильмяково). Год основания данной деревни выяснить, к сожалению, не удалось. Название деревни Алтаякова связано с именем старшины Алтаяка Мурумбетова — участника восстания 1740 г. [Хисамитдинова, 2005: 217]. Таким образом, по фактическим материалам, фамилия вышеназванного Абдряшита Алтаякова восходит к имени основателя деревни — Алтаяк. По поводу второго названия деревни можно отметить то, что в имеющихся исторических материалах за 1836–1842 годы деревня еще фиксировалась как Алтаяково, значит, название Кильмяк было дано ей позже. Сам оным Алтаяк, предположительно, мог образоваться от ногайского этнонима — названия рода алтаяк (алты аяк). Как известно, заметную роль в исторических судьбах башкир

до середины XVI века играли ногайские родоплеменные группы. Эти взаимоотношения, а следовательно, и взаимовлияние прослеживаются и в личных именах.

В плане происхождения этнонима Алтаяк имеется также следующая информация: Смее утверждать, что деревня Кильмяк — одна из древних деревень рода Тиляу. Возьмем только название: по древнему — Алтаяк, по нынешнему — Кильмяк. Бытует такая легенда: якобы, давно, перед процессом захоронения люди наткнулись на старую могилу. Когда они с интересом начали осматривать ее, то обнаружили кости шести ног: две из них были человечесьи, четыре — лошадиные. С тех пор эту деревню начали называть Алтаяк [Ямалитдинов, 2007: 297].

Требуется разрешения также вопрос по поводу фамилии *Сатучин* (Сатыусин ~ Натусин), очень редко встречающейся в башкирском антропонимиконе.

Сатучиных из рода Татигаса, произошедших от личного имени Сатучи (Сатусы), жившего в конце XVIII в. и зафиксированного в шежере деревни Четырман нынешнего Федоровского района. В формулярном списке имеется запись об Аллагуле Сатучине [ДМБН, 2012: 713]. В настоящее время в Четырмане нет носителей данной фамилии. Потомков Сатучи можно найти в деревне Мрясово Оренбургской области [Исянгулов, 2011: 193–194]. Например, Сатучин Сагит Салимгареевич [01.01.1914, деревня Мрясово Оренбургского уезда одноименной губернии (Новосергиевский район Оренбургской области) — 12.10.1990, Москва], дипломат. Участник советско-японского вооруженного конфликта 1939 г. на реке Халхин-Гол, Великой Отечественной Войны [Башкирская энциклопедия, 2009: 430].

Относительно этимологии антропонима Сатучи следует отметить следующее: одна группа антропонимов непосредственно отражает трудовую деятельность и общественные отношения людей. Их Т. Х. Кусимова определяет как «антропонимы, отражающие занятие и ремесло». В эту группу, наряду с именами Бесәнсе («Косарь»), Ураксы («Жнец»), Куйсы («Чабан»), Балыксы («Рыбак») и др., входит также оним Сатусы («Продавец») [Кусимова, Бикколова, 2007: 29]. На наш взгляд, такого вида антропонимы возникли по двум, скажем, причинам. Во-первых, чтобы показать, что то или иное ремесло либо занятие свойственно роду. Во-вторых, имя может быть дано с таким желанием, чтобы ребенок в последующем владел этим ремеслом.

Таким образом, в данной статье на основе материалов из формулярных списков о службе чиновников Башкирско-мещерякского войска за 1836–1842 годы был проведен историко-этимологический анализ редких башкирских фамилий, образованных в XVII–XIX веках. Так, как показало исследование, эти редкие башкирские фамилии были образованы от древних башкирских личных имен, составляющих пассивный пласт современного башкирского антропонимикона: *Алтаяк, Сырым, Сатучи*.

Список источников

1. Башкирская энциклопедия / гл. ред. М. А. Ильгамов. — Уфа : Башкирская энцикл., 2009. — Т. 5. — 576 с.
2. Башкирские шежере / сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р. Г. Кузеева. — Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1960. — 304 с.
3. Википедия. — URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.04.2023).
4. Гарипов Т. М., Сиразетдинова Г. Б. Фамилии башкир в русских документах XVII–XVIII вв. // Ономастика Поволжья, 4. — Саранск : «Пензенская правда» Пензенского обкома КПСС, 1976. С. 129–132.
5. Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. — Т. 3. — 548 с.
6. Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842). Формулярные списки о службе чиновников Башкиро-мещерякского войска за 1836–1842 годы : в 2 кн. / сост. : А. Я. Ильясова, З. Г. Гатиятуллин. — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012–2014. — 924 с. (ДМИБН).
7. Исянгулов Ш. Н. Из истории деревни Мрясово Оренбургской области // Наследие веков : материалы регион. науч.-практ. конф. «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность». — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. — Вып. 2. — С. 191–197.
8. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. — М. : Наука, 1974. — 569 с.
9. Кусимова Т. Х. Древнебашкирские антропонимы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 1975. — 56 с.

10. Кусимова Т. Х., Биккулова С. А. Башкирские имена. — Уфа : Китап, 2007. — 176 с.
11. Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. — Казань : Тип. Имп. ун-та, 1905. — 104 с.
12. Сулейманова Р. А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. — 364 с.
13. Тупеев С. Х. Башкирские фамилии. — Уфа : Китап, 2008. — 228 с.
14. Хисамитдинова Ф. Г. Названия башкирских населенных пунктов XVI–XIX веков. — Уфа : Информреклама, 2005. — 280 с.
15. Ямалитдинов М. Круг. Исторический роман. Эссе. — Уфа : Китап, 2007. — 384 с.

Сведения об авторе

Сулейманова Резида Ахметьяновна — к.филол.н., старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа, Россия).

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ТОПОНИМИКИ И МИКРОТОПОНИМИКИ

М. Р. Багомедов

АНТРОПОТОПОНИМЫ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА *

Аннотация: статья посвящена одной из актуальных проблем современного языкознания — изучению антропотопонимов полиэтнического региона. На большом полевом материале рассматриваются названия населённых пунктов, функционирующие в топонимической системе такого уникального региона мира как Республика Дагестан.

Ключевые слова: полиэтнический регион; языки народов Дагестана; антропотопонимы.

Полиэтнический Дагестан с точки зрения этнокультурного и языкового многообразия является уникальным регионом не только России, но и всего мира: здесь представлены двадцать восемь языков, из которых четырнадцать являются письменными.

В природно-географическом и климатическом отношении республика характеризуется значительным многообразием, что также повлияло на становление и развитие ономастикона в целом, а также отдельно по языкам. В республике насчитывается более одной тысячи шестисот населённых пунктов (НП): 1576 сельских НП, 19 поселков городского типа и 10 городов [Дагестанская АССР, 1980].

Актуальность сбора, систематизации и анализа таких ономастических единиц, как антропотопонимы, возрастает и в связи с тем, что идёт интенсивный процесс исчезновения ономастикона ряда аулов. Это связано с рядом обстоятельств: принуждённым переселением жителей ряда горных аулов в 1944 г. на территорию Чечено-Ингушской АССР; усиленная миграция народонаселения Дагестана с гор на равнину; переселение в связи со строительством гидроэлектростанций на местах расположения горных НП и др.

Исследования ученых свидетельствуют о том, что в основе ряда топонимов лежат антропонимы. «Линия топонимической номинации, идущая от человека и его деятельности, теснее всего связана с такими именными категориями, как личные имена, прозвища, фамилии отдельных людей, которые, переходя в топонимический ряд, формируют антропотопонимы, т.е. топонимы, образованные от антропонимов» [Суперанская, 1985: 89].

Общеизвестно, что у многих народов антропонимы включаются в состав топонимических единиц с древнейших времен... Чем ближе к нашему времени, тем чаще названия, связанные с именами людей, носят селенческий (по первопоселенцам) или владельческий (по имени владельца) характер [Указ. соч.: 90].

Количество антропонимов в топонимической лексике языков народов Дагестана достаточно велико. Географические названия в основном связаны с личными именами, родовыми (фамильными) именами и прозвищами.

Топонимические единицы с мужскими личными именами: *Багъатирла махъхъи* "Отселок Багатира" (с. Меусиша Дахадаевского района), *Гъазимирзала баркк* "Ложбина Газимирзы", *Сягидла иникъ* "Пещера Саида", *Шамхула иници* "Родник Шамху" (с. Усиша Акушинского района), *Закаргела мура* "Покос Закарги", *Гъяйсалани* "Родник Айсы" (с. Кудагу Дахадаевского района), *БяхИмудла*

© Багомедов М. Р., 2023

* Исследование выполнено при финансовой поддержке КалмГУ, проект «Современная этноязыковая картина России: национально-региональные особенности»

хъяб "Перевал Бахмуда" (с. Санжи Дахадаевского района), *Тяймазла гява* "Поляна Таймаза", *Тузарла урумчч* "Источник Тузара", (с. Уркарах Дахадаевского района), *Шихла шилкьан* "Мельница Шиха", *Бабала гиници* "Родник Бабы" (с. Дейбук Дахадаевского района), *Айгубла гиници* "Пещера Айгуба" (с. Киша Дахадаевского района), *Гъазибегла мура* "Покос Газибегла" (с. Цураи Дахадаевского района) и др.

В количественном соотношении топонимы с мужскими личными именами преобладают над топонимами с женскими личными именами. Видимо, это связано с большими правами мужчин на частную собственность в прошлом, а также их более активной трудовой и общественной деятельностью.

Топонимы с женскими личными именами: *Гяжула гиници* "Родник Ажу" (с. Меусиша Дахадаевского района), *Патимала гиници* "Родник Патимат" (с. Киша Дахадаевского района), *Хявала гиници* "Родник Хавы", *Сарала уриги* "Ток Сары" (с. Ираки Дахадаевского района), *Хявала целтта* "Стела Хавы", *Патимала баркк* "Ложбина Патимат" (с. Усиша Акушинского района) и др.

Топонимические единицы с родовыми (фамильными) именами представлены существенно меньше: *Къадисалыхъа шилкьан* "Мельница Кадисалаховых" (с. Меусиша Дахадаевского района), *Хяммайхъа хъу* "Пашня Хаммаевых" (с. Ираки), *УчЛанихъала дураз* "Ток Учаниевых", *Куругълихъалла шяри* "Пруд Куруглиевых" (с. Усиша Акушинского района), *Кужахъа къатти* "Ущелье Кужаевых", *Дарсламхъа гиници* "Родник Дарсламовых" (с. Уркарах Дахадаевского района), *Гъургъахъа шилкьан* "Мельница Гургаевых" (с. Дейбук Дахадаевского района) и др.;

Намного реже наблюдаются топонимы с прозвищами: *Тавкихъа гиници* "Родник Тавкиевых" (с. Меусиша Дахадаевского района), *НикГалай машиши* "Отселок Николай" (квартал с. Кудагу Дахадаевского района), *Вагъила шалкьан* "Мельница Ваги", *ПанцЛала къвякъ* "Холм Глухого" (с. Усиша Акушинского района), *Шахттила къякъ* "Холм Шахтти", *Къабан кайчиб шурми* "Валуны, откуда сорвался Кабан" (с. Уркарах Дахадаевского района), *Къяйцула гиници* "Родник Бродяги" (с. Дейбук Дахадаевского района) и др.

В топонимическом фонде отдельных НП Дагестана количество антропонимов огромное. Как правило, это имеет отношение к более позже образовавшимся поселениям. В качестве примера возьмём микротопонимию селения Субахтимахи Левашинского района Дагестана, где количество антропотопонимов составляет 47,4 % (56 единиц).

По частотности употребления, как и в других даргинских НП, здесь главное место занимают мужские:

- в единственном числе номинатив — *Шамхал къада* «Ущелье Шамхал»;
- в единственном числе генитив — *Тахсурма гяргяберж* «Целина Тахсурмана»;
- во множественном числе генитив — *Къайтмазхъа хъу* «Пашня Кайтмазовых» и др.

Встречаются и женские личные имена:

- в единственном числе номинатив — *Гяйиша бяхI* «Склон Айша»;
- в единственном числе генитив — *Шалдула гиниз* «Родник Шалду»;
- во множественном числе генитив — *Жумягъа гиниз* «Родник Жумаевых» и др.

Анализ топонимических единиц полиэтнического региона показывает, что антропонимы чаще всего встречаются в названиях таких объектов, которые человек сам создавал или каким-то образом соприкасался с ними. В их числе можно назвать: поселения (селения, хутора, кварталы села), погребальные сооружения и святые места (кладбища, стелы, мечети, места паломничества), мельницы, тока (гумна), мосты, стоянки для путников, дороги, пещеры, поляны, пашни, покосы, деревья, сады, леса, валуны, родники.

Приведём примеры:

а) поселения: селения — *ГяхIмадкент* «Ахмедкент» (Кайтагский район), *Хажалмахъи* «Хаджалмахи» (Левашинский район) и др.; хутора — *Найгимхъа магъи* «Хутор Найгимовых» (с. Мекеги Левашинского района) и др.; кварталы села — *Хямза къукъа* «Бугор Гамзы» (с. Усиша Акушинского района), *Джарбъагил къатI* «Квартал Джарбаила» (с. Мекеги Левашинского района) и др.;

б) погребальные сооружения и святые места: кладбища — *СутяхЛа хябри* «Кладбище Сутяха» (с. Киша Дахадаевского района) и др.; стелы — *Ахинала цИлтта* «Стела Ахиная» (с. Уркарах Дахадаевского района), *Хявала цИлтта* «Стела Хавы» (с. Усиша Акушинского района), *МухИла цИлда* «Стела Муги» (с. Сутбук Дахадаевского района) и др.; мечети — *Халикьала мисттикк* «Мечеть Халика» (с. Уркарах Дахадаевского района), *Расулла миздикк* «Мечеть Расула» (с. Усиша Акушинского района) и др.; зияраты (места паломничества) — *Мигъан шайхла пир* «Пир шейха из Мега» (с. Гулли Кайтагского района), *Шайх Хяса пир* «Пир шейха Гасана» (с. Шири Дахадаевского района) и др.;

в) мельницы: *Садикьала шилкьан* «Мельница Садика» (с. Гинта Акушинского района) и др.;

г) тока (гумна): *Гялижайла уригИ* «Ток Алижая» (с. Киша Дахадаевского района), *Хяжи-бегла уригИ* «Ток Гаджибега» (с. Уркарах Дахадаевского района) и др.;

д) мосты: *Гуледахъала ккуми* «Мост Гуледаевых» (с. Усиша Акушинского района) и др.;

е) стоянки для путников: *Бабала гИницила хъалимай* «Пещера родника Бабы» (с. Дейбук Дахадаевского района), *Анчила гИницилигибил гИникъ* «Пещера у родника Анчи» (с. Киша Дахадаевского района), *Гяжила гИникъ* «Пещера Ажи» (с. Цураи Акушинского района) и др.;

ж) дороги: *Хяжи кайкибил лаг* «Подъем, где упал Гаджи» (с. Губден Карабудахкентского района), *Джупалавла дякъ* «Тропинка Джупалава» (с. Мекеги Левашинского района) и др.;

з) пещеры: *Тирмитла гЯми* «Отверстие Тирмита» (с. Аялизимахьи Сергокалинского района), *Майсаратла никъи* «Пещера Майсарат» (с. Танты Акушинского района) и др.;

и) поляны: *Тяймазла гЯва* «Поляна Тяймаза» (с. Уркарах), *Хялимла къаси* «Выступ Галима» (с. Губден Карабудахкентского района) и др.;

к) пашни: *Амирла кканци* «Лестница Амира» (с. Уркарах Дахадаевского района), *Гьулди-хъала хъуге* «Пашни Гулдиевых» (с. Усиша Акушинского района) и др.;

л) покосы: *Гъазибегла мура* «Покос Газибега» (с. Цураи Дахадаевского района), *Ажа мур-би* «Покосы Ажи» (с. Уркарах Дахадаевского района) и др.;

м) деревья, сады, леса: *Гялишихла бириз* «Тополь Алишиха» (с. Меусиша Дахадаевского района), *ДягЯзила абултI* «Выкорчевка Даази» (с. Кичи-Гамри), *Пяйгъула вацIла* «Лес Пяйгу» (с. Аймаумахи Сергокалинского района) и др.;

н) валуны: *Кама шурми* «Валуны Камала» (с. Уркарах Дахадаевского района), *Халимбейла шурме* «Валуны Халимбея» (с. Губден Карабудахкентского района) и др.;

о) родники: *АбдуряхИма гИници* «Родник Абдурахмана» (с. Киша Дахадаевского района), *МутIалимла анхъла гИниз* «Родник сада Муталима» (с. Губден Карабудахкентского района), *Казимла гИниз* «Родник Казима» (с. Мекеги Левашинского района) и др.

Наличие антропонимов в названиях нерукотворных объектов говорит о произошедшем событии, конкретном факте. Например: *Гямматта кавиш хъяб* «Перевал, где был убит Аммата» (с. Уркарах Дахадаевского района), *Гяйиша бяхI* «Склон Айша» (женщина по имени *Гяйиша*, возвращающаяся домой в с. Субахтимахи Левашинского района из с. Лабко, на этом месте замерзла и умерла в зимнюю стужу) и др.

В отличие от микротопонимии многих даргинских НП, в с. Кадиркент Карабудахкентского района Дагестана пашни не имеют своих названий, т.к. люди поселились на эту территорию в Советское время, когда была ликвидирована частная собственность на землю. Все пашни находились в собственности колхоза. Зафиксировано лишь одно название пашни, в составе которого встречается антропоним — *Шангерейла бяхI* «Склон Шангерейя». Не имеют отдельных названий и участки леса. Они употребляются вкуче с названиями местностей, в основном ущелий — *къада*.

Тут уместно привести точку зрения Р. А. Агеевой о том, что не зафиксированные историческими источниками древние имена или прозвища могут быть восстановлены благодаря топонимам. "Чаше такие прозвища и имена содержатся в названиях деревень и сел, а от них переходили в названия близлежащих речек, ручьев, озер, колодцев. Но бывают случаи, когда эти прозвища сохраняются только в гидронимах" [Агеева, 1976: 111–112].

Антропонимы в топонимии исследуемого региона позволяют восстановить личные имена предков. Нами зафиксированы топонимические единицы, в которых наличествуют личные и родовые имена, прозвища, не бытующие на сегодняшний день в данном НП. Например: *Гавгыяхъа махъхъи* "Отселок Гавгиевых", *Жалиркъадиыхъа махъхъи* "Отселок Жалиркадиевых", *Куругълихъа махъхъи* "Отселок Куруглиевых", *Къайтамизла инцIала* "Теневая сторона Кайтамиза" (с. Меусиша Дахадаевского района), *Алукла къатти* "Ущелье Алука" (с. Кудагу Дахадаевского района), *КIатIанна инциц* "Родник Катана" (с. Усиша Акушинского района), *Куйдала мура бахI* "Вершина покоса Куйды", *Ккиккидай кайчиб шурми* "Валуны, откуда сорвался Кикидай" (с. Уркарах Дахадаевского района) и др.

В микропонимии с. Губден Карабудахкентского района таких названий отмечено много. Например: *БягIбайла хъарахъ* "Кутан Бягбая", *Бяду — Бядула дубура* "Гора Бяду", *Гимран — Гимран хъарахъ* "Кутан Имрана", *Къинкъир — Къинкъирла гIиниз* "Родник Кинкира" и др.

В отдельных случаях личные имена переходят в разряд фитонимов. В с. Хаджалмахи Левашинского района растут абрикосы более десяти сортов. В их названиях встречаются имена тех, кто вырастил доселе отсутствовавшие в здешних местах сорта абрикосов: *Муса*, *Салих*, *Зултукар* и др. В селении растут сорта фруктовых деревьев под общим названием *ХIянапи* «Ганапи»: *ХIянапи курега* «Ганапи абрикос», *ХIянапи хъар* «Ганапи груша», *ХIянапи гIинц* «Ганапи яблоко». По рассказам старожилов, в конце XIX в. один бездетный русский полковник с разрешения джамаата усыновил и забрал в Россию сироту по имени *Ганапи*. Мальчик вырос, женился, дослужился до чина полковника, но на старости лет вместе с женой возвратился на Родину. Из принесенных им семян фруктов он вырастил два сада фруктовых деревьев, подобные сорта которых здесь не росли. В с. Гимры Унцукульского района растет сорт абрикосов «*Гази абрикос*», который был завезен из Армении человеком по имени Гази. В с. Кудутль Гергебильского района имеются сорта яблок «*Омара яблоко*», «*Махагаджи яблоко*» [Багомедов, 2006: 4–7].

Отдельные из вышеназванных личных имен можно обнаружить в старинных рукописях и архивных материалах. Так, мужское личное имя *Куругъли* "Куругли" (ср. тюрк. *Кёроглы*), *Къайтамиз* "Кайтамиз" и др. имеются в Посемейном списке жителей с. Меусиша Мекегинского наибства Даргинского округа 1886 г. [ЦГА РД Ф. 21, О. 5, Д. 105: 847-927].

По наблюдениям историка Б. Г. Алиева, сохранившиеся названия отдельных бывших НП («*Издагиша*» — селение княжны, на территории нынешнего Сергокалинского района), названий отдельных мест и частей селений «*Уцмела хъулрела бахI*» — место домостроений уцмиев, в с. Уркарах Дахадаевского района; «*Талхъунтела хъаб*» — место талхъанов, в с. Мюрего Сергокалинского района и т. д.) позволяют утверждать о наличии в прошлом и на территории союза сельских обществ феодального сословия — беков, известных у даргинцев под термином «*талхъаны*» [Алиев, 1985: 77].

Список источников

1. Агеева Р. А. Гидронимика // Ономастика. Проблемы и методы. — М., 1976. — С. 114–197.
2. Алиев Б. Г. Отражение социального деления дагестанского общества в географических названиях // Тезисы докладов конференции, посвящ. итогам географических исследований в Дагестане. — Махачкала, 1985. — С. 77–78.
3. Багомедов М. Р. Словарь даргинских личных имён. — Махачкала : ИПЦ ДГУ, 2006. — 169 с.
4. Дагестанская АССР. Административно-территориальное деление. — Махачкала : Дагестанское кн. изд-во, 1980. — 204 с.
5. Суперанская А. В. Что такое топонимика? — М., 1985. — 176 с.
6. ЦГА РД. — Ф. 21. — Оп. 5. — Д. 105. — С. 874–927.

Сведения об авторе

Багомедов Муса Расулович — д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой дагестанских языков Дагестанского государственного университета (Махачкала, Россия).

К ЭТИМОЛОГИИ ПОТАМОНИМА БЕЗЕНЧУК В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Аннотация: В статье приведены этимологические решения для потамонима Безенчук. Рассматриваются известные в науке гипотезы происхождения данного названия. Выводы работы во многом основаны на полевых материалах автора, проведённых в селе Никольское (Ивановка, Писентик) в 2021 году.

Ключевые слова: топонимика, потамонимия, Безенчук, этимология, чувашский язык, Самарское Поволжье

Река Безенчук является левым притоком Волги, протекает по территории Хворостянского и Безенчукского районов Самарской области. Протяжённость течения Безенчука составляет 78 километров, что делает её, по региональным меркам, достаточно крупной рекой. Названия таких объектов привлекают повышенное внимание со стороны исследователей топонимии, поскольку считается, что именно названия крупных рек являются наиболее устойчивыми во времени.

В топонимической литературе попытки этимологизировать потамоним Безенчук предпринимались относительно нечасто. В известных работах на эту тему название реки принято возводить к одному из этнонимов печенегов — *безени* или *безенио* [Барашков, etc., 1996: 33; Поспелов, 2002: 59]. Подтверждение данной гипотезы её авторы видят в вариантах названия народа печенегов у венгерских хронистов [Gesta Hungarorum]. Надо отметить, что приведённая версия имеет под собой историко-географическое основание: в данном регионе печенегов локализовывали арабо-персидские историки [Хвольсон, 1869], а их сведения были подтверждены археологическими материалами [Богачёв, 2006].

Однако, как представляется, для надёжного обоснования данной гипотезы необходимо подтвердить выполнение принципа топонимической преемственности. В этой связи надо отметить, что население данных территорий с начала X века, когда здесь кочевали печенеги, несколько раз менялось, при этом Поволжье пережило монгольское нашествие и разорительные походы Тамерлана, коренным образом изменившие этноязыковую карту региона. Затем долгое время по берегам реки не было осёдлого населения, здесь кочевали ногайцы. Маловероятно, что при столь частых и радикальных переменах потамоним мог сохраниться. Первыми осёдлыми поселенцами на Безенчуке после продолжительной эпохи запустения стали чуваши, пришедшие в низовья этой реки из-за Волги, с территории Самарской Луки в XVIII веке. Полагаем, именно в их языке и надо искать корни происхождения потамонима Безенчук.

Надо отметить, что чуваша Самарской Луки представляют собой особую этнографическую группу, специалисты относят их язык к группе говоров, известных как *анат-енчи*, являющихся переходными от говоров верховых чувашей к низовым [Иванов, etc., 2000]. А. П. Долгова так характеризует говор чувашей Самарской Луки: «Самарская Лука была заселена большей частью представителями низовых и средненизовых чувашей, которыми в течение определённого времени и был сформирован этот говор, который сейчас в своей основе является низовым» [Долгова, 2003: 69]. Такая характеристика подтверждается материалами наших полевых исследований чувашских говоров сёл Волжского Левобережья, предки которых являются выходцами с Самарской Луки. По-видимому, в XVIII веке, когда имело место данное переселение, единый, близкий к низовому диалекту, говор самаролукских чувашей ещё не сформировался, и на территории полуострова сосуществовало несколько говоров, относящихся к различным диалектам (это подтверждает и параллельное бытование в XVIII веке укающих низовых и окающих верховых форм названий чувашских сёл Самарской Луки, например *Туйбахтино/Тойбахтино*). Так, в говоре чувашей села Александровка Безенчукского района вокализм и акцентология близки к верховому диалекту чувашского языка (ПМА, Самарская область, Безенчукский район, Александровка, 2021), тогда как никольский говор по основным характеристикам можно отнести к низовому диалекту. Следует отметить, что переселившиеся с Самарской Луки чуваша, основавшие

Никольское, изначально являлись выходцами из разных селений: их названия до настоящего времени встречаются в местной урбонимии. Это *Япланай кассы* (от чувашского *касă* — ‘улица, выселок’), где поселились выходцы из деревни Яблонка; *Чуракаль кассы*, выходцы из деревни Чуракаевка; *Хурнись кассы*, выходцы из села Берёзовый Солонец, кроме того, в местном предании утверждается, что основатель села Сахтер был родом из деревни *Туйпахтуй* (Туйбахтино, Тойбахтино) [Говоров, 1926].

Среди носителей никольского говора, в котором название реки имеет форму *Пизендюк* [P'iz'en'd'uk] (ПМА, Самарская область, Безенчукский район, Никольское, 2021), бытует несколько версий его происхождения. Согласно одной из них, потамоним произошёл от ойконима, так как первоначально село носило название *Писентик* (позднее — Ивановка, Никольское). Эту же версию приводит и В. Е. Симаков [Симаков, 2008: 15], в местной легенде об основании села, чуваша с Самарской Луки под предводительством Сахтера (его потомки, носящие фамилию Сахтёровы, до сих пор проживают в Никольском), встретили здесь одинокого поселенца, также чуваша, по имени Писентик [Симаков, 2008: 24 — 25]. При оценке вероятности данной гипотезы необходимо обратить внимание на тот факт, что ни в классической работе по чувашским традиционным именам В. К. Магницкого [Магницкий, 1905], ни в фундаментальном новейшем словаре чувашской дохристианской антропонимии [Иванова, Фомин, 2020] имя Писентик не фиксируется.

Согласно другой версии, бытующей в Никольском, название реки происходит от некоего колючего растения, заросли которого пришлось вырубать первопоселенцам, чтобы расчистить место на берегу для землянок. В никольском говоре оно обозначается устойчивым словосочетанием *пиçĕн курăкĕ* [p'i'z'en' 'kurg'e], где вторая лексема представляет собой чувашское *курăк* — ‘трава’ + ĕ — аффикс принадлежности третьего лица (ПМА, Самарская область, Безенчукский район, Никольское, 2021).

Лексему *пиçĕн* информанты объясняли как собственное имя данного растения. Надо отметить, что флороним имеет многочисленные аналогии в чувашских говорах различных территорий. Так, в словаре Н. И. Ашмарина приводятся следующие данные по интересующему нас вопросу: *писев курăк* — название растения, использовавшегося для изготовления румян; в некоторых диалектах *писен* — ‘шиповник’; *пиç-ути* — название растения, которое собирали и, мелко нарезав, варили (для еды) (Юрк.); *пиçĕ-хăва* — название какого-то вида тальника; *пиçĕн* — ‘бодяк полевой’ (Юрк.); *пиçĕн* — ‘татарник’ (В. Олг.); *пиçĕн* — ‘осот’ (Башк.); *пиçĕн* — ‘сорняк, встречающийся на возделываемых полях, среди хлебов’ (Актай, К.-Кушки); *тал-пиçĕн* — название растения, с характеристикой «очень колюч, шишки у него большие» [Ашмарин, 1933: 229 — 235].

Согласно нашим полевым исследованиям, в никольском говоре чувашского языка названием *пиçĕн* вероятнее всего обозначается растение дурнишник обыкновенный (*Xanthium strumarium*), который и сейчас в изобилии встречается по берегам реки Безенчук.

Подводя итог, отметим, что наиболее вероятной представляется последняя версия происхождения названия Безенчук, поскольку личное имя Писентик в чувашском традиционном антропонимиконе не фиксируется, вместе с тем, в чувашской потамонимии достаточно широкое распространение имеют речные названия, восходящие к флоронимам.

Список источников

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. — Чебоксары : ЧНИИСС, 1933. — Т. IX. — 319 с.
2. Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. Самарская топонимика. — Самара : СамГУ, 1996. — 192 с.
3. Богачёв А. В. Печенеги «отрезанные» Самарского Заволжья // Вопросы археологии Поволжья. — 2006. — Вып. 4. — С. 397–400
4. Говоров А. С. Ивановка: монографическое описание села Екатериновской волости Самарской губернии. — Самара : О-во археолог., ист., этнограф. и естествозн. при Самарском ун-те, 1926. — 94 с.
5. Долгова А. П. Об особенностях говора чувашей Самарской Луки // Чуваша Самарской Луки. — Чебоксары : ЧГИГН, 2003. — С. 68–89
6. Иванов В. П., Николаев В. В., Дмитриев В. Д. Чуваша. Этническая история и традиционная культура. — М. : ДИК, 2000. — 96 с.

7. Иванова А. М., Фомин Э. В. Словарь чувашских антропонимов дохристианской эпохи. — Чебоксары : Изд-во Чувашского ун-та, 2020. — 408 с.
8. Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. — Казань : Тип. Имп. ун-та, 1905. — 101 с.
9. Поспелов Е. М. Географические названия мира : топоним. слов. — М. : АСТ, 2002. — 512 с.
10. Симаков В. С. Энциклопедия чувашских сёл Самарской области. — Самара : НТЦ, 2008. — 405 с.
11. Хвольсон Д. А. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадыях, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1869. — 213 с.
12. Simonis de Keza. Gesta Hungarorum. — Budapest : Central European University Press, 1999. — 229 s.

Сведения об авторе

Беленов Николай Валерьевич — к.пед.н. доцент кафедры ИКТО Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

Н. А. Булычёв

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ РЯЗАНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

***Аннотация.** В статье обобщается опыт работы Рязанской городской топонимической комиссии по возвращению улиц города исторических названий и по наименованию новых городских объектов, рассматриваются трудности такой работы. Намечаются перспективы дальнейшей деятельности комиссии.*

***Ключевые слова:** топонимия, Рязанская городская топонимическая комиссия, наименование улиц, исторические названия.*

Очень часто можно слышать от многих рязанцев недовольство названиями рязанских улиц. Кого-то не устраивают невыразительные названия. Кто-то возмущается большим количеством собственных имён. Некоторые граждане недовольны малым количеством рязанских топонимов в названиях. Чаще всего критика направлена в адрес рязанской городской топонимической комиссии.

Мы считаем, что эти негативные высказывания по отношению к рязанским топонимистам абсолютно несправедливы. Наша комиссия относительно молодая, ей в прошлом году исполнилось всего 35 лет. И, разумеется, мы не можем нести ответственность за более чем 9 столетий, в течение которых и складывались городские топонимы.

Историческое наследие рязанской топонимической комиссии

На протяжении веков названия рязанских улиц были народными. Их не присваивали, не закрепляли «сверху». Вплоть до 1917 года не было административного органа, который диктовал бы свои законы топонимическому процессу в Рязани. Из разговорной речи горожан складывались топонимы, отражавшие, как правило, местные географические, этнографические, бытовые или иные особенности улиц.

В 1782 году по указу Екатерины II в Рязани вводится регулярный план города, согласно которому вместо хаотичной и беспорядочной застройки должны быть проложены новые прямые улицы, кварталы и площади правильной формы. В связи с этим потребовалось обозначить новые магистрали.

Первая попытка отойти от народной топонимики и дать официальные названия новым улицам оказалась не совсем удачной. Руководство города, не утруждая себя придумыванием оригинальных названий, использовало «нумерной» принцип. Так в городе появились Первая,

Вторая, Третья, Четвертая... улицы. Народ эту идею не воспринял и продолжал давать улицам собственные названия. Местные власти и составители планов вынуждены были лишь фиксировать народные топонимы.

Большая часть уличных названий того периода были связаны с находящимися там объектами-ориентирами, главным образом православными храмами (Лазаревская, Введенская, Вознесенская, Ильинская, Никольская, Духовская, Соборная), а также другими объектами (Семинарская, Монастырская, Почтовая).

Основные направления выезда из города были зафиксированы в названиях Московской, Владимирской, Астраханской, Ряжской улиц. Ряд улиц имел функциональное назначение, связанное с торговлей, ремёслами и занятиями жителей (Мясницкая, Горшечная, Кузнечный ряд, Калачёвская, Пивная, Конюшенная, Сенная, Хлебная, Рыбацкая, Ямская). Некоторые названия отражали местные географические и природные особенности (Подгорная, Вал, Полевая, Садовая). С сословиями горожан нас знакомят такие названия, как Дворянская, Большая Мещанская, Маломещанская.

Именные названия улиц давались нечасто, и они олицетворяли не заслуги человека, а, главным образом, строения, принадлежавшие данному лицу и служившие определённым ориентиром (Левицкая, Селезневская, Болдыревская, Абрамовская). Например, Мальшинская улица названа не в честь купца Мальшина, хотя своей благотворительной деятельностью заслужившего городских почестей, а по названию выстроенной купцом в том месте крупнейшей усадьбы и по Мальшинской богадельне, находившейся там.

Названия улиц часто менялись. Например, у нынешней улицы Щедрина в дореволюционное время три раза менялось название. Первоначально она именовалась Седьмой. Но жители города стали ее называть Нагорной потому, что это название отражало географические особенности местности. Когда в начале XIX века дворяне Абрамовы построили на этой улице большой и красивый дом, он стал важным географическим ориентиром местности. И с того момента улицу жители переименовали в Абрамовскую. И таких примеров было много.

Важнейшую роль в топонимике города играла православная тематика. При планировке города лучшие места выделялись для постройки храмов. И, как правило, улица, ведущая к храму, или проходящая рядом с ним, именовалась по его названию. Церкви служили важнейшими ориентиром в городской застройке еще и потому, что уже в XVIII веке многие из них были каменными и сохранялись после частых рязанских пожаров, да и сгоревшие отстраивались скорее, чем частные дома. Около 30 улиц и площадей Рязани до 1917 года имели православные названия.

Процесс официального оформления городских наименований растянулся на весь следующий XIX век.

После революции 1917 года большевистский лозунг «все старое разрушить до основания» был в полной мере применен и в наименованиях. В Рязани наступает период массовых административных переименований. Взамен старых топонимов потребовались названия, символизирующие победу революции и наступление новой жизни.

Впервые в Рязани появился орган, который взял на себя полномочия по наименованию городских улиц. Этим органом стал исполком Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Непосредственно в исполкоме не было ни одного специалиста не только в области топонимики, но даже истории и краеведения. Для решения вопросов по наименованию улиц специалистов со стороны тоже не привлекали. Мнением рязанцев, конечно, не интересовались, переименовывали городские улицы при закрытых дверях. С тех пор это стало нормой работы городской власти.

Главным препятствием для полной победы коммунистической идеологии новые власти считали православную веру. Поэтому сначала, согласно решению горисполкома, в 1919 году переименовали 12 улиц, имевших церковные названия. В первую очередь эта участь постигла центральные улицы города Соборную, Семинарскую, Архиерейскую, Введенскую, Вознесенскую и др. Вместо них на карте города появились улицы с пафосными революционными наименованиями: Революции, Пролетарская, Советская, Красной Армии, Рабочих, а также в честь коммунистических вождей: Маркса, Энгельса, Свердлова, Либкнехта и др. А затем в последующие 20 лет были переименованы и все оставшиеся улицы с церковными названиями.

Борьба с православными названиями у советских властей сочеталась и с искоренением прочих названий улиц города. Избавлялись от дворянских и купеческих имен (Левицкая, Мальшинская, Селезневская, Абрамовская), ремесленно-торговых названий (Рыбацкая слобода, Мясницкая, Сенная, Хлебная), от географических направлений (Московская, Астраханская, Владимирская). Необходимо было освободить места на карте города для увековечения пламенных революционеров, соратников вождя, героев гражданской войны.

Всего в Рязани с 1919 по 1980 год было переименовано 207 улиц и переулков. В результате в Рязани практически не осталось старых, сложившихся на протяжении столетий названий.

А как относилось население к этим топонимическим процессам? Единого мнения тогда не существовало. Одни, революционно настроенные, воспринимали переименования с энтузиазмом. Другие проявляли равнодушие. Недовольные подвергались гонениям и репрессиям. Хотя, в общем-то, было кое-какое гражданское неповиновение: люди продолжали называть улицы прежними названиями.

Наш город после череды переименований потерял свою топонимическую самобытность и стал похож на все другие города страны, где тоже в результате переименований появились такие же названия улиц. Везде можно было встретить улицы Ленина, Маркса, Энгельса, Революции, Советскую, Коммунистическую и т.д.

Разрушением русской истории возмущался даже великий поэт революции Маяковский. Вот как этот процесс он изобразил в своем стихотворении «Ужасающая фамильярность»:

Куда бы ты ни направил разбег
и как ни ёрзай,
и где ногой ни ступи, —
Есть Марсов проспект,
или улица Розы,
И Луначарского —
Переулок или тупик.
Где я? В Ялте или в Туле?
Я в Москве или в Казани?
Разберёшься? — чёрта в ступе!
Не езда, а — наказание.
Каждый дюйм бытия земного
Профамилен и разымёнован.

Этому негативному процессу, происходившему в нашей стране при советской власти, ученые-топонимисты в последствии дали меткое название «топонимического Чернобыля».

Также как и в городе, волна переименований прокатилась и по всей Рязанской губернии. Самыми ходовыми были названия «Ленино» и «Октябрь». Имя вождя мирового пролетариата еще при его жизни было присвоено более чем двадцати рязанским населённым пунктам. Свой след в истории оставила и гражданская война: сразу несколько сёл и посёлков стали именоваться Красногвардейскими или Красноармейскими. Но самый сильный «удар по топонимике» нанесла коллективизация. «Коллектив», «Пробуждение», Красная новь, Красный пахарь и другие созвучные названия наносились на карту едва ли не каждый месяц. Для некоторых деревень переименования прошли сравнительно безболезненно. К примеру, в прежние годы село называлась Знаменское. В годы коллективизации здесь создали колхоз «Красное знамя», и село назвали так же. А вот жителям таких деревень, как Коминтерн или Красные пионеры, можно было только посочувствовать.

Ретивые руководители местных комбедов и сельсоветов конечно были решительно настроены переименовать все дореволюционные названия. Но эти планы были нарушены указаниями из Москвы не проводить массовых переименований. Центральные власти, разумеется, не были противниками переименований, но опасались, что этот процесс мог бы привести к сбою в работе ведомств почт, телеграфов и картографии.

Помимо переименований старых названий, городским властям приходилось давать имена и новым улицам. Не зная законов топонимики, не привлекая к процессу наименований учёных

и специалистов, руководство города допускало массу ошибок. Появлялись названия, никаким образом не отражавшим особенности данной местности, а также не имеющие никакого отношения к Рязани.

Чаще всего давались именные названия. Это был наиболее лёгкий путь, так как в истории нашей страны отметилось огромное количество людей. В Рязани появились улицы, носящие имена революционеров, партийных и государственных руководителей, героев гражданской и Великой Отечественной войн, учёных и деятелей культуры. Реже улицы назывались в честь наших земляков-рязанцев.

Создание топонимической комиссии

Только со второй половины 80-х годов в рязанской топонимике постепенно стал наводиться порядок. К тому времени в стране с повышением общественной активности масс стали происходить серьезные изменения. Происходило переосмысление нашей истории. Всё больше людей хотело знать свои истоки. Проявился интерес и к названиям улиц.

В этих условиях городское руководство стало привлекать рязанских краеведов и специалистов в области топонимики к обсуждению вопросов городских названий. Они и составили основу будущей топонимической комиссии. А непосредственную идею создания топонимической комиссии выдвинули Александр Васильевич Ветров и Игорь Николаевич Канаев. Эту идею горячо поддержал Лев Константинович Живописцев, который в то время являлся секретарем Исполнительного комитета Рязанского городского Совета народных депутатов. Официально комиссия по наименованию городских объектов, согласно решению горисполкома, стала существовать с мая 1987 года.

Первым председателем топонимической комиссии был избран Л. К. Живописцев. Среди наиболее активных членов комиссии выделялись краеведы И. Н. Канаев, А. В. Ветров, В. Д. Дудкин, А. М. Толчёнкин, С. М. Мирчетич, учёные пединститута Л. В. Чекурин и А. А. Никольский, архитектор В. Л. Сытых, архивист А. М. Сторожева... На заседания комиссии, помимо её официальных членов, приходило также много и других неравнодушных людей. В результате жарких дискуссий рождались умные решения.

Деятельность комиссии

Хотя главным предназначением комиссии было наименование новых улиц Рязани, но на первый план буквально с первых дней её работы встал другой, не менее важный вопрос. Приближался 900-летний юбилей родного города. Рязанская общественность всё чаще поднимала тему сохранения, а также возрождения культурного наследия Рязани. Члены топонимической комиссии предложили восстановить исторические названия центральных улиц города.

Возвращение к старинным названиям понималось не как политическая акция по переименованию, а как реставрация в том смысле, в котором это слово употребляется по отношению к памятникам истории и архитектуры. По мнению рязанских краеведов-топонимистов, только истонное, устоявшееся в течение многих лет название должно занять своё прежнее место на улице.

В 1987 году решили вернуть названия сразу трём наиболее древним улицам, расположенным в исторической части города. Части улицы Маяковского от перекрёстка с площадью Ленина и Первомайским проспектом и до Трубежной улицы возвращалось название Сенная. Улица Энгельса стала Рыбацкой. А улица с очень длинным названием имени 26 Бакинских Комиссаров опять стала называться Скоморошинской. Через год части улицы Подбельского вернули историческое название Новослободская.

Однако, несмотря на количественную незначительность первого этапа возвращения старых названий, он имел огромное значение: впервые в истории рязанской советской и партийной власти она уступила не мифическим, а настоящим пожеланиям народа, началось реальное разрушение идеологических устоев власти.

Затем процесс возвращения названий был заморожен на три года.

Процесс осмысления важности возвращения исторических названий, где-то в большей, где-то в меньшей степени, затронул всю нашу страну. В апреле 1989 года в Москве состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры». От нашего региона в конференции принимали участие члены рязанской топонимической комиссии А. А. Никольский и И. Н. Канаев. Приветствуя участников конференции, председатель Советского фонда культуры академик Д. С. Лихачёв, называя исторические названия памятниками культуры, особо обратил внимание на ситуацию в этой сфере, которая «представляет собой безрадостно однообразную картину. Значительный культурный слой названий, входящих в культурно-историческую среду, был разрушен. Замена исторических географических названий «именами-новоделами» привела к изъятию из обращения и той комплексной культурно-исторической информации, которую несёт в себе имя».

Академик одобрил усилия рязанских топонимистов по возвращению исторических названий.

Позже в предисловии к сборнику трудов конференции Д. С. Лихачев, выдающийся учёный и патриот России, напутствовал всех, кто занимается благородным делом возвращения исторических названий следующими словами: «Возрождая историко-культурную преемственность в топонимии, мы возвращаем тем самым культурные ценности нашего народа, протягиваем связующие нити от настоящего к прошлому и от прошлого через настоящее к будущему. Возвращение и охрана исторических названий — благородная социальная и культурная задача!» Эти слова, написанные почти 30 лет назад, актуальны и в наши дни.

Работа топонимической комиссии по восстановлению исторических названий продолжалась и в последующие годы. К 900-летию Рязани был составлен список из 25 улиц центральной части города, которым предлагалось вернуть старые названия. Это предложение вылилось затем в принятое в декабре 1993 года постановление мэра Рязани. Но это решение, к сожалению, было реализовано далеко не полностью. Только 7 улиц из списка поменяли свои названия (улица Революции — Соборная, Подбельского — Почтовая, Ленина — Астраханская, Либкнехта — Вознесенская и Введенская, Свердлова — Николодворянская и Праволыбедская). Ещё также в некоторых окраинных микрорайонах нескольким улицам вернули старые имена.

Последние акции по возвращению исторических названий произошли в 2005 г., когда улице, носящей имя террориста Каляева, вернули старое имя Семинарская и в 2006 г. бульвар им. Наташи Климовой (террористка, участвовавшая в покушении на П. Столыпина) стал называться Верхним городским садом, а ЦПКиО Рюминой рощей.

Окончательное оформление топонимической комиссии произошло в 1996 году, когда после нескольких лет жизни города без представительного органа власти наконец-то был избран городской Совет. Топонимическая комиссия получила статус общественной комиссии по наименованию городских объектов в городе Рязани при горсовете. Состав комиссии утверждался депутатами городского Совета на 4 года, на срок полномочий органа власти.

Этот период был довольно сложным для топонимической комиссии. Политически ангажированный горсовет не всегда считался с мнением комиссии, а иногда даже вмешивался в её работу. Совет, например, приостановил процесс восстановления исторических названий в городе. Вопреки протестам членов комиссии, депутаты вновь изменили название центральной улицы города с исторической Астраханской на улицу Ленина. Без согласия комиссии горсовет 1-й Мопровский переулок в Железнодорожном районе переименовал в улицу профессора Никулина.

Но, несмотря на трудности, комиссия продолжала продуктивно работать. В городе появлялись новые улицы, которым комиссия давала имена.

Члены комиссии начали наводить порядок в нормативных актах в своей сфере деятельности. При их участии было разработано «Положение о порядке и правилах присвоения адреса зданиям и строениям на территории города Рязани». В городе появился «Справочник адресно-территориальных образований», где были перечислены все улицы города и их местоположение. В дальнейшем этот справочник два раза обновлялся. Был разработан также «Перечень наименований районов местоположения». В нём для удобства граждан и всех городских служб город был условно разделён на 50 крупных микрорайонов, из которых одни были исторически сложившимися, а другие большими промышленными узлами. Все эти микрорайоны получили свои собственные названия.

С 2000 года начинается новый этап работы топонимической комиссии. Она претерпела и количественные и качественные изменения. Численный состав комиссии увеличился в 2 раза. К её работе были привлечены лучшие рязанские топонимисты и краеведы, учёные ведущих рязанских вузов, работники учреждений культуры, государственных и муниципальных служб. Признанный авторитет комиссии позволил ей ослабить зависимость от руководства города. Практически все решения комиссии в дальнейшем находили поддержку на заседаниях представительного органа власти.

Много внимания комиссия уделяла нормотворческой работе. По настоянию членов комиссии горсовет принял «Положение об общественной комиссии по наименованию городских объектов в городе Рязани». Этот документ регламентирует порядок работы комиссии, а также её взаимоотношения с властными структурами.

Одним из важнейших достижений комиссии является разработка основных принципов наименований объектов. По мнению комиссии, наименования «должны отвечать словообразовательным, фонетическим и стилистическим нормам современного русского литературного языка. Они должны быть благозвучными, удобными для произношения, краткими, легко запоминающимися и содержать не более двух слов.

При присвоении наименований городским объектам за основу могут приниматься названия географических объектов — населённых пунктов, слобод, рек, ручьёв, озёр, прудов, урочищ, холмов, лесов и других объектов, вошедших в городскую черту. Топонимы могут нести информацию по истории, географии, культуре, хозяйственной деятельности города и страны, а также отражать наиболее существенные индивидуальные черты объекта наименования».

При разработке принципов наиболее существенным было отношение к именованным объектам. Вопрос об именных названиях является одним из самых дискуссионных в топонимике. Многие учёные этой области науки считают, что увековечивание памяти о людях в названиях улиц некорректно уже само по себе. С грамматической точки зрения, подавляющее большинство дореволюционных названий имели форму прилагательного, в том числе и те, что происходили от фамилий (притяжательные прилагательные). Например, Мальшинская, Абрамовская улицы. В именных названиях советского и постсоветского периода мы встречаем исключительно существительные родительного падежа (улица Энгельса, площадь Мичурина). Подобные названия ломают устоявшуюся топонимическую систему города.

Известные и уважаемые личности, в честь которых названы улицы, не заслужили, чтобы их имена некоторые недалёкие предприниматели использовали в своих фирменных брендах: «Продукты на Крупской», «Продукты на Фрунзе», «Мебель на Подбелке», магазин «Бирюза» на улице Бирюзова, магазин «Великан» на улице Великанова, рынок «Полетаевский» и т.д. И вместо почестей, необходимых героям именованных названий, создаётся противоположный эффект.

В Рязани свыше 130 улиц носят имена, из них около 50 названы в честь наших земляков — рязанцев. С каждым новым поколением в стране и в городе будут появляться новые достойные люди и где для их увековечения найти такое количество улиц? Снова заниматься переименованиями старых улиц?

После долгих дебатов члены комиссии решили отказаться от именных названий для линейных объектов, имеющих нумерацию (в первую очередь это касается улиц). А имена и фамилии известных жителей города, граждан России и зарубежных стран можно присваивать другим объектам, например, школам, учреждениям культуры и т.д. По сути, комиссия вернулась к мудрости предков. Подобные принципы наименований использовались в России до революции. Эти принципы легли в основу разработанного комиссией, а затем утверждённого горсоветом «Положения о наименовании объектов города Рязани».

Одна из проблем, с которой столкнулась топонимическая комиссия, — это дублирование названий улиц. В Рязани имеется пять Школьных, по четыре Дачных, Полевых и Садовых улиц. Повторялись названия Почтовая, Колхозная, Советская, Новая... А всего таких улиц оказалось 55. Можно было бы принять властное решение об упорядочении сдвоенных названий. Но на данную процедуру требуются средства, причём, немалые. В этой ситуации пришлось предложить компромиссный вариант — для повторяющихся улиц при написании адреса рядом указывать местоположение объекта. Например, улица Луговая (посёлок Канищево), улица Заречная (посёлок Соколовка) и т.д.

Рязанская топонимическая комиссия по-прежнему полна решимости вернуть исторические названия улицам города. В первую очередь это относится к улицам, названным в честь террористов. На карте города ещё остались улицы Халтурина, Урицкого, переулок Войкова. Сейчас нами через рязанские СМИ ведется разъяснительная работа для населения города.

В Рязани процесс возвращения исторических названий проходил непросто. Проблемы стали возникать после всеобщей приватизации недвижимости. Вопреки мнению топонимической комиссии, городские власти требовали немедленного переоформления документов и у физических и юридических лиц. В одном случае, когда жители были не согласны менять свои документы, горсовет даже вынужден был отменить свое предыдущее решение об изменении названия улицы.

Проблем было бы гораздо меньше, если бы ответственные чиновники хорошо бы знали законодательство. Многие федеральные структуры, такие как Миграционная служба, Росреестр, Минэкономразвития, Федеральная налоговая служба уже давали разъяснения, что переименование улицы не влечет за собой необходимость изменения документов, подтверждающих регистрационный учет гражданина РФ по месту жительства.

Сохранение названий улиц в честь террористов является нарушением федерального закона "О противодействии терроризму". Статья 2 этого закона к основным принципам противодействия терроризму относит ликвидацию последствий проявлений терроризма. О нарушении этого важнейшего закона необходимо постоянно напоминать властям всех уровней.

Самое главное для возвращения исторических названий убедить жителей улиц, названия которых необходимо поменять. Когда мы решили избавиться от имени Каляева в исторической части города, нами были проведены встречи во всех дворах. Сначала жители были против изменения названия. На наши вопросы, а знают ли они, чьим именем названа их улица, мы услышали, что Каляев был и знаменитым поэтом, и героем Великой Отечественной войны, и знаменитым ученым. Но после информации о злодеянии, совершенном этим человеком, большинство жителей согласилось на изменение названия улицы.

К сожалению, процесс восстановления исторических названий в городе пока приостановлен, но не закончен. Он будет продолжен и в будущем.

Топонимическая комиссия предложила установить список рязанских улиц с названиями, подлежащими государственной охране («заповедных») как культурно-исторические памятники Рязани и не подлежащими в дальнейшем переименованию, причем предполагается утверждение списка в том же порядке, в каком органы власти утверждают принятие на охрану памятников истории, культуры, искусства, народного быта.

В Рязани опять стали появляться улицы, названия которых имеют рязанские корни. Например, улицы, направленные на ближайшие населённые пункты: Льговская улица, Солотчинское шоссе, Тюшевская улица. Улицы с восстановленной историей: Посадский переулок, улица Старый Сад, улица Княжье поле. Улицы по ближайшим природным объектам: Павловская улица, Быстрецкая улица, Ключевая улица. Улицы, названные по находящимся на них учреждениям: Спортивная улица, Курортное шоссе, Олимпийский городок. Улицы по названиям храмов: Преображенская улица, Покровский тупик, Васильевские улица, переулок и проезд.

Члены комиссии упорядочили названия городских парков и скверов: безымянным дали названия, а некоторым вернули исторические имена. Например, были возвращены такие названия, как Городской сад (верхний и нижний), Рюмина роща, Новопавловская роща.

Топонимическая комиссия по масштабам своей деятельности давно уже переросла рамки городской организации. Ею уже много лет оказывается помощь по топонимическим и краеведческим вопросам другим городам и районам области. Научные труды по топонимике, изданные членами комиссии становятся доступными для широкой общественности. Член комиссии А. В. Бабурин подготовил и издал Рязанский топонимический словарь, в котором дал объяснение названий более трёх тысяч географических объектов Рязанской области. Он также издал топонимические словари всех районов нашей области.

В прошлом году вышел в свет давно ожидаемый справочник «Рязань в названиях от «А» до «Я». В нём содержится информация обо всех рязанских улицах, площадях, микрорайонах и прочих объектах, имеющих адресную привязку. На страницах периодических изданий часто можно видеть статьи и интервью рязанских топонимистов. На радио и телевидении регулярно появляются передачи о деятельности комиссии.

Топонимическая комиссия тесно взаимодействует с учреждениями регионального и федерального уровня: областными министерствами, музеем-заповедником «Рязанский Кремль», областным архивом, областным научно-методическим центром народного творчества, областной библиотекой им. Горького, рязанскими вузами. Члены комиссии являются постоянными участниками многих форумов, выставок, конференций и круглых столов, организуемых областными структурами.

В настоящее время новые испытания ложатся на плечи членов топонимической комиссии. Наблюдается постепенный возврат к старой системе наименования рязанских улиц, практиковавшейся в годы советской власти. Городское руководство, игнорируя мнения ученых и специалистов в области топонимики, пытается самостоятельно давать имена городским объектам, не имея достаточных знаний из отечественной истории и не зная топонимических законов. Полное непонимание топонимическая комиссия встречает со стороны депутатов городской Думы по вопросу пресловутых именных названий.

Среди начальства и в обществе до сих пор упорно держится убеждение, что акт наименования улицы чьим-либо именем служит его увековечению. Наивное заблуждение! Например, 90 лет назад в Рязани «увековечили» в названиях рязанских улиц имена Шабулина и Яхонтова, а кто их сегодня помнит. 100 % жителей этих улиц не знают, в честь кого они названы. Какое же это увековечение?

Топонимическая комиссия надеется, что городское руководство все же не допустит в Рязани «топонимического Чернобыля». А принципы наименования улиц, которые сотни лет применяли жители нашего города и которые топонимической комиссией были взяты за основу своей деятельности, снова будут для городских властей приоритетными.

Но для оптимизма есть всё же основания. По настоянию топонимической комиссии несколько месяцев назад Рязанская городская Дума приняла долгожданное решение о переименовании 1-й и 2-й Безбожных улиц. Были учтены многочисленные обращения жителей города и рязанской епархии.

В прошлом году Рязанской городской топонимической комиссии исполнилось 35 лет. За эти годы сделано немало. Результаты работы членов комиссии в буквальном смысле осязаемы, их можно увидеть и даже потрогать. Это свыше сотни новых улиц, которым комиссия дала имена. И это около трёх сотен мемориальных и информационных досок, украшающих стены жилых домов и учреждений и повествующих о различных событиях, происходивших в нашем городе, а также установленных в память о наших выдающихся земляках.

Хотя сделано за эти годы немало, но предстоит сделать ещё больше. У комиссии много новых идей и новых планов.

Самое главное, что нам хотелось осуществить, это суметь убедить население Рязани и городские власти в правильности топонимических принципов, которыми мы руководствуемся при наименовании городских объектов. Необходимо навсегда отказаться от порочной практики именных названий, которые постоянно навязывают комиссии.

Очень важно завершить процесс восстановления старых названий в исторической части Рязани. Эти названия, также как и многие материальные объекты, тоже являются культурно-историческими памятниками нашего города. Приоритетная задача комиссии — увековечить на карте Рязани первое наименование города — Переяславль, самый главный и одновременно самый древний топоним в его истории.

Рязанских топонимистов ждет большая работа по наименованию водных объектов. Если многочисленные реки города имеют свои названия, то большинство прудов являются безымянными.

Необходимо создать словарь рязанских микротопонимов, как ныне существующих, так и, к сожалению, исчезающих. Это народные названия определенных частей улиц, урочищ, оврагов, роц, скверов, парковых зон, водных объектов. Пока ещё живы очевидцы, надо записать их воспоминания и сохранить как память для будущих поколений.

Члены комиссии постоянно признают, что мало внимания уделяют вопросам пропаганды топонимических знаний и принципов наименования. Необходимо чаще доводить необходимую информацию до широкого круга населения Рязани и посредством непосредственных контактов, а также через рязанские СМИ. У комиссии есть планы и по созданию своего сайта в интернете.

Будет продолжена работа по увековечению наших выдающихся земляков. На фасадах рязанских зданий, где они жили или трудились, появятся новые мемориальные доски. А доски, установленные ранее, необходимо систематизировать и поставить на учет и охрану.

Рязань как город с более чем 900-летней историей нуждается и в мемориализации важнейших событий своей биографии. К счастью, в городе, особенно в центральной его части, сохранилось много исторических зданий, невольных свидетелей и участников этих событий, — и о них обязательно должны узнать жители города и его гости.

И, конечно, хотелось бы, чтобы к работе по сохранению культурного наследия, помимо членов Топонимической комиссии, было привлечено как можно больше рязанцев.

Список источников

1. Бабурин А. В. Рязанский топонимический словарь. — Рязань, 2004. — 546 с.
2. Булычёв Н. А. Рязань в названиях от «А» до «Я»: справ. — Рязань, 2022. — 234 с.
3. Булычёв Н. А. Занимательная топонимика или Абсурды и курьёзы названий рязанских улиц. — 2-е изд., доп. — Рязань, 2023. — 123 с.
4. Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры» (17–20 апр. 1989 г.): тез. докл. и сообщ. — М.: Наука, 1989. — 183 с.
5. Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. — М., 1884. — 337 с.
6. Кишаева О. А., Кусова И. Г. Улицы и площади Рязани. Городская топонимия в историческом аспекте. — Рязань, 2019. — 175 с/
7. Маяковский В. В. Ужасающая фамильярность // ПСС. — М., 1958. — Т. 7. — С. 71–72.
8. Положение о порядке и правилах присвоения адреса зданиям и строениям на территории г. Рязани. — Рязань, 2007. — 11 с.
9. Топонимической комиссии Рязани 25 лет / гл. ред. Н. А. Булычёв. — Рязань, 2012. — 98 с.
10. Улицы Рязани. Рязанская топонимика в событиях и лицах / гл. ред. Н. А. Булычёв. — Рязань, 2018. — 270 с.

Сведения об авторе

Булычев Николай Александрович — председатель Топонимической комиссии при Рязанской городской Думе (Рязань, Россия).

Л. Н. Верховых

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ КРАСНЫЙ В ВОРОНЕЖСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности мотивации воронежских топонимических единиц с компонентом красный в синхронии и диахронии. Анализируются топонимы, функционировавшие в воронежском ономастиконе в XIX в. и употребляющиеся в настоящее время. Для выявления мотивов происхождения названий используются историко-краеведческие данные. В ходе исследования установлены отдельные локальные структурные и мотивационные особенности групп топонимов с компонентом красный.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, топонимы, микротопонимы, Воронежская область, лингвокраеведение.

Воронежский топонимикон, как и другие региональные топонимические системы, содержит значительное число онимических единиц с компонентом *красный*, которые при схожей структуре могут иметь различные мотивы номинации.

Цель данного исследования — рассмотреть особенности мотивации воронежских топонимических единиц с компонентом *красный* в синхронии и диахронии. Для этого нами были изучены топонимы Воронежского края, зафиксированные в исторических источниках 1800 г., 1856 г., а также в современных топонимических словарях.

Одним из ранних воронежских топонимов, семантически восходящих к лексеме *красный*, является название Червлёный Яр. В 1800 году выдающийся ученый-историк, церковный деятель, археограф, библиограф, член Российской академии с 1806 года Е. А. Болховитинов при описании истории, географии и экономики Воронежского края включает в книгу известные воронежские топонимы и микротопонимы и среди них Червлёный Яр. Ученый упоминает о нем, когда приводит отрывок из описания путешествия митрополита Пимена в 1389 году в Константинополь: «Таж минухом Червлёный Яр реку, и Бетюг реку, и Хепор реку» [Болховитинов, 1800: 10] (здесь и далее при цитировании исторических источников нами используется упрощенная графика).

В исследовании Н. П. Барсова Чер<в>лёный Яр отмечен как область (зёмли) [Барсов, 1865: 212]. Со ссылкой на труды Д. И. Иловайского Н. П. Барсов пишет о нескольких воронежских топонимах с названием Чер<в>лёный Яр: 1) названии реки, впадающей в Дон между Тихой Сосною и Битюгом; 2) части берега при устье р. Савалы, которая впадает в р. Хопёр с правой стороны ниже р. Ворона; 3) названии земель, лежащих между двумя Чер<в>лёными Ярами; 4) названии степного пространства (впоследствии) между реками Воронеж, Дон, Хопёр, Великая Ворона, ср.: «Потом это название распространилось на земли, лежащие между тем и другим Чер<в>лённым Яром (рекой, впадающей в Дон между Тихой Сосною и Битюгом и частью берега при устье р. Савалы — Л. В.), а в XIV столетии под ним разумелось все степное пространство, заключенное между рр. Воронежем, Доном, Хопром и Великой Вороной» [Барсов, 1865: 212].

Лексема *червлёный* в современном русском языке является устаревшей, слово имеет значение ‘темно-красный, багряный’ [БТСК]. В словаре В. И. Даля лексемы *червлёный*, *червчатый* обозначают ‘багряный и багровый, цвета червца, ярко-малиновый’ [Даль, 1882, 4: 608]; червец — «насекомое *Coccus*, кошениль, дающее краску червец» [Там же]. Слово *червлёный* древнее: праславянское страдательное причастие прошедшего времени **čьgvjēnъ* произошло от глагола **čьgviti* ‘красить в красный цвет’ из **čьgvъ* (червь), «ср. народнолат. *vermiculus* «красный» от *vermiculus* «червячок, кошениль, из которой добывали пурпурную краску» [Фасмер 1987, 4: 334]. Значение второго компонента топонима — лексемы *яр* — дано в словаре В. И. Даля: *яр* — «крутой или крутизна, круть, круча, крутик (но не утес, не каменный); обрыв, стремнина, уступ степною, отрубистый берег реки, озера, оврага, пропасти; подмытый и обрушенный берег» [Даль, 1882, 4: 701]; для воронежской территории также актуальны и следующие значения: южн. *ярóк* и *яру́га* — «овраг, рóсточь, глубокая водороина; крутобокая лощина» [Даль, 1882, 4: 701].

Полагаем, изначально река и часть берега могли быть названы Червлёным Яром по цвету почвы на склоне яра (темно-красному из-за наличия красной, бурой глины). Красная глина (иногда вместе с желтой, бурой) достаточно широко распространена в Воронежском крае. Остальные номинации — названия земли и степного пространства — уже вторичны.

В исследовании Е. А. Болховитинова упоминается и топоним, включающий слово *красное*, — село Красное Коротоякского уезда: «Село Красное в 35 верстах от Коротояка [Болховитинов, 1800: 131, 225] (отметим, что часть сел в Воронежской области возникла позже описываемого Е. А. Болховитиным времени).

Во второй половине XIX века в «Памятной книжке для жителей Воронежской губернии на 1856 год» в графе «Роспись замечательнейших селений Воронежской губернии» зафиксированы следующие названия населенных пунктов, соотносимые с лексемой *красный*: село Красное Коротоякского уезда (1900 жителей), село Красное Нижнедевицкого уезда (3050 жителей), село Красножоново Богучарского уезда (2310 жителей), село Красноселовка Богучарского уезда (2460 жителей), слобода Красная (Георгиевская) Валуйского уезда (1740 жителей), слобода Красная Новохопёрского уезда (4349 жителей), слобода Красногоровка Богучарского уезда (2130 жителей) [Памятная книжка, 1856, отд. IV: 39].

Названия населенных пунктов, соотносимые с лексемой *красный* или включающие компонент *красный*, могли даваться как за красивый вид, удачное географическое расположение, так

и за наличие в населенном пункте красной глины, ср.: «Из произведений царства ископаемого Воронежская губерния обилует всего более мелом, из которого, между прочим, жители некоторых селений строят избы; сверх того имеются: известковый камень со множеством раковин и песчаник <...>; горшечная черная и желтая глина, из которой готовится в большом количестве посуда, в особенности жителями с. Карачуна Задонского уезда, а также некоторых селений Бирюченского уезда; красная глина, употребляемая на черепицу, которой выделяется всего более в г. Задонске ...» [Памятная книжка, 1856, отд. IV: 47]. Особенности быта, хозяйственных построек также могли быть причиной номинации населенных пунктов словом *красный*: дома с черепицей красного цвета, обмазанные красной глиной дома вполне могли этому способствовать.

Если к 1800 году было зафиксировано два воронежских топонима, обнаруженных нами, отражающих модель топонимической номинации с компонентом *красный*, в том числе и в семантике онима: Червлёный Яр (река, часть берега при устье р. Савалы, земли, «лежащие между двумя Чер<в>лёными Ярами», степное пространство) и село Красное Коротоякского уезда, то в 1856 году топонимов, соотносимых с лексемой *красный*, стало семь (при этом понимаем, что в историческом источнике к «замечательнейшим селениям Воронежской губернии» отнесены крупные населенные пункты и селения с небольшим числом жителей не указаны, а среди них, полагаем, могли бы быть и интересующие нас номинации).

Лексема *красный* в XIX в. имела следующие значения: по цвету: 'рудой, алый, чермный, червлёный; кирпичный малиновый, огневой' и пр. разных оттенков и красоты' [Даль, 1882, 2: 189]; «о доброте, красоте: красивый, прекрасный; превосходный, лучший» [Даль, 1882, 2: 189]. В современном русском языке слово *красный* имеет восемь значений, приведем первое, третье, четвертое, пятое значения: 'имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови', 'относящийся к революционной деятельности, революционный; связанный с Советским строем, с Красной Армией', *устар.* 'самый лучший, высшего качества', *трад.-поэтич.* 'красивый, прекрасный' [БТСК].

В настоящее время в воронежской топонимии функционируют следующие группы названий с компонентом *красный*.

1. Топонимы и микротопонимы, состоящие из одного слова и имеющие географическую или оценочную мотивацию (по красному, бурому цвету глины или красивому, прекрасному виду). На данный момент времени достаточно сложно дифференцировать географический и оценочный признаки мотивации, характерные для топонимов, однокоренных лексеме *красный*, поскольку во многих случаях эти два признака пересекаются, например: *Красинка* (ручей, с. Красный Лог Каширского района) — «трудно сказать, от чего произошло данное название: то ли от *красный* (красивый), то ли от *красный* (по цвету глины, которую вымывало обычно по весне) [Ковалев, 2017, 1: 326]» и др.

К данной группе отнесем однокоренные лексеме *красный* названия населенных пунктов, возникших до Октябрьской революции 1917 года, а также такие топонимические единицы, которые связаны со словом *красный* в значении 'красивый, прекрасный': *Красное* (село Новохопёрского района, основано в 1717 г. на берегу р. Савала) [Попов, Пухова, Грибоедова, 2018: 105], *Красный* (хутор Семилукского района) — «название от слова «красное» в значении «красивое, пригосее место» [Попов, Пухова, Грибоедова, 2018: 108] и др.

Также к данной группе отнесем следующие гидронимы, оронимы, названия урочищ, эклезиионимы: *Красинка* (ручей, с. Красный Лог Каширского района), *Красная* (река, Грибановский район) (название может быть связано со словом *красная* в значении 'красивая, пригожая', также название могло быть дано и по красноватому цвету воды от примесей глины или железа [Ковалев, 2017, 1: 326]), *Красная* (балка, с. Терновое Острогожский район), *Красная* (церковь Митрофания Воронежского, с. Мечётка Бобровского района, церковь «названа по материалу, из которого построена, — красному кирпичу [Ковалев, 2017, 1: 327] и др.

2. Сложные топонимы и микротопонимы, имеющие географическую или оценочную мотивацию и образованные по модели: *красн*— + соединительная гласная + корень слова, называющего природный объект + суффикс: *Красногоровка* (село Богучарского района, название дано по особенностям почвы) [Попов, Пухова, Грибоедова, 2018: 105], *Краснолётье* (село Репьёвского района, основано в конце XVII века, раньше называлось Красным, потому что расположено

у низины Красный Лог [Попов, Пухова, Грибоедова, 2018: 106]), *Краснореченка* (село Грибановского района, прежнее название — деревня при Красной речке), *Красноярский* (хутор Верхнемамонского района, назван по яру с красной глиной [Попов, Пухова, Грибоедова 2018: с.106]), *Краснощёльский* (овраг в окрестностях г. Борисоглебска, «устье оврага располагается в районе Красного моста, а овраг получил свое название из-за вкраплений, по-местному, столпов красной глины» [Ковалев, 2017-1: 332] и др. В основном топонимы и микротопонимы данной группы являются оттопонимными образованиями, возникшими вследствие трансонимизации, проявляющейся с помощью сложения основ с суффиксацией, ср.: *Красноярский* (хутор) < *Красный яр* (яр — ‘крутой, обрывистый берег реки, озера, склон оврага; обрыв’, ‘овраг, лощина’ [БТСК]), *Краснореченка* (село) < Красная речка (река).

3. Топонимы и микротопонимы, имеющие географическую или оценочную мотивацию и состоящие из нескольких слов — одно из слов является географическим конкретизатором (гидронимы, оронимы, дримонимы, экклезионимы, названия урочищ, лугов и др.): *Красные Солонцы* (деревня Семилукского района), *Красные Солонцы* (посёлок Каширского района), *Красная горка* (холм, расположен близ с. Данцевка Богучарского района; «назван по богатому месторождению глины красноватого цвета» [Ковалев, 2017, 1: 328], *Красный Куст* (лес, с. Братки Терновского района) («вероятно, первая часть названия связана со словом «красный» в значении «красивый»). Вторая часть названия — местный географический термин «куст», обозначающий небольшую рощу [Ковалев, 2017, 1: 333], *Красный Лог* (луг и покос, с. Новая Криуша Калачеевского района), *Красная лощина* (овраг с широким дном и пологими краями, с. Абрамовка Таловского района) (в лощине брали красную глину [см.: Верховых, 2018: 229] для побелки стен домов снаружи и завалинок: стена дома на улицу белилась мелом, а остальные стены и завалинка — красно-коричневой, желто-красной, то есть красной, как ее называли, глиной; после высыхания стены становились светло-коричневыми); *Красная церковь* (Митрофановский храм, с. Верхний Мамон Верхнемамонского района, «выложен из красного кирпича» [Ковалев, 2017, 1: 329], *Красный Яр* (пруд близ пос. Ольховатка Ольховатского района).

Как правило, топонимические названия с компонентом *красный*, имеющие географическую (по красному, бурому цвету глины) или оценочную (*красный* ‘красивый, прекрасный’) мотивацию, являются ранними, топонимы с идеологической мотивацией возникают позднее.

4. Топонимы (ойконимы), имеющие идеологическую мотивацию (*красный* — ‘относящийся к революционной деятельности, революционный; связанный с Советским строем, с Красной Армией’ [БТСК]). К данной группе отнесем топонимы, образованные после 1917 года и включающие в качестве компонента лексику, связанную с революционным движением или трудовой деятельностью Советского периода: знамя, краснофлотцы, октябрь, пахарь и др.: *Красное Знамя* (посёлок Поворинского района), *Красный* (посёлок Таловского района, основан в 1920-е гг.), *Красный* (посёлок Бобровского района (Октябрьское сельское поселение), основан в 1924–1925 гг.), *Краснофлотское* (село Петропавловского района, здесь в 1919 году моряки-краснофлотцы героически сражались с белогвардейцами) [Ковалев, 2017, 1: 332], *Красный Октябрь* (хутор Ольховатского района, основан в 1920-е гг.), *Красный Пахарь* (хутор Подгоренского района, населен в 1928 г.) и др.

Идеологически мотивированными являются многочисленные названия улиц и переулков типа *Красная Заря*, *Красная Звезда*, *Красная Нива*, *Красная Площадь*, *Красноармейская*, *Краснознаменский*, *Краснооктябрьская*, *Краснопахарская*, *Краснофлотская*, *Красный Октябрь*, *Красный Партизан*, *Красный путь* и под.

Только улиц (официальных и неофициальных) с названием Красная в Воронежской области около сорока [Ковалев, 2017, 1: 326–327]; названий улиц, включающих компонент с корнем *красн-*, более ста; названий, состоящих из двух компонентов, включающих лексему *красная*, тридцать восемь [см.: Ковалев, 2017-1, с. 326–335]. Всего в «Словаре микротопонимов Воронежской области» Г. Ф. Ковалева зафиксировано около 300 ономастических единиц однокоренных лексеме *красный* или включающих компонент *красный*.

На основании анализа подсистемы воронежского топонимикона, включающей семантически или структурно компонент *красный*, можно выделить следующие локальные особенности функционирования групп топонимов.

1. Употребление топонимов и микротопонимов с компонентом *красный*, имеющих географический мотивационный признак вследствие широкого распространения в Воронежской области красной (бурой) глины.

2. Функционирование составных топонимов с компонентом *красный* и географическим конкретизатором, отражающим природно-ландшафтные особенности Воронежского края, некоторые из географических терминов являются воронежскими диалектными словами. Такие топонимические единицы образованы по модели *красный* + географический термин: *красный* + *балка* / *бугор* / *гора* (*горка*) / *долина* / *лощина* / *поляна* (*полянка*) / *курган* / *куст* (*ворон.* ‘небольшая роща’ [СРНГ, 16: 159]) / *лиман* (*дон.* ‘озеро’, ‘озеро, поросшее камышом, кугой и т.д.’ [СРНГ, 17: 47]) / *лог* (*ворон.* ‘овраг’ [СРНГ, 17: 103]) / *солонец* / *уголок* (*угол* — *ворон.* ‘участок земли между двумя сходящимися оврагами’ [СРНГ, 46: 225], ‘лес у излучины реки или между озером и рекой’ [СРНГ, 46: 226]) / *холм* / *яр*.

3. Наличие составных топонимов с компонентом *красный* и именем собственным, функционирующим в Воронежской области (название реки, населенного пункта), такие номинации соответствуют модели *красный* + *Битюг* / *Чигла* / *Дон*.

Таким образом, можно констатировать, что для топонимии и микротопонимии Воронежской области характерны номинации, однокоренные лексеме *красный* или включающее компонент *красный*. Наиболее ранними являются оценочные названия, связанные с лексемой *красный* в значении ‘красивый, пригожий’, и названия, данные по цвету почвы (наличие в почве красной, красно-коричневой, желто-красной глины).

Воронежские топонимы и микротопонимы, включающие семантически или структурно компонент *красный*, характеризуются локальными структурными и мотивационными особенностями.

Список источников

1. Барсов Н. П. Материалы для историко-географического словаря Древней Руси : геогр. слов. Русской земли (IX–XIV ст.). — Вильна : Тип. А. Сыркина, 1865. — VIII, 220 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — URL : <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 25.05.2023) (БТСК).
3. Верховых Л. Н. Микротопонимия села Абрамовка Таловского района Воронежской области // Вопросы ономастики. — 2018. — Т. 15, № 3. — С. 223–241.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1881–1882. — Т. 2. — 807 с. ; Т. 4. — 1882. — 704 с.
5. Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области : в 2 т. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. — Т. 1 : А — Л. — 412 с. ; Т. 2 : М — Я. — 420 с.
6. Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 год / под ред. Н. И. Второва. — Воронеж : Воронежский губ. стат. ком., 1856. — 303 с.
7. Попов С. А., Пухова Т. Ф., Грибоедова Е. А. Топонимия Воронежского края. — Воронеж : Центр духовн. возрожд. Чернозёмного края, 2018. — 336 с.
8. Словарь русских народных говоров (СРНГ) / гл. ред. Ф. П. Филин. — Л./СПб. : Наука. — Вып. 16 : Куделя — Лесной. — 1980. — 376 с. ; Вып. 17 : Леснокаменный — масленичать. — 1981. — 383 с. ; Вып. 46 : Тычак — Ужоля. — 2013. — 349 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М. : Прогресс, 1987. — Т. 4 : Т — ящур. — 864 с.

Сведения об авторе

Верховых Людмила Николаевна — д.филол.н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета (Борисоглебск, Россия).

СОЦИАЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ ТОПОНИМА КАВКАЗ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В данной статье представлены результаты экспериментального исследования топонима Кавказ и анализ его контекстуального употребления в разножанровых текстах постсоветского периода. Данный топоним, активно употребляясь в средствах массовой информации, изменил и приобрел социальные оценочные значения, которые характеризуют изменения в ценностных установках российского общества. Показано развитие коннотативных значений исследуемого топонима в указанный период. Полученные результаты стали основой лексикографического описания топонима Кавказ.

Ключевые слова: топоним, коннотация, коннотативный оним, постсоветский период.

Человек так устроен, что постоянно обсуждает и оценивает происходящее в стране и мире. В общественной оценке отражаются представления современного общества о событиях и явлениях нашей жизни. Оценка неразрывно связана с понятием ценность и выступает как проявление ценностей, актуальных в определенный период. Как отмечает В. В. Сутужко, «социальная оценка — это производное от социальных ценностей, проявляющихся в общественных отношениях. <...> Социальная оценка — мера соответствия какого-либо социального события (явления, факта) определенным социальным критериям, которые выдвигает общество и сам человек, исходя из своего социального опыта» [Сутужко, 2004: 18–9].

Под коннотацией, вслед за Ю. Д. Апресяном, мы понимаем «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. <...> Коннотация не входит непосредственно в лексическое значение слова и не является следствиями или выводами из него» [Апресян 1995]. Ономастическую коннотацию мы рассматриваем как сложный компонент семантики онима, который, добавляясь к его предметно-логическому содержанию, отражает оценочное отношение носителей языка к имени как языковому знаку или к субъекту / объекту номинации, получившему широкую известность в данном языковом коллективе в конкретный исторический период [Крюкова, Врублевская, Кирпичева 2020].

В данной статье представлено развитие коннотативных значений топонима *Кавказ*. Для выявления его коннотативных значений, сформированных или формирующихся в постсоветский период (т.е. с 1990-х по н. вр.) использованы следующие методы: ассоциативный эксперимент — для выявления типов ассоциативных реакций, которые становятся основой для развития коннотаций; контекстуальный анализ — для подтверждения существования коннотативных значений у исследуемого топонима в контекстуальном окружении; сопоставительный метод — для выявления динамики коннотаций исследуемого онима.

На начальном этапе исследования топонима Кавказ был проведен ассоциативный эксперимент, так как ономастическая коннотация не может быть определена вне реакции адресата. В эксперименте принимали участие 200 респондентов, для которых русский язык и культура являются родными, представители разных профессий. В ходе анализа результатов эксперимента было выделено три возрастных группы респондентов: 18–27 (младшая группа), 30–46 (средняя) и 52–70 лет (старшая). Основанием для выделения групп стала схожесть ассоциативных реакций. Результаты эксперимента выявили следующие ряды денотативных реакций: денотативные родовидовые реакции (*горы* 67 %, *аулы* 6 %, *горцы / армяне, грузины и др.* 30 %); реакции, относящиеся к атрибутам, связанным с топонимом Кавказ (*кавказская кухня* 10 %, *минеральная вода* 6 % и др.); и реакции, апеллирующие к определенным событиям (*война / конфликт* 20 %); выявлены также эмоционально-оценочные реакции (*красиво / красивая природа / свежий воздух* 17 %).

Экспериментальное исследование топонима *Кавказ* показало не только значительный ассоциативный потенциал данного онима, но и возрастные и территориальные различия в его восприятии.

67 % всех респондентов ассоциируют *Кавказ* с *горами*. Однако, если для старшей возрастной группы *Кавказ* — это *красивая природа / лес, ледники / белоснежные вершины / воздух* (17), а также *минеральная вода* (7) *виноград / мандарины* (7) и *долголетие* (4), то для средней возрастной группы *Кавказ* — это *горцы / джигиты* (20), *кавказская кухня* (17), *гостеприимство* (4). А для респондентов 18–27 лет самые частотные реакции данного ассоциативного ряда — *шашилык / алкоголь* (17), а также *обычаи и традиции* (7), *своеобразная обувь и одежда* (3), *аулы* (3), *овцы* (3). В языковом сознании респондентов младшей возрастной группы наблюдается тенденция к иному, не всегда позитивному восприятию Кавказа.

При этом реакции на топоним отличаются и у респондентов разных регионов. Возможно, эти различия обусловлены географическим положением номинируемых объектов (близостью или удаленностью) и социокультурной значимостью тех или иных реалий для респондентов в разных городах. Например, *Кавказ* для волгоградцев — *кавказская кухня / хачапури и др.* (9), *виноград, мандарины, минеральная вода* (7), *гостеприимство* (4,5), *грузины* (4,5); *Кавказ* для тюменцев — *черкеска, бурка, кинжал* (6), *шашилык, вино* (11), *Лермонтов* (6). Очевидно восприятие Кавказа как чего-то близкого, современного, знакомого в Волгограде и как культурно-исторической достопримечательности в Тюмени. Заметим, что в Тюмени отмечена родовидовая реакция *Кавказ* — *регион / южный регион* (11), нехарактерная для жителей волгоградского региона, который граничит с Северо-Кавказским федеральным округом.

Результаты экспериментального исследования говорят о подвижности языкового сознания носителей русского языка и культуры и о динамике коннотаций исследуемого топонима. Для выявления данных коннотаций необходим анализ употребления топонима *Кавказ* в контекстуальном окружении. Источник материала исследования — Национальный корпус русского языка, преимущественно его основной, газетный, а также устный подкорпусы; и различные средства массовой информации. Единица контекстуального анализа — это текстовый фрагмент, в котором исследуемый оним не просто называет объект, но и выражает оценочное отношение автора к данному объекту (онимические коннотации) или другим объектам, обладающим общим свойством с исходным объектом (постонимические коннотации). Подробнее об онимических и постонимических коннотациях см. [Крюкова, Врублевская, Кирпичева 2020]. Всего было отобрано 311 контекстов, в которых зафиксировано коннотативное употребление топонима *Кавказ*.

Так, в период 1990-х сформировалась устойчивая коннотация ‘военный конфликт на Кавказе’, которая сохраняется в течение всего исследуемого периода: *Просто за мою бесприютную бродяжью жизнь среди множества песых морд встречал таких, как она, с прямым, уверенным, жестко прищуренным взглядом, от которого холодок ползет по спине. <...> это они, сидя в высоких сферах, гнали нас под пули, на **Кавказ**...* [А. Приставкин. Долина смертной тени // «Дружба народов», 15.09.1999]. *Я туда побежал: надо же людям помогать, пока второй не взорвался, тех, кого успею, повытаскивать. По **Кавказу** же знаю, что второй взрывается, когда побольше людей на первый взрыв прибежит* [М. Ахмедова. Сталинград. Возвращение // «Русский репортер», 2014]. Из примеров видно, что это онимическая коннотация, т.е. референтное / атрибутивно-референтное употребление онима в сочетании с эмоционально-оценочной характеристикой. Отметим, что данное коннотативное значение коррелирует с результатами эксперимента.

Кроме того, в течение всего исследуемого периода прослеживается коннотация ‘кавказцы’ (что также коррелирует с результатами эксперимента): *А что поимели москвичи от Лужкова? Всё приватизировал только **Кавказ** — рынки, магазины, квартиры. Цены задрали до небес* [Кириенко можно? [Распечатка звонков на прямую линию с С. В. Кириенко] // «Коммерсантъ-Власть», 1999]. *В так называемой «русской мафии» США действительно русских очень мало. Евреи и **Кавказ*** [коллективный. Форум: Петербургский школьник из Бостона: «Эти русские — все на одно лицо» (2012)].

В 2000-х происходит движение от конкретных значений к более абстрактным, обобщенным, что приводит к переносному употреблению топонима *Кавказ* и формированию его постонимической коннотации — ‘неспокойный регион / «горячая точка»’: *Как отметил вчера член комитета Максим Рохмистров, уже сейчас сочинские власти сносят вполне легальные постройки, но возмещают владельцу копейки. «Если так и дальше пойдет, то вместо Олимпиады*

мы получим **второй Кавказ**», — сказал депутат. Л. Новикова [Изъятие по-сочински // РБК Daily, 05.10.2007].

К концу 2000-х — нач. 2010-х, когда ситуация на Кавказе стабилизировалась и необходимо было восстанавливать территории, пострадавшие в ходе военных действий, наблюдается расширение семантического объема коннотативного топонима *Кавказ* и появляется коннотации 'регион, в который вкладываются деньги': *Туареги привыкли, что им все время ДАЮТ. Север для Мали — как Кавказ для России. Это такая бюджетная яма без дна. Хотя население севера составляет только 10 процентов, туда уходит 30 процентов бюджета* [Д. Асламова. Русские легионеры воюют в Африке за 3000 евро // Комсомольская правда, 30.01.2013]. Данный пример иллюстрирует один из явных признаков семантической трансформации онима — его использование в качестве образа сравнения.

Таким образом, анализ коннотативного потенциала топонима *Кавказ* позволил определить его устойчивые коннотации, сохраняющиеся на протяжении всего исследуемого периода, и выявил формирование новых коннотативных значений, т.е. увеличение семантического объема исследуемого топонима. Это говорит о том, что конкретные коннотативные значения онима приобретают актуальность в определенный отрезок времени.

Данные, полученные в ходе экспериментального исследования и контекстуального анализа топонима *Кавказ*, послужили основой для его лексикографического описания.

Список источников

1. Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. — М.: Шк. «Языки русской культуры», 1995. — Т. II: Интегральное описание и системная лексикография. — С. 156–176.
2. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: опыт лексикографического описания: слов. / И. В. Крюкова, О. В. Врублевская, О. В. Кирпичева. — Волгоград: Перемена, 2021. — 225 с.
3. Крюкова И. В., Врублевская О. В., Кирпичева О. В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода как инструмент социальной оценки: моногр. — Волгоград: Перемена, 2020. — 199 с.
4. Национальный корпус русского языка. — URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.03.2023).
5. Сутужко В. В. Социальная оценка как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 2004. — 28 с.

Сведения об авторе

Врублевская Оксана Валентиновна — д.филол.н., профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, Россия).

А. А. Герцен

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПООЧЬЯ И ПОДНЕСТРОВЬЯ

Аннотация. Выявлены географически сгруппированные совокупности многочисленных одноимённых топонимов славянского происхождения на юго-западной и северо-восточной окраинах Древней Руси, обнаруживающие несомненную взаимосвязь и свидетельствующие о процессах масштабного топонимического переноса в прошлые эпохи и формировании ядер топонимических ландшафтов, сохранившихся до наших дней. На основе анализа геоархеологических и топонимических связей Поочья и Поднестровья выдвинуты предположения о формировании ментального топонимического ландшафта, его устойчивости и воспроизводстве, а также возрасте географических названий.

Ключевые слова: Поочье; Поднестровье; историческая география; археология; топонимия; перенесённые топонимы; топонимические ландшафты; славяне

Введение

Комплексный историко-географический подход, применяемый автором в рамках топонимических исследований [Герцен, 2018; Герцен и др., 2019, 2021; Паскарь, Герцен 2016], позволил выявить уникальные геоструктуры, сформированные в результате масштабных миграционных процессов при расселении народов в географическом пространстве. Сопутствовавший им перенос названий из предыдущих мест проживания в новые регионы способствовал формированию основ топонимического компонента историко-географических ландшафтов — ядер современных топонимических ландшафтов.

Перенесённые топонимы хранят чрезвычайно интересную и полезную историческую и лингвистическую информацию, служат индикатором историко-географических ландшафтов, иллюстрируют конкретные обстоятельства историко-географической эволюции пространства, миграций этнических групп на заре формирования топонимических систем соответствующих регионов.

На данный вопрос обращали внимание и классики топонимической науки, акцентируя внимание как на терминологических аспектах, так и на важности и нерешённости научной проблемы. В. П. Нерознак отмечал, что обнаруживается смешение топонимов-дублетов и так называемых перенесённых топонимов [Нерознак, 1990: 516]. А. В. Барандеев указывает, что «русские названия, терминологически корректно обозначенные как перенесённые с одной территории на другую», топонимами-дублетами не являются [Барандеев, 2020: 86]. А. В. Суперанская видела причиной возникновения названий-тёзок «ограниченное количество топооснов» [Суперанская, 1969: 41]. У Е. М. Поспелова и О. Н. Трубочёва перенесение с юга топонимов *Звенигород, Переяслав, Владимир, Галич, Трубеж, Лыбедь, Дунай/Дунаец, Альта* и других сомнений не вызывает [Поспелов, 2007: 193; Поспелов, 2008: 258; Трубочёв, 1968: 167–168; Трубочёв, 2000: 8]. По мнению В. Л. Васильева «факты отдалённых топонимических переносов приемлемо доказываются в сравнительно небольшом числе случаев. Эта важная тема нуждается в дальнейшей специальной проработке...» [Васильев, 2012]. Такая позиция поддержана А. В. Барандеевым: «...мы не исключаем существования переноса названий как топонимической проблемы, хотя к настоящему времени его механизм применительно к древнерусской эпохе детально не исследован» [Барандеев, 2017; Барандеев, 2018: 114]. Эти замечания чрезвычайно важны, поэтому для достоверного исключения вероятности перенесённого происхождения того или иного названия в отношении каждого из исследуемых географических объектов должна быть проведена комплексная экспертиза с верификацией предложенных лингвистами этимологий, выявлением мотивационной основы для номинации, реконструкцией его историко-географической эволюции [Гордова и др., 2022].

Методология картографической систематизации обширного топонимического материала на примерах полиэтнических и многоязычных (славянских, романских, германских и др.) регионов Центральной и Восточной Европы (от Средиземноморья и Причерноморья до Балтики и Русского Севера) и анализа разновременных (старинных, современных и вновь составленных) карт, совокупностей и особенностей расположения перенесённых топонимов (*Молдав-/Молдов-, Звенигород, Переяславль, Трубеж, Васильков/Василёв* с их вариантами и сопутствующими группами схожих и одноимённых названий) продемонстрировала универсальность выявленных закономерностей.

Яркими примерами, иллюстрирующими отмеченные процессы, выступают историко-географические ландшафты Поочья и Поднестровья, расположенные на северо-восточной и юго-западной окраинах Древней Руси, на пути переселения славянских племён из лесных и лесостепных областей Северо-Западного Причерноморья в центр Восточно-Европейской равнины.

Историко-географические ландшафты, славянская археология и топонимия Поочья.

Ока — река в Европейской части России, самый крупный и многоводный правый приток Волги. Длина 1500 км, площадь бассейна 245 тыс. км² [Магрицкий, 2023]. Верхнее Поочье охватывает центральную часть Среднерусской возвышенности, Среднее и Нижнее — обширную и заболоченную Мещёрскую низменность. От впадения Угры и смены основного направления течения на меридиональное служит природной границей зон смешанных и широколиственных лесов.

В бассейне Оки целиком или частично расположены территории Орловской, Калужской, Тульской, Московской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Ивановской и Нижегородской областей, а также Мордовии.

Памятники, без сомнений относимые к славянам (северянам и вятичам), в Верхнем Поочье (Орловская, Тульская, Калужская области) археологи именуют роменской культурой (сформировалась в VIII в. в результате миграции носителей пражской культуры на левобережье Днепра) и датируют концом I тысячелетия н.э. (IX в.) [Григорьев, 2017; Воронцов и др. 2021; Бурцев и др. 2017; Замятина и др. 2021]. Славянская колонизация Среднего и Нижнего Поочья началась с X в. К этому периоду относят памятники в Рязанской, Владимирской, Ярославской областях [Ахмедов и др., 2021; Гриц и др. 2021, Горячко и др. 2017a], к середине X в. — в Ивановской области [Балдин и др., 2021], к концу X в. — в Тамбовской области [Горячко и др., 2021a], на территории современной Московской области — не позднее XI в. [Горлов и др., 2020]. На нижегородском правобережье Оки первые славяне появились не ранее XII в. [Горячко и др., 2021б]. Территории Мордовии и Пензенской области вошли в состав Русского государства только в XV–XVI вв. [Беговаткин и др., 2020; Горячко и др., 2017б].

В бассейне Оки выявлено несколько кластеров топонимов, перенесённых славянами из западных регионов. Центром расселения славян в Верхнем Поочье, на территории современной Орловской области стал расположенный в окрестностях Орла *Звенигород* (Северский; столица удельного княжества в XIII — начале XV вв.), от которого осталось хорошо сохранившееся городище на высоком берегу реки *Неполодь* при впадении в неё лога *Попов Верх*. Адстратом на существовавший топонимический компонент местного историко-географического ландшафта были перенесены славянские названия, в значительной степени определившие его новый облик. Ряд элементов сохранились и в современном топонимическом ландшафте. Исследования В. М. Неделина выявили пояс укреплений, окружавших княжескую столицу, среди которых выделяются объекты с географическими названиями, которые прозрачно указывают на их перенесённый генезис: *Люцк*, *Жидомерь*, *Хотимль* [Неделин, 2001]. На современных топографических картах встречаются и другие гидронимы и ойконимы такого же происхождения: речка *Цветынь* с одноимённым селом в устье и городищем на берегу Оки, село *Тайное* выше по течению Оки, у которого сохранилось городище *Гонючее* (*Гонючево*), и село *Плещево* напротив заболоченного участка в пойме Оки [Герцен, 2018], а также *Орлик*, *Распоново*, *Кулига*, *Мецна*, *Толмачево*, *Вороново*, *Тельчье*, *Каменка*, *Быстрица*, *Буг* (*Калуга*), *Кошелево*, *Ждимир* (*Ждимер*), *Ждимерка*, *Бельдино*, *Альшанец*, *Воронец*, *Китаево* (*Китаева*), *Ракитня*, *Ракитная*, *Узкое*, *Сорокино*, *Бутырки*, *Льгов*, *Радовище* (*Радовици*), *Обельна*, *Трубечина*, *Студенка* (*Студеновка*), *Хотынец*, *Ясная Поляна*, *Воротынцево*, *Круглица*, *Рог*, *Кошелево*, *Горяново*, *Бутово*, *Солнцево*, *Радомль*, *Радомка*, *Лубна*, *Дунаевский*, *Вербник*, *Хотьково*, *Молодовое*, *Борщевка*, *Люттик* (*Людская*), *Лебёдка*, *Лебедёк* (*Лебедок*), *Бобраки*, *Хмелевая*, *Гремячая*, *Рыбница*, *Вишневец*, *Реутово*, *Плоты*, *Лозавец* (*Лазавец*) и, наверняка, другие, имеющие прямые дублиеты или очень близкие аналоги в местах проживания предков переселенцев.

В Среднем Поочье крупнейший куст сохранившихся перенесённых топонимов сложился вокруг сформировавшегося на основе славянских поселений IX–X вв. *Переяславля-Рязанского* — современной *Рязани*: *Трубеж*, *Лыбедь*, *Быстрица*, *Бык*, *Дунай*, *Гречишиное*, *Соколовка*, *Льгово*, *Зеленева*, *Вышгород*, *Рака*, *Каменец*, *Каменка*, *Кулиги*, *Старые Бобровинки*, *Вороново*, *Меча*, *Истья*, *Тырново*, *Студенец*, *Байдик*, *Волынь*, *Танинская*, *Алешня*, *Зеленино*, *Горайново*, *Клещевая*, *Юркино*, *Клин-Бельдин*, *Барсуки*, *Горенцево*, *Меча*, *Поляны*, *Солотча*, *Кельцы* и др.

Выявлены также кластеры в бассейнах левых притоков Оки — Москвы и Клязьмы. В Москве и Московской области сохранились многочисленные названия, имеющие веские основания считаться перенесёнными в процессе заселения региона: *Звенигород* (Подмосковный, Залесский), *Луцино*, *Рязань*, *Ожигово*, *Истья*, *Сырково*, *Хотьково*, *Одинцово*, *Кунцево*, *Китай-город*, *Полянка* и *Киевец* (село, находившееся между Остоженкой и берегом реки Москвы, упоминавшееся в документах XIV–XV вв. [Поспелов, 2008]), *Сокольники*, *Внуково*, *Солнцево*, *Бутово*, *Подольск*, *Плещево*, *Быковка*, *Бронницы*, *Боршева*, *Исаково*, *Коломна* и др. Во Владимирской области — *Лыбедь*, *Почайка*, *Рпень*, *Зелени*, *Горицы*, *Хотенское*, *Внуково*, *Бродницы*, *Васильково*, *Кидекша*, *Каменка*, *Подолец*, *Турово*, *Лопатницы*, *Погост-Быково*, *Борщевка*, *Исаково*, *Поддол*, *Быково* и др.

Историко-географические ландшафты, славянская археология и топонимия Поднестровья

Днестр — река на Украине и Молдавии (частично по границе обоих государств). Длина 1352 км, площадь бассейна 72,1 тыс. км² [Днестр, 2020]. Верхнее Поднестровье охватывает восточные склоны Украинских Карпат с горными ландшафтами и межгорными котловинами, широколиственные и лесостепные участки Предкарпатья и западной части Подольской возвышенности. Среднее Поднестровье — лесные и лесостепные области Подольской и Северо-Молдавской возвышенностей, Северо-Молдавской равнины, Северных и Восточных Кодр. Нижнее Поднестровье включает лесные ландшафты Центральных и Восточных Кодр, лесостепные и степные участки Приднестровской равнины и Причерноморской низменности. В бассейне Днестра целиком или частично расположены территории Подкарпатского воеводства Польши, Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской, Черновицкой, Хмельницкой, Винницкой и Одесской областей Украины, более половины (восточная часть) Молдавии.

Поднестровье — колыбель славянского этногенеза. Здесь обнаружены древнейшие памятники археологических культур, достоверно связываемых со славянами: пражской (IV–VII вв. — склавини), охватившей всё лесное Среднее и Верхнее Поднестровье и распространившейся на огромной территории от Балтики до Дуная и Днестра, и пеньковской (V–VII вв. — анты), занимавшей лесостепное Среднее и Нижнее Поднестровье и области к востоку до бассейна Северского Донца [Славяне..., 1993; Гавритухин, 2016; Гавритухин, 2017б]. Ещё раньше, в источниках первых веков н.э. в Северо-Западном Причерноморье упоминаются веныды [Петрухин, 2016; Паскарь, Герцен, 2021]. К концу VII в. на основе развития этих общностей здесь начала формироваться Лука-Райковецкая культура, распространившаяся от Восточного Прикарпатья до Среднего Поднестровья и от белорусского Полесья до лесостепной части бассейнов Южного Буга, Днестра, Прута, вплоть до Нижнего Подунавья, соотносимая с вольнянами, дреговичами, полянами, уличами, тиверцами и хорватами [Баранчиков, и др. 2017; Белых и др. 2017; Гавритухин 2017а]. К концу X в. вся территория Поднестровья вошла в состав Древнерусского государства.

В бассейне Среднего и Верхнего Днестра выявлено несколько кластеров повторяющихся славянских топонимов, многие из которых были перенесены в Северо-Восточную Русь в период массовой колонизации конца I тысячелетия н.э. Вблизи водораздела бассейнов Чёрного и Балтийского морей — левых притоков Днестра и Западного Буга, в юго-восточных предместьях современного Львова расположен *Звенигород* (Червенский, Галицкий, Южный), окружённый рядом населённых пунктов, вероятно, возникших в процессе расселения славян и сохранивших свои названия: *Бережаньы, Зубра, Липники, Нагоряны, Сокольники, Кошелев, Сороки-Львовские, Ямполь, Борщовичи, Великая Ольшаница, Перемышляны, Борщев, Мерецев, Ганачеевка, Воловое, Коцуров, Бобрка, Квитневе, Трибоковцы, Ольховец, Лопушина, Поляна, Раковец, Сороки, Ставчаны* и др. К юго-востоку, в Тернопольской области, в непосредственной близости от города Бучач расположен *Звенигород* на Стрыпе (левый приток Днестра), которому сопутствуют несколько топонимов, очевидно, восходящих к эпохе славянского расселения: *Жизномир, Сороки, Зубрец, Белявинцы, Вишневич, Хмелевка, Зелёная, Трибуховцы, Цветовая, Залецики, Ольховец, Яблоновка* и др. Существовал также *Звенигород* на Збруче (ныне лесная местность к югу от села Крутилов на востоке Тернопольской области), окружённый примечательными топонимами: *Рашишовцы, Гнилая, Тайна, Ольховчик, Васильковцы, Васильков, Зеленая, Сокиринцы, Борщев, Тарнавка, Жабинцы, Теклевка на Жабьем Потоке, Звиняч, Вербовцы, Яблонов, Сорока, Красное, Гречана, Каменка, Ольховцы, Юрковцы, Ямпольчик, Бережанка, Криков* и др.

Наиболее древний среди всех своих братьев-тёзок — *Звенигород* на Днестре, на высокой горе, в устье речки *Дзвины* (укр. *Дзвіна; Дзвинячка*). Непосредственно соседствующие с ним правобережье Днестра и соседнее Прикарпатье — регион самых ранних славянских памятников пражской культуры и культуры Лука-Райковецкая, восходящих к середине V в. н.э. [Русанова, Тимошук, 1984; Баран, 1988]. Только здесь встречается прямая топографическая и топонимическая взаимосвязь *гидроним — ойконим*, что подтверждает мнение А. В. Барандеева о том, что наиболее вероятной и убедительной следует считать гидрографическую версию происхождения топонима *Звенигород* [Барандеев, 2017; 2018]. Среди сопутствующих топонимов необходимо выделить следующие: *Зелёное, Ольховец, Зозулинцы, Дунев, Дзвинячка, Трубочин, Нагоряны* (на речке *Суржа*, левый приток реки *Жванчик*, левобережье Днестра), *Жванец, Ходоровцы, Тарасовка, Яру-*

га, *Китайгород*, *Нагоряны* (на правом берегу Днестра), *Ленковцы*, *Берново*, *Вороновица*, *Хотин*, *Ставчаны*, *Круглик*, *Рашков*, *Поляна*, *Рухотин*, *Гринячка*, *Василёв*, *Юрковцы*, *Вербовцы* на ручье *Вербинка*, а также за водоразделом, в бассейне Дуная — *Малый Кучуров* на речке *Кучур* (левый приток Прута), *Васлововцы*, *Ленковцы* (ныне в черте города *Черновцы*, на левом берегу Прута), *Великий Кучуров* на речке *Дерелуй* (правый приток Прута), и ближе к его устью — *Чагор* и др.

Ниже по течению Днестра расположен кластер одноимённых топонимов: *Василевка* (в 1817 *Василевъ*, *Васьлеу*), *Вербова* (две речки), *Вербка*, *Раскопинцы* (*Распопинцы*) *Липчаны*, *Нагоряны*, *Юрковцы*, *Борщевцы*, *Бронница*, *Олчидаев* (*Ольчедаев*) *Верхний* и *Нижний*, *Теклевка*, *Жван*, *Вербовец*, *Ольховец*, *Ставчаны*, *Барсуки*, *Калюс*, *Ушица*, *Выхватневы*, *Студеница*, *Рогозна*, *Ожево* (в 1447 *Гожозовъ*), *Кулешовка*, *Молодова*, *Ленкауцы*, *Коболчин*, *Сокиряны*, *Тырново*, *Бырново*, *Липник*, *Климауцы*, *Гырбово*, *Вережены*, *Ленкауцы*, *Мерешовка*, *Волчинец*, *Рудь* (*Руды*, *Ругь*), *Телешовка*, за водоразделом — *Волчинец*, *Котюжаны*, *Белявинцы*, *Росошаны*, *Бричаны*, *Гвоздовцы*, *Ходороуцы*, *Требисоуцы*, *Тырново*, *Единцы* на левых притоках Прута *Вилия*, *Раковец*, *Чугур* и др.

Ещё ниже по течению Днестра — *Сороки*, *Трифайцы* (*Трефовцы*), *Васильково*, *Раковец*, *Воронково*, *Солонец*, *Волово*, *Воловица*, *Ярова*, *Яруга*, *Буша*, *Грушка* на реке *Мурафа* (левый приток Днестра), *Садки*, *Лозовое*, *Черневы*, *Сокол*, *Хмелевица*, *Ямполь*, *Севериновка*, *Цекиновка* (*Цыгановка*), *Вербка*, *Ольшанка* на одноимённой реке, *Вазлуй*, *Великая Косница*, *Трибусовка*, *Грушка* на Днестре и др.

Следующий топонимический кластер ниже по течению: *Рашков*, *Вадул-Рашков*, *Нижние Климауцы*, *Кот*, *Бурсук*, *Жабка* (*Жапка*), *Темелеуцы*, *Черница*, *Кошерница*, *Кунича*, *Кобыля* (*Кобыла*, *Кобыльня*), *Гвоздово*, *Рогожаны*, *Солонец*, *Котюжаны* *Большие* и *Малые*, *Добруша*, *Кипешка*, *Распопены*, *Сырково*, *Цахнауцы* (*Цагнауцы*), *Липчаны*, *Пояна*, *Алчедар*, *Тарасово*, *Солончаны*, *Бошерница*, *Резина*, *Стохная*, *Трифешты*, *Бушовка*, *Зозуляны*, *Выхватинцы*, *Воронково*, *Рыбница*, *Плоть*, *Лабушиное*, *Соколовка*, *Студеная*, *Севериновка*, *Каменка* и др.

По соседству, в самом центре Молдавии, в Кодрах, в излучине Нижнего Днестра и бассейне его правых притоков сохранилась ещё одна группа топонимов: *Вережены*, *Бурсучены*, *Деренев*, *Табора*, *Ватич*, *Исаково*, *Кобылка* (ныне *Кодрянка*), *Цыганешты*, *Гырбовец* (*Гербовец*), *Паланка*, *Бахмут*, *Волчинец*, *Темелеуцы*, *Садова*, *Лозова*, *Питушка* (*Китушка*), *Бык*, *Быковец*, *Ишиновец* (в 1429 — *Вышневецъ*, приток *Быка*), *Трынавка*, *Кунилова*, *Скорены*, *Ставчены*, *Криково*, *Грушево*, *Каменча*, *Телешово*, *Пересечино*, *Рышково*, *Ишиновец* (село и одноимённый приток *Икеля*), *Реут*, *Требужены*, *Круглик*, *Кошница*, *Делакэу* (*Белокиев*; в 1455 — *Билъково*, в 1817 — *Билаков*, *Билакэу*; *Гилакева*), *Телица*, а также за водоразделом, в верховьях Когильника и притоков Прута *Юрчаны*, *Бурсук*, *Сакарены* (*Секурены*), *Дахнович* (в 1832 — *Донавецъ*), *Лапушина* и др.

Выводы

Выявленные географически сгруппированные совокупности многочисленных одноимённых топонимов славянского происхождения на юго-западной и северо-восточной окраинах Древней Руси обнаруживают несомненную взаимосвязь и свидетельствуют о процессах масштабного топонимического переноса в прошлые эпохи и формировании ядер топонимических ландшафтов, сохранившихся до наших дней.

Многие из перечисленных названий имеют, казалось бы, прозрачную для носителей славянских языков этимологию и условно простой механизм возникновения в локальных условиях. Однако особенности географического положения (непосредственная близость между собой), чрезвычайно многочисленные повторения (притом, что с древности, разумеется, сохранились далеко не все, а многие из сохранившихся ещё не выявлены), воспроизводство малоизменённых, а зачастую абсолютно идентичных форм, сохранение диалектных вариантов, присутствие сложно образуемых и древних иноязычных онимов делают такой ситуативный механизм невозможным. Логичнее выдвинуть гипотезу формирования целостного ментального топонимического ландшафта, свойственного территориальным сообществам как особенности восприятия окружающей географической среды, устойчивого в процессе их миграций и воспроизводимого в новых местах проживания.

Описываемые кластеры занимают важное место в топонимической системе всей Русской равнины и являются ключевым звеном в процессе топонимического переноса, отражающего этапы расселения славян в начальный период, и формирования топонимического компонента

конкретных историко-географических ландшафтов. Выявление системных взаимосвязей ядер топонимических ландшафтов служит прологом к решению фундаментальных проблем обнаружения взаимосвязей ареалов расселения этносов с археологическими культурами и определения времени возникновения географических названий. Сопоставление с археологическими данными позволяет определить возраст топонимов. В частности, можем уверенно констатировать, что географические объекты, формирующие ядра перенесённых топонимических ландшафтов, в Поочье получили свои названия в конце I — начале II тысячелетий н.э., в то время как в Поднепровье — не позднее первой половины I тысячелетия н.э., либо ранее.

Список источников

1. Актуальные топонимические проблемы (по материалам двух научных мероприятий 2021 г. в Симферополе и Москве) / А. В. Барандеев, О. А. Герцен, А. А. Герцен [и др.] // Российский журнал наук о Земле. — 2022. — Т. 22, № 6. — С. 1–7. — DOI: 10.2205/2022ES000821.
2. Ахмедов И. Р., Горячко М. Д., Калуцкова Н. Н. [и др.]. Рязанская область // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/5774248> (дата обращения: 24.04.2023).
3. Балдин К. Е., Бусева-Давыдова И. Л., Заяц Д. В. [и др.]. Ивановская область // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/5771147> (дата обращения: 24.04.2023).
4. Баран В. Д. Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков). — Киев, 1988.
5. Барандеев А. В. История географических названий : русская топонимия в терминах. — 4-е изд. — М., 2017.
6. Барандеев А. В. Краткий этимологический топонимический словарь. — 2-е изд. — М., 2018.
7. Барандеев А. В. Топонимы-дублеты: причины появления и специфика лексикографического описания // Русский язык в школе. — 2020. — Т. 81, № 3. — С. 83–88. — DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-3-83–88.
8. Баранчиков Е. В., Васенина Е. В., Веселовская А. И. [и др.]. Украина // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/4217406> (дата обращения: 24.04.2023).
9. Беговаткин А. А., Горячко М. Д., Каторова А. М. [и др.]. Мордовия // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/5746181> (дата обращения: 24.04.2023).
10. Белых М. А., Герцен А. А., Королёва Э. А. [и др.]. Молдавия // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/2223324> (дата обращения: 24.04.2023).
11. Бурцев И. Г., Воронцов А. М., Горячко М. Д. [и др.]. Тульская область // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/4219203> (дата обращения: 24.04.2023).
12. Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. — М., 2012.
13. Воронцов А. М., Горячко М. Д., Калуцкова Н. Н. [и др.]. Орловская область // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/5773427> (дата обращения: 24.04.2023).
14. Гавритухин И. О. Лука-Райковецкая // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/archeology/text/2150186> (дата обращения: 24.04.2023).
15. Гавритухин И. О. Пеньковская культура // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/archeology/text/2710933> (дата обращения: 24.04.2023).
16. Гавритухин И. О. Пражская культура // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/archeology/text/3165835> (дата обращения: 24.04.2023).
17. Герцен А. А. Историко-географический контекст перенесённых топонимов // Вопросы географии. — 2018. — № 146. — С. 27–73.
18. Герцен А. А., Костовска С. К., Нестерова Т. П. Загадки Василькова на Днестре: история, география, топонимия, архитектура // ИнтерКарто. ИнтерГИС. — 2021. — Т. 27, ч. 4. — С. 495–519. — DOI: 10.35595/2414-9179-2021-4-27-495-519.
19. Герцен А. А., Нестерова Т. П., Паскарёв Е. Г., Тельнов Н. П. На перекрёстке цивилизаций: прошество, время, наследие. Новейшие историко-географические исследования некоторых памятников Северо-Западного Причерноморья. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. — 416 с.

20. Горлов В. Н., Кренке Н. А., Павлинов П. С. [и др.]. Московская область // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/5699782> (дата обращения: 24.04.2023).
21. Горячко М. Д., Калуцкова Н. Н., Канищев В. В. [и др.]. Тамбовская область // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/5782386> (дата обращения: 24.04.2023).
22. Горячко М. Д., Калуцкова Н. Н., Комаров К. И. [и др.]. Ярославская область // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/4920317> (дата обращения: 24.04.2023).
23. Горячко М. Д., Калуцкова Н. Н., Кузьминых С. В. [и др.]. Пензенская область // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/2710193> (дата обращения: 24.04.2023).
24. Горячко М. Д., Калуцкова Н. Н., Николаенко Т. Д. Нижегородская область // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/5773005> (дата обращения: 24.04.2023).
25. Григорьев А. В. Роменская культура // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/archeology/text/3514556> (дата обращения: 24.04.2023).
26. Гриц А., Заяц Д. В., Зиннатуллина В. С. Владимирская область // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/5770471> (дата обращения: 24.04.2023).
27. Днестр // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/2629341> (дата обращения: 24.04.2023).
28. Замятина Н. Ю., Калуцкова Н. Н., Локтева Ж. В. Калужская область // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://old.bigenc.ru/geography/text/5772334> (дата обращения: 24.04.2023).
29. Магрицкий Д. В. Ока // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://bigenc.ru/c/oka-bassein-volgi-d5cdf0/?v=7096884> (дата обращения: 26.04.2023).
30. Неделин В. М. Орёл изначальный. — Орёл : Вешние воды, 2001. — 280 с.
31. Нерозник В. П. Топонимика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 516.
32. Паскарь Е. Г., Герцен А. А. Историко-географическая эволюция Бессарабии по сведениям старинных карт // ИнтерКарто. ИнтерГИС. — 2021. — Т. 27, ч. 4. — С. 415–433. — DOI: 10.35595/2414-9179-2021-4-27-415-433.
33. Паскарь Е. Г., Герцен А. А. Топоним Молдавия: древнейшие упоминания и новые этимологии // Русин. — 2016. — № 1 (43). — С. 9–35. — DOI: 10.17223/18572685/43/2.
34. Петрухин В. Я. Венеды // Большая российская энциклопедия // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : https://old.bigenc.ru/world_history/text/1907048 (дата обращения: 26.04.2023).
35. Поспелов Е. М. Географические названия Московской области : топоним. слов. : более 3 500 ед. — М., 2008. — 600 с.
36. Поспелов Е. М. Иллюстрированный атлас мира. География мира : новейший топоним. слов. : ок. 8 000 ед. — М., 2007. — 683 с.
37. Русанова И. П., Тимошук Б. А. Кодын — славянские поселения V–VIII вв. на реке Прут. — М., 1984.
38. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия до н. э. — М. : Наука, 1993. — 334 с.
39. Суперанская А. В. Структура имени собственного (фонология и морфонология). — М. : Наука, 1969. — 206 с.
40. Трубачёв О. Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Вопросы языкознания. — 2000. — № 5. — С. 4–27.
41. Трубачёв О. Н. Названия рек правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. — М., 1968.

Сведения об авторе

Герцен Андрей Артёмович — к.геогр.н., старший научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АТЛАС РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье обобщается опыт создания региональных топонимических атласов как составных частей Топонимического атласа России и намечаются перспективы дальнейших исследований в рамках этого проекта. Описываются этапы создания атласа, его структура и важнейшие результаты, полученные в ходе ареального изучения топонимии Рязанской и Тамбовской областей.

Ключевые слова: топонимические карты, топонимический атлас, Рязанская область, Тамбовская область; Московская область.

Россия занимает огромную по площади территорию, каждая территория уникальна по своему физико-географическому положению, истории, этническому составу и, как следствие, топонимическому ландшафту. Учет этих обстоятельств приводит к пониманию того, что создание Топонимического атласа России возможно только путем составления атласов отдельных ее регионов с последующим объединением полученных данных. Вопрос создания топонимического атласа начали обсуждать в СССР еще в 1972 г., в разработке концепции приняли участие ведущие топонимисты страны: Е. М. Поспелов, Г. П. Смолицкая, З. В. Рубцова, однако тогда для осуществления замысла не было необходимой научно-технической базы. С развитием компьютерных технологий и появлением специальных картографических ресурсов идея уже могла получить воплощение. Первый атлас, охватывающий территорию Рязанской области, вышел в свет в 2015 г. [Гордова, 2015]. Работа над его созданием заняла четыре года. В 2020–2022 гг. научной группой Института языкознания РАН и Института археологии РАН был подготовлен второй атлас — по Тамбовской области [Гордова и др., 2022 (2)]. Оба атласа создавались по одной методике и имеют единую структуру. Накопленный опыт позволяет подробно осветить этапы проекта, рубрикации итогового продукта и полученные результаты, которые можно использовать в дальнейших выпусках.

Работа над топонимическим атласом включает несколько этапов. Первый этап предполагает сбор и систематизацию топонимов исследуемого региона. Результатом этой работы должен стать каталог топонимов (список географических наименований), который может быть издан отдельной книгой. Такой каталог, как правило, является главным источником при работе над атласом; по завершении составления атласа список остается самостоятельным источником информации для дальнейших исследований по топонимике, этнографии, краеведению. При этом каталог должен регулярно обновляться, пополняться новыми топонимами, географическими и этнокультурными сведениями. В идеале такой планомерной работой занимается специальная рабочая группа, она может быть сформирована на базе вуза из числа студентов или на базе любого просветительского и информационного центра (например, библиотеки) из числа краеведов. Руководить работой по пополнению каталога должен ученый-топонимист.

В рамках проекта по созданию «Топонимического атласа Тамбовской области» был подготовлен и издан «Каталог топонимов Тамбовской области» [Гордова и др., 2022 (1)]. Для него удалось собрать около 4000 географических названий региона: рек, озер, поселений, лесов, урочищ, оврагов. Из редких типов объектов, названия которых вошли в список, можно выделить валы, кордоны, природные заказники. Территориально каталог охватил топонимию важнейших притоков Дона и Оки — Цны, Кашмы, Кёрши, Вороны, Матыры, Воронежя. Изданию «Топонимического атласа Рязанской области» также предшествовал выпуск каталога «Топонимия Рязанской области...» [Гордова, 2010]. Он охватил юго-западные районы области (правобережное Поочье), которые непосредственно граничат с территорией тамбовского каталога. В пограничных рязанских районах начинаются реки (например, Иловая, Воронеж), протекающие преимущественно по Тамбовской области, поэтому сведения первого каталога пригодились при составлении второго, а второй — позволил закончить описание бассейнов пограничных рек. А это значит, что планомерная

каталогизация регионов России позволит в будущем соединить всю собранную информацию в единый общероссийский каталог и информационную систему.

На втором этапе собранный материал подвергается детальному лингвистическому анализу. Для этого привлекаются специалисты по тем языкам, следы которых обнаружены в региональной топонимии или носители которых проживали ранее на исследуемой территории, а следовательно, могли принять участие в формировании топонимического ландшафта. В изучении тамбовской топонимии участвовали специалисты по финно-угорским (мордовским), иранским, тюркским, балтийским, русскому языкам.

В ходе анализа формируются группы топонимов с точки зрения их языковой принадлежности, типологии и лексико-семантических характеристик. Важно, чтобы сформированные группы представляли интерес для картографирования и показывали на карте действительно значимую информацию. Например, некоторые группы русских топонимов, построенные по типичным моделям, имеют повсеместное распространение на территории регионов и не обнаруживают ареальных характеристик. Для Тамбовской области такими являются топонимы в форме мн. ч. (Рогачи, Лепунцы), топонимы, построенные по модели: прил. + сущ. (Красный Городок, Высокий Бугор). В дальнейшем может оказаться, что и эти группы имеют ареальные показатели, но их можно увидеть только при составлении карт, охватывающих большие территории. Субстратная топонимия, как правило, всегда хорошо районирована, поэтому основное внимание при составлении топонимического атласа всегда направлено на нее.

В топонимии Тамбовской области выявлено 22 группы топонимов финно-угорского, иранского, тюркского, балтийского происхождения и 22 группы русских топонимов разных структурных и лексико-семантических типов. Отдельно были выделены топонимы, восходящие к именам или фамилиям тюркского и иранского происхождения (Белевитино, Сабуровка).

Третий этап работы включает составление топонимических карт. Современные программы позволяют создавать различные по содержанию и оформлению карты. Нами традиционно используется метод послонного картографирования, суть которого мы подробно изложили в работе «Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009-2019» [Гордова, 2020]. Карты атласа призваны показать распространение основных типов географических наименований различного происхождения. Как правило, удается подготовить серию карт, причем карт разного типа (сводные, детализированные).

Атлас Рязанской области включает 56 карт, атлас Тамбовской области — 30. Оба издания показывают распространение субстратной и иноязычной топонимии и предполагают отдельные издания по русской топонимии. В оба издания включены оригинальные археологические карты, обобщающие результаты новейших открытий в области археологии и показывающие местоположение известных памятников.

Картографируемая топонимическая информация может быть сопоставлена с географическими и археологическими данными по данному региону для получения более весомых выводов. Традиционно топонимические ареалы сравниваются с природными ландшафтами, со степными и лесными зонами, с зонами распространения археологических культур. Интересные данные могут быть получены при сопоставлении с ареалами флоры и фауны, так как отдельные группы топонимов отражают именно растительный и животный мир регионов, его состояние в прошлом.

С географической точки зрения топонимический атлас Тамбовской области интересен тем, что в междуречье Цны и Дона наблюдается резкий переход от зоны северной лесостепи к типичной лесостепи, и, как показали карты, это отражается на зонах распространения мордовской топонимии (в дремучих непроходимых лесах Пощенья) и топонимии кочевых народов (сконцентрирована в бассейне р. Вороны).

В Поочье ситуация более «спокойная», однако и здесь имеются различия в природных ландшафтах, что показывают и топонимические ареалы: левобережная часть Поочья (Мещёрская низменность) представлена большим многообразием субстратных типов, часть из которых не поддается языковой интерпретации, так как, очевидно, связана с исчезнувшими народами (мурома, мещера); правобережная часть (северная лесостепь) представлена финно-угорскими

типами (в частности, топонимами на *-лей*, *-ляй*), русской топонимией. Рязанская топонимия еще не подвергалась узкоспециальному изучению на предмет выявления в ней тюркского или иранского пласта, эту задачу предстоит решить в ближайшем будущем.

Четвертый этап работы над атласом — описание типов и ареальный анализ полученной картографической информации. В итоговом труде вся аналитическая информация дается в отдельном разделе. Каждый тип описывается по следующему плану: состав группы (отдельно гидронимы, ойконимы и микротопонимы), однотипные топонимы соседних территорий (факультативно), характеристика ареала, лингвистическая интерпретация данных и этимология, совмещение с ареалами неязыковых явлений. Атлас Тамбовской области содержит также материалы об общих и особенных чертах региональной топонимии и подробное описание топонимического ландшафта районов отдельных рек (Челновая, Сурава). Таким образом, сам топонимический атлас включает не только карты, но и результаты лингвистического и междисциплинарного исследования.

В заключение в обоих атласах представлена реконструированная история топонимической системы регионов.

В Рязанской области выделено более 30 типов неславянской топонимии. Ареалы топонимов с регулярными финальными элементами *-ур*, *-ор*, *-ар*, *-ер*, *-ма* приурочены к северо-восточной части региона. Типы на *-ор*, *-ар*, *-ур* соотнесены с финно-угорскими народами Поочья I тысячелетия н.э. и археологическими культурами рязано-окских могильников, древне-мордовской. Топонимы на *-га*, *-ля*, *-ляй*, *-лей* локализуются в восточной части области и тяготеют к течению Цны и Мокши, они также связываются с финно-угорскими языками. Балтийские названия обнаруживаются в юго-западной части Среднего Поочья, в бассейне Вожи, островками на левобережье Оки. Славянский пласт топонимов формируется в регионе с IX–X вв.

В Тамбовской области распределение топонимов (кроме иранских и русских) по территории обусловлено принадлежностью к двум бассейнам: Донскому и Окскому — и двум природным зонам: «лесной» и «степной». Группа топонимов иранского происхождения (Галдым, Арженка, Гуд, Заноба, Измар, Мучкап и др.) рассредоточены по территории, не образуя четкого ареала: в бассейнах Вороны, Воронежа, вдоль течения Цны. Иранский пласт сопоставлен с сарматами и рядом археологических культур эпохи бронзы и раннего железного века (срубной, поздняяковской, примокшанской и др.). Слабая изученность археологических памятников и вариативность объяснения иранских топонимов вследствие большого количества языковых заимствований не позволили сделать более точные выводы.

Группа топонимов финно-угорского (мордовского, преимущественно мокшанского) происхождения (Виникляй, Липляй, Парля, Инява, Пячка, Нару-Тамбов и др.) образуют плотный и четко выделяемый ареал в лесной зоне бассейна Цны, на юге и юго-востоке доходя до течения Вороны. Появление основной массы названий относится к периоду с VII–II вв. до н.э. до VIII–XII вв., когда здесь господствовала городецкая, а затем древнемордовская культура. Тюркские топонимы (Карачан, Елань, Токай, Алабуха, Миус, Чамлык и др.) локализуются в основном в юго-западной части области. Балтийская группа (названия с основами Сит-, Вяж-, Горит-, Чичер-, Клетин- и др.) образует два ареала: в бассейне Лесного Воронежа и Челновой — и в правобережной части Пощенья с небольшими участками бассейна Вороны. Появление пласта относится к IV–VI вв. Первые славянские названия могли появиться в регионе уже во II–VII вв. н.э., то есть намного раньше, чем славянские названия в рязанском Поочье, однако основной массив русской топонимии формируется лишь в эпоху позднего средневековья (XVII–XVIII вв.), после продвижения в зону лесостепи оборонительных засек Русского государства, то есть позже, чем в рязанских землях.

Материалы обоих региональных атласов в дальнейшем могут быть интегрированы в общероссийский топонимический атлас и скорректированы в случае открытия новых данных. Кроме того, по тому же образцу могут быть созданы атласы других регионов. В частности, научная группа приступила к предварительному этапу работы над атласом Московской области. Анализ карт этой территории показал высокую плотность топонимов, что связано с развитой системой поселенческих структур из-за близости к столице, и, как следствие, хорошую сохранность гидронимического фонда. Предварительная этимологизация географических названий говорит о наличии в московской топонимии (помимо русского) финно-угорского и балтийского

пластов. В то же время нельзя не отметить крайне низкую изученность региональной топонимии и малочисленность (а иногда и отсутствие) работ по комплексному обследованию отдельных районов, отдельных хронологических срезов. Всё это осложняет и работу над топонимическим атласом, так как требует проведения более глубоких и масштабных этимологических исследований до начала картографирования.

В целом работа над областным атласом позволяет решить следующие задачи: собрать и систематизировать большой корпус топонимов региона, составить серию топонимических и археологических карт, обобщить имеющиеся этимологические версии, выдвинуть новые этимологии для большой группы топонимов, выявить ареалы топонимов разной языковой принадлежности, дать подробное описание основных топонимических и языковых пластов, сопоставимых с ними археологических культур и природных зон, восстановить топонимическую историю региона.

Список источников

1. Гордова Ю. Ю. Топонимия Рязанской области (список географических названий). — Рязань : Рязань : Мир, 2010. — Ч. I : Современная топонимия, вып. I : Территория бассейна реки Прони. — 72 с.
2. Гордова Ю. Ю. Топонимический атлас Рязанской области. — М. : Наука, 2015. — 72 с.
3. Гордова Ю. Ю. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009–2019. — М. : ЛЕНАНД, 2020. — 128 с.
4. Гордова Ю. Ю., Мельник В. И., Гордов А. В. Каталог топонимов Тамбовской области / отв. ред. Ю. Ю. Гордова. — М. : ЛЕНАНД, 2022(1). — 120 с.
5. Гордова Ю. Ю. Топонимический атлас Тамбовской области / Ю. Ю. Гордова, В. И. Мельник, О. А. Мудрак, Ю. Б. Коряков, Е. М. Девяткина / отв. ред. Ю. Ю. Гордова. — М. : ЛЕНАНД, 2022(2). — 208 с.

Сведения об авторе

Гордова Юлиана Юрьевна — д.филол.н., ведущий научный сотрудник отдела прикладной лингвистики Института языкознания РАН (Москва, Россия).

Г. В. Звездава

ГИДРОНИМЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПРИ ИЗУЧЕНИИ РОДНОГО КРАЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Исходя из понимания языка как синтезатора, выразителя и создателя национальной культуры, в статье рассматривается изучение гидронимов с ориентацией на лингвокультурологический подход, т.е. с учетом соотношения языка и культурных концептов. Активное изучение гидронимов в последнее время вызвало всеобщий интерес к краеведению, а это однозначно способствовало более широкому изучению регионального уровня языка в целом, помогая тем самым активным образом выполнять краеведению основную задачу — выстраивать пространство любви к своей Родине, начиная от дома, в котором живет каждый из нас. В статье представлено учебно-методическое пособие «Гидронимы как источник лингвокультурологии при изучении родного края (на материале Липецкой области)» вместе с одноименным словарем (подготовлены к печати). Высказывается мысль, что такой единый учебно-методический и лексикографический комплекс может обеспечить не формальное, а поистине глубокое изучение в школе и вузе регионального компонента с опорой на науку, дает возможность проводить учителю творческие уроки по изучению имени собственного (в частности гидронимов) как источника знакомства с культурой и языком родного края.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, топонимика, топонимический комплекс и пласт, гидронимика, гидронимия, изучение гидронимов, родной край.

Само определение лингвокультурологии на данном этапе не сформировалось и не отстоялось в науке (см. работы В. В. Воробьева, В. И. Карасика, В. В. Красных, Ю. С. Степанова и др.)

[Воробьев, 1997; Колесов, 1992; Мансуров, 1897; Суперанская, 2007], а потому фактически не получило отражения в авторитетных словарях. И это вполне понятно. Все серьезные лингвотеории, включая теорию Сепира-Уорфа, исходят из главного посыла: язык является синтезатором, выразителем и создателем национальной культуры. Разумеется, в сложном их взаимодействии. Четко мысль о том, что язык является духом народа, выражена гораздо раньше в работах славянофилов и в работах В. фон Гумбольдта, что затем получило активное развитие на русской почве в трудах А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ и т.д.

Петербургская научная школа, во главе с В. В. Колесовым, предельно полно разработала и обосновала все эти постулаты с ориентацией на самый древний пласт русского языка и на русскую философию, раскрыв взаимообусловленность слова и мысли [Колесов, 2007; Колесов, 2002; Красных, 2002]. Понятно, что при таком подходе, все определения будут так или иначе «хромать», что очевидно и потому определению, что дает нам открытая энциклопедия Википедия: «Лингвокультурология — раздел языкознания, который изучает соотношение языка и культурных концептов» [Лингвокультурология].

Я бы не считала лингвокультурологию только разделом языкознания, это скорее новой феномен как результат онтологического единения, точнее единства слова и культуры, что раскрывается в концепте и его развитии от образа до символа, если концепт понимать как *conceptum* («зародыш»), а не *conceptus* («понятие»). Трактовка концепта как понятия искажает истину о слове как феномене, ограничивая его содержание понятием, то есть переводит слово из самого универсального феномена бытия в категорию логики (см. упомянутые выше работы В. В. Колесова, Г. В. Звездовой, а также сборники конференций) [Колесов, 2002; Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков; Щеулина, 2006].

Условно данное определение можно принять в качестве рабочего, если постоянно помнить о культурном (духовном) содержании слова, в особенности имени собственного, и о духовности как ведущей категории русской ментальности [Звездава, 2016]. Отсюда особый разговор о дружбе лингвокультурологии с краеведением как сугубо русским феноменом нашей культуры. Вместе с тем нельзя забывать, что топонимия (гидронимия как ее часть) — особый пласт лексики, изучение которого требует своей специфики, ибо процесс возникновения и формирования имен собственных подчиняется не только законам языка, но их система является культурным кодом нации. Следствие этого — теснейшая связь топонимики и гидронимики как ее части с другими науками и дисциплинами: историей, филологией, географией, этнографией, искусствоведением и культурологией. Последняя в единении с лингвистикой являет собой лингвокультурологию, которая служит самым прочным фундаментом для живого, чуждого схоластике, образования и воспитания [Карасик, 2002].

В эпоху чудовищного разрушения русской культуры в целом, русского слова, русской литературы, именно лингвокультурология может самым активным образом принять участие в возрождении русской культуры, русского мировоззрения и русских традиций [Звездава, 2016].

Активное изучение гидронимов в последнее время вызвало всеобщий интерес к краеведению, а это однозначно способствовало более широкому изучению регионального уровня языка в целом, который включает диалектный пласт лексики, к сожалению, несправедливо, катастрофически быстро уходящий, можно сказать, изгоняемый из современного русского языка в целом, как и из поля имени собственного. Изучение гидронимии в лингвокультурологическом аспекте помогает самым активным образом выполнять краеведению основную задачу — выстраивать пространство любви к своей Родине, начиная от дома, в котором живет каждый из нас [Родного края корни и листва, 2008].

Без активного проявления и утверждения этого фактора невозможно воскрешение нашей русской школы в широком смысле этого слова, пробуждение душ наших детей, их гражданского достоинства. Огромный опыт по изучению имени собственного, в частности гидронимов, приобретенный в работе со школьниками и студентами, а также в фольклорно-диалектологических экспедициях, позволяет выстроить оптимальную методику и методологию такого изучения. Итогом его является написание нами учебно-методического пособия «Гидронимы как источник лингвокультурологии при изучении родного края (на материале Липецкой области)». Вместе

с этим был составлен словарь с одноименным названием (пособие и словарь подготовлены к печати) [Звездова, 2023; Звездова, 2016]. Только такой единый учебно-методический и лексикографический комплекс может обеспечить не формальное, а поистине глубокое изучение в школе и вузе регионального компонента с опорой на науку, дает возможность проводить учителю творческие уроки по изучению имени собственного (в частности, гидронимов) как источника знакомства с культурой и языком родного края [Звездова, 2014]. Стандартные же уроки не предполагают подобное изучение. К тому же обращение школьников к помощи Интернета нередко не обеспечивает учеников информацией на должном уровне, а безответственно уводит их от истины. С учетом всех указанных моментов и факторов, выстраивалось данное пособие.

Гидронимы как разновидность топонимов представляют особую группу имен, которая связана с водой и водной стихией. С ними человек сближен особым образом, ибо вода является необходимым условием существования человека, источником жизни на земле. С самого начала люди поклонялись водной стихии. О водесуществует множество легенд, поверий, пословиц. Имена водных ориентиров — самые древние названия у всех народов. Все это является духовным содержанием русского человека, которое должно бережно передаваться от одного поколения к другому.

С учетом всех факторов и моментов специфики гидронимов наше пособие включает соответствующие разделы, позволяющие рассматривать лингвокультурологическую специфику этих собственных имен.

Первый раздел «В мире названий» содержит сведения об ономастике как лингвистической дисциплине, ее структурных типах, месте гидронимики в ней. А также дает информацию о специфике гидронимов, их взаимодействии с другими классами собственных имён [Звездова, 2023].

Второй раздел «Происхождение гидронимов» призван познакомить с терминологией по данной теме: топонимический комплекс, топонимический пласт. Обращаясь к истории Липецкой области, объяснить наличие в ее гидронимии самых разных пластов — индоевропейского, иранского, тюркского, финно-угорского, славянского; проследить миграции населения, особенности и время переселения народов. В разделе представлен этимологический анализ географических названий Центрально-Черноземного района.

По мнению известного топонимиста В. А. Прохорова, топонимический комплекс представлен несколькими топонимическими пластами. Почти по всей территории отмечен наиболее древний и крайне редкий пласт ираноязычных названий (Дон, Усмань, Снова). Слабо, с точки зрения исследователя, выражен финно-угорский пласт (Красивая Меча, Мечек, Телелюй, Малая, Кисляй). На юго-восток области немного заходит пласт тюркской топонимии (Битюг, Чамлык, Аксай). И по всей области распространяется мощный славянский пласт. Тут и остатки древнерусской топонимии (Излегоща, Воргол, Елец, Ратчино), и огромное количество русских названий (Липовка, Березовка, Хлевное, Красное, Грязи, Ягодное и многие другие) [Славные имена земли Липецкой, 2007]. Смещение разных пластов на территории Липецкой области имеет свои причины. Главная из них: область была образована в двадцатом веке и вобрала в себя не только территории соседних областей (Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской), но и диалектные особенности языка, топонимическое разнообразие. В научной среде нет разногласий по вопросу территориального расположения топонимических пластов, что исторически обусловлено [Лингвокультурология].

Топонимы иранского происхождения в пределах Центрального Черноземья sporadически встречаются почти повсеместно, не образуя, однако, компактного ареала или зон своего явного преобладания. Некоторые из них уже в древности утратили первоначальный вид и стали фактически славянскими. Усмань — Эсмань в ряде случаев калькирована (переведена) в Каменку, Деуина переосмыслена в Девину и Девицу.

В. П. Загоровский высказывает версию тюркского происхождения таких топонимов на территории Воронежского края, с которым граничит Липецкая область, как Курлак, Чигла, Хава [Загоровский, 1973]. Следы поселений абашевской культуры находятся на реке Красивая Меча. А само название реки финно-угорского происхождения, как и Мечек, Малая. Абашевские стоянки найдены по берегам рек Дона (Конь-Колодезь, Вознесенка), Воронежа (Липецк, Вербилово,

Карамышево), Сосны (Малаховщина, Нижний Воргол, Елец), Матыры (Ярлуково, Каменное, Грязи) [Степанов, 1997]. Топоров В. Н. считает, это свидетельствует о присутствии здесь групп финно-угорского (мордовского) населения [Топоров, 1962].

Топонимия свидетельствует об очень давнем поселении славян на Липецкой земле. Это, например, гидронимы Излегоща, Ратчина Поляна, которые являются очень ранними славянскими топонимами. К очень старым славянским топонимам, появившимся или во время монголо-татарского ига, или в домонгольский период, относятся названия лесов: Радушкин на территории Елецкого района. Романцов, Жиров и Тербунский — в Данковском районе. Древними можно считать и топонимы Домачи, Домовины, Ериловка, Конь-Колодезь, Ярославы [Степанов, 1997].

Итак, этимологический анализ географических названий Центрально-Черноземного региона показывает наличие здесь довольно большого числа топонимов, значения которых раскрываются через финно-угорские, тюркские, иранские, балтийские и славянские языки.

В третьем разделе «Словообразовательные модели гидронимов» анализируются топоформанты, которые тесно связаны с происхождением гидронимов, трансформацией их названий. Выявляются продуктивные и непродуктивные способы номинации и образования гидронимов.

Четвертый раздел «Водные ресурсы Липецкой области» дает представление о богатстве Липецкой области, которое создают родники и источники, реки большие и малые, озера, болота. Уместен в данном случае разговор «Река моего детства» или домашнее сочинение на эту тему.

Пятый раздел «Гидронимы Липецкой области в фольклоре и художественной литературе» посвящен обзору литературы о Липецкой земле, с ним связаны имена поэтов и писателей, в произведениях которых нашли отражение ееприрода и история (И. С. Тургенев, М. М. Пришвин, А. И. Левитов, Е. И. Замятин, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин и др.) [Звездова, 2014].

Шестой раздел «Экологический взгляд на гидронимы Липецкой области». Главная мысль урока и внеклассного мероприятия на эту тему: не следует прагматично подходить к рекам, рассматривая их только как источник питьевой воды и ресурсов, ибо реки — это часть нашей жизни, связующие звенья с предками, историей народа. Реки, озера, родники — часть духовного наследия русского народа и всего человечества.

Седьмой раздел — «Нестандартные уроки в методике русского языка и УМК» — посвящен рассмотрению нетрадиционных форм урока, принципов, их видов. По традиционной классификации, это уроки на основе деятельностного подхода: урок-путешествие, урок-экскурсия (очная и заочная), игровые уроки, проектные и интегрированные. Такого рода уроки позволяют использовать то лучшее, что есть в наших просветительских традициях [Карасик, 2002].

Восьмой и девятый разделы — «Система уроков по гидронимике в 7–8 классах. Мини-проекты» и «Проектная деятельность в школе. Требования к проекту». Разработана многоступенчатая система проектной деятельности с начальной до старшей ступени образования. Предлагаются темы и образцы мини-проектов.

В пособии имеется приложение, в котором отражены нетрадиционные формы занятий, прежде всего с учащимися 7 и 8 кл. Предполагается проведение литературно-фольклорного фестиваля «Реки Липецкого края в песнях, легендах, мифах». Рекомендуются проведение уроков по работе с текстами «Задонщины», «Слова о полку Игореве», старинных казачьих песен, топонимических легенд, анализ встречающихся в них гидронимов. Дается программа турнира знатоков родного края, программа фотоконкурса, конкурса чтецов, предлагается работа над этимологией гидронимов, программа пресс-конференции «Экологический взгляд на гидронимию Липецкого края» и др.

Знать природные богатства родного края, его природу, его культуру, раскрываемые с помощью гидронимики, гордиться ими и родным языком, быть равнодушным к экологическим проблемам — цели, которые должен ставить перед собой каждый мыслящий и чувствующий человек, гражданин своей страны. Пособие по гидронимии Липецкой области должно помочь в достижении этих целей. Оно обращено ко всем, кто стремится больше узнать о родном крае, помогает нам проникнуть в тайны нашего бытия, созданного Творцом, отвечающего Человеку и человечности, для существования которых сейчас возникла серьезная угроза.

Пособие позволяет предложить наиболее полную картину изучения гидронимов в лингвокультурологическом аспекте. Однако только в единстве с полным лексикографическим описанием,

которое дано в одноименном словаре, дает школьнику и студенту возможность анализировать с опорой на науку эту весьма своеобразную группу собственных имен разносторонне и глубоко.

Предлагаемый вниманию читателей словарь является опытом комбинированного лексико-энциклопедического словаря на материале гидронимов Липецкой области. Цель создания данного словаря — представить гидронимию области и региона в комплексе различных научных дисциплин и культурных традиций [Звездова, 2016]. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: 1) составлен список названий водных объектов Липецкой области; 2) по материалам словарей выяснена этимология гидронимов; 3) систематизированы материалы определены принципы называния водных объектов области и региона; 4) подобран и систематизирован материал, иллюстрирующий историю и современность, культуру и традиции области и региона; 5) сделаны выводы по результатам исследования.

В своей основе словарь традиционен. Даются географические ориентировки: к бассейну какой большой реки относится данный водный объект, чьим притоком, если речь идет о реке, является. Предлагаются варианты толкования происхождения и этимологии гидронима. В словарь включены гидронимы соседних областей с указанием региона на том основании, что, даже не размещаясь на территории Липецкой области, они относятся к бассейнам одних рек, имеют истоки и притоки на территории Липецкой области. Привлекаются данные словарей не только Центрально-Черноземного района России (Воронежской, Тамбовской, Курской областей), но и Рязанской, Вологодской, Нижегородской и др. А также ближнего (Украина, Белоруссия) и дальнего Зарубежья. Таким образом, липецкая гидронимия вписывается в контекст гидронимии и региональной, и мировой.

Словарь включает 270 словарных статей. В их числе большие и малые реки: Анна, Битюг, Быстрая Сосна, Воргол, Воронеж, Девица, Дон, Красивая Меча, Кшень, Лапоток, Лукмос, Матыра, Олым, Пальна, Репец, Студёновка, Телелюй, Усерт, Усманка, Хопер, Чамлык, Чичора, Ясенюк и др. В словаре представлено достаточно много названий озер, болот, ручьев. Обозначены святые источники, указано их местоположение: источники различных икон Божией Матери (Иверской, Казанской, Владимирской, Смоленской и др.), источник Двенадцати апостолов, Николая Чудотворца, Тихона Задонского и др. [Звездова, 2016]. Так даже весьма неполная картина иллюстраций из словаря говорит о том, как многопланово и всестороннее характеризуются водные объекты.

Структура словарной статьи включает в себя заглавный гидроним и его варианты привязкой к административному устройству Липецкой области и гидрографическим сетям или бассейнам рек. Главная часть словарной статьи посвящена этимологиям основы (приводятся все ранее опубликованные и, по необходимости, новые авторские версии). Затем даются отсылки к гидронимам, образование которых семантически либо мотивационно близко основе заглавного гидронима. Отдельно характеризуются словообразовательные форманты также с отсылкой к другим гидронимам.

Учитывая это, авторы словаря поставили перед собой задачу: расширить информационное и образовательное пространства словаря за счет включения в словарную статью дополнительной информации. Ее содержание: исторические события, связанные с водным объектом; информация о хозяйственной деятельности предков; физико-географические особенности местности; сведения о знаменитых людях, родившихся или проживавших в населенных пунктах, расположенных на берегах описываемых рек и озер; информация о верованиях и традициях, славянские и христианские легенды о реках, озерах, родниках; православные традиции, касающиеся особенностей воды, характеристика святых источников, цитаты из православной литературы; информация об экологии липецких водоемов; о системе особо охраняемых природных территорий; фольклор, отражающий результаты многовековых наблюдений русского народа за уникальными свойствами воды [Звездова, 2016].

Таким образом, информационное и образовательное пространство настоящего словаря расширяется за счет системы справок. Сюда входят: историческая, лингвистическая, культурологическая, геофизическая, географическая, экологическая, этнографическая справки. В словарь включены рубрики «Удивительно, но факт», «Магия рядом с нами», «Славные имена».

Так, например, словарная статья об озере Коловертное дополнена подробной культурологической справкой:

Коловертное — оз. 1. Название, возможно, связано с водообменом, подчеркивает бурные течения на поверхности по кругу. Ср.: Кольвань (Кольванья) — левый приток Цны, Тамбовская область. 2. Одно из древнейших общеиндоевропейских наименований Солнца — Коло (отсюда и "кольцо", и "колесо", и "колокол"). В древности ему соответствовало языческое солнечное Божество Коло-Коляда, в честь которого справлялся праздник колядования (день зимнего солнцестояния) и пелись архаичные обрядовые песни — колядки, носящие отпечаток древнего космистского мировоззрения <...> [1].

Озеро Коловертное, расположенное в левобережной пойме р. Воронеж, является памятником природы регионального значения. Территориально это часть зоологического заказника «Колодецкий».

Культуроведческая справка: «Именно от имени древнего Солнцебога Коло-Коляды и возникло название реки Колы и всего Кольского полуострова, где жили, по мнению историков, древние гиперборейцы. Аристотель объединял так называемые гиперборейские народы и скифов-русов. Помимо греков и римлян, мистические земли и ее жители упоминались у индийцев («народ, живущий под Полярной звездой»), иранцев, китайцев, в германских эпосах и т.д. В своих «Центуриях» Нострадамус называл россиян народом гиперборейским. Гиперборея (она же Арктида) — праматерь всей мировой культуры, страна известная нам из античных манускриптов. Местоположение — север Европы. Предполагается, что следы этой древнейшей цивилизации найдены на Кольском полуострове. Не приходится сомневаться, что древняя Гиперборея имеет непосредственное отношение к древнейшей истории России, а русский народ и его язык напрямую связаны с исчезнувшей легендарной страной гиперборейцев и т.д. <...> [Волошина, 1996].

Словарная статья о реке Девица содержит детальное и очень подробное описание этимологии гидронима (дается четыре варианта происхождения этого названия, в одном из них говорится о том, современный облик гидроним принял, скорее всего, под влиянием цуканов). В связи с этим она сопровождается этнографической справкой о цуканах. Словарная статья о реке Кшень помимо дополнительной экологической и лингвистической информации включает рубрику «Славные имена» (о А. М. Селищеве, который здесь родился и в исследовал родные ему воловские говоры [Славные имена земли Липецкой, 2007]).

Наш словарь предлагает не окончательные толкования названий рек и озер, скорее, обзор этимологии, обнародованных в печати версий. При необходимости даются ссылки на наиболее ранние примеры фиксации гидронимов в памятниках письменности.

Словарь предназначен для широкого круга читателей, поможет любознательным и ищущим сориентироваться в информационном потоке, найти необходимые сведения по интересующей их теме. Возможно, пробудит интерес к топонимике, к истории родного края, любовь к которому может начаться, как, например, у известного публициста В. М. Пескова, с проникновенного чувства к реке детства: «Для меня эта речка была первой и едва ли не главной жизненной школой. Если бы спросили: что всего более в детстве помогало тебе узнавать мир? Я бы ответил: речка».

Итак, изучая таким образом гидронимы, мы сталкиваемся с явлением концепта, представляющего слово как самый универсальный феномен бытия и являющегося главной единицей концептологии, которая включает в себя духовное и культурное содержание слова. В этой связи культурная составляющая концепта отсылает нас к слову как главному источнику его содержания. Пласт собственного имени в этом отношении особенно показателен и ценен, ибо те же гидронимы уникальны по своей специфике, подобно тому, как и русская антропонимическая система в целом неповторима. При этом мы должны принимать во внимание смену исторических эпох, движение населения, взаимодействие культур, соотношение традиций и верований, опираясь, прежде всего, на лингвистические данные. В этом наш материал ждет дальнейшего исследования в перспективе развития науки и позволяет оставлять широкое творческое пространство и для учителей и школьников, для преподавателей вузов и студентов. Наше исследование может явиться примером, иллюстрирующим широкий подход к изучению гидронимов с опорой на науку, который может быть использован как при изучении имен собственных, так и при изучении различных разделов русского языка: этимологии, истории слов, исторического словообразования и т.д. Материалом при этом может служить русский язык в целом, а также языковой материал любого региона.

Список источников

1. Волошина Т. А. Языческая мифология славян. — Ростов н/Д. : Феникс, 1996.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология (Теория и методы). — М. : Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 1997. — 331 с.
3. Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. — Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. — Ч. 1. — 299 с.
4. Загоровский В. П. Историческая топонимика Воронежского края. — Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1973. — 136 с.
5. Звездова Г. В. [и др.]. Гидронимы как источник лингвокультурологии при изучении родного края (на материале Липецкой области) : учеб.-метод. пособие. — Липецк, 2023 (в печати).
6. Звездова Г. В. К вопросу о составлении регионального словаря «народных слов» (на материале текстов А. И. Эртеля и А. И. Левитова) // Слово. Словесность. Словесник : материалы межрегион. науч.-практ. конф. — Рязань, 2016 — Вып. 3. — С. 32–36.
7. Звездова Г. В., Руднев Е. Н. Отражение ментальности в слове. Целостность как основа русского мировосприятия (по материалам толковых словарей XIX в.) // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — С. 77–80.
8. Звездова Г. В. Слово — путь и инструмент познания мира. Русская словесность — основа возрождения российского образования как важнейшей составляющей нашей культуры // Terra Культура. — № 10 «Культура — Общество — Человек». — URL : <https://terra.lgaki.info/terra-kultura-10> (дата обращения: 25.04.2023).
9. Звездова Г. В. Углубленное изучение словообразования в школе : элективный курс : учеб.-метод. пособие / Г. В. Звездова, И. В. Белоглазова. — Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. — 126 с.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.
11. Колесов В. В. Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. — 1992. — Вып. 3, № 16. — С. 16–25.
12. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2007. — 619 с.
13. Колесов В. В. Философия русского слова. — СПб. : Юна, 2002. — 444 с.
14. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. — М. : Гнозис, 2002. — 284 с.
15. Мансуров А. Два слова о Нижегородской архивной комиссии. — Рязань, 1897.
16. Прохоров В. А. Надпись на карте. Географические названия Центрального Черноземья. — Воронеж : Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1977. — 192 с.
17. Родного края корни и листья... : учеб. пособие / [Г. В. Звездова [и др.]]. — Липецк : ЛГПУ, 2008. — 230 с.
18. Славные имена земли Липецкой : биограф. справ. об известных писателях, ученых, просветителях, деятелях искусства / [авт.-сост. А. И. Тамбовская]. — Липецк : Ред. газ. «Де-факто», 2007. — 448 с.
19. Смолицкая Г. П. Занимательная топонимика : кн. для учащихся ст. классов. — М. : Просвещение, 1990.
20. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. — М. : Шк. «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
21. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — 2-е изд., испр. — М. : URSS, 2007. — 366 с.
22. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — 271 с.
23. Учитель — начало всех начал: школа в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / [редкол. : Г. В. Звездова (отв. ред.) [и др.]]. — Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. — 297 с.
24. Щеулина Г. Л. Топонимика Верхнего и Среднего Подонья в этнокультурном и антропоцентрическом аспектах. — Липецк : ЛГПУ, 2006. — 144 с.
25. Лингвокультурология. — URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лингвокультурология> (дата обращения: 25.04.2023).

Сведения об авторе

Звёздова Галина Васильевна — д.филол.н., профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского (Липецк, Россия).

Н. А. Красовская

ТОПОНИМЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ВОЕННОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена анализу некоторых топонимов, встречающихся в районной прессе периода Великой Отечественной войны. Топонимический материал, по мнению автора, может быть проанализирован на разных основаниях. В статье приводятся примеры топонимов, выбранные из газеты «Белевская правда» Белевского района Тульской области.

Ключевые слова: районная газета; топонимы; классификация; история; Великая Отечественная война.

Чем дальше уходят от нас годы Великой Отечественной войны, тем больше внимания мы уделяем сведениям, связанным с прошлым. Газеты, которые выходили на территории тех или иных регионов в разные годы и десятилетия, не получили пока значительного и полного описания, хотя содержат много интересных фактов. Нельзя считать окончательно изученными и региональные газетные издания периода Великой Отечественной войны.

Можно обратиться к работам представителей различных направлений лингвистического знания, которые полагают, что язык газет является довольно интересным материалом для проведения анализа с получением последующих системных выводов. Так, А. Р. Азнабаева утверждает: «Язык средств массовой информации в силу своей специфики является предметом постоянного научного исследования лингвистов, историков, культурологов, социологов и психологов. Изучая газетные, и журнальные тексты, можно составить четкое представление о времени и эпохе» [Азнабаева, 2010]. С этими словами невозможно не согласиться, так как язык СМИ всегда был зеркалом эпохи. Но изучение материалов региональных газет дает еще и много сведений о самом регионе, о региональных языковых особенностях. Об этом же рассуждает Е. И. Какконен: «Анализируя особенности региональных СМИ, можно выделить характерные черты, свойственные областным и районным газетам...» [Какконен, 2015: 16]. В. И. Ивченков также отмечает: «Язык районной газеты всегда отличался в сторону живости, большей образности, стилевого взаимопроникновения текстов разных жанров. Он был ближе к народу...» [Ивченков]

Районная пресса военных лет содержит много различной информации, которая в том числе интересна и лингвистам. Так, мы уже достаточно подробно на протяжении ряда лет рассматриваем особенности употребления оценочной лексики на страницах региональной прессы, военной лексики. Помимо этого, нами были проанализированы некоторые антропонимы, особенности оформления заголовков. [См. об этом, например, Красовская, 2021].

Таким образом, мы пролагаем, что языковое оформление региональной прессы военного периода может дать достаточно богатую почву для проведения анализа. Нами было отмечено в ходе проведения наблюдений, что газеты военного периода содержат разнообразную информацию, так или иначе связанную с топонимами.

Остановимся на газете, которая выходила на территории Белевского района Тульской области. В нескольких словах охарактеризуем район. Наш исследовательский интерес к материалам именно этих газет далеко не случаен. Белевский район является одним из старейших в Тульской области, он имеет сложную и богатую историю. Город Белев находится на реке Оке. В целом Белевский район можно отнести к аграрным районам Тульской области. В период Великой Отечественной войны район был оккупирован, часть района находилась в оккупации вплоть до 1943 года. А сам город Белев считался верхним выступом во время Курской битвы.

Газета «Белевская правда» [Газета «Белевская правда»] выходила достаточно регулярно, в неделю могло выходить до пяти номеров. В период великой Отечественной войны издание газеты прекращалось лишь в самый острый период оккупации, то есть когда был оккупирован районный центр.

Мы проанализировали материал, который был представлен в газетах 1941 года, то есть в период начала Великой Отечественной войны. Выбор в данном случае связан с тем, что газетные материалы именно этого времени мы рассматривали на предмет выявления других языковых особенностей достаточно часто, то есть именно эти газеты оказались исследованными нами в большей степени, чем другие.

На наш взгляд, встречающийся в газетах топонимический материал можно разделить на несколько разновидностей.

В связи с сообщениями военного времени и спецификой ведения военных действий в районных газетных материалах в большом количестве встречаются топонимы, которые становятся свидетелями движений армий двух противоборствующих сторон по территории Советского Союза после нападения фашистских войск. Именно поэтому в региональной прессе отмечаются названия населенных пунктов, которые связаны с ведением военных действий. Так, в номере от 23 июня 1941 года (Заметим, что это первый военный номер!) в выступлении Молотова уже встречались такие топонимы, как *Житомир, Киев, Севастополь, Каунас*.

Интересно отметить, что в номере от 24 июня 1941 года еще упоминается Киев как не оккупированный город, в котором горожане слушают постановления верховных органов власти СССР. А в региональной газете «Белевская правда» от 25 июня 1941 года уже говорится о том, что гитлеровские войска после тяжелых боев потеснили наши части прикрытия и заняли *Ломжу, Кольно, Брест*. Таким образом, все чаще на страницах региональной газеты появляются очень известные или неизвестные топонимы, которые постепенно становятся символами либо тяжелых боев, либо сложной оборонительной операции. Многие из них оказались вписаны огненными буквами в историю Великой Отечественной войны.

Однако надо говорить и о том, что военная тайна не всегда позволяла в ходе проведения военных операций точно именовать населенные пункты, поэтому появлялись такие варианты обозначений, как «*в районе N...*», в «*N-ской части*». Но в материалах самого начала войны таких употреблений встречается мало.

К этой первой большой группе названий, не носящих региональной привязанности, можно также отнести топонимический материал, который не связан с проведением военных действий. Это различного рода сообщения, которые содержат в себе информацию о мирном труде, мирной жизни на тех территориях, куда не дошла война.

Можно говорить о том, что постепенно на страницах газет формируется известное противопоставление в восприятии названий населенных пунктов: мирный — охваченный огнем войны — оккупированный. Определенные топонимы на тот или иной период становятся символами либо несчастной судьбы оккупированной территории, либо сопротивления и борьбы, либо мирного, созидательного труда. Таким образом, видимо, и районная пресса отражала процесс, пусть и временный, символизации значений топонимов. Но, подчеркнем: безусловно, эти наблюдения можно отнести и к центральной печати, так как основная масса сообщений с фронта все-таки была связана с центральными СМИ, но тут нам хочется отметить, что и региональная пресса не была их лишена.

Естественно, что районные газеты не могут не содержать материал, который имеет отношение к названиям мест, расположенных на той территории, где издается газета.

Если принимать во внимание факт, что газета издается, пока сами населенные пункты не оказываются в оккупации, то можно говорить о том, что все топонимы, которые встречаются в районной прессе, называют поселки, городки, деревни, хутора, выселки, жители которых занимаются созидательным трудом на благо победы над врагом.

Например, в первом военном номере встречаются такие названия населенных пунктов Белевского района, как село *Зайцево*, жители которого выражали возмущение фашистскими действиями (от 23 июня 1941). А в заметке «Победа будет за нами» от 24 июня 1941 года упоминается *Стрелецкий сельский совет*.

Надо отметить, что региональный топонимический материал свидетельствует о том, как развивалась мирная жизнь района в первые военные дни. Так, мы встречаемся с заметками, которые указывают на активную работу жителей многих населенных пунктов. Например, в номере от 25 июня в заметках «За культурную советскую торговлю», «Завершают подготовку к уборке» встречаемся с такими топонимами, как *Мишенское* (кстати, известное название населенного пункта, в котором родился великий русский поэт Василий Андреевич Жуковский) и *Мишенский сельсовет*. Помимо этого, в заметках отмечаются названия *Ровенский* (в послевоенные годы это известное место, которое прославилось своим садоводческим хозяйством, ровенские яблоки до сих пор пользуются большой популярностью у потребителей). Встречаемся с названием *Кузнецовский сельсовет*, который существовал в селе Кузнецово. В небольших заметках, которые отражают разные стороны жизни населения Белевского района периода начала Великой Отечественной войны, встречаются и другие названия, например *Железницкий сельсовет*, *Бобриковский сельсовет*. Названия этих сельсоветов образованы от известных и теперь названий населенных пунктов Белевского района: *Железницы* и *Бобрики*. В номере от 25 июня 1941 года встречаем такие названия, как *Каменка*, *Ганьшино*. Они расположены в разных частях Белевского района. В этом же номере «Белевской правды» в заметках, которые посвящены разнообразным сторонам жизни района военного времени, используются такие названия, как *Бутырский*, *Давыдовский*, *Ретюньский*, *Пронинский*, *Стрелецкий*, *Бабынинский*, *Бобриковский*, *Петрищевский*, *Сытичевский*, *Бедринский*, *Черногрязевский сельские советы*. Само разнообразие говорит о том, что сельских советов, которые существовали на территории района в период начала Великой Отечественной войны, было очень много. Жители этих территорий вели активную созидательную жизнь, самих жителей в населенных пунктах пока еще тоже было достаточно много.

Таким образом, изучая материал нескольких номеров одной районной газеты, можно говорить о том, как строилась жизнь населения этого района в самом начале Великой Отечественной войны.

Выбранный из материалов районной прессы военного периода топонимический материал можно уже в ретроспективном плане поделить на тот, который сохранился как активный топонимический материал в наши дни, то есть сохранились сами населенные пункты, они не были переименованы, и тот топонимический материал, который фактически исчез из современного употребления, либо исчезли сами населенные пункты, либо они были переименованы. Так, в номере от 25 июня 1943 года в заметке «С чувством советского патриотизма» указывается на *Величненский сельский совет* (кстати, *Велична* прославилась залежами своей фаянсовой глины). Сейчас на карте Белевского района мы найдем трансформации: *Новая Велична*, *Старая Велична*. Можно приводить и другие примеры того, что газета становится при внимательном ее изучении памятником ушедших названий, следовательно, и памятником жителям сельской местности, памятником всем ушедшим в небытие селам...

Надо сказать, что таким образом региональная пресса свидетельствует об изменениях, которые связаны с судьбой топонимов в нашем регионе. Материал военной прессы военного периода можно считать в этом смысле материалом историческим.

Отдельно можно сказать о том, что, как мы отметили выше, очень часто от названий населенных пунктов образуются производные названия сельских советов, которые с грамматической точки зрения, являются относительными прилагательными. Названия сельских советов напрямую связаны с топонимами и указывают на соотношение с местом проживания, но эти названия больше относятся к административным объединениям, поэтому мы их лишь условно можем отнести к топонимам. Скорее, их можно причислять к оттопонимическим образованиям.

Также скажем о том, что районная газета периода начала 40-х годов XX века является примером и употребления топонимов в речи, их изменения или не изменения. Например, можно обратить внимание на такую фразу: «*Морозов ни разу не был в магазинах в Мишенском, Каменке, Ганьшине*» (от 25 июля 1941 г.). Топоним *Ганьшино* в данном примере изменяется, в настоящее время вызывают большие споры изменения подобных топонимов.

Таким образом, материал районной газеты позволяет сделать выводы нескольких уровней. Во-первых, публикации в районной газете дают возможность наблюдать, как соотносятся на страницах одного издания топонимы, относящиеся к району, в котором издается газета, и топонимы,

которые к этому району не относятся. Вследствие начала военных действий топонимы приобретают стратегическое значение. Их использование на страницах районной газеты показывает, как они постепенно становятся частью военной истории, как входят в сознание масс и становятся своего рода символами трагических и героических военных событий.

Названия же местных населенных пунктов дают возможность делать наблюдения экстралингвистического характера о том, чем занималось местное население во время войны, как жил район. С другой стороны, можно обратить внимание на факты лингвистического характера: как используются названия, в речи, как участвуют в процессе словообразования и словоизменения.

В целом можно говорить о том, что изучение топонимов, выбранных из материалов газет военного периода, — это перспективное направление, так как позволяет рассматривать как факты внеязыковые, так и факты языковые в процессе их изменения.

Список источников

1. Азнабаева А. Р. Эволюционные процессы в языке региональных средств массовой информации конца XX — начала XXI вв.: на материале качественной и массовой прессы Республики Башкортостан : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2010. — 25 с. — URL : <https://www.disscat.com/content/evolyutsionnye-protsessy-v-yazyke-regionalnykh-sredstv-massovoi-informatsii-kontsa-xx-nachal/read> (дата обращения: 26.04. 2023).

2. Белевская правда : газ. — URL : http://data.tularlic.ru/newspaper/Belevskaya_pravda/1941/ (дата обращения: 26.05. 2023).

3. Ивченков Виктор. Речевая культура региональной газеты (комментарий к употреблению морфологической формы *по приезде*). — URL : <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/217163/1/104-109.pdf> (дата обращения: 27.05. 2023).

4. Какконен Е. И. Районные и областные газеты: лингвоспецифика выживания (на примере русскоязычных и англоязычных СМИ) // Вестник Новгородского государственного университета. — 2015.— № 87, ч. 1. — С. 8–15.

5. Красовская Н. А. Газетные заголовки в региональной прессе военного периода // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2021. — № 2 (41). — С. 114–128.

Сведения об авторе

Красовская Нелли Александровна — д.филол.н., профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (Тула, Россия).

Э. О. Пархоц

НАЗВАНИЯ ИСЧЕЗНУВШИХ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ В МИКРОТОПОНИМИИ ВЕРХНЕХАВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ *

Аннотация. В статье рассматриваются микротопонимы Верхнехавского района Воронежской области, связанные с названиями исчезнувших населённых пунктов. Выявляются особенности происхождения названий, их варианты, а также случаи несовпадения «народной» и «официальной» микротопонимии.

Ключевые слова: региональная ономастика, микротопонимия, ойконимия, Верхнехавский район, Воронежская область.

Исследование региональной микротопонимии является одним из популярных направлений современной ономастики, в том числе и в воронежской ономастической школе. В 2003 г. была

© Пархоц Э. О., 2023

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01737 «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект», <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>.

защищена кандидатская диссертация, в которой рассматривались принципы номинации, типичные для микротопонимии Воронежской области [Толбина, 2003]; с 2007 г. дополняется и переиздается словарь воронежских микротопонимов [Ковалёв, 2007]. Однако подробные микротопонимические словари отдельных районов области пока не составлены. Нами ведётся работа по созданию такого словаря для Верхнехавского района.

Источниками материала служат старинные и современные географические карты, результаты экспедиционных опросов жителей, краеведческая литература, районная пресса, интернет-ресурсы (форумы рыболовных клубов, группы сельских поселений в соцсетях и др.). Собрано и проанализировано более 700 топонимов, частично выявлено их происхождение.

В этой связи особый интерес представляют микротопонимы, образованные от названий исчезнувших населённых пунктов. На данный момент в Верхнехавском районе обнаружено около 30 подобных микротопонимов. Это названия урочищ, расположенных на месте заброшенных посёлков, и микрогидронимы — названия прудов, небольших озёр и их частей.

Рассматриваемые микротопонимы можно условно разделить на четыре группы в зависимости от их происхождения и мотивировочных признаков.

Первую группу составляют микрогидронимы и названия урочищ, опосредованно восходящие к антропонимам: *Балаши*, *Балашовка*, *Данилов*, *Звягино*, *Змеёвский*, *Каверинский*, *Липтевский*, *Новомихайловка*, *Трухачевка*, *Шамарёво*, *Ярцево*. Рассмотрим некоторые из них.

Балаши — народное название крупного пруда возле пос. Васильевка 2-я Шукавского с/п. С северной стороны пруда находится урочище, обозначенное на современной карте как **Балашовка** [Карта ГГЦ], — бывший населённый пункт, упразднённый в 1968 г. «в связи с тем, что эти семь хозяйств намерены переселяться» [Березуцкий, 2014: 430]. Его название в справочниках указывалось различно: в 1859 г. он упоминается как владельческий хутор *Коробкин (Балашов)* [НМВГ, 1859: 34], в 1900 г. — как пять отдельных мелких хуторов, принадлежащих Коробкиным, без названия [НМВГ, 1900: 181], в 1925 г. — как пос. *Балашев* [НМВГ 1925: 9], в 1968 г. — как хут. *Балашовка* по данным облисполкома и хут. *Балашов* по данным госстатистики [Березуцкий, 2014: 430]. Предположительно, ойконим образован от фамилии первого владельца, а вариант *Балаши* бытовал в устной речи.

Микрогидроним *Балаши* используется некоторыми жителями окрестностей, но на рыболовных интернет-форумах [Адреналин] и на Яндекс-карте пруд назван по ближайшему существующему, а не исчезнувшему посёлку — *Васильевка 2-я*. Этот ойконим долгое время являлся «официальным» (т. е. в основном употреблялся в документах, а не в живой народной речи): местные жители называли посёлок *Киртичная Рае'вка* [Шифрин, 2017]. Поскольку он относится к вымирающим, его народное название практически ушло из обихода.

Змеёвский — название пруда к северо-западу от с. Нижняя Маза [Minnow.ru; Яндекс Карты; Холоденкова, 2016]. Рядом расположено урочище с официальным названием *Новомихайловка* [АГКГН, 2022; Карта ГГЦ] — бывший посёлок. Часть посёлка носила народное название *Змеёвка*; раньше это был отдельный населённый пункт: он обозначался как сд. *Змиевка* [НМВГ 1859: 34], *Ново-Михайловское 2-е (Змиевка)* [НМВГ, 1900: 2], *2-я Новомихайловка (Змиевка)* [Карта РККА]. Рядом располагались Новомихайловка 1-я и 3-я, и к 1968 г. все они были объединены [Березуцкий, 2014: 405, 424]. Объединённый посёлок исчез в конце 1990-х гг. [Холоденкова, 2016]: на карте 1996 г. он уже отмечен как «упразднённый, нежилой населённый пункт», но ещё не как «урочище» [Карта ГШ].

Название *Новомихайловка* практически не используется местными жителями: в районной газете оно передаётся как *2-я Михайловка* [Холоденкова, 2016]. В. Д. Березуцкий и А. А. Зацепин связывают его с тем, что крестьяне одной из Новомихайловок «достались помещице [Елизавете Михайловне Ефимовой] от коллежского асессора *Михаила* Скюдан» [Березуцкий, 2014: 402]. Название *Змеёвка/Змиёвка*, по-видимому, также образовано от дворянской фамилии: коллежский секретарь Николай Феодорович *Змеев* упоминается в 1856 г. как заседатель Воронежской уголовной палаты; его жена — Екатерина Михайловна Скиадан [Руммель, I: 325].

Приведённые примеры иллюстрируют несовпадение народной и официальной топонимии, а также взаимовлияние этих систем; ярко проявляется принцип устойчивости: онимы *Балаши*

и *Змеёвский* сохраняются в силу устной традиции, *Васильевка 2-я* и *Новомихайловка* — в силу документальной.

Вторую группу составляют микротопонимы, образованные от ойконимов, в основе которых лежат обозначения природных признаков объекта (особенностей рельефа, почвы, растительности). Обнаружено три примера.

Вислая Дубрава — название урочища (в некоторых документах — балки) к западу от с. Правая Хава [АГКГН, 2022; Карта ГГЦ], на месте деревни, исчезнувшей в конце XX в. В наиболее ранних источниках (ок. 1780 г.) она упоминается как хут. *Вислой Дубровки* [ПГМ] и *Вислая Дубровка* [Камараули, 2012], в дальнейшем — как сц. *Вислая Дуброва* [НМВГ, 1859: 9], хут. *Вислая Дубрава* [Карта, 1884], вновь как *Вислая Дубровка* [НМВГ, 1900: 22] и как д. *Вислая Дубровка* [НМВГ, 1906: 15]; в итоге форма *Вислая Дубрава* закрепляется. В. А. Прохоров отмечает, что деревня названа «по дубраве (леску), как бы “нависающей” над речкой Хавой» [Прохоров, 1973: 62]. Ср. аналогичные топонимы Белгородской, Волгоградской, Смоленской и Ульяновской обл.

У Вислой Дубравы или её части было второе (народное) название: в дореволюционной справочной книге оно передаётся как *Шимарево* [НМВГ, 1906: 15], на карте РККА — как *Шимаревка*. От этого ойконима образован микрогидроним: к северо-западу от урочища находится озеро с народным названием *Шамарёво* [Карта ВМ]. В основе ойконима, предположительно, лежит старинная дворянская фамилия *Шимарёв*: известно, что её представители служили в Земляном уезде Воронежской губ. [Руммель, II: 738].

Плавица — официальное название урочища, расположенного к юго-востоку от с. Верхняя Плавица [АГКГН, 2022; Карта ГГЦ], на месте посёлка, исчезнувшего в конце XX в. Жители Верхней Плавицы и соседнего пос. Шукавка, по данным опроса, называют исчезнувший населённый пункт не Плавицей, а Раевкой и Дохлой Раевкой: «Там, мама говорила, занимались очень много скотом, и, когда упадок шёл, туда в яр возили туши, и назвали её *Дохлая*». На карте конца XVIII в. этот посёлок обозначен как д. *Верховья реки Плавицы* [ПГМ]: вблизи него действительно находится её исток. «“Плав” <...> употреблялось в значении ‘мокрое место, трясина’, что вполне соответствует характеру местности и протекающей по ней реки» [Березуцкий, 2014: 398]. Ойконим *Плавица* впоследствии закрепился в документах [НМВГ, 1859; Карта, 1884; НМВГ, 1906], вариант *Раевка* иногда приводился в скобках [НМВГ, 1900: 2]; примечательно, что на карте РККА указан лишь вариант *Раевка* в соответствии с народной речью, а не документальной традицией.

«Название Раевка — по фамилии коллежского асессора Андрея Семеновича Раевского, владельца крепостных» [Березуцкий: там же]. Вероятно, определение (*Дохлая*) было добавлено потому, что в окрестностях существовала другая Раевка — она получила определение *Кирпичная* (см. *Васильевка 2-я*). Незакрепление в народной речи варианта *Плавица* может объясняться различными причинами, в том числе тем, что по реке Плавице было названо множество населённых пунктов, образованных в разное время недалеко друг от друга: ср. *Верхняя Плавица (Росташевка)*, *Верхплавица (Ры'жково)*, *Верхняя Плавица (Емельяновка)*, *Верхплавица (Данковка)*, *Нижняя Плавица (Белоносовка)* и др. [НМВГ, 1900; НМТГ 1862].

Расход — название урочища, расположенного между пос. Малый Самовец Верхнехавского р-на и с. Большой Самовец Эртильского р-на [АГКГН, 2022; Карта ГГЦ], на месте исчезнувшего населённого пункта *Малый Расход* [НМВГ, 1925: 59]. В 1968 г. он ещё существовал [Березуцкий, 2014: 427], на карте 1996 г. обозначен как урочище [Карта ГШ]. Можно предположить, что ойконим, в свою очередь, был образован от микротопонима: одно из значений слова *расход* в воронежских говорах — ‘луг, пастбище’ [Дьякова, 2009: 280]. Урочище дважды упомянуто в словаре Г. Ф. Ковалёва: «*Расход*. Низина у с. Большой Самовец Эртильского р-на. В этом месте лог *расходится* и образует луговину. *Расхо'т* — *эть иде' на'збишица*» [Ковалёв, 2007: 313] и «*Малый Расход*. Поле в с. Большой Самовец Эртильского р-на» [Ковалёв, 2007: 238] — очевидно, повтор обусловлен ошибкой, т. к. речь идёт об одном урочище, находящемся за пределами Большого Самовца.

Данная группа иллюстрирует местные диалектные особенности, предположительно — их постепенную утрату под влиянием литературной речи (*дубровка* — *дубрава*).

К **третьей группе** можно отнести микротопонимы, образованные от «искусственных» ойконимов, возникших в советскую эпоху: *Виноградовка*, *Добрый Путь*, *Калиновка*, *Калиновский*, *Рябиновка*.

К примеру, *Калиновский усынок* — название одного из ответвлений крупного Таловского пруда, расположенного возле д. Таловая; микрогидроним бытует среди воронежских рыбаков [Minnow.ru]. В «усынке», вероятно, был пруд, принадлежавший посёлку *Калиновка*, который исчез в конце XX в. На его месте находится одноимённое урочище [АГКГН, 2022; Карта ГГЦ]. «Посёлок наш Калиновка, или выселки, так его ещё называли, образовался после установления советской власти в этих краях. Несколько семейств <...> переехали из районного центра Верхняя Хава и основали Калиновку. Почему Калиновка? Не знаю. По крайней мере, калина у нас не росла. <...> После переселения и обустройства жилья мужики возвели плотину и запрудили лог с ручьём. <...> Калиновский пруд, после того как сама Калиновка распалась и все её жители переехали кто куда, не сохранился. Плотину размыло в одно из бурных половодий» [Баранников, 2012]. В 1920-е гг. в Верхнехавском районе возникало довольно много поселений с «растительными» названиями: *Вишнёвка*, *Виноградовка*, *Малиновка*, *Рябиновка* и др. [Березуцкий, 2014: 407]; как правило, такие названия не отражают реальных особенностей местности. Термин *усынок* широко используется в речи воронежских рыбаков и может быть нехарактерным для говора Калиновки или близлежащих сёл.

Приведённый пример демонстрирует «встраивание» искусственного названия в народную топонимическую систему.

В **четвёртую группу** входят микропонимы, образованные от ойконимов неуточнённого происхождения с различными мотивировочными признаками: *Бендюгов*, *Введенский*, *Линейка*, *Митровское*, *Нововведенка*, *Новотроицкое*, *Полтаво-Харьковское*, *Поповка*, *Троицкий*, *Успеновка*, *Хохло'ва*. Рассмотрим два примера.

Митровское — официальное название урочища, расположенного к югу от с. Архангельское Плясоватского с/п [Карта ГГЦ]. До 1968 г. на месте урочища находился населённый пункт Васильевка (Васильевское) [Березуцкий, 2014: 427], носивший народное название *Ми'тревка*. В конце XVIII в. он обозначался как село [ПГМ] — соответственно, там могла находиться церковь; в справочниках 1900-х гг. — как хут. или сд. *Васильевское (Дмитриевское)* [НМВГ, 1900, 1906]. Происхождение названия неясно: оно могло быть образовано от фамилии или имени владельца, а также от названия церкви, существовавшей в Васильевке либо в том месте, откуда переселились её первые жители. Ср. название села *Правая Хава (Дмитриевка)*, данное по церкви свт. Димитрия Ростовского [Березуцкий, 2014: 125].

Поповка — предположительно исчезнувшее название урочища, находившегося в южной части Таловского пруда. Название бытовало в исчезнувшем пос. Калиновка в середине XX в.: «За колхозными постройками, километрах в трёх в сторону поля, находилась местность, которая называлась Поповкой. Было заметно, что здесь раньше стояли две избы... <...> Люди говорили, что здесь когда-то жили то ли бывшие священнослужители, то ли просто верующие люди, пострадавшие от атеистов-коммунистов. Потом они куда-то уехали, скорее всего, в родные места» [Баранников, 2012]. В справочнике 1928 г. действительно упоминается пос. *Поповский*, состоящий из семи хозяйств [НМВГ, 1928: 133]. В более ранних источниках его не удалось обнаружить.

Данная группа микропонимов представляет собой материал для дальнейшей работы (экспедиционной и архивной).

Список источников

1. «Адреналин»: рыбацкий клуб // Клуб рыбаков, охотников и грибников Воронежской области. — URL : <https://adrenaline36.ru/> (дата обращения: 31.05.2023).
2. Алфавитный указатель населённых мест Воронежской губернии. — Воронеж, 1925. — 123 с. (НМВГ 1925).
3. Баранников И. И. Детство. Автобиографическая повесть // Проза.ру : рос. лит. портал. — URL : <https://proza.ru/2012/05/02/1098> (дата обращения: 31.05.2023).
4. Березуцкий В. Д., Зацепин А. А. Очерки истории Верхнехавской земли: факты, события, люди. — Воронеж : Кварта, 2014. — 430 с.
5. Воронежская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. — СПб., 1865. — 156 с. (НМВГ 1859).
6. Дьякова В. И., Хитрова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). — Воронеж, 2009. — 344 с.
7. Камараули Е. В. История дворянского рода Насоновых // Исторические записки : науч. тр. ист. фак. ВГУ. — ВГУ, 2012. — Вып. 15. — С. 21–35.

8. Карта Воронежского уезда // Сборник статистических сведений по Воронежской губернии : в 12 т. — Воронеж, 1884. — Т. 1 (Карта 1884).
9. Карта Европейской части России : масштаб 1:25 000. — М. : Госгисцентр, [ок. 2001–2010]. — URL : <http://tetromap.ru>. (дата обращения: 31.05.2023) (Карта ГГЦ).
10. Ковалев Г. Ф. Микротопонимия Воронежской области / Воронежский гос. ун-т ; лаборатория Воронежского лингвокраеведения им. В. И. Собиной. — Воронеж : Артефакт, 2007. — 408 с.
11. Населенные места Воронежской губернии : [систематич. перечень и алф. указ. к карте Воронежской губ. с приложением окр. и р-ного распределения населённых мест по данным на 23 мая 1928 г.]. — Воронеж, 1928. — 190 с. (НМВГ 1928).
12. Населенные места Воронежской губернии : справ. кн. — Воронеж, 1900. — 482 с. (НМВГ 1900).
13. План генерального межевания Воронежского уезда Воронежской губернии. — [Ок. 1780 г.]. — URL : <http://www.etomesto.ru/> (дата обращения: 31.05.2023) (ПГМ).
14. Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий объектов на 15.12.2022: Воронежская область // Реестры государственного каталога географических названий. — URL : <https://cgkipd.ru/> (дата обращения: 31.05.2023) (АГКГН 2022).
15. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий : в 2 т. — СПб., 1886–1887.
16. Рыболовный форум: рыбалка в Воронеже и Воронежской области // Воронежский рыболовный клуб Minnow.ru. — URL : <https://minnow.ru/> (дата обращения: 31.05.2023).
17. Сведения о населенных местах Воронежской губернии. — Воронеж, 1906. — 196 с. (НМВГ 1906).
18. Список населенных мест: 42: Тамбовская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 года. — СПб., 1866. — 184 с. (НМТГ 1862).
19. Толбина Т. В. Микротопонимия Воронежской области: особенности номинации : дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2003. — 199 с.
20. Топографическая карта юга Европейской части СССР : масштаб 1:200 000 : [сборная карта, сост. из листов карт РККА, изд. в конце 1930-х — нач. 1940-х гг.]. — URL : http://www.etomesto.ru/map-rkka_ug/ (дата обращения: 31.05.2023) (Карта РККА).
21. Топографическая карта: Воронежская область : масштаб 1:200 000. — М. : Военно-топограф. упр. Ген. штаба, 1996 (Карта ГШ).
22. Холоденкова Е. Жители исчезнувшего села собрались спустя много лет // Верхнехавские рубежи. — 2016. — № 75 (100238), 11 окт. — С. 5.
23. Шифрин Л. Зброшенныя хутора: как пустеют воронежские деревни. Васильевка 2-я // РИА «Воронеж». — 2017, 16 окт. — URL : <https://riavm.ru/news/zabroshennyye-khutora-kak-pusteyut-voronezhskie-derevni-vasilevka-2/> (дата обращения: 31.05.2023).
24. Яндекс Карты — транспорт, навигация, поиск мест : [поисково-информ. картографич. служба Яндекса]. — URL : <https://yandex.ru/maps/?ll=39.342517%2C51.694353&z=8.29> (дата обращения: 31.05.2023).
25. Wikimapia : геогр. онлайн-энцикл. — URL : <http://wikimapia.org> (дата обращения: 31.05.2023) (Карта ВМ).

Сведения об авторе

Пархоц Эльвира Олеговна — преподаватель кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия).

А. Г. Саркисян

О СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКИХ ТОПОНИМАХ

Аннотация. В статье на основе анализа свыше 770 единиц субстантивированных прилагательных (из «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка) исследуются семантические отношения между существительными адъективного типа склонения и прилагательными, которые совпадают по звуковому оформлению, по значению и являются (естественно, не все) компонентами топонимов.

Рассматриваемый морфолого-синтаксический способ русского словообразования предусматривает переход (конверсию) слов из одной части в другую. Выделяются семантические группы субстантиватов, анализируются типичные для них семантические отношения производной и производящей лексических единиц и др. Анализируется субстантивация компонентов топонимов-прилагательных в ойконимах.

Ключевые слова: субстантивация прилагательных, топонимы с компонентами субстантиватами, их функционирование.

Рассмотрением явления субстантивации русисты начали заниматься еще со времен «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1755). Десятки ученых подходили к вопросу перехода из одной части речи в другую с разных позиций: это было либо подчеркивание синтаксической составляющей, либо словообразовательной [Голубева, 2014].

У специалистов по русскому языку и сейчас имеются неоднозначные воззрения на субстантивацию как на способ словообразования; нет согласия в их классификации в зависимости от степени «субстантивированности»; по-разному рассматривается их семантическая сторона. Современными русистами отмечается высокая степень продуктивности конверсии как способа словообразования [Аминова, 2004: 111 и мн. др.].

Одна из авторитетнейших специалистов в области русского словообразования, д.ф.н., проф. Е. А. Земская выделяет лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический и морфологический способы словообразования [Земская, 2011: 176–179]. Заметим, что она считает рассматриваемые лексемы существительными (субстантиватами), именующими лицо по признаку, названному основой производящего прилагательного [Там же: 291].

К интересующему нас **неморфологическому способу** относятся: морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический и лексико-семантический способы. **Морфолого-синтаксический способ** предусматривает переход слов из одной части в другую, при этом наблюдаются уже две самостоятельные лексические единицы, но с разными лексико-грамматическими признаками. Субстантивация как результат морфолого-синтаксического способа является продуктивным и актуальным направлением неморфологического словообразования современного русского языка, а среди полученных таким образом субстантивов многочисленными являются исходные прилагательные, что подчеркивают и специалисты в данной области [Немченко, 1984; Мукашева, 2021; Протченко, 1971 и др.].

Авторы учебника «Современный русский язык» под ред. В. А. Белошапковой утверждают, что при субстантивации «парадигма прилагательного или причастия преобразуется: 1) количественно — существительное сохраняет лишь часть «прилагательной» парадигмы (формы одного из трёх родов или формы мн. ч.) и 2) качественно — согласовательные флексии прилагательного или причастия преобразуются в независимые аффиксы существительного (*мясное, бобовые, ванная*)» [Совр. рус. яз., 1989: 317]. Результатом субстантивации прилагательного в русистике принято называть существительное адъективного склонения — **субстантиват**.

За последние полвека лингвисты обращались к анализу разнообразных аспектов изучения субстантивации, появилось большое количество **сопоставительных работ** по субстантивации прилагательных (здесь и далее в целях экономии места будем приводить по одному примеру — А. С.) *в славянских языках* (в богемистике) [Чижова, 1997], *в армянском языке* [Саркисян, 1984: 122–123], *в европейских языках*, например, в *англистике* [Громова, 1994].

Была проанализирована **стилистическая роль** субстантивированных прилагательных в творчестве писателей и поэтов [Брильёнова, 2019]. Обращались русисты и к **семантическому аспекту** субстантиватов [Аверьянова, 2020], и к их **когнитивному аспекту** [Макарова, 2011]. Ученые обращались к анализу лексико-семантических групп субстантивированных прилагательных и с точки зрения **истории русского языка** [Генералова, 2010]. Рассматривали специалисты по русскому языку и **сходства и различия между субстантиватами и универ-бетами** в современном русском языке [Ван Ян, 2015]. Русские лингвисты подвергли анализу и употребление субстантиватов **в русских пословицах** [Михеева, 2019]. Субстантивы представлены и **в заглавиях произведений художественной литературы**: «*Толстый и тонкий*» (А. П. Чехов), «*Былое и думы*» (А. И. Герцен) и др. Наличествуют субстантивированные прилагательные и **в названиях**

различных русскоязычных фильмов и сериалов, см. сериалы: «*Лютый*» (2013г.); «*Чужое*» (2014г.), «*Слепая*» (2014–2019гг.) и др.

Некоторые ученые говорят и о субстантивации *русских фамилий* с суффиксами *-ов*, *-ин*: *Володин*, *Гаврилов*; а также в особо любимых этническими русскими патронимических фамилиях *Иванов*, *Петров*, *Сидоров*, входящих в экземплификативную формулу.

Указанные и другие аспекты изучения субстантивированных прилагательных в отдельности чрезвычайно важны и достойны подробного изучения, но их анализ выходит за рамки нашего исследования.

Известно, что среди объектов номинации в любом языке большой пласт составляют топонимы. Вне всякого сомнения, что число *русских топонимов с компонентами-прилагательными* составляет огромное количество: *Нижний Новгород*, *Черное море*, *Берингов пролив* и др. Еще авторы пользующегося признанием, изданного в СССР более полувека назад «Энциклопедического словаря географических терминов» говорили о необходимости использования специалистами по топонимике «анализа формантов» [Энци. словарь геогр. терминов, 1968].

Вторая часть составного топонима обозначается родовым географическим термином (*река*, *озеро*, *остров* и т.д.). Следует отметить также грамматическую и орфографическую «неразбериху» в такого рода географических названиях: порядок слов в такого рода словосочетаниях (*Черное море* или *море Черное*); компонентный состав (*Каспийское море* или *Каспийское*); колебания в написании (*Остров Святой Елены* и *Остров святой Елены*) [Розенталь, 1985: 309–313].

О необходимости прямого порядка слов в русских двучленных топонимах говорит Дубовой Н. А. в работе «Замечания о топонимах-прилагательных в русской речи»: «В русском языке согласованное определение обычно ставится перед определяемым словом — это и есть обычный (прямой) порядок слов, то есть в нейтральной речи следует говорить и писать: по *Ладожскому озеру*, на *Русском острове*. В противном случае вместо фразы «на Лысом холме сфотографировался» можно получить «на холме Лысый сфотографировался» [Дубовой, 2014: 229–234]. Инверсионный порядок в двухкомпонентных топонимах (сначала родовой географический термин, затем именная часть) Н. А. Дубовой объясняет влиянием военной топографии [Там же]. В отношении к субстантивации прилагательных в составе топонимов он говорит и о так называемой «контекстуальной субстантивации — переходе прилагательного в существительное только в пределах данного контекста. Если текст озаглавлен *Телецкое озеро*, то слово *озеро* уже не обязательно употреблять при всяком упоминании *Телецкого озера*, так как контекст задан заголовком; вполне допустимо внутри текста сказать *плыть по Телецкому*» [Там же].

Русисты определенно говорят о субстантивации топонимов-прилагательных применительно к *ойконимам* [Там же], к коим относятся названия населенных пунктов: город *Волжский*, село *Никольское* и др.) и названиям железнодорожных станций и станций метро (станция *Алексеевская* ‘Московского метрополитена’, ‘станция *Тихорецкая*’ Северо-Кавказской ж/д’ и др.). Отметим в скобках, что отсутствие термина *река* в картографической традиции — это, по всей вероятности, всего лишь желание картографов сэкономить место на карте.

Следует также отметить и вопрос о склоняемости/несклоняемости огромного количества *названий населенных пунктов* на *-о*: *Константиново*, *Кунцево*, *Переделкино* и др., этимологически восходящих к славянским языкам (рассмотрение омонимичных форм топонимов, имеющих финно-ингерландское происхождение типа *Toksova/Токсово*, здесь рассматриваться не будет).

Известно, что русские и другие славянские топонимы на *-ов(о)*, *-ёв(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* ранее склонялись (см. *Недаром помнит вся Россия про день Бородина!* М. Ю. Лермонтова; *История села Горюхина* А. С. Пушкин). Но за последние полвека появились несклоняемые словоформы с указанными финалями. Авторитетнейший словарь вариантов, изданный 50 лет назад, в подпункте а) «Варианты склоняемых и несклоняемых форм географических названий» главы «Склоняемость» говорит о преобладании в соотношении 80,43 %/19,57 % склоняемости/несклоняемости (Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: 138–141). Авторы, поскольку говорят о топонимах, считают, что именно в «профессиональной речи военных и топографов укоренился обычай географические наименования употреблять в исходной форме (несклоняемой)» (Там же: 140).

Следует отметить, что уже в Гр. 70 зарегистрирована форма употребления несклоняемых форм топонимов на **-о** [Грамматика современного русского литературного языка, 1970]. Проф. Л. А. Вербицкая говорила о свободном употреблении в последнем десятилетии обоих вариантов — склоняемом и несклоняемом [Вербицкая. Виртуальная приемная СПбУ].

И, наконец, в работе о русском языке мы не можем не указать на субстантиват *эндоэтноним русский*, который возник от двусоставного сочетания *русские люди* [Евстигнеев, 2003: 86]. Много топонимов с таким компонентом и на страницах атласа Российской Федерации (*Русская Гавань залив* ‘в Архангельской обл.’; *Русская Караболка село* ‘в Челябинской обл.’; *Русская Теча село* ‘в Челябинской обл.’; *остров Русский* ‘в Приморском крае’; *полуостров Русский Заворот* ‘в Баренцевом море в Ненецком автономном округе’ и др.).

Следует отметить, что ономатолог, д.ф.н., проф. А. В. Суперанская называла субстантиваты в топонимических единицах *эллиптическими фразами*: «...В русском языке *ее* [субстантивации — выделение автора], по-видимому, нет в топонимах-прилагательных, которые всегда ассоциируются со своим родовым определяемым (*река, гора* и т.д.), и названия рек типа *Быстрая, Светлая, Черная* должны скорее расцениваться не как субстантивированные прилагательные, а как *эллиптированные* [усеченные] определительные фразы типа *Быстрая река*» [Цит. по: Дубовой, 2014: 229–234].

Из «Грамматического словаря русского языка» Зализняка А. А. нами были отобраны субстантиваты и произведены подсчеты (выборка составила **779 единиц**) [Зализняк 1980]. Известно, что Словарь этот построен по инверсионному порядку построения слов, что несколько облегчило нам поиск примеров-субстантиватов для определения их функционирования в современном русском языке. Описанные нами семантические группы субстантивированных прилагательных составляют чуть большее количество групп, отмеченных проф. В. В. Лопатиным [Лопатин, 1967: 205–232].

Представим зарегистрированные нами субстантиваты всех трех родов и *pluralia tantum*, распределив их в семантические группы, и приведем от каждой группы по одному примеру.

223 субстантивата женского рода с флексией **-ая** [Зализняк, 1980: 789–791]: *ординаторская, чебуречная, содовая, камаринская; костюмерная, синенькая ‘пятирублевая ассигнация’, гончая; набережная и др.*

64 субстантивата мужского рода с флексией **-ой** [Указ. соч.: 327–338]: *мастеровой, мнимобольной, худой, скупой, душевнобольной, ковшевой, связной, родной и др.*

403 субстантивата мужского рода с флексией **-ый** [Указ. соч.: 338–339]: *участковый, умалишённый, узколобий, каторжный, расчётливый, толстый, бравый, меднолобий, загорелый, юный, трусливый, безродный, милый и др.* Из русских колоризмов к числу подобных субстантиватов относятся *белый/ые, красный/ые* и некоторым образом *коричневый/ые* ‘относящийся к фашистской партии’. Отдельно стоят названия военных и невоенных кораблей, например, корвет «*Сообразительный*».

65 субстантиватов среднего рода с флексией **-ое** [Указ. соч.: 268]: *рейнское, существительное, холодное, казенное, вражье и др.*

Следует отметить, что все субстантиваты, кроме принадлежащих к разряду *pluralia tantum*, изменяются по родам и числам.

24 субстантивата мн. числа с флексией **-ые** [Указ. соч.: 271]: Это семантическая группа в форме *pluralia tantum чаевые, родные, яровые*. Три группы имеют и формы ед.ч., и формы мн.ч.: *белый/белые, новобрачный/новобрачная/новобрачные, позывной/позывные*. К этой же семантической группе относятся субстантиваты *красно-коричневые* (мн.ч.) — ‘пропагандистское клише, подразумевающее объединение коммунистических и крайне правых (фашистских, нацистских и т.п.) сил и/или идеологий’; *зеленые* (мн.ч.) ‘члены партии Зеленых’ и пр.

Список источников

1. Аверьянова В. В. Субстантивация прилагательных и причастий: семантический аспект. — 2020. — URL : https://www.researchgate.net/publication/341459258_Substantivacia_prilagatelnyh_i_pricastij_semanticeskij_aspekt (дата обращения: 23.04.2023).

2. Аминова А. В. Структурно-семантические особенности молодежного сленга в английском и французском языках. — Уфа, 2004. — 197 с.
3. Брильёнова Н. В. Грамматический анализ субстантивированных прилагательных и причастий. — 2019. — URL : <https://natalibrilenova.ru/grammaticheskij-analiz-substantivirovannyih-prilagatelnyih-i-prichastij/> (дата обращения: 23.04.2023).
4. Ван Ян Субстантивация и универбация: сходство и различие. — 2015. — URL : <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38076> (дата обращения: 23.04.2023).
5. Вербичкая Л. А. О склонении топонимов, оканчивающихся на -ово, -ево. — URL : <https://guestbook.spbu.ru/dekany-spbgu/verbitskaya-lyudmila-alekseevna/4888-o-sklonenii-toponimov-okanchivayushchikhsya-na-ovo-evo.html> (дата обращения: 23.04.2023).
6. Генералова Е. В. Лексико-семантические группы субстантивированных прилагательных в истории русского языка. — URL : http://msk-slovar16-17v.slovo-spb.ru/generalova_lsg_2010.pdf (дата обращения: 23.04.2023).
7. Голубева А. Ю. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность. — 2014. — URL : <https://www.dissercat.com/content/konversiya-v-slovoobrazovanii-uzus-i-okkazionalnost> (дата обращения: 23.04.2023).
8. Грамматика современного русского литературного языка. — М. : Наука, 1970. — 767 с. (Гр. 70).
9. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. — М. : Наука, 1976. — 456 с.
10. Громова Д. А. Субстантивация разных видов языковых единиц. Возможности и пределы: на материале английского языка. — СПб., 1994. — URL : <https://www.dissercat.com/content/substantivatsiya-raznykh-vidov-yazykovykh-edinit-ee-vozmozhnosti-i-predely-na-materiale-ang> (дата обращения: 23.04.2023).
11. Дубовой Н. А. Замечания о топонимах-прилагательных в русской речи // Румянцевские чтения — 2014 : материалы междунар. науч. конф. : [в 2 ч.] / Рос. гос. б-ка. — М. : Пашков дом, 2014. — Ч. 1. — С. 229–234.
12. Евстигнеев Ю. А. Российская федерация. Народы и их подразделения : краткий этнологич. справ. — СПб : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. — С. 86.
13. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение : ок. 100 000 слов. — 2 изд., стер. — М. : Рус. яз., 1980. — 880 с.
14. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2011. — 328 с.
15. Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. — М., 1967. — С. 205–232.
16. Макарова Е. А. Субстантивация прилагательных (когнитивный аспект). — Волгоград, 2011. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/substantivatsiya-prilagatelnyh-kognitivnyy-aspekt> (дата обращения: 23.04.2023).
17. Михеева С. Л. Субстантивированные прилагательные в русских пословицах. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/substantivirovannye-prilagatelnye-v-russkih-poslovitsah> (дата обращения: 23.04.2023).
18. Мукашева Г. А. Субстантивация в современном персидском, таджикском и английском языках. — Душанбе, 2021. — URL : <https://www.dissercat.com/content/substantivatsiya-v-sovremennom-persidskom-tadzhikskom-i-angliiskom-yazykakh> (дата обращения: 23.04.2023).
19. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. — М. : Высш. шк., 1984. — 255 с.
20. Протченко И. Ф. О субстантиватах и новообразованиях, создаваемых по их типу // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. — М. : Наука, 1971. — С. 230–235.
21. Розенталь Д. Э. Прописная или строчная? — М. : Рус. яз., 1985. — С. 309–313.
22. Сайдашева Э. А. Словообразование в татарском и английском языках на примере конверсии и словосложения (сопоставительный анализ). — Казань, 2006. — 237 с.
23. Саркисян А. Г. Субстантивация прилагательных как способ словообразования. — Ленинакан : Изд-во Минвуза АрмССР, 1984. — С. 122–123.
24. Современный русский язык : учеб. / под ред. В. А. Белошапковой. — М. : Высш. шк., 1989. — С. 308–318.
25. Чицова В. А. Субстантивация прилагательных и причастий в современном русском и чешском языках. — Волгоград, 1997. — URL : <https://cheloveknauka.com/substantivatsiya-prilagatelnyh-i-prichastiy-v-sovremennyh-russkom-i-cheshskom-yazykakh> (дата обращения: 23.04.2023).
26. Энциклопедический словарь географических терминов / гл. ред. С. В. Калесник. — М. : Сов. энцикл., 1968. — С. 382.

Сведения об авторе

Саркисян Аршак Геворкович — к.филол.н., заслуженный профессор РАУ, доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета (Ереван, Армения).

Т. А. Состин

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОПОНИМОВ СУСТЬЕ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ И ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Аннотация. В статье проводится анализ происхождения названия села Сустье-Конец Тосненского района Ленинградской области и двух гидронимов Сустье — современного, в Кимрском районе, и исторического, в Кашинском районе Тверской области. Предлагается новая, субстратная, версия происхождения топонимов: от водск. *soosilma* 'болотное озеро', вепс. *sosahming* 'болото с мелким лесом', *sosatuu* 'болотный мох'.

Ключевые слова: комоним; гидроним; исторический гидроним; Ленинградская область; Тверская область; древнерусский язык; водский язык; вепсский язык.

Вопрос этимологии многих топонимов Русского Северо-Запада до конца не прояснен. Отдельные из них, славянские по звучанию, могут иметь субстратное происхождение. В этой связи мы хотели бы рассмотреть историю названий села Сустье-Конец Тосненского района Ленинградской области и двух рек Сустье Тверской области.

1. **Сустье-Конец.** Известные версии происхождения (см., например: [Ghimpu, 2012: 110], [Цинкобурова, 2021: 124]) связывают топоним с древнерусским наречием *суть* 'друг против друга'. Однако данная этимология не учитывает исторические и палеографические факты, которые представляются важными для понимания происхождения названия.

В тексте писцовой книги Водской пятины (далее ПКВП) 1500 г. фигурирует пять деревень Ильинского Тигодского погоста с корнем Сус-/Суш-, находящихся на реке Тигода недалеко друг от друга: Середка Сусье, Конец Сусье, Сусье, Поляна Сусья и Сусья Заречье (Наумково Сиденье). К XIX веку из них осталось лишь три деревни, а к концу XX века Сустья-Полянка и Сустье-Заречье вошли в состав села Сустье-Конец. Опорное слово **Сустье** в названиях этой группы деревень примечательно тем, что в XVI-XVIII вв. оно послужило основой и для образования фамилий, которые носили его уроженцы: *Сустьенин*, *Сустигин*, *Сустин* и *Состин*.

По форме топоним **Сустье** (с протетическим "т") близок славянским названиям с формантом *-ье*. Предположительно он был оставлен ильменскими словенцами, давшими начало новгородскому субэтносу. Однако поиск апеллятива в лексике древнерусского языка не дает уверенности в славянском происхождении названия. В СРНГ и Новгородском областном словаре зафиксированы лишь слова *сусалы* в значении 'рот' и *сусло* в значении 'сладковатая жидкость'. Эти апеллятивы можно как-то соотнести с названием села, расположенного на берегу реки, но мотив номинации при этом установить довольно сложно. Интересное слово содержит словарь вологодских говоров: *сусить* 'промывать после стирки, погружая в чистую воду, полоскать' [Словарь вологодских говоров, 2005: 161], но территория его распространения находится слишком далеко от рассматриваемого района. Предлагаемое другими исследователями происхождение топонима от наречия *суть*, а точнее, от единственно возможного здесь древнерусского прилагательного *сусный* 'противоположный' [СРЯ, 2011: 63] предполагает относительно одновременное появление этих пяти деревень, но это противоречит имеющимся фактам (далее мы коснемся данного аспекта). Кроме того, мотивация названий именно расположением поселений друг напротив друга представляется нам логически слабой: если деревни стояли столь близко, название скорее должно было бы подчеркивать их соседство.

Очевидно, здесь необходим внимательный анализ текстов писцовых книг XV-XVIII вв. А. А. Селин указывает на форму топонима "на Сусьях" [Селин, 2003: 207], трижды встречающуюся в более поздней ПКВП 1585 г. К тому времени деревня *Конец Сусье* получила название *Конец на Сусьях*, деревня *Сусье на Тигоде* расселилась на шесть частей, при этом одна из частей стала селцом *На Сусьях Сидоровским*; кроме того, появилась деревня *Сусья Перелог*, пустошь *На Сусьях* и две пустоши *Сусья*. Справедливости ради отметим, что писцы иногда называли селения во множественном числе (Середка Сусье в ПКВП 1568 г. имеет название *Середки на Тигоде*, а Конец Сусье — *Концы*). В ПКВП 1585 г. примеров употребления названий во мн. ч. уже нет [Селин, 2003: 207].

Далее в ПКВП 1500 г. встречаем еще одно описание д. Середка Сусье, где она названа несколько иначе: "в великого князя деревне в оброчной в *Середке в Вусье* на Тигоде"; в записи, следующей за нею, еще раз описана д. Конец Сусье, с иным названием: "в *Конце в Вусье*" [ПКВП, 1500 г.: стлб. 413]. Первая, самая простая, версия: писец ошибся и написал "Вусье" вместо "Сусье". Возможно, однако вариант "Вусье" встречается в этом источнике дважды. К тому же в 1718 г., по данным А. А. Селина, в переписной книге наряду с деревней Сустья Полянка перечисляется усадище *Устье Полянки* [Селин, 2003: 208]. Поскольку *вусье*, *вустье* — это др.-русс. форма слова "устье", можно предположить, что оба топонима возникли не позднее кон. XIV в.: др.-русс. "вустье" встречается в тексте Лаврентьевского списка "Повести временных лет" 1377 г. [Лаврентьевская летопись, 1926: стлб 8], а в словарях древнерусского языка после XIV в. такая форма не фиксируется.

Для деревни Сустья Заречье указывается второе название: Наумково Сиденье. По писцовой формуле название, идущее вторым, является более молодым. Изначально четыре деревни из пяти были расположены на восточном берегу Тигоды и лишь Сустья Заречье — на западном. Уточнение "Заречье" говорит о том, что селение находится за рекою, но река рядом с ним лишь одна — Тигода. Значит, деревню называли Заречьем по отношению к остальным четырем Сусьям, более восточным, и с большой вероятностью можно предположить, что Сустья Заречье было основано позднее остальных четырех деревень. И главное: дошедшее до нас название дало население, пришедшее с востока.

В древнерусских записях топонимов предлог "на", как правило, указывает на водный объект: на ручайках, на усть(е), на реке, или природный объект: возвышенность, остров. Но значительных холмов и островов в рассматриваемом районе, богатом болотами, нет. Скорее всего четыре поселения — Сусье, Конец Сусье, Середка Сусье и Поляна Сусьей — были основаны на устье некоего водотока, впадавшего в Тигоду с востока. Поскольку в ПКВП речки у этих селений не значатся, можно предположить, что это был ручей Сусье (или ручьи Сусьи). Топонимическая закономерность, согласно которой селения, возникавшие при слиянии рек, обычно получали имя притока, а не главной реки, описана еще Э. М. Мурзаевым [Мурзаев, 1993: 49].

Еще больше подтверждений этому дает нам план генерального межевания Новгородского уезда 1788 г. (наиболее ранняя карта, на которой показана интересующая нас группа деревень Сустье). Восточнее р. Тигода находится крупное озеро Ловецкое, из которого в реку впадает ручей *Озереиной*, немного южнее деревни Сустье-Конец. В кусте деревень, состоящем минимум из основы (в ПКВП 1500 г. Сусье), средней части (Середка Сусье) и дальнего района (Конец Сусье), средняя часть располагалась между двумя другими (куст деревень воспринимался в народе как одно большое селение, а отдельные деревеньки — как районы этого селения). Это означает, что исчезнувшая к 1788 г. деревня Сусье располагалась еще южнее исчезнувшей к 1615 г. Середки Сусье. По нашему предположению, ручей Сусье вытекал из Ловецкого озера и впадал в реку Тигоду между деревнями Конец Сусье и Середка Сусье. Озеро Ловецкое на плане 1788 г. обозначено как болотистое, фактически озеро на болоте. Известно, что в Новгородской земле длительное время с ильменскими словенями соседствовали вожане, представители финно-угорского народа. По мнению историка А. В. Гудзь-Маркова (Гудзь-Марков 1997: 471), "в долине реки Тигода в VIII-XIII вв. сидела одна из общин словен", а "при селах Русская Волжа и Сустье-Конец расположены жальники", т.е. курганные могильники. При Сустье-Полянке уже к 1911 г. [Романцев, 1911: 64] было найдено три сопки, что было явным признаком

проживания в той местности в VIII-X вв. славян, воспринявших многие традиции местных финно-угорских племен.

Именно в это время происходило языковое взаимодействие води и славян, т.к. уже в XIII в. начинается постепенное переселение вожан на северо-запад, к тому району нынешней Ленинградской области, где они живут сейчас. В. Л. Васильев подтверждает преобладание финно-угорских гидронимов для бассейна Волхова (достаточно назвать главную в этой местности Тигоду, приток Волхова, и протекающую южнее Сустье-Конца р. Равань) [Васильев, 2007: 280]. В этой связи можно предположить субстратное происхождение новгородского топонима *Сусья*, связав его с водск. *soosilma* дословно ‘болотный глаз’ или более точно ‘болотное озеро, имеющее сток’ [Словарь водского языка, 2013: 1143, 1168]. На одном из водских диалектов это слово звучит как “суусилма”. В процессе освоения названия славянами, оно могло претерпеть различные изменения, прежде всего фонетические и морфемные: Суусилма > Сусилма > Сусий > Сусье, последняя форма соответствует традиционной модели славянской топонимии на *-ье / -ья*: ***Веретье, Велье, Беретье, Велемья*** и под. В водском языке основное ударение падает на первый слог. Если сравнить значение субстратной основы *Сусья* с названием соседнего (с юга) *Озерешного* ручья, то можно говорить о калькировании древних финских названий и о близости метафоричного восприятия особенностей обоих объектов у носителей разных языков.

Очевидно, ко времени составления плана 1788 г. северный ручей Сусье уже пересох, но на карте 1931–1937 гг. видно, что площадь болота, включающего в себя озеро Ловецкое, более чем вдвое больше площади озера, и совсем рядом, чуть севернее озера, есть маленькое болото, что дает основание предполагать, что ручей пересох из-за деградации северной части болота и озера. Три деревни «на Сусье» изначально были скорей всего древнерусскими, т.е. славянскими, но название они получили в ту эпоху, когда рядом с ними проживали вожане, в контакте с которыми словене адаптировали для себя водское название ручья, на котором стояли эти деревни.

Можно также предположить связь топонима с фин. *susi* ‘волк’, но каких-либо свидетельств массового пребывания волков в этом районе нет. Дополнительным доказательством для нашей версии служит наличие севернее села Сустье-Конец реки Болотницы (в Тосненском районе также имеется одноименная деревня), вытекающей из Пельгорского болота. Болотистая местность способствовала образованию болотистых рек и болотных озер.

Наличие постоянного славянского поселения в данном районе в нач. XIII в. подтверждается уставом князя Ярослава о мостах [Устав Ярослава о мостах в Новгороде, 1265–67: 117], где упомянуты тигожане — жители Тигодского погоста. Очевидно, взаимодействие славян и води было очень тесным; скорее всего, к этому времени уже существовала хотя бы одна из пяти деревень Сусье.

2. ***Сустье***. Название верхнего течения р. Сучек Кимрского района Тверской области, правого притока реки Медведицы, являющейся притоком Волги. До 1930-х гг. вся река называлась *Сусья*.

По аналогии с Тосненским районом Ленинградской области, здесь можно сразу обратить внимание на болотистый характер местности. План генерального межевания Корчевского уезда 1800 г. показывает, что *Сусья* берет начало из болота. Более того, оказывается, что ранее, кроме реки, впадающей в Медведицу с юга (в 53 км от её истока), такое же название, *Сусья*, имела и нынешняя река Черновка — левый приток, впадающий в Медведицу с севера (в 54 км от её истока). На карте Кашинского уезда 1733 г. и плане генерального межевания Кашинского и Корчевского уездов 1800 г. обозначены обе реки *Сусья* (далее по тексту: южная и северная). На карте Менде 1853 года *северная Сусья* названа уже Шиловкой; между 1927 и 1972 гг. она получила современное название Черновка, равно как и *южная Сусья* название Сучек.

В сборнике статистических сведений о Корчевском уезде о реке *южной Сусье* сказано: «речка *Сусья*... берет начало из болотин за д. Хухловом» [Корчевской уезд, 1899: 7], а при описании болота, ее истока, следующее: «в Красновской волости обширная казенная Быковская дача... почти вся состоит из «леса по болоту» (в настоящее время это Быковское болото) [Корчевской уезд, 1899: 10]. В сборнике статистических сведений о Кашинском уезде упомянута *Сусья* северная — *река* в тех селениях, где она более полноводна, и *речка* в тех, где она менее полноводна [Кашинский уезд, 1894: 85–86].

Тверская земля в XI–XIV вв. была разделена между славянами, финно-уграми (весь, меря) и прибалтийскими племенами (чудь). От веси произошли вепсы. Словарь вепского языка [Зайцева, Муллонен, 1972: 542, 520] дает нам два варианта субстратной основы на *сус* — для тверского Сусья: *sósahming* (“болото с мелким лесом”) или *sósamuu* (“болотный мох”). Вепское название *Сусахминг, вероятно, и было преобразовано славянами в Сусья. В этом случае тверской гидроним Сустье происходит от основы со значением “болото с мелким лесом”.

Что касается северной Сусьи (ныне р. *Черновка*, название связано с черным цветом болотистой воды), то она вытекает также из болота, но не кустарникового, а мохового. Таким образом, для объяснения этого исторического гидронима больше подходит апеллятив *sosamuu* “болотный мох”. Реку переименовывали дважды: в XIX в. называли *Шиловкой*, по правому её притоку в её верховьях, а в XX в. она стала называться *Черновкой*, по имени её левого притока *Чернавки* (обозначена на плане 1800 г.) уже в низовьях Сусьи. Примечательно, что в итоге название Сустье для южной Сусьи (ныне р. *Сучек*) оставили именно для верхнего течения: это говорит о том, что первоначально так назывался именно участок реки, расположенный ближе к болотному истоку. Название для северной Сусьи выбрали по реке, наиболее близкой к устью, вероятно, потому, что селения вблизи устья к 1930-м гг. оказались более многочисленны, а для их жителей русское название Черновка оказалось более предпочтительным в сравнении с субстратным Шиловка (ср. литов. гидроним Шиладис, ойконим Шилале [Балтийские языки, 2006: 20]). Таким образом, судя по данным карт и статистических сборников, река дважды за сто лет меняла свое название.

Выражаем благодарность доктору филологических наук, ведущему научному сотруднику отдела прикладной лингвистики Института языкознания РАН Ю. Ю. Гордовой за ценные замечания, высказанные во время работы над статьей.

Список источников

1. Васильев В. Л. Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля: история и археология Новгорода. — Новгород, 2007. — Вып. 21.
2. Гудзь-Марков А. В. История славян. — М., 1997. — 488 с.
3. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. — 746 с.
4. Карта Кашинского уезда 1733 г., геодезистов М. Сметьева и А. Жихманова // Библиотека РАН. — URL : http://ecatalog.ras.ru:8080/irbis64r_11/images/nior/kartosn/kartosn_465/kartosn_465_001.jpg (дата обращения: 30.05.2023).
5. Карта РККА от Ленинграда до Новгорода 1941 г., местность на 1931–37 гг. — URL : http://www.etomesto.ru/view.php?map=peterburg_rkka-len-nov&key=1&x=31.187560&y=59.267787 (дата обращения: 30.05.2023).
6. Лаврентьевская и Троицкая летописи // ПСРЛ / под ред. Е. Ф. Карского. — 2-е изд. — Л., 1926. — 286 с.
7. Мурзаев Э. М. Речные имена в исторической и современной географии // Топонимия России. — М., 1993.
8. Переписная оброчная книга Водской пятины 1500 года. Первая половина / публ. П. И. Савваитова и А. И. Тимофеева // Новгородские писцовые книги. — СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп, 1868. — Т. 3.
9. План генерального межевания Кашинского и Корчевского уездов 1800 года.
10. План генерального межевания Новгородского уезда 1788 года.
11. Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. — Новгород: Губ. тип., 1911. — 126 с.
12. Сборник статистических сведений о Тверской губернии / Стат. отд. Тверской губернской земской управы; изд. Тверского губ. земства. — Тверь: Тип. Губ. правления, 1899. — Т. 9, вып. 1: Корчевской уезд.
13. Сборник статистических сведений о Тверской губернии / Стат. отд. Тверской губернской земской управы; изд. Тверского губ. земства. — Тверь: Тип. Губ. правления, 1894. — Т. 10: Кашинский уезд.
14. Селин А. А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. — 497 с.
15. Словарь водского языка / Ин-т эст. яз.; [ред. 2-го изд. Силья Грюнберг]. — Таллинн: Фонд эст. яз., 2013. — 1824 с. — URL : http://www.eki.ee/dict/vadja/lisad/s_u.pdf (дата обращения: 30.05.2023).
16. Словарь вологодских говоров. — Вологда: ГОУ ВПО «ВГПУ»: Русь, 2005. — Вып. 10. — 182 с.

17. Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН / [гл. ред. В. Б. Крысько]. — М. : Наука, 2011. — Вып. 29 : Сулезь — Тольмиже. — 480 с.
18. Топографический межевой атлас Тверской губернии 1853 года (сост. в 1848 и 1849 гг. чинами Межевого корпуса и топографами военного ведомства).
19. Устав великого князя Ярослава Всеволодовича о мостах в Новгороде (1265–1267 гг.) // РГА-ДА. — Ф. 135. — Оп. V-1. — Ед. хр. 1. — С. 117–119.
20. Цинкобурова М. Г. О некоторых устаревших народных географических терминах запада Новгородских земель // Псковский регионологический журнал. — 2021. — Т. 17, № 3. — С. 116–127.
21. Языки мира: балтийские языки / РАН ; Ин-т языкознания ; редкол. : В. Н. Топоров, М. В. Завьялова, А. А. Кибрик [и др.]. — М. : Academia, 2006. — 224 с.
22. Ghimpu Vlad D. Izvoare medievale romanesti din Rusia si Finlanda // Biblioteca Tyragetia. — Chisinau, 2012. — 174 p.

Сведения об авторе

Состин Тимур Александрович — независимый исследователь (Украина).

В. И. Теркулов

ОСНОВАНИЯ ТИПОЛОГИИ АСТИОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ АСТИОНИМОВ ПОВОЛЖЬЯ)

Аннотация. В работе представлена модель описания регионального функционально-семантического поля астионимов на примере названий городов Верхнего Поволжья. Данная модель предполагает общее описание астионимной системы региона, включающее её количественную характеристику, описание доминантных тенденций номинации в связи со временем создания населённых пунктов и получения ими статуса города. На основе этого осуществляется установление формальных (структурный тип, происхождение, модели образования) и лексико-семантических (этиология и внутренняя форма наименования) признаков астионимов. Полученные данные могут стать основой лингвокультурного и исторического описания городского пространства Верхнего Поволжья.

Ключевые слова: астионим, город, этимология, функционально-семантическое поле, Верхнее Поволжье.

Работа посвящена определению параметров описания астионимов, то есть имён городов (Ярославль, Рязань и т.д.). Считается, что «астионимия относится к числу наиболее изученных разрядов топонимии» [Генкин, 2017: 116], с чем очень сложно согласиться, поскольку, несмотря на существование частных исследований астионимов некоторых регионов (см., например, статьи В. М. Генкина [Генкин, 2017], Р. Х. Каримовой [Каримова, 2018] и др.), а также общетеоретических работ, например [Мадиева, 2019; Ильин, 2010 и др.], и словарей, в которых описаны, например, астионимы России [Поспелов, 2008], говорить о существовании полноценно сформировавшейся общей теории астионимии не представляется возможным: приведённые исследования единичны и не дают общих принципов описания названий городов. Здесь наиболее ярко проявляется та трудность, о которой пишет Р. Х. Каримова: «Одной из наиболее острых проблем топонимики является вопрос выборки единых принципов описания ономастического материала, а также определение критериев классификации топонимов, позволяющих выделить наиболее характерные признаки лексики такого рода» [Каримова, 2018: 37].

В нашей работе мы предлагаем один из возможных путей исследования региональной системы названий городов на примере астионимов Верхнего Поволжья. Наш подход, основывающийся на трактовке астионимии региона как функционально-семантического единства, предполагает на **первом этапе** общее рассмотрение этого единства, а на **втором** — преломлённое через него описание отмечаемых в регионе конкретных названий городов.

Согласимся с тем, что «принципы выделения топонимов в группы определяются, прежде всего, целью исследования, но наиболее распространёнными являются два основных критерия: 1) лексико-семантический; 2) морфолого-словообразовательный» [Каримова, 2018: 37]. Мы, правда, поменяем местами эти критерии, сначала дав морфолого-словообразовательный, а точнее, формальный анализ рассматриваемых слов, а затем — лексико-семантический, тем самым определяя семасиологический путь анализа материала. Приведённые критерии необходимо дополнить ещё и описанием моделей переименований городов, поскольку они отражают историю формирования представлений о городе, но, к сожалению, ограниченный объём статьи не позволяет коснуться в ней и этого вопроса.

1. Астионимная система региона как единство: функционально-семантическое поле региональных астионимов.

Анализ астионимов часто показывает ощутимые номинативные связи между названиями городов одного региона. Эти связи, скорее всего, обусловлены общностью восприятия номинаторами существенных признаков региона, преломлённых через традиционные для языка модели астионимной номинации. Например, города Донбасса в большинстве своём возникли в результате индустриального освоения региона в конце XIX — начале XX века. При этом часть из них создавалась или получала статус города во времена СССР, что мотивировало в ряде случаев идеологически маркированную номинацию. В связи с этим в регионе явно ощутим пласт индустриальных названий, например *Шахтёрск*, *Антрацит*, *Шахты* и под., а также меморативных астионимов, связанных с именами промышленников и инженеров, работавших в Донбассе, например *Горловка*, названная в честь горного инженера *П. Н. Горлова*, *Енакиево*, запечатлевшее имя инженера путей сообщения *Ф. Е. Енакиева* и т.д. Другой пласт названий — советские астионимы, либо отсылающие к советским реалиям и символам, например *Красноармейск*, *Красный Луч* и под., либо являющиеся идеологическими меморативами, например *Ждановка*, *Торез* и т.д.

Д. Ю. Ильин определяет такую систему как **региональное функционально-семантическое поле** топонимов: «В региональной топонимике формируются особые связи, определяющие употребление данных топонимов, которое зависит от разных факторов, в связи с чем предлагается рассматривать названное единство проприальной лексики через понятие “сегментная структура функционально-семантического поля топонимов”» [Ильин, 2010: 258].

Нами рассматривается региональное функционально-семантическое поле астионимов **Верхнего Поволжья**, включающего 81 город Ярославской (11 городов), Костромской (12), Ивановской (17), Нижегородской (28) областей, республик Чувашии (9) и Марий Эл (4). Как видим, наиболее урбанизированной является Нижегородская область, представляющая собой, пожалуй, главный торговый центр Поволжья, наименее — республика Марий Эл.

Практически все города региона прямо или опосредованно связаны с Волгой. На самой Волге расположено 29 городов, но в астионимах это отражается только четырежды: *Волгореченск* в Костромской области, *Заволжск* — в Ивановской, *Заволжье* — в Нижегородской и *Волжск* в Марий Эл. На притоках Волги — Оке, Суре, Унже, Шаче и т.д. расположено 25 городов, а 27 — на притоках притоков (например, на Алатыри, Пьяне — притоках Суры, Вязьме, Тёше — притоках Оки и т.д.) или возле озёр (например, Чухлома — на Чудском озере).

Интересно то, что и у удалённого от Волги города отмечается «волжский» астионим: г. *Приволжск* расположен на р. Шача в 8 км от Волги. Этот астионим придуман в 1938 г., когда посёлок *Яковлевский* решением Президиума Верховного Совета РСФСР был преобразован в город. Видимо, для тех, кто принимал это решение, расстояние в 8 км не было значимым.

Кстати, несколько странно выглядит и название реально расположенного на Волге г. *Заволжье*, поскольку *Заволжьем* традиционно называют левый, а не правый берег реки, на котором и находится этот город. Возможно, здесь было абсолютизировано расположение города за Волгой по отношению к древнему Городцу.

Ещё одним важным фактором описания является установление даты создания населённого пункта и получения им статуса города.

Дата возникновения населённого пункта часто отражает традиции создания астионимов, характерные для данного времени. Следует помнить, что существует две тактики создания астионимов: естественная и искусственная, но всё-таки «в большинстве своём названия городов —

продукт искусственной номинации как особого типа имятворчества» [Мадиева, 2019: 142], который определяется как «акт целеполагающего наречения и одновременное с ним направленное введение названия в общественный лексикон» [Голомидова, 1991: 6]. При искусственном наименовании авторы астионима стремятся воплотить в нём некие традиции номинации, которые, впрочем, по аналогии могут реализовать те тактики, которые были использованы и при естественном наименовании. Например, в XVI веке в Верхнем Поволжье возникло около 30 населённых пунктов, в основе наименования которых в большинстве случаев лежала релятивная связь с расположенными рядом или в самих населённых пунктах объектами, в первую очередь — реками (отгидронимые наименования *Ветлуга*, *Кинешма*, *Алатырь* и под.), но также и с рельефными или социальными объектами: *Буй* — от диал. *буй* «площадь около церкви с домами для причта; кладбище», *Балахна* — от диал. *балахна* «устье реки». В XV же веке преобладают меморативные наименования, связанные с именами хозяев, знаковых личностей или основателей населённых пунктов: *Лысково* (от имени или прозвища Лыско), *Данилов* (от имени *Данил*, *Данило*) и т.д. Информация о дате получения статуса города часто объясняет причины переименования населённого пункта, тоже, кстати, характеризуя «номинативную моду» эпохи. Например, в XX веке при трансформации сёл в города для их наименования использовались либо имена советских деятелей, либо обозначения советских реалий: посёлок *Растяпино* в 1930 г. стал городом *Дзержинском*, а посёлок *Ташино* в 1951 г. — городом *Первомайском*.

2. Формальная типология астионимов

Формальный анализ включает определение структурного типа астионима (простое слово — композит — словосочетание), его происхождение (исконное — заимствованное) и для исконных — словообразовательной модели.

А. Структурный тип астионима. Для рассматриваемого региона нами отмечаются 70 однословных астионимов, например Ярославль, *Ростов* и т.д., 7 композитов, например *Солигалич* (< *Соли Галичские*), *Первомайск* и под., и 4 словосочетания, например *Нижний Новгород*, *Гаврилов Ям* и т.д.

Б. Происхождение. Вполне предсказуемо разграничение астионимов на исконные и заимствованные. Но наш анализ показал, что следует разграничивать по происхождению три типа городских наименований.

- **Исконные** (57 названий), то есть использующие в наименованиях собственно русские слова: общенациональные апеллятивы (например, *Рыбинск*, *Плёс*), архаические апеллятивы (например, *Нижний Новгород*, *Городец*), диалектные апеллятивы (*Наволоки* от диал. *наволоки* «участок земли, на который наносится ил во время разлива»); архаичные онимы (например, *Ростов* от имени *Рост* — сокращения от *Ростислав*), актуальные онимы (*Фурманов*, *Волгореченск*).

- **Заимствованные** (12 названий). Заимствованными мы считаем только те астионимы, которые отмечаются в городах, первоначально или актуально заселённых другими народами. Например, г. *Выкса* (от фин. *vioksi* «поток, течение») возник на месте муромско-эрзянского поселения с этим названием. Отмечаются астионимы, возникшие на базе апеллятивов (например *Канаши* — посёлок, в котором находился сельсовет: от чуваш. *канаши* «совет»), и использующие онимы, обычно антропонимы, например *Арзамас* (от имени первопоселенца — мордвина *Арзамаса*). Есть здесь некоторые трудности с отличением от случаев, описанных в следующем пункте классификации (использование русскими иноязычных названий смежных объектов). Ситуация однозначной трактовки астионима как заимствованного однозначно связана, пожалуй, только с названиями чувашских городов: *Чебоксары*, *Канаши* и т.д.

- **Использованные русскими иноязычные наименования** (12 названий). Очень часто, например, русские города называются по гидронимам, которые являются иноязычными. Такова, например *Нерехта*, основанная на реке *Нерехте* (мерян. *Нерехта* «река большого озера») русскими князьями в XIII веке. Интересна история названия г. *Йошкар-Ола*. Основанный в 1584 г. во время правления Федора I Ивановича на реке Кокшайке как город-крепость *Царевококшайск* (*Царев город на Кокшаге*), он был городом, в котором располагался русский гарнизон. В 1919 г. по идеологическим соображениям *Царевококшайск* был переименован в *Краснококшайск* (вместо царя — красные). В 1920 году была создана Марийская АО (сейчас республика Марий Эл), столицей которой и стал русский город *Краснококшайск*, которому дали для подтверждения статуса

столицы марийское название (заметим, что остальные три марийских города сохранили русские названия: *Волжск*, *Звенигово* и *Козьмодемьянск*). Для этого просто перевели на марийский язык первую часть названия *Краснококшайск* (*красный* — мар. *йошкар*), а название реки заменили мар. *ола* «город». При этом по данным Всероссийской переписи 2010 года чуть более 61 % населения города — этнические русские.

В любом случае астионимия Верхнего Поволжья показывает, что его городское пространство, за исключением, пожалуй, пространства Чувашии, создавалось, обживалось русскими и является русским.

В. Словообразовательные модели. Нами обнаруживаются семантические модели (перенос наименований), морфолого-синтаксическая модель (субстантивация) и морфологические модели (аффиксация).

Семантические модели имеют в своей основе перенос по смежности, выступающий либо в виде **трансонимизации**, либо в виде чистой **метонимии**. **Трансонимизация** в нашем случае — это трансформация онимов различных типов в астионимы, например *Ветлуга* (гидроним — астионим), *Пошехонье* (хороним — астионим), *Фурманов* (антропоним — астионим) и т.д. Чистая **метонимия** имеет в своей основе называние города по значимым для его восприятия объектам. Например, город *Перевоз* возник во второй половине XVI века как поселение на переправе через реку *Пьяну*, то есть, собственно, возле реального перевоза, а город *Родники* известен своими родниками. Разновидностью семантической модели является также астионимизация словосочетаний и композитов, например словосочетания *гаврилов посад*, на месте которого возник город *Гаврилов Посад*.

Субстантивации в рассматриваемой регионе подвергаются притяжательные прилагательные, например *Семёнов*, *Данилов*, *Княгинино* и т.д.

Морфологическая деривация отмечается тогда, когда при создании астионимов используются деривационные аффиксы, чаще всего *-ск*, например *Заволжск*, *Комсомольск*, *Богородск* и т.д. В астионимах *Дзержинск*, *Володарск* произошло наложение форманта *-ск* на финаль *-ск* основ фамилий *Дзержинский*, *Володарский*. Обнаружены также форманты *-ка* (*Козловка*) и *-ец* (*Юрьевец*),

3. Лексико-семантическая типология астионимов

Лексико-семантический анализ настроен в первую очередь на определение этиологии наименований, под которой мы вслед за Е. С. Отиным понимаем «причину называния, мотив первичной номинации объекта» [Отин, 2014: 8]. Отмечено 4 этиологических поля для астионимов региона: релятивное, меморативное, квалификативное и меморативно-релятивное.

I. Релятивное поле — наименование строится на основе констатации связи города с некоторым объектом.

Первая группа релятивных наименований объединяет **астионимы, образованные от других онимов**.

1. Для Верхнего Поволжья чаще всего в качестве онима-источника выступает **гидроним**: название реки трансформируется в название города. Здесь следует различать семантическую тактику трансонимизации, например для городов *Нерехта*, *Кинешма*, и деривации, например *Волжск*, *Волгореченск*.

2. В ряде случаев онимом-источником становится **название станции**. Правда, для обнаруженных нами примеров отмечается только двойная трансонимизация: название реки — название станции на реке — название города. Такова история названий городов *Нея*, *Шарья*, *Вичуга* и т.д.

3. Иногда источником для астионима становится **хороним**, название местности, в которой находится город, например *Пошехонье*, *Заволжье*.

4. В некоторых случаях источником выступает **экклезионим**, например для *Богородска*, названного в честь церкви Пресвятой Богородицы.

5. Для составных наименований отмечаются релятивно-локативные наименования, в которых уточняется расположение города, обычно по причине совпадения (преднамеренного, релятивно связывающего городá) его названия с названием другого города. Таковы, например, *Переяславль-Залесский* (изначально *Переяславль*), получивший локативное уточнение для отличия его от *Переяславля Русского* в районе Киева, *Нижний Новгород* и др.

Вторая группа релятивных наименований объединяет **отапеллятивные астионимы**.

1. **Естественный объект** — характеристика местности, на которой или у которой расположен город, например *Наволоки*, от рус. диал. *наволоки* «участок земли, на который наносится ил во время разлива», *Пучеж*, чьё название, скорее всего, связано со словом *пучина* «омут, водоворот», что могло характеризовать русло реки.

2. **Искусственный объект**, являющийся знаковым для города, например *Кстово*, отличительной чертой которого был, вероятно, церковный крест. Название города *Канаши* связывают с чуваш. *канаши* «совет», поскольку в нём располагался сельский Совет.

II. Меморативное поле — в основе наименования лежит название объекта или лица, в честь которых назван город.

Первая подгруппа наименований объединяет **отонимные образования**.

1. Название в честь **основателя** населённого пункта. В основном эта группа представлена субстантивированными притяжательными прилагательными, например *Данилов* (от имени *Данила*), *Ярославль* (от имени князя *Ярослава Мудрого*). Иногда отмечается трансонимизация имени, например *Арзамас*. Иногда астионим связывался с именем основателя не города, а какого-либо объекта в городе, например г. *Макарьев* назван в честь основателя монастыря *Макария Унженского и Желтоводского*.

2. Название в **честь знаковой личности, так или иначе связанной с населённым пунктом**. Различаются транспозиционные наименования, например г. *Тутаев*, названный в память погибшего при подавлении Ярославского мятежа красноармейца Тутаева, и деривационные, например *Чкаловск*, образованный суффиксальным способом от фамилии *Чкалов* — уроженца этого населённого пункта.

3. Часто города назывались просто в честь **знаковой личности**, например *Дзержинск*. Иногда города назывались в честь святых, мучеников и т.д. Например, название города *Козьмодемьянска* связывают с тем, что место для будущего укрепления было выбрано в день, когда православная церковь отмечает память мучеников Космы и Дамиана (в просторечии Козьмы и Демьяна).

4. В честь праздника Первого мая (**геортонима**) назван город Первомайск.

Вторая подгруппа наименований объединяет астионимы, образованные от апеллятивов.

1. Иногда посессивное наименование указывает на **социальный статус** первоначального хозяина города, например *Княгинино*, подаренное князем Воротынским жене.

2. В честь **организации** назван г. *Комсомольск*, основанный в 1927 на месте **комсомольской** стройки Ивановской ГРЭС.

III. Квалификативное поле, где в основе названия лежит характеристика города.

1. Указание на **размеры или статус города**, например *Городец*.

2. Возможно, с названием распространённых в городе **птиц** связано название *Галич* (от *Галки*).

3. **Промысловое название**, например *Рыбинск*.

4. **Название по исконным жителям региона**, например *Чухлома* — русское название *чуди*.

IV. Меморативно-релятивное поле — объединяет сложные наименования, в которых основной номинации становится объект, названный главным словом словосочетания, связанный с каким-либо лицом, представленным притяжательным прилагательным. Это небольшая группа сложных наименований (словосочетаний и композитов), например *Гаврилов-Ям* — город, возникший вокруг *яма* — станции (учреждение), предположительно, хозяином которого был некий *Гаврила*.

Итак, астионимы одного региона представляют собой региональное функционально-семантическое поле взаимосвязанных названий городов. Задачи исследования и описания регионального поля астионимов таковы. Необходимо, во-первых, дать общую характеристику функционально-семантического поля, включающую установление доминантных признаков наименования городов в зависимости от времени их создания и получения ими статуса города, а во-вторых, описать формальные (структурный тип, происхождение и модель образования) и лексико-семантические (этиологию) особенности астионимов. Очень интересно проследить динамику переименований городов. К сожалению, из-за ограниченности объёма статьи данное описание осталось за пределами текста, но будет представлено в последующих статьях. Полученные данные могут стать основой лингвокультурного и исторического описания городского пространства региона.

Список источников

1. Генкин В. М. Астионимия российского и белорусского побережья Западной Двины // Наука — образованию, производству, экономике : в 2 т. — Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. — Т. 1 — С. 116–118.
2. Голомидова М. В. Некоторые теоретические вопросы искусственной топонимической номинации // Вопросы ономастики. — Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991. — Вып. 19 : Номинация в ономастике. — С. 5–13.
3. Ильин Д. Ю. Структура функционально-семантического поля топонимов в языке региона // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. Т. Ю. Тамерьян. — Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2010. — Вып. XII. — С. 255–259.
4. Каримова Р. Х. Структурная характеристика астионимов немецком языке // Лучшая научно-исследовательская работа 2018 : сб. ст. XIV Междунар. науч.-исслед. конкурса. — Пенза, 2018. — С. 105–111.
5. Мадиева Г. Б., Супрун В. И., Борибаева Г. А. Научная, народная и кабинетная этимология астионимов (на материале названий городов Республики Казахстан) // Вопросы ономастики. — 2019. — Т. 16, № 3. — С. 140–161.
6. Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса. — Донецк : Юго-Восток, 2014. — 199 с.
7. Поспелов Е. М. Географические названия России : топоним. слов. — М. : Астрель, 2008. — 523 с.

Сведения об авторе

Теркулов Вячеслав Исаевич — д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (Донецк, Россия).

Е. В. Цветкова

МИКРОГИДРОНИМИЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ (НАЗВАНИЯ ЗАВОДЕЙ)

Аннотация: В статье рассматриваются названия заводов в говорах костромского края, которые отражают особенности ставших основой для их создания географических терминов, отличающихся многочисленностью и разнообразием. Обращается внимание на семантику данной лексики, её функционирование в народной речи.

Ключевые слова: топонимия, микротопонимия, микрогидронимия, костромская микрогидронимия, географические термины, названия заводов, костромские говоры

Названия мест на водоёмах, апеллятивные и онимические, костромского края многочисленны и разнообразны. Наименования заводов, как и другие микрогидронимы, входящие в «микротопонимический блок “вода”» [Климкова 2008: 115], образованы в основном от географических, в том числе и местных, терминов. Географический термин *заводь* с общеславянским корнем (из *за-воднь от *водá* [Фасмер, 2: 72]; от глагола *заводить*), имеющий в современном русском литературном языке значения ‘участок с замедленным течением реки или мелкого места пруда, озера и т. п.’, ‘поворот берега, где течение принимает обратное направление’ [БАС, 4: 316], ‘небольшой залив, часть реки (или озера) около берега с замедленным течением’ [БТСРЯ: 314], в костромских, как и в других, говорах известно в нескольких значениях, показывающих отмечаемую исследователями сложность в отграничении литературного понятия от близких, смежных понятий [Васильев, 2001: 156]. Например, по имеющимся у нас материалам (картотека Костромского областного словаря, наши личные записи), в том числе собранным для ЛАРНГ в соответствии с программой сбора лексики для него [Программа, 2: 40]: ‘место с замедленным течением’ (Красн., Межев.), ‘место в реке со стоячей водой’ (Кадыйск., Макар., Судисл.), ‘тихое место’ (Галич.), ‘мелкое место в пруду, речке’ (Мантур.), ‘глубокое место в реке, омут’ (Парф., Судисл.), ‘место в реке с водоворотом, водоворот’ (Костр.), ‘место в реке, где вода, упираясь в какую-то преграду, принимает обратное течение’ (Кадыйск.), ‘второе течение реки, направленное к отлогу

песчаному берегу' (Вохом.), 'место слияния рек' (Мантур.), 'залив в реке, озере' (Чухл., Солиг., Парф.), 'место в реке, вдающееся в берег; залив' (Макар., Антроп.), 'поворот, извилина в течении реки, рукав' (Галич., Нерехт., Костр., Остров., Судисл.), 'глухой рукав реки' (Галич., Солиг., Макар., Нерехт., Шарьин.), 'старое русло реки' (Буйск., Красн., Костр., Кадыйск., Мантур., Нерехт., Солиг., Судисл., Чухлом., Шарьин.), 'небольшое озеро на месте старого русла реки' (Костр., Нерехт.), 'небольшое озеро рядом с рекой, не отделённое от неё' (Нейск.), 'голое место среди зарослей в озере, реке' (Галич., Костр.), 'место на водоёме, где растут камыши, ряска и тина' (Нерехт.), 'поёмные места с оставшейся водой' (Костр., Межев.), 'запруда' (Октябр., Галич.) и т. п. Из народной речи: *Вот когда река стоит — это заводь* — Григорцево Нерехт.; *Тихое это место на реке* — Сусанино Сусан.; *Глубокое место это, омут. В заводях, говорят, нечистая сила водится, жуткое место* — Савино Парфен.; *Не плавай в заводь, там глубоко* — Новосёлово Парфен.; *Водоворот и заводь (заводью) кто-то называл* — Одоевское Шарьин.; *Глухой рукав реки это* — Орехово Галич.; *Ну это как пруд такой отдельный* — Здемирово Красн.; *Это поёмные места с оставшейся водой. Заводей много по берегу* — Лаврово Нерехт.; *Лонись отосля водополицы заводи на полое оставалис, так-от в их водица чистейша* — Веденьё Октябр.; *Заводи — луга весной заливаются водой и покрываются илом / Нынче много сена на заводах сгнило* — Ивково Вохом.; *В дождливую погоду на лугу много заводей бывает, косить нельзя* — Громово Вохом.; *Во Фролах Светичка — река. И там тростники, и между этими тростниками заводь — всегда тихо* — Галич Галич.; *Были мельницы. Строили запруду, и называли её заводь* — Галич Галич.; *Запруда это* — Соловецкое Октябр. Подобного рода значения имеют и производные от этого термина, например: *заводень, заводень* — 'место с замедленным течением, заводь' (Солиг., Чухлом.), 'залив в реке, озере' (Галич., Солиг., Чухл.), *заводина, заводина* — 'небольшой залив в реке или озере, заводь' (Костр., Сусан.), 'залив в реке, озере, ручье, болоте' (Костр., Судисл., Галич.), *заводье* — 'залив реки' (Поназ.), ум.-ласк. *заводинка* — 'место с замедленным течением' (Костр., Сусан., Нерехт., Красн.), 'залив' (Костр., Судисл., Кадыйск.), *заводюшка* — 'залив в реке, озере' (Парф.) и др. Названные значения известны и многим говорам, что отмечено в СРНГ, в областных словарях и в других источниках. Так, заводью называют водоворот в орловских, вятских, ярославских, новгородских, псковских, пермских говорах, глубокое место в реке, омут — в новгородских, олонечских, архангельских, вятских, ярославских, брянских, рукав реки — в архангельских, псковских, глухой рукав реки — в беломорских, вятских, ярославских, крутой поворот реки — в псковских, новгородских, старое русло реки — в вятских, ярославских, псковских, небольшое озеро на месте старого русла реки — в вологодских, ярославских, калужских, вятских, брянских, поёмные места — в вятских, запруду — в московских, ярославских, вятских, залив — в архангельских, псковских, мыс при слиянии двух рек — в калининских и мн. др. [СРНГ, 9: 327–328; Даль, 1: 561; АОС, 15: 381–382, 392–395; НОС 2010: 275; ОСВГ, 4: 77–78; ПОС, 11: 90–91, 96–97; ЯОСД, 2: 237–238; Мурзаев: 178; Полякова: 118–119; Васильев 2001: 156–168 и др.]. Термин *заводь* и другие термины, называющие залив, будут представлены на соответствующей карте карте ЛАРНГ (см. об этом [Пыхов, 2022: 346–357]). Как показывают наблюдения, «в этой микропарадигме много единиц, деривационно связанных с диалектными словами, в том числе местными географическими терминами» [Климкова, 2008: 116].

Значения географического термина *заводь* нашли отражение в костромской микрогидронимии. Это и названия, образованные путём прямого перехода термина в микротопоним, и составные названия, показывающие особенности именованных объектов, например: *Заводь — место в реке, где стоячая вода. Так и зовут. В Заводи плещутся леици* — Макар.; *Нечистая заводь — тихий омут в верховье Корбы это. По старинному преданию, там всегда водились черти* — Судиславль Судисл.; *Кривая заводь — крутой поворот реки Медоза с глубоким омутом* — Заборье Остров.; *Борковская заводь — старый рукав реки Унжа близ посёлка Никольское* — Унжа Макар.; *Марковицкая заводь есть. Это где река вдаётся в сушу в виде залива* — Красногорье Макар.; *Длинный залив там есть Чёмушкина заводь* — Любимовка Макар.; *Силкина заводь — озеро* — Луптюг Октябр.; *Бурдóвская заводь — озеро около поля Веретье. В озере этом рыбы много. Каждое лето там с мужиками ловим* — Верхне-Спасское Пыщуг.

Большим количеством в наших материалах представлены составные (двусловные) названия заводей, образованные на основе термина *заводь* и слова, чаще определения, характеризующего

объект по каким-либо его качествам, по отношению к человеку (чаще по антропониму), по отношению к другому объекту (часто по ойкониму), сохраняя память об объектах, в том числе и об исчезнувших, о людях, их отношении к окружающему миру. Например: *Инковская заводь* — близ деревни *Инково* — Дорогиня Макар.; *Новодеревенская заводь* — заводь возле *Новой деревни*. *Самой деревни уже давно нет* — Нея Нейск.; *Починовская заводь* — недалеко от деревни *Починок / Гускинская заводь* находится недалеко от деревни *Гускино* — Елегино Буйск.; *Никитинская заводь* находится рядом с *Якиангской заводью* — Шарья Шарьин.; *Заводь-то Лысовская есть*. Весной всегда ходили на *Лысовскую заводь* — Малая Поповица Мантур.; *Зубовская заводь*. Название заводи произошло от названия церкви, стоящей на её берегу. Церковь построил купец *Зубов* — Шарья Шарьин.; *Омут Чёрный яр* находится ниже *Афанасовой заводи* — Шайменский Павин.; *Калина заводь* — на реке *Тёбзе / Как красиво на Калиной заводи!* — Мыс Буйск.; *Артамонова заводь* — в реке *Нее*, в районе города — Нея Нейск.; *Васильевская заводь* находится недалеко от *Гридино* на реке *Шуя* — Коммунар Нейск.; *Корниловская заводь* — речная заводь на реке *Нельша*, близ *Кужбала* — Кужбал Нейск.; *Семёновская заводь* — заводь на реке *Нея* — Нея Нейск.; *Жужикова заводь* находится на реке *Нея*, за железным мостом через неё, между городом *Нея* и посёлком *Нельша / В Нее очень красива Жужикова заводь*. Про *Жужикову заводь* знают многие — Нея Нейск.; *Комлева заводь* — тут, коло нас — Селище Кадыиск.; *Акентьева-то заводь* — в пяти километрах от *Судая* — Судай Чухлом.; *Попова заводь*. Раньше около неё косили только попы. Расположена около реки *Нельша*, образовалась от этой реки — Нея Нейск.; *А там ещё и Поповская заводь* — Мантур.; *Место на реке Егорова заводь*, где когда-то утонул мужик *Егор*. С тех пор эту заводь и называют *Егорова* — Мантурово Мантур.; *Кубанова заводь* — заводь на реке *Вохтома*. Здесь утонул *Кубанов* из деревни *Телегино* — Парфеньёво Парф.; *Первая заводь* находится в полкиломерте от *Коммунара-то*. *Вторая заводь* — в одном километре — Коммунар Нейск.; *Грязная заводь* находится на реке *Шуя*, в двух километрах от нас. *Красная заводь* — тоже на *Шуе*, в шести километрах, возле *Балканы* — Коммунар Нейск.; *Тихая заводь-то* — у деревни *Простотино* на реке *Совега*. На *Тихой заводи* вода спокойная, чистая, место там глубокое — Васильевское Солиг.; *Мёртвая-то заводь* — на реке *Вига*, в трёх километрах от *Судая*. Очень глубокая, по берегам заросли ивы, очень спокойная вода — Чухлома Чухлом.; *На Вохтоме заводи есть*. *Крапивная* — в пяти километрах от села *Матвеева* — Матвеево Парфен.; *Лесная заводь* называется так по находящемуся вблизи её лесу. Тихое местечко и очень глубокое — Мыс Буйск.; *Боровая* — заводь около реки *Андоба* под деревней *Пырино* — Андреевское Сусан. и т. п.

Заводи являются как опасными местами: *Смотри в Егорову заводь не залезь, а то утонуть можешь* — Мантурово Мантур.; так и местами, которые используются народом (обычно для купания, рыбной ловли): *Третья заводь* — место купания на *Ветлуге* у села *Кажирова / У Третьей заводи оне поди!* — Заветлужье Вохом.; *Заводь* — место купания на реке *Ноля*, рядом с деревней *Заводь*. Ребята купаются на *Заводи* — Чмутово Галич.; *Вчера на Крапивной заводи* большую щуку поймал — Матвеево Парфен.; *Рыба хорошо клевала на Лесной заводи* — Мыс Буйск.; *Недалеко от Лесной заводи* рыбаки землянку построили — Ильино Буйск.; *Жужиковская заводь* — рыболовное место — Нея Нейск.; *Заводина* — рыболовное место / *Щуку вытащил в Заводине* — Григорово Сусан.; *На Мёртвой заводи* окуней ловили — Чухлома Чухлом.

Переходит это название и на расположенные рядом с водоёмами места, имеются содержащие слово *заводь* названия селений (подчас наблюдается интересная взаимосвязь этих названий), например: *Ивкинская заводь* — низина, выступающая часть реки *Иды* — Чертово Чухлом.; *Заводи* — место у реки, заросшее кустарником. В нём много пахотных полей, и можно легко заблудиться — Репище Нерехт.; *Своё название деревня Заводь* получила от речки *Заводь* — Шарья Шарьин.; *В Лысовской-то Заводи* всего несколько домов / *Напротив Лысовской-то Заводи* под деревней *Никитино* переправа была — Мантурово Мантур.; *Заводь* — деревня возле реки *Ноля*, в двух километрах от *Смутова / Мы* пошли на *Заводь* за мёдом — Чмутово Галич.; *Заводь* — нежилая деревня. В *Заводи* — тихое место — Якшанга Поназ.; *Холодная заводь*. Находится село в низком месте, бьют холодные ключи — Макарьев Макар.; *Заводь* — брод на реке *Ноля* рядом с деревней *Заводь*. *Перейдёшь реку* через *Заводь* — Чмутово Галич.

Для названия заводи в костромских говорах, кроме общеупотребительного географического термина *заводь*, используются и другие термины, обозначающие также и иные реалии, например:

имеющий в современном русском языке значение ‘вдающийся в берег речной залив; заводь’ [БТСРЯ: 352] термин *затон* (Остров., Мантур., Нейск., Костр., Кологр. Нерехт., Буйск.), которым, наряду с термином *заводь*, называется залив, и *залив* (Макар., Чухл., Солиг., Парф.), в современном русском языке означающий вдающуюся в сушу часть океана, моря или озера [БТСРЯ: 330]; *затишье* (Солиг, Парф., Нерехт., Костр., Кологр.), *залина* (Мантур., Костр., Шарьин.) (все они имеют приставку *-за*). Это находит отражение и в микрогидронимии — в названиях заводей: *Затон-от* — *тихое место на реке. Там нет течения. На Затоне хорошо клюёт* — Адищево Остров.; *Иди на Затон ловить рыбу* — Нельша Нейск.; *Ушёл к Затону, так и не вернулся* — Екимцево Кологр.; *На Затоне мы частенько купались. Вода там тёплая* — Знаменка Мантур.; *Мальчишки с утра на Затон пошли рыбу удить* — Красное-Сумароково Нерехт. Ср.: *Затон* — *низина у реки* (Яковлевское Костр.). Микрогидронимы отражают связь термина *заводь* с терминами *омут*, *бочаг*, *яма* и др., называющими заводи и места на них, на что указывают и диалектоносители, определяя эти слова: *Большой омут* — *место для купания детей, тихая заводь на реке Луптюг* — Ильинское Октябрь.; *Мишкин омут* — *бочаг, заводь на реке. Назван так по имени утонувшего в нём мужчины* — Горбачёво Солиг.; *Зимний бочаг* — *заводь на реке. В Зимнем бочаге всегда холодная вода* — Солигалич Солиг.; *Чёртова яма* — *заводь на реке Шубот. Это глубокая заводь у бывшей деревни Зяблухи. Мужики Чёртову яму жердями меряли, но не могли дна достать. В народе говорят, что там живут черти. Их даже видели. Вода в заводи очень тёмная и всегда холодная* — Доброумово Павин.; *Ключик* — *заводь на реке Ветлуга, к северу от деревни Столбецкое* — Шарьин. *Филькина канавка* — *заводь на реке Межа* — Георгиевское Межев.; *Глухой угол* — *заводь на озере. Хорошо в Глухом углу охотиться на уток* — Галич Галич.; *Симановский рейд* — *заводь реки Вохма, в одном километре от деревни Симаново / В Симановском рейде вода тихая* — Бельково Вохом.

Названия могут напоминать о том, как возникла заводь, об изменениях, происходящих с объектами, в том числе и о тех, которые не привели к смене названия: *Промойная заводь находится на реке Шуя на Втором бору. Название произошло оттого, что там берег реки промылся и образовалась заводь* — Коммунар Нейск.; *Старка* — *старая река. Сейчас существует в виде заводи. Так её и зовут Старка. От прежнего русла реки остались Старка да Витань. Витань* — *заводь на Унже. Часть старого русла реки. Мы часто ходим на Витань купаться. В Витани раньше было очень много рыбы.* — Никулино Макар.

Имеются наименования заводей и без перечисленной выше терминологии, образованные на основе названий других объектов, на основе антропонимов, например: *Гусинка* — *длинная заводь на реке Воче, куда прилетают гуси. Находится у деревни Гусинка* — Солигалич Солиг.; *Завтра в Тетёрник ботать едем Леонтьево* — Мантур.; *Балданиха* — *заводь на реке Меже* — Георгиевское Межев.; *Сербовина* — *заводь около деревни Михеево* — Селище Кадыйск.; *Заводь Аганиха* — *на реке Ветлуге, примерно в двух — трёх километрах к северо-востоку от деревни Хреново* — Шарья Шарьин. Встречаются названия, отражающие характеристику их формы, в том числе и разные, например: *Круглавка* — *заводь на реке Меже* — Георгиевское Межев.; *Язык* — *заводь на реке Меже* — Георгиевское Межев.; *Кубышка* — *бочаг, заводь на реке* — Солигалич Солиг.

Как видим, рассматриваемые лексемы имеют довольно «широкую семантическую амплитуду колебания» [Толстой, 2012: 243]. Изучение такой особенности является важным в исследовании географической терминологии и микротопонимии. При номинации заводи используются не только лексические и словообразовательные, но и акцентологические средства. Значительная часть рассмотренных лексем, отражающих народное видение объектов окружающего мира, имеется как в севернорусских, так и в южнорусских и среднерусских говорах.

Список источников

1. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й, Е. А. Нефедовой. — М., 1980–2021. — Вып. 1–22.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с.
3. Васильев В. Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). — В. Новгород, 2001. — 255 с.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — СПб. : Диамант : Золотой век, 1999.
5. Климкова Л. А. Нижегородская микропонимия: разноаспектный анализ : моногр. / Л. А. Климкова ; МПГУ. — Арзамас : АГПИ, 2008. — 261 с.
6. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М. : Мысль, 1984. — 653 с.
7. Новгородский областной словарь / Ин-т лингвист. исслед. РАН ; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. — СПб. : Наука, 2010. — 1435 с.
8. Областной словарь вятских говоров : учеб. пособие по рус. диалектологии : в 12 вып. / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. — Киров, 1996–2018.
9. Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2007. — 420 с.
10. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров : науч.-метод. пособие : в 2 ч. — СПб. : Изд. ИЛИ РАН, 1994.
11. Псковский областной словарь с историческими данными / ред. А. И. Лебедева, О. С. Мжельская, С. М. Глускина, Л. А. Ивашко, А. И. Корнев, И. С. Лутовинова [и др.]. — Л., 1920–1967. — Вып. 1–28.
12. Пыхов В. А. Наименования залива в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / отв. ред. С. А. Мызников. — СПб. : ИЛИ РАН, 2022. — С. 346–358.
13. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
14. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология : семасиологические этюды / отв. ред. С. Б. Бернштейн. — 3-е изд. — М. : Либроком, 2012. — 360 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М. : Прогресс, 1986.
16. Ярославский областной словарь : доп. : в 2 т. / под науч. ред. Т. К. Ховриной. — Ярославль : РИО ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 2015.

Сокращения названий районов Костромской области

Антроп. — Антроповский; Буйск. — Буйский; Вохом. — Вохомский; Галич. — Галичский; Кадыйск. — Кадыйский; Кологр. — Кологривский; Костр. — Костромской; Красн. — Красносельский; Макар. — Макарьевский; Мантур. — Мантуровский; Межев. — Межевой; Нейск. — Нейский; Нерехт. — Нерехтский; Октябр. — Октябрьский; Остров. — Островский; Павин. — Павинский; Парфен. — Парфеньевский; Поназ. — Поназыревский; Пыщуг. — Пыщугский; Солиг. — Солигаличский; Судисл. — Судиславский; Сусан. — Сусанинский; Чухлом. — Чухломский; Шарьин. — Шарьинский.

Сведения об авторе

Теркулов Вячеслав Исаевич — д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (Донецк, Россия).

Ю. А. Южакова

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КАЧЕСТВЕ СОБСТВЕННЫХ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

***Аннотация.** В статье рассматривается связь собственных наименований населённых пунктов Рязанской области с нарицательными понятиями. Автор в процессе сопоставления попытался объяснить с точки зрения филолога возможное происхождение некоторых топонимов и наметить пути решения отдельных топонимических загадок.*

***Ключевые слова:** топонимы Рязанской области; лексика; собственные и нарицательные существительные; происхождение топонимов.*

Изучение истории происхождения топонимов — одно из интереснейших занятий лингвиста. Внимание к историческим процессам в языке, этнографические исследования, археологические и историографические разыскания — всё становится основой для предположений о природе топонима. Мы не ставим перед собой задачу полно и достоверно проследить пути появления того или иного наименования. Изучив список названий населённых пунктов Рязанской области, мы обратили внимание на связь многих из них с нарицательными понятиями и в процессе сопоставления попытались наметить пути решения некоторых топонимических загадок.

Мы выделили следующие группы нарицательных существительных, положенных в основу образования собственных наименований.

1. Характер поселения: слобода, городище, деревня, выселки, городок, посёлок, хутор, село, дворики (Красный Посёлок, Красная Деревня, Новая Деревня, Городок, Красный городок, Красный Посёлок, Проне-Городище, Красное Городище, Выселки, Александровские Выселки, Марчуковские Выселки, Вольховские Выселки, Ольховские Выселки, Мосоловские Выселки, Полянские Выселки, Кочугуро-Выселки, Слобода, Слободка, Добрая Слобода, Марфина Слобода, Казачья Слобода, Панинская Слобода, Нелина Слобода, Красная Слобода Лесная Слобода, Инная Слобода, Городище, Дмитриевский Хутор, Ивановский Хутор, Новый Хутор, Марьины Хутора, Дворики, Высоковские Дворики, Левашовские Дворики, Старо-Рязанские Дворики, Елисеевский Посёлок, Станицы, Новосёлки, Новики, Новляны, Новинки, Сельцо Гавриловское, Селищи, Сельцы, и пр.)

Прилагательное характеризует поселение или служит географическим идентификатором. Обращает на себя внимание широкое использование прилагательного «красный», предполагающее идеологический подтекст. Характерны словообразовательные процессы — оценочная суффиксация: новики — новинки — новляны; сельцо — сельцы — селищи.

2. Ландшафтные ориентиры: степь, холм, гора, курган, поле, лужки, поляны, пруды, болота, полесье, озёра, пристань, овраг (Быковская Степь, Красная Степь, Курган, Зелёный курган, Старые Подсосенки, Зелёный Бор, Лебяжий Бор, Брыкин Бор, Кутловы Борки, Лесищи, Березники, Березняги, Липки, Подлипки, Красная Дубрава, Подвязые, Апушка, Красный Холм, Новая Пустынь, Федосеево-Пустынь, Агро-Пустынь, Дикое Поле (по свидетельству местных жителей, название не имеет ничего общего с местом кочевания татарских племён, а мотивировано наличием рядом большого участка необработанной земли), Поляны, Полянки, Мухины Поляны, Просяные Поляны, Высокие Поляны, Труфановы Поляны, Лесная Поляна, Новое Поле, Заполье, Гарь, Погари, Горы, Горки, Горицы, Подгорье, Уланова Гора, Болотцы, Заболотье, Рясы, Гиблицы, Ключ, Гремячий Ключ, Прудки, Большие Прудищи, Безводные Прудищи, Ясная поляна, Лужки, Пустынь, Швивая Горка, Озерки, Низок, Полесье, Подлипки, Пятницкий Яр, Красный Яр, Гаи, Крещено Гаи, Красные Борки, Борок, Полесье, Вешки, Мосток, Пеньки, Погост, Большая Дорога, Лосино-Островское, Верхний Остров, Островки, Нижний Остров, Красный Озерок, Зеркальные пруды, Пристань, Воротцы, Харинский Ручеёк, Родники, Кривая Лука, Острая Лука, Коленцы (от изгиба реки); Большой Пролом, Малый Пролом, Засечье, Заречье, Песочня, и пр.).

В качестве ориентира используются как естественные природные особенности, так и видовой состав леса, находящегося рядом: Бор, Ольхи, Липки, березняк (Березники), дубняк (Дубняки). Интерес представляют диалектные вкрапления: яр — ‘овраг’, рясы, гиблицы — ‘топкие болота’, гай — ‘дубрава, чернолесье’, швивая — от ‘ушивая’, поросшая травой ‘ушем’. Фонетические диалектизмы представлены лексемами вольхи — заросли ольхи, апушка — опушка. Словообразование, преимущественно префиксация, указывает на местоположение населённого пункта относительно географического ориентира: Подлуг, Подболотье — ниже ландшафтного объекта, Зароща, Заболотье — позади него.

3. Наименования растений, животных: Лозинка, Малинки, Ягодка, Красная Яблонька, Мшанка, Свинушки, Лесные Цветы, Цветки, Ранние Выходы, Добрые Пчелы, Воронки, Совка, Ястребки, Журавлиха, Невеличка, Кулики, Славка, Коровка (от растения «дягель» — Даль).

Почти регулярная оценочная суффиксация уменьшительно-ласкательного плана часто свидетельствуют о небольшом размере поселения. Присутствуют местные наименования: Грибов куст — ‘роща, богатая грибами’; Сявель — ‘щавель’ (южнорусск.) или место, богатое им; Синец — ‘что-то синее, рыба или трава’; Мокрицы — ‘влажное место, поросшее одноимённой травой’; по другой версии от фамилии владельца Мокрицкого.

4. Бытовые предметы: телятник, каменка (печь), летник (Хомут, Вилки, Бычки, Сенин Пчельник, Летники, Сенцы, Лом, Беседки, Каменка (не связано с рекой), Зеркалы, Костыли, Лошаки, Вольты, Зубенки, Рожок, Ясли, Рогожка, Сушки, Клетки, Печины, Соха, Столпцы, Шарик, Шатрище, Кресты, Воронка, Даниловские Печи.

Названия некоторых населенных пунктов характеризуются по форме или расположению: Уда, Клин, Тупик, Карля (очень маленькая деревня); характеру транспортных путей: Ямы, Заулки, Взвоз, Большак; чаще по основному роду занятий поселенцев: Добрый Сот, Берестянки, Копи, Нива, Колесня (мастерская по изготовлению колёс); Давилки, Жерновки, Соха, проч. Целая группа наименований связана с мясообработкой: Требушки, Ливер, Пупки, Нарезка, Мышца. Вероятна и другая этимология: Нарезка от «нарезать», делить участки; Пупки — ‘возвышенное место’. Есть явно оценочные наименования: Рюмки, Винищи.

5. Личные существительные, называющие социальный статус: Княгиня, Княжи, Батьки, Декабристы; национальность: Поляки; профессии, род занятий: Горняк, Земледелец, Дегтярка, Мочилы, Балушевы Починки, Лубяники, Крупники, Телятники, Бортники, Бочкари, Пушкари, выражающие оценку: Нагиши, Гулынки, Молодки, Кореньки, Двойники, Свинчус, Асники.

Особенно интересны два последних наименования, передающих клички соседей: Свинчус — неряшливый человек, Асник — задающий слишком много вопросов, переспрашивающий. Предполагаем, что и наименования Нагиши, Гулынки аналогичны по происхождению.

6. Абстрактные понятия: культура, пробуждение, рассвет, возрождение, воля, надежда, удар (Свобода, Новая Жизнь, Добрая Надежда, Добрая Воля, Культура, Отрада, Возрожденье, Победа, Пробуждение, Призыв, Прогресс, Красава, Красивка).

Большинство наименований мотивировано революционно-романтической семантикой, отражающей позитивные ожидания создателей колхозов, впоследствии собственные названия коллективных хозяйств стали наименованиями населённых пунктов. Составляют исключение два последних наименования, относящиеся исключительно к месту жительства.

7. Темпоративы, соответствующие календарным периодам и знаменательным датам: Красный Май, 1-е Мая, Октябрь; природным явлениям: Заря, Зорька, Восход, Рассвет, Солнце, Утро, Свет, Сумерки, Луч.

Большинство наименований также имеют идеологическую составляющую, мотивированную зарождением нового дня, новой жизни.

8. Идеологизмы, сохранившие революционную тематику: Коминтерн, Борец, Заря Свободы, Красный Октябрь, 10-й год Октября, Коллектив, Красная Звезда, Искра, Красный Колодец, Новый Мир, Красная Новь, Авангард, Советский Мир.

Стоит отметить регулярность использования прилагательного «красный» как синонима «революционный»: Красная Деревня, Красный Посёлок, Красные Борки; Красный Восход, Красный Озерок, Красный Яр, и проч.

9. Слова религиозной тематики: Семион, Троица, Красный Угол.

10. Другие топонимы: Ялта, Поволжье, Лосиный Остров, Мыс Доброй Надежды, Ясная Поляна, Самара, Кукуй, Лубянка, Черная Речка.

Некоторые наименования однозначно перенесены на рязанскую землю переселенцами (Мыс Доброй Надежды), другие, предположительно, даны местным населением обосновавшимся здесь приехав на основании предыдущего места их проживания (Поволжье, Самара). Достоверное происхождение остальных неизвестно, мы не настаиваем на заимствованном характере наименований, допускаем совпадение и независимые параллельные наименования. Так, название Лосиный остров связывают с традицией придворных охот, таким образом, название довольно широко распространено в России. Аналогично, Черная речка мотивирована цветом воды водоёма; Ясная поляна — наличием высокого светлого места. Лексемы Кукуй, Лубянка представляют собой фонетические совпадения с известными столичными наименованиями.

Разумеется, мы охватили не все собственные наименования, в основе которых лежат нарицательные понятия, за пределами нашей классификации осталось много интересных слов, например, Новые Воды, Прибытки, Новопоселённый Рог, Синь, Тепловодие, и др., мы не рассматривали лексемы, созданные словообразовательными способами от других частей речи,

в перспективе рассмотрение названий населённых пунктов по именам рек и других водоёмов. Однако есть наименования, которые нельзя обойти вниманием. Это топонимы, образованные от лексических диалектизмов. Среди них этнографизмы и некоторые наиболее интересные словообразовательные диалектизмы славянского происхождения, отмеченные в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и «Топонимическом словаре Рязанской области» под ред. А. А. Никольского:

Бутырки — ‘пригородная слобода’ [Даль: 1, 146];
Веря — ‘возвышенное сухое место’ [ТС: 39];
Виленка — ‘извилистая река’ [ТС: 41];
Выдерга — ‘место корчевания’ [ТС: 47];
Выжелес — ‘место вырубки леса и выжигания корней’ — от «выжега» [Даль: 1, 97];
Галина — переосмыслено от «голина» — ‘голое, открытое место’ [Даль: 1, 138];
Дюк — ‘тюк весом более пуда’;
Перекаль — от «перекалье» — ‘перешеек’ [ТС: 189];
Кельцы — от «кельи» — ‘постоялые дворы’;
Казинка — ‘место водопоя коз на реке’ [ТС: 105], возможно, от «казистый» — ‘красивый, видный’;
Пузос — ‘возвышенное место’ [ТС: 211];
Усады — ‘место, покрытое посадками’;
Тархань — от «тархан» — ‘скупщик по деревням, торговец мелочным товаром’ [Даль: 4, 147];
Устрань — от «устранивать» — ‘глушь, удалённое место’ [Даль: 4, 216];
Непложа — ‘бесплодная местность’ [ТС: 169];
Лубонос — ‘пустошь на месте деревни’ [ТС: 142], возможно, место у изгиба реки (носа), где заготавливали луб — липовую древесину;
Сиверка — ‘северный ветер’;
Кочугурки — ‘песчаные холмы’ [ТС: 119];
Крутец — ‘крутой возвышенный берег’ [ТС: 130].
Есть диалектизмы угро-финского происхождения:
Аксень — мордовское ‘река’ [ТС: 12];
Нарма — мордовское ‘луг, луговая река’ [ТС: 166];
Ламша — мордовское ‘лощина, болотистая местность’ [ТС: 137];
Мунор — угро-финское ‘река’ [ТС: 162];
Сильма — мокшанское ‘глаз, озеро’ [ТС: 239];
Шевали-Майдан — тюркское «шевар-лей» — ‘песчаная речка’; южнорусское «майдан» — ‘лесная прогалина и стоящий на ней завод по производству поташа’ [Даль: 2, 317].

Таким образом, топонимы могут иметь самое разное происхождение. Со временем жители перестают обращать внимание на этимологию названия своего населённого пункта. Хотя такие, пусть даже непрофессиональные, изыскания питают любовь к родному краю, интерес к его истории, стремление изучать русский язык, то есть обладают огромным воспитательным потенциалом.

Список источников

1. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. — Т. 1–4. — URL : <https://runivers.ru/lib/book3178/> (дата обращения: 15.03.2023).
2. Населённые пункты Рязанской области. — URL : <https://geoadm.com/naseennye-punkty-ryazanskoy-oblasti.html> (дата обращения: 15.03.2023).
3. Топонимический словарь Рязанской области / [авт.-сост. : А. В. Бабурин [и др.]] ; под ред. А. А. Никольского. — 2-е изд., испр. и доп. — Рязань : Ряз. гос. пед. ун-т, 2004. — 294 с.

Сведения об авторе

Южакова Юлия Александровна — д.филол.н., профессор кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ имени С. А. Есенина (Рязань, Россия).

ВАРИАНТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ РЯЗАНСКОГО КРАЯ И ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ ТОПОНИМОВ

Аннотация. В статье рассматриваются в диахроническом аспекте топонимы Рязанского Поочья, которые представлены несколькими вариантами, что, как правило, позволяет точнее этимологизировать анализируемые наименования, поскольку в старинных источниках обычно фиксируется более ранняя и близкая к этимону форма.

Ключевые слова: топоним, варианты топонимов, этимология, диахрония, картографирование.

Вариативность в топонимии, то есть те случаи, когда один географический объект имеет несколько наименований, встречается не так уж редко. Варианты названий могут быть разного плана: от полных лексических (совершенно разных слов), например, оз. *Селезневское* (Яндекс-карты и Генеральная карта Рязанской губернии 1850 г.) и оз. *Лебединое* (Атлас Рязанской области, 2002 г и другие печатные карты), до морфемных и фонетико-графических, различающихся морфемным оформлением, например, оз. *Сегденское* (Яндекс-карты) и оз. *Сегдено* (Атлас Рязанской области, 2002 г), или фонетико-графическим обликом, например, оз. *Кужиха* (Яндекс-карты, Атлас Рязанской области, 2002 г) и оз. *Кужехта* [Смолицкая, 1976: 230]. Топонимическая вариативность может быть рассмотрена как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Если иметь в виду современный синхронический срез (хотя бы нескольких десятилетий), то наличие вариантных наименований у одного объекта нужно расценивать как явление отрицательное: современное картографирование требует строгой упорядоченности и единообразия, хотя существование официального и народного устного вариантов вполне возможно и для исследователя-топонимиста представляет определенный интерес. Так, например, наличие при официальном названии села — *Красильниково* устно-разговорного — *Красильники* может быть косвенным свидетельством того, что ойконим произошел не от фамилии Красильников или прозвища Красильник, а указывает, скорее, на былой род деятельности большинства жителей села (*Красильник* м. — ница ж. кто красит пряжу, ткани, кожи и пр. [Даль]). К тому же оказывается, что устный вариант передает исконную форму топонима, зафиксированную на Генеральной карте Рязанской губернии 1850 г. Лексические варианты названий населенных пунктов на планах генерального межевания 18-19 вв. указывались добавлением элемента *тожь*, например, д. *Кошелева Кабанова тожь*, на Генеральной карте Рязанской губернии 1850 г. такие варианты обычно указываются в скобках, например, д. *Суренка (Тычки)*, с. *Татарское (Одерихино)*. Такие варианты актуализируют различные признаки объекта и каждый из них должен этимологизироваться самостоятельно. Добавим, что исторические варианты появляются часто в результате переименований, определяемых экстралингвистическими социально-экономическими факторами. Нас же больше интересуют морфемные и фонетико-графические варианты, поскольку диахронический анализ топонимических вариантов или анализ синхронических срезов прошлого состояния топонимической системы во многих случаях позволяет прояснить или уточнить этимологию географических наименований. Такие варианты зачастую возникают в случае разницы в фиксации наименования различными регистраторами различных источников (Писцовые книги Рязанского края; Губернские и уездные карты и планы городов Генерального межевания; топографические карты 20 в.).

Рассмотрим некоторые из уже упомянутых нами топонимов. Так, совершенно ясно, что озерный гидроним *Кужиха* мотивируется морд. *кужа, гуша* — “поляна”, но отмечаемый Г. П. Смолицкой вариант *Кужехта* содержит мордовский аглютинативный формант множественного числа *-хт*, что позволяет уточнить исконное значение названия и перевести его как метонимическое *Поляны*. Подобный анализ можно произвести, опираясь на варианты гидронима оз. *Сегденское*: *Сегдено, Сегдино, Сегодино, Сегодань* [Смолицкая, 1976: 376]. Особенно интересен вариант *Сегодань*, в котором имеется мордовский показатель относительных прилагательных

-ань (ср. оз. *Большая Кардань* < *карда, кардо, кардаз* — “двор, загон для скота” [Топонимический словарь Рязанской области, 2004: 27]). Корневая часть гидронима лучше всего соотносится с мордовско-мокшанским словом *сенди* “камыш” (если учесть возможность диссимиляции *нд>гд*), это соответствует и естественно-географической характеристике озера, большая часть берегов которого заросла камышом [Топонимический словарь Рязанской области, 2004: 236].

Также наличие варианта *Упта* у речного гидронима *Хупта* (правый приток Рановы правого притока Оки) [Смолицкая, 1976: 182] позволяют считать начальный *х* — протетическим и предположить балтийское происхождение наименования, так как этот вариант сопоставим с литовским *Upute* и латышским *Jerupite* (< лит. *upe* — “река”), причем балтийскими могут быть и названия двух притоков *Хупты*: *Стабенка* (ср. лит. *Stabinas*, др.-пр. *Stabingen, Stabinotilte* и др.-пр. *stabis* — “камень”, а также гидронимы из Верхнего Поднепровья *Стабница, Стабна*) и *Лакоток* (ср. др.-пр. *Lukte, Lukten*, лит. *Lukstas* и др.-пр. **luktis*, лит. *lukstas* — “камыш”, а также днепровские *Локчь, Локна, Локоть*) [Хрусталёв, 1998: 121].

Г. П. Смолицкая указывает также несколько вариантов речного наименования *Непроиш* (правый приток р. Тырницы, левого притока р. Оки): *Неторож, Непроша*. Скорее всего, исконной формой следует считать вариант с суффиксом *-ож* (*-og-jь), этот вариант структурно сопоставим с топонимами *Трубеш, Требеш, Калуга* и апеллятивами *калужина, калуга, калюжа*. Сам же гидроним может мотивироваться географическим апеллятивом-термином *нетра* (смол., бел.) — “топь, болото, непроходимое место”, Н. И. Толстой и М. Фасмер связывают слово *нетра* именно с корнем **ter-*, как основой для образования терминов подсечного земледелия [Толстой, 1969: 179–182.; Фасмер, 1987, Т. 3: 69] (ср. с др.-рус. *нетренный* — “неторный, нехоженный”) [Словарь русского языка XII–XVII вв., Вып. 11: 322]. Н. И. Толстой считает, что первоначальным его значением было “место, где не теребили лес под пашню”. По-видимому, оно могло развить и значение “заболоченное, непроходимое (а следовательно, непригодное для земледелия) место”. Показательно и то, что р. *Непроиш* является притоком р. *Тырницы*, наименование которой, по нашему мнению, также может быть связано с терминологией подсечного земледелия [Хрусталёв, 2008: 98].

Вариативность несколько другого типа помогает понять этимологическое значение озерного гидронима *Триботино*, отмеченного в Атласе Рязанской области, 2002 г. и на других современных топографических крупномасштабных картах, хотя это название имеется и на Генеральной карте Рязанской губернии 1850 г. в почти том же самом виде (оз. *Триботина*), однако наличие таких поокских гидронимов, как р. *Теребенка* (2 объекта) (варианты названия — *Теребенькова, Теребленка*), р. *Теребинка* (3 объекта) (вариант названия — *Теребуиш*), р. *Теребовка* (2 объекта) (вариант названия — *Теребовская*), р. *Теребушка* (2 объекта), р. *Требушка*, р. *Теребатинка* (варианты названия — *Теребенка, Теребетинка, Теребиловка, Теребна*), *овраг Требушинской, верх и овраг Теребенской, верх Требликовской* [Смолицкая, 1976: 386], а также многочисленных топонимов с корнями *тереб-, треб-* в других регионах России, Белоруссии, Украины и на территориях южных и западных славян, позволяет предположить, что форма *Триботино* фиксирует устный разговорный вариант этого гидронима, отражающий редукцию *e*, а исконный вариант должен содержать корень *треб-* и выглядеть как *Треботино* или *Тереботино*. Кстати, вариант *Треботина* зафиксирован на одном из планов Генерального межевания. Все эти названия восходят к терминам подсечного земледелия *тереб, теребеш* — “расчищенный от леса участок”, которые мотивируются глаголом о.-с. **terbiti* — “очищать”, “чистить”, позже “шелушить”, “корчевать”. Более того, Г. П. Смолицкая фиксирует на одном из планов Генерального межевания озеро *Требеш* в том же регионе, где отмечено озеро *Триботино*, это наводит на мысль, что *Триботино* является поздним вариантом от *Требеш*, а скорее всего, от первоначального ⁺*Требеш, +Теребеш* [Хрусталёв, 2008: 95–98].

Определенный интерес для выяснения этимологии топонимов с неясной семантикой второго плана представляют и некоторые случаи деэтимологизации, хотя, как правило, при данном процессе на большинстве карт фиксируется уже вторичный поздний вариант. Однако можно отметить примеры, когда на картах 19 в. отмечена форма, которая на современных картах имеет совершенно иной вид, так, на Генеральной карте Рязанской губернии 1850 г. имеется речка *Варакша*, которая в современных топографических источниках отмечается как р. *Воровка*. Случай

деэтимологизации очевиден, поскольку крайне маловероятна мотивированность гидронима имеющей весьма малую степень топонимичности лексемой *воровка*. По-видимому, уже на старой карте фиксируется искаженный разговорный вариант названия, отражающий диалектное акающее произношение, изначально оно, скорее всего, выглядело как ⁺*Воракша* или ⁺*Ворокша* и могло восходить к древнему финно-угорскому слову со значением “лес” (ср. морд. *вырь*, *вирь*, коми *вор*, *вэр*), осложненному типичным формантом *-кша*, сопоставимым с мар. *iksa* — “ручей”.

Деэтимологизированным следует считать и речное наименование Листвянка. В «Топонимическом словаре Рязанской области» в качестве мотивирующего апеллятива для него указывается диалектное слово *листвяник* — «лиственный лес» [Топонимический словарь Рязанской области, 2004: 140], но в каталоге «Гидронимия бассейна Оки» и на старинных картах этот гидроним зафиксирован в форме *Листань* [Смолицкая, 1976: 166]. Между названиями *Листань* и *Листвянка* вряд ли можно усмотреть какую-либо прямую деривационную связь, последнее, видимо, производно связанным со словами *листвяник* и *листва*. Скорее всего, этот процесс прошел следующие этапы: *Листань* > *Листанка* (или *Листянка*) > *Листвянка*. Когда это произошло, документально не зафиксировано, по-видимому, речка была переименована уже в 20 в. Для гидронима *Листань* можно дать несколько версий происхождения. Нельзя, конечно, совершенно отрицать его связи с апеллятивом *лист*, если учесть его диалектные значения и дериваты, среди которых имеется, например, *листен* — «растение, вороний глаз», Курск. [Словарь русских народных говоров, вып. 17: 65], вероятно, название можно трактовать как «речка, берега которой обильно поросли каким-то травянистым широколиственным растением». В целом, отметим, что собственно апеллятива *лист* имеет невысокую степень топонимичности, поскольку листья есть у всех растений и мотивирующими при топонимической номинации для флористических наименований, как правило, являются названия конкретных деревьев, кустов и т. п., то есть гидронимы, производные от *лист*, не образуют обширного ряда. Поэтому, по-видимому, стоит поискать и другие этимологии для данного гидронима. При его сопоставлении со структурно идентичными названиями на *-ань*: *Прорвань*, *Душнань*, *Копань*, *Хрипань*, *Мечань*, *Сухань*, *Ольшань*, *Пыхань*, *Апрань*, *Расстань*, *Бестань*, *Розвань*, *Любань*, *Лашмань* и др. [Смолицкая, 1986: с. 72-73] — мало что проясняется. Указанные гидронимы могут мотивироваться и глаголами (*Копань* < *копать*, *Хрипань* < *хрипеть*), и прилагательными (*Душнань* < *душный*, *Сухань* < *сухой*), и существительными (*Ольшань* < *ольха*), также они могут быть и субстратными (*Лашмань*, *Апрань*). Обычно отмечается достаточная древность названий на *-ань*. Допустимо также и предположение об иноязычном (балтийском) происхождении гидронима *Листань*, в качестве производящего апеллятива в этом случае возможно привести литовский глагол *līst* — «лезть, ползти», который встечается в составе термина подсечного земледелия *līst ledumi* — «корчевать, расчищать землю под пашню». Эту версию можно рассматривать как одну из наиболее достоверных, если иметь в виду очень высокую частотность образования топонимов от такого рода терминов и гипотезу о продвинутой балтийской топонимии на восток вплоть, до бассейнов Цны и Мокши. [Хрусталёв, 1998: 120–121]. Есть в Среднем левобережном Поочье и озерное название *Листун*, которое, по-видимому, родственно рассматриваемому нами *Листань*. Однако соответствий в балтийской топонимии этим гидронимам пока не обнаружено, что, конечно же, вызывает определенные сомнения в достоверности приведенной этимологии.

Отметим, что в Ипатьевской летописи, освещающей в основном древнюю историю Юго-западной Руси, упоминается схожее речное название *р. Льстна* (*Лосна*, *Лысна*), на которой князь волынский Владимир Василькович в 1277 г. поставил г. Каменец (ныне г. Каменец в Белоруссии на реке *Лесной* [Ипатьевская летопись, 2001, л. 291: 305], как мы видим, в данном случае также произошла деэтимологизация: *Льстна* > *Лесная*). Гидроним *Листань* впервые письменно зафиксирован в Никоновской летописи, которая была составлена в более позднее время (в течение 16 века), и, возможно, с позднейшими фонетическими изменениями (ь > е > и), поэтому вполне допустимо предположить генетическое родство данных гидронимов *Льстна* и *Листань* и их происхождение от др.-русс. *лесть* (*льсть*) — «обман, хитрость, коварство», *лестный* (*льстьный*) — “обманчивый, опасный, пагубный” [Черных, 1994, т. 1: с. 477]: *лесть* > *Льстна* > **Лестна* > **Лестань* > *Листань*. В таком случае названия могут указывать либо на извилистость речного русла, либо на то, что река на некоторых участках своего течения пересыхает,

и тот и другой признак вполне применим к рязанской *Листани* (хотя не исключено, что оба гидронима являются балтизмами). Также сопоставление некоторых фактов, позволяет сделать предположение о перенесенном характере гидронима *Листань*, поскольку, как и на древней *р. Льстне*, на реке *Листань* расположен населенный пункт Каменец, который имеет достаточно древнюю историю («Каменец под именем погоста «на царя и великаго князя земли» упоминается в Пронских приправочных книгах 1597 — 98 гг.», «Близ Каменца доселе сохранились следы зимовища татар, приходивших в Рязанскую область в 1444 г. с царевичем Мустафою». [Добролюбов, 1884: 80, 81]. Причем сам ойконим Каменец встречается в русской топонимии на так уж часто. Все это ставит названия Листань и Каменец в один ряд с другими рязанскими топонимами, предположительно перенесенными колонистами из юго-западных русских земель: г. Переяславль, с. Вышгород, р. Трубеж, р. Лыбедь. В любом случае, этимологию названия *Листань* можно отнести к числу топонимических загадок [Хрусталёв, 2008: 384].

Таким образом, сопоставление вариантных названий в диахроническом аспекте, как правило, позволяет более точно этимологизировать топонимы, так как обычно вариант, зафиксированный в более древних источниках, оказывается ближе к своей исконной форме и позволяет найти более точный этимон.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — URL : <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkoviy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-k/1669> (дата обращения: 29.04.2023).
2. Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. — Зарайск, 1884.
3. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. — 2-е изд. — М. : Языки рус. культуры, 2001. — Т. II.
4. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. — М. ; Л., 1966–2014. — Вып. 1–47.
5. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). — М., 1976. — 403 с.
6. Смолицкая Г. П. Обратный словарь гидронимов бассейна Оки. — М., 1988. — Ч. I–II : препринт № 3 и № 4 за 1988 г.
7. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология : семасиолог. этюды / отв. ред. С. Б. Бернштейн. — 3-е изд. — М. : ЛИБРИКОМ, 2012. — 360 с.
8. Топонимический словарь Рязанской области / [авт.-сост. : А. В. Бабурин [и др.]] ; под ред. А. А. Никольского. — 2-е изд., испр. и доп. — Рязань : Ряз. гос. пед. ун-т, 2004. — 294 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 1–4.
10. Хрусталёв И. Н. К гипотезе о балтийском происхождении некоторых названий озёр и болот Рязанской области // Вопросы истории источниковедения русского языка : сб. науч. тр. — Рязань, 1998. — С. 120 — 128.
11. Хрусталёв И. Н. Листвянка или Листань? (к проблеме этимологизации гидронимов Центральной России) // Культура народов Причерноморья : науч. журн. — 2008. — № 3. — С. 383–386.
12. Хрусталёв И. Н. Терминология подсечного земледелия как фактор формирования гидронимии Центральной России // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2008. — № 4. — С. 93–99.
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — М. : Рус. яз., 1994. — Т. I–II.

Сведения об авторах

Хрусталёв Игорь Николаевич — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ имени С. А. Есенина, **Лаврентьев Виталий Александрович** — д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания РГУ имени С. А. Есенина, **Гладышев Алексей Геннадьевич** — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ имени С. А. Есенина, (Рязань, Россия).

**МИКРОТОПОНИМЫ,
ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ
(НА ЯЗЫКОВЫХ МАТЕРИАЛАХ
МЕГРИНСКОГО РАЙОНА
ЗАПАДНОГО АЗЕРБАЙДЖНА)**

Аннотация: В прогрессе топонимики, как науки немаловажную роль играет исследование микро-топонимов, как одного из элементов культуры народа. Названия местностей образовались в определенном промежутке времени. Микро-топонимы могут образоваться от различных основ: от антропонимов; от этнонимов; от фитонимов; от зоонимов; от оронимов; от патронимов (имена племенных вождей); эклезиионимов (названия священных мест). В топонимике Азербайджана особое место занимают микро-топонимы, образованные от зоонимов. Микро-топонимы, образованные от названия животных, птиц, насекомых и др. живых существ, называются зоотопонимами.

Ключевые слова: Западный Азербайджан, Мегри, народ, микро-топоним, зооним, животное, птица

Введение

Термин зооним произошло от греческих слов; зоо — животное, оним — имя. Следовательно этот раздел ономастической науки изучает названия животных, птиц. Геоморфологическая структура района Мегри западного Азербайджана очень богата и животный мир весьма разнообразен. Это разнообразие животного мира связано с рельефом и флорой данного района. В лесах встречаются медведи, горные козы, олени, леопарды, а также в гористых местностях и степях можно встретить волков, лисиц, зайцев, шакалов и др. Некоторую часть микро-топонимов Мегринского района составляют зоотопонимы. Во время исследования выяснилось, что эти микро-топонимы образовались по различным причинам. Исследование названий местностей западного Азербайджана происходит на основе получения информации от информаторов, а также на основе результатов археологических раскопок и формирование микро-топонимической системы регионов сыграет важную роль в создании микро-топонимики Азербайджана.

В Мегринском районе зарегистрировано очень много микро-топонимов, образованных от зоонимов. Это связано с бытом населения данного региона, а также с изобилием животных и птиц в местности. В топонимии нашего народа сохранены его мифологическое воображение, тотемы верований доисламского периода. Думаем, что микро-топонимы, образованные от зоонимов не должны исследоваться только в лингвистическом аспекте, должно учитываться тот факт, что в тюркских языках формирование топонимов во многих случаях происходило как результат общественно-политических и социально-экономических процессов. По данному факту И. Джафарсой отмечает: «В тюркских языках этнонимы образовались на основе зоонимов. Но в противовес мнению многих ономастов, зоонимы не напрямую превратились в этнонимы.» [Алиев, 2004: 81].

Названия местностей появлялись постепенно. Данные местности были давно заселены этносами. Они вживую сохраняли в народной памяти сложившиеся веками мифическое мировоззрение, традиции. Давно известно, что у каждого народа в древнее времена был присущий ему тотем. Азербайджанский народ принял в качестве тотема волка, змею, козу и др животных. Но связь мифического мировоззрения с животными еще не означает, что народ видел начало своей родословной с каким-либо животным. Явление тотемизма, как факта на территории Азербайджана не подтверждено. Не нашло подтверждения и то, что среди населения Азербайджана какое-либо племя брало свое биологическое начало от какого-либо животного или птицы и считало это животное своим предком. Верования нашего народа, сформированное веками, сохранились в памяти народа до сих пор. Микро-топонимы, образованные от названия животных и птиц не связаны с верованиями.

Микро-топонимы, образованные от зоонимов, можно разделить на 2 группы:

1. Микро-топонимы, образованные от названий животных. *Газ деое, Кеклик дере, Гарагуш дашы, Гуртту гайа, Газ ковшаны, Ешишек йокушу, (Малазери и Вартанизор); Лок гунейи (Лок,*

Вартанизор); *Айы дереси*, *Гатыр чеимеси*, *Текесычрайян даш*, (село *Нуведи*); *гуш гунейи* (село *Алдере*); *Леле даш*, *Мал гедийи*, *Малъятан* (*Старый Астазур*); *Деве земи* (*Карчеван*); *Иланлы йурд*, *Буга сейирлмеси*, *Гатыр агылы*, *Гуш йувасы*, (*Лехваз*); *Палехли даш* (*Емезир*); *Гашигуней* (*Шиванизор*) и т.д.

Эти микропонимы тоже можно разделить на 2 группы:

А) Микропонимы, образованные от названий диких животных: *Айы*(медведь) *дереси*, *Пелехли даш*, *Гуртту*(волчья) *чеиме*, *Гуртту гайа*, *Гуртту дере*, *Айы джанхылы* ит.д.

Б) Микропонимы, образованные от названий домашних животных: *Гатыр чеимеси*, *Иланлы йурду*, *Деве*(верблюжья) *земи*, *Биринчи деве бойну*, *Икинчи деве бойну*, *Сичан*(мышинная) *пир*, *Бузов куфулу*, *Ешиек*(ослиная) *мейданы* и т.д.

2. Микропонимы, образованные от названий птиц (от омитонимов): *Кеклик булагы*, *Ордекли дузу*, *Гелегуш дагы* и т.д.

Айы дереси (медвежий ручей): Данный микропоним зарегистрирован на территории села Нуведи. В разных местностях Западного Азербайджана примечено несколько топонимов со словом айы(медведь) «На территории Лачинского района есть село *Айыбазар*(*басар*). В районе Горус есть *Айычынгал дагы* (на территории Шурнуху), на территории Губадлинского района есть ороним *Айы дереси*.” [Муса Уруд, 2013: 365].

И. Байрамов отмечает по поводу села *Айысеси* в уезде Шарур-Дерелейез Ереванской губернии: “Этот населенный пункт находится в районе Йегеназор (Кешишикенд). *Айысеси* еще в начале XIX века входил в административно- территориальный состав уезда Шарур-Дерелейез Ереванской губернии» [Байрамов, 2005: 224].

Пелехли даш. Находится на территории села даш Нуведи. Слово палаш диалектная версия слова пеленг (тигр). По всей вероятности название связано с изобилием тигров в местности.

Гарагуш дашы. Эгл название камня в селе Маралземи. Микропоним образовался от зоонима. Название степной птицы превратилось в микропоним. По мнению местного населения там стаями пролетают эти птицы.

Лок гунейи. Микропоним образовался от зоонима. Слово лок означает верблюжонка. Лок гунейи образовалось путем превращения макропонима в микропоним. А. Рустемли отмечает: “Ойконим Лок используется самостоятельно, без номинального слова. Находится на территории Мегринского района Зангезура. Слово Лок связано со словом верблюд. В данном селе проживают азербайджанцы. Находится на левом побережье Мегри.» [Муса Уруд, 2013: 365]. Есть также те, кто ассоциирует слово *Lök* с пятном. Муса Уруд тоже отмесает по данному поводу : «В районе Мегри деревня. Находится в северо-восточном направлении от районного центра. Левое побережье реки Мегри. По некоторым сведениям, *деревня Лок* состоит из 2 частей: *Нижний Лок* (*Нижний Вартанадзор*) и *Верхний Лок* (*верхний Вартанадзор* и село *Сейидлер*). В XVI веке турки из деревни Лек в Турции переселились на данную территорию и образовали данное село. Настоящее имя данного села Лек.» [Ильхами, 2008: 229].

Иланлы йурт. Микропоним образовался от слова змея. Название связано с изобилием змей на данной местности.

Марал оялагы. Микропоним находится на территории деревни Лехваз западного Азербайджана. На территории отмечается изобилие оленей. Микропоним со словом олень встречается также в названии деревни Маралземи Мегринского района.

Муса Уруд отмечает: «Топоним состоит из слов марал(олень) и земи, что означает пастбище для оленей. Находится в северо-западном направлении от районного центра в расстоянии 12 км, в левом побережье реки Мегри.» [Муса Уруд, 2013: 235].

В. Алиев считает , что слово образовалось от именного словосочетания второго типа, слово тюркского происхождения. Семантика легко объяснима.» [Рустамлы, 2006: 86]. А. Рустемли пишет по поводу происхождения слова: «Данный ойконим состоит из двух слов: марал и земи. Земи персидского происхождения и означает земля, заселение» [Муса Уруд, 2013: 366].

Образование микропонимов на основе названий животных в Мегринском районе связано или с изобилием данных животных в той местности, или же со схожестью названного пункта с этим животным Образованные таким путем микропонимы изъясняют рельеф во многих случаях. Это означает, что образованные от названий животных микропонимы играют огромную роль топонимической лексике и ведущую роль в образовании микропонимической системы.

Заключение

Флора и фауна Западного Азербайджана очень богата. Это способствовало тому, что названия животных и птиц играли значительную роль в именовании местностей. В статье к исследованию в лингвистическом аспекте были привлечены некоторые микротопонимы, образованные от названий животных и птиц (*Айы дереси, Пелехли даи, Гарагуш дашы, Лок гунейи, Иланлы йурд, Марал ойлагы*). Исследование показало, что в местности изобилуют микротопонимы, образованные от зоонимов. Некоторые имена произошли на основе внешнего сходства местности с каким-либо животным, некоторые именовались из-за наличия там данных животных. Западный Азербайджан с древних времен заселялся тюркскими племенами. По этой причине и архаичные названия местностей и современные названия в основном тюркского происхождения. Остается много не разрешенных проблем в данной сфере, так как в азербайджанской топонимии очень мало исследовались имена, образованные на основе зоонимов.

Список источников

1. Байрамов И. Топонимическая система Западного Азербайджана. — Балн : Елм, 2005. — 432 с.
2. Алиев А. Наши следы, оставшиеся в Зангезуре. — Баку : Нурлан, 2004. — 295 с.
3. Ильхами Джафарсой. Турки. Урарту. Албанские этнолингвистические соответствия. — Баку : Елм, 2008. — 462с.
4. Муса Уруд. Топонимы Зангезура. — Баку : Нурлан, 2013. — 400 с.
5. Рустамлы А. Топонимы Зангезура — следы истории. — Баку : Зека Принт ММС, 2006. — 443 с.

Сведения об авторе

Исмаиллы Айшен Физули кызы — докторант, младший научный сотрудник отдела «Топонимия» Института Языкознания имени Насими Национальной Академии наук Азербайджана (Баку, Азербайджан).

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ УРБАНОНИМИКИ И ГОРОДСКОГО ОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

М. А. Афанасьева

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ АРТИЭРГОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ТЕАТРОВ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одного из разряда эргонимов — артиэргонимов. Объектами исследования являются названия негосударственных театров Москвы и Санкт-Петербурга. В статье приводится классификация современных артиэргонимов, основанием которой является наличие либо отсутствие прагматики. Автор приходит к выводу, что современные артиэргонимы также обладают прагматикой, как и коммерческие эргонимы, поэтому их исследованию стоит уделять особое внимание.

Ключевые слова: ономастика; эргоним; артиэргоним; театр; номинация; Москва; Санкт-Петербург

Интерес к изучению периферийных разрядов ономастики резко возрос в конце XX века и был обусловлен «номинационным взрывом» — резким увеличением числа имён и названий в связи с политическими, экономическими и культурными изменениями в обществе [Крюкова, 2017: 169]. Появляются новые предприятия, организации и учреждения, возникает потребность в присвоении им названий.

Значимым событием в истории ономастики стало появление «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [Подольская, 1978: 1988], к которому ученые обращаются до сих пор. В издании 1978 года уже появляется термин *эргоним*, которому дается следующее определение: «Разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1978: 166]. Ономатологи отмечают необходимость в выделении подразрядов эргонимов и упорядочению терминологии в этой области. Одним из предлагаемых терминов становится термин *артиэргоним*, обозначающий «собственное имя организации, осуществляющей деятельность в области искусства (живописи, графики, музыки, кино и так далее), в том числе название музея, галереи, выставочного зала, театра, кинотеатра и других» [Разумов, 2012: 49].

Рассмотрению вопросов в области артиэргонимии посвящено не так много работ. В частности, к изучению названий театров обращались Л. В. Бармина [Бармина, 2012; Бармина, 2014] и Т. И. Евменова [Евменова, 2022], однако авторы анализировали преимущественно названия государственных театров, а особенности номинации негосударственных театров были описаны поверхностно.

В настоящей статье рассматриваются эргонимы, называющие частные театры Москвы (далее — М) и Санкт-Петербурга (СПб). С помощью данных портала «Реестр независимых театров СТД РФ» [Реестр], созданного в 2020 году, мы составили список артиэргонимов, функционирующих в перечисленных выше городах. В качестве источников информации о названии мы также использовали сайты самих театров.

Целью исследования является анализ современных названий негосударственных театров Москвы и Санкт-Петербурга.

По виду деятельности, указанному в Реестре, все театры можно разделить на следующие группы:

- драматические: «МЕЛ» (М), «Театр К» (СПб);
- музыкальные: «Амадей» (М);
- театры кукол: «Синяя птица» (М), «Karlsson Haus» (СПб);

- детские: «Поляна сказок» (СПб);
- экспериментальные: *Liquid Theatre* (М);
- инклюзивные: *Инклюзион* (М);
- театры клоунады: «*Импрессивная клоунада*» (М);
- театры танца: *Искушение* (СПб);
- театры пластики рук: *театр пластики рук «Hand made»* (СПб);
- смешанные, т.е. соединяющие в себе несколько видов деятельности: *драматический театр + театр клоунады ДаМы* (М).

Собственно номинативную составляющую артиэргонимов мы анализировали, опираясь на классификацию, предложенную Н. В. Шимкевичем [Шимкевич, 2002]. Ученый предлагает классифицировать эргонимы, исходя из наличия или отсутствия в них прагматики. На наш взгляд, это основание можно использовать и при рассмотрении названий театров. Таким образом, мы разделили все артиэргонимы на две группы: **непрагматические** и **прагматические**. Рассмотрим каждую из них более подробно.

Непрагматические артиэргонимы представлены следующими подгруппами.

1. Информационные — сообщают сведения о виде деятельности театра. Здесь мы выделяем два функциональных класса:

1) *информирующие значимые* — дается описание деятельности театра или указание на его месторасположение: *Инклюзион* (М), «*Импрессивная клоунада*» (М), «*Театр города М.*» (М), «*Вернадского, 13*» (М), «*Недослов*» (М), «*Современный театр антрепризы*» (М), «*Арлекиниада*» (М), *Театр НеНормативной Пластики* (СПб), «*Площадка на Грибоедова*» (СПб); *Театр пластики рук «Hand made»* (СПб);

2) *информирующие незначимые* — сообщаются сведения о театре, не относящиеся к его виду деятельности, например, информация о директоре, главном режиссере или составе труппы театра: «*МЕЛ (Махониной Елены)*» «*Выпускники-Щукинцы*» (М), «*ДаМы*» (М), *театр «Квартет И»* (М), «*Театр 'К'*» (*Театро Ди Капуа*) (СПб), «*Пан.Театр*» (СПб; от фамилии режиссера — Панина), «*АлеКо*» (СПб, художественный руководитель — Алексей Козырев).

2. Неинформирующие — не содержат никакой информации, понятной сразу. В этой подгруппе артиэргонимы можно разделить на два типа: первый представляет собой знаменательные слова, никак не ассоциирующиеся с деятельностью театра, например: «*Оранжевое небо*» (М), «*Баобаб*» (М), «*Золотое кольцо*» (М), «*Варяги*» (М), «*Трикстер*» (М), «*Клякса*» (М), «*Liquid Theatre*» (М), «*Такой театр*» (СПб), «*Сени*» (СПб), «*Ерундопель-театр*» (СПб); второй — нераспознаваемые новообразования: «*ТОК*» (СПб, Театр Открытого Контакта); «*КУКФО*» (СПб, Кукольный формат).

Прагматические артиэргонимы представлены только одной группой — **прагматические ассоциативные**, то есть такие, которые стремятся повлиять на адресата не через сообщение ему дополнительных сведений, а путем создания положительных ассоциаций, апеллирующих к самым различным областям знаний и культурного опыта адресата, которая подразделяется на несколько функциональных классов.

1. Ассоциативно-информативные — сообщают адресату дополнительную информацию, которая должна вызвать положительные эмоции, например: детский театр «*Поляна сказок*» (СПб), кукольные театры «*Karlsson Haus*» (СПб) и «*Синяя птица*» (СПб), театр танца «*Искушение*» (СПб), *Театр вкуса* (М).

2. Культурно обусловленные — пласт артиэргонимов опирается на то, что принято относить к категории вечных ценностей, — произведения литературы и искусства, различные исторические реалии и т.п.: инклюзивный театр «*Гомер*» (М), музыкальный театр «*Амадей*» (М).

В заключение хочется отметить, что собранные для данной статьи артиэргонимы — малая часть того, что еще предстоит исследовать ученым-ономатологам, заинтересованным этим периферийным разрядом онимов. Наше исследование показало, что названия негосударственных театров следует рассматривать в прагматическом аспекте, также как и коммерческие эргонимы. Кроме того, необходим комплексный анализ, который будет включать в себя также рассмотрение терминологической части артиэргонима.

Список источников

1. Бармина Л. В. Название театра: номинативный и стилистический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 655. — С. 33–45.
2. Бармина Л. В. Специфика театральных наименований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2014. — № 21. — С. 9–17.
3. Евменова Т. И. Особенности наименований театров Петербурга // Гуманитарные технологии в современном мире : сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф. — Калининград : Полиграфычъ, 2022. — С. 276–279.
4. Крюкова И. В. Периферийные разряды ономастики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований : коллективная моногр. — Майкоп : Изд-во «Магарин О. Г.», 2017. — С. 169–183.
5. Разумов Р. В. К вопросу об упорядочении терминологии в области эргонимии // Ономастика Поволжья : материалы XIII Междунар. науч. конф. — Ярославль : РИО ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2012. — С. 46–51.
6. Реестр независимых театров СТД РФ. — URL : https://reestr.stdrf.ru/reestr_list (дата обращения: 02.06.2023).
7. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. — 22 с.

Сведения об авторе

Афанасьева Мария Александровна — аспирант кафедры русского языка Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского

М. В. Боброва

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИОНИМОВ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация. *Статья посвящена явлению полиноминативности в современной топонимии. 1) На примере множественных наименований г. Санкт-Петербурга заостряется внимание на необходимости различать полиноминативность, вариативность и синонимичность названий одного объекта в связи с лингвопрагматическими запросами общества. 2) Сделаны наблюдения относительно полионима Питер, дополняющие выводы предшественников о его социолингвистических и лингвокультурных особенностях. Обнаружено: специфика употребления полионима может подчиняться стратам «образование», «род занятий», «место рождения», индивидуальным предпочтениям. Как следствие, в дополнение к тому, что в общерусском узусе он транслирует такие культурно-семиотические характеристики данного хронотопна, как «современность» и «неформальность», в речи жителей Санкт-Петербурга номинация втянута также в иные оппозитивные отношения («свой — чужой», «хороший — плохой», др.).*

Ключевые слова: *полиноминативность, полионим, ойконимия, Санкт-Петербург, Питер.*

В настоящей статье мы обращаемся к ономазиологическому явлению полиноминативности, т. е. способности одного объекта обладать несколькими именованиями. В продолжение работ наших предшественников, изучавших факты полионимии, или многоименности [Подольская, 1988: 107], мы дополним сделанные ранее наблюдения. Материалом для анализа послужат современные официальные и неофициальные наименования г. Санкт-Петербурга.

Известно, что в силу отсутствия какого-либо специального указа вначале существовало более 30 вариантов написания и произношения названий этого города, т. к. в разных комбинациях сочетались компоненты *Санкт / Сант / Сан, Питер / Петер / Питерс / Петерс, бург / бурх / бурк*, которые на письме могли передаваться в одно, два и три слова [Поспелов 200: 159]. Ныне

используются официальные полионимы *Санкт-Петербург* (во всех социальных сферах), *Петербург* (везде, кроме официальных документов) и более 20 неофициальных названий (усеченных форм, сложносокращенных слов, топонимических перифраз и др.): *Питер*, *СПБ*, *Северная Пальмира*, *Культурная столица*, *Колыбель революции*, *Ленинбург* и др. Кроме того, отмечались неологизмы *Финополис* (в записках Н. И. Тургенева) [Топоров, 1995: 264; Ахметова, 2015: 17], *Невоград* (в выступлениях А. И. Солженицына) [Ахметова, 2015: 18].

Прежде всего затронем вопрос о терминологической квалификации однословных полионимов, оставив в стороне топонимические перифразы типа *Северная столица*, не имеющие формальной связи с базовым именованьем *Санкт-Петербург*. Остановимся на полемичном разграничении полионимов, вариантов (при различении полиноминативности и вариантности), топонимических синонимов, переименований. Последние два из указанных терминов использовались В. А. Никоновым для различения номинаций одного объекта, сосуществующих синхронно, и номинаций, связанных диахронически — с вытеснением старых онимов новыми (см. главы «Существование названий», «Смена названий» в [Никонов, 2011: 147–163]). Ю. А. Карпенко оперировал термином «варианты топонимов», под которыми понимаются разные названия одного объекта, имеющие единый лексический источник [Карпенко, 1965: 20]. А. В. Суперанская аналогичные единицы (ср. *Иван* и *Ваня*) называла «номинативными дублетами», отличая их от «полионимов» — выраженных разными лексемами названий одних и тех же объектов [Суперанская, 1973: 301–303]. Однако сужению или попыткам конкретизации термина, по нашему мнению, сопротивляется этимологическое значение лексемы «полионимия» — ‘многоименность’. Нам близка широкая трактовка термина, объединяющего все названия объекта безотносительно к причинам и времени их появления, способам образования, частотности и иным признакам. Вместе с тем существенны связи и функциональные особенности полионимов, что позволяет различать среди них варианты (фонетические, словообразовательные, грамматические) и синонимы (с разной лексической основой), некоторые из которых возникли в результате переименований.

При сопоставлении онимов *Санкт-Петербург* и *Петербург* очевидно значительное сходство их формы, что позволяет усмотреть в первом инвариант и во втором вариант (полученный путем усечения основы производящего топонима) номинации, имеющие небольшие стилистические различия: они четко разграничиваются в документации и равно допустимы, например, в официальных средствах массовой информации. *СПб* (*СПБ*) является сложносокращенным производным на базе инварианта, используется преимущественно, хотя и не исключительно [Ахметова, 2015: 29], в письменных источниках, в эргонимах (ср.: ООО *СПБ*, ЗАО *Инвест СПБ*, *СПБ-Глушитель*, под.), в наименованиях групп в соцсетях (ср.: *Мой Санкт-Петербург* | *Питер* | *СПб*, *Интересный Санкт-Петербург* | *СПБ* | *Питер*, *Птицы СПб и России* [Мой Санкт-Петербург], мн. др.). Синонимичными являются названия *Петрополь*, *Питер*, *Петроград*, *Ленинград*, несходные по происхождению, по способу словообразования и частотности употребления. Первое — эллинизированное калькированное именование на базе астионима *Петербург* (ср. однотипные *Константинополь*, *Мариуполь* и др.), относительно редкое и ограниченное по сфере употребления в силу эксплуатации в поэтической, а вслед за этим в рекламной (в названиях организаций — эргонимах) функции. Второе (*Питер*) возникло, по мнению Е. М. Поспелова, до 1724 г. в результате усечения одного из вариантов — (*Санкт*) *Питербурх* [Поспелов, 2000: 162], ограничено по употреблению сферой неофициального, чаще непринужденного общения; различается по частотности употребления в разных социальных микрогруппах. Ряд переименований *Петроград*, *Ленинград*, *Санкт-Петербург* — исторические синонимы.

Спорен вопрос о статусе вариантов или синонимов *Санкт-Питербург*, *Питербург*, которые возможно зафиксировать лишь в письменных источниках, встречаются исключительно при неофициальной коммуникации; многочисленны, в частности, названия групп в соцсетях типа *Шоколад Санкт-Питербург*, *Питер*, *СПб*; *история культуры питербурга*; др. [Шоколад Санкт-Питербург, Питер, СПб]. В большинстве случаев усматривается безграмотное написание под влиянием усеченной формы *Питер*. По сути, это орфографические варианты ойконимов, квалифицируемые нами как просторечные. В иных ситуациях допускаем сознательную контаминацию нейтрального *Петербург* и сниженного *Питер* при обозначении культурной столицы России

с целью создания иронического или саркастического подтекста, пренебрежительно, уничижительно и т. п. характеризующего отдельные социальные микрогруппы жителей города (ср. многочисленные группы в соцсетях с названием *Бандитский Питербург*).

Вопрос о статусе подобных именовании не празден, особенно когда он касается юридических прецедентов. Например, он приобретает выраженный прагматический характер в связи с обсуждением закона «О порядке использования в наименованиях юридических лиц официального наименования Санкт-Петербург» от 19 декабря 2018 г. [Закон Санкт-Петербурга]. Дополнительных разъяснений требует используемое в нем понятие «слова и словосочетания, образованные на его основе». Формально следует учитывать усеченные, сложносокращенные и калькированные производные онимы («варианты топонимов» или «номинативные дублиеты»), в которых обыгрывается базовый компонент *-петер* — в вариантах современного инварианта *Санкт-Петербург*, и необходимо исключить производные с компонентом *-питер* — в вариантах устаревшего инварианта *Санкт-Питербурх*: первые отвечают формулировке в законе («официальное наименование Санкт-Петербург») и подчиняется ему, вторые — нет, и подобные единицы могут беспрепятственно использоваться в эргонимии. Расширительный подход к многоименности, включающий современные и исторические топонимические синонимы, современные и исторические фонетические и орфографические варианты, позволяет распространить действие закона на все такие полионимы. В итоге возникают предпосылки для неоднозначного толкования закона, что необходимо было бы учесть при формулировании текста.

Различение же видов полионимов тем более логично, что «историческим наименованиям Санкт-Петербурга в современной языковой картине мира соответствуют не только разные сигнификаты, но и разные денотаты. Каждое из наименований имеет свое понятийное содержание и относится к особому объекту внеязыковой реальности» [Рассади́на, 2022: 99], манифестирует разные культурно-исторические ипостаси конкретного географического референта, которые по итогу образуют хронотопические срезы «Петербургского текста».

Считаем необходимым в этой связи уточнить характеристики одного из полионимов — *Питер*, наиболее подробный анализ которого осуществлен в [Рассади́на и др., 2022]. Некоторыми утверждается, что он «тяготеет к общему разговорному узусу» [Ахметова, 2015: 12], нейтрален по стилистической окраске и допустим, например, в СМИ как своего рода разговорный синоним ойконимов *Санкт-Петербург* и *Петербург* (ср. все три номинации в диалоге журналиста и В. И. Матвиенко [там же: 11]). Вместе с тем обнаруживается столкновение заключенных в нем коннотаций и несходное восприятие этого онима представителями разных социокультурных микрогрупп.

Важно уже то, как данный оним употребляется в художественных текстах. Впервые он фиксируется в начальной редакции «Недоросля» Д. И. Фонвизина. Имеются единичные употребления в произведениях Ф. М. Достоевского. Кроме того, слово отмечено как «народное название» в словаре В. И. Даля, упоминается в «Пословицах русского народа» в паремии, которая позднее проникла в стихотворении А. Ахматовой (*А вокруг старый город Питер, Что народу бока повытер (Как тогда народ говорил)...*). Такие особенности употребления могут служить косвенным свидетельством изначальной принадлежности онима *Питер* стихии живой народной речи.

Однако при определении лингвокультурного содержания понятия значима оценка всех носителей языка, и мы обопремся на мнения, высказанные пользователями сети Интернет в 2016–2020 гг. при обсуждении темы «“Санкт-Петербург”, “Петербург” или “Питер”? Последнее используют только приезжие?» [Санкт-Петербург] (в цитатах сохранена авторская орфография и пунктуация). В характеристиках номинации *Питер* обнаруживается весь спектр — от сугубо положительного (*Я там родился и вырос. И город, знакомый до слез, всегда для меня был Питером, даже когда он, казалось, безнадежно был Ленинградом. То, что Питерцы не употребляют слово Питер — узнал только тут на сайте; Конечно, Санкт-Петербург употреблять сложновато в обиходе. Петербург мне нравится больше. Это очень уважительно к городу, в котором вырос и живёшь, особенно зная его историю в годы Второй мировой войны. Ну а про Питер что скажешь? Это просто и логично: по-свойски, по-дружески; Питер — отлично!*) и нейтрального (*По мне можно и просто Питер. Почему бы и нет; По мне что Питер, что Ленинград, лучшие конечно*

Ленинград, Я там родился на Стачек; Питер — простое разговорное. Петербург — разговорно уважительное. Санкт-Петербург — официально, уважительно, правильно; Лично мне не нравится когда говорят “питерцы” про жителей, но при этом меня устраивает звучание слова Питер) — до отрицательного восприятия полионима: неодобрительного (Конечно, только Петербург. Питер — это обрубок какой-то, а не название города. Только собираюсь приехать на жительство в СПб, т.е. буду из “приехавших”, но никогда его не назову Питером), уничижительного (Пусть немного уничижительно для кого-то), презрительного (Петербург стал “Питером” в девяностые (для масс), во времена когда лоск был утерян, а в городе была распространена нищета; Какая же тут ненависть, просто дело в том что заробитчане, начиная с советского периода и по сегодняшний день превратили город именно в питер).

Показательны не только данные высказывания, но и стратегии их авторов. Ср., например, написание со строчной буквы (*питер*) при изъявлении презрительности по отношению к такому именованию и к тем, кто его употребляет. В иных высказываниях обнаруживаются элементы антропоморфизации при выражении положительной оценочности: *по-свойски, по-дружески; Все просто. Официальное название “Санкт-Петербург”, это аналог Ф.И.О. человека. Петербург — аналог имени-отчества, Питер — аналог домашнего имени.* Ср. также, например, в высказывании актера С. Юрского: «Все равно ведь чаще всего говорят “Питер”. Вот это свое, человеческое, местное» [Рассади́на и др., 2021: 108]. Созвучен такому восприятию образ *Питера* в современных художественных текстах, где нередок прием олицетворения, ср.: «Петербург и Питер» в одноименном стихотворении И. Аносовой («различны они по строенью фигур», «они неразлучные братья», их «зовут» *Петербург* и *Питер*; *Петербург* «мудрец», «сей франт» «одет... в гранит», «полон воззрений», «живет», «на работу идет, любуясь Невою и храмом», «любезно ответит гостям», *Питер* — «в джинсе и порою небрит», «весел, взъерошен», «в свитер одет», «доставить... спешит заказы», «ежась, торопится», «расскажет историю архитектур» и т. д.), поэссой и бардом Зоей Яценко (*Питер, Питер... Ты столько знаешь, ты много видел...*) и др.

Негативное отношение к ониму *Питер* свойственно больше коренным жителям: *Моя школьная учительница Истории и культуры Санкт-Петербурга, уроженка Васильевского острова, терпеть не могла это название; Это тот самый пример знаменитого петербургского снобизма; Некоторых петербуржцев коробит от “Питера”; Всегда считала, что Питером называют только люди, приехавшие в наш город. Сама говорю исключительно Петербург, если приходится), хотя и не в абсолютной их массе (Я родилась в этом городе. Больше всего из этих трех вариантов меня коробит “Санкт-Петербург” — его, мне кажется, в обиходе, в неофициальной ситуации аборигены точно не используют. Питер — вопрос очень субъективный, я использую, как и масса моих земляков, но знаю, что есть петербуржцы, которые прям терпеть не могут этот топоним. Петербург — наиболее нейтральный и беспроблемный вариант. По мнению некоторых, Питер — атрибут речи людей низкого социального и образовательного уровня (ср. цитаты выше, а также: «...вообще, петербург стал питером в ментальном плане при союзе, сейчас вот смотришь на город и действительно питер, а петербург давно убит»); по пошлости «с налетом жаргонности и неприличности» с данной номинацией сравнима только форма СПб (СПб) (Можно и СПб сказать, но в Питере вас в бар пошлют, пиво пить).*

Иными словами, «общеизвестный на всем русскоязычном пространстве» [Ахметова, 2015: 11] ойконим *Питер* в дискурсе жителей Санкт-Петербурга оказывается маркированным, он коррелирует со стратами «образование», «род занятий», т. к. считается неприемлемым в первую очередь в среде интеллигенции. Помимо этого, данный ойконим показателен и в лингвогеокультурном аспекте, поскольку способен маркировать «своих — чужих» по признаку «место рождения» (*коренной петербуржец — приезжий*). Однако отсутствие единодушия в предпочтениях позволяет говорить о нем как об особом явлении и в плоскости «социолект — идиолект» («коллективное — индивидуальное»).

Проведенный анализ позволяет также дополнить выводы исследователей о полярности онимов (*Санкт-Петербург* и *Питер* в современном лингвокультурном контексте. Проведя ассоциативный эксперимент среди жителей России [Рассади́на и др., 2022: 100], исследователи пришли к выводу, что «в системе семантических отношений... значение номинации *Питер*

задается, с одной стороны, противопоставлением по оси *прошлое–настоящее*, с другой стороны — противопоставлением по оси *официальное–неформальное* [там же: 107]. Хотя оба названия возникли примерно в одно время в XVIII в., в общероссийском дискурсе они поляризовались, и доминантными для *Питера* стали признаки «современный» и «неформальный». Наблюдения показывают, что в «интропетербургском дискурсе» эти полионимы оказались втянуты также в иные оппозитивные отношения по оси «хороший — плохой», «правильный — неправильный», «прекрасный — безобразный», «свой — чужой». В восприятии образованных коренных жителей Петербурга полионим *Питер* тяготеет ко вторым, отвечает негативному вектору культурно-семантической топологии.

Таким образом, наблюдения над полионимами (отдельными единицами в ряду номинаций одного объекта) обладают особой значимостью. В частности, лингвопрагматическую ценность приобретают рассуждения о различии полиноминативности, вариативности и синонимичности в области ономастики. Кроме того, отдельные полионимы обладают специфическими лингвокультурными и лингвосоциокультурными характеристиками, некоторые из которых выявлены впервые. Обнаруживается, в частности, что в случае с именованьем *Питер* употребление онима или отказ от него определяется рядом социолингвистических страт, актуально различие общерусских и «интрапетербургских» культурно-семиотических характеристик соответствующего хронотопа.

Список источников

1. Ахметова М. В. От А — Ата до ярска : слов. неофиц. названий населенных пунктов. — М. : ФОРУМ, 2015. — 496 с.
2. Закон Санкт-Петербурга. — URL : <https://docs.cntd.ru/document/551979594> (дата обращения: 22.02.2023).
3. Интересный Санкт-Петербург. СПб. Питер. — URL : <https://vk.com/piterinters> (дата обращения: 24.03.2023).
4. История культуры Питербурга. — URL : <https://vk.com/club39279509> (дата обращения: 24.03.2023).
5. Карпенко Ю. А. Проблема вариантов в топонимике // Всесоюзная конференция по топонимике СССР (28 янв. — 2 февр. 1965 г.) : тез. докл. и сообщ. — Л., 1965. — С. 17–20.
6. К вопросу о лексикографическом описании топонимического варианта ПИТЕР / С. А. Рассадина, Д. А. Щукина, О. Н. Бондарева [и др.] // Вопросы лексикографии. — 2022. — № 23. — С. 87–116. — DOI: 10.17223/22274200/23/5.5.
7. Мой Санкт-Петербург. Питер. СПб. — URL : https://vk.com/piiter_spb (дата обращения: 24.03.2023).
8. Птицы СПб и России. — URL : https://vk.com/bird_spb (дата обращения: 24.03.2023).
9. Пospelов Е. М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. — М. : Профиздат, 2000.
10. «Санкт-Петербург», «Петербург» или «Питер»? Последнее используют только приезжие? — URL : https://yandex.ru/q/question/sankt_peterburg_peterburg_ili_piter_tolko_ac92ac75/ (дата обращения: 24.03.2023).
11. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное. — М. : Прогресс : Культура, 1995. — С. 259–367.
12. Шоколад Санкт-Петербург, Питер, СПб. — URL : <https://vk.com/tutvseprostenko> (дата обращения: 24.03.2023).

Сведения об авторе

Боброва Мария Владимировна — к.филол.н., старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

МЕДИЦИНСКИЕ ЭРГОНИМЫ САРАТОВА И САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу официальных названий лечебно-медицинских учреждений г. Саратова и Саратовской области. Рассматриваются структурные и смысловые особенности таких эргонимов. Делается вывод о большей семантической нагруженности названий частных учреждений. Выявляются преобладающие в данной сфере семантические и морфологические способы словообразования. Констатируется тенденция к использованию греко-латинских производящих баз.

Ключевые слова: ономастика, эргонимы, словообразование, наименования медицинских учреждений, трансонимизация, аббревиация.

Значительную часть языкового пространства современного города составляют номинации различных учреждений и предприятий. По мнению А. В. Суперанской, эргонимы «относятся к комплексным объектам, складывающимся на основе некоторой территории, но включающим и оборудование, и людей, и производственные отношения» [Суперанская, 1985: 27]. Важной особенностью эргонимов XXI века является то, что «эргоним занимает промежуточное положение между коммерческими и некоммерческими номинациями, причем необязательным является условие юридического присвоения эргонима тому или иному объединению». [Курбанова, 2014: 28]. Замечено, что «большинство современных исследований в области эргонимии выполнены на региональном языковом материале разных городов России. Предметом научного интереса становятся в основном словообразовательные, психолингвистические и прагматические особенности коммерческой номинации» [Кунгушева, 2015 : 32].

Объектом нашего исследования явились медицинские эргонимы Саратова и Саратовской области: наименования аптек, медицинских центров, клиник, лабораторий. Выбор и сосредоточенность исследовательского внимания на наименованиях медицинских учреждений объясняется тем, что сфера здравоохранения является наиболее важной социальной и экономической стороной города, «повсеместным является использование названий данных заведений в деловом и в повседневном общении горожан» [Кунгушева, 2015: 32]. По мнению исследователей, «наименования лечебных учреждений являются типичными эргонимами, демонстрирующими региональную специфику единиц» [Кунгушева, 2015: 32], поэтому изучение соответствующего онимического пласта в каждом отдельном регионе подготавливает базу для сопоставительных исследований. Актуальность изучения данного объекта связана с тем, что медицинские эргонимы — это малоизученный объект ономастики [Данилина, 2022: 124]. В Саратове и Саратовской области медицинская эргонимия представлена большим количеством номинаций. Объем собранного нами материала составил около 140 наименований, из которых около 80 — названия медицинских центров, клиник и больниц. Материал собран из открытых источников сети Интернет и из личных наблюдений на улицах города и области. Предмет исследования — структурные (синтаксические и словообразовательные) особенности эргонимов.

Выбранные для рассмотрения и анализа медицинские эргонимы разделяются на два типа: названия государственных медицинских организаций и частных. Особенность наименований государственных лечебно-медицинских учреждений — их простота. Обязательно констатируется направление деятельности. Очень часто такие организации, помимо общего названия, имеют только порядковый номер. Для государственных клиник название не слишком важно. На их стороне долгий период функционирования, статус государственного лечебного заведения и широкая известность среди населения. Частные медицинские учреждения имеют гораздо более скромную историю своей деятельности, это молодые медицинские фирмы, которые активно борются за клиентов. Огромное значение для таких организаций имеет броское, смыслоёмкое название. Конкуренция заставляет изобретать наименования, способные привлечь платёжеспособного пациента.

С точки зрения синтаксической структуры эргонимы делятся на имеющие апеллятивную часть, обозначающую тип учреждения (*клиника, центр* и т.п.), и не имеющие таковой. Апеллятивная часть, обозначающая тип медицинского учреждения, характерна для государственных больниц. Такие наименования чаще всего имеют «безымянные» нумерованные медицинские учреждения (*Городская больница №9*). Эргонимы с апеллятивной частью можно классифицировать по типам апеллятивов. В апеллятивную часть может входить также указание на профиль деятельности (*Клиника глазных болезней СГМУ им. Разумовского, Областная офтальмологическая больница, Туберкулезная больница, Областной кожно-венерологический диспансер, Перинатальный центр, Балаковский психоневрологический диспансер*). Если медучреждение небольшое, оно называется «Кабинет» (*Дерматовенерологический кабинет, Наркологический кабинет, Кардиологический кабинет*). Более крупные организации носят название «Консультация» (обычно так называются государственные организации гинекологического профиля со своим порядковым номером); «Подстанция» (*Подстанция Центральная, подстанция № 6, №7* и т.д.); «Отделение» (*Лечебно-профилактическое отделение № 3*). Самые крупные из организаций узкого профиля носят название «Центр» (*Травматологический центр первого уровня, Рабиологический центр, Центр профилактики остеопороза, Региональный сосудистый центр, Региональный центр телемедицины, Центр здоровья для взрослого населения, Центр здоровья, Межобластной центр микрохирургии, Центр адаптации и реабилитации инвалидов*). Крупные лечебные учреждения, располагающиеся в г. Саратов как областном центре, включают в себя слово *областной* (*Областной центр пренатальной диагностики, Областной госпиталь для ветеранов войн*). В названиях лечебных организациях малых городов Саратовской области присутствует слово *межрайонный* либо *центральный* (*Пугачевский межрайонный психоневрологический диспансер, Екатериновская ЦРБ*, т.е. Центральная районная больница г. Екатериновка). Данные слова в составе медицинских эргонимов характеризуют статус лечебного учреждения и охват разного количества пациентов.

Перейдем к характеристике словообразовательных особенностей онимической части эргонимов. При этом к словообразованию будем относить не только морфологические способы (аффиксация, сложение, аббревиация), но и семантические. Назовем способы образования онимической части эргонимов, которые встретились в нашем материале, учитывая не только способ словообразования, но и особенности производящей базы.

Онимизация апеллятивов. Примеры: аптечная сеть *Апрель, Аптечный склад, Пациент, Лекарь, Океания* (клиника и СПА-салон), *Медицинская клиника Сова, Детская клиника Совенок*, медцентр *Эксклюзив, Стандарт*, медицинский центр *Восторг*, аптека *Забота*. В названиях аптек и (реже) лабораторий могут онимизироваться названия лекарственных растений (медицинская лаборатория *Астра-медика, Клевер*, аптечная сеть *Алоэ*). Выбор апеллятива может определяться его метафорическим или метонимическим отношением к профилю заведения (стоматологические клиники *Жемчужина, Улыбка, Клинико-диагностический центр Пульс*, оптика *Вижу*). Встречается и игра слов: стоматологическая клиника *ПЛОМБир* (от слова *пломба*, а также вид сливочного мороженого).

Онимизация апеллятивных словосочетаний. В данной группе часто встречаются названия, построенные на тропах либо устойчивых сочетаниях (*Центр остеопатической медицины Дыхание Жизни, клиника Бархатный берег, стоматологическая клиника Солнечная улыбка, офтальмологическая клиника Точка Зрения*). Названия частных медучреждений часто апеллируют к уверенности в высоком профессионализме сотрудников. Задача таких наименований — успокоить встревоженного пациента, внушить ему психологическую установку «всё будет хорошо». Тут используется лексика с устойчивой позитивной коннотацией (медицинский центр *Без Боли*, медико-косметологический центр *Доктор Рядом*, стоматологическая клиника *Ваш доктор*, медицинский центр *Врачебная династия, Врачебная практика, Сердечный доктор*, аптеки *Будь здоров!, Хорошая аптека*).

Трансонимизация. Этот крупный пласт эргонимов включает в себя используемые в роли названий медицинских организаций имена собственные разных разрядов: антропонимы (личные имена и реальные или вымышленные фамилии), топонимы, мифонимы. Прежде всего, следует

назвать медицинские учреждения, имеющие в составе названия фамилии владельцев-основателей (*Клиника доктора Парамонова, Клиника педиатрии и детской стоматологии Доктора Трухманова, Клиника профессора Чуракова, Клиника Музалевского, Центр Традиционной Медицины Фоменко, Кабинет невролога Енякиной, Клиника доктора Бобыря, Центр лазерной медицины Доктора Сафронова, Студия массажа Олега Бочкарева, аптека Алия*). По мнению А. А. Трапезниковой, «фамилия включается в эргоним преимущественно в том случае, когда авторитет собственника имеет решающее значение в выборе горожанином названного учреждения» [Трапезникова, 2009: 69].

Н. В. Шимкевич, вводя понятие «нулевой эргоним», т.е. наименование учреждения фамилией владельца, доказывает, что такой эргоним «может адекватно передать ситуацию, когда формальное выражение языкового знака отсутствует, но семантически он есть и выполняет свою функцию» [Шимкевич, 2002: 10].

Реже используются онимы других типов: мифонимы (стоматология *Гелиос*, клиника *Афродита*), исторические антропонимы (стоматологическая клиника *Авиценна*); реальные личные имена (медцентр *Виктория*), топонимы (*Аптека на Московской, клиника Миннесота, аптека Озерки*), астронимы (аптека *Сириус-Саратов*). В использовании вымышленных фамилий, указывающих на род деятельности, можно видеть игру слов, каламбур (*Доктор Зубновъ, Доктор Столетов, Доктор Ортопед*).

Аббревиация (буквенная или слоговая). Примеры: *ТАНМЕД, АртроМедЦентр* — клиника лечения суставов и позвоночника, *ГУЗ СГКБ № 1 им. Ю. Я. Гордеева* (Государственное учреждение здравоохранения Саратовская городская клиническая больница № 1 имени Ю. Я. Гордеева, *СарНИИТО* (Саратовский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии), *Клиника красоты СарБона* (включает первый слог Сар — от названия Саратов, второй Бона — от фр. *bon* ‘хороший’). Существует ряд медицинских учреждений, в прошлом ведомственных, прикрепленных к различным организациям, в настоящее время коммерческих, однако сохранивших в своем названии подшефный статус (*МСЧ Газпром* — медико-санитарная часть предприятия Газпром, *клиническая больница РЖД-Медицина*, РЖД — Российские железные дороги, поликлиника *СаратовТрансАвто*). Среди названий медицинских лабораторий стоит отметить эргонимы с буквенными аббревиатурами латиницей (*KDL, Di-центр*).

Осново— и словосложение с греческими и латинскими словообразовательными элементами. Латинские и греческие корни представлены, как правило, в русской транслитерации. Примеры: *Альфа-Центр Здоровья, Омега клиник, Эндокрин, Ортоцентр, Ультра-С* (лат. *ultra* ‘сверх, за пределами’), *Диагностический центр Воксел* (лат. *vox* ‘голос’), *Кардиола* (греч. *kardia* ‘сердце’), лаборатория *Гемотест* (гр. *haima* ‘кровь’). Часто используется латинский по происхождению корень *мед*, указывающий на род деятельности организации (*ГазМедЦентр, Медис, Геномед, Клиника Ренкомед*). Стоматологические клиники в большинстве своём имеют в названии латинский корень *dent* ‘зуб’ либо греческий корень *стом* ‘рот’ — слоговое сокращение слова *стоматология*, что, безусловно, отражает направление их работы (*Унистом, СуперСтом, Соло-Дент, Дент-С, Дента-Мед, Дента-М, Ника-Дент, Адента, Дентал-Арт, Денталит, С-Дент, Мега-Дент*). Названия аптек включают в состав греческий корень *фарм* ‘лекарство’ — слоговое сокращение слова *фармация* (*Надежда-Фарм, Menfarm, Parikmag&Pharmatag, Фарм-Центр*) или латинское слово *vita* ‘жизнь’ (сеть аптек *ВИТА-Экспресс*).

Использование англицизмов (как в оригинальной графике, так и в транслитерации). Данный прием встречается в составе других перечисленных выше способов: онимизации апеллятивов и словосочетаний, аббревиации, сложения. Примеры: медицинский центр *Эс класс клиник Саратов* и *S-class Clinic Саратов, Центр здорового питания и красоты Артлайф* (*Artlife* ‘искусство жизни’), *Бьюти Сайенс* (*beauty* ‘красота’, *science* ‘наука’), *ДЭНС* (*dance* ‘танец; танцевать’), *Клиника красоты Бьюти лаунж* (*beauty* ‘красота’, *lounge* ‘комната отдыха, безделье’). Возможны названия гибридного типа, сочетающие русские (или заимствованные греко-латинские) и английские элементы. Примеры: *Здравсити* (дословно «город здоровья», от англ. *sity* ‘город’), *Многопрофильный центр хирургии и диагностики Медгард* (*guard* ‘страж, охрана’), *ЕАПТЕКА, Саратов VIP аптека* (от *very important person*), т.е. «аптека для важных людей».

Имитация электронного адреса в сети Интернет (*Аптека 1b.ru, Аптека.ру*).

Как мы видим, структурные особенности названий медицинских учреждений во многом обусловлены прагматическими факторами. В первую очередь таковым выступает разграничение государственных и частных организаций. Наименования первых следуют определенному давно сложившемуся стандарту с преобладанием апеллятивного компонента, наименования последних всецело зависят от вкуса, предпочтений и фантазии их владельцев. Прослеживается ярко выраженная тенденция включать в наименование латинский либо греческий корень, что оправданно подчеркивает медицинский профиль учреждения. По мнению И. Т. Вепревой, «в сфере медицинских услуг о здоровье принято «говорить серьезно», «что объясняет незначительную долю креативных неймов, в том числе с использованием приемов языковой игры» [Вепрева: 170].

Список источников

1. Вепрева И. Т. Современный эргонимикон: в поисках новых форм выражения // Вопросы ономастики. — 2019. — Т. 16, № 4. — С. 168–179.
2. Данилина Н. И. Эргонимы медицинской отрасли Саратова // Смоленский медицинский альманах. — 2022. — № 4. — С. 122–127.
3. Кунгушева И. А. Лексико-семантическая парадигма коммерческой эргонимии города Благовещенска // Слово : фольклорно-диалектолог. альм. — 2014. — № 11. — С. 31–37.
4. Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2015. — 25 с.
5. Суперанская А. В. Что такое топонимика // Литературоведение и языкознание. — М. : Наука, 1985. — 166 с.
6. Трапезникова А. А. К вопросу о классификации эргонимов (на материале коммерческих наименований Красноярска) // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 2 (14). — С. 68–70.
7. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. — 23 с.

Сведения об авторе

Веденева Елена Владимировна — преподаватель кафедры русского и латинского языков Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского (Саратов, Россия).

М. Л. Дорофеенко

МЕМОРАТИВЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗВЕСТНЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ, В УРБАНОНИМНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

***Аннотация.** В статье определена культурная семантика белорусских (русскоязычных) и французских урбанонимов, образованных от фамилий известных личностей. Установлены общие и частные тематические группы, которым соответствуют анализируемые наименования; выделены основные компоненты культуры, транслируемые данными номинативными единицами. Установлено превалирование отличий над сходствами.*

***Ключевые слова:** Беларусь, Франция, компонент культуры, культурная семантика, меморатив, урбаноним.*

Меморативы, связанные с известными личностями, — тематический сектор лингвокультурологического поля «Память» урбанонимного пространства Беларуси и Франции наряду с еще

четырьмя секторами — «Меморативы, связанные с участниками исторических событий» «Меморативы, связанные с историческим временем», «Меморативы, связанные с общностями людей», «Меморативы, связанные с географическими объектами».

Цель статьи — определить культурную семантику *отфамильных урбанонимов* Беларуси и Франции, выявить общее и национально-культурное в их составе. Реализация цели проходила в два этапа: во-первых, были определены тематические группы, которым соответствуют анализируемые наименования; во-вторых, были выделены основные компоненты культуры, транслируемые данными номинативными единицами.

В российской и белорусской ономастике известны работы, посвященные изучению меморативных урбанонимов конкретной местности. Так, в последние годы к данному вопросу обращаются Р. В. Разумов (2017, 2018), Д. Ю. Ильин (2020), С. А. Попов (2020, 2021), Ю. Г. Пушкарёва и А. В. Жарникова (2021), А. М. Мезенко (2022). При этом Д. Ю. Ильин, анализируя годонимическое пространство Волгограда, приходит к выводу, что наиболее реализуемым кодом при номинировании внутригородских линейных топообъектов является локативно-меморативный [Ильин, 2020].

Французские меморативные урбанонимы стали объектом исследования в работах Д. Бадариотти (2002), К. Десбросс (2014), К. Мийон (2020), М. Л. Дорофеенко (2020, 2020) и некоторых других.

По мнению Д. Бадариотти, первоочередная функция годонимов — упрощать определение местоположения, но они также используются, чтобы обозначить его символически [Бадариотти, 2002]. В одной из наших публикаций внутригородские названия г. Реймса рассмотрены с позиций исторической памяти; выявлены основные тематические группы названий, восходящих к фамилиям государственных, религиозных деятелей, представителей искусства (литераторов, художников, архитекторов, музыкантов), участников исторических событий, реймских семей, которые, в свою очередь, объединяют несколько подгрупп [Darafeyenka, 2020].

В XXI в. появляется все больше сопоставительных ономастических исследований, так как они позволяют ярче представить номинативные особенности национальной ономии на фоне иноязычной лингвокультуры. Причем если русско-французские параллели уже отчасти описаны [Сизова 2004], то белорусско-французские пока лишь начинают разрабатываться в некоторых наших работах [Дорофеенко, 2020].

В конце XX в. — начале XXI в. сформировался устойчивый интерес к культурной составляющей номинативных единиц, соответственно, это время ознаменовано появлением лингвокультурологического подхода в языкознании и, в частности, в ономастике. В рамках этого подхода любое имя собственное анализируется как неразрывно связанное с культурой определённого этноса, и это реализуется по-разному в различных исследованиях имен собственных.

Внутрипоселенческие названия также анализируются в данном аспекте, в том числе на материале нескольких языков (ср. диссертационное исследование Е. А. Сизовой [Сизова, 2004]). В белорусской ономастике внутригородские и внутрисельские наименования рассмотрены с позиций текстов (компонентов) культуры (А. М. Мезенко [Мезенка, 2008: 22–30], М. Л. Дорофеенко [Дорофеенко, 2022]). Компонент культуры соответствует принадлежности лица, фамилия которого послужила основой для номинации внутригородского объекта, к стране, для которой его деятельность оказалась особенно значимой. В большинстве случаев компонент коррелирует с национальной принадлежностью. Определенную трудность вызывало разграничение советского и русского компонентов культуры в урбанонимах, связанных с историей СССР, поэтому в качестве критерия для их дифференциации стала принадлежность лица-эпонима к соратникам В. И. Ленина в годы установления советской власти (в основном касается рубрики «Политические деятели»), служба на высоких военных должностях и участие в исторических событиях периода Советского союза для рубрики «Военные деятели, военачальники» и к разным национальностям для других групп.

Французские внутрипоселенческие названия пока не исследованы в данном аспекте. Однако имеются франкоязычные работы, направленные на изучение роли имен собственных в формировании культурной идентичности. Так, Ж.-К. Бувье, размышляя об ономастических обозначениях и культурной идентичности, уточняет, что хотел бы указать некоторые направления для новых исследований в области ономастики: «теперь, когда основы исторической топонимии

прочно установлены, мне кажется важным, чтобы лингвисты, этнологи и историки объединили свои усилия для изучения места и функции ономастического обозначения в повседневном дискурсе, оценили ту часть человеческого опыта, индивидуального и коллективного, которую оно несет в себе и, наконец, исследовали, в какой степени оно, связанное с другими элементами, может воплотить поиск культурной идентичности» [Бувье, 1980: 23].

Анализ немногочисленных работ, посвященных исследованию культурной составляющей внутриселенческих названий Беларуси и Франции подтверждает факт относительной изученности данного явления по отдельности и с разных позиций. Сопоставительное исследование не осуществлялось, по-видимому, по причине отсутствия в национальных лингвистических традициях одинаковых подходов к анализу ономастического материала. Настоящая публикация призвана в некоторой степени восполнить этот пробел.

Материалом данного исследования послужили урбанонимические номинации, образованные от фамилий известных личностей, в количестве 1241 единица. Соотношение таких отантропонимных урбанонимов в номинативных системах Беларуси и Франции соответствует пропорции 1:7.

В результате изучения меморативных отантропонимных урбанонимов городов Полоцка и Витебска (Беларусь), а также Реймса и Шалон-ан-Шампань (Франция) мы выделили общие тематические группы, соответствующие характеру деятельности известных личностей. Определение компонентов культуры, характерных для анализируемых наименований, способствовало установлению культурной семантики урбанонимов.

Так, в рассматриваемых национальных урбанонимических системах обнаружено 26 тематических групп, из которых девять общих (в каждой из систем функционирует более двух названий в пределах разновидности, при этом в трех группах в одной из систем зарегистрировано менее пяти наименований), а семнадцать — частных (наблюдается количественная асимметрия в сторону одной из систем при отсутствии или минимальном количестве названий тематической разновидности в другой).

Урбанонимы общих тематических групп восходят к антропонимам представителей девяти сфер деятельности (расположены в порядке убывания общего количества в обеих урбанонимических системах):

1) **политических деятелей** (17,5 % от общего количества названий). В системе внутригородских названий Беларуси (урбанонимия Беларуси — далее УБ) такие названия составляют 21,9 % (здесь и далее указывается процент названий от количества мемориальных наименований страны, а не двух систем в целом), а в системе урбанонимии Франции (далее УФ) — 16,9 %.

УБ представлена семью компонентами культуры, из которых наиболее широко представлен советский, включающий названия, сформированные на базе фамилий политических и государственных деятелей советской эпохи: ул. *Кирова* (Полоцк), ул. *Калинина* (Витебск). Кроме того, функционируют названия, отражающие белорусский (ул. *Петра Машерова*, ул. *Тябута* — Полоцк) и немецкий (ул. *Энгельса*, ул. *Карла Маркса* — Витебск) компоненты культуры;

УФ отмечена большим количеством культурных компонентов (девятью), из которых наиболее многочисленны наименования, образованные от фамилий французских (*place Jules Ferry* — Реймс, *rue Gambetta* — Шалон-ан-Шампань, 161 единица) и американских (*avenue du Président Kennedy* — Реймс, *rue Benjamin Franklin* — Шалон-ан-Шампань, 11 единиц) государственных и политических деятелей;

2) **литературных деятелей** (всего 16,0 %; УБ — 34,9%; УФ — 13,4 %). В УБ выявлено три компонента культуры: русский (ул. *Тургенева* — Полоцк, ул. *Чехова* — Витебск, 33 единицы), белорусский (ул. *Журбы* — Полоцк, ул. *Мовзона* — Витебск, 16 единиц), украинский (ул. *Шевченко* — Полоцк, 1 единица). УФ реализует девять компонентов культуры с преобладанием наименований, образованных от фамилий французских (*allée Guy de Maupassant* — Реймс, *boulevard Victor Hugo* — Шалон-ан-Шампань, 128 единиц), русских (*rue Fedor Dostoïevski*, *rue Léon Tolstoï* — Реймс, 4 единицы), английских (*allée Charles Dickens*, *rue Rudyard Kipling* — Реймс, 3 единицы) и немецких (*rue des Frères Grimm*, *rue Gutenberg* — Реймс, 3 единицы) представителей литературы;

3) **художников** (всего 8,4 %; УБ — 5,5 %; УФ — 8,8 %). В УБ данная тематическая группа представлена названиями, реализующими преимущественно белорусский (*пр-т зодчего Иоанна* — Полоцк; *ул. Казимира Малевича* — Витебск)

4) *Jean Gabin* — Реймс.

5) и русский (*ул. Перова, ул. Серова, ул. Хруцкого* — Полоцк) компоненты культуры. Из пяти компонентов культуры, обнаруженных в УФ, наиболее многочисленны французский (*allée Claude Monet, place Auguste Rodin* — Реймс, *rue Édouard Manet* — Шалон-ан-Шампань, 90 единиц), итальянский (*rue Léonard de Vinci, rue Michel Ange* — Реймс, 4 единицы), нидерландский (*rue Rubens* — Реймс, *rue Rembrandt* — Шалон-ан-Шампань, 3 единицы);

6) **работников промышленности и сельского хозяйства** (всего 7,7 %; УБ — 1,4 %; УФ — 8,5 %). В УФ названия данной группы более многочисленны: из трех зафиксированных компонентов культуры преобладает французский (*allée Jacques Simon, esplanade Jacques Richard* — Реймс, *rue Pierre Maître* — Шалон-ан-Шампань, 90 единиц), незначительно представлены швейцарский (*place Henri Dunant* — Реймс, *rue Henri Dunant* — Шалон-ан-Шампань, 2 единицы) и английский (*rue Jonathan Holden* — Реймс, 1 единица) компоненты культуры. В УБ эта подгруппа представлена наименованиями, транслирующими русский компонент культуры, образованными от одной фамилии и зафиксированными в двух городах — *Стахановская ул.* — Полоцк, *Стахановский пер.* — Витебск;

7) **ученых** (всего 6,6 %; УБ — 8,2 %; УФ — 6,4 %). В УБ функционируют наименования, мотивированные фамилиями преимущественно советских (*ул. Академика Павлова* — Витебск, *ул. Мичурина, ул. Циолковского* — Полоцк, 11 единиц) ученых русских по национальности, а также белорусского (*ул. Сапунова* — Витебск, 1 единица). В УФ из восьми зафиксированных компонентов культуры преобладают французский (*boulevard Gay Lussac* — Реймс, *avenue Ampère* — Шалон-ан-Шампань, 60 единиц) и английский (*rue Newton, rue Bertrand Russel* — Реймс, 3 единицы);

8) **музыкальных деятелей** (всего 4,6 %; УБ — 2,7 %; УФ — 4,8 %). В данной тематической группе УБ реализует русский компонент культуры: *ул. Глинки, ул. Чайковского* — Витебск, УФ — семь, из которых наиболее многочисленны наименования, сформированные на базе фамилий французских (*allée Georges Bizet* — Реймс, *rue Claude Debussy* — Шалон-ан-Шампань, 37 единиц) и немецких (*avenue Beethoven* — Шалон-ан-Шампань, *allée Jean Sebastien Bach* — Реймс, 7 единиц) представителей музыкальной сферы;

9) **военачальников и военных деятелей** (всего 3,4 %; УБ — 13,7 %; УФ — 2,0 %). В УБ данную тематическую группу представляют два компонента культуры: советский (*ул. Будённого* — Полоцк, 18 единиц) и русский (*ул. Суворова* — Витебск, 2 единицы). В УФ преобладает французский компонент культуры (*avenue du Maréchal Juin* — Реймс, 19 единиц), а также обнаружены компоненты, апеллирующие к историческим регионам Европы — галло-римский, галльский и римский (по одной единице);

10) **летчиков, сотрудников аэропортов, космонавтов, летчиков-космонавтов** (всего 2,3 %; УБ — 6,8 %; УФ — 1,7 %). В УБ данная тематическая группа представлена русским (преимущественно — 9 единиц, *ул. Гагарина* — Полоцк, *ул. Терешковой* — Витебск) и белорусским (*ул. Ромашикина* — Витебск) компонентами культуры. При этом русский компонент культуры реализуют урбанонимы, мотивированные фамилиями советских летчиков, летчиков-космонавтов. В УФ задействованы два компонента культуры — французский (*place Hélène Boucher* — Реймс, *rue Jean Mermoz* — Шалон-ан-Шампань, 18 единиц) и бразильский (*allée Alberto Santos Dumont* — Реймс, 1 единица);

деятелей театра, кино, телевидения (всего 1,4 %; УБ — 2,7 %; УФ — 1,2 %). В УБ данная тематическая группа представлена белорусским компонентом культуры (все четыре единицы): *ул. Актёров Ерёменко* — Витебск, *ул. Буйницкого* — Полоцк, в УФ — преимущественно французским (10 единиц): *allée Charles Dullin* — Реймс, *rue*

Урбанонимии Франции свойственны также частные тематические группы, не зафиксированные или представленные единичными примерами в системе внутригородских названий Беларуси. Так, наименования частных тематических групп транслируют преимущественно французский компонент культуры и восходят к фамилиям представителей разнообразных сфер деятельности, из которых большее количество единиц включают **медицинская** (5,9 %): *allée Ambroise*

Paré — Реймс, *rue Charles Narcisse Moignon* — Шалон-ан-Шампань; **религиозная** (5,2 %): *place du Cardinal Luçon* — Реймс, *avenue Jeanne d'Arc* — Шалон-ан-Шампань; **образовательная** (2,8 %): *allée Blanche Cavarrot, rue Eveloy* — Реймс.

Таким образом, определение языковых и социокультурных мотиваций урбанонимов Беларуси и Франции, образованных от фамилий известных личностей, позволило установить общее и частное в их составе. Практически в каждой тематической группе белорусских внутригородских названий (за редким исключением), представлены номинативные единицы, реализующие белорусский компонент культуры, а в группах французских урбанонимов — французский. Это является общей характеристикой.

Заметим, что отличия превалируют над сходствами: по результатам исследования как количественное преобладание самих названий, так и разнообразие состава тематических подгрупп отмечено в системе французских наименований. Установлено, что УБ транслирует восемь компонентов культуры, среди которых ведущими являются три, встречающиеся практически в каждой тематической группе, — русский (45,2 %), советский (25,3 %) и белорусский (21,2 %), остальные же представлены немногочисленными примерами (в совокупности — 8,2 %). Однако многие из урбанонимов, репрезентирующих отличные от белорусского компоненты культуры, являются своеобразными трансляторами памяти о людях, имеющих определенное отношение к территории исследуемого региона или занимающих свое место в мировоззрении жителей, сохраняют информацию о социальном статусе, национальности, сфере деятельности тех, чьи фамилии задействованы в названиях внутригородских объектов. Ранее мы установили, что отантропонимная виконимия Витебщины имеет иное соотношение названий, транслирующих различные компоненты культуры: количественно преобладают номинативные единицы, реализующие белорусский, русский и советский компоненты культуры, затем следуют единичные названия, представляющие другие компоненты [Дорофеенко, 2022].

УФ транслирует приблизительно в 3,6 раз больше компонентов культуры. Однако можно выделить только один превалирующий — французский (86,4 %) и три, насчитывающие более одного процента названий — американский (1,6 %), немецкий (1,4 %) и английский (1,2 %). Доля каждого из оставшихся компонентов культуры — менее одного процента. Преобладание одних компонентов культуры над другими в рассмотренных системах может объясняться более тесными историческими контактами.

Список источников

1. Дорофеенко М. Л. Имена деятелей культуры в урбанонимии Беларуси и Франции // *Studia Wschodniosłowiańskie*. — 2020. — Т. 20. — С. 199–206.
2. Дорофеенко М. Л. Тексты культуры в виконимии Витебской области (на материале отантропонимных внутрисельских названий) // *Запад и Восток в диалоге культур : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. и Всерос. науч.-просветит. конф. с междунар. участием / Липецкий гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского ; под общ. ред. В. Б. Царьковой, Е. А. Поповой, А. А. Люлюшина, Е. Г. Труновой*. — Липецк, 2022. — С. 184–188.
3. Ильин Д. Ю. Локативные меморативы как лингвистический код // *Мир русского слова*. — 2020. — № 4. — С. 16–20.
4. Сизова Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2004. — 18 с.
5. Мезенка Г. М. Віцебшчына ў назвах вуліц : манагр. : у 2 ч. — Віцебск : УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2008. — Ч. 1. — 363 с.
6. Badariotti D. Les noms de rue en géographie. Plaidoyer pour une recherche sur les odonymes / *Street names, an argument for a geographic research // Annales de Géographie*. — 2002. — Vol. 111. — № 625. — Pp. 285–302.
7. Bouvier J.-C. Désignations onomastiques et identité culturelle // *Onomastique — Dialectologie: actes du colloque d'onomastique de Loches (mai 1978)*. — Paris : Société française d'onomastique, 1980. — Pp. 13–25.
8. Darafeyenka M. Espace de mémoire: toponymes urbains de Reims et personnalités illustres // *Liber Amicorum: clins d'oeil linguistiques en hommage à Emilia Hilgert : ouvrage collectif / sous la dir. de M. Meulleman, S. Palma et A. Theissen*. — Reims : Epure, 2020. — Pp. 201–216.

Сведения об авторе

Дорофеевко Марина Леонидовна — к.филол.н., докторант кафедры русского языка Белорусского государственного университета (Минск, Белоруссия).

В. В. Заонегина

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА ТОРЖКА: ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ

***Аннотация.** Представлен опыт моделирования топонимического пространства города Торжка: обосновывается использование метода моделирования для исследования топонимического материала, перечисляются принципы моделирования; разрабатывается полевая модель топонимического пространства, которая позволяет понять архитектуру топонимического ландшафта малого русского города, который анализируется как в синхронии, так и в диахронии через призму широкого культурно-исторического и социально-экономического контекста.*

***Ключевые слова:** моделирование; топонимическое пространство; полевой подход; слово-классификатор; ядерная зона; периферийная зона; топоним; эргоним.*

Моделирование является эффективным методом исследования, позволяющим осуществить системный подход к изучению и описанию многокомпонентного и негетерогенного по своей сути лингвистического объекта. К числу такого рода объектов может быть отнесено ТП (здесь и далее ТП — топонимическое пространство), которое характеризуется сложными системными связями между образующими его элементами.

Кратко остановимся на принципах моделирования. Лингвистическая модель представляет собой вероятностную структуру, основанную на аналогии и потому отличную от реального объекта, в том числе благодаря наличию объяснительного и прогностического потенциала [Лосев, 1986: 33]. Сущностные характеристики лингвистической модели также включают обобщенность (условность), схематичность, абстрактность, воспроизводимость. Наиболее релевантным для моделирования ТП можно считать полевой подход, который плодотворно развивали Ю. Д. Апресян, Е. Р. Гулыга, Ю. Н. Караулов, С. Д. Кацнельсон, В. М. Павлов, Ф. П. Филин, Е. И. Шендельс и др. Концепцию полевой структуры грамматических явлений и многоаспектно-доминантный метод их исследования разработал В. Г. Адмони [Адмони, 1964]. Общий принцип данного подхода заключается в выделении ядра и периферии исследуемого множества языковых средств. Принципы полевого моделирования были детализированы в работах А. В. Бондарко [Бондарко, 2005].

О применимости полевого моделирования для изучения топонимических систем пишет В. И. Супрун, который предлагает воспринимать полевую структуру как имеющую пирамидальный характер: единичность конститuentов ядра и значительное по количеству число периферийных единиц, лежащих в основании. По мнению В. И. Супруна, полевая модель позволяет описывать языковые единицы «в соответствии с главными признаками материальной системы, такими, как объективность, структурированность, целостность» [Супрун, 2000: 12].

В основу работы положена следующая гипотеза: ТП может быть представлено как позволяющая понять архитектуру топонимического ландшафта малого русского города полевая модель, которая включает в себя слова-классификаторы и различные виды топонимов, распределённые по ядерной и периферийной зонам бинарной модели (включающей две составляющие — каркасную и основную) на основе их хронологической устойчивости и функциональности с учётом способов номинации и образования, рассматриваемых как в синхронии, так и в диахронии через призму широкого культурно-исторического и социально-экономического контекста.

Выделение ядерной и периферийной зон модели топонимического пространства основано на критерии долгосрочной/краткосрочной исторической (или хронологической) устойчивости и функциональности элементов модели. Ядерную зону составляют устойчивые наименования крупных объектов городского ландшафта, в периферийную зону входят эргонимы как функционально наиболее подвижная часть ТП. Теоретические основы моделирования ТП города Торжка изложены нами в статье «Моделирование топонимического пространства малого русского города (на примере г. Торжка)» [Заонегина, Мкртычян: 2022].

Каркасная модель ТП строится на основе принципа широты охвата моделируемой сущности за счёт вовлечения слов-классификаторов. В контексте исследования под словом-классификатором понимается имя нарицательное, идентифицирующее наименованный объект и указывающее на его принадлежность к определенному типу городских топонимов. Эта идея в топонимике не нова. А. В. Суперанская [Суперанская, 1976] и В. В. Реформатский [Реформатский, 1964] использовали термин «номенклатурный термин». В. В. Кабакчи предложил термин «ономастический классификатор». По его мнению, без классификатора имя собственное нередко характеризуется идентификационной неопределённостью [Кабакчи 1998]. Для указания на то, к какому классу принадлежит данный внутригородской объект, А. М. Мезенко считает возможным использовать определение «термин-классификатор». Термины-классификаторы, представляя собой определенную группу слов, являются обязательным компонентом каждого урбанонима, но при этом они выполняют конструктивную роль, не превращаются в собственное имя [Мезенко, 1991: 20]. В рамках данного исследования используется термин «слово-классификатор». Именно слова-классификаторы «определяют» границы ядерной и периферийной зон разрабатываемой модели. Собственно топонимическая составляющая модели строится на основе топонимов. Обе части модели непосредственно скоррелированы друг с другом. Например, слово-классификатор *улица* в каркасной части модели прямо соотносено со всеми названиями улиц города Торжка.

Материалом исследования, положенным в основу верификации разработанной модели, послужили 985 лексических единиц (из них 116 слов-классификаторов, 869 топонимов, в том числе 569 эргонимов), извлечённых из различных источников: протоколов топонимической комиссии, планов и карт города разных лет, справочников, материалов местной печати, архивных документов по наименованию и переименованию (Торжокского городского архива, архива ВИЭМ (Все-российского историко-этнографического музея), РГАДА (Российского государственного архива древних актов), ГАТО (Государственного архива Тверской области), историко-краеведческих изданий, а также данные, полученные от жителей города путем лингвистического интервьюирования. Из общего массива проанализированного материала 730 единиц составляют современные топонимы и 255 исторические (утраченные).

В рамках исследования был разработан единый подход к описанию элементов ядерной и периферийной зон модели ТП, которые анализируются сначала в синхроническом аспекте (с точки зрения семантических способов номинации и структурных способов образования), а затем в диахроническом (в такой же последовательности). С учетом диахронического аспекта развитие топонимической системы условно делится на 3 этапа: дореволюционный, советский, современный. Эти этапы условно совпадают с этапами развития русского литературного языка.

Слова-классификаторы топонимов, составляющие каркасную модель (или часть общей модели ТП Торжка) представлены весьма широким спектром. Их условно можно разделить на несколько групп: 1) слова, называющие отдельные здания и постройки (*ресторан, магазин, кинотеатр*), которые с соответствующим топонимом образуют цельный семантический комплекс; 2) слова-классификаторы, совпадающие с названием организационно-правовой формы предприятия (юридического лица), например, *АО, ОАО*, которые тоже имеют при себе топоним; 3) слова-классификаторы, называющие более крупные городские объекты (*улица, площадь*); 4) слова-классификаторы, называющие культурно значимые объекты (*храм, церковь, музей*), наконец, 5) слова, называющие городские объекты, но не всегда имеющие конкретизирующий топоним (*колледж, больница, школа*), в качестве уточняющего компонента служит имя нарицательное: *городская больница, школа №1, педагогический колледж, жилой дом № 8* и др.

Именно типология слов-классификаторов «определяет» границы ядерной и периферийной зон модели. Ядро каркасной модели ТП Торжка составляют 16 слов-классификаторов (19 % от общего количества), именующие крупные городские и культурно значимые объекты.

Теперь дадим характеристику основной модели (собственно топонимической). В основной модели ТП в синхронии находятся 618 наименований. Ядерную зону формируют 190 официальных топонимов и 96 неофициальных наименований городских объектов, периферийную зону — 332 эргонима. Данные группы анализируются по схожей схеме: сначала исследуются семантические способы номинации, затем — структурные способы образования.

В ходе анализа выявлено 5 семантических способов номинации топонимов и 14 структурных способов образования топонимов. Рассмотрим семантические способы номинации топонимов Торжка (структурные способы оставим за рамками настоящей публикации по причине объёмности проанализированного материала).

Самое большое количество официальных топонимов (44 %) представляют собой эпонимические наименования (*ул. Дзержинского, пл. Пушкина*), что означает наибольшую продуктивность способа номинации по связи с человеком в современной топонимии Торжка. Однако данная тенденция характерна лишь для официальных топонимов.

В номинации эргонимов преобладает способ номинации по присущим объекту свойствам и качествам (65 %) (*магазины «Продукты», «Спецодежда»*), остальные способы представлены малочисленными группами.

В неофициальной топонимии данный способ также является наиболее продуктивным (29 %) (*Косой переулок, Горбатый мост*), но он лишь немного уступает способу номинации по связи со словом-классификатором (28 %) (*Больничка, Нарсуд*). В выделении данного семантического способа состоит специфика неофициальных топонимов. Они представляют собой особый пласт лексики, создающийся вне официальной городской ономастики и возникающий по законам народного экспрессивного речетворчества. Выделяя ядерную зону как хронологически стабильную, мы считаем неофициальные топонимы ядерными элементами.

Следует отметить, что редким семантическим способом номинации является способ по связи с абстрактным понятием. Он представлен лишь в официальной топонимии (10 %) (*ул. Мира*) и эргонимии (7 %) (*страховая компания «Согласие»*).

Моделирование с учётом диахронического аспекта осуществляется на основе учёта динамики, которая характеризует каркасную и основную составляющие модели современного ТП. Динамические процессы в них анализируются на протяжении трех исторических периодов развития города: дореволюционный этап (с конца XVI–начала XVII вв., когда топонимические данные новоторжской земли начинают фиксироваться в письменных источниках, до 1917 г.), советский этап (1917–1990 гг.), современный этап (с 1990 г. по настоящий момент). При выделении данных временных отрезков существует определенная степень условности, однако именно такой хронологический подход отражает глобальные топонимические трансформации.

Начнем с динамики слов-классификаторов. В целом в исследовании учтено и проанализировано 116 слов-классификаторов различных исторических периодов.

К словам-классификаторам ядерной зоны относятся *посад, слобода, конец, приход, линия и др.* — всего 25 единиц (22 % от общего количества). Напомним, это слова, выделенные на основе признака хронологической устойчивости и называющие крупные городские объекты и культурно значимые объекты. Наиболее стабильными словами-классификаторами ядерной зоны на протяжении всех исторических периодов, или ядерной зоны первого порядка, являются 9 единиц: *улица, переулок, площадь, набережная*, а также слова-классификаторы, называющие культурно значимые объекты: *церковь, храм, собор, монастырь, часовня*.

Остальные слова-классификаторы (91 единица — 78 % от общего количества) входят в периферийную зону ТП.

Анализ слов-классификаторов периферийной зоны в динамике позволил выявить группу уникальных слов (всего 35), характерных только для того или иного исторического этапа (например, *синематограф* — употреблялось только до революции), а также группу слов-классификаторов (всего 29), которые употребляются на протяжении трех периодов (*гостиница, дом, завод, компания*), то есть так называемая стабильная периферия.

Совпадающие слова-классификаторы периферийной зоны также обнаружены в следующих периодах: в современном и дореволюционном — 30 (*лавка*); в советском и дореволюционном

ном — 31 (*телеграф*); в современном и советском — 51 (*комбинат, компания*), что свидетельствует о значительном влиянии советской топонимии на ТП современного города.

Перейдем к основной модели ТП в диахронии и анализу динамики семантических способов номинации топонимов.

Наиболее продуктивными семантическими способами номинации топонимов Торжка являются: в советском и современном периодах — по связи с человеком (*ул. М. Горького, ул. Героя России Клещенко*), в дореволюционном периоде — по связи с другим значимым объектом (*ул. Соборный вал, Часовенный пер.*). В советских эпонимических наименованиях, в неизменном виде и полном объеме перешедших в современный топонимикон Торжка, фигурируют фамилии политических деятелей, деятелей культуры, героев Великой Отечественной войны (*ул. Свердлова, ул. Островского, ул. Падерина*). Кроме того, способ номинации по связи с человеком в указанные периоды реализовывался через обозначение определенной общности людей (*ул. Комсомольская*).

Способ номинации по связи с другим значимым объектом преобладал до революции, поскольку был широко представлен агитотопонимами (*ул. Успенская, ул. Богоявленская*).

В названиях городских объектов во всех периодах меньше отражены качественные характеристики (размер, конфигурация, расположение, натуралистические признаки) (*ул. Красная Гора, ул. Подольная*), хотя на современном этапе способ номинации по присущим объекту свойствам и качествам довольно распространен (*ул. Тихая, ул. Радужная*).

Абстрактные конструкции, описывающие советские идеологические ценности, праздники и памятные даты, редко используются в качестве топооснов, поэтому способ номинации по связи с абстрактным понятием является наименее частотным в советский и современный период. В топонимиконе дореволюционного периода данный способ номинации не был нами зафиксирован по понятным причинам.

Необходимо отдельно остановиться на вопросе переименований топонимов в XX в. Массовые переименования в Торжке, обусловленные идеологическими причинами, происходили дважды: сразу после Октябрьской революции 1917 г. (наиболее масштабный характер они приобрели в 1919 г.) (*Сенная пл. → пл. 9 Января; ул. Дворянская → ул. Пролетарская*) и в конце 1950–1960-х гг. (*ул. Болотная → ул. Радищева, ул. Овощная → ул. Гоголя*).

Топонимы современного Торжка, откликаясь на меняющиеся социально-экономические, политические, культурные реалии, подвергаются новым трансформациям. Топонимия расширяется в связи со строительством новых жилых и производственных районов (*Северная, Молодежная, Кленовая, Энергетиков, Энтузиастов ул.*), в результате переименований городских объектов в честь выдающихся новаторов (*площадь Героя России Воробьева, ул. Героя России Клещенко*).

Вместе с тем в топонимиконе современного города присутствуют названия, которые существовали во все периоды (12): *ул. Водопойная, ул. Соминка, ул. Дальняя Троица и др.* Это наиболее стабильная часть ядра ТП. Это историческая основа современного топонимикона города Торжка.

Динамические процессы в периферийной зоне ТП связаны с коммерческой номинацией. Наиболее продуктивным семантическим способом номинации эргонимов Торжка во все изученные периоды является способ по присущим объекту свойствам и качествам (*магазин «Женская одежда», «Подарки»*). Если до революции в названиях данной группы были представлены лишь онимизированные слова-классификаторы и функциональные характеристики — вид оказываемых услуг или производимой продукции, то советский период обогатил эргонимию аббревиатурами и образно-символическими названиями (*PCY, CMY, кинотеатр «Заря», завод «Марс»*).

Специфика динамики ТП с дореволюционного периода до настоящего времени связывается с действием противоположно направленных векторов: с размыванием уникальности топонимикона ядерной зоны (за счёт утраты так называемых «центров» номинации — храмов и наследуемых династийных объектов) и с усилением этого признака у эргонимов периферийной зоны, регулируемых преимущественно законами коммерческой номинации.

Таким образом, модель ТП города Торжка объективно описывает целостную структуру топонимикона, прошедшую путь исторического развития от дореволюционного периода до современности. На каждом этапе происходят трансформации ядерной и периферийной зон, при этом их соотношение остаётся примерно одинаковым и составляет так называемую «золотую»

пропорцию 1/4, что позволяет говорить о наличии стабильной на всех исторических этапах ядерной зоны ТП, несмотря на бурную динамику периферии. Выявленная пропорция стабильности ТП может претендовать на статус топонимической универсалии. Полагаем, что использование моделирования ТП как метода системного лингвистического изучения топонимов открывает принципиально новые исследовательские перспективы, расширяющие объяснительные возможности топонимики в целом.

Список источников

1. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. — Л. : Наука, 1964. — 106 с.
2. Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. — СПб. : Наука, 2005. — 478 с.
3. Заонегина В. В., Мкртычян С. В. Моделирование топонимического пространства малого русского города (на примере г. Торжка) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». — 2022. — № 4 (75). — С. 138–146.
4. Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. — СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. — 232 с.
5. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. — М., 1968. — 294 с.
6. Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Минск, 1991. — 31 с.
7. Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. — М., 1964. — С. 56–73.
8. Суперанская А. В. Терминология и номенклатура // Проблематика определений в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 115–164.
9. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. — Волгоград : Перемена, 2000. — 172 с.

Сведения об авторе

Заонегина Валентина Викторовна — соискатель, заведующий общеобразовательным отделением Торжокского политехнического колледжа (Торжок, Россия).

Е. А. Казнина

МИКРОУРБАНОНИМЫ МАЛОГО ГОРОДА: ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Аннотация.** Ономастическое пространство города состоит из большого количества элементов. Неофициальные названия также становятся частью системы имен собственных города. Появление такого разряда онимов, как микроурбанонимы, связано с различными факторами. При рассмотрении такого пласта лексики можно выявить наименования объектов, которые, вероятно, требуют пересмотра некоторых официальных названий. В статье показано разнообразие микроурбанонимов и причины их появления.*

***Ключевые слова:** микроурбаноним, микротопоним, урбаноним, эргоним, онимическое пространство, ономастическая система.*

Ономастическое пространство города состоит из разнообразных компонентов, каждый из которых выполняет свою функцию. Неофициальные названия также становятся частью ономастической системы. Они в большей степени показывают, как ономастическая система освоена жителями города.

Изучение подобной лексики является актуальным, так как ее рассмотрением занимается не так много лингвистов. Ее достаточно сложно изучать по причине того, что микроурбанонимы функционируют в речи горожан определенного населенного пункта и не закреплены в официальных документах. Микроурбаноним выступает родовым понятием для неофициальных названий линейных (улиц, проездов, переулков, проспектов) и точечных внутригородских объектов (площадей, зданий, магазинов, различных организаций и объединений).

Как и любой разряд имен собственных микроурбанонимы имеют свои характеристики. Так, Т. С. Борейко и Е. А. Шпак определили признаки микроурбанонима: высокая степень сменяемости; низкая степень известности (могут знать не все жители населенного пункта, а для гостей города данные наименования не будут нести в себе информативную функцию); семантическая мотивированность большинства урбанонимов; преобладание искусственной номинации над естественной [Борейко, Шпак, 2013: 62].

Проанализировать микроурбанонимы одного населенного объекта в синхроническом аспекте достаточно просто, особенно если вы являетесь жителем данного города. Однако когда требуется сравнить неофициальные названия разных населенных пунктов, то возникает ряд трудностей. На начальном этапе при сборе лексического материала, который функционирует только в речи горожан и не имеет документальной закреплённости, требуется найти информантов. В нашем случае информантами выступили жители городов, которых опрашивали студенты Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского в ходе социолингвистической практики. На этапе анализа материала трудностью становится определение значения неофициального урбанонима и местонахождение объекта, так как некоторые объекты наименования не имеют.

В настоящей статье анализу подверглись микроурбанонимы Любима (Л.), Переславля-Залесского (П-З.), Ростова (Р.), Тутаева (Т.) и Углича (У.). Данные города являются малыми провинциальными городами. Каждый из них имеет свою историю, но между неофициальными именами собственными, используемыми для обозначения объектов, можно найти общие черты.

Т. Г. Никитина отмечает, что городской ономастикон диалогичен и обладает информационно-коммуникативным потенциалом. Также автор считает, что «региональная специфика языка молодежи проявляется именно в сфере ономастической номинации» [Никитина, 2019: 139]. Анализируемый нами материал был представлен горожанами разных возрастов, что говорит о потребности в использовании неофициальных названий любых возрастных категорий горожан.

Набор, используемых микроурбанонимов, будет отличаться, так как организации, для которых старшее поколение создавало названия, перестали существовать или изменился внешний вид таких магазинов (*Стекляшка* (У.) — магазин, который снаружи имел большие стеклянные окна; *Фабрика 5* (П-З.) — старое название завода «Лит»). Неофициальные наименования, изобретенные молодым поколением, могут не восприниматься старшим или быть неактуальными, потому что старшее поколение не посещает некоторые места, популярные у молодежи (*Варик* (Л.) — сокращенное название магазина Вариант); *Пельмешка* (Р.) — кафе Пельменная).

Есть такие места в городе, микроурбанонимы для которых известны большинству жителей (*Китайская стена* (Р., Т., У.); *Девятнарь / Девятнадцатое* (У.) — по номеру училища, которое использовалось ранее; *Свечки* (Т.) — три одноподъездные многоэтажные дома, стоящие рядом). Они используются чаще, понятны большему числу горожан, соответственно дольше будут существовать в языке.

Онимическое пространство города отличается от организации пространства сельской местности. Так, Р. В. Попов пишет о том, что в сельском ономастиконе все имело свои названия, которые признавались всеми и были понятны. Сельские жители выступали номинаторами объектов своей местности, поэтому названия отражали суть объекта. Официальные же названия в городском ономастиконе отличаются тем, что присваиваются чаще всего без учета особенностей объекта, горожане не участвуют в номинации объектов. Это в свою очередь и приводит к появлению неофициальных имен. Жители стремятся осмыслить название, которое создано искусственно [Попов, 2019].

Альтернативная городская топонимика возникает по разным причинам, в большинстве случаев она не связана с идеологией, при ее создании учитывается специфика конкретного города.

Такая лексика требуется для удобства коммуникации жителей города, так как имеет ориентирующее значение [Попов, 2019: 101]. Подобного мнения придерживается и Т. А. Зуева, говоря о «вкусных приоритетах горожан, принимающих активное участие в наименовании различных городских объектов» [Зуева, 2014: 151].

Микроурбанонимы появляются по разным причинам, язык современного города является частью культуры как в целом, так и для определенного населенного пункта. Поэтому неофициальные названия показывают, какими представляются горожанам внутригородские объекты.

Нами были выделены четыре причины появления таких наименований. Для каждой причины примеры неофициальных названий обнаруживаются практически в каждом городе, который был отобран для анализа.

Самым важным для горожан становится **необходимость выразить свое отношение к внутригородскому объекту**, что является первой причиной появления подобных наименований. Е. М. Клименко пишет о том, что так проявляется стремление горожан к экспрессивности, характеризующейся «образностью, эмоциональностью и оценочностью» [Клименко, 2011: 7]. Здесь наименования можно поделить на две подгруппы: микроурбанонимы с положительной и отрицательной семантикой. В зависимости от того, какие эмоции возникают в связи с тем или иным объектом они отражаются в неофициальном названии. Яркими примерами микроурбанонимов с отрицательной семантикой могут послужить *Болваново* (Л.) (школьники шутили, что их одноклассники, живущие в этом месте, — болваны); *Гадюжник* (П-З.) (название столовой), *Черноречка* (П-З.) (место, куда сливались отходы); *Вонючка* (Р.) (народное название мясокомбината, так как не нравился запах); *Бородавка*(Т.) (Пристройка к дому, где был винный магазин, место не нравилось местным жителям); *Бедовка / Бедовая*(У.) (перекресток, где происходит много аварий).

Названия, которые несут в себе положительные характеристики могут быть путем изменения исходного названия или сохранение предыдущего названия, которое вызывает приятные эмоции. В Угличе это *Машинка* (бывший клуб машиностроителей, ныне МЦ «Солнечный»), еще один яркий пример *Солнышко* (микрорайон Солнечный), а в Ростове примерами могут послужить такие названия, как *Сапожок / Каблучок* (сокращенное название от прежнего производства и сапожной мастерской), *Деревяшка* (мотивировка не известна), *Пельмешка* (Пельменная). Следующим примером служит закрепление названий организаций, которые существовали ранее, в их семантике или способе образования заложен положительный смысл: *Солнечный* (старое название магазина), *Снежинка* (старое наименование). В Тутаеве нами были выделены такие неофициальные наименования, как *Пушинка* (в здании находился цех, где занимались изготовлением вязаных вещей, затем существовал бильярдный клуб «Пушинка») и *Сосенки* (сосновый лес).

Отметим, что названия с положительной семантикой встречаются не во всех рассмотренных городах. Названий с положительной семантикой не обнаружено в Любиме и Переславле-Залесском, кроме одного наименования *Стегляшка*.

В Тутаеве и Угличе мы сталкиваемся с микроурбанонимом *Стегляшка*, который обозначал магазин, где были стеклянные большие окна. Сейчас это наименование постепенно выходит из употребления. В Ростове также есть микроурбаноним *Стегляшка*, однако обозначает место, куда сдавали стеклотару. Это является примером того, как одно и то же слово, может функционировать для обозначения объектов, имеющих разные функции.

Стремление переосмыслить неудобные названия, которые не принимаются жителями города, является второй причиной. В данную группу включены многие названия-сокращения, образованные от полных. В Угличе встречаются такие названия, как *Афоня* (магазин Афанасий), *Девятка* (ул. 9 января), *ЦДЦ* (Центр досуга «Цветочный»), *Художка* (художественная школа) и т.д. Большое количество наименований, появившихся в ходе переосмысления, представлено в Ростове, например, *Введенка* (ул. Введенская), *Цикорка* (Кофе-цикорный поселок), *Вышка* (клуб «Высшая лига») и т.д. В Переславле-Залесском, Тутаеве и Любиме обнаруживаются подобные микроурбанонимы: *р-н Саха* (магазин «Сельхозтехника»), *Вечерка* (Вечерняя школа) (П-З.); *Розы* (ул. Розы Люксембург), *Гэпа* (ГПТУ 41) (Т.); *Средка* (Средняя школа), *Пуцяга* (Аграрно-политехнический колледж). Микроурбанонимы этой группы помогают быстрее обозначить место, полное официальное название которого долго воспроизводить в устной речи. «В реноминациях отчетливо видны коннотативные свойства лексики» [Клименко, 2011: 8].

Третья причина связана с наличием у объектов схожих названий или функций, поэтому возникает потребность в их различении, поэтому люди стремятся заменить их. На данный момент появилось много сетевых магазинов, например, *Магнит*, *Пятёрочка*, *Дикси*, которые можем найти в каждом городе. Они имеют оригинальное название, поэтому мы легко понимаем, о каком магазине идет речь, однако если магазинов одной сети в городе несколько, то жители города добавляют к эргониму наименование улицы, где располагается магазин, или указание на какой-то объект, располагающийся рядом. Например, в Угличе несколько магазинов *Пятёрочка*, для уточнения добавляют ориентир: *Пятёрочка на Первомайской / Пятёрочка рядом с ментовкой*, *Пятёрочка у гостиницы/у Чайки*, *Пятёрочка в Солнечном*, *Пятёрочка на Девятке*. Здесь включаются и другие микроурбанонимы *ментовка* (отделение полиции города Углича, находящийся на ул. Первомайской), *гостиница* (сокращенное название гостиницы «Чайка», в которой находится большое количество офисов организаций Углича); *Девятка* (ул. 9 Января). Таким образом, мы можем наблюдать, как микроурбанонимы функционируют в речи горожан, такие обозначения будут понятны только местным жителям, для гостей города будет понятно только название сетевого магазина.

Помимо вопросов, касающихся различения сетевых магазинов, появляется следующий аспект: в отличие от больших городов, где владельцы различных организаций стремятся дать оригинальные названия; в малых провинциальных городах существуют названия магазинов сообщающие потенциальному потребителю о предоставляемой услуге или продаваемых товарах. Продуктовые магазины индивидуальных предпринимателей получают название *Продукты*. Если магазин находится в жилом районе, удаленном от центра и главных улиц, то он не требует никаких дополнительных обозначений. Если же магазинов несколько или в магазине продается товар, который пользуется спросом у многих жителей города, то магазин может получать различные народные названия. Фамилия директора используется для номинации магазина, например, *Алтунинский магазин*, *магазин Грач* в Переславле-Залесском, в Любиме есть три наименования, бытующих в народе: *Муравьевский магазин*, *Веселовский магазин*, *Морозовский магазин*. Кроме фамилий, основой является имя владельца: *У Ирины* (П-З.), *Халид* (Л.).

Несмотря на то, что в населенных пунктах линейные и точечные объекты имеют официальные наименования, остаются места, у которых отсутствует официальное название. Для них и появляются микроурбанонимы, это становится четвертой причиной. Из пяти рассмотренных городов, не представлены подобные наименования в Ростове, а в Переславле-Залесском всего одно наименование: *Устье* (устье Реки Трубезж). Вероятно, при опросе жителей студенты делали акцент на те места, наименования которых могут быть замещены микроурбанонимом. Большое количество таких названий присутствует в Любиме и Угличе, меньше в Тутаеве. Чтобы добраться до некоторых поселков в Любиме, необходимо проехать по мосту, однако эти мосты не имеют официальных названий, поэтому создаются микроурбанонимы: *Зауцкий мост* (мост через реку Учю), *Отрадноковский мост* (мост через реку Обнору), *Навесной мост* (мост через реку Обнору).

К этой группе могут быть отнесены названия пляжей. Например, в Любиме есть *Золотые пески* (название самого популярного пляже, где очень горячий песок), *ГЭС* (пляж на реке Обноре), то же наблюдается и в Угличе *Пляж* (городской пляж, который является официальным), а также места, официально не являющиеся пляжами: *Карьеры* (пляж на реке Корожечне), *Пески* (пляж на Волге, рядом с микрорайоном Цветочный). В тех же городах встретились названия для здания с колоннами, где располагаются разные магазины и организации: *Ряды* (Л.) и *Рядки* (У.). Оборудованные детские площадки также имеют похожие названия: *Городок* (Л.) и *Городки* (У.).

Вместе с развитием городов появляется необходимость обозначить районы, официально такие названия практически не вводятся. По этой причине районирование делается горожанами в устной речи. Для обозначения какого-либо района выбирается какой-то признак: *Копченый район* (Л.) (улица, на которой проживает много цыган), *Зауча* (Л.) (небольшой район, располагающийся сразу после моста через реку Учю), *Старый город* (Т.) (район с малоэтажными домами, который были первыми в Тутаеве), *Санта-Барбара* (район с современными трехэтажными зданиями и коттеджами, которые созданы во времена популярности одноименного сериала и схожи с его темой), *Частный сектор* (У.) (массив частных домов, занимающих большую часть

города), *поселок ДСУ (У.)* (дома, которые строили для работников ДСУ), *поселок Мебельщиков (У.)* (в поселке занимались производством мебели), *поселок Мирный (У.)* (район, где есть улицы Мира), *район Часового завода / Часовой завод (У.)* (район, где строились дома для работников часового завода «Чайка»).

Для некоторых микроурбанонимов установить мотивировку не удалось, но такие названия известны многим жителям города и служат для них ориентиром. Например, *Хитрый рынок* есть в Переславле-Залесском и Угличе. Значение жители не объясняют, но можно предположить, что на рынке можно было найти все необходимые товары, поэтому и носит такое название.

В рамках статьи охватить все спектр представленных наименований достаточно трудно, однако некоторые характерные черты описать удалось.

Неофициальный ономастикон городов Ярославской области оригинален и разнообразен, при этом видны общие причины появления микроурбанонимов. Анализ подобной лексики необходим тем, что можно определить круг названий, которые являются наименее удобными для жителей населенного пункта и требуют переосмысления [Никитина, 2019]. Появление таких имен собственных в ономастиконе города естественно, так как жители выражают через них свое отношение к внутригородским объектам, заполняют лакуны в номинации.

Список источников

1. Борейко Т. С., Шпак Е. А. Неофициальная топонимика современного города (на примере Омска) // Гуманитарные исследования. — 2013. — № 1. — С. 62–64.
2. Зуева Т. А. Лингвокреативный потенциал неофициальных урбанонимов Екатеринбурга: от Буша до черепахи // Уральский филологический вестник. Сер. «Психолингвистика в образовании». — 2014. — № 2. — С. 151–155.
3. Клименко Е. М. Неофициальная ономастика современного города (на примере г. Екатеринбурга) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2011. — № 6 (101). — С. 5–12.
4. Никитина Т. Г. Городское онимическое пространство: диалог номинатора и интерпретатора // Коммуникативные исследования. — 2019. — С. 137–151.
5. Попов Р. В. Микропонимы в словаре городской лексики // Вестник Курганского государственного университета. — 2019. — № 1 (52). — С. 100–103.

Сведения об авторе

Казнина Елена Андреевна — аспирант кафедры русского языка Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

А. М. Мезенко

УРБАНОНИМЫ-МЕМОРАТИВЫ В ЧЕСТЬ УЧЕНЫХ КАК ЭКСПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

Аннотация. *Статья посвящена осмыслению и описанию урбанонимикона Беларуси в связи с проблемами культуры. Выявляются типы названий-меморативов в честь ученых. Устанавливаются особенности трансляции потребности белорусов в приобретении новых знаний средствами мемориальных урбанонимов Беларуси, присвоенных в честь представителей разных наук. Показывается роль замысла и установок номинатора, его жизненного и интеллектуального опыта в акте именования внутригородских объектов. Подчеркивается, что, становясь частью урбанонимов-меморативов, имена учёных выступают объектом интерпретации, которая заставляет воспринимать их как символизированные сущности, в которых воплощено ценностное содержание.*

Ключевые слова: *культура; номинатор; онимная лексика; урбаноним-меморатив; урбанонимикон*

Вся история культурно-исторического развития человеческого общества связана с освоением, осмыслением реалий и закреплением за последними вторичного, культурного смысла. Стремясь понять мироустройство и свое предназначение в мире, человек продолжает искать знаки для закрепления наиболее важных для миропонимания идей и находит их «в языке, математике, художественной литературе, в отдельном произведении литературы, в архитектуре, планировке кварталов, в организации семьи, в жизни растений [Степанов, 2001: 5]», в том числе и в названии улиц.

Мысль о том, что специфика урбанонимикона заключается в индивидуальности урбанонимного «стиля» и «слога» номинаторов и что все формы отражения действительности города проходят через фильтр замысла номинаторов внутригородских объектов, нуждается в конкретизации.

Цель данной статьи — выявление типов названий-меморативов в честь ученых, особенностей трансляции потребности белорусов в приобретении новых знаний средствами мемориальных урбанонимов Беларуси, присвоенных в честь представителей разных наук, в том числе космонавтов, поскольку «космонавт — это учёный и испытатель в одном лице, которому представляется честь заниматься практическим освоением космоса» [Космонавт].

Материалом для исследования послужили данные Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь, представляющие собой полные списки названий внутригородских линейных и территориальных объектов городов и городских поселков страны.

Использованы дескриптивный, сравнительно-сопоставительный методы, элементы статистического анализа.

В данной статье анализируются собственные имена внутригородских линейных и территориальных объектов, та часть онимной лексики, которая, имея глубокие корни, периодически обновляется и пополняется. В названиях улиц, переулков, проспектов, проездов, площадей и др., как в зеркале, отражаются результаты процессов номинации.

Ученые сходятся в мысли о том, что наука — это часть культуры, способ познания мира, в котором вырабатываются и теоретически систематизируются знания о действительности. Принято делить культуру на материальную и духовную. При этом разграничение только функционально, «ибо предметы материальной культуры являются результатом воплощения определенных идей, материализации знания, а духовная культура объективируется с помощью материальных средств. Любой предмет культуры есть воплощенное единство материального и духовного» [Теория философии, 2004].

Наука является по преимуществу элементом духовной культуры наряду с философией, искусством, религией, мифологией, совокупностью венаучных знаний, обыденным сознанием. В современном понимании наука превратилась в важнейший социальный, гуманитарный институт, оказывающий значительное влияние на все сферы общества и культуру.

Изучение названий внутригородских объектов показало, что урбаноним не случайное имя внутригородского объекта, а результат осознанного, целенаправленного акта. Компонентами этого акта выступают, с одной стороны, свойства самого объекта, с другой — замысел и установки номинатора, его жизненный и интеллектуальный опыт. Создавая имя, номинатор устанавливает связь между объектом номинации и участниками коммуникации, жителями и гостями населенного пункта, которые по названию смогут не только дифференцировать объект, определить необходимость включения его в сферу своих жизненных интересов, но и воспринять заложенные в наименовании чаяния его «назывателей». Сказанное относится и к номинациям по реальным свойствам объекта, и к наречениям, не мотивированным свойствами денотата, — меморативам, поскольку как первые, так и вторые зависят от общественного сознания, идеологии, просвещения, науки, искусства, нравственности, этики, эстетики и др.

Как правило, названия-меморативы — это воплощенный акт увековечивания памяти об адресате посвящения через закрепление его имени в новом обозначении и самая заметная, но не единственная установка, лежащая в основе такого типа номинации, который строится на владении номинатором и коммуникантами единой системой ценностей, на общности их интеллектуального и эмоционального опыта. Но реестр номинативных замыслов и смысловых ассоциаций указанной разновидности номинации заметно шире. Пожалуй, не столько факт увековечивания памяти движет номинаторами, сколько стремление пробудить желаемый интерес к деятельности лица, память которого увековечивается, привлечь внимание к результатам такой деятельности, дать ей оценку.

Имеющийся в нашем распоряжении материал свидетельствует, что в третьем десятилетии XXI в. своды внутригородских названий белорусских городов характеризуются различной долей участия названий-меморативов в честь учёных.

Неравномерно реализуются в урбанонимном материале и представления о важности видов наук. При этом важность естественных наук оказывается репрезентированной подробно и многогранно с помощью названий-меморативов в честь учёных — представителей данных наук (зафиксированы урбанонимы в честь 41 ученого), а технических и точных (в честь 31 ученого), а также социально-гуманитарных наук (в честь 9 учёных) прорисована в 1,3 — 4,6 раз слабее.

Такое предпочтение, оказываемое белорусами представителям естественных наук, думается, не случайно. Естественные науки — это науки, изучающие природу, понимаемую в широком смысле как материальный мир Вселенной. К числу основных естественных наук, возникших из естествознания, относятся физика, химия, биология, астрономия, география, геология, экология. Затем на стыках этих наук появились такие науки, как геофизика, астрофизика, биофизика, биохимия, физическая химия, химическая физика, геохимия, метеорология, климатология, почвоведение. Кроме того, образовались прикладные науки — агрохимия, химическая технология, горная наука и другие [Естественные науки].

Если к перечисленным добавить еще и медицину, то окажется, что из всего многообразия естественных наук номинаторы-белорусы чаще избирали в качестве производящих основ для названий улиц своих поселений фамилии исследователей таких из них, как **медицина** (ул. Бехтерева — г. Минск, ул. Боткина, ул. Бурденко — г. Могилев, ул. Клумова / пер. Клумова — г. Минск, ул. Могилевчика — г.п. Бельничичи, пер. Очаповского — г. Клецк, ул. Павлова / пер. Павлова — г. Барановичи, Бобруйск, Борисов, Витебск, Гродно, Лида, Минск, Чериков, ст. Рожанка Щучинского р-на, ул. Пастернацкого — д. Пятевщина Минского р-на, ул. Пирогова / пер. Пирогова / проезд — г. Барановичи, Борисов, Гомель, Лунинец, Минск, ул. Сеченова / пер. Сеченова — г. Лида, Минск, ул. Филатова / пер. Филатова — г. Давид-Городок, Лида, Минск), **физика** (ул. Дашкевича — г. Пинск, ул. Жуковского / пер. Жуковского / проезд Жуковского — г. Барановичи, Бобруйск, Витебск, Гродно, Кобрин, Лида, Минск, Новогрудок, ул. Курчатова — г. Барановичи, Бобруйск, Горки, Гомель, Гродно, Минск, Несвиж, Новогрудок, ул. Попова / пер. Попова — г. Борисов, Минск, Могилёв, ул. Рогинского — д. Паричи Светлогорского р-на Гомельской обл., ул. Столетова — г. Минск, ул. Чаплыгина / пер. Чаплыгина — г. Бобруйск, г. Могилёв), **биология** (ул. Чарльза Дарвина — г. Брест, Могилёв, ул. Мечникова / пер. Мечникова — г. Барановичи, Гомель, Клецк, Лида, Могилёв, ул. Мичурина / пер. Мичурина — в 69 населенных пунктах (далее н.п.): г. Барановичи, Березино, Борисов (и пер.), Буда-Кошелёво, Быхов, Волковыск и др., ул. Рокицкого — пос. Криничный Мозырского р-на, ул. Тимирязева / пер. Тимирязева — в 26 н.п.: г. Барановичи, Борисов, Брест, Волковыск, Горки, Гродно, Жодино, Ельск, Кричев и др., ул. Шишова — г. Могилёв), **ветеринария, сельскохозяйственные** (ул. Вышелесского — г. Минск, ул. Дашкевича — г. Пинск, ул. Докучаева — г. Барановичи, Лида, Минск, ул. Костякова — г. Малорита, Пружаны, ул. Стебута — г. Горки, ул. Советова — г. Горки).

В урбанонимиконах белорусских городов нашли репрезентацию фамилии четырех **учёных-географов** (пер. Белякова — г. Могилев, ул. Папанина — г. Берёза, Борисов, Брест, Горки, Держинск, Минск, Могилёв, Орша, д. Куренец Вилейского р-на, ул. Пржевальского — г. Минск, Могилёв, ул. Челюскина / пер. Челюскина — г. Брест, Кричев), четырёх **учёных-геологов** (ул. Богомолова — г. Солигорск, ул. Кренкеля — г. Могилев, ул. Погуляева — д. Запрудье Горецкого района, ул. Черского — г. Верхнедвинск), двух **учёных — химиков** (ул. Ломоносова / пер. Ломоносова — в 36 н.п.: г. Барановичи, Бобруйск, Браслав, Буда-Кошелёво, Брест, Верхнедвинск, Витебск, Волковыск, Ганцевичи и др., ул. Менделеева / пер. Менделеева — г. Бобруйск, Гомель, Гродно, Лида, Минск, Новогрудок, Слоним, г.п. Бешенковичи, д. Озёры Гродненского района), **астронома и флотоводца, исследователя Арктики** (ул. Николая Коперника / пер. Николая Коперника — г. Дисна, Лида, Могилёв, Несвиж, Столбцы, г. Барановичи, ул. Лазарева — г. Минск).

В урбанонимном пространстве имена исследователей выступают и как экспоненты культуры конкретного народа и истории науки, и как символы происходящих в обществе изменений, утверждающих определенные ценности. Тем самым имена учёных становятся носителями оценок и приоритетов в области развития видов наук.

Математику, информатику, робототехнику, космонавтику объединяют в комплекс технических и точных наук и не включают в естественные науки, поскольку их методология существенно отличается от методологии естественных наук.

Показательно, что фамилии учёных, представляющих данный вид науки, в 1,4 раза реже (по сравнению с предыдущим видом науки) становились производящими основами для урбанонимов. При этом из всего многообразия наук, репрезентирующих этот вид, в урбанонимии Беларуси закрепились фамилии учёных в области **авиационных и ракетных двигателей, космонавтики** (ул. *Косберга* — г. Слуцк, ул. *Лавочкина* — г. Могилёв, ул. *Можайского* / пер. *Можайского* — г. Бобруйск, Кобрин, Минск, ул. *Сухого* — г. Глубокое, ул. *Циолковского* / пер. *Циолковского* — г. Барановичи, Бобруйск, Гомель, Горки, Кобрин, Минск, Могилёв, Полоцк, ул. *Гагарина* / пер. *Гагарина* — в 220 н.п.: г. Барановичи, Береза, Бобруйск, Брест, Буда-Кошелёво, Быхов, Верхнедвинск и др., ул. *Комарова* / пер. *Комарова* — в 49 н.п.: Барановичи, Бобруйск, Борисов, Вилейка и др., ул. *Титова* / пер. *Титова* — в 26 н.п.: Барань, Витебск, Волковыск, Гродно и др., ул. *Терешковой* / пер. *Терешковой* — в 23 н.п.: Вилейка, Витебск, Гродно, Давид-Городок и др., ул. *Николаева* — в 9 н.п.: г. Барань, Вилейка, Волковыск, Глубокое, Гродно, Давид-Городок, Кобрин, Хойники, г.п. Островец, ул. *Волкова* — в 9 н.п.: Вилейка, Житковичи, Жлобин, Калинковичи, Климовичи, Новогрудок, Рогачев, Светлогорск, дер. Малые Немки Ветковского р-на, ул. *Добровольского* — в 9 н.п.: Вилейка, Житковичи, Климовичи, Новогрудок, Рогачев, Светлогорск, Хойники, Чериков, д. Малые Немки Ветковского р-на, ул. *Берегового* — г. Вилейка, Давид-Городок, Житковичи, Рогачёв, Хойники, Шарковщина, ул. *Беляева* — г. Бобруйск, Высокое, Новогрудок, Славгород, р.п. Костюковка, ул. *Пацаева* — г. Вилейка, Жлобин, Климовичи, Рогачев, Светлогорск, ул. *Климука*, уроженца д. Комаровка Брестского р-на — г. Клецк, Мосты, Рогачев, г. Скидель, д. Дубени Борисовского р-на, д. Мотоль Ивановского р-на, д. Нижний Теребежов, Рубель Столлинского р-на, ул. *Шталова* — г. Вилейка, Рогачев, г.п. Корма, д. Малейковщина Лидского р-на, ул. *Леонова* — в 3 н.п.: г. Каменец, г. Рогачев, р.п. Костюковка Гомельского р-на, ул. *Елисеева* — Рогачев, г.п. Островец Гродненской обл., ул. *Поповича*: г. Гродно, г.п. Островец, ул. *Ковалёнка* / пер. *Ковалёнка*, уроженца д. Белое Крупского р-на Минской обл. — г. Клецк, ул. *Лебедева* — г. Рогачев, ул. *Макарова* — г. Рогачев).

Почти в шесть раз реже при номинации улиц, переулков, проспектов и других внутригородских линейных объектов задействованы имена **математиков**, в частности, в г. Минск и Могилёв существуют ул. *Софьи Ковалевской*, в г. Лида и Могилёв — ул. *Лобачевского*, в г. Бобруйск, Быхов, Гомель, Горки, Полоцк, Климовичи, Могилев — просп. *Шмидта* / ул. *Шмидта* / пер. *Шмидта*, в г. Бобруйск и Могилёв — ул. *Чаплыгина* / пер. *Чаплыгина*.

Имена лишь четырех учёных, занимавшихся проблемами **теории упругости** (см.: ул. *Галёркина* — г. Полоцк), **теплотехники** (ул. *Ползунова* — г. Бобруйск, Лида, Минск), **агрономии** (ул. *Рытова* — г. Горки), **военных наук** (ул. *Леошени* — г. Слоним), оказались востребованными номинаторами шести городов Беларуси.

Заметно слабее, по данным нашего материала, проявился интерес номинаторов внутригородских объектов к представителям социально-гуманитарных наук — комплекса научных дисциплин, предметом исследования которых являются общество во всех проявлениях его жизнедеятельности и человек как член общества. Из всех теоретических форм знания, относящихся к социально-гуманитарным наукам, в качестве названий линейных и территориальных объектов белорусских городов избраны фамилии четырёх **белорусских филологов**: Е. Ф. Карского, филолога-слависта, основоположника белорусского языкознания и литературоведения, этнографа и фольклориста, уроженца д. Лаша Гродненского района (ул. *Карского* — г. Гродно); Н. С. Перкина, литературоведа и критика, уроженца г.п. Туров Житковичского района Гомельской области (ул. *Перкина* — г.п. Туров), Ф. Л. Скорины, белорусского и восточнославянского первопечатника, учёного, мыслителя, гуманиста, переводчика и писателя эпохи Возрождения, уроженца г. Полоцка (ул. *Франциска Скорины* / пер. *Франциска Скорины* / пл. *Франциска Скорины* — г. Витебск, Минск, Несвиж, Орша Полоцк, Слуцк, г.п. Шарковщина), Б. А. Тарашкевича, учёного-филолога, литературоведа, публициста, переводчика (ул. *Тарашкевича* — г. Молодечно, г.п. Радошковичи).

Из других теоретических форм знания номинаторами-белорусами отданы предпочтения двум представителям **педагогике** — А. С. Макаренко, педагогу и писателю, внесшему большой

вклад в теорию и практику воспитания (ул. Макаренко / пер. Макаренко — г. Бобруйск, Гомель, Давид-Городок, Лунинец, Могилёв, Наровля, Петриков, Пружаны, станция Колядичи Минского района; К. Д. Ушинскому, основоположнику научной педагогики в России (пер. Ушинского, — г. Кобрин); белорусскому и русскому **этнографу, фольклористу**, педагогу, историку Ю. Ф. Крачковскому, автору очерков о древнем Вильно, об обрядах белорусов, посвященных быту крестьян, рождению и воспитанию ребенка (ул. Крачковского — д. Озяты Жабинковского района Брестской области); русскому **публицисту и литературному критику** Д. И. Писареву, философу-материалисту (ул. Писарева — г. Могилёв); гуманисту, просветителю, теологу, религиозному реформатору С. Будному, **философу, историку** Великого Княжества Литовского (ул. Сымона Будного — г. Несвиж, аг. Холхлово Молодечненского района).

Таким образом, названия улиц в честь ученых становятся значимыми не только в отношении сохранения памяти о тех людях, чьи имена носят внутригородские объекты, но и переосмысливаются со стороны важности наук, представителями которых они являются.

С одной стороны, названия улиц просто экспонируют фамилии учёных. С другой — они — часть культуры. «Погруженные» (используя метафору Н. Д. Арутюновой) в жизнь, такие урбанонимы становятся объектом трактовки, заставляющей воспринимать их как символизированные сущности, в которых воплощено ценностное содержание.

Номинаторы отдельных городов (смотри урбанонимикон г. Могилёва) специализируются на использовании имен учёных при наименовании линейных объектов.

Проведенный анализ свидетельствует, что удовлетворение потребностей в приобретении новых знаний белорусы связывают в первую очередь с естественными науками — прежде всего медициной, физикой, биологией; из технических наук главенствует космонавтика, из социально-гуманитарных — филология.

Список источников

1. Естественные науки. — URL : https://yandex.by/search/?text=естественные+науки+это&lr=198656&clid=2349349&win=395&search_source=yaby_desktop_common&src=suggest_B (дата обращения: 10.02.2023).
2. Космонавт. — URL : https://yandex.by/search/?text=космонавт+это+ученый+или+нет&lr=154&clid=2349349&win=395&src=suggest_T (дата обращения: 13.02.2023).
3. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Академ. проект, 2001. — 989 с.
4. Теория философии / Э. Ф. Звездкина [и др.]. — М. : Филол. о-во «Слово» : Эксмо, 2004. — 448 с.

Сведения об авторе

Мезенко Анна Михайловна — д.филол.н., профессор кафедры языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Витебск, Белоруссия).

Е. О. Орлова

ГОДОНИМЫ И ПАМЯТНИКИ В ЧЕСТЬ ГЕРОЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ДЕЙСТВИЕ/БЕЗДЕЙСТВИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. Рассмотрена тема влияния памятников, расположенных на одноимённых годонимах, на историческую память горожан: способствуют ли скульптурные изображения мемориальному действию урбанонимов. Представлен анализ опроса жителей Великого Новгорода, проведенного на улицах и в скверах, названных в честь героев Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: годонимы, историческая память, опрос жителей, памятники.

Годонимы, относясь к области языкознания и выступая объектами ономастических исследований, в силу своего функционирования не только в среде специалистов-филологов, но и в социуме, представляют интерес для культурологических исследований. Названия внутригородских объектов выступают средством коммуникации разных поколений, тем самым включаясь в формирование исторической памяти народа. По словам А. М. Мезенко, «... предшественники посылают свой урбанонимный текст последующим поколениям, и этот текст есть не только основная единица коммуникации, но и носитель и транслятор мыслей его создателей, их духовного мира, продукт той исторической эпохи» [Мезенко, 2014: 253].

По нашему мнению, наименования призваны запечатлеть ведущие ценности общества, для чего необходимо не только обозначить их в годонимах (*ул. Мира, ул. Свободы*), но представить носителей этих ценностей, воплотивших их своей жизнью — конкретных людей. Следовательно, антропонимы наряду с другими урбанонимами несут не просто мемориальное предназначение, но и способствуют созданию аксиологического пространства исторической памяти сообщества; важна память не только о человеке, но и о ценности, ради которой он жил.

Великий Новгород относится к числу городов, на карте которых можно выделить большую группу годонимов в честь героев Великой Отечественной войны. Одной из страниц «Города воинской славы» (Указ Президента РФ 2008 г.) выступает история обороны и освобождения от фашистских захватчиков. По данным справочника «Улицы Великого Новгорода» 2010 г. и более поздних решений Думы Великого Новгорода из 52 антропонимов 24 носят имена героев Великой Отечественной войны. Пополнение годонимов продолжается и в XXI веке: Решением Думы Великого Новгорода от 30.06.2016 № 879 присвоены наименования «*улица Лётчика Журавлёва*» и «*улица Сержанта Харченко*».

Для усиления мемориального действия годонима на ряде улиц были установлены памятники. Обозначим имена героев Великой Отечественной войны, годонимы и памятники им посвящённые, к исследованию которых мы обратились.

Лёня Голиков, уроженец Новгородской земли, ушедший в юном возрасте в партизаны. Был разведчиком 4-й Ленинградской партизанской бригады, участвовал в 27 операциях, в частности, в подрыве 14 мостов и 9 вражеских автомашин, лично уничтожил 78 вражеских солдат и офицеров. Погиб в 16-летнем возрасте, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Память о пионере-герое первоначально была запечатлена в улице, образованной в 1946 г., позднее в центре Новгорода в 1964 г. был установлен памятник, автор — скульптор Николай Васильевич Томский. Интересно, что сквер, возникший вокруг памятника, долго оставался безымянным и официально получил имя юного партизана в 2015 г. Решением Думы Великого Новгорода № 451. Таким образом, памятник определил появление нового годонима.

Александр Панкратов, защищая Новгород 24 августа 1941 г. первым в истории Великой Отечественной войны совершил подвиг самопожертвования, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Улица, первоначально именуемая Завальной, в 1965 г. в связи с 20-летием Победы Решением Новгородского городского исполкома от 29.04.65 была переименована в честь Героя Советского Союза А. К. Панкратова. Впоследствии уже в постсоветские времена улица пережила несколько переименований и с 1999 г. по Решению Новгородской городской Думы вновь носит имя героя. В ноябре 1965 г. памятным знаком герою стало установление обелиска на подъезде к Великому Новгороду, приближенному к месту подвига с надписью «*Стала вечною славой мгновенная смерть*». В 2015 г. (28 октября) в городе появился новый памятник в сквере на пересечении улиц Панкратова и Рогатицы, автор — новгородский художник-скульптор — Сергей Гаев; а 29 октября 2015 г. Дума Великого Новгорода принимает Решение о присвоении имени Панкратова скверу, где расположен памятник. Наблюдается ситуация, аналогичная скверу Лёни Голикова, когда установление памятника инициирует возникновение нового годонима.

Воинская судьба генерал-полковника Ивана Терентьевича Коровникова тесно связана с Новгородской землёй. В августе 1941 г. он был назначен на должность командующего Новгородской армейской группой войск, в январе 1942 г. — на должность командира оперативной группы 2-й ударной армии, в марте И. Т. Коровников был ранен в районе Мясного Бора. Был командующим войсками 59-й армии, которая 20 января 1944 г. освободила Новгород. Улица его имени была

образована Решением Новгородского городского исполкома от 1.02.1979 г. 8 мая 2015 г. на пересечении ул. *Коровникова* с проспектом *Корсунова* была открыта памятная скульптура генералу И. Т. Коровникову, автор — скульптор Вадим Боровых.

Имя Якова Федотовича Павлова, уроженца Новгородского края, многим памятно в связи со Сталинградской битвой и Домом Павлова, ставшим символом стойкости и мужества советского солдата. После демобилизации Герой Советского Союза вернулся на Новгородчину, здесь трудился, похоронен на аллее героев Западного кладбища Великого Новгорода. В справочнике «Улицы великого Новгорода» указано, что улица в честь героя образована в 1990-е гг. [Запольская, Моисеев, 2010: 71]. 12 июля 2022 г. был открыт памятник Якову Павлову в специально организованном сквере, которому Решением Думы Великого Новгорода от 27 января 2023 года было присвоено имя знаменитого новгородца.

Нам было интересно узнать, насколько расположение скульптурных изображений способствует усилению исторической памяти новгородцев, для чего с осени 2022 г. по весну 2023 г. был проведён опрос жителей Великого Новгорода, который осуществлялся на улицах среди прохожих. Мы фиксировали следующие данные: гендерную принадлежность, возраст, причину нахождения на улице, знает или нет название улицы/сквера, по которому идёт, может ли что-то рассказать о герое, имя которого носит годоним, источник знаний, отношение к памятнику. Всего по 6 объектам исследования в опросе приняли участие 95 человек, которых мы разделили на три возрастные группы: молодёжь (до 25 лет; всего 26), среднее поколение (до 50 лет; всего 17) и старшее поколение (от 50 лет; всего 52). Самому юному участнику 12 лет, самому возрастному — 84 года. Выделение старшей группы в таких возрастных рамках объясняется культурно-историческим подходом — люди советской эпохи, прошедшие определённую систему образования и включённые в определённую идеологию и культурную практику.

Опишем результаты, представляя их, в том числе, по отдельным годонимам. Из 95 опрошенных прохожих знали название улицы/сквера, по которым они идут 61 человек, 34 не смогли ответить. При этом рассказать о человеке, в честь которого это место получило название, смогли 53 респондента, а 42 затруднились с ответом. Таким образом, нередко горожанин может знать сам годоним, не включаясь в меморативный социальный контакт.

На ул. *Александра Панкратова*, где расположен сквер в честь героя с памятником, не знали название улицы из 15 респондентов четверо (1 из молодёжной группы, 1 из группы среднего поколения и 2 из группы старшего поколения); 11 человек верно назвали годоним (1 из молодёжной группы, 2 из группы среднего поколения и 8 из группы старшего поколения). При этом отсутствие знаний о герое продемонстрировали 6 горожан (1 из молодёжной группы, 2 из группы среднего поколения и 3 из группы старшего поколения), смогли рассказать о герое и его подвиге 9 участников опроса (1 из молодёжной группы, 1 из группы среднего поколения и 7 из группы старшего поколения). Показательно и отношение к памятнику — из 15 человек только один высказался против памятника, причём основания никак не были связаны с оценкой личности Александра Панкратова, жителя больше волновала социальная обстановка, вызванная появлением сквера со скамейками: «*Отрицательно отношусь, молодёжь там пьёт, орёт*» (женщина, 50 лет). В целом по отношению к памятнику преобладали положительные высказывания: «*Молодцы, что поставили*», «*Укрепляет память*», «*Чтобы было причастно молодое поколение*». Действие памятника на усиление исторической памяти представляют два ответа. С одной стороны, женщина 31 года говорила, что памятник добавил ей визуального восприятия героя («*в школе лица не видели, не было фотографии в учебнике*»), а значит, памятник производит позитивное действие. С другой стороны, парень с девушкой 30 лет, не знавшие ни названия улицы, ни героя в разговоре указали, что они были в сквере возле памятника (мужчина: «*Помнишь, мы там что-то читали*», женщина в ответ: «*Были там не ради памятника*»). Получается, что памятник не оказал должного воздействия, не вызвал отклик.

На ул. *Коровникова* только один из 17 участников опроса не смог верно назвать имя улицы, это был мужчина 73 лет, он путался в названии, упоминая то имя Кочетова, то Корсунова (годонимы с такими названиями расположены рядом с ул. *Коровникова*). Почти стопроцентные верные ответы объясняются тем, что все опрошенные знают адрес своего проживания. Однако количество

содержательных ответов сокращается, когда речь заходит о знании героя, в честь которого улица получила имя. 5 жителей города ничего не смогли рассказать об освободителе Новгорода (1 из молодёжной группы, 3 из группы среднего поколения и 2 из группы старшего поколения). Знания показали 12 человек (2 из молодёжной группы и 10 из группы старшего поколения), включая и того респондента, который не вспомнил название улицы. Отметим, что самые подробные, развёрнутые ответы предложили двое: юноша 17 лет и женщина 60 лет. Во втором случае это объясняется тем, что респондент была внештатным экскурсоводом. На вопрос, откуда молодой человек так много знает о Коровникове, был получен ответ: «Я — поисковик, патриот». Отношение к памятнику у большинства (16 из 17) положительное: «Дополнил улицу, её концепцию», «Правильно, где ему стоять, как не на улице его имени», «Очень хорошо, летом цветы, молодёжьёны тут фотографируются». Негативный отзыв принадлежит уже упомянутому мужчине 73 лет («не столь выдающийся») и, видимо, вызван личным отношением («внучок памятник поставил»). Казалось бы, можно говорить о положительном действии памятника на историческую память горожан, однако многие ответы были на уровне общей, поверхностной характеристики (военачальник, военный) и показательны несколько рассуждений о переносе памятника с одной улицы на другую. Можно понять, что жители путают памятник Коровникову с памятником Кочетова («Правильно, что перенесли»). Действительно перенос памятника Кочетову с бульвара Юности на ул. Кочетова был произведён в 2012 г. в год столетнего юбилея писателя. Получается, что многие не различают ни памятники, ни персонажей, которым они посвящены.

Сопоставим данные опроса по отношению к топонимам, носящим имя одного героя, когда только на одном из них есть памятник.

Таблица 1

Данные опроса на ул. Лёни Голикова (5.12.22)
и сквере Лёни Голикова (13.12.22).

	Улица Лёни Голикова	Сквер Лёни Голикова с памятником
не знали название топонима	6 (4 из молодёжной группы, 1 из группы среднего поколения и 1 из группы старшего поколения)	7 (6 из молодёжной группы, 1 из группы старшего поколения)
знали название топонима	9 (2 из группы среднего поколения и 7 из группы старшего поколения)	8 (все 8 из группы старшего поколения)
не знали героя	7 (4 из молодёжной группы, 2 из группы среднего поколения и 1 из группы старшего поколения)	7 (6 из молодёжной группы, 1 из группы старшего поколения)
знали героя	8 (1 из группы среднего поколения и 7 из группы старшего поколения)	8 (все 8 из группы старшего поколения)

Данные таблицы позволяют говорить, что наличие памятника практически никак не влияет на усиление памяти жителей о герое, чьё имя запечатлено в топониме. На вопрос на ул. Лёни Голикова о том, знают ли что, в городе есть памятник герою, 6 из 15-ти опрошенных ответили положительно, 9 человек не имели о нём представления. Отметим, что памятник стоит в центре города, недалеко Кремль, и, скорее всего, все опрошенные были в этом месте, но, не проявили к нему интерес. Отсутствие интереса к памятнику продемонстрировала молодёжь, что проходила мимо памятника по скверу. Не знание, кому поставлен памятник продемонстрировали 5 человека из 15 респондентов и все до 20 лет. Остальные — 10 — проявили уважительное отношение («без прошлого нет будущего»).

Данные опроса на ул. Якова Павлова (19.12.22)
и сквере Якова Павлова (11.04.22)

	Улица Якова Павлова	Сквер Якова Павлова с памятником
не знали название го- донима	5 (все 5 из молодёжной группы)	11 (5 из молодёжной группы, 5 из группы сред- него поколения и 1 из группы старшего по- коления)
знали название годонима	12 (1 из молодёжной группы, 2 из группы среднего поколения и 12 из группы старше- го поколения)	5 (1 из молодёжной группы и 4 из группы старшего поколения)
не знали героя	9 (6 из молодёжной группы, 2 из группы среднего поколения и 1 из группы старшего поколения)	8 (4 из молодёжной группы, 3 из группы сред- него поколения, 1 из группы старшего поко- ления)
знали героя	8 (1 из группы среднего поколения и 7 из группы старшего поколения)	8 (1 из молодёжной группы, 3 из группы сред- него поколения и 4 из группы старшего по- коления)

Показательно, что данные про знание/незнание героя на улице и сквере практически совпадают. Разница в знание/незнание названий улицы и сквера объясняется, скорее всего, тем, что своё наименование сквер получил в январе 2023 г. При этом на ул. Якова Павлова всего 7 из 17 респондентов знают, что в городе недавно открыли памятник герою, показательна реакция многих из тех, кто впервые о нём услышал: «А где?». В сквере Якова Павлова при положительном отношении большинства опрошенных доминирующим мотивом выступала не историческая память, а благоустройство территории («красиво, лучше, чем было раньше»); складывается впечатление, что не важно, кому поставлен памятник, важно, что облагородили место.

Итак, представленный анализ позволяет говорить, что наличие памятника героя Великой Отечественной войны на одноимённых улице или сквере не оказывает принципиального воздействия на укрепление исторической памяти городского сообщества. Получается, что недостаточно поставить постамент и считать, что сам факт его наличия будет способствовать проявлению интереса, почитания со стороны горожан. Согласимся с О. В. Вороничевой, что «закодированная в годонимах информация предполагает целенаправленную просветительскую работу» [Вороничева, 2020: 184]. Несомненно, что требуется включение памятника в социокультурное пространство. Наряду с традиционными митингами на памятные военные даты можно предложить активизировать формы, нацеленные на проявление субъектной позиции жителей. Например, обратиться к городским сообществам, объединениям, которые бы могли проводить мероприятия — чтения стихов, выставки картин и т. д. Кроме того, следует использовать и цифровые формы коммуникации современного мира, например, создание сайтов улиц, основными подписчиками которых могут быть жители того или иного городского объекта. Соответственно одной из тем такого сайта будет тема названия улицы, памяти о герое, имя которого запечатлено в годониме. В завершении хотелось бы привести слова подростка 15 лет, он сознательно шёл в сквере к памятнику Якову Павлову, чтобы узнать, кому он посвящён и в ответе на вопрос об оценке нового скульптурного изображения сказал, что относиться к его установке крайне положительно, «таких людей надо помнить, им было тяжело». Эти слова подтверждают, что памятники героев Великой Отечественной войны, установленные на одноимённых годонимах, могут способствовать укреплению комплекса традиционных ценностей: и патриотизма, и исторической памяти, и сострадания, и сочувствия, и гражданского единения, и многих других.

Список источников

1. Вороничева О. В. Отражение военной истории в брянских годонимах // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность : материалы VII Всерос.

с междунар. участием науч.-практ. конф. / под ред. Т. И. Рябовой. — Брянск : ФГОУ ВО «Брянский гос. инженерно-технолог. ун-т», 2020. — С. 177–184.

2. Запольская О. В., Моисеев С. В. Улицы Великого Новгорода : справ. — В. Новгород, 2010. — 192 с.

3. Мезенко А. М. Коммуникативные функции урбанонимов // Смоленщина и Витебщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние : коллективная моногр. — Смоленск : Маджента, 2014. — С. 253–255.

Сведения об авторе

Орлова Елена Олеговна — к.пед.н., доцент кафедры теологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Ф. Ш. Пашаева Юнус

«РУССКИЕ» НАЗВАНИЯ В КАРСЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются русские эргонимы турецкого города Карс. Карс — город в Турции, с богатой историей и культурным наследием. В ходе исследования русских названий производится анализ причин возникновения и употребления этих названий в турецком ономастическом пространстве. Мы рассматриваем исторический контекст для объяснения факторов, которые повлияли на появление русских эргонимов в Карсе. Культурный контекст исследования включает роль Карса в русской литературе, искусстве и исторической памяти, а также связи между русской и турецкой культурами.*

***Ключевые слова:** эргонимы Карса, исторические и культурные русско-турецкие связи, анкетирование*

В ноябре 1877 года Карс был захвачен русскими войсками в результате активного штурма, что привело к его включению в состав Российской империи, согласно условиям мирного договора 1878 года. В течение периода с 1878 по 1917 год Карс играл значительную роль в Карской области Российской империи, занимая центральное положение в этом регионе. В то время окрестности города активно заселялись русскими переселенцами, включая молоканскую общину, которая принесла свои особенности культуры и образа жизни.

Культурное влияние русской литературы и культуры имело важное значение в развитии Карса. Значительное количество выдающихся русских писателей и поэтов посещали город, оставляя свои отзывы и впечатления в своих произведениях. Среди таких литературных деятелей можно назвать Александра Пушкина, Михаила Лермонтова и Николая Гумилева, которые посетили Карс и описывали его в своих работах, внося тем самым свой вклад в формирование образа и представления о городе.

Находясь в городе Карс, турецком городе с богатой русской историей, мы можем наблюдать наличие русских названий кафе и ресторанов. Интересуясь данным явлением, мы задались вопросом о причинах такого именованя и степени его принятия среди местного населения. В связи с этим, мы решили провести анкетирование, с целью получить информацию от местных жителей и поделиться ею в данной статье.

Особенностью каждого коммерческого предприятия является необходимость иметь собственное уникальное название. В результате этого процесса язык городской среды обогатился многочисленными собственными именами, известными как эргонимы. Эргонимическая лексика представляет собой интересный и постоянно меняющийся мир названий, привлекающий все больше и больше внимания со стороны исследователей. Причины появления иностранных эргонимов обусловлены следующими причинами:

1. В современном мире происходят процессы глобализации и связь между странами и культурами становится причиной использования заимствованных эргонимов. Давая иностранное название, владельцы пытаются привлечь туристов.

2. Часто иностранным эргонимам отдаётся предпочтение по той причине, что владельцы хотят создать впечатление престижности или эксклюзивности. Это может быть связано с тем, что иностранные слова могут звучать более элегантно, необычно или модно в определенной культурной среде.

3. Очень важны ассоциации и символика. Имея русский след в своей истории, Карс пропитан русской культурой, что отражается и в его названиях.

В целом, использование иностранных эргонимов является сложным явлением, обусловленным различными факторами, включая культурные, экономические и социальные аспекты. Это явление продолжает привлекать внимание исследователей, которые изучают его в рамках ономастики и социолингвистики.

Анкетирование играет важную роль в ономастических исследованиях, поскольку оно позволяет получить информацию о предпочтениях и восприятии имен и названий субъектами исследования. Вот несколько ключевых аспектов роли анкетирования в ономастических исследованиях: сбор информации, количественный анализ, сравнительный анализ, качественный анализ.

Анкетирование позволяет собрать структурированные данные от респондентов относительно их мнений, предпочтений, ассоциаций и ассоциативных полей, связанных с именами и названиями. Анкеты могут содержать вопросы о восприятии имен, эмоциональных реакциях на названия, ассоциациях с конкретными брендами или компаниями и других аспектах, связанных с ономастическими единицами. Анкетирование предоставляет количественные данные, которые можно анализировать и обрабатывать с помощью статистических методов. Это позволяет исследователям получить общую картину о тенденциях, предпочтениях и мнениях группы людей, участвующей в исследовании. Анкетирование позволяет сравнить мнения и предпочтения различных групп людей, таких как разные возрастные группы, пол, социальный статус и т. д. Это помогает выявить различия в восприятии имен и названий между разными сегментами населения и определить возможные факторы, влияющие на предпочтения и ассоциации. Помимо количественного анализа, анкетирование может предоставить также качественные данные. Открытые вопросы в анкетах позволяют респондентам выразить свои мысли и идеи в свободной форме. Это позволяет исследователям получить более глубокое понимание мотивов, эмоций и контекста, связанного с ономастическими единицами. Анкетирование может использоваться для проверки гипотез и предварительных выводов, сделанных на основе других методов исследования. Результаты анкетирования могут подтвердить или опровергнуть предположения исследователя и помочь в формулировании окончательных выводов. В целом, анкетирование в ономастических исследованиях является эффективным инструментом для сбора и анализа данных, связанных с именами и названиями. Оно позволяет получить мнение широкого круга людей и выявить тенденции и различия в их предпочтениях и восприятии ономастических единиц.

Респондентам был задан следующий вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что в Карсе есть кафе и рестораны с русскими названиями («Раскольников», «Молоко», «Пушкин», «Петербург», «Достоевский»), а также отель «Катерина»? Считаете ли Вы, что они удачно подобраны и соответствуют имиджу города?»

Респондентами при анкетировании стали студенты отделения славянских языков и литератур Кавказского университета, находящегося в городе Карс. Количество опрошенных составило более 300 студентов.

Также мы поинтересовались причинами выбора данного названия у владельцев заведений. Самым заинтриговавшим названием стало название ресторана «Раскольников». Интересен тот факт, что ресторан располагается в старинных турецких банях, то есть здание имеет совершенно восточный облик. Признаться, здесь явное, на наш взгляд, несоответствие названия внешнему и внутреннему облику помещения. Итак, почему такое название? Оказалось, что это связано с любовью к данному персонажу. Вообще следует подчеркнуть, что по итогам другого нашего анкетирования и среди любимых русских писателей на первом месте был Достоевский. Это писатель, чьи произведения очень популярны в Турции, постоянно переводятся, изучаются в школах и в университетах. Обратите внимание на то, что есть и кафе «Достоевский», но в этом кафе есть игральные залы и ответ на вопрос, почему дано такое название, был связан с биографией

писателя. Владелец кафе стал подробно рассказывать о тех моментах, которые связаны со страстью автора к игре, даже советовал прочитать роман «Игрок».

Владелец кафе «Молоко» сообщил нам о том, что первые владельцы кафе были молokane, название не поменяли, потому что оно соответствует историческому прошлому и современному имиджу Карса.

В некоторых случаях причина выбора связана с биографическими факторами, например, открывший в Карсе ресторан «Петербург» учился в северной столице России. Он также убежден, что название прекрасно вписывается в образ города и привлекает туристов.

Что касается ресторана «Пушкин» тут тоже проявилась связь с историей Карса, с пребыванием здесь великого русского поэта, с любовью к русской культуре. Александр Сергеевич Пушкин и город Карс имеют определенную связь, которая связана с историческими событиями и личными связями Пушкина.

В начале 19 века Карс был частью Османской империи, а Российская империя вела активную политику по расширению своих владений на Кавказе и в Крыму. В результате русско-турецкой войны 1828-1829 годов Карс был передан Российской империи. Это стало одним из событий, влияющих на геополитическую карту региона. Пушкин в своих произведениях неоднократно упоминал о Карсе. Например, в стихотворении "Кавказский пленник" Пушкин описывает судьбу кавказского воина, который был заточен в Карсе после поражения своего народа. В других стихотворениях и письмах Пушкин также упоминает о Карсе и его исторической значимости. Кроме того, Пушкин имел личные связи с Карсом. В 1829 году Пушкин посетил Кавказскую войну в качестве осведомителя и жил некоторое время в городе Карс. В это время он активно изучал местные обычаи, культуру и историю региона. Посещение Карса оказало влияние на его писательскую деятельность и вдохновило его на создание произведений, связанных с Кавказским регионом. Таким образом, связь между Пушкиным и Карсом заключается в историческом контексте, связанном с политическими событиями и личными связями Пушкина с этим городом. Карс играл определенную роль в истории Кавказского региона и оказал влияние на творчество Пушкина, который упоминал о городе и его значимости в своих произведениях.

Отель под названием «Катерина» связан с императрицей Екатериной II, которая останавливалась в этом здании. Екатерина II Великая посещала город Карс во время своего правления. В 1784 году императрица совершила свое первое путешествие на Кавказ, включая посещение города Карс. Она прибыла в Карс после завоевания города российскими войсками в 1783 году. Посещение Карса императрицей было связано с укреплением и контролем над этим стратегически важным городом на пути к завоеванию Кавказа. Во время своего пребывания в Карсе, императрица осматривала городские укрепления, общалась с местным населением и военными командирами, а также проводила важные политические встречи. Посещение Карса императрицей Екатериной II подчеркивало важность этого города для Российской империи и ее стратегических планов на Кавказе.

Итак, приведем анализ некоторых ответов из проведенного нами анкетирования. Большая часть опрошенных выразили положительное отношение к тому, что в Карсе имеются эргонимы из русского языка. Подчерчивая связь истории города с Россией, а также сегодняшнюю архитектуру города, опрошенные подчеркнули соответствие этих названий имиджу города. Хотя часть респондентов считают, что порой имеет место несоответствие названия внешнему и внутреннему облику заведения и предлагаемым блюдам, то есть с точки зрения респондентов наличие в меню блюд русской кухни и определенного дизайна более соответствовало бы заведениям с подобными названиями. Хотя почти каждый респондент выразил мнение о том, что в русских названиях в Карсе отражена история, подобные названия очень интересны для туристов, а среди местных жителей вызывают интерес к русской культуре и расширяют их кругозор.

Исследование русских названий ресторанов в Карсе может быть актуальным по нескольким причинам. С точки зрения межкультурного взаимодействия: Карс находится на границе между Россией и Турцией, и исследование русских названий ресторанов может помочь понять, как международные контакты и культурные обмены влияют на гастрономическую сферу города. Это позволит проследить динамику культурного обмена и влияние русской культуры на ресторанную индустрию в Карсе.

Исследование русских названий ресторанов может раскрыть связи и взаимодействие между русской и турецкой культурами. Это может отражать исторические, экономические или культурные связи между двумя странами и способы, которыми эти связи проявляются в ресторанной индустрии.

Карс становится все более популярным местом для туристов, включая русскоязычных. Исследование русских названий ресторанов может помочь в разработке маркетинговых стратегий и понимании предпочтений туристов. Также это может предоставить информацию о том, как русские туристы воспринимают и интерпретируют культурные элементы через названия ресторанов. Кроме этого, Карс имеет множество этнических и культурных групп, включая русскоязычное население. Исследование русских названий ресторанов может помочь в изучении многообразия культурных выражений и идентичности в городе.

Актуальность исследования русских названий ресторанов в Карсе связана с их потенциальным вкладом в изучение культурного, гастрономического и социального контекста города, а также их роли в межкультурном взаимодействии и туризме.

Изучение русских названий ресторанов и отелей в Карсе с точки зрения межкультурной коммуникации и ономастики может быть весьма актуальным и интересным. Это исследование может быть значимым с точки зрения межкультурной коммуникации. Изучение русских названий ресторанов и отелей в Карсе поможет понять, как языковые элементы и культурные символы используются для общения и взаимодействия между русскоязычным населением и местным сообществом. Это может дать представление о том, как разные культуры встречаются и сливаются в контексте ресторанной и гостиничной индустрии, способствуя взаимопониманию и интеграции. Изучение русских названий ресторанов и отелей в Карсе представляет интерес с точки зрения ономастики, науки, изучающей имена. Исследование может включать анализ лингвистических особенностей, семантического значения и стилистических аспектов русских названий, а также их взаимодействие с турецким языком и культурой. Это поможет понять, как имена создаются, транслируют информацию и отражают ценности и предпочтения общества. Изучение русских названий ресторанов и отелей может пролить свет на взаимодействие между русской и турецкой культурами в Карсе. Это позволит выявить влияние русской культуры на ресторанную и гостиничную индустрию и понять, как культурные элементы адаптируются и интегрируются в местное окружение. Анализ русских названий ресторанов и отелей в Карсе может быть интересным с точки зрения культурного обмена и влияния. Это может помочь выявить особенности, тренды и влияние русской культуры на ресторанную и гостиничную индустрию в Карсе, а также понять, как русские и турецкие элементы сочетаются и взаимодействуют друг с другом.

Таким образом, изучение русских эргонимов в Карсе с точки зрения межкультурной коммуникации и ономастики может предоставить ценную информацию о взаимодействии различных культур и языков, способствовать межкультурному пониманию.

Список источников

1. Александрова Н. А. Русские эргонимы на Кавказе: особенности формирования и функционирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2008. — Вып. 594. — С. 67–74.
2. Гордеева Е. Н. Лингвокультурологический аспект русских топонимов Средней Азии // Сибирский филологический журнал. — 2014. — Вып. 2. — С. 88–96.
3. Дурова О. В. Причины и особенности исторического формирования русской эргонимии Кавказа // Вестник Челябинского государственного университета. — 2006. — Вып. 2. — С. 44–48.
4. Колупаев В. А. Функционирование русских эргонимов в Турции в межъязыковом контакте // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Лингвистика». — 2009. — № 11. — С. 54–58.
5. Мусина З. Г. К вопросу о русской эргонимии Казахстана // Вестник КазНУ. Сер. гуманитарных наук. — 2017. — № 6. — С. 271–276.

6. Тараканова Е. А. Русские топонимы на Черноморском побережье Турции: история и современность // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2012. — № 2. — С. 60–64.
7. Akar D., Karakas S. Russian Ergonyms in Turkey: A Case Study on Kemer // International Journal of Languages, Education and Teaching. — 2017. — № 5. — Pp. 73–86.
8. Ayvazova G., Khalilova Z. Comparative Analysis of Ergonyms in Russian and Azerbaijani Languages // Journal of History Culture and Art Research. — 2020. — № 9 (1). — Pp. 238–248.
9. Fazlıoğlu İ. Orta Asya Türkçesinde Rusça menşe adlarının fonetik yönü // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. — 2012. — № 52 (1). — Pp. 107–126.
10. Gündoğdu M. Türkçe Ergonimlerin Tarihî ve Toplumsal Boyutları // Süleyman Demirel Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. — 2018. — № 33 (2). — Pp. 201–214.

Сведения об авторе

Пашаева Фирангиз Шахмуровна — доктор филологии, профессор, заведующий отделением славянских языков Кавказского университета (Карс, Турция).

С. С. Полежаева

МОТИВИРОВОЧНЫЙ АСПЕКТ ГОДОНИМОВ ГОРОДА ТИРАСПОЛЯ КАК ТЕКСТОВ КУЛЬТУРЫ

***Аннотация.** В статье описаны годонимы (современные и исторические) Тирасполя в мотивировочном аспекте. Представлена классификация трех макромоделей, имеющих ряд групп. Анализируются особенности номинации улиц и переулков Тирасполя в разные периоды его существования. Подчеркивается связь онимов с историческими событиями, культурой и языком разных народов, проживавших и проживающих на его территории сейчас. Делается вывод о возможности рассмотрения изучаемых ономастических единиц как текстов культуры в свернутом, конденсированном виде.*

***Ключевые слова:** г. Тирасполь; ономастика; годоним; текст культуры; мотивировочная основа.*

Введение

Изучение ономастикона города с необходимостью требует обращения к одной из основных составляющих его «паспортных данных» — названиям улиц и переулков, или годонимам. Город Тирасполь, столица Приднестровской Молдавской Республики, не является исключением. Целью статьи является описание годонимов города Тирасполя, рассматриваемых в двух плоскостях (историческом облике и современном состоянии) как текстов культуры, т.е. особой формы «представления знания о внешней действительности и передачи эмоционального восприятия объекта внешнего мира» [Котленок 2010]. При этом годонимы выступают ретрансляторами знаний о мире, связывая предыдущие и последующие поколения жителей города. В научной литературе в последние годы активизируется изучение топонимов Приднестровья. Однако исследования приднестровского ономастикона представлено в большей мере историками и географами (Е. В. Константиновым, В. Г. Фоменко [Константинов, Фоменко 2003] и др.). В трудах этих ученых наряду с другими научными аспектами отражена и специфика топонимов Приднестровья. Вместе с тем глубокого исследовательского внимания годонимам Тирасполя как лингвистическим единицам еще не уделялось. В статье описывается мотивировочная основа создания годонимических номинаций (в концепциях [Качалкова, 2013; Казина, 2019]), рассматриваемых как тексты культуры.

Основная часть

I-ая макро модель годонимов — меморативная

1. На сегодняшний день, в проекции *современного состояния*, значительную часть улиц и переулков Тирасполя составляют такие, которые названы в честь исторических лиц, общественных деятелей. Эти номинации выполняют мемориальную (памятную) функцию. Здесь выделяется две группы с рядом подгрупп. Опишем эти годонимы.

1) отантропонимические годонимы:

1.1. Названия в честь политических деятелей. Большинство из них прославили советский период истории государства: *улицы Ленина, Крупской, Дзержинского, Калинина, Кирова, Куйбышева, Луначарского, Орджоникидзе, Свердлова*. Ряд улиц города назван именами немецких по происхождению идеологов марксизма-ленинизма: *улица К. Маркса, переулок Ф. Энгельса, улицы К. Либкнехта, Р. Люксембург, К. Цеткин*. Тираспольчане образно замечают, что в городе существует своя «Немецкая слобода», как было во времена Петра I в России. Показательно, эти улицы располагаются по соседству. Еще одна улица — *улица Христо Ботева* — именуется болгарского революционера. В Тирасполе есть улица, названная в честь украинского политического и государственного деятеля, — *ул. Б. Хмельницкого*. В честь уроженца Приднестровья названа *улица П. Ткаченко*, одного из руководителей коммунистических организаций Бессарабии. Именем *Г. И. Старого* — партийного и государственного деятеля Молдавской АССР (расстрелянного в Тирасполе в 1937 году), названа улица в одном из районов города.

1.2. Названия в честь героев войны, военных деятелей. Герои военных лет, в честь которых названы улицы и переулки в Тирасполе, также являются своеобразным «зеркалом» разных исторических периодов развития государства. Так, период Отечественной войны России с Францией в 1812 году зафиксирован в названиях *улиц Кутузова, Суворова, Нахимова, переулка Ушакова*. В честь военных деятелей периода гражданской войны назван ряд тираспольских улиц: *улицы Котовского, С. Лазо, Фрунзе, Фурманова, Чапаева, Якира, Щорса*. В целях увековечения памяти героев Великой отечественной войны в городе названы улиц и переулки: *улица Кошелева, улица Матросова, улица Ватутина, улица Шарохина, переулок Нестерова, переулок Володи Дубинина*. С землей Молдавии и Приднестровья связаны имена людей, послужившие названиями улиц и переулков Тирасполя: *улица Полецкого* (Герой Советского союза, родился в г. Бендеры, Молдавия), *улица Солтыса* (Герой Советского союза, родился в Каменском районе нынешнего Приднестровья), *переулок Бочковского* (Герой Советского союза, генерал-лейтенант танковых войск, уроженец Тирасполя), *улица Федько* (военачальник, часть военной службы проходила в Тирасполе), *улица Сакриера* (военачальник, часть военной службы проходила в Тирасполе). Город славен тем, что пять тираспольчан — участников Великой Отечественной войны — удостоены высокого звания Героя Советского Союза (В. А. Бочковский, С. К. Осадчий, М. А. Павлоцкий, Г. Г. Черниенко, П. А. Щербинко). Горожане для своих современников и потомков увековечивают память о героях в краеведческом музее, в установлении памятных досок на домах, где родились или проживали их земляки-герои. В Тирасполе также чтут память героя движения за самоопределение в молдавско-приднестровском конфликте 1992 года Н. Остапенко, что также отражено в названии *улицы Остапенко*.

1.3. Годонимы, отражающие имена ученых. В г. Тирасполе сегодня отмечен ряд улиц, носящих имена ученых, оставивших заметный след в разных областях знания, в разных сферах деятельности. Одной из особо почитаемых горожанами улиц является *улица Зелинского*, названная так в честь уроженца г. Тирасполя Н. Д. Зелинского, всемирно известного химика, разработчика противогАЗа. Также в Тирасполе отмечены *улицы Ломоносова, Циолковского, Мечникова, Мичурина, Павлова, Тимирязева, Макаренко, Курчатова; переулок Попова*.

1.4. Годонимы, включающие имена деятелей искусства и литературы. В этой группе выделим большую группу номинаций, содержащих имена деятелей русской культуры и искусства: литераторов — *улицы Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Белинского, Герцена* (улица и переулок), Чернышевского, Некрасова, Достоевского, Гоголя (улица и переулок), Горького,

Маяковского (улица и переулок), Чехова; переулки Крылова, Чехова, Короленко. Среди годонимов, в которых зафиксирована память о деятелях украинской литературы, отметим *улицу Шевченко*, а память о деятеле молдавской литературы увековечена в наименовании *улицы Негруци*. Память о русских деятелях музыки и живописи отражается в названиях *улицы Чайковского*, *переулкa Серова*. А *улица Щусева* названа в честь известного русского архитектора А. В. Щусева, чье имя дорого тираспольчанам: родился этот человек в соседнем городе — г. Кишиневе. Еще одна личность с мировым именем в области живописи — М. Ф. Ларионов, один из основоположников русского авангарда, родился в Тирасполе. Здесь есть *улица Ларионова*.

2) *годонимы, мотивированные фактами истории*, отражающими известные даты (содержат числовое обозначение). Они также символизируют различные периоды истории развития города в контексте истории всей страны. Так, главная улица в Тирасполе носит наименование *улицы 25 Октября* (название фиксирует дату совершения Великой Октябрьской социалистической революции по старому стилю), *переулок 8 Марта* (Международный женский день, связанный с именем Клары Цеткин), *улица 1 Мая* (День международной солидарности трудящихся), *улица 40 лет ВЛКСМ* (улица 40-летия Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи), *улица XX Партсъезда* (съезд известен как форум Коммунистической партии Советского Союза, где было принято идеологическое направление на осуждение культа личности Сталина). Эти названия символизируют дань памяти советскому периоду в жизни города. Тирасполь, по-видимому, входит в незначительное по количеству число городов, где на постсоветском пространстве остались наименования улиц и переулков этого периода. Здесь не является ярко выраженной тенденция переименования топонимов, в частности наименований улиц и переулков. Часть годонимов этой группы отражает факты истории, связанные с нашим краем. Так, *улица 28 Июня* в Тирасполе символизирует памятную дату 28 июня 1940 года, когда в Бессарабии была восстановлена Советская власть. В названии *улицы 95 Молдавской дивизии* также отражена история родного для тираспольчан края (дивизия защищала рубежи города Тирасполя, Одесской области во время Великой Отечественной войны).

2. Рассмотрим особенности тираспольских годонимов, созданных по меморативной макромодели, в *исторической проекции*. Прошлое города в части номинации улиц и переулков не отличается таким разнообразием групп, какие отмечены нами в современном состоянии города. Опишем их.

1) *годонимы (агоронимы), содержащие имена исторических деятелей*, — *Николаевский переулок*, *Сталинская площадь*. Годоним *Николаевский переулок* связан с именем российского императора Николая I, который посетил Тирасполь в 1828 г. в контексте начала русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Агороним *Сталинская площадь* стал функционировать на карте города уже в советские времена.

2) *годонимы, отражающие памятные факты истории по названию населенных пунктов*, — *Бородинская улица* (по названию села Бородино, где состоялось военное сражение Отечественной войны 1812 года).

II-ая макромодел ь — дескриптивная

1. **Современные** тираспольские годонимы представляют следующие группы, в которых *онимы характеризуют относительное расположение с рядом объектов*.

1.1. Названия, связанные со смежным природным объектом (гидрообъектом — *улицы Заречная, Плавневая, переулки Речной, Лиманный, Горплавни*).

1.2. Названия, связанные со смежным топографическим объектом, а именно населенным пунктом: из **Приднестровья** (*улицы Бендерская, Терновская, переулки Днестровский, Суклейский, Слободзейский*), **Молдовы** (*улица Оргеевская*), **Украины** (*улицы Одесская, Украинская, Краснодарская, переулок Плосковский*), **России / Советского Союза** (*улицы Курганская, Советская*), **мира** (*переулок Сербский*).

1.3. Названия, отражающие географические особенности местности, — *улица Балковская*.

1.4. Названия относительно сторон света — *улица Северная, переулки Западный, Южный, Восточный.*

1.5. Названия, связанные с природным материалом / местом его добывания, — *улица Гравийная, переулки Кирпичный, Карьерный.*

1.6. Названия, отражающие географические особенности местности, — *переулок Курганный.*

1.7. Названия по роду деятельности людей — *улицы Учительская, Космонавтов, Строителей, Энергетиков, Текстильщиков, переулки Рабочий, Монтажников.*

1.8. Названия, связанные с этическими понятиями, — *улицы Правды, Дружбы, Юности, Труда, Мира.*

1.9. Названия, отражающие возраст людей, — *переулок Молодежный.*

1.10. Названия со смежным объектом-артефактом — *переулки Колодезный, Мельничный, Огородный.*

1.11. Названия со смежным внутригородским объектом — *переулки Набережный, Магистральный, Театральный, Тракторный, Школьный.*

1.12. Названия, отражающие особенности застройки в жилом массиве, — *Лучевой проезд.*

2. В историческом аспекте топонимы Тирасполя в большем количестве представляют дескриптивную макромоделю (в сравнении с меморативной), в которой отмечены следующие подгруппы топонимов, характеризующих относительное расположение с рядом объектов.

2.1. Названия, связанные со смежным антропогенным топообъектом (**объекта торговли** — *Базарная улица, Рыбная улица, Привозная улица; промышленного предприятия* — *Фабричный переулок; станции, учреждения* — *Вокзальная улица, Железнодорожная улица, Почтовая улица; места совершения обряда* (по названию церкви, собора, часовни) — *Покровская улица, Соборная улица, Часовенная улица; по роду деятельности людей* — *Рабочая улица, Ремесленная улица; внутригородского объекта* — *Элеваторная улица, Водопроводная улица, Кладбищенская улица; Казарменный переулок, Больничный переулок; поселения людей* — *Слободская улица, Дворянская улица.*

2.2. Названия, связанные со смежным природным объектом (**природным массивом** — *Садовая улица, Лесная улица, Парковая улица, Полевая улица*).

2.3. Названия, отражающие географические особенности местности, — *Красноярская улица* (названа была по оврагу *Красный Яр*, на склонах которого она располагалась), *Курганный переулок.*

2.4. Названия, связанные со смежным объектом-артефактом — *Фонарная улица.*

2.5. Названия, отражающие особенности местоположения в жилом массиве, — *Дальняя улица.*

2.6. Названия, связанные со смежным топонимом, а именно населенным пунктом, из которого люди переселились, — *Клинцовская улица* (заселилась переселенцами из с. Клинцы Черниговской губернии).

III-я макромоделю — условно-символическая.

1. В современном ономастическом пространстве города Тирасполя выделяются следующие группы топонимов:

1) использующие идеологемы советской эпохи — *улица Коммунаров, улица Комсомольская, улица Восстания, улица Партизанская, 1-ый Партизанский переулок, 2-ой Партизанский переулок, улица Совхозная, переулок Совхозный, улица Профсоюзов, переулок Победы;*

2) использующие идеологемы приднестровского периода истории города — *бульвар Защитников Приднестровья.*

2. В исторической плоскости топонимы Тирасполя, отражающие условно-символическую макромоделю, представляют лишь одну группу: названия, связанные с населенным пунктом, фиксирующим историческое событие, — *1-ый переулок Бородинский, 2-ой переулок Бородинский* (по названию села Бородино, где состоялось военное сражение Отечественной войны 1812 года).

Заключение

Исследование топонимов города Тирасполь в динамике (в историческом прошлом и в современном состоянии) в мотивировочном аспекте отражает наличие трех макромоделей создания этих единиц наименования (меморативную, дескриптивную, условно-символическую). **Меморативная и дескриптивная макромодел**и, отражающие современную номинацию улиц и переулков, более пространны и семантически многоплановы, чем в историческом прошлом города. В отантропонимических топонимах **сегодняшнего дня** отражаются различные периоды существования города, в которые проявили себя исторические деятели разных народов. Меморативная макро модель фиксирует топонимы, связанные с русской, молдавской, украинской, болгарской и другими культурами, и характеризует многонациональный характер приднестровского общества, в котором исторически проживали и сейчас проживают люди более тридцати национальностей.

Дескриптивная макро модель представления современных топонимов города Тирасполя позволяет усмотреть следующую тенденцию «расширения границ» номинации: от топонимов, связанных со смежными объектами города Тирасполя, к топонимам, имеющим отношение к Приднестровью и соседним с ним государствам (Молдове и Украине), затем — к России (и в прошлом — к Советскому Союзу) и в итоге — к топонимам, связанным с пространством мира.

Условно-символическая макро модель топонимов отражает их коннотативную наполненность — номинации улиц и переулков представляют собой идеологемы советского периода истории города.

Проанализированные топонимы в свернутом, конденсированном виде представляют собой тексты культуры, которые являются письменной фиксацией истории и современного состояния города, ключевых параметров жизни его жителей, их притязаний, нравственных ориентиров и под. Все преобразования, происходящие в обществе, отражаются, как в зеркале, в топонимическом пространстве города.

Предпринятые в данной статье попытки описать ономастическое пространство Тирасполя в части мотивировочной номинации улиц и переулков в динамическом аспекте, без сомнения, лишь намечают векторы дальнейшего детального изучения материала; описанный материал не претендует на полноту охвата номинативных единиц и глубину их лингвокультурологического описания.

Список источников

1. Казина Е. А. Основные принципы номинации улиц малого города (на примере Углича) // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. / сост., ред. В. Л. Васильев ; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. — В. Новгород : Печатный двор, 2019. — С. 386–390.
2. Качалкова Ю. А. Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) // Вопросы ономастики. — 2013. — № 1. — С. 88–104.
3. Константинов Е. В., Фоменко В. Г. Историко-географический очерк села Суклея (к 210-летию поселения) // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. — 2003. — № 7. — С. 130–136.
4. Котленок Н. Ф. Текст культуры в повседневности: интерпретация и понимание // Человек. Культура. Общество : тез. докл. VI науч. конф. / редкол. : А. А. Легчилин (отв. ред.), А. С. Солодухо. — Минск. : БГУ, 2010. — С. 38–40.

Сведения об авторе

Полежаева Светлана Серафимовна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко (Тирасполь, ПМР).

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В НАЗВАНИЯХ УЛИЦ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ*

Аннотация. Память о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов передается из поколения в поколение россиян не только в виде фронтовых фотографий и воспоминаний, но и средствами топонимии — в виде названий улиц, площадей, парков и скверов населённых пунктов, особенно тех из них, на территории которых велись боевые действия. Первые меморативы возникли на месте существовавших урбанонимов путём их переименований. В статье рассматривается героическая топонимия Воронежской области, по территории которой с конца июня 1942 г. до конца января 1943 г. проходила линия фронта. Автор приводит лексико-семантическую классификацию меморативов и приходит к выводу о необходимости сохранения памяти о героях в топонимах.

Ключевые слова: социолингвистика, топонимия, урбанонимия, ойконимия, топонимический мартиролог, коммеморация, лингвокраеведение.

Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов далась советскому народу ценой многомиллионных человеческих жизней защитников Родины, женщин, стариков, детей. Память о них передается в семьях родственников из поколения в поколение в виде фотографий, писем, устных воспоминаний. Еще более крепкой является топонимическая память о героях, сохранившаяся в названиях населённых пунктов, улиц, площадей, бульваров, переулков, парков и скверов, набережных, горных вершин, островов, балок, впадин и других географических объектов.

В годы Великой Отечественной войны часть территории Советского Союза была оккупирована немецко-фашистскими войсками и их сателлитами, в ходе ожесточённых боев советские войска освободили захваченные врагом территорию своей страны и страны Европы.

В последнее время так называемый «коллективный Запад» пытается переписать мировую историю, всячески оправдывая фашизм и забывая о важной роли Советского Союза в победе над фашистской Германией. В итоге новые поколения россиян всё меньше знают об истинной истории Великой Отечественной войны и её героях.

Сохранение исторической памяти «представляет собою сознательный социальный акт передачи определённой нравственно, эстетически, мировоззренчески, технологически ценной информации (или актуализации её) путём увековечения определенных лиц и событий» [Святославский, 2013: 92]. В немалой степени этому также способствует государственная политика памяти, которая «представляет собой такую форму политики памяти, в рамках которой ведущим (но не единственным!) актором выступает государство в целом или система его институтов, ответственных за соответствующую реализацию политики памяти» [Беляев, Линченко, 2016].

Первые меморативы топонимического пространства населённых пунктов, на территории которых велись боевые действия, возникли вместо существовавших урбанонимов. Переименования улиц, переулков, проездов в честь погибших героев происходили как сразу после освобождения населённого пункта от немецко-фашистских захватчиков, так и спустя некоторое время, особенно накануне юбилейных дат со дня Великой Победы. Со временем в связи с расширением жилищного строительства в населённых пунктах названия в память о героях стали присваиваться в основном новым внутригородским объектам.

В результате исследования соответствующих наименований географических объектов нами введён в научный оборот термин *героическая топонимия*, под которым понимается «совокупность топонимов, несущих в себе информацию о героическом военном прошлом страны. Это названия, данные географическим объектам в честь выдающихся военачальников, рядовых воинов и тружеников тыла, совершивших ратные и трудовые подвиги в период военного времени,

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01737 «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект», <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>.

в память о воинских соединениях, участвовавших в освобождении населённых пунктов от врага» [Попов, 2019: 64].

Наиболее масштабно события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., имена и фамилии героев представлены в *героической урбанонимии* — наименованиях внутригородских объектов, и прежде всего — улиц и площадей, поскольку, как считает В. И. Супрун, именно улицы и площади являются главными объектами номинации в городском пространстве и главными линейными объектами пространственной среды для жизни и деятельности человека [Супрун, 2015: 95].

М. В. Голомидова отмечает, что мемориальные названия «в честь кого-либо или в память о ком-либо / о чем-либо — очень хорошо известная и ставшая почти штампом семантическая модель российской урбанонимии. Нередко дополнительными знаковыми формами к коммеморативным урбанонимам выступают памятные доски и памятники (obelisks, стелы, скульптуры). Их символическая нагрузка в сочетании с именем пространственного объекта служит отправной точкой соотнесённого с локацией сообщения о человеке или событии» [Голомидова, 2019: 15].

Данную мысль дополняет А. С. Бочкарева: «По всему Советскому Союзу символами единства народа становятся памятные даты, тысячи памятников, грандиозных монументальных ансамблей. Наряду с ними и имена солдат и офицеров, героев, жертв и мучеников фашистских агрессоров, увековеченные в названиях, способствуют сохранению чувства сопричастности к победе над фашистской Германией» [Бочкарева, 2015: 3].

С конца июня 1942 г. до конца января 1943 г. по территории Воронежской области проходила линия фронта, велись активные боевые действия. Правобережная часть Воронежа была оккупирована немецкими войсками, линия фронта фактически разделяла город на две части. 7 июля 1942 г. директивой Ставки Верховного Главнокомандующего № 170483 был образован Воронежский фронт (с 20.10.1943 г. — 1-й Украинский фронт) — оперативно-стратегическое объединение советских войск. Фронт создан на основе 40-й армии Брянского фронта и 3-й и 6-й резервных армий, переименованных в 60-ю и 6-ю армии, с включением четырех танковых корпусов и авиации Брянского фронта [Воронежская военно-историческая энциклопедия, 2014: 55]. В декабре 1942 г. часть войск Воронежского фронта приняла участие в успешно проведенном контрнаступлении под Сталинградом — Среднедонской операции 1942 («Малый Сатурн»), в результате которой был прорван вражеский фронт шириной до 340 километров, разгромлены 5 итальянских, 5 румынских и одна немецкая дивизии, а также 3 итальянские бригады. Таким образом, от стойкости защитников Воронежа во многом зависел исход Сталинградской битвы, перелом в ходе всей войны с немецко-фашистскими захватчиками.

16 февраля 2008 г. Президент России В. В. Путин подписал указ о присвоении Воронежу почётного звания Российской Федерации «Город воинской славы», отметив тем самым мужество, стойкость и массовый героизм, проявленный защитниками города в Великой Отечественной войне.

В 2014 г. учреждено почётное звание Воронежской области «Населённый пункт воинской доблести», которое присваивается населённым пунктам, на территории которых или в непосредственной близости от которых проходили ожесточенные сражения, в ходе которых защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм. В настоящее время этого звания удостоены г. Богучар, с. Верхний Мамон, с. Гремячье, рп. Кантемировка, с. Коротояк, г. Лиски, с. Новая Калитва, г. Острогжск, г. Россошь, с. Сторожевое 1-е, с. Урыв-Покровка, с. Щучье.

В топонимическом пространстве населённых пунктов Воронежской области, на территории которых в годы Великой Отечественной войны велись боевые действия, мы выделяем следующую лексико-семантическую классификацию урбанонимов-меморативов:

1. Имена и фамилии защитников населённых пунктов:

г. Воронеж: ул. *Беспаловой* (санинструктор А. И. Беспалова (1923–1942) в бою на северной окраине Воронежа первой во взводе бросилась в атаку и погибла; в 1965 г. ул. Степная переименована в память о женщине-герое); пер. *Андрюши Санникова* (пионер Андрей Санников 8 июля 1942 г. открыл огонь по фашистам и погиб в неравном бою; в 1962 г. пер. 2-й Пионерский переименован в память о герое); ул. *Бовкуна* (М. К. Бовкун, командир взвода 796-го стрелкового полка,

в июле 1942 г. закрыл амбразуру немецкого дзота на северной окраине Воронежа; в 1975 г. ул. Советской культуры (ранее — 2-я Полевая, Пролетарская) переименована в память о герое).

Воронежская область: ул. *Тулебердиева* (г. Лиски; Ч. Тулебердиев (1922–1942), стрелок 636-го стрелкового полка 6-й армии Воронежского фронта, в бою в районе с. Селявное закрыл собой амбразуру вражеского дзота; в 1943 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза); ул. *Малашенкова* (г. Россошь; К. М. Малашенков — капитан, заместитель командира 305-го батальона 106-й танковой бригады, погиб при освобождении Россоши; в 1968 г. ул. Триерная переименована в честь героя); ул. *Фоломеева* (г. Россошь; Д. С. Фоломеев (1913–1954), Герой Советского Союза, в 1943 г. под Россошью ворвался на боевой машине в с. Михайловка, таранил танк врага, в течение ночи вел бой с противником, участвовал в захвате штаба дивизии, знамени и документов).

2. Военские звания и фамилии военачальников, чьи подразделения освобождали населённый пункт:

г. Воронеж: ул. *Генерала Лизюкова* (генерал-майор, Герой Советского Союза А. И. Лизюков (1900–1942) в начале Воронежского сражения командовал войсками 5-й танковой армии, погиб в бою; в 1975 г. его именем названа новая улица Северного микрорайона Воронежа; в 2018 г. указом президента России В. В. Путина генерал-майор Лизюков А. И. посмертно награжден орденом Жукова за умелую организацию боевых действий войск в ходе стратегических операций Великой Отечественной войны в 1941–1942 гг.); ул. *Лейтенанта Дзотова* (Л. А. Дзотов (1920–1942), командир взвода 454-го стрелкового полка 100-й стрелковой дивизии; погиб в боях за Чижовский плацдарм, бросившись на амбразуру немецкого дзота; в 1975 г. ул. Старо-Минская была переименована в честь героя); ул. *Маршала Жукова* (Г. К. Жуков (1896–1974), государственный и военный деятель, полководец, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза; в 1942–1943 гг. координировал боевые действия Воронежского фронта, бывал в штабе этого фронта на территории Воронежской области; в 1977 г. образованной в новом Северном жилом районе улице присвоили имя знаменитого маршала).

Воронежская область: ул. *Генерала Ватутина* (в 4 населённых пунктах Воронежской области; Герой Советского Союза, генерал армии Н. Ф. Ватутин (1901–1943) в качестве командующего Воронежским фронтом освобождал от фашистов г. Воронеж и Воронежскую область; его именем также названы улицы в Витебске, Владивостоке, Гомеле, Гродно, Минске); ул. *Майора Поликарпова* (г. Россошь; **П. Ф. Поликарпов** (1907–1943) — начальник штаба 106-ой танковой бригады, участник освобождения Россоши, погиб 15 января 1943 года при переправе через реку Черная Калитва; в 2012 г. одной из вновь образованных улиц присвоено его имя); ул. *Майора Сачко* (г. Россошь; **Д. А. Сачко** (1905–1943) — командир 306-го танкового батальона 106-ой танковой бригады, участник освобождения Россоши, утонул с танком в реке Черная Калитва под Морозовкой 15 января 1943 г.; в 2012 г. одной из вновь образованных улиц присвоено его имя).

3. Наименование видов и родов войск, в которых служили герои-освободители:

г. Воронеж: ул. *Лётчика Демьянова* (г. Воронеж; в 1943 г. ул. 1-я Конно-Стрелечья переименована в память погибшего лётчика 41-го Воронежского штурмового авиационного полка М. А. Демьянова (1921–1942), который направил горящий самолёт на боевую технику противника); ул. *Танкиста Серебрякова* (г. Воронеж; в 1975 г. переулки Открытый, Тёплый и Курортный объединены в одну улицу, названную в память об А. М. Серебрякове (1913–1942), Герое Советского Союза, командире танковой роты, погибшем при защите Воронежа); ул. *Минёров*; ул. *Народных Ополченцев*; пер. *Автоматчиков*;

Воронежская область: пл. *Танкистов* (с. Девица Семилукского района, г. Россошь; при освобождении Россоши первыми в город ворвались с боем именно танковые части, поэтому на этой площади в качестве памятника стоит легендарный танк Т-34); ул., пер. *Танкистов* (рп. Кантемировка).

4. Наименования воинских соединений, участвовавших в освобождении населённого пункта от немецко-фашистских захватчиков:

г. Воронеж: улицы *60-й Армии*; *6-й Стрелковой Дивизии*; *19-й Стрелковой Дивизии*; *45-й Стрелковой Дивизии* и др.

Воронежская область: улица и переулок *62-й Гвардейской Дивизии* (с. Новая Калитва Россошанского района); ул. *1-й Стрелковой Дивизии* (г. Богучар); ул. *2-й Воздушной армии* (г. Семилуки); ул. *219-й Стрелковой Идрицкой дивизии* (г. Лиски) и др.

По мнению основателя Воронежской ономастической школы Г. Ф. Ковалёва, «наш город [Воронеж — С. П.], как никакой другой, пострадал в годы минувшей войны. В то же время, с глубоким уважением относясь к святой памяти защитников нашего города в годы Великой Отечественной войны, необходимо заметить, что нельзя называть улицы: “45 стрелковой дивизии” или “10 армии” <...>. Дело в том, что цифры в названиях — удел военных. <...> В России это недопустимо. <...> Вообще воронежские улицы сильно засорены цифрами. Вот примеры: 20-летия Октября, 20-летия ВЛКСМ, 25-го Октября, 9-го Мая, 9-го Января, 5-го декабря (ул.), 5-го декабря (пер.), 19 Стрелковой дивизии, 45 Стрелковой дивизии, 100 Стрелковой дивизии, 121 Стрелковой дивизии, 303 Стрелковой дивизии и многие, многие др. Сплошной календарь на военном полигоне!» [Ковалев, 2005: 99-100].

5. Дата освобождения населённого пункта от немецко-фашистских захватчиков:

г. Воронеж: ул. *25 января* (25 января 1943 г. к 11 часам утра в ходе Воронежско-Касторненской наступательной операции, в которой участвовали 38-я, 40-я и 60-я армии, 2-я воздушная армия, 4-й танковый корпус Воронежского фронта, а также соединения Брянского фронта, Воронеж был полностью освобожден от гитлеровцев).

Отдельно в топонимическом пространстве населённых пунктов региона необходимо выделить **урбанонимы-меморативы, относящиеся к общим наименованиям понятий и явлений, связанных с памятью народа о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов:**

г. Воронеж: пл. *Победы*; пл. *Славы*; бульвар *Победы*; бульвар *Воинской Славы*; ул. *Защитников Родины*; ул. *Фронтная*.

Воронежская область: ул. *Победы* (более 100 населённых пунктов); ул. *9 Мая* (18 населённых пунктов); ул. *Красноармейская* (более 10 населённых пунктов); ул. *Доброволец* (с. Верхний Мамон); ул. *Освобождения* (г. Острогожск).

На основании приведённых примеров можно сделать вывод, что события и имена героев Великой Отечественной войны 1941–1945 годов наиболее ярко отражены в меморативах топонимического пространства населённых пунктов Воронежской области — местах ведения ожесточённых боёв за освобождение родной земли от немецко-фашистских захватчиков, местах массового проявления героизма защитников Отечества.

В данных урбанонимах-меморативах навечно зафиксировались имена и фамилии, воинские звания, рода войск, наименования воинских соединений героев Великой Отечественной войны. Однако с учётом современной международной обстановки в настоящее время этого недостаточно для сохранения у потомков победителей исторической памяти о сложном героическом прошлом нашей страны.

В целях действенного патриотического воспитания молодёжи и просвещения россиян о далёких событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов необходимо использовать современные топонимические коммеморативные практики, направленные на сохранение исторической памяти о героическом прошлом как всей страны, так и её определённых регионов.

Таким образом, в Воронежской области память о победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов прочно сохранилась в мемориальных наименованиях географических объектов, что явилось отражением государственной политики, направленной на увековечивание славных страниц военной истории нашей страны и передачу будущим поколениям историко-культурную информацию о героях былых сражений за свободу и независимость России.

Список источников

1. Беляев Е. В., Линченко А. А. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // *Studia Humanitatis*. — 2016. — № 2. — URL : <http://st-hum.ru/content/belyaev-ev-linchenko-aa-gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-cennosti-massovogo> (дата обращения: 31.05.2023).

2. Бочкарева А. С. Топонимика Кубани в системе историко-культурного наследия Великой Отечественной войны // Научный журнал КубГАУ. — 2015. — № 109 (05). — URL : <http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/72.pdf> (дата обращения: 31.05.2023).
3. Воронежская военно-историческая энциклопедия / сост. А. Н. Юрасов. — Воронеж : Кварта, 2014. — 272 с. — Т. 2 : Воронежские военные формирования
4. Голомидова М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. — 2019. — Т. 6, № 1. — С. 11–30.
5. Ковалев Г. Ф. Лицо Воронежа в его нынешних названиях // Воронежское лингвокраеведение : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Г. Ф. Ковалева. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2005. — Вып. 1. — С. 94–105.
6. Попов С. А. Топонимическое наследие Великой Победы // Царицынские рождественские чтения : сб. материалов конф. / под ред. В. И. Супруна ; Отд. религиозного образования и катехизации Волгоградской епархии РПЦ [и др.]. — Волгоград : Фортесс, 2019. — Вып. 4. — С. 63–75.
7. Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. — М. : Древлехранилище, 2013. — 592 с.
8. Супрун В. И. Возникновение урбанонимического пространства и его формирование в античном мире // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки. — 2015. — № 6 (101). — С. 95–100.

Сведения об авторе

Попов Сергей Александрович — к. филол. н., доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия).

У. П. Природина

«ЛЕЧЕБНОЕ ИСКУССТВО» В УРБАНОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ СТОКГОЛЬМА

***Аннотация.** Статья представляет результаты исследования одного из сегментов топонимической системы шведского языка, а именно годонимов и агоронимов Стокгольма, включающих наименования, относящиеся к медицинской тематике. Материалом для исследования послужили годонимы и агоронимы Стокгольма с номенклатурной составляющей *gata* 'улица', *väg* 'дорога, путь, маршрут', *plan* 'площадка', *stig* 'тропа'. В ходе работы осуществлена систематизация годонимов, отвечающих заданным параметрам; определены словообразовательные модели отантропонимических объектов; проведен исторический анализ ряда единиц; представлены направления дальнейших исследований.*

***Ключевые слова:** урбаноним, годоним, агороним, Стокгольм, медицина, словообразовательные модели.*

Изучение научного творчества и достижений врачей, внесших значительный вклад в развитие науки и здравоохранения как отрасли социальной жизни важно с целью сохранения научных традиций, педагогических систем научных школ, распространения научного и профессионального опыта лучших представителей медицины. Городское пространство, в частности Стокгольма, предоставляет возможность в определенной степени расширить фоновые знания в медицинской сфере.

Цель нашего небольшого исследования — описать историческую составляющую избранных для изучения годонимов (названия улиц) и агоронимов Стокгольма, общее количество которых составило 25 единиц, и выявить словообразовательные модели ряда рассматриваемых единиц. Реализация цели предполагает решение следующих задач: 1) собрать и систематизировать

годонимы и агоронимы Стокгольма по письменным источникам [Dablback и др., 2002; Stahre и др. 2005] и современной карте города [Карта Стокгольма 2023]; 2) рассмотреть словообразовательные модели отантропонимических годонимов и агоронимов; 3) провести исторический анализ ряда единиц.

В ходе рассмотрения годонимов и агоронимов, относящихся к медицинской тематике, выявлено 17 единиц, которые содержат антропонимы. Выделяются следующие словообразовательные модели отантропонимических годонимов и агоронимов:

1. Прилагательное *sankt* 'святой' + сложное существительное, состоящее из личного имени + существительного *gata*, образующие словосочетание с определенным постпозитивным артиклем: *Sankt Göransgatan*.

2. Прилагательное *sankt* 'святой' + сложное существительное, состоящее из личного имени + существительного *plan*, образующие словосочетание с неопределенным постпозитивным артиклем: *Sankt Göransplan*.

В основе указанных моделей заложена двухкомпонентная модель агонима *Sankt Göran* (св. Йоран (Георгий)), представленная как чин святости + имя.

3. Фамилия в родительном падеже + существительное *väg*, образующие словосочетание с неопределенным постпозитивным артиклем: *Finsens Väg*, *Welanders Väg*, *Warfvinges Väg*, *Olivecronas Väg*.

4. Личное имя + фамилия в родительном падеже + существительное *väg*, *plan*, *gata*, образующие словосочетание с неопределенным постпозитивным артиклем: *John Bergs Plan*, *Urban Hjärnes Väg*, *Af Pontins Väg*, *Elsa Brändströms Gata*.

5. Существительное (название профессии) + сложное существительное, состоящее из фамилии + существительного *gata*, образующие словосочетание с неопределенным постпозитивным артиклем: *Doktor Widerströms Gata*.

6. Фамилия + существительное *gata*, *väg*, образующие сложное существительное с определенным постпозитивным артиклем: *Strandbergsgatan*, *Eastmansvägen*, *Thunbergsgatan*, *Linnégatan*, *Lingvägen*, *Hjärnegatan*.

В названиях ряда годонимов и агоронимов для соединения композитов сложного слова используется интерфикс *-s*.

В ходе анализа материала определены два типа словообразования отантропонимических годонимов и агоронимов, характерных для шведского языка: словосложение (11 единиц) и словосочетание (6 единиц).

Несмотря на имеющийся обширный материал о выдающихся врачах, научных трудах по медицине, информация нами будет представлена фрагментарно. Мы постараемся показать общую картину «исторической» номинации в Стокгольме на уровне годонимов и агоронимов, мотивированных медицинской тематикой. Шведские исследователи предлагают общий перечень 121 группы категоризированных названий (*kategorinamn*) урбанонимов Стокгольма [Stahre и др., 2005: 16–19]. Это означает, что годонимы какого-либо географического района связаны с одной семантической категорией или определенной темой. Категоризированные урбанонимы Стокгольма восходят к XVII в., когда по данному принципу стали давать названия жилым кварталам [Johansson, 2007: 19]. Материалом для нашего исследования послужили категоризированные названия урбанонимов «выдающиеся врачи», «спорт», «шведские женщины», «больница Святого Георгия».

Так, улица *Sankt Göransgatan* (Санкт Йёрансгата) названа в честь больницы Святого Георгия (*Sankt Görans sjukhus*), первые упоминания о которой относятся к письменным источникам XIII в. По преданию, Георгий был солдатом римской армии, которого за отказ отречься от христианской веры арестовали и подвергли жестоким пыткам. Он стойко вынес пытки, после чего его приговорили к смертной казни. Часто Георгия Победоносца, или святого Георгия, покровителя военных, изображают как воина на белом коне с копьем, которым он убивает змея. Возможно, поэтому бытует мнение, что молитвы святому Георгию помогают избавиться от ядовитых змей, а еще от заразных болезней. Благодаря своей невероятной жизнестойкости и чудесному исцелению в Средние века святой Георгий стал примером для неизлечимых больных и вселял в них надежду. До сих пор во многих европейских городах есть больницы, носящие его имя [Сванберг, 2006: 72].

Пространство вокруг больницы Святого Георгия заполнено рядом улиц, названия которых связаны с медицинской деятельностью и включают апеллятивную лексику: *Akutvägen* (Акутвэген, *akut* ‘неотложный’), *Barnstigen* (Барнстиген, *barn* ‘ребенок’), *Bågljusvägen* (Богюсвэген, *bågljus* ‘дуговая лампа’), *Magnetvägen* (Магнетвэген, *magnet* ‘магнит’), *Friskvårdsvägen* (Фрисквордсвэген, *friskvård* ‘профилактика’), *Patientvägen* (Пациентвэген, *patient* ‘пациент’), *Vuxenvägen* (Вуксенвэген, *vuxen* ‘взрослый’), *Vårdvägen* (Вордвэген, *vård* ‘уход’).

Название улицы *Finsens Väg* (Финзенс Вэг) тоже в некоторой степени сопряжено с больницей Святого Георгия. Улица носит имя Нильса Рюберга Финзена (*Niels Ryberg Finsen*) (1860–1904), датско-исландского ученого, лауреата Нобелевской премии в области физиологии и медицины (1903), создателя научных основ фототерапии. Используемые врачом дуговые угольные лампы оказались эффективными для лечения обыкновенной волчанки. Специальное лечебное учреждение, занимающееся такого рода лечением, Финзенский институт светолечения (*Finsen-institut*), располагался в больнице Святого Георгия. Больных, которым необходимо было во время лечения жить в Стокгольме, размещали в «Доме Финзена» (*Finsenhemmet*), который еще именовали «Дом для больных волчанкой» (*Hemmet för lupussjuka*), расположенном на улице *Mariédalsvägen* (Мариедальсвэген).

Улица *Welanders Väg* (Веландерс Вэг) названа в честь Эдварда В. Веландера (*Edvard W. Welanders*) (1846–1917), шведского физика и врача, автора труда «История венерических болезней в Швеции» (*De veneriska sjukdomarnas historia i Sverige*) (1898), члена Шведской академии наук (1902), почетного члена Шведской медицинской ассоциации (1911). С 1888 по 1911 г. он был главным врачом больницы Святого Георгия, а с 1909 г. — профессором сифилидологии в ней же. В 1900 г. на этой улице Веландер основал больницу *Lilla Hemmet* («Лилла Хеммет», букв. маленький дом) для младенцев с наследственным сифилисом, которая под его руководством постепенно превратилась в образцовое учреждение. Подобные учреждения были позже открыты в Гетеборге, Копенгагене, Вене и других городах.

Улица *Strandbergsgatan* (Страндбергсгатан) названа в честь Захариаса Юхана Страндберга (*Zacharias Johan Strandberg*) (1712–1792), известного городского врача, который в 1792 г. основал Страндбергское врачебное учреждение (фонд) (*Strandbergska läkarinrättningen*) в Стокгольме. Задачей фонда было оказание врачебного ухода, медицинской и финансовой помощи беднякам во время болезней и в случаях, когда они не могли самостоятельно ухаживать за собой.

Улица *Eastmansvägen* (Истмансвэген) названа так благодаря расположенной здесь стоматологической клинике для детей, учрежденной на средства Джорджа Истмена (*George Eastman*) (1854–1932), американского изобретателя и предпринимателя, основателя компании «Кодак». Истмен вложил много средств в развитие стоматологических клиник для взрослых и детей по всему миру, потому что считал, что у людей со здоровыми зубами и красивой улыбкой больше шансов достичь успеха в жизни.

Наименование улицы *Warfvinges Väg* (Варвингес Вэг) тесно связано с именем Франса В. Варвинге (*Frans W. Warfvinge*) (1834–1908), известного администратора и планировщика больницы Саббатстберг (*Sabbatsbergs sjukhus*), основанной в 1879 г. Кроме того, он был первым ее директором и главным врачом. В 1881 г. Варвинге организовал в больнице школу по подготовке медицинских сестер. Улица *Crafoords Väg* (Крафордс Вэг) названа в честь Кларенсе Крафорда (*Clarence Crafoord*) (1899–1983), торакального хирурга, деятельность которого долгое время имела отношение к больнице Саббатстберг.

В ходе нашего исследования встретились два агоронима с номенклатурной составляющей *plan*: *Sankt Göransplan* (Санкт Йёрансплан), связанное с именем Георгия Победоносца (см. выше) и *John Bergs Plan* (Юхн Бергс План). Площадь *John Bergs Plan* названа в честь хирурга Юхана Вильгельма Берга (*Johan (John) Wilhelm Berg*) (1851–1931), главного врача Детской больницы кронпринцессы Ловисы (*Kronprincessan Lovisas barnsjukhus*), профессора кафедры хирургии Каролинского института (*Karolinska Institutet*), главного врача Серафимовской больницы (*Serafimerlasarettet*), первой современной больницы в Швеции.

Улица *Linnégatan* (Линнегатан) названа в честь Карла фон Линнея (*Carl von Linné*) (1707–1778), шведского ботаника, врача, геолога, педагога, зоолога, создателя основы системы классификации растительного и животного мира. Его многочисленные работы о растениях закрепили за ним славу натуралиста. Кроме того, Линнея можно назвать первым шведским бактериологом.

Именно он высказал предположение, что возбудителями таких заразных болезней, как чума, проказа, чахотка в теле человека являются микроскопические организмы, которые тогда еще предстояло открыть. Улица *Thunbergsgatan* (Тунбергсгатан) носит имя Карла Петтера Тунберга (*Carl Petter Thunberg*) (1743–1828), ученика Линнея.

Нами было отмечено только два годонима с антропонимической составляющей, принадлежащей женщинам: *Doktor Widerströms Gata* (Доктор Видерстрёмс Гата), *Elsa Brändströms Gata* (Эльза Брэндстрёмс Гата).

Каролина Видерстрём (*Karolina Widerström*) (1856–1949) — одна из самых известных женщин Швеции своего времени. Она стала первой дипломированной женщиной-врачом в стране, автором ряда книг, наиболее известные из которых «Женская гигиена» (*Kvinnohygien*) (1899), «Венерические болезни и борьба с ними» (*De veneriska sjukdomarna och deras bekämpande*) (1905). Эльза Брэндстрём (*Elsa Brändström*) (1888–1948) — медицинская сестра и филантроп. В составе шведского Красного Креста она спасала немецких и австрийских военнопленных, оказавшихся в России в Первую мировую войну, благодаря чему ее стали называть ангелом Сибири (*Sibiriens ängel*).

В основу годонима *Lingvägen* (Лингвэген) входит фамилия Пера Хенрика Линга (*Pehr Henrik Ling*) (1776–1839), шведского терапевта, ученого, который одним из первых стал преподавать основы физического воспитания в Швеции и являлся основателем системы гимнастики.

Разные виды активности личности могут вызвать затруднения с определением точной мотивировки увековечения памяти. Так, название улицы *Af Pontins Väg* (Ав Понтинс Вэг) связано с именем Магнуса ав Понтинга (*Magnus af Pontin*) (1781–1858), придворного врача, литератора, садовода, которому принадлежит инициатива по созданию Шведской садовой ассоциации (*Svenska Trädgårdsföreningen*). Или, например, две улицы, названные в честь Урбана Йерне (*Urban Hjärne*) (1641–1724): *Hjärnegatan* (Йернегатан) (в районе *Kungsholmen*), *Urban Hjärnes Väg* (Урбан Йернес Вэг) (в районе *Bromma Kyrka*). Йерне — натуралист, врач, естествоиспытатель, химик, писатель. Примечательно, что он был ярким противником громких процессов над ведьмами в Стокгольме в 1670-х гг., потому что считал это негуманным. В то время как явная коммеморативность, как и в ряде вышерассмотренных нами урбанонимов, наблюдается в названии улицы *Olivecronas Väg* (Оливекрунас Вэг), которая носит имя Херберта Оливекруна (*Herbert Olivecrona*) (1899–1983), врача, одного из основоположников мировой нейрохирургии.

Не исключено, что однажды имена известных шведских инноваторов в области медицины послужат основой для урбанонимической номинации. Так, в 1958 г. Руне Эльмквист (*Rune Elmqvist*) (1906–1996) создал кардиостимулятор, в этом же году Оке Сеннинг (*Åke Senning*) (1915–2000) провел первую в мире имплантацию кардиостимулятора в Каролинской больнице. Возможно их имена, как и других представителей медицины, запечатлены в топонимических единицах с другими номенклатурными составляющими. В качестве примера можно рассмотреть имя химика Йёенса Якоба Берцелиуса (*Jöns Jacob Berzelius*) (1779–1848), одного из самых выдающихся ученых-медиков страны и одного из первых преподавателей теории медицины в Каролинском институте в Стокгольме [Ноздрачев и др., 2019: 9]. Его именем назван парк *Berzelii Park*, точнее, сквер в Стокгольме, где находится памятник шведскому ученому. Отметим, что согласно завещанию Альфреда Нобеля, награды в области физиологии или медицины присуждаются именно Каролинским институтом.

Исследованные материалы определяют перспективные направления дальнейшей работы: изучение отражения медицинской тематики в урбанонимах Стокгольма и других городах Швеции с разными номенклатурными составляющими (*gränd, backe, torg, gång* и т. д.), что позволит собрать во всем объеме историческую информацию, проанализировать словообразовательные модели, процессы трансонимизации и онимизации, способы написания урбанонимов.

Список источников

1. Карта Стокгольма. — URL : <https://u-karty.ru/sweden/stockholm.html> (дата обращения: 01.05.2023).
2. Нобелевские лауреаты по физиологии или медицине / А. Д. Ноздрачев, М. А. Пальцев, Е. Л. Поляков [и др.]. — СПб. : Гуманистика, 2019. — 884 с.

3. Сванберг Я. Победное шествие Святого Георгия в религии и искусстве Востока и Запада // Мозаика: фрагменты истории шведской культуры : сб. ст. / отв. ред. и сост. Т. А. Тоштендаль-Салычева. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. — С. 71–79.

4. Dabläck G., Eggeby E., Neberg K., Sandberg R. Staden på vattnet. Del I: 1252–1850. — Stockholm : Stockholmia förlag, 2002. — 307 s.

5. Johansson C. I gatuplanet. Namnbrukarperspektiv på gatunamn i Stockholm // Namn och Samhälle 20. Uppsala. — Stockholm : Elanders Gotab, 2007. — 250 s.

6. Stahre N.-G., Fogelström P. A., Ferenius J., Lundqvist G. Stockholms gatunamn. — Stockholm : Stockholmia förlag, 2005. — 733 s.

Сведения об авторе

Природина Ульяна Петровна — к.филол.н., доцент кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия).

Р. В. Разумов

ПОСВЯЩЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЯТЕЛЯМ В УРБАНОНИМИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Публикация продолжает цикл статей об особенностях меморативов Российской империи / СССР / Российской Федерации и посвящена рассмотрению урбанонимов-посвящений политическим деятелям. Автор анализирует современный состав данной группы названий, выделяет частотные урбанонимы. В статье прослеживается история меморативов в честь политических деятелей, описаны особенности создания подобных онимов в различные периоды истории страны.*

***Ключевые слова:** ономастика, топонимика, городское онимическое пространство, урбаноним, меморатив, посвящения политическим деятелям.*

В конце XVIII — начале XIX века в России начинает формироваться официальная урбанонимия как особый онимический разряд. Еще в дореволюционный период истории страны постепенно складываются принципы именования внутригородских объектов, появляются первые меморативы — названия-посвящения, увековечивающие память о значимых для общества людях, событиях истории, организациях и т. д. [Разумов, 2022: 237–243]. Особенно зримым этот процесс стал в советскую эпоху, когда во многих населенных пунктах нашей страны подобные урбанонимы стали массовыми.

Настоящая статья продолжает цикл публикаций об особенностях меморативов Российской империи / СССР / Российской Федерации и посвящена специфике урбанонимов-посвящений политическим деятелям. К последним мы относим лиц, которые занимались политической деятельностью в исполнительной или законодательной власти, в политических партиях и общественных организациях или оказывали влияние на политические и социальные процессы, происходившие в стране в различные периоды ее истории, в том числе представителей династии Романовых, революционеров, деятелей российского и международного рабочего движения. В рамках нашего исследования мы постараемся дать объективную картину развития данной разновидности урбанонимов-посвящений, опустив политическую оценку деятельности тех или иных исторических лиц, обсуждение уместности существования отдельных названий в современной России.

Материалы для анализа были извлечены из информационных баз адресации объектов в Российской Федерации, материалов путеводителей и справочников, реестров внутригородских названий и различных интернет-источников по топонимическим системам отдельных городов нашей страны. При упоминании урбанонима в тексте мы будем использовать географический термин *улица* как наиболее универсальный для российской городской топонимии [Разумов, 2010].

В настоящее время в урбанонимии Российской Федерации выделяются пять типов названий-посвящений политическим деятелям. В качестве примеров будут приведены названия, встречающиеся не менее чем в пяти населенных пунктах Центрального федерального округа (далее — ЦФО).

Во-первых, на картах российских городов широко представлены урбанонимы, увековечивающие память о партийных и государственных деятелях СССР: *улица Войкова, улица Жданова, улица Калинина / Михаила Калинина, улица Кирова, улица Крупской, улица Куйбышева, улица Ленина, улица Луначарского, улица Менжинского, улица Орджоникидзе, улица Свердлова* и др. Как видно из приведенного перечня, данную группу образуют меморативы в честь политиков первой половины XX века, в то время как урбанонимы, увековечивавшие партийных и государственных деятелей середины и второй половины XX века, практически не представлены в современной топонимии. Исключением из данного правила являются онимы, посвященные К. Е. Ворошилову: улицы в его честь существуют в Великом Новгороде, Воронеже, Ижевске, Иркутске, Кемерове, Оренбурге, Пензе, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Санкт-Петербурге, Ставрополе, Челябинске. Меморативы, увековечивавшие других политических и государственных деятелей середины и второй половины XX века являются единичными. Так, названия в честь Ю. А. Андропова представлены в Москве (*проспект Андропова*), в Петрозаводске (*улица Андропова*), Шахтах (*улица Андропова*) и Ярославле (*улица Андропова*), в честь Л. И. Брежнева — в Усть-Лабинске (*проезд Брежнева*).

Во-вторых, на картах российских городов представлены урбанонимы в честь активных участников революций 1905 г. и 1917 г.: *улица Артема, улица Бабушкина, улица Баумана, улица Володарского, улица Воровского, улица Урицкого, улица Халтурина / Степана Халтурина*, Некоторые из политиков, в честь которых были созданы перечисленные названия, успели поучаствовать в строительстве нового социалистического государства, однако, как мы предполагаем, в качестве ведущего мотива увековечивания выступала их революционная деятельность.

В-третьих, к предыдущему типу меморативов примыкают урбанонимы, увековечивавшие память об участниках антиправительственных выступлений и идеологах революционных движений XIX века. В настоящее время в городской топонимии представлены меморативы в честь декабристов (*улица Пестеля*), руководителей крестьянских восстаний (*улица Разина / Степана Разина, улица Пугачева / Емельяна Пугачева*), дореволюционных публицистов и революционеров (*улица Герцена, улица Огарева, улица Плеханова*), идеологов анархизма (*улица Бакунина, улица Кропоткина / Петра Кропоткина*), революционеров-народников (*улица Желябова, улица Перовской / Софьи Перовской*).

В-четвертых, в СССР активно создавались урбанонимы, увековечивавшие представителей зарубежных стран, чья деятельность оказала влияние на политические и социальные процессы, происходившие в стране. В городской топонимии представлены названия в честь деятелей международного рабочего и коммунистического движения (*улица Бебеля, улица Димитрова / Георгия Димитрова, улица Либкнехта / Карла Либкнехта, улица Розы Люксембург, улица Сакко и Ванцетти, улица Тельмана / Эрнста Тельмана, улица Цеткин / Клары Цеткин*), идеологов марксизма (*улица Маркса / Карла Маркса, улица Энгельса / Фридриха Энгельса*), лидеров Великой французской революции (*улица Марата*), руководителей дружественных СССР государств, зарубежных коммунистических партий, борцов за права угнетенных и просто известных людей (*площадь Амилькара Кабрала, площадь Белы Куна, площадь Джавахарлала Неру, площадь Индиры Ганди; площадь Иосипа Броз Тито, площадь Мартина Лютера Кинга, улица Сальвадора Альенде, площадь Хо Ши Мина* и др.). Если первые три разновидности данного типа названий были представлены во многих городах страны, то последняя группа урбанонимов активно создавалась лишь в Москве.

Пятый тип образуют названия в честь местных политических деятелей, чья известность не выходила за пределы того города или региона, в котором был создан урбаноним. Так, в Ярославле в течение советского периода истории страны появились годонимы, увековечивавшие местных революционеров, участников событий 1905 и 1917–1978 гг.: *улица Будкина* и *улица Ключковой* (1924), *улица Закгейма* (1927), *улица Стопани* (1940-е), *улица Смолякова* (1952), *улица*

Калмыковых (1967), *улица Панина* (1967), *улица Бабича* (1977), *проезд Доброхотова* (1980), *улица Нахимсона* (1984) и др.

Безусловный интерес представляет анализ эволюции посвящений политическим деятелям в российских городах. Можно выделить три основных этапа развития данного типа названий.

Первый этап охватывает дореволюционный период истории нашей страны. На рубеже XVIII–XIX вв. возникла традиция создавать меморативы в честь российских императоров. Так, на карте Ярославле появились названия *Екатерининская улица*, *Павловская* и *Большая Павловская улицы*, в Любиме — *Павловская улица*, в Рыбинске — *Александровская улица*, *Елизаветинская улица*, *Николаевская улица*. Аналогичные примеры мы можем найти и в других населенных пунктах страны. Так, в Смоленске до революции появились *Александровская улица* в честь императора Александра I и *Константиновская улица* в честь брата императора, великого князя Константина [Картавенко, 2008], в Уссурийске — *Николаевская улица* в честь визита наследника престола, великого князя Николая Александровича, будущего императора Николая II [Зуева, 2009], в Рязани — *Александровская улица* в честь Александра II, трагического погибшего в 1881 г. [Кишаева, 2019], во Владикавказе — *Елизаветинская улица* и *Екатерининская улица* [Кадыков, 2010: 310–311, 450].

До революции возникла и традиция создавать меморативы в честь известных государственных деятелей. Наиболее массовыми урбанонимами Российской империи данного типа были названия, увековечивавшие память о П. А. Столыпине: подобные онимы были созданы в Бобруйске (1914 г.), Киеве (1911 г.), Одессе (1911 г.), Ростове-на-Дону (1912 г.), Рыбинске (1912 г.), Самаре (1912 г.), Саратове и Славгороде. В городах Российской империи улицам могли присваиваться названия в честь государственных деятелей, чья жизнь была связана с определенным регионом. Например, в Уссурийске до революции существовали урбанонимы *Корсаковская улица* в честь генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова, *Занадворовская улица* в честь начальника полицейского управления П. А. Занадворова [Зуева, 2009: 145–146]. Во Владикавказе в этот же период зафиксированы названия *Воронцовская улица*, увековечивавшая М. С. Воронцова — генерал-губернатора Новороссийской и Бессарабской губернии, заместителя на Кавказе [Кадыков, 2010: 52–53], и *Лорис-Меликовская улица*, созданная в честь М. Т. Лорис-Меликова — начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска, министра внутренних дел Российской империи [Кадыков, 2010: 219–220].

Второй этап формирования меморативов в честь политических деятелей начался после революции 1917 г. и продолжался до начала 1980-х гг.

В 1920-е гг. при создании меморативов местные власти, по-видимому, ориентировались на «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и др. городах РСФСР...», утвержденный постановлением Совета народных комиссаров от 30 июля 1918 г. В данном документе была выделена группа «Революционеры и общественные деятели», в которую были включены следующие персоналии: «1. Спартак. 2. Тиберий Гракх. 3. Брут. 4. Бабеф. 5. Маркс. 6. Энгельс. 7. Бебель. 8. Лассаль. 9. Жорес. 10. Лафарг. 11. Вальян. 12. Марат. 13. Робеспьер. 14. Дантон. 15. Гарибальди. 16. Степан Разин. 17. Пестель. 18. Рылеев. 19. Герцен. 20. Бакунин. 21. Лавров. 22. Халтурин. 23. Плеханов. 24. Каляев. 25. Володарский. 26. Фурье. 27. Сен-Симон. 28. Роб. Оуэн. 29. Желябов. 30. Софья Перовская. 31. Кибальчич. [Декреты, 3: 118–119]. Большинство из перечисленных здесь исторических деятелей были увековечены в русской урбанонимии, мы не смогли найти упоминания о создании названий в честь 5 фигурантов списка: Тиберия Гракха, Марка Юния Брута, Мари-Эдуарда Вальяна, Петра Лавровича Лаврова, Роберта Оуэна.

Анализ данных о времени присвоения 50 самых частотных урбанонимов ЦФО позволил составить список названий, получивших массовое распространение в российских городах. В него вошло 9 меморативов в честь политических деятелей: *улица Володарского*, *улица Держинского*, *улица Калинина*, *улица Кирова*, *улица Ленина*, *улица Карла Маркса*, *улица Свердлова*, *улица Урицкого*, *улица Энгельса*. Все перечисленные названия впервые были созданы в 1920–1930-е гг., при этом локализация времени их появления в российских городах оказывается различной: какие-то из них присваивались на протяжении всего советского периода истории страны, другие — в течение одного или двух десятилетий.

Урбанонимы в честь В. И. Ленина — это единственный персональный меморатив, вошедший в первую десятку самых частотных названий ЦФО. Их создание началось в первые годы советской власти: в 1918 г. подобное название появилось в Калязине, Кирове, Костроме, Курске, Рыбинске, в 1919 г. — в Екатеринбурге, Орле, Пскове, в 1920 г. — в Краснодаре и Перми, в 1921 г. — в Красноярске, в 1922 г. — в Туле и Тюмени, в 1923 г. — во Владимире, Волгограде, Воронеже и Санкт-Петербурге. После смерти В. И. Ленина появление урбанонимов продолжилось, они зафиксированы в Барнауле (1924), Великих Луках (1924), Рязани (1924), Симферополе (1924), Санкт-Петербурге (1924), Улан-Удэ (1924), Липецке (1924–1925), Пензе (1926), Твери (1926), Кемерово (1927), Череповце (1927), Биробиджане (1938) и т. д. Третья волна увековечиваний вождя пришлась на 1950–1970-е гг.: в 1955 г. название было создано в Краснодаре, в 1956 г. — в Волгограде, в 1957 г. — в Астрахани, Москве и Самаре, в 1958 г. — во Владимире, в 1959 г. — в Орле, Пензе, Саратове, Томске, в 1960 г. — в Махачкале, Иваново, Казани, Челябинске, в 1963 г. — в Братске, Великих Луках и Туле, в 1964 г. — в Великом Новгороде, в 1965 г. — в Нарьян-Маре, в 1967 г. — во Владимире, в 1968 г. — в Лениногорске, в 1973 г. — в Архангельске, в 1977 г. — в Санкт-Петербурге. Как видим, урбанонимы в честь В. И. Ленина присваивались на протяжении всех лет существования СССР.

Названия в честь других политических деятелей советской эпохи в основном локализованы временным периодом 1920–1930-х гг., после этого времени они создавались редко. Так, меморативы в честь С. М. Кирова присваивались в основном на протяжении второй половины 1930-х гг. после гибели политика в 1934 г. До это времени они были созданы лишь в Томске (1927), Барнауле (1920-е) и Красноярске (1920-е). Основной пик присвоения подобных названий приходится на середину и вторую половину 1930-х гг.: в этот период они появились в Воронеже (1934), Курске (1934), Перми (1934), Челябинске (1934), Владикавказе (1935), Иркутске (1935), Калязине (1935), Краснодаре (1935), Москве (1935), Оренбурге (1935), Пензе (1935), Рыбинске (1935), Саратове (1935), Санкт-Петербурге (1935), Липецке (1936), Астрахани (1938), Улан-Удэ (1938). В послевоенное время создание урбанонимов в честь С. М. Кирова продолжилось, однако массовых волн увековечивания его памяти уже не наблюдалось. В 1940–1970-е гг. названия были присвоены в Великом Новгороде (1946), Иваново (1954), Туле (1955), Орле (1958), Чите (1958), Самаре (1961), Братске (1963), Саратове (1966), Самаре (1967), Махачкале (1974), Твери (1976).

Аналогичную картину мы наблюдаем и в случае увековечивания памяти Карла Маркса. Меморативы в честь идеолога марксизма создавались преимущественно в 1920-е гг.: в этот период они появились в Воронеже (1918), Иваново (1918), Казани (1918), Калязине (1918), Кирове (1918), Курске (1918), Екатеринбурге (1919), Пензе (1919), Рязани (1919), Архангельске (1920), Астрахани (1920), Орле (1920), Томске (1920), Челябинске (1920), Симферополе (1920-е), Красноярске (1921), Рыбинске (1922), Пскове (1923), Краснодаре (1926), Оренбурге (1926). В последующие годы присвоение меморативов происходило редко, нами зафиксировано их создание в Лениногорске (1955), Братске (1963), Великом Новгороде (1964), Орле (1968), Твери (1976), Махачкале (1985).

Третий этап формирования рассматриваемого типа названий начался в конце 1980-х гг. и продолжается в настоящее время. В годы перестройки были переосмыслены подходы к созданию топонимов, активно обсуждался вопрос устранения с карт страны персональных меморативов. Результатом широкой общественной дискуссии стала ликвидация ряда персональных меморативов, созданных в 1980-е гг. в честь политических деятелей. Примером подобной отмены ранее принятого решения может служить ситуация с увековечиванием памяти Л. И. Брежнева. 28 декабря 1988 г. Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР постановил: «Поддержать предложения трудовых коллективов, граждан по месту жительства, одобренные местными партийными и советскими органами: о переименовании: Брежневского района города Днепропетровска в Заводской район города Днепропетровска; <...> об упразднении имени Л. И. Брежнева в наименованиях: <...> площадей в городах Киеве и Днепропетровске» [О переименовании ряда административно-территориальных единиц..., 1988]. Примером массового устранения названий в честь политического деятеля советской эпохи являются и урбанонимы, увековечивавшие А. А. Жданова, отвечавшего за идеологию и внешнюю политику страны во второй половине 1940-х гг. Так, в 1989 г. из-за переосмысления его деятельности были ликвидированы меморативы в его честь в Брянске, Казани, Рыбинске, Сыктывкаре, Тольятти

и ряде других городов. Эти решения свидетельствуют об изменении походов к наименованию внутригородских объектов, отказ властей от практики посмертного увековечивания политических деятелей в городской топонимии.

Изучение специфики урбанонимов-посвящений, выявление особенностей существующих разновидностей этого типа названий представляют несомненный интерес для ономастики и социолингвистики. Подобное исследование позволяет выявить ономастический вкус различных исторических периодов и регионов нашей страны, описать наиболее частотные модели названий.

Список источников

1. Декреты Советской власти : в 18 т. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957.
2. Зуева Н. С. Происхождение топонимов города Уссурийска в конце XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — № 7. — С. 144–147.
3. Кадыков А. Н. Улицы, переулки, площади и проспекты г. Владикавказа : справ. — Владикавказ : Респект, 2010. — 512 с.
4. Картавенко В. С. Эволюционные процессы ономастикона города // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. — Уфа : Изд-во БГПУ, 2008. — С. 278–282.
5. Кишаева О. А., Кусова И. Г. Улицы и площади Рязани. Городская топонимия в историческом аспекте. — Рязань, 2019. — 176 с.
6. О переименовании ряда административно-территориальных единиц, предприятий, колхоза, площадей, учебных заведений, других объектов и упразднении в их наименованиях имени Л. И. Брежнева : Постановление ЦК КПСС, Президиума ВС СССР, Совмина СССР от 28 дек. 1988 г. № 1483. — URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Cd1E7wS4ORUbTO3H1&cacheid=E74843ACBD9AD4D3BAA72ED21E9801DA&mode=splus&rnd=vT7rA&base=ESU&n=42733#JkQH7wS25Obggp3K1> (дата обращения: 15.01.2022)
7. Разумов Р. В. Географические термины в системах урбанонимов провинциальных городов // Вопросы ономастики. — 2010. — № 2. — С. 95–100.
8. Разумов Р. В. Русская урбанонимия: полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования. — Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. — 387 с.

Сведения об авторе

Разумов Роман Викторович — к.филол.н., доцент кафедры русского языка Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

А. П. Рассадин, В. Н. Ильин

ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ФОТОАЛЬБОМ (О ВИЗУАЛИЗАЦИИ УРБАНОНИМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ)

Аннотация. Статья представляет собой презентацию фотоальбома «Симбирск-Ульяновск», в котором предпринята попытка собрать часть сохранившихся фотографий уличного пространства исторической части города Симбирска-Ульяновска в его изменениях и современном состоянии. Визуальный ряд органично дополнен необходимой топонимической информацией, так как улицы и переулки за долгие годы своего существования не только претерпевали структурную трансформацию, подчас кардинально меняя свой внешний облик, но и неоднократно меняли свои названия.

Ключевые слова: Симбирск, Ульяновск, фотоальбом, визуализация, урбанонимы.

В настоящее время муниципальное образование город Ульяновск со статусом городского округа включает в свой состав более 1200 улиц, переулков и площадей, как самого областного центра, так и всех сёл, деревень, посёлков, разъездов и железнодорожных казарм, находящихся в границах утверждённой городской черты. Авторы-составители фотоальбома не ставили перед собой цель охватить весь этот огромный топонимический и иллюстративный материал.

Пространственные границы городских улиц ограничены рамками, так называемого Старого города. Под Старым городом имеется в виду историческая часть городской территории, которая принадлежала городу Симбирску на начало XX века.

В современных координатах эти границы проходят: с севера на юг — от улицы Новгородской и улицы Тухачевского (район бывших Кирпичных сараев и Куликовки) до улицы Карсунской (район старого железнодорожного вокзала и бывшей слободы Туть), и с запада на восток — от реки Свияги (с включением бывшей Конно-Подгородной слободы) до реки Волги (с включением бывших Заволжских слобод: Часовни, Канавы и Королевки).

Фотоальбом является логическим продолжением нашего справочного издания — «Симбирские улицы. Топонимический лексикон» (Ульяновск, 2002), куда не были включены фотографии, но дана, на тот момент, наиболее полная характеристика топонимов Старого города. Поэтому в фотоальбоме эволюция (изменения во времени) уличных названий представлена в краткой форме.

Из всех отмеченных нами бульваров, улиц переулков, площадей, спусков исторической части в альбом, в связи с отсутствием у авторов необходимого количества иллюстративного фотоматериала XIX — первой половины XX века (в первую очередь это относится к улицам и переулкам отдаленных городских слобод, а также районов Тутей, Северного и Южного выгонов) вошла лишь половина.

По одним улицам сохранились редкие и не всегда подходящие фото, по другим — практически ничего. Так фактически отсутствуют исторические фото старейших улиц Ульяновска, названия которых, со времени их возникновения, дошли до нас неизменными: ул. Буинская (с 1843 г.), Лесная (с 1843 г.), переулок Молочный (~1866), Набережная реки Свияги (~1882 г.), Карамзинская (с 1900 г.), Пушкинская (с 1900 г.), Карсунская (с 1912 г.).

По известным причинам (историческая застройка, архитектурные памятники, ведомственные и торговые заведения и т.д.) центр Старого города всегда был более привлекателен для фотографирования. Прежде всего, это своеобразный городской Невский проспект — улица Гончарова (см., например, книгу-фотоальбом: Улица Гончарова. Ульяновск.: изд. «Корпорация технологий продвижения», 2015). Этим фактором неизбежно обусловлено непропорциональное количество фотоснимков — где-то больше, а где-то меньше.

Авторы-составители утешали себя надеждой, что фотографии, главным образом, раннего советского периода, возможно, сохранились в семейных и частных собраниях и при их выкладывании в личных блогах и социальных интернет-сетях, станут существенным дополнением к нашему изданию.

Что же касается дореволюционных фотографий и открыток, то их количество невелико, самая большая их подборка дана в издании: Симбирск-350. (Первое издание уникальных исторических фотографий). Ульяновск: изд. «Инсайт-Инфо», типография «Painotalo Miktor Ку» — Helsinki, Finland, 1998. Не исключено, что фотонаходки могут ждать краеведов не только в Ульяновских государственных архивах, но и в архивах других областей России. При использовании альбома необходимо учитывать следующее.

Иллюстративный материал расположен в хронологическом порядке: от улиц прошлых лет (изменившиеся или прежние названия улиц, по которым найдены фотографии, для удобства выделены полужирным шрифтом) до фото последних десятилетий.

Альтернативой фотографиям могли бы быть рисунки профессиональных и самодеятельных пейзажистов, но в данном альбоме мы не преследовали цель включить в него еще и достаточно богатый изобразительный материал, и если отдельные рисунки публикуются, то за неимением под руками другого материала.

Как правило, мы старались указать и источники, в том числе опираясь на широко используемую сейчас практику публикации фотографий, находящихся в свободном (открытом) доступе в интернете. Ссылки на искомые сетевые ресурсы, часто дублирующие друг друга, опускаются.

В квадратных скобках, там, где точно известен источник, содержатся ссылки на архивный фонд Ульяновского краеведческого музея или использованные полиграфические издания (см. порядковый номер источника в разделе «Библиография»).

Отдельные упоминания о тех или иных организациях и учреждениях, располагавшихся или расположенных в конкретных зданиях, связаны с предполагаемым временем или точным годом фотосъемки. В различных источниках может встретиться разное наименование (краткое или официальное) того или иного учреждения, вплоть до его ликвидации или переезда на новое место, естественно могли меняться и конфигурация улиц, нумерация домов и т.д. Досконально эти изменения в фотоальбоме не прослеживаются.

Датировка названий улиц, переулков и пр. дореволюционного периода в основном определялась по городским планам Симбирска, время появления названий советского времени — на основании выявленных документах городской власти. Все спорные случаи (в том числе и в датировке некоторых фото) обозначаются знаком ~, эти даты могут служить лишь временным ориентиром.

Кроме наименований номерных улиц и переулков (например, 3-го Интернационала / в фотоальбоме в обратном порядке — Интернационала 3-го), названия расположены по алфавиту, в соответствии с Официальным Реестром наименований улиц, переулков и площадей города Ульяновска (Приложение №1 к постановлению мэра города от 21.05.1999 г. №1198.).

Для сравнительного восприятия улиц, представлены два плана, наиболее полно отражающих городскую планировку (состав улиц, их взаимное расположение): план Симбирска 1898 г. и план исторической части Ульяновска 2022 г.

В заключение хотелось бы привести несколько примеров расположения материала из презентуемого издания:

Верхнеполевая улица. На странице публикуются две фотографии. Слева — сохранившееся фото 1977 года (более ранних не найдено) с указанием нумерации домов. Справа — фото того же участка улицы (с изменившейся нумерацией домов) 2019 года. Собственно топонимическая информация разделена на три части.

В первой части указывается, с какого года за улицей закрепилось современное название — с 1898 года, и как она расположена на топографической карте — проходит от улицы Можайского до улиц Кролюницкого и Кооперативной.

Во второй части — объясняется происхождение названия. По мнению авторов, уличная застройка осуществлялась в XIX веке на частных землях (полях), которые делились на Верхнее поле и Нижнее поле.

В третьей части — перечислены прежние названия улицы: Полевая ул. — в 1874 г.; Полевая верхняя ул. — с 1898 г. до 1904 г., в 1913 г.; Верхне-Полевая ул., — в 1904 г.; Полевая ул. — в 1925 г.

По такому же принципу размещаются и другие фото, например, улица Красногвардейская, которая претерпела за много лет своего существования большое количество переименований. Собственно Красногвардейской она стала в 1933 году. А до этого именовалась Буинской, во всяком случае этот урбаноним впервые встречается в документах с 1780 г. В 1843 году она стала Казанской малой; с 1866 г. до 1918 г. с изменением написания — Малой Казанской (или Мало-Казанской), а в эпоху становления советской власти короткое время (с 1918 г. до 1928 г.), прежде чем к ней ~~ей~~ вернулось, и тоже ненадолго, старое дореволюционное название, побывала даже улицей Адлера (Адлеровской).

Многие названия, ставшие для горожан привычными, имели свою биографию, о которой, как правило, не догадываются современные горожане. Например, одна из центральных улиц города носит имя Ленина. До 1918 года она была Московской, а с XVII века до 1800 года именовалась Большой Свяжской. Здесь находился дом семьи Ульяновых, в котором прошло детство будущего вождя мирового пролетариата.

Название Московской улицы объясняется просто: по ней и по Богоявленскому спуску к реке Свяга, проходила дорога на Москву. Именно этой дорогой (и этой улицей) когда-то въезжали в Симбирск А. Пушкин, И. Гончаров, Д. Минаев и многие другие.

Получается, что название улицы Ленина не сводится к имени только вождя мирового пролетариата. А топонимика является не только явлением языка, но отражает глубинную историю города, его культуры. Представленный фотоальбом не претендует на академизм, он скорее направлен на неискушенного читателя, в современных реалиях более погруженного в визуальный мир интернета.

Фотоальбом скорее популяризует, делает более доступной, сухую топонимическую информацию, делая ее наглядной и привлекательной для восприятия. В этом заключалась главная цель издания.

Сведения об авторах

Рассадин Александр Павлович — к.филол.н., ведущий научный сотрудник Института истории и культуры Ульяновской области; **Ильин Вячеслав Николаевич** — независимый исследователь, краевед (Ульяновск, Россия).

Е. В. Сабиева, М. Е. Какимова, Н. А. Габдулина

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОМИНАЦИИ ЭРГОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПЕТРОПАВЛОВСКА (КАЗАХСТАН)*

***Аннотация.** Данная статья посвящена изучению эргонимов детских учреждений, функционирующих в ономастическом пространстве г. Петропавловска. Процесс номинации данных объектов в представленной статье исследуется в прагматическом и лингвокультурологическом аспектах. Анализируются основные способы номинации, среди которых выделяются словообразовательные, лексические, мотивационные, ассоциативные. Материал исследования представлен наименованиями казахских, русских и английских эргонимов. В статье предпринята попытка выявить специфические особенности данного вида периферийной ономастической лексики с учетом их языковой принадлежности.*

***Ключевые слова:** эргонимы, ономастическое пространство, номинация, мотивация.*

Ономастикон города является значимым элементом городской культуры, оказывает существенное влияние на социокультурное пространство города. Оно также реализует механизмы социокультурной коммуникации.

Несмотря на то, что данный разряд ономастического пространства мало изучен, он остается в центре интересов ведущих филологов.

А. В. Суперанская неоднократно подчеркивала, что ономастика, или онимия, как совокупность наименований всех имен собственных, связана со всеми сферами человеческой жизни и деятельности. Поскольку данный разряд лексики характеризует, прежде всего индивидуализация объекта или его идентификации, т.е. происходит процесс выделения объекта из ряда подобных ему. [Суперанская, 1973: 324].

Ономатологи, характеризуя ядро и периферию ономастического пространства, отмечают как одно из основных специфических черт периферии его динамичность и «быстротечность». Поскольку периферийная лексика реагирует быстрее на изменения окружающего пространства и социума.

Эргонимы, обладая высокой экстралингвистичностью, могут подчеркнуть важность и авторитетность номинированного объекта, высокий уровень качества произведенной, проделанной

© Сабиева Е. В., Какимова М. Е., Габдулина Н. А., 2023

* Статья написана в рамках проекта ИРН АР 19676219 «Интегральное исследование топонимического ландшафта приграничных районов Северного Казахстана и Российской Федерации.

продукции или предоставляемой услуги. Как следствие привлекается внимание нужной целевой аудитории, закрепляется положительный образ продукта деятельности в сознании потенциального клиента, для укрепления позиции продукта на рынке аналогичных товаров или услуг [Зеленин, Буторина, 2016: 53]

Активно используются номинаторами слова-символы, вызывающие положительные ассоциации, для создания имиджа предприятия, что является современной тенденцией в области номинации и для детских учреждений.

М. Э Рут утверждает, что при выборе наименования, номинаторы отказываются от универсальной практики, когда название зависит от национального языка. У большинства выявленных случаев отмечается лишь речевое воздействие на адресата, их цель — привлечь внимание клиентов, вызвать эмоциональный отклик и положительную ассоциацию, а также мотивацию на покупку предлагаемых товаров. Эта специфика особенно заметно в применении языковых средств, связанных с традициями, реалиями страны, а также с историческими и культурными ассоциациями [Рут, 2018: 136].

В статье рассматриваются эргонимы детских учреждений региона, опираясь на их языковую принадлежность (русские, казахские, английские наименования). В основе исследования лежат принципы адресности, которые учитывают социальные, возрастные, культурные и генетические особенности восприятия при выделении данной группы эргонимов. Этот принцип является приоритетным при выборе названия для различных объектов.

Детские эргонимы имеют множество общих черт, одной из которых является наличие знаков адресации в названиях объектов. При номинации детских объектов общие принципы применяются избирательно, перераспределяются по степени значимости. Принцип краткости названия уступает место принципу ассоциативности, явно доминирующему при выборе названия объекта. Преобладают наименования, относящиеся к лексеме «детство».

Для их создания используется самая разнообразная частиречная лексика:

- **существительные** «*дети*», «*кроха*», «*ребёнок*», «*мальши*»; «*дочка*», «*сыночек*»;
- **прилагательные** «*детский*», «*маленький*».

Отмечается частотное употребление казахских и английских лексем:

- **казахские** «*бөпе*», «*бала*»;
- **английские** «*baby*», «*kid*» и другие иноязычные варианты, например, *bambino* (итал.), *Kinder* (нем.) и др.

Приведем примеры эргонимов, согласно предлагаемых услуг.

- *магазин детских товаров «Детский мир», «Kinder» (нем.«ребенок»);*
- *детский сад «Мальши»;*
- *ясли-сад «Кроха», «Балдырган», «Балдәурен» (каз. «дети от 3-5 лет»);*
- *магазин детской одежды «Дочки-сыночки», «Детки Петро», «Бөпе шоп» (каз. «мальши»), «Топ Kids», «Fox kids», «Elf kids» (англ. «дети»);*
- *детский развлекательный центр «Уютное местечко для детей», «Kinder Land» (нем.«страна детей»);*
- *детский центр «Умный ребенок», «Kid-Гуру» (англ.«ребенок»);*
- *кафе «Детская Забава».*

Аналогично ассоциативность с детством возникает за счет использования существительных и их производных с уменьшительно-ласкательными суффиксами (— *ушк-, -очк-, -ышк-, -ечк-, -инк-, -ок-, -ек-, -чик-, -щик — и др*):

- *детские сады «Аленушка», «Ивушка», «Ласточка», «Петушок», «Росинка», «Василек», «Искорка», «Снежинка», «Солнышко», «Знайка», «Колокольчик»;*
- *магазин детских товаров «Капитошка», «Растишка», «Одежка»;*
- *детский клуб «Чердачок».*

Отдельную группу составляют слова из «детской» тематики:

– *детские сады, ясли-сады* «Добрая сказка», «Айгөлек» (каз. *детская игра*), «Алтын бесік» (каз. *«золотая колыбель»*), «Алақай» (каз. *ликование в детской речи*), «Жуырмаш» (каз. *детская песня*);

– *детский центр* «АБВГДЕйка».

Имеются также иноязычные слова с различной степенью ассимиляции в русском языке:

– *магазин товаров для малышей* «Бэби-бум», «Бэби-мам», «Petropodguz» «Super nappi».

Отметим также звукоподражательные слова (ономатопея)

– *плавание для грудничков* «Буль-буль».

Часть детских объектов содержат отсылку к сказкам и мультипликационным фильмам.

В детских эргонимах используются лексемы «сказка», «волшебный», «добрый»:

– *детский сад* «Добрая сказка»;

– *магазин одежды* «Волшебный Мир».

Названия сказок:

– *детские сады* «Аленький цветочек», «Алпамыс»;

Имена сказочных персонажей:

– *детский сад* «Аленушка»;

– *магазины* «Гулливвер», «Айболит», «Буратино», «Арлекино»;

– *магазин детской обуви* «Золушка»;

– *магазин детской мебели* «Папа Карло».

Герои мультипликационных фильмов:

– *магазин одежды* «Чипполино»;

– *магазин товаров* «Тимон и Пумба»;

– *магазин игрушек* «Катитошка»;

– *игровой клуб* «Alice Club».

Важно отметить, что в процессе номинации объектов наблюдается также визуальный элемент, который привлекает внимание детей и родителей. Что способствует развитию познавательных способностей детей и расширению их кругозора.

Ассоциация с детством осуществляется через социальные роли членов семьи, где ключевым компонентом являются слова «мама», «ребенок»:

магазины одежды «Мама и малыш», «Мама маме», «Baby tot», «Дочки-сыночки».

При номинации используются также слова, содержащие оценочную соотнесенность, характеристику или похвалы детей:

– *центры для развития детей* «Всезнайка», «Знайка», «Умный ребенок», «Smarty kids» (англ. *«умные дети»*);

– *детские сады* «Кроха», ясли-сады «Нұр бөбек», «Нұр бала» (каз. *«солнечный, лучистый ребенок»*), «Батыр»;

– *магазин полезных игрушек* «Мир развивашек»

– *кабинет детского развития* «Молодец!»;

– *детский клуб* «Stars» (англ. *«звезды»*);

– *магазины одежды* «Lucky kids», «Perfecta kids» (англ. *«счастливые, идеальные дети»*).

Встречаются наименования, выражающие чувства любви и нежности к ребёнку:

– *детские сады* «Солнышко», ясли-сад «Ақ бота» («каз. *«белый верблюжонок»*);

– *магазин одежды* «My lovely.kz» (англ. *«мой любимый/ая»*);

– *магазин платьев* «Куколка Петро».

Употребление глагола «расти» в различных формах также является частотным для ассоциации с детским возрастом:

– *магазины одежды* «Растишка», «Rasti.kz».

При номинации детских объектов используется ассоциативный эффект в значении «множественность», «совокупность». С этой целью активно используются такие имена существительные как «океан», «караван», «империя», «мир» и др.

– магазин игрушек «Океан подарков», «Караван подарков», «Бутик игрушек», «Империя детства», «Страна игрушек», «Мир игрушек».

В наименованиях детских объектов включаются слова с положительной семантикой и оценочными значениями:

- аттракцион «Весёлые горки»;
- семейная парикмахерская «Веселый цирюльник»;
- кофейня «Счастье»;
- «дружба» (кафе «Friends»);
- «интеллект» (центры развития «Всезнайка», «Вундеркинд»);
- «талант» (детский развивающий центр «Талант»);
- «жизнь» (центр развития «Academy of life» (англ. «академия жизни)).

Данные эргонимы выполняют воспитательную функцию, способствуют формированию ценностных ориентиров, развитию позитивного мировосприятия, воображения и творческого мышления детей, стимулируют их к познавательной активности.

Особенностью эргонимической номинации региона является использование латиницы при номинации объекта, что продиктовано модным веянием последнего десятилетия. Так, Ш. К. Жаркынбекова и Ж. А. Агабекова отмечают, что переход на латиницу повлиял на общую картину лингвистического ландшафта города. В визуальном пространстве города становится заметным увеличение количества разных эргонимов, представленных латиницей [Жаркынбекова, Агабекова, 2022: 153]:

- магазины одежды «Baby room», «Baby Dany», «Baby Leon», «Bambini», «Babe style», «Baby time», «Baby shoes», «Baby look», «Dream shop», «Sweety dreams», «My happy kids», «Kids Fun», «Hello kids», «Premium kids»;
- центр изучения английского языка «Happy English»;
- кофейни «With love», «Family club kids», «Time cafe», «Family time», «BarbiQ»;
- центры развития «Smart kids», «Stars».

Подобные слова вызывают познавательный интерес у детей и стимулируют изучение иностранных языков. Все эти факторы позволяют эргонимам быть уникальными и привлекательными для детей, мотивирующим фактором.

При номинации объектов необходимо руководствоваться принципами нейминга, с учетом особых обстоятельств в зависимости от типа объекта и возрастной группы целевой аудитории. [Морозова, 1976: 31]

Материал исследования показал, что активно используется принцип ассоциативности с основным компонентом «детство».

Большинство эргонимов несут смысловую нагрузку и остаются оригинальными. В зависимости от типа детского объекта, выбираются соответствующие языковые средства для его номинации.

Мотивированность эргонимов региона представлена разными классами ономастического пространства. Казахские и английские детские эргонимы достаточно часто носят информативный характер.

Метод сплошной выборки (материалы информационной базы «2ГИС», рекламы в СМИ, соцсеть «Instagram», онлайн карты г. Петропавловск,) позволил определить количественный состав:

- эргонимы, написанные на латинице (17,4 %).
- эргонимы с лексемой «ребенок» и его производные (14,2 %).
- эргонимы содержащие имена прилагательные оценочного характера (13,4 %);
- эргонимы с уменьшительно-ласкательными суффиксами (12,6 %);
- эргонимы с отсылками к сказкам и мультипликационным фильмам (11,1 %);
- эргонимы с положительной коннотацией (5,6 %) и др.

Детские эргонимы играют важную роль в формировании личности и поддержании культурных традиций в подрастающем поколении, делая их уникальными и ценными для современного детского мира.

Исследование показало прагматическую направленность эргонимов, предполагая речевое воздействие номинатора на адресата. Исследуемые онимы оказывают сознательное влияние на целевую аудиторию с целью достижения конкретного коммуникативного эффекта. Это подчеркивает важность использования соответствующих эргонимов при создании коммуникационных стратегий и продвижении детских объектов.

Список источников

1. Жаркынбекова Ш. К., Агабекова Ж. А. Топонимическая трансформация города (на примере Нур-Султана) // Ономастика Поволжья : материалы XX Междунар. науч. конф. — Элиста, 2022. — С. 153–157.
2. Зеленина Т. И., Буторина Н. В. Коммуникативно-прагматический аспект эргонимов (на материале русского языка) // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». — 2016. — Т. 26, вып. 6. — С. 50–53.
3. Морозова М. Н. Названия бытовых, торговых, культурных объектов в городах Поволжья // Ономастика Поволжья. — Саранск, 1976. — С. 31–39.
4. Рут М. Э. Объект и субъект номинации : палитра соотношений // Лингвистика креатива — 4 : коллективная моногр. / под ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург, 2018. — С. 136–157.
5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М. : Наука, 1973. — С. 365–366.

Сведения об авторах

Сабиева Елена Викторовна — к.филол.н., директор института языка и литературы Северо-Казахстанского университета имени М. Козыбаева; **Какимова Майра Еренгаиповна** — к.филол.н., заведующий кафедрой германо-романской филологии Северо-Казахстанского университета имени М. Козыбаева, **Габдулина Нурайым Асановна** — магистрант Северо-Казахстанского университета имени М. Козыбаева, специальность «Русский язык и литература» (Петропавловск, Казахстан).

О. В. Салынова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЭРГОНИМЫ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ КАЛМЫКИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию имен собственных, которые послужили источником образования этнокультурных эргонимов Калмыкии. Отмечается, что наиболее частотными являются антропонимы, топонимы, этнонимы, поэтонимы, фитонимы. Установлено, что трансонимизация является одним из самых распространенных способов образования эргонимов.*

***Ключевые слова:** эргоним, рекламный текст, этнокультурный, трансонимизация, антропоним, топоним, этноним, поэтоним*

Эргонимы как раздел урбанонимов постоянно пополняются новыми примерами, что вызывает интерес ученых и подтверждает актуальность данной темы. Эргонимы отражают социокультурные и экономические изменения в жизни современного общества.

В исследовании рекламного имени И. В. Крюкова определяет эргонимы как «собственное имя любого делового объекта: завода, фабрики, коммерческого предприятия, общества, союза, творческого коллектива» [Крюкова, 2007: 21]. Эргонимам характерны «структурно-семантическое разнообразие, слабая структурированность и системность, орфографическая нестабильность,

а также недолговечность, изменчивость» [Крюкова, 2004: 21]. Еще одной отличительной чертой эргонимов является «высокая социальная мотивированность их номинации» [Донскова, 2011: 12].

В рекламных текстах Калмыкии, содержащих этнокультурные эргонимы, отражен национальный колорит республики, языковая и культурная специфика калмыцкого народа, выраженная лингвистическими и экстралингвистическими средствами. Рассматриваемые рекламные тексты содержат информацию о культуре калмыцкого народа, а применяемые национальные эргонимы являются одними из носителей культурного кода [Гафурова, 2011: 132]. Так, нами выделены этнокультурные эргонимы, образованные от антропонимов, топонимов, этнонимов, поэтонимов, фитонимов.

Таким образом, можно сделать вывод, что одним из самых распространенных способов образования эргонимов является трансонимизация, т.е. переход имен собственных из одного разряда в другой. Создание новых креативных форм имени собственного по моделям языка на основе уже существующего эргонима подтверждает тесную взаимосвязь между эргонимами разных разрядов.

В XX в. в лингвистике начал формироваться новый подход к анализу языкового материала через призму антропоцентризма. В это же время трансонимизация приобретает особое положение, так как эргонимы, образованные от антропонимов, приобретают широкую популярность, что подтверждается и в нашем исследовании.

В настоящее время отмечается рост популярности калмыцких имен, что находит и отражение в наименованиях предприятий и деловых объединений на территории республики: «Байрта» (торговый центр), «Эльзята» (бренд одежды в национальном стиле), «Хонгр» (магазин сувениров с национальной символикой), «Даяна» (ресторан калмыцкой кухни), «Герел» (центр здоровой семьи), «Айс» (столовая), «Баина» (продуктовый магазин) и др.

Если рассуждать об этнокультурной составляющей данных эргонимов, то можно предположить, что в ряде случаев «национальное» название магазина мотивировано спецификой продаваемых товаров и услуг: национальных сувениров и товаров с буддийской символикой, национальной одежды, блюд калмыцкой кухни.

Одним из популярных калмыцких имен является мужское имя *Джангар*, которое часто применяется в качестве эргонима, например, спортивный клуб «Jangar». Следует отметить, что имя *Джангар* является национально-прецедентным. Богатырь Джангар, главный герой одноименного калмыцкого народного эпоса «Джангар», отличался силой, смелостью и выносливостью. Название данного спортивного клуба является мотивированным, так как спортсмен должен быть сильным, смелым и выносливым как богатырь Джангар. Кроме того, на логотипе клуба изображен всадник с луком на коне, что также вызывает ассоциации с богатырем Джангаром.

Т. В. Федотова отмечает, что «семантика эргонимов, основанных на прецедентных именах, содержит культурологическое наполнение, формируемое культурно значимыми концептами и ассоциациями, а применение прецедентных имен в составе эргонимов является выражением значимости исторического лица для имядателя, запечатление в эргониме своих этнолингвистических или фольклорных знаний» [Федотова, 2018: 100]. Н. В. Шимкевич называет подобные эргонимы «культурно обусловленными» и относит их к прагматическим, «оказывающим выраженное речевое воздействие на адресата» [Шимкевич, 2002: 15]. Согласно А. А. Трапезниковой, прецедентные имена в эргонимах являются мотивированными так как относятся к разряду фоновых знаний языковой личности [Трапезникова, 2009: 68].

Наряду с антропонимами, топонимы являются одним из самых частотных источников образования эргонимов в Калмыкии, а процесс перехода топонима в эргоним называется транстопонимизацией. Топонимы могут быть представлены и в прямом значении, и в роли прецедентного имени. Согласно Т. В. Федотовой, «оттопонимичные эргонимы имеют собственно топонимическое (прямое географическое) значение, которое объединяется с эргонимическим значением, что является результатом метонимического переноса, или топонимической метонимии. Метонимическая информационная локативность способствует указанию на деятельность или предлагаемые товары с точки зрения места производителя или места деятельности предприятия» [Федотова, 2018: 101], например, эргоним «Троицкие колбасы». Мясной комбинат «Троицкие колбасы», расположенный в с. Троицкое республики Калмыкия, уже более 15 лет производит колбасные изделия и полуфабрикаты. Данная продукция представлена на территории всей республики и является своего рода брендом.

Самым популярным топонимом в эргонимах Калмыкии является топоним *Элиста*, который применяется в 24 эргонимах. Элиста является столицей Республики Калмыкия. «В балке *Элиста* имели свои стоянки калмыки, кочевавшие по степи. Они дали наименование балке и речке, назвав их словом *Эльста* ‘с песком, песчаная’» [Кичикова, 2017: 231].

Будучи символом национальной самобытности калмыцкого народа, топоним *Элиста* выполняет прагматическую функцию. Применение топонима *Элиста* в составе эргонимов актуализирует фоновые знания и представления, связанные с прошлым культурным опытом калмыцкого языкового сообщества.

В некоторых рекламных текстах применяются составные эргонимы, составленные по схеме «топоним *Элиста* + название рекламируемого товара»: «*Элиста* Окна», «*Элиста*-Мебель», «*Элиста* двери», «Реклама *Элиста*» и др.

Кроме того, топоним *Элиста* является составной частью сложных эргонимов: ЖСК «*Элсити*», «*ЭлМос*» (пассажирские перевозки), «*Орто-Элис*» (магазин ортопедическая обуви).

В отличие от эргонимов, образованных от антропонимов и топонимов, эргонимы, имеющие в составе прямые указания на этнос, менее частотны: нами выявлено 12 подобных эргонимов. Происхождение этнонимов подробно описано в исследовании «Этнолингвистические особенности рекламных текстов Калмыкии на русском языке» и отмечено, что «калмыцкий этнос имеет несколько этнонимов: *калмык*, *хальмг*, *улан залата*» [Салынова, 2023: 276]. Все три этнонима представлены в эргонимах на территории Калмыкии.

В названиях кафе применяется этноним *калмык* и отэтнонимные дериваты: «*Калмыцкая* кухня №1», «*Калмыцкая* кухня», «*Любезная калмычка*», «*Калмычка*». Данные эргонимы, несомненно, являются мотивированными, так как представляют национальную культуру через блюда калмыцкой кухни. А эргоним «*Любезная калмычка*» отсылает адресата к посвящению А. С. Пушкина «*Калмычке*», которое начинается с обращения «Прощай, любезная калмычка ...», получившим статус прецедентного текста. «Само событие (встреча поэта с калмычкой) обрело статус прецедентного феномена, поскольку неоднократно упоминается в самых разных текстах, как в устной, так и в письменной формах. Оно вызывает в сознании людей однозначную и неслучайную реакцию: Пушкин — «любезная калмычка» — встреча в степи» [Есенова, 2014: 139].

В пяти эргонимах применяется этноним *улан зала(та)*. Красная кисть *улан зала* на калмыцком головном уборе является одним из маркеров этнической культуры калмыков. Т. И. Шараева отмечает, что «до начала XX в. калмыки называли себя «улан залата» или «улан залата хальмг», т.е. «носящие красную кисть» или «краснокисточные калмыки», вкладывая в эти слова смысл этнонима, равного по значению термину *калмык*» [Шараева, 2017: 54].

Общественная организация «Улан залата» представляет клуб калмыцких землячеств, целью которого является объединение калмыков в Москве для общения и проведения культурных, религиозных и спортивных мероприятий, пропагандирующих калмыцкую культуру, историю и традиции.

Наряду с приведенным выше примером, применение этнонима *улан зала* в названиях танцевальной группы и магазина сувениров является мотивированным. Являясь этнокультурным маркером калмыков, этноним *улан зала* в составе эргонимов определяет специфику деятельности деловых объединений.

В составе названия этнотура «Адык — Страна Бумба» применяется поэтоним *Страна Бумба* (калм. *Бумбин Орн*). Понятие «поэтоним» применяется для обозначения онима в художественном тексте и определяет его как имя собственное художественного текста, которое отличается «принципиальной динамичностью содержания, неустойчивостью принадлежности к ономастической или апеллятивной лексике» [Калинкин, 1999: 62]. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» действие происходит в Стране Бумба, стране счастья и благоденствия, образ которой послужил основой для нового туристического маршрута. Данный поэтоним также послужил источником названия народного ансамбля песни и танца Калмыцкого университета «Бумбин Орн», основным репертуаром которого являются калмыцкие песни и танцы. Кроме того, поэтоним *Страна Бумба* в транслитерированном виде применяется в названии фирмы мебели на заказ «Boomba.pro» с изображением кибитки на логотипе.

Помимо поэтонима *Страна Бумба*, в эпосе «Джангар» встречается поэтоним *Аранзал* — верный конь богатыря Джангара. Данный поэтоним послужил источником названия фирмы пассажирских перевозок «Аранзал экспресс» и автошколы «Аранзал». Можно предположить, что при выборе названий владельцы данных организаций отождествляли ее с Аранзалом, которому были характерны такие черты как надежность и скорость.

В калмыцком языке широко представлена лексика, обозначающая флору. Названия степных растений, входящие в субконцепт «степь», положены в основу многих поэтических образов калмыцкого фольклора и поэзии, где наиболее часто воспевается *бамб цецг* ‘тюльпан’ [Есенова, 2011: 43].

Тюльпан считается символом калмыцкой степи, что подтверждается в «Сказании о степняках-калмыках» М. Хонинова, который называет тюльпан эмблемой и символом степи [Хонинов, 1977: 3]. В поэме «Мы — корни вечные Земли» Константин Эрендженов сравнивает тюльпаны со *степными детьми, шелковым магнитом* притягивает тюльпан Босю Сангаджиеву («Тюльпаны»), *талисманом любви* становится для Риммы Ханиновой («Цветок степной, неприхотливый...»), а Вере Шуграевой видятся они *солдатскими звездами* («Солдатские звезды»).

Фитоним *тюльпан* послужил источником для наименований продуктовых магазинов, мини-маркета, хостела, мебельного салона и др. В честь символа калмыцкой степи — тюльпана назван Государственный академический ансамбль песни и танца «Тюльпан», основным репертуаром которого являются калмыцкие песни и танцы. Фитоним *тюльпан* применяется в названии ресторана «Тюльпан», оформленном в национальном стиле и предлагающим своим гостям блюда калмыцкой кухни. Данные эргонимы мотивированы родом деятельности ансамбля и ресторана, так как направлены на сохранение и популяризацию калмыцкой культуры.

На протяжении 10 лет в Калмыкии проводится Фестиваль тюльпанов, любившийся местным жителям и туристам. Данный фестиваль призван популяризировать калмыцкую культуру, ее историю, традиции, а также привлечь внимание к сохранению тюльпанов, один из видов которых занесен в Красную книгу Российской Федерации.

И. В. Крюкова отмечает, что «ономастическая лексика в целом обладает высокой национально-культурной знаковостью, так как любой оним в сфере языка и культуры воспринимается на фоне определенных ассоциаций» [Крюкова, 2004: 57]. «Национально-культурная специфика коннотации локализуется во внутренней форме наименования. Ее осознание в такой же мере присуще носителям языка, как национально-культурный тип знания» [Телия, 1986: 109].

Таким образом, применение национальных имен собственных в рекламных текстах и эргонимах вызывает интерес к рекламируемому товару или услуге, усиливает национальное чувство адресата и тем самым выполняет рекламную функцию онима. В рекламном тексте ономастическая лексика выполняет воздействующую функцию и играет положительную роль в восприятии рекламного текста, при условии подбора в соответствии с национальными особенностями целевой аудитории.

Список источников

1. Гафурова А. А. Национальные топонимы в татарских рекламных текстах // Филология и культура. — 2011. — № 1 (23). — С. 132–136.
2. Донскова О. А. Особенности связей поверхностного и глубинного уровней семантики онима // Университетские чтения. — 2011. — № 7. — С. 11–16.
3. Есенова Г. Б., Есенова Т. С. «Калмычка» как знак русской художественной культуры // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания. — 2014. — № 3. — С. 139–144.
4. Есенова Т. С. «Земля» как лингвокультурный концепт ментального мира калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — С. 39–43.
5. Калинин В. М. Поэтика онима. — Донецк, 1999. — 408 с.
6. Кичикова Н. А., Манджиева Э. Б., Супрун В. И. Топонимический словарь Республики Калмыкия. — Элиста : Джангар, 2017. — 272 с.
7. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. — Волгоград : Перемена, 2004. — 288 с.

8. Крюкова И. В. Волгоградская эргонимия в диахроническом аспекте // Вестник ВолГУ. — 2007. — № 6. — С. 21–26.
9. Салынова О. В. Этнолингвистические особенности рекламных текстов Калмыкии на русском языке // Неофилология. — 2023. — Т. 9, № 2. — С. 274–283.
10. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М. : Наука, 1986. — 144 с.
11. Трапезникова А. А. К вопросу о классификации эргонимов (на материале коммерческих наименований Красноярска) // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 2 (14). — С. 68–70.
12. Федотова Т. В. Источники эргонимической номинации // Научный вестник Южного института менеджмента. — 2018. — № 2 (22). — С. 98–104.
13. Хонинов М. В. Сказание о степняках-калмыках. — М. : Сов. Россия, 1977. — 64 с.
14. Шараева Т. И. Этнические маркеры калмыков: исследование и материалы. — Элиста : КалмНЦ РАН, 2017. — 288 с.
15. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. — 27 с.

Сведения об авторе

Салынова Ольга Васильевна — старший преподаватель кафедры германской филологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия).

Т. П. Соколова

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ГОРОДСКОМ ОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***Аннотация.** В статье на примере городских коммерческих названий (преимущественно московских) рассматриваются основные приемы языковой игры как лингвокреативной деятельности в онимическом пространстве — поликодовом медиатексте, выявляются продуктивные тенденции и факторы номинации, в том числе юридические.*

***Ключевые слова:** нейминг, поликодовый оним, языковая игра, каламбур, графогибридикация.*

Языковая игра (ЯИ) — «наиболее яркое проявление лингвокреативного потенциала языковой личности» [Гридина, 1996: 14], хотя этот потенциал шире и включает креативные практики в разных видах деятельности. Понятие языковой игры трактуется лингвистами широко, но общим признаком остается сознательное отступление от языковой нормы: от каламбурной замены одного звука (буквы) в слове до комического обыгрывания целого текста. В ставшей классической трактовке Т. А. Гридиной языковая игра является «формой лингвокреативного мышления, эксплуатирующей механизмы ассоциативного переключения узуального стереотипа восприятия, употребления, создания языковых единиц и характеризующуюся условностью и интенциональностью — установкой на творчество, экспериментом над знаком на основе различных операциональных механизмов и лингвистических приемов его трансформации и интерпретации» [Гридина, 1996: 54]. В. З. Санников считает, что в основе ЯИ лежит некоторая языковая неправильность, при этом неправильность «допускаемая» [Санников, 2002: 23].

Р. А. Воронин, рассматривая языковую игру как лингвокреативную деятельность, кроме классической философской концепции Л. Витгенштейна, выделяет современные концепции языковой игры: языковая игра как результат установки на новизну формы; языковая игра как преднамеренное нарушение языковых норм; языковая игра как использование потенциала языковой системы в рамках существующих норм; языковая игра как эквивалент разговорной речи; языковая игра как лингвистический эксперимент; языковая игра как выражение комического; языковая игра как средство высвобождения аффекта [Воронин, 2015: 1353–1360].

Перечисленные концепции, на наш взгляд, пересекаются: лингвистический эксперимент может быть установкой на новизну формы и одновременно выражением комического, а последнее в то же время являться средством высвобождения аффекта и т.д. В той или иной мере все вышеперечисленные концепции проявляются в нейминге как лингвокреативной деятельности. Однако в лингвистическом аспекте более продуктивно использовать типологию технических приемов, способов реализации языковой игры, которые проявляются в городской номинации.

Вывеска представляет собой поликодовый оним — визуальное медиасообщение, созданное не только вербальными средствами, но и композиционными, графическими, в том числе шрифтовыми, колористическими, рисуночными. Сочетание компонентов разных семиотических систем приводит к созданию в городском пространстве семиотических комплексов, обеспечивающих реализацию аттрактивной, информативной, экспрессивной, реже эстетической функций, а также прагматическое воздействие на адресата [Соколова, 2019: 198].

Самой распространенной в городском онимическом пространстве является **графическая языковая игра**. Для выделения своего объекта из множества подобных номинаторы используют размер шрифта, часто прибегая к **капитализации**: «СольФаСоль» (капитализация оформляет слоган семейного ресторана «Мелодия вашего вкуса»), «ВьетКафе» (кафе с вьетнамской кухней); *Детский центр развития* «насТРОЕние» (прием «матрешки» использован для семантической актуализации); *бар пивных радостей* «Элли уНесЛЮ» (двусмысленность глагольной семантики обыгрывается отсылкой к НЛЮ — неопознанному летающему объекту); сеть алкогольных магазинов «ЛейПей» (капитализация для разбивки на смысловые компоненты и актуализации созвучия, а также грамматической актуализации императива-пожелания).

Графогибридизация — «оформление новообразований с помощью графических средств разных языков» [Попова, 2017: 68], несмотря на тенденцию к русификации городских вывесок, по-прежнему распространена (часто в сочетании с капитализацией): ресторан «ПОД ПЛЕДОМ» (капитализация не только меняет визуальный облик названия, но и семантизирует формант «дом»); пекарня «БУЛКИ» (за счет замены русской буквы «Л» латинской «L» достигается юридическое требование самобытности коммерческого наименования), *стрипфуд шаверма 24 часа* «VЛAVАШЕ»; *магазин профессиональной косметики* «БиGOODи» (прием «матрешки» актуализирует положительную оценку товаров); пиццерия «PuZZiko» (невербальный компонент — изображение пузатого человечка — проясняет семантику целого слова, капитализация ZZ указывает на тип заведения, так как широко используется на вывесках именно в слове Pizza); *гастробар* «Наффига козе баян!?!» (за счет графогибридизации осуществляется маскировка грубо-просторечного *на фига* — ‘зачем, для чего, к чему (нужно, сдалось и т. п.)’ [Федоров, 2008]; *магазин сантехника, электрика, крепеж* «РУКОjob» (графогибридизация в сочетании с капитализацией не только выделяет разноязычные компоненты онима, но и способствует ироничной интерпретации неологизма с помощью отсылки грубо-просторечному, вульгарному прилагательному *рукожопый* — ‘криворукий, не обладающий умением делать, неквалифицированный’ [Тришин, 2013]; ресторан «БарKas» (за счет графогибридизации и капитализации выделяется компонент *бар*, в то же время меняется облик апеллятива *баркас* — ‘шлюпка, небольшое судно’ [Ефремова], указывающего на месторасположение ресторана на берегу Химкинского водохранилища). В названии ресторана «Kot Шрёдингера» сложная графогибридизация объясняется прежде всего юридическими причинами — избежать сходства до степени смешения с известными феноменами.

Основным компонентом **поликодового медиатекста** в городском онимическом пространстве остается вербальный (слово, словосочетание, предложение), дополненный невербальным компонентом: «ГАСТРОРЮМОЧНАЯ» (вместо центральной буквы «Ю» изображение рюмки), кафе «СЕЛИ ПОЕЛИ» (вместо «О» чашка на блюде), барбершоп «ФРАНТ» (вместо центральной буквы «А» раскрытая опасная бритва с перемычкой в виде отрезанного уса), на вывеске туристической компании «Я Тревел» буква «Т» заменена изображением самолета, устремленного вверх. Невербальный компонент — рисунок — может прояснять семантику названия в целом, например: вывеску *мужские стрижки* «Nlch» оформляет размещенный в центре рисунок головы мужчины, похожего на В. И. Ленина, но не лысого, а со стильной прической.

Менее характерно для указанного вида языковой игры использование цифр и прочих знаков других семиотических систем: математические, хэштег, собака и пр.: бар «Пив & ко» (здесь

амперсанд, в отличие от его традиционной функции замены русского сочинительного союза «и» (ср. «Хмель & Эль», «Лёд & Пламя», «Ит & Ток»), выполняет разделительно-игровую функцию), ресторан «Клюк'ва» (апостроф заменяет капитализацию).

Повтор букв или буквосочетаний часто совмещает приемы графической и фонетической языковой игры, основанной на созвучии (на 300 названий самых популярных кафе и ресторанов Москвы приходится 76 таких онимов), например: «Па-Паэлья», «Ача-Чача», «Oli Oli», «Волки&Ёлки», «КрабыКутабы», «СЕВЕРЕВЕР», «Фиш Фетиш», «Эклерная Клер», «Хинкали-Гали», «Пан Запекан», «Краб Паб», «Выше Крыши», «Ели Сацебели», «Стейк-хаус Биф и Риф», «Купцы и устрицы», «Шашлык-машлык», «Бонжур Тужур», «Ваня да Маня», «Шара Бара (сладости со всего света)».

Словообразовательная языковая игра представлена на вывесках в основном суффиксальными инновациями, сращениями и контаминациями: кафе «Вкусняк» и «Бабулина Вкуснятина»; кафе вьетнамской кухни «Ханоев ковчег» (*Ханой + Ноев ковчег*), «Кебабник» (*кебаб + бабник*); «ШАУРАЙ» (вагончик с *шаурмой*); магазин нижнего белья «БЮСТОКРАТИЯ»; бар «Пивбург» (где формант *бург* может восприниматься как конечный топоформант и как усеченный корневой от *бургер*); бар «Биратория», бар «Биродром» (иноязычный транслитерированный корень *бир* ('пиво') и конечный формант со значением 'место, в котором совершается действие', способ — телескопия); лаунж-бар «Дымзавод»; «ДОБРОцен» (магазин низких цен). Проявление лингвокреатива состоит в замещении корневой морфемы, когда значение новой корневой морфемы накладывается на значение замещённой, встраивается в семантику общеупотребительного слова, при этом происходит искажение графического облика слова: кафе «КАЙФЕЙНЯ» (*кайф + кофеиня*), кафе «ГАРАЖАНЕ» (*гараж + горожане*), ресторан «Мидийная личность» (*мидия + медийный*).

По типовой словообразовательной модели «Вареничная» созданы креативные названия кафе-ресторанов: «Балалаечная», «Укулелешная», «Настоишная»

Отдельно отметим обыгрывание аббревиатур в нейминге:

- стилизация под «советскую эпоху»: кафе-бары «Главпивмаг», «Главпивторг», «Рыбторг»;
- новая расшифровка известных аббревиатур или самостоятельных слов: бар «КПДт («т» в виде штопора) Как пить дать»; Концептуальный бар «И.В.А.Н.» — «Изящная Вариация Ароматных Напитков».

Следует выделить и типичное словообразование в квазиантропонимах: кафе «Старик Хинкалыч», транспортный сервис «Перевозкин»; кафе «Бистрофф», рестораны «Гусятникофф», «Колбасофф», «Раковарня Ивана Раковара», ресторан «Рассольников», кофейня «Капучинофф».

Каламбур по праву считается основным видом языковой игры [Сковородников, 2011: 787] и понимается как «широкое стилистическое и фонетико-семантическое явление», «игра слов» [Вороничев, 2017: 33], но в более узком значении связан с лексико-фразеологическим уровнем языка, когда креативные названия создаются на базе полисемии, омонимии, модификации идиом и пр. (часто с использованием вышеперечисленных приемов: графических, словообразовательных фонетических). Так, название кафе «Бардак» (с турецкой кухней) провокативно обыгрывает семантику турецкого слова *bardak* этимологически 'горшок, стакан' [Фасмер], в современном турецком 'чайный напиток, который подается в Турции в стаканчиках грушевидной формы с блюдечками', но в русском языке слово приобрело резко негативную коннотацию и используется в значениях 'публичный дом, бордель, крайний беспорядок, неразбериха, хаос' [Ефремова]. В названиях ресторанов «Мадам Галифе», «Мама Карло» комический эффект создается нарушением семантической сочетаемости компонентов. Название кафе «Пит Брэд», специализирующегося на десертах, десемантизирует прецедентное имя и актуализирует семантику 'хлеб', а оним «#БРЭД ПИТЬ» представляет собой каламбурную трансформацию прецедентного имени в ироничное высказывание. Название кафе «Кому люлей?!» позитивно трансформирует фразеологизм «дать люлей» в значении 'устроить взбучку, отлупить' и предлагает вкусные и горячие люля-кебабы.

Названия магазина «Обойная сила» отсылает к известному сериалу и обыгрывает полисемию компонентов; каламбурное название гипермаркета напольных покрытий «Половой гигант» базируется на омонимии, в основе названия ресторана «Страна, которой нет» лежит перифраз (здесь предлагаются блюда по рецептам стран из состава бывшего СССР).

В названиях коммерческих городских объектов продуктивен прием актуализации внутренней формы фамилии или, шире — прецедентного имени: пироги от «Любови Пироговой», рестораны «Гусятникофф» (фирменное блюдо — гусь); пекарня «Печорин» и пр.

Особенно интересны в контексте городского ономастикона как медиапространства игровые синтаксические конструкции, в которых используются игровые приемы других уровней: рестораны «Чё Хотели Пили Ели»; «ЧЁ? ХАРЧО!»; «КОРОЧЕ стрижем и красим», «Так и ходи! салон для кудрявых»; «Мясо-Огонь!» и многие другие, которые заслуживают рассмотрения в отдельной статье.

Таким образом, языковая игра остается ведущим способом формирования городского онимического пространства, однако в результате проведенного исследования выявлено снижение продуктивности латинизации русских онимов, увеличение количества названий на базе фонетической и словообразовательной игры. В юридическом аспекте языковая игра является способом индивидуализации коммерческого наименования, кроме того, часто становится средством маскировки эпатажных, неэтичных онимов [Соколова, 2018: 187].

Список источников

1. Воронин Р. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность (современные концепции языковой игры) // Научный альманах. Филологические науки. — 2015. — № 7. — С. 1352–1361.
2. Вороничев О. Е. Каламбур в ряду смежных феноменов языковой игры // Уральский филологический вестник. Сер. «Язык. Система. Личность: лингвистика креатива». — 2017. — № 2. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kalambur-v-ryadu-smeznyh-fenomenov-yazykovoy-igry> (дата обращения: 26.05.2023).
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург : Уралбский гос. пед. ун-т., 1996. — 214 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразоват. : в 2 т. — М. : Рус. яз., 2000. — URL : <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/262363.html?ysclid=licz2onc3p326504849> (дата обращения: 28.05.2023).
5. Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка. — М. : Флинта, 2017. — 168 с.
6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры : моногр. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 276 с.
7. Сковородников А. П. Каламбур // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. — 2-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2011. — С. 787–788.
8. Соколова Т. П. Коммерческие урбанонимы: свобода творчества или спекуляция на эпатаже? // Актуальные проблемы топонимики. Вопросы географии. — М. : Кодекс, 2018. — Сб. 146. — С. 179–190.
9. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза как особый род судебной лингвистической экспертизы // Медиалингвистика. — 2019. — Т. 6, № 2. — С. 196–206.
10. Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS. — 2013. — URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms/371535/рукожопый?ysclid=licyp3mekj437411734 (дата обращения: 28.05.2023).
11. Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. — М. : Прогресс, 1964–1973. — URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/36606/бардак> (дата обращения: 28.05.2023).
12. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. — М. : Астрель : АСТ, 2008. — URL : <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/6813-На%20фига?ysclid=licy9w8i7n819267326> (дата обращения: 28.05.2023).

Сведения об авторе

Соколова Татьяна Петровна — к.филол.н., доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Россия).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗООНИМИКИ, ТЕОНИМИКИ, ЭТНОНИМИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ДРУГИХ ТИПОВ ОНИМОВ. ОНОМАСТИКА И ОНОМАСТИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

А. А. Гарькуша

РУССКАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ ИППОНИМИЯ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ кличек породистых лошадей (иппонимов), относящихся к двум синхронным срезам: 1953 г. и 2023 г. Выделяются две тематические группы иппонимов: идентифицирующие и символические. Отмечаются изменения, которые произошли в русской иппонимии за последние 70 лет. Сделан вывод о динамическом характере официальных русских иппонимов, что отражает изменившиеся правила, регламентирующие присвоение кличек породистым лошадям.

Ключевые слова: официальный иппоним, конноспортивный дискурс, нейминг, синхронный срез, принцип номинации, тематическая группа.

Говоря об официальной русской иппонимии, имеем в виду клички породистых лошадей, внесенных в базу данных Всероссийского научно-исследовательского института коневодства [ВНИИК]. Данные иппонимы — это ключевые слова конноспортивного дискурса.

Русская официальная иппонимия отличается динамичностью. Однако иппонимы в ретроспективном отношении исследованы недостаточно. Наиболее значимыми представляются работы Л. М. Щетинина, в которых дается историческая справка о развитии русской иппонимии [Щетинин, 1994: 107], и Е. Н. Варниковой, в которых автор классифицировала иппонимы по данным переписных книг вологодских монастырей за XVI — XVIII вв. [Варникова, 2020: 48].

Если говорить об истории иппонимов в России, то, согласно Л. М. Щетинину, их присвоение породистым лошадям в XIX–XX вв. не было строго регламентировано и поначалу имело необязательный характер, который впоследствии был преобразован в норму — отражать в кличке родственную связь животного с отцом или матерью. Присвоение кличек было также выражено эстетическим фактором, когда лошади получали имена, достойные будущих рекорсменов [Щетинин, 1994: 111].

Целью данного исследования является определение общих и различительных номинативных признаков у иппонимов, относящихся к разным периодам развития конного спорта в России.

Материалом исследования послужили клички породистых лошадей, относящиеся к двум синхронным срезам:

1) 1953 г. — 2194 клички из Государственной племенной книги лошадей орловской рысистой породы, включая данные госконюшен и конных заводов [Государственная племенная книга лошадей Орловской породы, 1953]. Россия стала родоначальницей породы Орловский рысак, именно поэтому мы выбрали племенную книгу о данной породе.

2) Современный период: материалы крупнейшего конного завода России «Орловский Фаворит», «Хреновской конный завод», данные российских ипподромов, в которые входят списки орловских лошадей, проходивших испытания [ВНИИК]. В данной категории 1756 иппонимов.

Изучение данных материалов показало, что нейминг иппонимов в России сопряжен с целым рядом формальностей и регламентаций, основанных на традициях, гласных и негласных правилах и явно выраженных запретах. Однако современные правила присвоения имени лошади существенно отличаются от тех, которые были 70 назад.

Для первого периода характерно преобладание формального выбора иппонима. Племенные лошади должны иметь индивидуальную кличку, которая является различительным знаком для

племенного поголовья в масштабах страны. Однако в данный период, не существовало строгой регламентации и паспортизации лошадей, клички давались исходя из предпочтений владельца.

Во второй период регламентация нейминга накладывает многие ограничения. Характерно преобладание рационального подбора клички, каждая кличка вносится в реестр ВНИИ коневодства и включает в себя информацию о родителях лошади, породе, виде спорта.

Клички лошадям присваиваются строго по словарям, с учетом подходящих букв. Существуют также генераторы кличек, которые автоматически подбирают слова, в состав которых входят инициалы отца и матери. В связи с этим кличка может абсолютно не подходить лошади, не отражать ее качества, не олицетворять благородство, как это было ранее.

Регламентация нейминга лошадей в России, основана на правилах ВНИИ коневодства. Каждая кличка утверждается организацией, и, в случае несоблюдения правил, может быть изменена. Существует 4 правила, которые содержат информацию о категоризации иппонимов (породистым лошадям присваивают имена, в которых присутствует начальная буква клички кобылы, а в средней части располагается начальная буква клички жеребца; кличка не должна быть длиннее 16 знаков; кличка может содержать информацию о заводе, номер тавро (*Беглый Лок* — Локотский конный завод, *Аксиома-Шах* — говорит о том, что эти лошади были выращены на ферме Шах-Теке) [ВНИИК].

Данные различия отразились на характере номинации русских иппонимов.

При ономаσιологическом анализе материала мы руководствовались понятием «принцип номинации», под которым понимается комплекс мотивировочных признаков, помогающих установить общие и различительные особенности у сопоставляемых названий [Крюкова, 2017: 176], а также принципами распределения разновременных иппонимов по тематическим группам [Варникова, 2020: 54].

Анализ показал возможность выделения двух принципов номинации, которыми руководствовались создатели иппонимов, как в 1953 году, так и в наши дни: идентифицирующий, предполагающий учет каких-либо качеств лошади; и символический, при котором иппоним создается без учета данных качеств. При этом выделяется несколько тематических групп идентифицирующих и символических иппонимов, которые по-разному представлены в количественном отношении в 1953 г. и в наши дни.

I. Тематические группы, относящихся к идентифицирующему принципу номинации:

1. иппонимы, образованные исходя из внешних признаков животных: 1953 г. — 10 % (*Маленькая, Золотоцвет, Блондин, Блестящий*); 2023 г. — 5 % (*Молодой, Караковий, Игреньевый, Звезда*);

2. иппонимы, образованные исходя из характера лошади (как прямое значение, так и образное): 1953 г. — 32 % (*Молниеносная, Быстрая, Гордость, Овация, Пылающий Костер*); 2023 г. — 11 % (*Хитрюга, Агит, Верность, Авторитетный, Мудрец*);

3. иппонимы, образованные исходя из времени рождения: 1953 г. — 1 % (*Зимний Вечер, Рассвет, Результат Мороза, Теплый Край*); 2023 г. — 2 % (*Далий, Суббота, Ночь*).

II. Тематические группы иппонимов, относящихся к символическому принципу номинации:

1. иппонимы, образованные от антропонимов: 1953 г. — 7 % (*Тихомир, Ратибор, Путислав, Ярополк, Ахиллес*); 2023 г. — 12 % (*Дионис, Гэфест, Гермес*);

2. иппонимы, образованные от названий представителей фауны: 1953 г. — 8 % (*Сайгак, Снежный Барс, Архар*); 2023 г. — 4 % (*Тасманская Дьяволица, Касатка 22, Варнавка*);

3. иппонимы, образованные от топонимов: 1953 г. — 8 % (*Байкал, Амур, Витим, Кавказ*); 2023 г. — 11 % (*Абинск, Москва, Австралия, Монблан, Алтай*);

4. иппонимы, образованные от названий конкретных предметов: 1953 г. — 3 % (*Трамплин, Зефир, Диплом*); 2023 г. — 23 % (*Покер, Икта, Лобзик, Глобус*);

5. иппонимы, образованные от астрономов: 1953 г. — 2 % (*Альтаир, Лунный Путь, Орион, Актант*); 2023 г. — 3 % (*Шаула, Меркурий, Метеор*);

6. иппонимы, в основе которых драгоценные камни: 1953 г. — 8 % (*Опал, Аквамарин, Бриллиант, Алмаз*); 2023 г. — 3 % (*Изумруд, Танзанита, Аметист*);

7. иппонимы, тематически связанные с музыкой: 1953 г. — 1 % (*Баян, Блюз, Вальс*); 2023 г. — 4 % (*Арфа, Виолончель, Шансон*);

8. иппонимы, в основе которых должность, титул, чаще всего благородного происхождения: 1953 г. — 5 % (*Воевода, Царь, Вожак*); 2023 г. — 10 % (*Канцлер, Председатель, Министр, Береника*);

9. иппонимы, образованные от названий природных явлений: (растений, деревьев, действий природы): 1953 г. — 15 % (*Тмин, Женьшень, Миддлемист, Эдельвейс*); 2023 г. — 10 % (*Полярное Сияние, Шаровая Молния, Гербарий*).

Сопоставление данных двух синхронных срезов показало изменения, произошедшие за последние 70 лет. В современных кличках Орловских рысистых пород есть схожесть с вариантами из источников более позднего периода, но нейминг расширен, больше модификаций различных слов и присутствуют редкие слова. Тенденция к случайному подбору имени в современной иппонимии явно преобладает.

В первый период названия отражают относительную свободу выбора, учитывается характер или отличительные черты внешности лошади, включая в себя эмоционально-экспрессивную окраску. Владельцы характеризовали лошадь так, как они ее видели, или так, какой хотели бы ее видеть, исходя из этого, нейминг в основном носит положительную характеристику (*Бравый, Бодрый, Грациозная*). Однако, ввиду отсутствия регламентации, в племенной книге обнаруживались эмоционально-негативно окрашенные клички, что на данный момент недопустимо (*Бивень, Дурак, Глупая*) [Государственная племенная книга лошадей Орловской породы, 1953], здесь присутствует нежелательная эмоциональная окраска иппонима: прослеживается негативная эмотивность, что является неприемлемым в современном регламенте [ВНИИК].

В современной иппонимии явно преобладает тенденция к случайному подбору имени. Примерами могут послужить такие клички, как: *Павильон, Калория, Сборник, Партер, Клика, Сессия, Номер, Палатка*. Объяснение этому процессу десемантизации и стилистической нейтрализации иппонимов следует искать, прежде всего, в том, что современные иппонимы подчиняются регламентации. Также стоит отметить, что в условиях массового промышленного коневодства (конные заводы, ипподромы, масштабные конные клубы) клички стали приобретать прагматическое значения штампа, зачастую они совершенно не отражают особенности лошади, иначе говоря, становятся эквивалентом имени-номера. Имя лошади утрачивает эмоциональную и экспрессивную составляющую, становится почти нейтральным.

Между тем в современной иппонимии намечается зависимость иппонима от вида спорта, что не наблюдалось в предыдущий период. Например, такого для благородного и красивого спорта, как выездка, характерны мелодичные, изящные клички, которые подчеркивают красоту и грацию выездковой лошади (*Пиаффе, Лорд Фонд, Прощальный Танец*). Для джигитовки характерны более дерзкие, грубые клички (*Вепрь, Говор, Аксай*).

Таким образом, количественное и качественное соотношение тематических групп современных иппонимов и иппонимов прошлого периода отличается, на основании чего можно сделать вывод о динамическом характере официальной русской иппонимии. В прошлом отдавали предпочтение кличкам, которые характеризуют животное, описывают его нрав и силу. Преобладание названий конкретных и абстрактных предметов в современной иппонимии указывает на тот факт, что клички в наши дни в основном подбираются исходя из правил регламентации именования лошадей, за счет чего, данный сегмент кличек зачастую никак не характеризует лошадь.

Список источников

1. Всероссийский научно-исследовательский институт коневодства (ВНИИК). — URL : https://rybnoe.net/institut_konevodstva_divovo (дата обращения: 09.05.2023).
2. Варникова Е. Н. Семантические и словообразовательные особенности кличек лошадей в истории русского языка (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI — начала XVIII в.) // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17, № 1. — С. 47–83.
3. Государственная племенная книга лошадей Орловской рысистой породы. — Главное управление животноводства Министерства сельского хозяйства и заготовок Союза ССР. — М., 1953. — 468 с.
4. Крюкова И. В. Периферийные разряды ономастики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований : коллективная моногр. — Майкоп : Изд-во «Магарин О. Г.», 2017. — Гл. 9. — С. 166–180.

5. О конном заводе «Орловский Фаворит». — URL : <https://konny-zavod.ru/about/> (дата обращения: 09.05.2023).

6. Щетинин Л. М. Клички лошадей // Русская и ономастика России : слов. — М. : Школа-Пресс, 1994. — С. 107–114.

Сведения об авторе

Гарькуша Анастасия Александровна — аспирант кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Э. Н. Ирназаров, Е. А. Яковлева

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ КАРОНИМОВ

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о специальных наименованиях кораблей — каронимах. Дается краткий анализ и сравнение в диахроническом плане обозначения военно-морских боевых единиц России и СССР, проводится обзор современного состояния системы наименований судов военного назначения и их типологии. Уделено внимание проблематике соотношения наименования и обозначаемого объекта, а также общей коннотации каронимов и специфике их применения.

Ключевые слова: каронимика, каронимы, наименования, военная техника, боевые корабли, эволюция наименований, типология онимов, применение наименований.

Вопрос о наименованиях объектов действительности лежит в плоскости номинации как процесса, в общем, и в рамках ее вторичного вида, в частности. Примечательно, что в последние годы понятие «номинация» толкуется исследователями относительно свободно, в зависимости от целей, рассматриваемого объекта или других обстоятельств [Ягафарова, 2010: 174]. В данном случае речь идет о названиях, образованных путем использования в качестве исходного материала ранее уже существующих языковых единиц. В свою очередь, появившиеся таким способом обозначения могут относиться к классу имен собственных, то есть онимов. Данное обстоятельство позволяет рассматривать подобные единицы в ракурсе ономастики как раздела языкознания, изучающего имена, их содержание, специфику употребления и этапы развития во времени [Сорокина, 2021]. Становится очевидным, что рассмотрение вопроса о наименованиях объектов определенной отрасли, формируемых в виде отдельных для каждого объекта номинативов, целесообразно проводить именно в данном направлении.

Онимы, обозначающие корабли, изучаются в рамках каронимики (ранее — карабонимики — от др. греч. «карабос» и «оним» — «корабль» и «имя» — автор термина Ю. С. Крючков [Попов, Герасимова, 2020: 93]) и, соответственно, представлены как «каронимы». При этом, как правило, подразумеваются названия именно судов военного назначения. Являясь формально наименованиями из военной сферы, каронимы имеют свою специфику, обусловленную значительным влиянием таких экстралингвистических факторов, как область своего применения (военно-морские силы), существующие традиции военно-морского именования (нейминга), а также научно-технический прогресс и изменения в ходе исторического развития социально-политического состояния общества. В русле указанных причин сами каронимы также подвержены определенной эволюции как внешней формы, так и особенностей применения, что, как будет показано далее, напрямую связано с жесткой зависимостью главным образом от экстралингвистических факторов.

Являясь частью широкого круга военно-технических наименований, каронимы обладают рядом особенностей, выделяющих их среди всех прочих обозначений образцов военной техники. Обусловлено это, прежде всего, спецификой среды их применения в сфере военно-морских сил, а не ономаσιологическими или терминологическими причинами. В частности, необходимо отметить, что на характер каронимов как особых имен повлиял тот факт, что крупные военные корабли в большинстве случаев не являлись крупносерийной продукцией, в связи с чем ввод в строй очередного образца сопровождался его наречением уникальным именем, выделявшим

среди остальных судов того или иного проекта. В то же время вся серия целиком может носить название либо своего головного корабля, либо проекта («класс», «тип» или «проект»), в результате чего зачастую к наименованию конкретного образца добавляется обозначение серии по модели «тип корабля» + «имя» + «название серии». Так, показательны в данном случае следующие наименования: *линейный корабль «Императрица Мария» класса «Севастополь», легкий крейсер «Ворошилов» типа «Киров», тяжелый атомный ракетный подводный крейсер ТК-17 «Архангельск» проекта 941 «Акула»*. И что характерно, при сохранении тенденции к индивидуализации наименования судна остается актуальным указание на серию, к которой оно относится.

Влияние типа боевой единицы на способ именования отдельных образцов проявляется также в большей распространенности среди названий менее крупных и дорогостоящих кораблей унифицированных обозначений в виде буквенно-цифрового индекса, что можно заметить на следующих примерах: *торпедные катера типа «Г-5» № 54, № 64, № 141, ТКА-46, ТКА-66*. В данном случае происходит некоторый отход от принципов военно-морского именования, имеющего тенденцию к наречению образца названием с центральным компонентом в виде отдельного имени. Наблюдается некоторая обратная корреляция между крупносерийностью производства военно-морских единиц и наличием уникального наименования.

Особенности построения каронимов, указанные выше, обусловлены рядом обстоятельств их исторического развития, тесно связанного как с техническим прогрессом в сфере кораблестроения, так и с изменениями в социуме. Так, появление новых типов военных судов и устаревание ранее существующих привело, соответственно, не только к вводу в оборот новых наименований (*ракетный крейсер, авианосец, подводная лодка*), но и к снижению частотности употребления прежних наименований (*клипер, брандер, бриг, галера, дредноут, линкор, броненосец*). Данная особенность проявляется, в основном, на примере обозначений типов военных судов, в то время как наименования отдельных образцов могут продолжать уже сформированную военно-морскую традицию наречения кораблей флота.

Можно также отметить, что важная составляющая специфики каронимов состоит в их прозвищной сущности и динамическом характере развития и применения, когда каждый номинатив, являясь по своему значению в своей функции наречения оригинальной единицей, своеобразно соотносится с историческими традициями, лингвокультурологическими особенностями и социальными обстоятельствами среды своего хождения, что также обуславливает междисциплинарный характер каронимики как таковой [Кивилева, 2014: 110-111]. В связи с этим наименования плавсредств в своем значении всегда несут тот или иной контекст, например, попытку придать ему коннотацию силового и оборонительного потенциала, что хорошо заметно на примере названий серий типов кораблей, состоящих на вооружении военно-морского флота, в частности, фрегатов: *«Неустрасимый», «Ладный», «Пытливый»*; корветов: *«Стерегущий», «Сообразительный», «Бойкий», «Стойкий», «Строгий»*; эсминцев (эскадренных миноносцев): *«Настойчивый», «Бурный»*. Указанные примеры наглядно иллюстрируют хорошо наблюдаемую мотивированность именования военных образцов с целью придать им соответствующий эмоционально направленный на реципиента сообщения фон.

Тенденция следования традициям именования военных кораблей также важна и проявляется в номинативах с упоминанием личностей исторических личностей, военачальников и должностных лиц в обозначении более крупных единиц. Весьма характерны в этом ракурсе такие обозначения, как: *тяжелые атомные ракетные крейсера (ТАРКР) «Адмирал Нахимов», «Пётр Великий», большие противолодочные корабли «Адмирал Трибуц», «Адмирал Пантелеев», «Адмирал Левченко», «Вице-адмирал Кулаков», тяжелый авианесущий крейсер (ТАВКР) «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов», ракетный крейсер «Маршал Устинов», большие десантные корабли «Николай Вилков», «Ослябя», БДК-98 «Адмирал Невельской», БДК-11 «Пересвет»*. Последние два наименования демонстрируют многокомпонентный характер некоторых названий военных кораблей, в данном случае наличествует сочетание буквенно-цифровых индексов (аббревиатур «БДК» — большой десантный корабль) с указанием номера судна и отдельного имени. В целом, здесь также прослеживается соблюдение уже сформировавшихся способов именования, связанных не только с историческим фокусом военно-морского ведомства, но и со спецификой военных обозначений в более широком смысле.

В этой связи существующие в открытых источниках своды наименований боевых кораблей [Список кораблей Военно-морского флота Российской Федерации] построены по уже указанной выше модели с опорой на тип и вид боевого судна, на чем основывается классификация подобных наименований в большинстве случаев.

Возвращаясь к теме исторических особенностей военно-морских наименований, стоит отметить определенную обусловленность их образования реалиями конкретной эпохи. Например, такие наименования, как *линейные корабли типа «Севастополь» — «Марат», «Октябрьская революция», «Парижская коммуна»* — ярко свидетельствуют о четко выраженном идеологическом фокусе обозначений крупных кораблей в ранний советский период. При этом до революционных событий 1917 года данные боевые единицы носили, соответственно, другие имена: *«Петропавловск», «Гангут», «Севастополь»* [Дашьян, Патянин, Митюков, Барабанов, Иванов, Гайдук, 2009: 215]. Можно заметить, что в данном случае определяющую роль в мотивированности процесса номинации военных кораблей сыграла смена социально-политического устройства государства, в связи с чем претерпели трансформацию и приоритеты в именовании важнейших объектов военно-морского флота, оставшихся от предыдущей формы правления страной.

Итак, факт наличия устоявшихся норм и традиций именованья может говорить о существовании определенного выбранного пути в системе именованья военных кораблей, в связи с чем исследователи поднимают вопрос о таком понятии, как каронимическое пространство (поле), включающее в себя наименования военно-морских судов и обладающее определенными свойствами, обусловленными национальными и лингвокультурологическими чертами среды своего функционирования [Рычков, 2020: 89]. Наиболее иллюстративны здесь примеры названий военных кораблей как из современности, так и из прошлых эпох, что позволяет продемонстрировать еще один элемент мотивированности военно-морских имен — историческую преемственность между разными периодами государственности на одной и той же территории. Так, показательно в этом плане, что названия: *«Штандарт», «Гангут», «Ингерманланд», «Не тронь меня», «Азов», «Полтава», «Самсон», «Выборг», «Меркурий», «Нарва», «Москва», «Надежда»* [<https://topwar.ru/103260-rossiyskaya-karonimika-vzglyad-vpered-iz-proshlogo.html>] использовались для наречения кораблей различных типов более пяти раз, что подчеркивает независимость конкретного имени от типа военного судна. Кроме того, сегодня присутствует попытка поддержать преемственность путем наречения боевых единиц именами, соответствующими традициям флота дореволюционной России, так называемыми религиозными каронимами: подводные лодки *«Святой Николай Чудотворец», «Святитель Николай», «Святой Георгий Победоносец»* [Традиции выбора имен для кораблей российского флота]. Для сравнения, аналогичные наименования из прошлого периода: *«Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Георгий Победоносец», «Двенадцать апостолов», «Три святителя», «Сисой Великий», «Андрей Первозванный»*. Кроме того, распространенным становится прием называнья военных единиц именами правителей прошлого: примечательны здесь такие онимы, как подводные лодки *«Дмитрий Донской», «Юрий Долгорукий», «Александр Невский», «Владимир Мономах»*. Данные образцы наименований также свидетельствуют о тенденции восстановления преемственности в системе военно-морских обозначений кораблей.

Определенный пласт наименований отмечен нестандартной коннотацией, обусловленной индивидуальной мотивировкой наречения. Сюда можно отнести наименования типа пароход *«Микроб»* (курсировал между Кронштадтом и фортом «Александр I», последний был переоборудован в чумную лабораторию); наименования советского периода — сторожевой корабль *«Террорист»*, пароход *«Субботник»*. Здесь также присутствует упомянутая ранее идеологическая составляющая в форме и значении [*«Не тронь меня», «Микроб»* и другие забавные названия кораблей флота Российского].

Достаточно высокой популярностью в области каронимики пользуются названия представителей фауны и природных явлений. К примеру, весьма характерны зоонимы, применяющиеся для обозначения серии подводных лодок: *«Гепард», «Волк», «Тигр», «Пантера», «Леопард», «Вепрь», «Карп», «Кашалот»* [Концепция символики кораблей 1-го и 2-го ранга ВМФ России]. Большинство из этих имен содержит упоминание хищных животных, что традиционно в русском военном ономастике в целом. В честь грозных стихийных явлений названы ракетные корабли

на воздушной подушке «Бора» и «Самум». Очевидно, что опасность данных природных коллизий отражается на значении имен боевых единиц, повышая их эмоционально-воздействующий статус. Отметим, что основным способом образования подобных наименований стала метафоризация, объясняемая потребностью в придании тому или иному образцу вооружений нужного дополнительного значения по принципу ассоциативной близости. Подобный кароним оказывается еще одним «вербальным» оружием, средством выражения и обозначения статуса сильного государства, способного поставить на вооружение новые могучие корабли [Яковлева, Ирнараров, 2020: 210–211]. Таким образом, прагматичный подход военно-морского ведомства, отдающего предпочтение подобным номинативам, вполне оправдан. Стоит также отметить, что каронимы как таковые не только являются выразительными примерами системы военных обозначений, но и отражают специфику военно-морской составляющей военного социума в целом [Родина, 2021: 48]. Наблюдение за особенностями их применения и дальнейшего развития представляют немалый интерес для будущего исследования как военной сферы языка, так и профессионально обусловленной социологии в их междисциплинарной парадигме.

Список источников

1. Кивилева Е. Б. Динамический аспект каронимики как раздела ономастики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2014. — № 20 (706). — С. 110–119.
2. Концепция символики кораблей 1-го и 2-го ранга ВМФ России. — URL : https://www.simvolika.org/article_vmf005k.htm (дата обращения: 20.03.2023).
3. «Не тронь меня», «Микроб» и другие забавные названия кораблей флота Российского. — URL : <https://diletant.media/blogs/62451/31067571/> (дата обращения: 03.04.2023).
4. Попов С. А., Герасимова К. М. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в ономастическом пространстве России // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 4 (23). — С. 89–98.
5. Родина Н. А. Военная хрематонимика: лексико-семантические особенности названий кораблей военно-морского флота России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». — 2021. — № 1. — С. 39–50.
6. Российская каронимика: взгляд вперед из прошлого. — URL : <https://topwar.ru/103260-rossiyskaya-karonimika-vzglyad-vpered-iz-proshlogo.html> (дата обращения: 03.04.2023).
7. Рычков С. Ю. Прецедентные онимы в каронимике: память о Бородинском сражении в названиях кораблей // Лингвокультурология. — 2020. — № 14. — С. 81–94.
8. Сорокина И. А. Грамматическая и лексическая значимость ономов и их классификация // E-Scio. — 2021. — № 8. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskaya-i-leksicheskaya-znachimost-onomov-i-ih-klassifikatsiya> (дата обращения: 22.03.2023).
9. Список кораблей Военно-морского флота России. — URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_кораблей_Военно-морского_флота_Российской_Федерации (дата обращения: 20.03.2023).
10. Традиции выбора имен для кораблей российского флота. — URL : <https://gia.ru/20100331/216340762.html> (дата обращения: 03.04.2023).
11. Флоты Второй мировой / А. В. Дашьян, С. В. Патянин, Н. В. Митюков [и др.]. — М. : Коллекция : Яуза : Эксмо, 2009. — 608 с.
12. Ягафарова Г. Н. Основные ономастические понятия // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 13 (194). — С. 172–177.
13. Яковлева Е. А., Ирнараров Э. Н. Наименования оружия как средство выражения политической повестки дня // Золотая звезда: эстафета поколений : сб. материалов междунар. конф. и конкурса эссе / под ред. И. А. Прихожан, В. И. Супруна. — Волгоград : Фортесс, 2020. — С. 206–214.

Сведения об авторах

Ирнараров Эмиль Наилевич — соискатель кафедры теорий и методик начального образования Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы; **Яковлева Евгения Андреевна** — д.филол.н., профессор кафедры теорий и методик начального образования Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, главный научный сотрудник Международного центра продвижения русского языка и литературы имени М. Карима (Уфа, Россия).

ТЕОТОКОНИМЫ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ АКАФИСТОВ БОГОРОДИЦЫ
НА СОВРЕМЕННОМ СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ)*

Аннотация. В статье приводится и расширяется раньше осуществленный анализ некоторых именовании Богородицы на современном сербском языке и рассуждается можно ли их называть теотоконимами, которые из них и почему. Как дополнительный материал послужили акафисты иконам Богородицы написаны на современном сербском языке, а также некоторые переведённые акафисты Богородицы и её иконам, в том числе и Великий акафист.

Ключевые слова: Богородица, теотоконим, сербский язык, именование, образ, символ, эпитет, иероним.

На Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» в Великом Новгороде которая состоялась 17-20 сентября 2019 года, нам был задан вопрос в связи с термином *теотоконим*, который тогда привели как употребляющийся для наименований Богородицы [Левушкина, 2019: 78]. Пользуемся возможностью поблагодарить коллегу Горяева Сергея Олеговича за вопрос, без которого не было бы данной статьи и дальнейшего рассуждения и исследования по тематике именовании Богородицы. Соответственно, цель настоящей работы ответить на (его) вопрос который по сути, был таким: Имеет ли место быть данному термину, когда уже существуют эпитеты, образы, символы и другое (позже приведём ещё один термин)?

В сербской лингвистической среде уже сформировалась история вопроса. Первый раз мы предложили термин *теотоконим* в своей диссертации на соискание степени доктора наук [Бајић, 2013], а так же и в статье [Левушкина, 2013: 168]. Один из приведённых нами тогда аргументов (см. [Бајић, 2013: 197]) был факт существования большого пласта литературы написанной в честь Пресвятой Богородицы, в первую очередь, но не только — богослужебной (гимнографической, духовной).

Проанализировав небольшой материал (67 лексических единиц), мы выделили две группы (см. [там же: 264-265]): **I.** собственно теотоконими (лексические единицы относящиеся только к Богородице, её имена): *Богородица, Богомајка, Богоматер(а), Богоневеста, Богомати, Богородителька, Богодевојчица, Богоотроковица, Отроковица, Марија, Владичица; Мати / Мајка Божија, Невеста Христова, Света Пречиста, Невеста Неневестна, Обручница Сина Божијег, Свагдад(ј)ева, Увекд(ј)ева и Приснод(ј)ева* (Примеры приводим на сербском языке без перевода на русский, потому что слова в большинстве случаев однокоренные с теми же словами в русском языке и по причине ограниченности публикации. В редких случаях когда слово сербского языка может быть непонятно современному русскому человеку — даём перевод. Также примеры переносим в том виде как в подлинниках и поэтому есть слова с прописными буквами и без них). и **II.** общеупотребительные лексемы которые стали теотоконимами путём метафоры (нпр. *Заступница, Царица, Родителька, Прибежиште, Девојка, Д(ј)ева*) и окказионализмы.

Кроме того, отдельная тематическая группа лексем плотно связана с теотоконимами — это прилагательные относящиеся к ним, часто субстантивированные. Так напр., в богослужебных текстах *Богородица* редко встречается без эпитет: *пресвета* — самый встречаемый, а также и другие, в том числе с префиксами *све—* (рус. *все-*), *пре-*, *не—* и *без-*: *пречиста, преблагословена* (рус. *преблагословенная*), *пренепорочна, преславна, свехвална, свеславна, нескверна, непорочна, непостидна, неневес(т)на, безневес(т)на* и др. Есть лексемы в превосходной степени: *Најпревасходнија, Славњејшаја*. Слово *Славњејшаја* — превосходная степень в церковнославянском языке —

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки, технологического развития и инновации Республики Сербии согласно договору № 451-03-47/2023-01 заключённому с Институтом сербского языка Сербской академии наук и искусств.

употребил в тексте на современном сербском языке святитель Николай Сербский [Велимировић, 1999: 443] и с синхронной точки зрения можно его назвать окказионализмом.

Особенно характерны прилагательные и наречия *безмужан*, *безмужно* и *бесемен*, *бесемено* употребляющиеся с существительными и глаголами: *рађање*, *зачеће*, *родити*, *зачети*. Данные лексемы не встречаются в других текстах кроме богословских, в которых говорится о Богородице — единственной в истории родившей без *мужа*, мужского *семена*.

Между сербскими лингвистами термин вошёл в употребление как таковой. Приведённое выделение теотоконимов, а собственно и отрывок из нашей диссертации полностью опубликованы в монографии, глоссарию теолингвистики под названием *Језик и религија* [Кончаревић, 2017]. Данный термин в этой публикации является одним из подзаголовков [там же: 329–333]. В прошлом году защищена докторская диссертация в которой тоже употребляется термин *теотоконим* [Петровић, 2022: 68, 76, 78, 79, 80, 108, 323]. Здесь приводятся примеры теотоконимов как на сербском, так и на русском языке: *Богородица*, *Пресвятая Богородица*, *Дева Мария*, *Богоматерь*, *Приснодева*, *Владычица*, *Невеста Невестная* (*В оригинальном тексте опечатка* (*Невестная*). *Заступница*, *Царица небесная* [там же: 79]. Термин также использовался в переводоведческой статье [Горгијев Стојановић, 2023], где автор, между прочим, приводит пример теотоконима на французском языке [там же: 672, 683].

Что касается источников на русском языке, единственное упоминание термина *теотоконим*, которое нам удалось найти — у самого С. О. Горяева. Он его ввёл в свои лекции студентам, при чём даёт ему следующее определение: «регулярное метафорическое обозначение и описание Божией Матери» [Горяев, 2021].

Основательная монография по интересующей нас здесь теме [Чернышева, 2017] не содержит термин *теотоконим*, а именованья *Богородицы*. Автор рассуждает, что «именования Богородицы, сохранившиеся в славянском византийском наследии (т. е. в переводной литературе), не были последовательно описаны и системно представлены» [там же, 19]. Данная книга заполнила названную лакуну в науке, но не полностью, потому что «задача составить полную коллекцию — на нынешнем этапе трудноосуществима» [там же, 19].

Подобная задача — составить коллекцию теотоконимов (или именованья Богородицы) в современном сербском языке — была и перед нами когда собирали материал для этой статьи. Выяснилось что она не менее трудоёмкая, не для одной статьи и одного исследователя, а для серьёзного проекта. Поэтому для этого исследования употребили материал всего 6 акафистов. Три из них написаны на современном сербском языке [Илић, Кнежевић, 2000, Кадич, 2005], а три переведены: Великий акафист [Акатист Пресветој Владичици нашој Богородици 1993], «Акатист Пресветој Богородици за њену чудотворну икону *Неочекивана радост*» [Акатисти Пресветој Богородици, 2011, 7-18] и «Акатист Пресветој Владичици нашој Богородици *Брзопомоћници*» [там же, 19-30]. В материале всего около 250 лексических единиц.

Согласно Чернышевой [Чернышева, 2017: 24], именованья Богородицы включают: имена Богородицы (которые собственно и есть теотоконимы, по нашему мнению, как и объяснили выше под пунктом I.), образы, символы и эпитеты. Имена Богородицы могут быть существительные (простые или сложные), субстантивированные прилагательные и причастия в форме женского рода. Помимо уже приведённых, в нашем материале наблюдаем и другие: *Мајка Речи*, *Мајка Логоса*, *Дјева Творца*, *Смерног Мати*, *Светлости Мати*, *Невеста Невесна*, *Првосвета Дјева*, *Дјева Светлородительница* и т.д.

Многочисленны субстантивированные прилагательные с начальным компонентом *све-*: *Свенепорочна*, *Свеблажена*, *Свеуважена*, *Свебеспрекорна*, *Свепречиста*, *Свечудесна*, *Свехвална*, *Свеславна*, *Свеопевана*, а также и другие слова данной грамматической формы, в первую очередь с продуктивным начальным компонентом *бого(м)-*: *Богоблажена*, *Богомобрадована*, *Богомизабрана*, *Боголепна*, *Богославна*, *Богољубива* и другие: (*Пре*)*света*, *Милостива*, *Благодатна*, *Обрадована*, *жалостива*, *Пречиста*, *Света*.

Между образами (некоторые у нас выше под пунктом II.), Чернышева выделяет особую группу: «слова-образы направленного действия. Они обозначают действующее лицо или осуществляемую

Богородицей деятельность, активное вмешательство или акт, имеющий определённую позитивную устремленность <...> Сюда входят, как правило, *nomina agentis (feminina)* и субстантивированные причастия в форме ж. р.» [там же, 25]. В нашем материале такие лексемы следующие: *Хранителька, дародавка, помоћница, исцелителька, негователька, васпита-чица, украсителька, Посредница, Путеводителька, Песмодарилица*. Других образов в нашем материале много и приведем только некоторые из них: *Руно, Нектар, Свећа, Река, Облак, Врх, Дрво, Крин, Сеница, Мост, Лествица, Лоза, Голубица, Вода, Гора, Бразда, Звезда* и т.д.

Эпитеты Чернышева называет «смыслоносными <...>, углубляющими основную семантику именованного или создающими приращение смысла <...> Значительную группу составляют эпитеты с начальным компонентом бого-» [там же, 25-26]. В нашем материале тоже есть эпитеты с тем же начальным компонентом (иногда *богом-*): *богомиздана, богодолжна, богопроходна, богопри-кладна*. Также есть и ряд других: *чесна, мила, милостива, многослављена, светлоносна, (све)благословена, освећена, неоскврњена, радостотворна, светловићена, нурукотворена, златозарна, свеопевана*.

Важно отличать эпитеты от теотоконимов в форме субстантивированных прилагательных. Хотя слово одно и то же по форме (нпр. *пречиста, свепречиста, богоблажена*), у прилагательно-теотоконима высокий уровень субстантивизации, иногда формально обозначенный прописной буквой, как в многих выше приведённых примерах.

Что касается символов, они, по словам Чернышевой, «заклучают в себе неочевидный, т.е. не вытекающий напрямую из семантики, смысл. Символический смысл скрыт для «непосвящённых» (потому что — прим. Р. Л.) <...> одной из главных характеристик символа является его прообразовательное начало, т. е. связь со Священным Писанием как его источником» [там же, 29]. Также очень важно что «символика и шире — именованная Богородицы находятся в тесной взаимосвязи с символикой и именованная Христа» [там же, 31]. Поэтому обычно изучаются вместе, как *парные символы, парные именованная, а также и двойные символы*. Последние могут относиться как к Богородице, так и к Христу и на сегодняшний день их выявлено 20 [см. подробнее там же, 32-33]. В нашем небольшом материале из приведённых 20 (на греческом и церковнославянском языках) нашли 10 слов-символов — эквивалентов на сербском языке: *бездна, венац, двер, дрво, звезда, нада, небо, прибежиште, радост и цвет*. Слова *светлост* (рус. *свет*) и *сунце* (рус. *солнце*) в материале также наблюдаются но, относятся к Христу. Напр. *Светлости Мати* (рус. *Мать Света*) и *Небо духовнога Сунца*.

Таким образом, по богословским причинам, желательно чтобы изучение — как теотоконимов так и христианских теонимов (см. подр. в [Левушкина, 2013]) — происходило параллельно. Также можно изучать совокупно систему «иеронимов» — именованная Богородицы и Сына Христа (см. [Чернышева, 2017: 36-37]).

Также, именованная Богородицы можно исследовать и как *номинации*. Под этим термином подразумевается в первую очередь «функция или сторона слова, семантический аспект слова употребляемого (возникающего) в данной речевой ситуации или контексте» [Ахманова, 2010: 270]. Иными словами, вне контекста теотоконимов не так много и они более или менее устоявшиеся лексические единицы (см. пункт I и образы — регулярные метафорические обозначения Божией Матери), тогда как написанных текстов, т.е. различных других обращений Богородицы — очень много. Тем самым, есть разные слова и словосочетания употребляемые в *функции* теотоконимов. Поэтому, считаем что термин *теотоконим* можно употреблять и в таких случаях когда, напр. общеупотребительное слово в конкретном контексте является теотоконимом. Такие слова могут в последствии стать тоже образами (см. [Чернышева, 2017: 38-39]: *глина, девством прокалённая и пламень зарный / путеводного столба*, где эти примеры названы *новыми образами*).

Обратим внимание и на то, что огромный потенциал для исследования теотоконимов в употреблении и/или в контексте лежит и в том, что они в большинстве случаев не одноконпонентные лексические единицы. По этой причине около 500 лексических единиц с объяснениями и комментариями Чернышевой названы не словарём, а словарной коллекцией [см. там же: 40]. Проиллюстрируем словосочетаниями из нашего материала с существительным *Дјева*, где в основном (но не только) наблюдаем эпитеты: *Света Дјева, Дјева Богомдана, Дјева Преумилна, Дјева*

Пресвјатаја, Дјева Богодана, Дјева Творца, Преблагословена Мати Дјева, свеблагословена Дјева, Дјева Светлородительница, Првосвета Дјева, а также и словосочетаниями с больше лексических единиц: Вино, Које нас опија целомудреноићу; добромирисави Цвет непролазности; позлаћени Кивот умнога Свеиштенства; златна Кадионица божанскога Жара и т. д.

В заключении термин *теотоконим* ещё раз предлагаем для дальнейшего употребления в ономастике и в лингвистике вообще. Как мы показали, его можно использовать в широком поле исследований, как отдельных имён, так и теотоконимов в различных контекстах. Также, существует и гипероним *иероним* который также можно использовать в исследованиях теонимах и теотоконимах, особенно потому, что последние желательнее изучать совокупно. Надеемся также, что ответили на заданный нам вопрос приведённый выше и будем рады дальнейшему освещению данного вопроса.

Список источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — 5-е изд. — М. : Либроком, 2010. — 576 с.
2. Горяев С. О. Рабочая программа дисциплины Б1.О.12.03 Церковнославянский язык. — Екатеринбург, 2021. — URL : https://portal.uralsky-missioner.ru/wp-content/uploads/2021/11/tserkovnoslav_rp21.pdf (дата обращения : 29.05.2023).
3. Левушкина Р. Православный ономастикон в сербском языке и сербской лингвистике (пути дальнейших исследований) // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. — В. Новгород, 2019. — С. 77–82.
4. Чернышева М. И. Наименования Пресвятой Богородицы в древнерусской письменности. — М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова : Комис. по лексиколог. и лексикограф. при Междунар. ком. славистов : Московский гуманитарный ин-т им. Е. Р. Дашковой, 2017. — 324 с.
5. Акатист Пресветој Владичици нашој Богородици // Православни молитвеник. — Београд : Свети архијерејски Синод СПЦ, 1993. — С. 53–69.
6. Акатисти Пресветој Богородици / ред. Ј. Србуљ. — 5-е изд. : Образ светачки. — Београд, Нови Сад : Артпринт, 2011. — С. 7–30.
7. Бајић Р. Лексика из сфере православне духовности у српском језику и њена лексикографска обрада : неопубл. докторская дис. — Београд : Филол. фак. ун-та у Београду, 2013. — 462 с.
8. Велимировић Н. Охридски пролог. — Београд : Штампарија Српске патријаршије, 1999. — 1068 с.
9. Горгијев Стојановић А. О преношењу неких религијских термина са француског на српски језик у делу Личност и природа Жан-Клода Ларшеа: лексичко-семантичка анализа // Црквене студије, 20. — Ниш, 2023. — С. 669–685.
10. Илић В. Акатист Пресветој Богородици у част Њене чудотворне иконе «Бођанске». — URL : http://novisrbijak.narod.ru/PDF_files/Vukosav_Pic/Bodjanska_PB_akatist1.pdf (дата обращения: 28.05.2023).
11. Кадих С. Акатист чудотворној икони Мајке Божије Лепавинске. — Загреб : Српски православни манастир Лепавина, 2005. — 69 с.
12. Кнежевић М. Акатист Пресветој Богородици Млекопитатељници. — Кареја : Типикарница Светог Саве, 2000. — 62 с.
13. Кончаревић К. Језик и религија. Појмовник теолонгвистике. — Београд : Јасен, 2017. — 348 с.
14. Левушкина Р. Теоними у савременом српском језику // Теолонгвистичка проучавања словенских језика, Српска академија наука и уметности. — Београд, 2013. — С. 167–177.
15. Петровић С. Лексика из сфере православне духовности у савременом руском и српском језику: лексичко-семантички, лексикографски и лингвокултуролошки аспекти : неопубл. докторская дис. — Београд : Филол. фак. ун-та у Београду, 2022. — 590 с.

Сведения об авторе

Левушкина Ружица — д.филол.н., ведущий научный сотрудник Института сербского языка Сербской академии наук и искусств, редактор отдела «Лингвистические исследования современного сербского языка и создание Словаря САНУ» (Белград, Сербия).

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ АУРЫ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА НА ВЫБОР АРТИОНИМА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с восприятием двух частей (вербальной и невербальной) произведения искусства как единого целого, как креолизованного текста. Макромир картины, воплощающий авторскую интерпретацию действительности, ее содержание не всегда до конца понятен зрителю. В этом плане название (артионим) помогает реципиенту максимально адекватно распознать замысел художника. Анализ переведенных с одного языка на другой артионимов подтверждает тот факт, что название несет в себе равноправный с картиной смысл, являясь неразрывным целым совместно с изображением и представляет собой «линзу», через которую зритель может увидеть «материальную и духовную самобытность этноса» (Бенвенист).

Ключевые слова: артионим, название картины, полотно, картина, креолизованный текст, прецедентный текст, психолингвистический эксперимент.

Почему мы так нуждаемся в книгах, музыкальных произведениях, живописи, театре? Потому что человеческая жизнь невысказана без ощущений, воображения, чувств, которые дарит нам искусство. Оно воздействует на человека, меняет его мировосприятие и проявляется в виде эмоций — удивления, благоговения, печали, радости, негодования и даже ужаса. Эстетические переживания связаны со способами восприятия произведения искусства, в нашем случае — художественного полотна, воспринимаемого как нечто целостное, законченное в плане содержания и названия. В этом случае задействуются характерные элементы картины: 1) **линия** как художественное средство живописи, передающая форму, контур, силуэт, деталь; 2) **цвет**, поскольку с помощью холодной и теплой гаммы красок («теплохолодности») художник оживляет образ, моделирует пространство, задает ритм, воздействуя на зрителя; 3) **название** произведения.

Итак, говоря о произведении искусства в целом, мы видим некое единство художественного образа картины (зрительный элемент) и его названия (вербальный элемент), то есть особый креолизованный текст (полотно + имя), отражающий единство культур и языков. Картина, своего рода макромир, воплощает глубочайший смысл, авторскую интерпретацию действительности и не всегда до конца понятна зрителю. И в этом случае название (артионим) помогает определить вектор восприятия замысла, и является «предметом искусства», отражающим индивидуальность художника и синтезирующим смысловую и эмоциональную стороны. Точный артионим не только словесно идентифицирует содержание полотна, но и, демонстрируя гармонию красок и слова, может дать название целому направлению искусства, как это получилось у К. Моне с его «Импрессионизмом». Иначе говоря, целостность невербальной и вербальной составляющих выступает как «обобщенная характеристика объектов», обладающих сложным внутренним строением, как единство частей в многообразии их взаимосвязей.

Такие креолизованные тексты, вслед за Ю. Н. Карауловым, можно назвать **прецедентными**, поскольку они «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях» и имеют «сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников» [Караулов, 1986: 215]. В принципе корреляция «художественное полотно — артионим», рассматривается в трех аспектах: семантическом, частно-целом и функциональном. И когда мы говорим о переводных артионимах, следует учитывать все эти моменты.

Например, если текст (полотно) описывает красивый пейзаж, то автор произведения искусства выбирает артионимы, которые ассоциируются со словами «красивый», «восхитительный»: В. Поленов «Золотая осень», А. Саврасов «Радуга», А. Куинджи «Лунная ночь на Днепре», И. Шишкин «Утро в сосновом бору». Если же картина имеет отрицательную эмоциональную окраску, то и артионимы несут в себе некий негативный смысл «неприятный», «отвратительный», «ужасный»: П. Рубенс «Избиение младенцев», Г. Моро «Диомед, пожираемый своими конями»,

Тициан «Наказание Марсия», Т. Жерико «Отрубленные головы», П. Брейгель «Калеки», В. Васнецов «После побоища Игоря Святославича с половцами».

Однако выбор артионима зависит не только от эмоциональной окраски полотна, но и от контекста, в котором он используется. Известно, что название произведения создается либо самим художником, либо искусствоведами, критиками. Оно может быть словесным описанием художественной работы или названием, которое отражает ее тему, настроение, стиль. Например, артионим для картины «Звездная ночь» Ван Гога отражает стиль импрессионизма, известного своим ярким цветовым контрастом, и способностью передать глубокое чувство ностальгии и меланхолии. Артионим картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза» вербализует смысл: портрет женщины с загадочной улыбкой, которая вызывает у зрителей множество эмоций и интерпретаций.

Итак, номинация произведения искусства весьма специфичное мыслеречевое действие, поскольку подразумевает сложную корреляцию названия и полотна, где первая составляющая условна (проблема вербализации замысла художника) и зависит от многих обстоятельств, а вторая является неизменной. Вот, к примеру, что рассказывал Э. Мунк о появлении названия одной из самых загадочных его картин «Крик» (1893). «Я шёл по тропинке с двумя друзьями — солнце садилось — неожиданно небо стало кроваво-красным, я приостановился, чувствуя изнеможение, и опёрся о забор — я смотрел на кровь и языки пламени над синевато-чёрным фьордом и городом — мои друзья пошли дальше, а я стоял, дрожа от волнения, ощущая бесконечный крик, пронзающий природу» [Википедия]. Но почему закат так напугал Э. Мунка? Есть версия, что в это время произошло сильнейшее извержение вулкана Кракатау, повысившее на целый градус температуру атмосферы Земли и распространившее огромные клубы пыли и пепла по всему Земному шару. И несколько вечеров подряд даже в Норвегии небо было заполнено зловещими красками, так сильно возбудившими художника.

Как видим, выбор артионима зависит от разных факторов, включая тему и сюжет произведения, жанр, стиль и технику живописи, цветовую гамму, эмоциональное состояние художника, а также его личные взгляды и предпочтения. Кроме того, важен контекст, в котором произведение будет представлено, например, характеристика музея, тема выставки и пр. Так, в мае 2023 года в Галерее искусств стран Европы и Америки ГМИИ имени Пушкина во время масштабной выставки «После импрессионизма. Русская живопись в диалоге с новым западным искусством» в зале соседствуют две картины с гармоничными названиями: «Завтрак на траве» К. Моне (1866), где сцену на лужайке заливают тот самый импрессионистский свет, и небольшая картина И. Репина «На дерновой скамье» (1876) — летним днем нарядное помещичье семейство прохладается в тени деревьев [Газета «Коммерсантъ», 2023: 11].

С позиции психолингвистики артионимы также являются важными элементами, требующими особого внимания исследователей. Ведь сложность создания номинации объясняется тем, что артионим одновременно обладает множеством особых функций: «номинативной, денотативной, сигнификативной; информативной, рекламной, мемориальной, агитационно-идеологической, эмоционально-ассоциативной; адресной, дейктической, апеллятивной, характеризующей, аккумулирующей, ориентирующей, композиционной; эстетической» [Бурмистрова, 2006: 37–42].

Важным моментом можно считать и тот факт, что названия используются для создания связей между словами и концептами, помогая понять и подчеркнуть историю, язык и культуру, национальные обычаи и поведение жителей той или иной страны. И именно в подобном случае артионим приобретает свое настоящее «культурное» значение, которое несет глобальный эмоциональный и эстетический смысл. С этим как раз и связано наличие (при переводе названия с одного языка на другой) определенного числа разночтений: Э. Мане «Мальчик, надувающий мыльные пузыри» — «*Les bulles de savon*» (досл. мыльные пузыри [Мультитран]), «Слива», «Подвыпившая», «Слиловица» — «*La prune*» (досл. слива; сливовая водка; сливовая настойка [Мультитран]); Э. Дега «Абсент», «Любители абсента» — «*L'absinthe*» (досл. абсент; полынная водка [Мультитран]), П. Гоген «Хоровод маленьких бретоннок» — «*Bretonnes dansant*» (досл. танцующие бретонки [Мультитран]) и пр.

Для выявления эмоциональных реакций реципиентов с целью показать вариативность эмоциональной составляющей креолизованного текста (полотно + имя) и вербализованного восприятия российскими студентами произведений искусства, мы провели психолингвистический

эксперимент, в котором в качестве испытуемых приняли участие студенты Института права БГУ (1, 2, 3, 4 курсы). Было предложено задание: дать свое название полотну, которое мы продемонстрировали. В результате проведенного эксперимента были получены следующие результаты:

1. В. Ван Гог «*Пшеничное поле с воронами*»: «*Беспокойство, происходит что-то плохое*», «*Тропа в неизвестность*», «*Гроза на поле*», «*Воронье поле*», «*Перед грозой*», «*Тревога*», «*Поле перед грозой*», «*Кошмар*», «*Ночь. Поле*», «*Ночное поле*», «*Дорога*», «*Приближение мрака*», «*Сенокос*», «*Пшеничное поле в непогоду*», «*Смерть*», «*Летний день перед бурей*», «*Ночь на покосе*».

2. В. Ван Гог «*Горюющий старик*»: «*Тихая грусть*», «*Скорбь*», «*Разочарование. Старость*», «*Отчаяние*», «*Старик*», «*Слезы старика*», «*Сожаление*», «*Горе*», «*Боль отчаявшегося человека*», «*Тяжесть*», «*Смирение*», «*Стыд*», «*Боль*», «*Безысходность*», «*Утрата*», «*В начале конца*», «*Усталость*», «*Душевная боль*», «*Потеря*».

3. О. Ренуар «*Всадники в Булонском лесу*»: «*Гордость*», «*Наездница*», «*Дама на охоте*», «*Аристократка на коне*», «*Прогулка*», «*Молодость*», «*Мадмуазель верхом на коне*», «*Девушка на красивом коне*», «*Лошади*», «*Прогулка*», «*Всадницы*», «*Пятничная прогулка*», «*Аристократки*», «*Лето. Кони. Люди*», «*Конная прогулка*», «*Голубая кровь*», «*Надменность*».

4. Э. Мане «*Слива*»: «*Горе*», «*Опьяневшая*», «*Одиночество*», «*Одна в кафе*», «*Один на один со своей бедой*», «*Тяжелые воспоминания*», «*Размышления молодой особы*», «*Пустота*», «*Совсем одна*», «*Скука*», «*Несбывшиеся мечты*», «*Жизнь не та*», «*Тоска*», «*Одиночество*», «*Дума*», «*В раздумьях*», «*Безразличие*», «*Пьяная девушка*», «*Эх...*», «*Скучающая мадам*», «*Мысли о будущем*».

5. Р. Магритт «*Искусство жизни*»: «*Солнце*», «*Я, когда учу французский*», «*Накопилось*», «*Мысли в голове*», «*Тяжесть в голове*», «*Человек — голова*», «*Перегруженность*», «*Страшная судьба человечества*», «*Мистер Плутон*», «*Ложь*», «*Эгоизм*», «*Человек-колобок*», «*Безумие*», «*Работа сквозь усталость*», «*Сознание*», «*Раздутое эго*», «*Ум без тела*», «*Жадность*», «*Ментизм*».

6. С. Дали «*Сон*»: «*Разочарование*», «*Невидимая поддержка*», «*Тяжесть*», «*Тяготы раздумий*», «*Последняя опора*», «*Без сил*», «*Опора*», «*Башиачник*», «*Голова в неопределенности*», «*Тягость*», «*Тяжесть ношения маски*», «*Плач*», «*Тягота*», «*Поиск в темноте*», «*Поддержка образа*», «*Невыносимая усталость*», «*Мнимая поддержка*», «*Тяжелый жизненный путь*», «*Выстроенный образ*»

Показанные картины «инициировали» определенные образы и экспансивное состояние, которые возникли у реципиентов, и, как мы продемонстрировали выше, в первых трех случаях студенты угадали эмоциональную ауру, связанную с конкретной картиной. Они охарактеризовали полотно Ван Гога «*Пшеничное поле с воронами*» такими словами и выражениями, как *беспокойство, неизвестность, гроза, тревога, кошмар, мрак, непогода, смерть, буря, ночь*, что вполне соответствует настроению картины [Мухаметгареева, 2020: 540]. Ее содержание передает смутение, тревогу, депрессивность, ведь, предположительно, художник закончил работу над ней за 19 дней до своей смерти (есть версии, что он покончил жизнь самоубийством).

Эмоциональное настроение, передаваемое второй предложенной картиной «*Горюющий старик*», испытуемые тоже угадали и охарактеризовали полотно следующими словами: *грусть, скорбь, разочарование, старость, горе, боль, тяжесть, смирение, стыд*

Глядя на третью картину О. Ренуара «*Всадники в Булонском лесу*», испытуемые констатировали возникновение чувства радости, торжества, движения, молодости, тепла, что соответствовало эмоциональной ауре полотна: *гордость, наездница, охота, молодость, мадмуазель, верхом на коне, голубая кровь, отдых, аристократки, лето, кони, радость, надменность*.

В первых трех случаях эксперимент показал, что под влиянием эмоциональной составляющей картины реципиенты испытывают подобные же чувства и дают однородные по настроению и содержанию названия. Даже реакция жалости, скорби является откликом на репрезентированное эмоциональное состояние, ибо адресат располагает фоновыми знаниями, обогащающими восприятие.

Интересно с точки зрения влияния экстралингвистических факторов на восприятие картины Э. Мане «*Слива*» — «*La Prune*», где изображена сидящая в кафе, хорошо одетая девушка, слегка выпившая, с рюмкой сливовой наливки [Мухаметгареева, 2017: 16]. Так, для французского обывателя (в том числе и женщины) является нормой зайти в кафе и выпить в одиночестве чашку

кофе или пропустить рюмочку вина. Однако такое поведение не одобряется русской культурой (Высоцкий: «*Ведь я же, Зин, не пью один...*»). Как оказалось, выявление базовой эмоции данной картины, которая отразила бы ее суть (для французов: девушка просто отдыхает!), оказалось непростой задачей для наших студентов. Вид сидящей и пьющей в одиночестве девушки, по их мнению, мог свидетельствовать только о чем-то экстраординарном, об обмане, предательстве, что и отобразили испытуемые в своих названиях: *горе, опьяневшая, одиночество, одна, один на один со своей бедой, тяжелые воспоминания, безразличие, пьяная, тоска*. В сознании русского человека тема застолья и других «гастрономических» нюансов представлена иначе: это всегда шумные посиделки в кругу семьи или друзей: В. Перов «*Охотники на привале*», А. Рябушкин «*Пир богатырей у ласкового князя Владимира*», Ю. Васнецов «*Праздничный стол*», Т. Мягкова «*Семейство за чайным столом*» и др.

Всю власть воздействия артионима на реципиента, мы увидели, когда предложили испытуемым две работы художников-сюрреалистов Р. Магритта «*Искусство жизни*» и С. Дали «*Сон*». В этом случае студенты выстроили свои разнообразные умозаключения к картине Р. Магритта, начиная от личных тягот обучения («*Я, когда учу французский*», «*Накопилось*», «*Мысли в голове*», «*Тяжесть в голове*», «*Человек — голова*», «*Перегруженность*») и заканчивая общими понятиями о человеке «*Ложь*», «*Эгоизм*», «*Безумие*», «*Сознание*», «*Раздутое эго*», «*Жадность*».

Кстати, сам Р. Магритт считал, что название «рисунка» не обязано ему соответствовать, а должно наделять картину дополнительным смыслом и загадочностью [Магритт, 1979: 252].

Анализ артионимов и проведенный эксперимент подтверждают, что названия картины меняются от эпохи к эпохе, становясь не просто ее маркером, но и своего рода комментарием, равноправной частью неделимого целого.

Что касается картины С. Дали «*Сон*», смысл, который заложил автор в свое произведение («...окуклившийся монстр, чьи формы и душевная тоска подперты одиннадцатью основными костылями... Достаточно хотя бы одной губе отыскать надёжную опору в уголке подушки или мизинцу прилечь к складке на простыне, как сон вцепится в нас изо всех своих сил. Затем тяжело нависнет ужасающий лбище, опирающийся на мягкую колонну носа...» [Нере, 2001: 46–47]), испытуемые по большей части смогли отразить. Однако суть полотна, то, что хотел сказать автор, они так и не угадали: «*Невидимая поддержка*», «*Тяжесть*», «*Тяготы раздумий*», «*Опора*», «*Тягость*», «*Мнимая поддержка*», «*Тяжелый жизненный путь*», «*Выстроенный образ*».

Итак, артионимы прошли сложный путь «саморазвития» от длинного описания изображенного на полотне в каталогах выставок до искусствоведческой единицы, когда название несет в себе равноправный с картиной смысл, являясь неразрывным целым совместно с изображением: С. Дали «*Лицо войны*», «*Постоянство памяти*», «*Тайная вечеря*»; Ф. Кало «*Разбитая колонна*», «*Без надежды*», «*Да здравствует жизнь*»; Р. Магритт «*Репродуцирование запрещено*», «*Фальшивое зеркало*», «*Убийца в опасности*» и пр.

Список источников

1. Бурмистрова Е. А. Названия произведений искусства как объект ономастики : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2006. — 204 с.
2. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. — М. : Искусство, 1986. — С. 98–107.
3. Крик (картина Мунка) // Википедия. — URL : <https://clck.ru/LzhLU> (дата обращения: 22.05.2023).
4. Мультитран. — URL : <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=4&l2=2/> (дата обращения: 22.05.2023).
5. Мухаметгареева Н. М. Артионим во французском и русском искусствоведческих дискурсах (лингвокультурологический аспект перевода) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2017. — 22 с.
6. Мухаметгареева Н. М., Яковлева Е. А. Сопоставительный анализ ассоциативных полей в русской и французской лингвокультурах (на примере картин В. Ван Гога) // Языковое сознание. Речевая коммуникация : материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В. Е. Гольдина. — Саратов, 2020. — С. 539–547.
7. Нере Ж. Дали. — Taschen, 2001. — 96 с.

8. Перестройка зрения // Коммерсантъ : газ. — 2023. — № 86, 18 мая. — С. 11. — URL : <https://www.kommersant.ru/doc/5987462/> (дата обращения: 22.05.2023).

9. Magritte R. Ecrits complets. — Paris : Flammarion, 1979. — 766 p.

Сведения об авторах

Мухаметгареева Наталья Михайловна — к.филол.н., доцент кафедры международного права и международных отношений Уфимского университета науки и технологий; **Яковлева Евгения Андреевна** — д.филол.н., профессор кафедры теорий и методик начального образования Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, главный научный сотрудник Международного центра продвижения русского языка и литературы имени М. Карима (Уфа, Россия).

С. А. Мызников

ПРОЗВИЩНЫЕ ЭТНОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Аннотация. В статье представлен анализ некоторых прозвищ неисконного происхождения. Исследование построено на полевых и лексикографических данных, собранных на территории Северо-Запада: Мурманская, Архангельская, Ленинградская, Вологодская области, Республика Карелия. Отмечается наличие в большинстве случаев наряду с ономастической единицей апеллятива — первоисточника. Весьма распространен в регионе материал, представляющий коллективные прозвища.

Ключевые слова: прозвище, этимон, прибалтийско-финский карельский, вепский

Данная работа основана на материалах, которые собирались в ходе диалектологических экспедиций на территории областей Северо-Запада России, также использовались сведения, извлеченные из лексикографических источников. На этой территории и в настоящее время проживает немногочисленное прибалтийско-финское население: вепсы, карелы, ижоры, водь, что обуславливает наличие значительного числа субстратных апеллятивов, связанных с этими этносами, и обширных ономастических данных. Автор уже не раз обращался к анализу подобных материалов, см. [Мызников, 2014; 2016; 2018; 2023] Материалом исследования послужили прозвища, полученные в ходе полевых исследований. Фокус внимания был сосредоточен на прозвищах, представленных в русских говорах региона, которые представляют собой результат этноязыковых контактов. Довольно много прозвищных единиц зафиксировано в зоне этноязыковых контактов, которые в основе имеют неисконное происхождение. Причем следует отметить, что такого рода данные фиксируются еще в памятниках письменности: **Алажма** 'прозвище': — *Варница в Куноручью Федора Власова сына Алажмы* (Сумская волость, 1582 г.) [Кюршунова, 2010: 17]. **Олажма** 'место для устройства костра в лодке на судне' Помор., 1960 [КСРНГ]. **Олажма** 'ящик с глиной, в котором на судне разводили костер' Беломор. [КСРГК], при кар. *alauš, alušta* 'подкладка, подставка' [Kalima 1915: 77-78].

В зоне контактов имеются случаи фиксации прозвищ, в основе которых лежат заимствованные из прибалтийско-финского континуума наименования птиц.

Паскара'га 'бранное прозвище' Подпорож. Ленингр. [ПЛГО], при апеллятиве **паскара'га** 'сойка' Подпорож. Ленингр., Прионеж. Карел., Вытегор. Вололг. [ПЛГО], при ливв. *paskuharakku* 'сойка' [СКЯМ: 257], кар. *paskaharakka* 'сорока' [KKS, 4: 171], вепс. *paskharag* 'сойка' [СВЯ: 402].

Ко'ппала 'прозвище плохо слышащего человека' Пудож. Карел. [ПЛГО]. Причем, внешние характеристики глухарки реализуются также в апеллятивах, ср. также: **ко'ппала** 'о растрепанной длинноволосой женщине' Кем. Арх. [КСРНГ]; **ко'ппала** 'человеке с веснушками' Терск. [СРГК 2: 419]. При карельской основе русских данных: кар. *koppola*, ливв. *koppala*, люд. *koppal* 'глухарка' [Kalima, 1915: 128].

Широко представлена в говорах Обонежья лексема **габу'к** 'ястреб', с фиксациями в Ленинградской, Вологодской областях, Карелии. Фиксируется также в значениях 'петух, драчливый петух' Вытегор., Подпорож. [ПЛГО]. 'злая собака' Прионеж. [ПЛГО]. Отмечается также как прозвище драчливого человека и по диалектным данным XIX века — Петрозав. [Куликовский], и по ПЛГО. Русские данные соотносятся с вепскими источниками, ср. вепс. *habuk* 'ястреб' [СВЯ: 101], а для северного Обонежья нельзя исключать также и людиковские, ср. люд. *habuk* 'ястреб' [Kalima, 1915: 88], при германской первооснове прибалтийско-финских единиц: др.-верх.-нем. *Habuh*, др.-норв. *haukr*, др.-швед. *höker* [SKES: 62]

В ряде случаев в основе прозвищ лежат характеристики внешнего облика человека, причем их мотивационные основы можно выявить только на основе анализа семантики прибалтийско-финских этимонов.

Ля'пойнена 'прозвище человека с курносом носом' Вытегор. (Ошта). Ср. вепс. *läpraknena*, *läpsnena*, *läprüsknena* 'прозвище человека с приплюснутым носом' [СВЯ: 311].

Па'лой 'прозвище человека быстрого в делах': *Палой* — это прозвище *огонь-парень*. Вытегор. (Ошта). Может быть связано с вепс. *palada* 'гореть' [СВЯ: 396], кар. твер. *palava* 'горячий' [СКЯП: 198].

Колма'к 'прозвище' Черепов. Новг. [КСРНГ]. Первоначально была версия связи этой единицы с вепс. *kuht* 'желвак, шишка, волдырь', при переносном значении 'барин, важный человек' [Мызников, 2019: 325]. Более вероятно сопоставление с вепс. *koum* 'три' [СВЯ: 252], *kol'm...* 'три в композитах' [СВЯ: 221].

Во многих случаях прозвищные единицы функционируют в говорах со сходной апеллятивной лексикой, что в большинстве случаев раскрывает мотивационную основу прозвища. Хотя следует отметить, что прибалтийско-финские первоисточники анализируемых данных можно рассматривать как верификационный инструмент семантической основы прозвища, которая не всегда выявляется в ходе полевых исследований.

Ка'ва 'прозвище' Черепов. Новг. [КСРНГ], при **ка'ва** 'кол, колышек' Кондоп. Карел., Онеж. Арх., Подпорож. Ленингр. [ПЛГО]. Ср. вепс. *kavi*, *kava* 'кол', 'колышек для вешанья одежды' [СВЯ: 189].

Ки'гача 'прозвище' Пудож. Карел. [ПЛГО]. Ср. сходную апеллятивную лексику: **Ки'гача** 'мошкара' Пудож. Карел. [ПЛГО], при кар., ливв. *t'ihī*, вепс. *tih'i* 'то же' [Kalima, 1915: 225].

Кося'к 'прозвище мужчiny невысокого роста': — *Он маленький, шы'бздик, дак косяко'м обзывали*. Вытегор. Волог. [ПЛГО]. Ср. **кося'к** 'мелкая рыба сем. вьюновых, голец' Подпорож. Ленингр. *Кося'к под камня'ми живе'т, мы ево' ви'лкой коло'ли*. Вытегор. Волог. [ПЛГО]. Возможно сопоставление с фин. *kossi* 'маленький мальчик, невысокий мужчина', 'маленький лосось, форель'; материалы крайне близки по форме и семантике. По мнению авторов SKES, в финский слово пришло из скандинавских языков, ср. швед. *gosse* 'мальчик', норв. *gosse* 'мужчина, высокий, крепкий мужчина', 'кабан' [SKES: 223].

Ропак 'прозвище' Черепов. Новг. [КСРНГ]. **Ропак** 'рябой, человек с изуродованным оспою лицом' Медвежьегор. [ПЛГО]. Я. Калима возводит данный материал к вепс. *gorak*, *gorarod* 'оспина, оспины' [Kalima, 1915: 204]. Лексема **ропак**, широко распространена в Обонежье, что подтверждает связь с вепским влиянием.

Курпа'к 'прозвище рябого мужчiny': — *Ропак, курпак, шита рожса, браный нос*. Вытегор. Волог. [ПЛГО]. Ср. фин. *kurppa* 'кулик' [SKES: 246], вероятно связано с пестрым оперением некоторых видов куликов.

Ва'чеги 'прозвище жителей н.п. Пилмасозеро' Пудож. (Чуяла). Ср. также апеллятивы, полученные в ходе ПЛГО: **ва'чеги** 'холщевые рукавицы, надеваемые на вязаные варежки' Лодейноп. Волх., Тосн. Ленингр. *Из портна' наде'ргииши, на рукави'цы, ва'чеги и есть*. Плесец. Арх.; 'рукавицы' Медвежьегор. Карел.; 'суконные рукавицы, обшитые кожей' Тосн. Ленингр.; 'рукавицы из овчины' Подпорож. Ленингр.; 'старые рукавицы': *Дельни'цы из шерсти, ва'чега, ста'рая, в запла'тах дельни'ца*. Пудож. Карел. [ПЛГО]. Традиционно возводится к саамским источникам, ср. саам. *va'tts*, род. п. *vā'ttsa* 'то же' [Itkonen, 1932: 50]. Ср. также саам. кильд. *vāhc*, комит. *vācen* [Керт, 1967: 25], вепс. *vačag* 'старая рукавица' [СВЯ: 607].

В ряде случаев мотивационные характеристики прозвища фиксируются только на уровне прибалтийско-финских этимонов.

Кя'беля 'прозвище неряшливого и малоразвитого мужчины' Медвежьегор. Карел. [СРГК, 3: 84]. Ср. ливв. *köbölö* 'копуша', кар. *köbelö* 'неуклюжий человек, увалень, копуша' [СКЯМ: 174].

Ря'мзя 'прозвище' Пудож. Карел. Неумелый никчемный человек. Медвежьегор., 'неряшливый человек' Кондоп. Карел. Ср. ливв. *rämü*, кар., фин. *rämä* 'разбитая или плохая вещь', *rämy* 'хлам, старье' [SKES: 912].

Кроме того, весьма значителен материал, представляющий коллективные прозвища, под которыми обычно понимаются характеризующие обобщенные именованные жители какого-либо населенного пункта, не связанные напрямую с его названием.

Шелгачи 'прозвище жителей д. Половина' Пудож. Карел. Ср.: **Шалга'ч, шелга'ч** 'мешок' Каргоп. Арх., при кар. твер. *šalku, šalkun'e* 'мешок, котомка' [СКЯП: 263], ливв. *šalgu* 'котомка, сума, мешок' [СКЯМ: 360], вепс. *šauguin'e* 'котомка, мешок' [СВЯ: 543], люд. *šalg, šalgu, šaug* 'полотняный заплечный мешок' [SKES: 955].

Гарьюса 'прозвище жителей д. Кипарово'. Беломорье. Ср. **га'йрус** 'рыба хариус', с широким распространением, при вепсском источнике, ср. вепс. *har'g'os, har'g'uz* 'хариус' [СВЯ: 107].

Кана'бренники 'прозвище жителей с. Кашкаранцы'. Ср.: **Кана'бра** 'багульник' Беломорье, Заонежье, Лодейноп., Тихв. Ленингр. Ср. кар. твер. *kanarvikko* 'то же', кар. *kanarvo* 'вереск, часто также багульник', кар. тихв. *kalarvo* 'то же' [KKS, 2: 46].

Керчаки 'прозвище жителей д. Пялица' Беломорье. **Керча'к, керцяк** 'рыба бычок' Терск. (Умба) [Меркурьев 1979: 65]. **Ке'рца** 'различные виды рыб Cottus' Арх. [Даль]. «Подкаменщик» КАССР, Белое море [СРНГ, 13: 190]. Восходит к саамским источникам, ср. саам. *ke'rtts* 'подкаменщик Cottus scorpius' [KOLTKS: 121].

Ки'басники 'прозвище жителей с. Лампожня' Беломорье. Ср. **Ки'бас** 'оплетенный берестою или гибким корнем небольшой камень, привязываемый в качестве грузила к нижней тетиве рыболовной сети' Кандалакш. Терск. [Меркурьев, 1979: 65], при вепс. *kivez* 'грузило' [СВЯ: 210]. Л. П. Комягина отмечает, что **кибас** 'грузило сети' фиксируется на всей территории Архангельской области, кроме Онежского района, где доминирует слово **погруз** [ЛААО: 86].

Можно привести также прозвища, исходная семантика которых более характерна для прибалтийско-финских языков: **Ело'вый сук** 'прозвище мужчины' Пудож. Карел. [ПЛГО]. Ср. вепс. *kuzen oks* 'сук ели'. Вероятно, такие тождественные данные можно рассматривать как результат семантического влияния и квалифицировать как семантическую кальку.

Фиксируются также прозвища, анализ происхождения которых вызывает затруднение.

Ши'ма 'прозвище': *На гри'ве в Гражда'нскую войну' в дере'вню Ши'ма прибежа'л. Ши'мское боло'то назва'ли.* Сланц. (Велетово) Ленингр. [ПЛГО].

Каламай 'прозвище' Повен. Олон., 1931 [СРНГ, 12: 334].

Хро'пка 'прозвище мужчины' Каргоп. (Тихманьга) Арх. [ПЛГО].

Таким образом, можно еще раз констатировать наличие значительного карельско-вепсского вклада в ономастическую систему русских говоров Северо-Запада, хотя в основу номинации большей частью лежат традиционные мотивирующие характеристики, такие как, внешний вид человека, некоторые черты его характера, ассоциации с флорой и фауной.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — 2-е изд., испр. и значит. умнож. по рукоп. авт. — М.; СПб., 1880–1882. — Т. 1–4.
2. Керт Г. М. Фонетические изменения и фонологические чередования (на материале кильдинского диалекта саамского языка) // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. — Л., 1967. — С. 20–26.
3. Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. — Архангельск, 1994 (ЛААО).
4. Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1898.
5. Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. — СПб., 2010.
6. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. — Мурманск, 1979. — 184 с.

7. Мызников С. А. О некоторых особенностях антропонимии и топонимии в говорах Мстинско-Моложского междуречья // Ономастика Поволжья : материалы XIV Междунар. науч. конф. — Тверь, 2014. — С. 37–41.
8. Мызников С. А. Ойконимы со славянскими топоформантами на прибалтийско-финской почве // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2016. — С. 118–120.
9. Мызников С. А. Прозвища на страницах «Словаря русских народных говоров» // Ономастика Поволжья : материалы XV Междунар. науч. конф. — Арзамас ; Саров : Интерконтакт, 2016. — С. 104–108.
10. Мызников С. А. О происхождении некоторых прозвищных этнонимов в русских говорах Северо-Запада России // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / ред. А. М. Мезенко. — Витебск, ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. — С. 115–120.
11. Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.
12. Мызников С. А. Катоиконимы и коллективные прозвища в Беломорье // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / редкол. : Ю. В. Дулова [и др.]. — Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. — С. 111–116.
13. Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам) (ПЛГО).
14. Словарь вепсского языка / сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. — Л., 1972 (СВЯ).
15. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. — Петрозаводск, 1990 (СКЯМ).
16. Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. — Петрозаводск, 1994 (СКЯП).
17. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. — СПб., 1994–2005. — Т. 1–6 (СРГК).
18. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : картотека // Санкт-Петербургский гос. ун-т, фил. фак., словарный каб. им. Б. А. Ларина [место хранения] (КСРГК).
19. Словарь русских народных говоров : картотека // ИЛИ РАН [место хранения] (КСРНГ).
20. Словарь русских народных говоров. — М. ; Л./СПб., 1965–2021. — Т. 1–52 (СРНГ).
21. Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tiedeakatemia Toimituksia. — Helsinki, 1932. — В. XXVII. — S. 45–65.
22. Itkonen T. I. Koltan ja kuolalapin sanakirja. O. 1–2 // LSFU, XV. — Helsinki, 1958 (KOLTKS).
23. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. — Helsingfors, 1915.
24. Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 // LSFU, XVI, 1–6. — Helsinki, 1968–2005 (KKS).
25. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. — Helsinki, 1955–1981 (Ахметья).
26. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. — Helsinki, 1992–2000 (SSAP).

Сведения об авторе

Мызников Сергей Алексеевич — д.филол.н., член-корреспондент РАН, заведующий отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН (Москва, Россия).

О. В. Никитин

ЭТНОНИМЫ В «УШАКОВСКОМ СЛОВАРЕ»

Аннотация. В статье анализируется ономастическое пространство статей «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, который впервые в практике советской лексикографии обозначил и охарактеризовал в рамках филологической традиции особенности использования этнонимов. Их толкование и интерпретация при всей сжатости формулировок и объяснимой идеологичности говорят о пристальном внимании языковедов к способам семантизации новых с точки зрения национальной

политики этнокультурных феноменов. Изученные материалы свидетельствуют, что не все народы СССР получили признание в лексикографическом источнике. Представленные и прокомментированные авторами словаря лексемы можно воспринимать как социолингвистический рисунок 1930-х гг., в котором «язык революционной эпохи» опосредованно отражался в филологическом сознании современников в номинативных формулах советской эпохи. При этом отмечается лингвистическая корректность подачи словарного материала.

Ключевые слова: ономастика, этноним, Д. Н. Ушаков, словарь, семантизация, социолингвистика, филологическая культура.

Лексикографическая практика 1930-х гг. — интересное и необычное явление в истории лингвистической биографии страны, пересмотревшей за два десятилетия существования нового государства культурно-религиозные ценности и исторические традиции народов, населявших территорию России. Пионер отечественной социолингвистики, впервые так панорамно исследовавший языковые процессы 1917-1926 гг., писал: «Новые явления, возникшие в революционную эпоху, вызывали и новые термины. Для этой цели были образованы новые слова или прежние слова стали употребляться с иным значением» [Селищев, 1928: 17]. Географические и в целом ономастические переименования стали приметой времени: *Урицк* вместо Царёво, *Краснококшайск* вместо Царевококшайск и т. д. [Селищев, 1928: 189]. Эта тенденция постепенно входила в речевую практику и закреплялась в печати, в публичных выступлениях и даже научных работах, формируя тот самый облик «революционной эпохи». Ее выразителем в какой-то мере стал «Ушаковский словарь», который гениальным чутьем его редактора и соратников не превратился в копию исторического момента, а показал преемственность в научной теории и практике, уважительное отношение к литературно-языковым традициям прошлого, дал правильный импульс в оценке многих явлений и, главное, не отрекся от Пушкина как вершины художественной речи, народной смекалки, фразеологии и образности национальной культуры. Все эти свойства дореформенного языка, которые противниками Д. Н. Ушакова оспаривались, стали полем битвы за словарь. Поэтому нельзя однозначно говорить о тех или иных «просчетах» и уступках. Жестокое время, не будь тонкой ушаковской дипломатии, могло стереть любое упоминание о религиозности или «купеческом языке», без которого немислима живая речь.

При всем филологическом таланте участников «Толкового словаря русского языка» (далее — ТСРЯ): Д. Н. Ушакова, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, С. И. Ожегова, Б. В. Томашевского — возможность объективной семантизации явлений, понятий и терминов была сужена, так как авторы находились под негласным надзором соответствующих органов, имевших свои представления о смысле словарной работы. Но не следует оценивать ТСРЯ с позиции сегодняшнего представления об аксиологии научного знания. Ученые работали «вручную»: прочитывали газеты, периодику, публицистику, художественные произведения советских писателей и поэтов, техническую и военную номенклатуру. И все эти тексты необходимо было изучить как факты языка. Насколько они вписываются в традицию Пушкина — Горького? Это, пожалуй, был один из основных вопросов негласного «словарного закона». Авторам приходилось балансировать на грани. В предисловии «От редакции», конечно, нельзя было прямо говорить о приоритете лингвистического знания над внешним фоном, но это намерение можно прочитать между строками даже официального текста: «Выпускаемый теперь словарь — попытка отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем указать установившиеся нормы употребления слов» [ТСРЯ, 1935, I: XII].

Интересно отметить, что в толковании лексем авторы показывают не только прямой смысл, но и дают обиходное значение, которое было применимо в разговорном языке. Они подобно В. И. Далю впитывали из народной речи и красивые образы и метафоры, и грубые, жаргонные, просторечные слова, там самым оживляя казенный язык, показывая его во всей совокупности социальных оттенков. Так, например, этноним *азиат* объясняется следующим образом: «1. Уроженец Азии. 2. *перен.* Некультурный, грубый человек (возникло на почве высокомерно-пренебрежительного отношения европейцев к колониальным народам; устар.)» [ТСРЯ, 1935, I: стб. 18]. При этом, надо заметить, что во многих случаях, когда есть однокоренные слова,

составители приводят цитату из авторитетного источника (в данном случае — из сочинений Тургенева и Ленина — она дается к слову *азиатчина*) [ТСРЯ, 1935, I: стб. 18].

В другом примере обыгрывается конкретное качество титульного носителя этнонима, которое закрепилось в обиходной речи современников:

АМЕРИКАНЕЦ... 1. Уроженец Америки. 2. *перен.* Энергичный, деловитый, практичный человек (разг.). *У него дело пойдет: это чистый а<американец>!* [ТСРЯ, 1935, I: стб. 32-33].

Ученые фиксируют и омонимичные по смыслу лексемы, расширившие семантическое поле этнонима. Показательный пример здесь со словом *американка*, которое, кроме прямого значения ('1. *Женск.* к американец'), имеет еще три переносных:

'2. Печатная машина для мелких типографских работ (тип.). 3. Двухколесный беговой экипаж (спец.). 4. Сорт яровой пшеницы на юге СССР (спец.)' [ТСРЯ 1935, I: стб. 33].

Примечательно, что в первом по времени после выхода ТСРЯ «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1949) добавилось еще одно омонимичное значение слова *американка*: 'название заведений для быстрого обслуживания посетителей (закусочные, починочные мастерские и т.п.; разг.)' [Ожегов, 1949: 10], очевидно, бытовавшее в народной среде в послевоенное время. Второе значение ('печатная машина...'), использованное в ТСРЯ, у С. И. Ожегова повторяется без изменений. А третье и четвертое — отсутствуют. Так изменился социолингвистический портрет эпохи.

В современных толковых словарях такой широты семантизации нет. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, в одной из недавних версий, это слово вообще отсутствует (есть лишь *американцы*) [Ожегов, 2012: 43]. А в «Словаре современного русского литературного языка» *американка* приводится как отдельная лексема с значением 'двухколесный гоночный экипаж' и цитатой из «Изумруда» А. И. Куприна: *Из сарая выкатывали легкие двухколесные с высокими сиденьями американки* [ССРЛЯ, 1991, I: 153].

Предполагаем, что отдельные иллюстрации к этнонимам могли иметь идеологическую подоплеку и подбирались авторами с учетом политического момента. Так произошло с объяснением слова *англичанка*, во втором значении которого дается следующее: 'Англия (фам.). *А<англичанка> подгадила*' [ТСРЯ, 1935, I: 39].

Отличительной особенностью семантизации этнонимов является показ лексемы в развитии ее смысла или официально-народного толкования: как было раньше и как стало сейчас. Например, есть два слова, которые, по мнению авторов, претерпели изменения:

БАШКИРЦЫ, *ев, ед. -рец, рца, м. (устар.)*. То же, что башкиры.

БАШКИРЫ, *р-ров, ед. -кир, а, м.* Тюркская народность, живущая на южном Урале [ТСРЯ, 1935, I: стб. 97].

Показательно, как интерпретируется известная в дореволюционной практике триада *великорусский — белорусский — малорусский*, претерпевшая социально-исторические изменения и свидетельствующая о росте национального самосознания народов, стремившихся обозначить свое новое лицо. Ср.:

БЕЛОРУСЫ... Одна из восточнославянских народностей, населяющая территорию между средним Поднепровьем и верхним Неманом [ТСРЯ, 1935, I: стб. 121];

ВЕЛИКОРУСЫ... и (книжн.) великорос(с)ы... (устар.). То же, что русские. [Название возникло в Московском государстве на почве великодержавной идеологии, объявившей русскую народность «великой» в сравнении с украинской и белорусской] [ТСРЯ, 1935, I: стб. 244];

МАЛОРОС(С) и малорус... (дореволюц.). Шовинистическое название украинца [ТСРЯ, 1938, II: стб. 130].

К последнему этнониму «прикрепились» в книжной речи и номинации *малороссиянин, малороссиянка*. В словаре дается помета: «книжн. старин.» [ТСРЯ, 1938, II: стб. 131].

Обозначение географических границ народа, как мы видим, стало неотъемлемой частью словарной статьи. Например:

УКРАИНЦЫ... Славянский народ, составляющий основное население Украинской Советской Социалистической Республики [ТСРЯ, 1940, IV: стб. 921-922].

РУССКИЕ... Восточнославянский народ, составляющий большинство населения СССР, великоруссы [ТСРЯ, 1940, IV: стб. 1408].

Заметим, что авторы в определениях следовали официальной позиции и не допускали дискуссионности. Так произошло с этнонимом *русин* — ‘украинец, житель Карпатской Руси’, что оспаривается рядом современных лингвистов [Дуличенко, 1981] и является предметом вечного спора, не лишённого языковых и социокультурных оснований как с одной, так и с другой стороны. А. Д. Дуличенко *русинский язык* относит к числу так называемых автономных литературных микроязыков, то есть языков малых этнических групп, зачастую находящихся на грани выживания [Дуличенко, 1998].

В отдельных случаях содержится помета «науч.» после объяснения этнонима:

ГЕРМАНЦЫ... Подданные Германии. || Общее название, под к-рым объединяют ряд европейских народов, близких по языку: немцев, англичан и скандинавов (науч.) [ТСРЯ, 1935, I: стб. 553].

Возраставшее влияние Германии, очевидно, отразилось и на специфике преподнесения толкования этнонимов *немцы* и разговорно-фамильярного *немчура*. Под третьим значением первой лексемы ‘иностранцы (простореч. устар.)’ дается такая иллюстрация из Грибоедова: «Чтоб умный, добрый наш народ хотя по языку нас не считал за немцев». *Немчура* иллюстрируется следующим отрывком из Некрасова: ‘Пренебрежительное, бранное название немца, немки. *Немчура* показывал, где надобно рубить’ [ТСРЯ, 1938, II: стб. 520].

«Ушаковский словарь» стоял в авангарде многих новых тенденций становления научной лексикографии. Способы представления и толкования ономастикона в словарях к тому времени еще не были четко разработаны. Отсюда наблюдается «бессистемность» в семантизации, о которой говорил А. И. Грищенко, приводя такие примеры: «...“жители” (7) — *индийцы, индусы, марсиане (марсиане), нормандцы, полинезийцы, финляндцы, швабы*; “житель” (7) — *латинянин, русин, селенит, угрорус, уралец, чалдон, эфиоп*; “уроженец” (6) — *азиат, американец, волгарь, египтянин, кавказец, казак*; “гражданин” (3) — *римлянин, россиянин, спартанец*; “житель, уроженец” (2) — *волжанин, северянин*; “подданные” (2) — *германцы, немцы*; “уроженец или житель” (2) — *аравитянин, европеец*; “граждане” — *швейцарцы*; “жители или уроженцы” — *пруссаки*; “жители, уроженцы” — *бухарцы*; “житель, туземец” — *крымчак*; “название жителей” — *хивинцы*; “обитатели” — *гиперборейцы*; “обитатель” — *горец*; “подданный” — *латвиец*; “туземец” — *зулус*; “туземцы” — *краснокожие*; “уроженец, житель или подданный” — *голландец*; “уроженец и обитатель” — *римлянин*; “уроженец, подданный” — *венгерец*; “уроженец, человек, живущий на...” — *южанин*» [Грищенко, 2013: 157]. Эта особенность ТСРЯ объясняется тем, что не было последовательных правил в области номинаций такого рода. Над томами работали разные авторы, со своей научной стилистикой. Упорядочить же все определения было практически невозможно (тогда не существовало электронных средств и баз данных). Но в этой «бессистемности» мы видим более положительный момент: она показывает, как складывалась структура словарных статей, как и о чем рассуждали ученые, в каких условиях они работали и т. д.

Полагаем что этнонимы и вообще ономастикон ТСРЯ заслуживает отдельного рассмотрения не только под углом социальной функции слова, но и с точки зрения развития *современной* словарной традиции, которая, по сути, началась с «Ушаковского словаря», обозначившего «ономастическое пространство» [Бондалетов, 1983: 32] языка в той его системе и на том его историческом отрезке, который можно назвать по-селищевски революционным и с позиции когнитивного поля науки. Статьи ТСРЯ, посвященные этнонимам, показывают соблюдение главного принципа ушаковской лексикографии — нормативности в толковании лексем. При всем стандарте текстов определений и некоторой неупорядоченности можно увидеть и несомненную авторскую линию даже в такой малой области, как этнонимика. Она выражается в краткости и недвусмысленности толкований, во внимании к изобразительно-речевым функциям языка, во включении разнообразного иллюстративного материала, в чуткости к формам живой речи и, наконец, в любви к социальной жизни слова.

Список источников

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. — М. : Просвещение, 1983. — 224 с.
2. Грищенко А. И. Русские этнонимы и смежные с ними лексические категории в толковых словарях // Вопросы ономастики. — 2013. — № 2 (15). — С. 146–163.

3. Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки (Вопросы формирования и развития) / отв. ред. Н. И. Толстой. — Таллин : Валгус, 1981. — 323 с.
4. Дуличенко А. Д. Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания // Slavica Tartuensia IV: Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. — Tartu : Tartu Ulikooli Kirjastus, 1998. — С. 26–36.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / гл. ред. акад. С. П. Обнорский. — М. : ОГИЗ, 1949. — 968 с.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 1 000 000 слов, терминов и фразеолог. выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — М. : Мир и Образование : Оникс, 2012. — 1376 с.
7. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). — М. : Работник просвещения, 1928. — 248 с.
8. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Рус. яз., 1991. — Т. 1. — 864 с. (ССРЛЯ).
9. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : ОГИЗ, 1935–1940. — Т. I–IV (ТСРЯ).

Сведения об авторе

Никитин Олег Викторович — д.филол.н., профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Государственного университета просвещения (Москва, Россия).

Е. Р. Николаев

СОВРЕМЕННЫЙ ЯКУТСКИЙ КАЛЕНДАРЬ: ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ НАЗВАНИЙ СВЯТЦЕВ

Аннотация. В статье представлены фонетически освоенные названия православных святцев в якутском традиционном календаре. Установлено, что фонетическое освоение русских заимствований происходит по закону сингармонии гласных в якутском языке. Выявлено, что Одним из характерных перформлений является замещение отсутствующих в якутском языке звуков [ф], [в], [п] на [х], [п], [б] соответственно. Освоение заимствований в якутском языке имеет долгий процесс, связанный и обусловленный русско-якутскими языковыми, бытовыми контактами, а также своеобразным симбиозом православной русской и традиционной религий якутов (саха).

Ключевые слова: якутский язык, антропонимы, названия святцев, фонетическое освоение.

Календарь является универсальным способом организации, ощущения и осмысливания жизни в пространстве и времени. В абстрактном плане практически все области языка не могут существовать вне времени и пространства. В материальном плане время присутствует в виде календаря. Существуют различные типы, виды календарей у разных народов, в том числе и у якутов (саха).

«Как и все скотоводческие народы, саха (якуты) в древности пользовались лунно-солнечным календарем, состоящим из 12 месяцев. В основе такого календаря лежит лунный год, согласованный со сроком солнечного года... В целом, комплекс календарных обрядов и ритуалов ... составлял основу не только их хозяйственной деятельности, но и социальной жизни и традиционной культуры... С началом христианизации коренного населения Якутской области, начавшейся с середины XVII века, в их обиход вошло использование, а затем дальнейшее унифицирование православного календаря, где церковные календарные дни и праздники органично вписывались в хозяйственный годичный цикл традиционного якутского календаря» [Саввинов, 2021].

Научное изучение календарного комплекса в этнографическом, культурном, философском аспекте присутствует в трудах многих якутоведов [Макаров, 1988; Гоголев, 1999; Старостина,

1999]. В области лингвистики существенных работ на эту тему не замечено, кроме трудов, рассматривающих русские лексические заимствования в якутском языке [Слепцов, 1964]. Для продолжения цикла статей, опубликованных в сборниках конференций «Ономастика Поволжья» [Николаев, 2020; Николаев, 2021], в этом исследовании представим фонетические освоенные названия православных святцев (дней святых) в якутском календаре.

Традиционный якутский календарь является общедоступным, вполне народным, т.е. не имеет конкретного источника в виде какого-либо издания. Мы отобрали наиболее известные названия *тангара күннэрин* ‘названия святцев’, которые признаются, употребляются и во многом соблюдаются в современном якутском обществе:

Ороһуоспа/Ороһоосно/Ороһосно — Рождество Христово, 7 января.

Баһылайан (Эргэ Саҥа дьыл), 14 января — Васильев день (Старый Новый год).

Кириһиэнньэ — Крещение, 19 января. У якутов это время называется Танха (Тангха), как бы аналог зимних Святков. Считается, что в это время выходят *суллуүкүһнэр* (сюлюкюны = шиликуны) и *возвращаются обратно в воду 19 января — в день Крещения*. В этот день в дореволюционное время мыли иконы и этой водой брызгали в помещении и в хотоне для скота.

Бастакы Охоһоһойон — 31 января, Афанасьев день. Острие у обоих рогов Быка Холода (як. *Дьыл Обуһа*, букв. Год Бык) притупляется. Морозы слегка ослабевают

Иккис Охоһоһойон — второй Афанасьев день. У Быка Холода ломается первый рог. Морозы заметно ослабевают.

Эстириэнкэй — 15 февраля, Сретенье или Сретение Господне.

Үһүс Охоһоһойон — 24 февраля, 3-й Афанасьев день. У Быка Холода ломается второй рог и морозный период года заканчивается.

Баһылай таммахсыт — 13 марта, Василий Капельник.

Дьэбдьэкиэйэ күнэ — 14 марта, Евдокия-Свистунья. В этот день отваливается голова с шей или спина (туловище) Быка Холода.

Былаҕачыанайан — 7 апреля, Благовещение.

Дьөгүөрэйэп күнэ — 6 мая, Егорьев день. Прилетают ранние утки.

Дьэрэмэйэп күнэ — 14 мая, Еремей-Запрягальник. Начинается пахота.

Сааскы Ньүкүолун — 22 мая, Николин день (вешний). Считалось для якута праздничной датой: «с Николы живи, не тужи».

Лөкүөрүйэ күнэ — 26 мая, день Гликерии.

Саар Көстөкүүн — 3 июня, день царя Константина. Время прилета турпанов. Завершался переезд из зимников в летники.

Өкүлүүнэлэр күннэрэ, букв. день Акулин — 26 июня, Акулина-гречишница. День начинает укорачиваться.

Бөтүрүөп — 12 июля, Петров день. Начало сенокоса и сезона летних работ. У якутов сенокосная работа начиналась с 14 июля, так как по старинным поверьям 13 июля считалось днем сборища духов земли, местностей.

Борокуоптайан — 21 июля, Прокопий Жатвенник.

Блдьыын/Илдьиин — 2 августа, Ильин день. Утята поднимаются на крыло. Ночи становятся темными. Со второй половины Ильина дня — осеннее время.

Бастакы Ыспааһан — 14 августа, Первый Спас. Холодные утренники, а ночью — заморозки.

Иккис Ыспааһан — 19 августа, Второй Спас. «Какой день во второй Спас, таков и Покров». Начинаются дожди.

Үһүс Ыспааһан — Третий Спас, 29 августа.

Сэмэнэп/Сэмээнэп — 14 сентября, Семенов день. Постепенный переход с летников на зимники.

Иһийээнэп — 27 сентября. Становится тихо, начинает замерзать земля. Иһийээнэп — от як. *иһий* — ‘затихать’. Единственное название, которого нет в православном календаре, поэтому якуты, вероятно, именовали по подобию названий святцев.

Бокуруоп — 14 октября, Покров день. Начало настоящего зимнего сезона, с этого дня скот держат в хотоне. Начинается рыбная ловля на мелких озерах.

Миитэрэйэн — 8 ноября, Дмитриев день. Забой скота, заканчивается время подледной рыбалки — мунха. Возвращение охотников из тайги. Начало сезона «городчиков», везущих на продажу в город мясо, масло, дичь и т.д.

Мэхээлэйэн — 21 ноября, Михайлов день. Четверть зимнего времени.

Лэгэнтэйэн — 9 декабря, день Святого Иннокентия. Медведь крепко засыпает в берлоге, волк начинает голодать.

Кыһынгы Ньукулун — 19 декабря, день Николая зимнего. Самые короткие дни, николинские морозы.

Испирдиэнэн — 25 декабря, Спиридонов день. День начинает удлиняться размером в мышиный шаг.

Отметим основные фонетические особенности освоения русских названий:

1) в представленных названиях святцев действует закон сингармонизма гласных: или гласные только заднего ряда (*Ньукулун*, *Ыснааһан*), или гласные только переднего ряда (*Илдьиин*, *Миитэрэйэн*);

2) ударный гласный в русском языке замещается дифтонгом якутского языка: *СпиридОнов* = *ИспирдИЭнэн*, *ПокрОв* = *БокурУОп* и т. д.;

3) ударный гласный иногда замещается долгими гласными, если он стоит в первом слого слова или в предударных слогах встречаются гласные переднего ряда [Слепцов, 1964: 74]: *СпАс* = *ЫспААһан*, *ИльИп* = *ЫлдьЫЫп* и т. д.;

4) начальный русский глухой губно-губной [п] замещается звонким губно-губным [б]: *Покров* = *Бокуруоп* и т. д.;

5) начальная гласная [е] и мягкий согласный [г] замещаются якутской аффрикатой [дь]: *Евдокия* = *Дьэбдьэкиэйэ*, *Егорьев* — *Дьөгүөрүйэн*;

6) сильно смягченный русский [н] в начале и в середине слова замещается среднеязычным [нь], [ннь]: *Николин* = *Ньукулун*, *Крещение* = *Кириһиэнньэ*;

7) губно-зубной щелевой [ф] замещается щелевым [х]: *Афанасьев* = *Охонооһойоп*. Как и *фуфайка* = *купаайкы*, *форма* = *куорма*, *курааска* = *фуражка*, так и *Афанасий* = *Охонооһой*, вероятно, был воспринят от русского диалектного произнесения [х] или [хв] вместо [ф]: *Хома* = *Фома*, *хорма* = *хорма* [Слепцов, 1964: 89];

8) в интервокальном положении согласный [г] замещается увулярным [ҕ]: *БлаГовещение* = *Былаҕачыанайап*;

9) согласные щелевые [с] и [ж] замещаются якутским [һ] в интервокальном положении: *СпАсов (день)* = *Ыснааһан*, *РоЖдество* = *Ороһуоспа* (здесь последний согласный [д] опускается при произнесении слова со стечением согласных);

10) отмечается фонетическая вариация огубленного гласного в неогубленный гласный или наоборот: *Ылдьыын* ~ *Илдьиин*. Данное явление можно интерпретировать как аналогию диалектного явления аканья и оканья, которое в якутском языке закреплено в качестве основного признака территориальной принадлежности говоров;

11) в женских именах окончание *-ия* соответственно оформляется как *-үйэ*, *-ийэ*: *Гликерия* — *Лөкүөрүйэ*, *Евдокия* — *Дьэбдьэкиэйэ*.

На основе приведенных примеров, можно сделать следующие выводы:

— фонетическое освоение русских заимствований происходит в рамках основного закона якутского языка — закона сингармонии гласных;

— ударный гласный замещается долгими гласными, дифтонгами;

— отсутствующие в якутском языке звуки [ф], [в], [п] замещаются [х], [п], [б] соответственно;

— практически все замещения не выглядят инородными, поскольку названия святцев прошли достаточно долгий путь переоформления — со времен христианизации, т.е. с первой половины 17-го века;

— замещение [в] на [п] в конце слова обусловлен изменениями морфологического характера — окончания *-ев*, *-ов* на *-эн*.

Приведенные примеры и их описание не являются исчерпывающими.

Таким образом, переформление заимствований в якутском языке произошло в результате долгого исторического процесса, связанного и обусловленного русско-якутскими и якутско-русскими языковыми, бытовыми контактами, а также своеобразным симбиозом православной русской и традиционной религий якутов (саха).

Список источников

1. Гоголев А. И. Традиционный календарь якутов / М-во по делам народов и федер. отношениям Респ. Саха (Якутия). — Якутск : Изд-во ЯГУ, 1999. — 71 с.
2. Макаров Д. С. Народная мудрость: знания и представления / науч. ред. Г. М. Сысолятин. — Якутск : Якутское кн. изд-во, 1983. — 118 с.
3. Николаев Е. Р. О фонетическом освоении русских личных имен в словаре Э. К. Пекарского // Ономастика Поволжья : материалы XIX Междунар. науч. конф. / Оренбургский гос. пед. ун-т. — Оренбург : Оренбургская кн., 2021. — С. 161–164.
4. Николаев Е. Р. Русские личные имена в якутском антропонимиконе // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Междунар. науч. конф. : в 2 т. — Кострома : Костромской гос. ун-т, 2020. — Т. 1. — С. 341–345.
5. Саввинов Г. Н. Влияние современных климатических изменений на эволюцию традиционного якутского календаря / Г. Н. Саввинов, В. С. Макаров // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер. «Науки о Земле». — 2021. — № 4 (24). — С. 95–102.
6. Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период) / отв. ред. проф. Л. Н. Харитонов ; Акад. наук СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории. — Якутск : Кн. изд-во, 1964. — 195 с.
7. Старостина Т. Дьөгүөрэйэп — День Святого Георгия, или немного о народных календарях // Илин : ист.-геогр., культуролог. журн. — 1999. — № 1-2. — С. 80–83.
8. Угаров Г. Иийээнэп. — URL : <https://kuym.ru/blogtar/3521-i-ijeener> (дата обращения: 26.04.2023).

Сведения об авторе

Николаев Егор Револьевич — к.филол.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия).

Э. У. Омакаева

«ЯЗЫК ЗВЕЗД»: ЛЕКСИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ИСТОЧНИК НОМИНАЦИИ АСТРОНИМОВ И КОСМОНИМОВ В МОНГОЛЬСКОМ И КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКАХ НА ФОНЕ РУССКОГО*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования наименований отдельных реалий материальной и духовной культуры, «попавших на небо». Речь идет об особом разряде имен собственных — космонимах и астронимах, кодирующих важную экстралингвистическую информацию. Показано, что данный класс онимической лексики, являющийся объектом многолетних исследований автора, заслуживает детального исследования с точки зрения лингвокультурных кодов.

Ключевые слова: лексика, космонимы и астронимы, монгольские языки, звездное небо, Большая Медведица, Плеяды, планеты, лингвокультурный код.

© Омакаева Э. У., 2023

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10061, <https://rscf.ru/project/23-28-10061/>.

В современной лингвистике не ослабевает интерес к исследованию лексики материальной и духовной культуры. Кочевой образ жизни, хозяйственный уклад, природный ландшафт и быт номада-скотовода предопределили характер как материальной, так и духовной культуры монгольских народов.

Данная статья посвящена культуре небесных светил и его отражению в ономастиконе монгольских языков. Представление об ономастическом пространстве будет неполным без исследования всех его сегментов.

Космонимы (названия зон и частей космического пространства, названия созвездий и скоплений) и астронимы (названия точечных небесных тел — звезд и планет) вот уже 30 лет являются объектом наших исследований [Омакаева, 1994; 1995; 198; 1999]. Актуальность избранной темы исследования определяется необходимостью систематизации и комплексного описания соответствующего материала. Каковы этимологические и семантико-типологические характеристики данного разряда общемонгольского ономастического лексикона? Космонимы и астронимы выступают как как экспликатеры базовых лингвокультурных кодов [Яковлева, 2022].

Материалом послужили лексикографические источники [Starostin et al.; Санжеев и др., 2015], фольклорные тексты, полевые материалы автора и т.д.

Традиционно основное внимание исследователи монгольских языков уделяли топонимам и антропонимам. Названия объектов звездного пространства представляют собой наименее изученную область монголоязычной ономастики. Лингвистами, к сожалению, долгое время уделялось мало внимания космонимам и астронимам, существующим у монгольских народов [Омакаева, Бадгаев, 1997; Дондукова, 2003 и др.]. Но в последние годы ситуация меняется к лучшему [Бачаева, 2016; Тагарова, 2019; Мушаев и др., 2021; Мушаев и др., 2022; Дыбо и др., 2022].

Вопросами космонимики и астронимики (как на материале русского, так и других языков, в том числе восточных) занимались такие известные отечественные исследователи, как Ю. А. Карпенко, Н. Х. Максютова, В. А. Никонов, М. Э. Рут [Рут, 1987, 2010] и др.

Как отмечают ономатологи, разветвленная система представлений о звездном небе свойственна кочевникам, скотоводам [Рут, 1974: 51], к которым смело можно отнести предков современных калмыков.

Кочевые народы всегда почитали небо и поклонялись ему. И это нашло отражение в работах этнологов, фольклористов, географов и историков [Vazin, 1963; Козьмин, 2008; Березкин, 2015, 2017; Васильков, 2015; Бакаева, 2022 и др.].

Калмыцкие названия планет, звезд и созвездий встречаются в записках путешественников, в произведениях устного народного творчества и художественных текстах, в работах фольклорно-этнографического характера и т.д. И это понятно. В прошлом звездное пространство имело для кочевников большое практическое значение. Звездное небо помогало людям ориентироваться ночью в незнакомой местности, по движению солнца определяли дневное время суток.

Обращает на себя внимание разнообразие образов, легших в основу названия небесных объектов. Это подтверждают записки путешественников 18-нач. 20 вв., посещавших калмыцкие степи. В названиях звездного неба, являющихся вторичными номинациями, нашли отражение предметы и явления кочевого мира. Широко известны такие космонимы, как созвездие Большая Медведица, звездное скопление Плеяды, Пояс Ориона и др.

Большое значение кочевники придавали расположению и периодичности появления на небе отдельных звезд и созвездий. Так, по появлению на небосклоне созвездия, хорошо известного как Большая Медведица (БМ, лат. *Ursa Major*, калм. *Долан бурхн*), представляющего собой небесный рисунок из семи звезд в форме ковша с ручкой, а также Утренней зари (планеты Венера) диагностировали наступление утра.

Большая Медведица — одно из древнейших созвездий северного полушария. Оно имеет добуддийское название монг. *Долоон өвгөн*, калм. *Долан өвгн* ('Семь старцев'), связанное с 7 божествами-тенгриями. Впоследствии их сменили 7 бурханов (буддийских божеств). С данным созвездием связаны известные легенды. Каждая из 7 звезд связана с определенным божеством, являющимся покровителем человека определенного года рождения.

Таким образом, в названии БМ пересекаются 2 ЛК: нумеративный и персонажно-религиозный.

Интерес вызывает интерпретация Млечного Пути как ‘небесного шва’ (монг. *Тэнгэрийн оедол*, калм. *Теңгрин уйдл*). Еще Платон называл Млечный Путь швом, соединяющим небесные полушария. Обоснование выбора такого названия можно найти в монголоязычных космогонических мифах: небо изначально было бесформенным пространством, распадавшимся на части, из-за чего постоянно высыпались звезды. Божества-тенгрии посоветовались и зашили дыру, о чем напоминает небесный шов — Млечный путь, использующийся ими в качестве моста [Мифы народов мира, 1991: 197]. Таким образом, данный космоним является экспликатором космогонического кода.

На карте звездного неба можно обнаружить много созвездий, получивших названия различных представителей животного мира (зоокод), например: монг. *Чоно* ‘Волк’, *Арслан* ‘Лев’ и т.д. У калмыков существует представление о трех звездах Пояса Ориона как о трех маралах (калм. *Гурвн марл*), которых преследует охотник.

Астронимы представлены названиями планет и звезд: калм. *Нарн* ‘Солнце’, *Алтн һасн* (букв. ‘Золотой кол’) ‘Полярная звезда’, *Мигмр* ‘Марс’, *Улмжэ* ‘Меркурий’, *Пүрвэ* ‘Юпитер’, *Цолвң* ‘Венера’, *Бембэ* ‘Сатурн’, *Сар* ‘Луна’ и др.

Многие названия планет являются тибетизмами. Астроним *Улан нүдн* (букв. ‘Красный глаз’) является калькой с тибетского. Планета Марс воспринималась в виде красной точки. Санскритские названия сохранились в антропонимиконе калмыков: фамилия Ангарыков происходит от астронима Марс. Санскритское (*Адъян*) и тибетское (*Нимэ*) названия Солнца наряду с собственно калмыцким (*Нарн*) путем трансонимизации стали популярными мужскими именами калмыков. Тоже самое можно сказать о номинациях Венеры (*Шуһр*, *Басң*), Сатурна (*Санчр*, *Бембэ*), Луны (*Сумъян*, *Дава*, *Сарң*).

Астронимы и космонимы, отобранные нами по тематическому принципу как материал для составления электронного этимологического словаря монгольских языков, входят в состав этимологического тезауруса лексики материальной и духовной культуры монгольских народов.

В космонимической и астронимической терминологиях как системах названий небесных объектов нашли отражение фундаментальные представления человека об особенностях ландшафта окружающей его природы, народные знания о флоре и фауне региона.

Список источников

1. Бакаева Э. П. Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 1 // *Oriental Studies*. — 2020. — Т. 13, № 2. — С. 368–384.
2. Березкин Ю. Е. «Семеро братьев», «Небесная повозка» и прародина индоевропейцев // *Этнографическое обозрение*. — 2015. — № 3. — С. 3–14.
3. Березкин Ю. Е. Рождение звездного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. — СПб. : МАЭ РАН, 2017. — 316 с.

4. Васильков Я. В. Большая Медведица, Плеяды и Алькор // Этнографическое обозрение. — 2015. — № 3. — С. 14–17.
5. Дыбо А. В. Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика / А. В. Дыбо, В. В. Куканова, С. В. Мирзаева [и др.] // Oriental Studies. — 2022. — Т. 15, № 6. — С. 1333–1351.
6. Козьмин А. В. Созвездие Большой Медведицы в монгольской традиции: нарратив и ритуал // Живая старина. — 2008. — № 3. — С. 17–20.
7. Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — М. : Сов. энцикл., 1991. — Т. 2.
8. Мушаев В. Н., Баринаова Б. В., Хонинов В. Н. Лингвокультурологические аспекты калмыцкой астрономической лексики в сравнительном освещении // Вестник Калмыцкого университета. — 2021. — № 3 (51). — С. 106–113.
9. Мушаев В. Н., Баринаова Б. В., Хонинов В. Н. Номинативы звезд и созвездий в лексикокультурологической традиции калмыков // Вестник Калмыцкого университета. — 2022. — № 4 (56). — С. 108–114.
10. Омакаева Э. У. Культ созвездий и планет у монголов // Этнокультурная лексика монгольских языков : сб. ст. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1994. — С. 44–49.
11. Омакаева Э. У. Калмыцкая астрология. Молитвы. — Элиста : АПП «Джангар», 1995. — 178 с.
12. Омакаева Э. У., Бадгаев Н. Б. Тюркская и монгольская космономия // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. — Казань : Татарское кн. изд-во, 1997. — Т. 3. — С. 120–121.
13. Омакаева Э. У. Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // ALTAICA II : сб. ст. и материалов. — М. : ИВ РАН, 1998. — С. 101–111.
14. Омакаева Э. У. Время и календарь в традиционной культуре калмыков // Время и календарь в традиционной культуре : тез. докл. Всерос. науч. конф. / ред. А. Б. Островский. — СПб. : Лань, 1999. — С. 76–78.
15. Рут М. Э. К вопросу о русской народной астронимике // Вопросы ономастики. — Свердловск : [УрГУ], 1974. — № 8-9. — С. 51–56.
16. Рут М. Э. Русская народная астронимия. — Свердловск : Уральский гос. ун-т, 1987. — 68 с.
17. Рут М. Э. Словарь астронимов. Звёздное небо по-русски. — М. : АСТ ПРЕСС, 2010. — 288 с.
18. Тагарова Т. Б. Космонимы в бурятской поэзии // Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве : материалы III Междунар. науч. форума. — Элиста : Калмыцкий гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова, 2019. — С. 143–147.
19. Яковлева С. В. Единицы кодов культуры и их роль в формировании национального культурного пространства коренных народов России: на материале космонимов // Полилингвильность и транскультурные практики. — 2022. — Т. 19, № 3. — С. 398–412.
20. Bazin Louis. Über die Sternkunde in alttürkischer Zeit. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse 5. — Wiesbaden : Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1963. — S. 571–582.
21. Starostin S. A. The Etymological Dictionary of Altaic Languages / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. — Leiden : Brill Academic Publishers, 2003. — Vol. 1–3. — 2096 p.

Сведения об авторе

Омакаева Эллага Уляевна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин, эксперт Центра по развитию калмыцкого языка Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия).

Е. П. Осипова

О МИКРОЭТНОНИМАХ РЯЗАНСКОГО КРАЯ

Аннотация. Региональные черты русского языка Рязанского края всегда находились в сфере внимания лингвистов. Вместе с тем местные названия или самоназвания жителей локальных рязанских территорий не становились предметом специального исследования. В статье автор устанавливает связь местных этнонимов (микроэтнонимов) с особенностями колониционных и историко-культурных процессов, протекавших на данной территории в течение длительного времени.

Ключевые слова: этноним, микроэтноним, диалект, Рязанский край, лингвокраеведение, этнолингвистика, региональная лексика.

Региональная лексика, помимо лингвистической информации, даёт ценные сведения о формировании населения той или иной местности, о быте населения, его культуре и т.д. На это указывал ещё академик Я. К. Грот: «Областные слова, выражая часто черты мѣстной физиономіи края или населенія, представляютъ драгоценныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа» [Грот, 1899: 112]. К лексике, представляющей интерес в этом отношении, относятся местные названия/самоназвания жителей населённых пунктов.

Как наиболее перспективные в специальной литературе определены следующие аспекты изучения региональных этнонимов: 1) этнолингвистический; 2) когнитивный, с учётом того, что центром языковой картины мира является человек, а этнонимы — наименования групп людей; 3) лексикографический; 4) лингвокраеведческий [Сироткина, 2005: 82–83].

Поскольку региональный этнонимический материал рассматривается в статье с учётом этнических процессов, протекавших на рязанской территории, а также историко-культурного взаимодействия различных этносов на изучаемой территории, анализировать местные этнонимы будем с позиций этнолингвистики и лингвокраеведения.

К собственно регионализмам не могут быть отнесены этнонимы, которые являются в русском языке официальным обозначением целого народа в силу того, что они не обладают спецификой местных названий на территории проживания народов. Подобные термины следует признать относительными регионализмами. Как считает Н. Н. Соколянская, это «слова, известные в литературном языке, но неупотребляемые или почти неупотребляемые большинством носителей русского литературного языка в силу того, что реалии, обозначаемые этими словами, не являются актуальными для них» [Соколянская, 2016: 58].

Этнонимы подразделяют на общие (обозначают весь народ) и местные (обозначают отдельные его группы, которые различаются по территориальным, бытовым и другим критериям). Такие этнонимы Л. Н. Хаховская называет микроэтнонимами, поскольку они маркируют отдельные небольшие группы этноса [Хаховская, 2018: 27].

Е. М. Гоголева справедливо отмечает, что названия редких немногочисленных или исчезающих групп народов сейчас встречаются только в специальных этнографических описаниях и в региональной литературе [Гоголева, 1999: 16]. В Рязанской области сейчас практически невозможно встретить местные названия жителей населённых пунктов. Более того, современные жители либо не слышали местных названий, а если и слышали, то не могут их объяснить. К подобным относятся этнонимы *бутяки* (*бутявки*), *егуны* (*ягуны*), *куриаки* (*литва*), *жмеи*.

Бутяки, бутявки. В научном архиве Рязанского историко-культурного музея-заповедника имеется запись, датированная 1951 годом, что *бутяками* называют жителей Пичкиряева, Бокowego Майдана, Горбуновки и Матвеевского (ныне Сасовский район); наряду с этим упоминается и слово *бутявки*. В перечисленных населённых пунктах бытовало слово *буцки* ‘бутяцкий лапоть, будничный’ [НА РИАМЗ, № 1530]. Перечисленные населённые пункты находятся на границе Рязанской области с Мордовией и относятся к той части Рязанской области, на которой был распространён лапоть так называемого мордовского типа. Поскольку признаки этноса чётко проявляются в одежде и её оформлении, обуви, жилище и т.д., очевидна связь между названием лаптя и этнонимом. Вероятно, название разновидности лаптя указывает на локальную этническую группу, сложившуюся в данном месте.

Егуны (ягуны). Название жителей впервые встретилось автору статьи в 1979 г. в д. Татаркино Старожиловского района Рязанской области, название местных жителей *ягуны* объяснили тем, что они произносят гласный *я*, т.е. *якают*. В качестве рязанского оно зафиксировано лексикографическими источниками XIX в. В «Опыте русского простонародного словотолковника» М. Н. Макарова даётся объяснение: «о рязанцах, произносящих *γ* (его)» [Макаров, 1846: 16]. У Даля, по-видимому, из словаря М. Н. Макарова, однако с более подробным толкованием: «ягунами называют по Волге белорусов, смолян и вообще тех акальщиков, которые произносят окончание *аго*, *его*, как оно пишется, а не как принято: *аво*, *ево*» [Даль I: 514]. Данное название встречается и в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, где также содержится указание на бытование в качестве прозвища у белорусов и носителей некоторых говоров, например, жителей Смоленской области, которые в окончании род. п. ед. ч. —ого, —его произносят «г» вместо «в». По мнению автора словаря, происходит от местоимения *его* [Фасмер, II: 8].

Неоднородностью состава населения отличается Рязанская Мещёра. Ещё сравнительно недавно выделялись различные локальные группы, такие как *боляки*, которые проживали северо-восточнее реки Пры и по её истокам, *мещеряки*, проживавшие в бассейне среднего и части верхнего течения Пры до Спас-Клепиковской гряды, *тумаки* и *жадоба* — в Тумском округе. Отдельной локальной группой русских Рязанской Мещёры являются *куршаки*.

Куршаки (литва, литва головастая, литва некрещёная). Название *куршаки* объясняется проживанием у реки Курша (селения Ветчаны, Сергеевка, Иванково, Борисково, Андронов, Култуки, Курша, Малахово Клепиковского района). Жители соседних населённых пунктов именовали их также *литвою*, *литвой головастой*, *литвой некрещёной*. Происхождение данных названий современные куршаки объяснить не могут, однако отмечают, что старшие поколения всегда осознавали своё отличие от жителей соседних населённых пунктов. Действительно, куршаки характеризуются плетёными обороми — шнурками, свитыми из конопляных или льняных нитей, сближающими куршаков с белорусами и литовцами; куршацкая соха очень близка к литовской; подобно католикам, куршаки на кладбищах ставили кресты в головах покойников [Лебедева, 1996: 86]. Более ста лет тому назад по результатам экспедиции в Рязанскую губернию были опубликованы сведения, что физический облик куршаков указывает на то, что они являются «обрусевшими литовцами» [Лахерма, 1916: 46].

Понёва женщин района Курши выделяется среди мещёрских понёв: двойная, на посконной основе, со сложным браным рисунком — белым на синей понёве или белым и чёрным с небольшим количеством жёлтого на тёмно-красной понёве. По данным Н. И. Лебедевой и Г. С. Масловой, М. Н. Мерцаловой, подобные куршацкой понёве расцветки, рисунки, способ выработки бытовали в Литве, что может служить доказательством наличия в культуре кривичей балтийского субстрата [Лебедева и Маслова, 1956; Мерцалова, 1988: 80]; такое сходство «ставит вопрос, не являются ли куршаки потомками литовской родовой группы, оторвавшейся от основной массы и ушедшей далеко на восток» [Лебедева, 1997: 117]. Куршаки строго соблюдали свои обычаи и обрядность, отличающиеся от окружающих населённых пунктов. Так, у куршаков значение понёвы как костюма замужней женщины было настолько важным, что девушки, никогда не выходившие замуж, не могли носить понёвы и должны были всю жизнь проходить в рубахе и только иногда надевать поверх девичью юбку *подол* [Куфтин, 1926: 54].

Вопрос о происхождении куршаков является дискуссионным. Большинство исследователей склоняется к тому, что это потомки литовских воинов, пленённых и посёлённых в мещёрской глубинке в период противоборства рязанских князей с Литовским княжеством в XIV–XV веках. Однако другие считают куршаков потомками древней голяди и других балтских племён, ассимилированных финнами и славянами [Горбунов, 2009: 51].

По мнению историков, наличие балтского субстрата на рязанской территории не вызывает сомнений. Истоки его объясняются ранней историей славян до их появления в районах Рязанского Поочья — соседством с западными славянскими племенами. Балтийский субстрат сильно проявляется и в рязанской гидронимии [Горюнова, 1961: 188; Третьяков, 1970: 66].

По Е. И. Горюновой, славянские верхнеднепровские племена впитали многие элементы литовской культуры. В IX–Xвв. В Верхнем Поднепровье сформировались этнически неоднородные группы населения, которые вошли в летопись под именем кривичей [Горюнова, 1961: 188]. П. Н. Третьяков подчеркивает «балтийское происхождение этнонима кривичи, т.е. балтийский субстрат был здесь особенно сильным» [Третьяков, 1970: 66].

В. В. Седов отмечает в районе Волго-Окского междуречья наличие гидронимов балтского происхождения, которое объясняется только тем, что в составе кривичских колонистов Волго-Окского междуречья, продвигавшихся из Верхнего Поднепровья и Верхнего Подвинья, были группы балтского населения [Седов, 1971: 108].

Без учёта всей сложности этнических процессов вряд ли можно понять ту смешанность культуры, которую принесли с собой славяне в финно-угорскую среду. Совершенно очевидно, что в местном этнониме *литва* нашли отражение древние колонизационные процессы на севере Рязанской области.

Жмеи. Название отмечено в с. Парахине Касимовского уезда как название узора на понёве парахинских крестьянок и как этноним для жителей данного села и его округи [НА РИМЗ,

№ 1676; Малинина, 1925: 3]. В Рязанской Мещёре понёва отличалась большим разнообразием рисунка, который и определял название понёвы: *кляшница*, *кляпишница* и др.; локальные наименования понёвы объяснялись и особой техникой исполнения понёвной ткани: *бранка*, *челноками браная* и др. [Куфтин, 1926: 60, 68]. Репьи, меандр играли роль и у мордвы, отчасти у мари, что является свидетельством тесных историко-культурных связей жителей Рязанского края с нерусскими народами Поволжья [Русские 1970: 104]. Как видно, прослеживается чёткая словообразовательная связь «название рисунка/техника исполнения — название понёвы — этноним». Не случайно Н. И. Лебедева предположила, что в названиях разновидности понёвы нашли отражение остатки родовых групп [НА РИАМЗ, № 1676].

В результате длительных и сложных ассимиляционных процессов местных и пришлых славянских, финских, тюркских и балтских групп населения на территории Рязанского края сложился ряд мелких, разных по происхождению локальных групп, отличающихся особыми самоназваниями и названиями, которые не являются широко известными за пределами проживания их носителей, поэтому их следует отнести к микроэтнонимам.

Список источников

1. Гоголева Е. М. Освоение заимствований из языков коренных народов Северо-Востока (производительный и словообразовательный аспект) // Сохранение национальных культур в условиях диалога : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. Э. Д. Шангина. — Магадан : Кордис, 1999. — С. 13–16.
2. Горбунов Б. В. Этническая история // Русские Рязанского края : в 2 т. — М. : ИНДРИК, 2009. — Т. 1. — С. 30–55.
3. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — 267 с.
4. Грот Я. К. Областные словари // Труды Я. К. Грота. II. Филологические разыскания (1852–1892) / под ред. проф. К. Я. Грота. — СПб. : Тип. М-ва путей сообщ., 1899. — С. 99–112.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Изд-во иностранных и нац. слов., 1955. — Т. 1. — 700 с.
6. Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещёры. Женская одежда: рубаха, понёва, сарафан. — М., 1926. — Ч. 1. — 142 с.
7. Лахерма И. Е. Отчет о поездке в Рязанскую губернию // Этнографическое обозрение. — М. : Изд. Этнограф. отд. О-ва любителей естествозн., антрополог. и этногр., состоящего при Московском ун-те. — 1916. — № 1–2.
8. Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Восточнославянский этнографический сборник // Труды Института этнографии АН СССР. — М. ; Л., 1956. — Т. 31. — 805 с.
9. Лебедева Н. И. Духовная культура рязанских крестьян / Лебедева Н. И. Научные труды. Т. 2 // Рязанский этнографический вестник. — Рязань, 1996. — С. 187–194.
10. Лебедева Н. И. Прошлое Рязанского края по данным изучения одежды конца XIX и начала XX в. / Лебедева Н. И. Этнологические материалы // Рязанский этнографический вестник. — Рязань, 1997. — С. 115–119.
11. Макаров М. Н. Опыт русского простонародного словотолковника. — М., 1846. — 181 с.
12. Малинина М. Д. Очерки рязанской мещёры // Вестник рязанских краеведов. — Рязань, 1925. — № 3. — С. 1–3.
13. Мерцалова М. Н. Поэзия народного костюма. — М. : Молодая гвардия, 1988. — 224 с.
14. Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник : науч. архив (НА РИАМЗ).
15. Русские : ист.-этнограф. атлас. — М. : Наука, 1970. — 207 с.
16. Седов В. В. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее в Подмосковье. — М. : Наука, 1971. — С. 99–113.
17. Сироткина Т. А. Этнонимы как предмет региональной лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2005. — № 3. — С. 82–84.
18. Соколянская Н. Н. Теоретические и практические занятия по региональной лексике Крайнего Северо-Востока // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России) / под ред. А. А. Соколянского. — Магадан : СВГУ, 2016. — С. 57–84
19. Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — Л. : Наука, 1970. — 156 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. — СПб. : Азбука : Терра, 1996. — 672 с.
21. Хаховская Л. Н. Этнонимические процессы у аборигенов Северо-Востока России (на примере эвенов и камчадалов) // Россия и АТР. — 2018. — № 4. — С. 25–36.

Сведения об авторе

Осипова Елена Петровна — к. филол. н., доцент кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ имени С. А. Есенина (Рязань, Россия).

В. В. Робустова

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РЕБЕНКА*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается феномен ономастического сознания как части языкового сознания, подчеркивается важность его изучения и анализа специфики репрезентации мира и знаний о мире в онимах. Выделены факторы влияния на развитие ономастического сознания личности, а также сферы наивысшей аккумуляции имен собственных.

Ключевые слова: имя собственное, ономастический концепт, ономастическое сознание.

Проблема сознания является одной из ключевых в психологии на протяжении многих лет. На настоящий момент нет единого определения сознания, хотя разработаны и существуют несколько основных подходов к трактовке данного феномена. В своих трудах А. Н. Леонтьев писал: «Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» [Леонтьев, 1975: 60]. Ученый считал, что сознание не возникает одномоментно, а формируется постепенно, по мере усложнения человеческих отношений. «Сознание — это такое отражение действительности, в котором выделяются его объективные, независимые от субъективного состояния свойства и формируется устойчивая картина мира» [там же]. А. Н. Леонтьев подчеркивал связь деятельности и сознания, подробно изучая генезис сознания и выделяя в его структуре чувственную ткань (включает в себя чувственные впечатления и чувственные образы), значение (включает в себя не только значения слов языка, но и значения событий, состояний) и личностный смысл (фиксирует то или иное событие для человека лично) [там же: 59–77]. Представляется возможным трактовать сознание как отражение реального мира, основанного на опыте человечества, и носящего субъективную окраску для каждой отдельной личности.

Сознание неизменно связано с речью и не существует без нее в высших своих формах. Одной из характеристик сознания является «осмысленность представляемого или осознаваемого, т. е. его словесно-понятийная означенность, наделенность определенным смыслом, связанным с человеческой культурой» [там же]. Как известно, язык и речь формируют два разных, но взаимосвязанных между собой пласта сознания: систему значений и систему смыслов слов.

В трудах А. Н. Леонтьева находим идеи о том, что сознание человека возникло и развивалось в общественный период его существования. Главным условием возникновения и развития человеческого сознания он, вслед за К. Марксом, считал совместную продуктивную опосредованную речью орудийную деятельность людей. Так же в онтогенезе возникает и начинает развиваться индивидуальное сознание ребенка. Для его становления необходимы совместная деятельность и активное общение взрослого с ребенком, выделение, осознание и словесное обозначение цели взаимодействия.

С самого начала фило— и онтогенетического возникновения и развития человеческого сознания его субъективным носителем становится речь, которая вначале выступает как средство общения (сообщения), а затем становится средством мышления (обобщения). Особо важное значение для развития человеческого сознания имеет продуктивный, творческий характер человеческой деятельности [там же].

© Робустова В. В., 2023

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Л. С. Выготский выдвинул гипотезу о системном и смысловом строении сознания и его развития в онтогенезе. Ученый определяет сознание следующим образом: «это рефлексия субъектом (человеком) действительности, своей деятельности и самого себя» [Выготский, 1934: 10]. Считается, что это форма психической активности, присущая только человеку, которая заключается в обмене информацией с окружающим миром и отражении ее во внутреннем мире. Ученый подробно исследовал развитие научных понятий в детском возрасте [там же: 118-189], подчеркивая, что «ход развития научного обществоведческого понятия происходит в условиях образовательного процесса, представляющего собой своеобразную форму систематического сотрудничества между педагогом и ребенком, сотрудничества, в процессе которого происходит созревание высших психологических функций ребенка с помощью и при участии взрослого» [там же: 119]. Здесь мы еще раз видим, что сознание находит свою объективацию в языке и развивается вместе с ним.

Содержание сознания закрыто от непосредственного наблюдения, что оказывается серьезным препятствием для его научного анализа. Одно из возможных решений этой проблемы связано с использованием ассоциативного эксперимента. Языковое сознание рассматривается как часть сознания, представленная в языке [Тарасов, 2000: 3-4]. Изучение языкового сознания входит в круг вопросов когнитивной лингвистики. Наиболее аргументированной и релевантной для изучения связи между языком и сознанием является теория концептуальной системы и смысла языковых выражений Р. И. Павилёниса. Под концептуальной системой исследователь понимает «непрерывно конструируемую систему информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [Павилёнис, 1983: 280]. Концептуальная система — это совокупность всех знаний, мнений, представлений индивида, приобретаемая им довербально, вербально, невербально, предоставляемая средствами различных символических систем, в том числе и языка. Р. И. Павилёнис считал, что сами по себе языковые выражения не имеют значения; язык — средство объективации содержания концептуальной системы индивида. Владеть языком — значит владеть средством кодирования концептов (смыслов) и манипулирования ими. При продуцировании речи языковая единица используется для выражения смысла, актуального для конкретного индивида, с помощью интерсубъективных значений языковых единиц [там же].

Е. С. Кубрякова в своих трудах пишет: «Вербализованные концепты делают возможным, что то, что уже не структурируется (и не должно структурироваться!) в сознании человека, структурируется в языке, где разные формы вербализации исходной концептуальной структуры дают основание судить о ее составных частях, т.е. об отдельных конститuentaх самой этой структуры. Путь вербализации задумываемой концептуальной структуры — это путь поиска подходящей языковой формы/форм, которая/которые, будучи найденными, становятся как имена категории представителями отдельных и самостоятельных концептов. Такова природа диалектического противоречия концептуальной структуры (в сознании) и концепта (в языке), возвращающегося уже в сознание в виде самостоятельной единицы» [Кубрякова, 2012: 158]. Ономастические концепты были подробно изучены в трудах А. С. Щербак. Под ономастическим концептом она понимает «особый тип ономастического знания, определяющего семантику имен собственных, знания об ономастическом фрагменте действительности» [Щербак, 2008: 42]. Ономастическое знание ученый определяет как знание имени собственного и все, что с ним связано. Это результат познавательной деятельности человека по хранению и отражению накопленного опыта использования имен собственных [Щербак, 2012: 200]. Значение имен собственных, называющих конкретные объекты или лиц с определенными положительными или отрицательными характеристиками, находит свою языковую объективацию и проецируется затем в память человека, организуя его внутренний лексикон [там же 202]. Следовательно, ономастический концепт представляет собой единицу знания, объективированную именем собственным. Ввиду специфики значения имени собственного (наличия языкового и внеязыкового значений) представляется возможным говорить об ономастическом сознании, как определенной системе информации, вербализованной с помощью имен собственных и инкорпорирующей в себе языковое, энциклопедическое, контекстуально обусловленное и субъективно маркированное значение онима. Ономастические знания хранятся в ономастическом сознании в виде определенных структур, извлечение которых активируется употреблением имени собственного в речи, а распознавание и узнавание онима, его хранение как определенного триггера для конкретного блока информации обеспечивается памятью.

Имена собственные представляют собой «свертки информации», так как за каждым из них стоит внеязыковая информация, актуализация которой происходит в речи при наличии у коммуникантов сходного качественного объема фоновых знаний. Учитывая частотность употребления онимов в различных типах дискурса, реализацию ими не только индивидуализирующей, но и характеризующей функций, наличия широкого интерпретирующего потенциала и возможной социокультурной аксиологической динамики, изучение ономастического сознания и его развитие как в детском, так и во взрослом возрасте представляется особенно актуальным.

Мысль рождается в сознании человека и в нем созревает. Далее человек ищет формы ее выражения, как вербальные, так и невербальные и среди вербальных средств объективации смысла высказывания выбирает наиболее адекватные для реализации его коммуникативной задачи с учетом фоновых знаний реципиентов, контекста коммуникации, закона экономии языковых средств. Имена собственные часто выступают вербализаторами коммуникативных посылов, рожденных в сознании человека.

Можно говорить об ономастическом сознании как о совокупности ономастических знаний, репрезентируемых онимами. Человек постоянно что-то узнает и наращивает свой ономастический фонд. Отметим, что формирование базового активного словаря человека заканчивается к 3 годам, далее происходит пополнение лексического багажа ребенка, но уже в более медленном режиме исходя из насыщенности его жизни новым опытом, в результате которого происходит приращение нового знания, которое нуждается в объективации с помощью вербальных средств языка. С именами собственными человек знакомится всю жизнь, так как постоянно читает новую для себя литературу, смотрит кинофильмы, встречается с новыми людьми, путешествует и посещает незнакомые города, ходит на выставки и экскурсии, кафе и магазины, этот список можно продолжать еще долго, на каждом его шагу можно встретить новое имя собственное.

Конечно, человек запоминает только значимые для него ономастические единицы, а скорее имена, которые репрезентируют значимые субъекты/объекты действительности или вымышленного мира для конкретного человека. Таким образом ономастический арсенал может расти всю жизнь. Вспоминая о том, что имя собственное реализует как индивидуализирующую, так и характеризующую функции в зависимости от коммуникативной ситуации, отметим, что к характеризующим средствам будут в основном относиться прецедентные имена, внутри которых можно выделить базовую часть (имена, пришедшие из Библии, мифологии, классической литературы, произведения которой входят в школьную программу, исторических личностей и событий, отраженных на страницах учебника истории) и вариативную часть (формируется за счет личностного интереса/опыта человека, его литературных, кинематографических, игровых предпочтений, а так же заинтересованностью сферой искусства (живопись, театр) и спецификой профессиональной деятельности). Основной фонд прецедентных имен формируется в школьные годы, и ребенок способен оперировать прецедентными именами в качестве характеристики и оценки другого уже с 3 лет. После окончания университета прецедентный фонд становится менее подвижным и развивается за счет приобретения новыми ономастическими единицами признака прецедентности, ввиду увеличения популярности и узнаваемости субъекта/объекта номинации.

К факторам развития ономастического сознания ребенка представляется возможным отнести:

Чтение отечественной и зарубежной литературы (изначально совместное чтение, когда читает ребенку мама и другие лица из его близкого окружения, ребенок так же слушает сказки и рассказы в записи, далее начинает читать сам), здесь постепенно формируется определенный образ героя или места действия, выделяются базовые характеристики образа, на основе которых он закрепляется в сознании ребенка. Малыши часто просят прочитать одну и ту же сказку несколько раз, они как будто бы учат ее наизусть, тем самым навсегда закрепляя образы Дюймовочки, Золушки, Белоснежки, Бабы Яги, Кощея Бессмертного и других персонажей. Когда ребенок становится старше, ему достаточно прочитать произведение один раз и образ может быть сформирован, но его устойчивость в сознании ребенка будет зависеть от эстетического и эмоционального впечатления, полученного им при чтении произведения. Если книга произвела впечатление, то антропонимические и топонимические образы, присутствующие в ней, обязательно запомнятся. Отметим, что формирование образа, репрезентируемого именем собственным, может происходить по-разному — комплексно или поэтапно. В первом случае ребенок прочитал

произведение «Золотой ключик» и запомнил образы главных героев. Во втором случае ребенку сначала читали упрощенную версию произведения, например существует более 10 адаптированных версий «Приключений Алисы в стране Чудес», и позднее он знакомится с оригиналом, постепенно достраивая имеющиеся образы, пополняя информационные слоты.

Просмотр мультфильмов и кинокартин. В данном случае формируется не только вербальный, но и визуальный образ субъекта/объекта. Если при чтении мы сами рисуем себе героя/место действия, исходя из вербальных авторских описаний и диалогов/монологов героев, то при восприятии визуального искусства формируется визуальный образ, к которому прикрепляется определенное имя, которое служит для его индивидуализации. Здесь можно затронуть вопрос о формировании визуальной ономастической компетенции, которая очень важна в современном мире. Например, мемы и многие рекламные сюжеты основаны на использовании известной картинки, но если реципиент не может узнать человека или место, то коммуникативный посыл не реализуется. Поэтому ребенка необходимо знакомить с классическими отечественными и зарубежными мультфильмами, с их помощью он будет развивать ономастическое сознание, представленное совокупностью имен собственных, вербализующих ономастическое знание. Современные произведения данных видов искусства тоже нужно знать, чтобы ребенок/подросток комфортно чувствовал себя среди сверстников и мог поддержать разговор или игру на определенную тематику (Оптимус Прайм, Уэнздей).

Знакомство с живописью и скульптурой. Этот фактор тоже является очень важным, так как он открывает путь к изучению не только самого произведения, но и его автора, контекста его создания, истории существования запечатленных на нем субъектов/объектов. В контексте данных действий формируется как вербальная, так и невербальная ономастическая компетенция. Чем больше фоновых знаний у ребенка, тем выше его ономастическая компетенция и тем богаче ономастическое сознание ребенка.

Знакомство с миром. Посещение разных городов и стран позволяет ребенку сформировать их образ и прикрепить к нему определенную ономастическую единицу, которая будет служить своего рода именем — тегом для активации нужного информационного слота. Личный опыт является одним из наиболее ценных и эффективных для развития ономастического сознания. Его получение непременно сопровождается эмоциональным рядом, а познание, сопряженное с эмоциональным аспектом, всегда более эффективно. Можно часто ходить в музей и слушать экскурсию о Древней Греции, но это не гарантирует закрепления информации об Афине в сознании ребенка. Для формирования образа и его оязыкования нужен познавательный интерес, основанный на позитивной (в большей степени) ноте познания, открытия чего-то нового, в идеале разделенного с кем-то опыта. Посещение реального места является более качественным с точки зрения формирования ономастического сознания. На первых годах жизни любой выход на улицу уже является основой для развития ономастического сознания, узнавание названия города, в котором живешь, улицы и соседних улиц, магазинов, марок машин и иных присутствующих в семье предметов. Вместе с усвоением образа и названия этих мест/объектов формируется их ценностный потенциал, важность в жизни ребенка, основы оценки, которую он потом будет использовать в игре и дальнейшей коммуникации со сверстниками.

Расширение личного опыта взаимодействия. Сюда мы относим круг знакомых ребенку людей. Сначала это только семья и близкие родственники. Потом появляются друзья по песочнице, потом по детскому саду и посещаемым кружкам и секциям, потом школа. И у каждого человека есть имя, свои интересы, которые часто вербализуются ономастическими единицами. Кто-то в песочницу Скай, Гонщика и Райдера (Щенячий патруль) принес, кто-то Блум и Дарси (Клуб Винкс), кто-то Эльзу и Олафа (Холодное сердце), имена встречаются постоянно и с помощью них мы познаем мир. Здесь познание тоже может идти двумя путями от субъекта/объекта к имени или от имени к субъекту/объекту. Ребенок читает сказку и там встречается новый герой (его описание), а вместе с ним и его имя. Ребенок постепенно запоминает, какой он этот герой, так сначала формируется образ и постепенно закрепляется в имени. Или наоборот, ребенок видит игрушку у приятеля на детской площадке, слышит имя, запоминает его и потом

узнает, что это герой мультфильма или кинофильма, за которым закреплены определенные характеристики и модели поведения, просит его посмотреть. Так формирование образа идет от знакомства с именем.

Отметим, что в ономастическом сознании ребенка существует не только информация о субъектах/объектах номинации, принадлежащих истории и культуре страны, но и информация о принадлежащих близкому окружению ребенка — родственникам, друзьям, широкому кругу общения человека, так как с каждым из них у ребенка сформирован определенный ассоциативный образ, в который заложены отличительные характеристики, которые помогают выделить субъект/объект из ему подобных. Если такой субъект/объект теряет актуальность в жизни ребенка, то информация о нем (вместе с его именем) уходит из активной области ономастического сознания.

Компьютерные и сюжетные настольные игры. Такие игры появляются в жизни ребенка ближе к 5-7 годам, а иногда и позже. Но для нас они важны, так как тоже обладают богатым ономастиком. Есть компьютерные игры, основанные на художественной литературе или кинокартинах, в них исходные образы могут претерпевать изменения, иногда добавляются новые герои. Знакомство с таким ономастиком может идти либо от произведения к игре, либо от игры к произведению, что бывает не часто, иногда игроки продолжают играть в определенную игру, развивая ее сюжетную линию, и обращение к первоисточнику для вхождения в игровое пространство не является необходимостью. Эти сферы бытования имен собственных не являются массовыми, объединяют фанатов и основаны на личностном интересе человека. Используемые в них онимы безусловно будут объективировать информацию, входящую в ономастическое сознание, но рекомендовать целенаправленное освоение данных ономастиконов мы не станем ввиду наличия разнообразных интересов людей и отсутствия его в школьной программе.

Исходя из проанализированных источников расширения ономастического сознания ребенка отметим, что ключевыми факторами, влияющими на его развитие, являются познавательный интерес, эмоциональный аспект и совместная деятельностная составляющая. Чтение, слушание и просмотр различных произведений творческого гения человека, а также живая повседневная коммуникативная активность, способствуют развитию ономастического сознания ребенка, что обогащает его словарный запас и дает возможность использовать имена собственные как самостоятельно (для достижения своих коммуникативных целей), так и уметь декодировать их смысловой потенциал в других текстах, строить лексически гармоничное и стилистически яркое речевое высказывание, тем самым развивать индивидуальную языковую личность.

Список источников

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. — М., Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934.
2. Категоризация мира в языке // Когнитивные исследования языка : коллективная моногр. / гл. ред. сер. Н. Н. Болдырев. — М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. — Вып. X
3. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. — М. : Знак, 2012.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М. : Политиздат, 1975.
5. Павилёнис Р. И. Проблема смысла: логико-функциональный анализ языка. — М. : Мысль, 1983.
6. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание — перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование : материалы XIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. — М. : ИЯ РАН, 2000.
7. Щербак А. С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте : моногр. — Тамбов, 2008.

Сведения об авторе

Робустова Вероника Валентиновна — к.филол.н., доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

АРМОНИМЫ В ОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы русской ономастической терминологии; для собственных наименований видов и марок оружия в России предлагается ввести общий термин — *армонимы*; исследуются типологические характеристики современной российской армонимии как периферийного разряда ономастической лексики.

Ключевые слова: словесные номинации российских вооружений; армоним; хрематоним; прагматоним; онимическое пространство.

Словесные наименования видов и марок вооружений в отечественной ономастической науке пока не имеют общепризнанного специального терминологического обозначения. А между тем это огромная масса специфических официальных и неофициальных онимов, актуальных в связи со сложившейся политической ситуацией, открыто публикующихся в каталогах и функционирующих в современной прессе. Актуальность изучения этого разряда собственных имен и интерес к нему широкой общественности постоянно возрастают.

Долгое время этот разряд онимов использовался преимущественно в профессиональной сфере и находился на глубокой периферии медиа-коммуникационного пространства. Для обозначения его единиц лингвистам вполне было достаточно общеономастических терминов, таких как *хрематоним* и *прагматоним*. А. В. Суперанская в монографии «Общая теория имени собственного» (1973 г.) к разряду *хрематонимов* относит собственные имена уникальных неодушевленных предметов, представляющих для человека особую ценность, как, например, меч *Дюрондаль* в «Песне о Роланде» [Суперанская, 1973: 190]. Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» (1988 г.) уточняет термин *хрематоним* как вид *прагматонима*: «Собственное имя уникального предмета материальной культуры, произведенного или добытого руками человека, в том числе название оружия, музыкального инструмента, ювелирного изделия, предмета утвари, драгоценного камня; Пр.: пушки “Единорог”, “Троил”, “Волк”, “Гамаюн”» [Подольская, 1988: 146].

Оба эти термина используются лингвистами при анализе собственных наименований вооружений, хотя многие исследователи предпочитают обходиться описательными конструкциями. Например, Н. А. Родина, Л. В. Воронина и А. В. Бондарев для всех собственных наименований российской военной техники пользуются термином «*хрематоним*» [Родина, 2019: 64–72; Родина, 2021: 39–50; Воронина, 2018: 30–32].

Н. С. Шарафутдинова, проводя исследование *прагмонимов* в сфере авиационной лексики немецкого, английского и русского языков, отмечает, что данный термин синонимичен *прагматониму* [Шарафутдинова, 2016: 327–336].

Исследуя основные тенденции образования *словесных названий боевых единиц* российской армии, С. С. Буркова не использует специальных ономастических терминов, ограничиваясь описательной конструкцией [Буркова, 2021: 24]. Анализируя семантические особенности наименования оружия и техники России и стран НАТО, Е. В. Крюкова также не использует специальных терминов [Крюкова, 2021: 305–309]. Рассматривая особенности функционирования собственных имен в сфере современного военного медиа-дискурса, А. М. Амиров также обходится без специального термина для обозначения марок оружия [Амиров, 2021: 237–250].

Изучая механизмы номинации единиц военной техники (на материале названий американских и британских кораблей), Е. Б. Кивелёва обращается к термину *каронимика*, предложенному Ю. С. Крючковым для имен кораблей как особого разряда ономастической лексики [Кивелёва, 2014: 110–119; Крючков, 1989: 3].

В популярной прессе процесс создания современных номинаций оружия, по аналогии с англоязычной традицией, называется *милитари-нейминг* как составляющая *милитари-брендинга* [Милитари-нейминг, 2023]. Соответственно, можно предположить, что отдельное образование

следует называть *милитари-нейм*. Тогда его надо считать рекламным конструктом, специально созданным с целью продвижения объекта номинации, как и всякий другой рекламный нейм. Однако в соответствии с российским законодательством, оружие не может быть объектом рекламы, поэтому такой термин не подходит [О рекламе, 2006: ст.26].

Для собственного имени объекта вооружения вполне мог бы подойти термин «*милитари-оним*», если бы он уже не был введен в научный обиход Н. А. Фатеевой как собственное имя военной операции [Фатеева, 2018: 57–59].

Таким образом, мы видим, что назревшая потребность в появлении специального ономастического термина для обозначения собственных наименований оружия до самого последнего времени в России оставалась нерешенной проблемой. Однако январе 2023 г. М. Е. Ляпидовская «для обозначения названий различных единиц техники и орудий, связанных с военной сферой человеческой деятельности» предложила термин «*оплоним*» (от греч. слова *ὄπλα* «оружие» + *оним*) [Ляпидовская, 2023: 1–4]. Предложенный М. Е. Ляпидовской термин в принципе не вызывает возражений, так как создан в соответствии с существующей в ономастической науке традицией, однако он, к сожалению, совсем не вызывает ассоциаций с номинируемой военной сферой.

Для решения данной терминологической проблемы предлагаю обозначать собственные наименования оружия термином «*армоним*», образованным от лат. *arma* — ‘оружие’ + греч. *ονυμ* — ‘имя’. Преимущество этого термина, главным образом, заключается в том, что он соотносится с гиперонимом «*армия*» (от лат. *armare* ‘вооружать’), заимствованным в Петровскую эпоху, вероятно из французского языка, где *armee* известно с XIV в. [Черных, 1993: 52].

В основе предлагаемого мной термина лежит историзм XIV в. — название первых русских пушек: «АРМАТА (от лат. *arma* — ‘оружие’). Огнестрельное орудие» [Словарь, 1910]. Военная энциклопедия дает следующее определение: «АРМАТА, старинное название артиллерийского орудия; слово перешло к нам из Польши вместе с первым артиллерийским орудием. «Лета 6897 вывезли из немцев *арматы* на Русь и огненную стрельбу и от того часа уразумети из них стреляти», — гласит Голицинская летопись» [Военная энциклопедия, 1911: 34].

Предлагаемый мной ономастический термин соотносится также с популярной в настоящее время номинацией универсальной боевой бронированной платформы «*Армата*», на базе которой созданы танк Т-14 с необитаемой башней, бронированная машина БМП Т-15 и ремонтно-эвакуационная машина БРЭМ Т-16. Для обозначения этих вооружений используется общее имя «*Армата*» [Армата, 2023]. Интересно, что в 1985 г. историческая форма «*Армат*» уже была использована для номинации 130-мм артиллерийской установки А-192 [Россия, 2023].

Наименование «Армата», как и сама танковая платформа, в настоящее время настолько популярны в России, что это слово приобретает статус прецедентного имени, которое используется в рекламной номинации, например, ВИА «Армата»; проект клиентской онлайн-игры «Армата», сходной с World of Tanks [Armored, 2023].

В 2015 г. «Военторг» подавал заявку на регистрацию товарного знака АРМАТА по 18 классам МКТУ, в частности для моющих средств и средств гигиены, а также фармацевтических препаратов и металлических сплавов. Предполагалось, что он станет вторым после «Вежливых людей» брендом для потребительских товаров массового спроса, зарегистрированных на ОАО «Военторг» [Военторг, 2015].

В 2017 г. АО «НПК “Уралвагонзавод”» официально зарегистрировал торговую марку АРМАТА для товаров бытового назначения: игрушки, сувениры, обувь, одежда [Уралвагонзавод, 2016]. Концерн «Уралвагонзавод» запатентовал также два проекта детской спортивно-игровой площадки, оформленной в виде танка «Армата». В 2020 г. к 100-летию танковой промышленности разработал юбилейный логотип, на котором в центре изображен Т-14 «Армата» [Уралвагонзавод, 2020].

Перейдем к рассмотрению параметров армонимии как периферийного разряда онимического пространства России. Прежде всего, следует отметить, что российские армонимы не относятся к числу рекламных имен, даже несмотря на популярность, которую отдельные из них могут приобретать в общественно-политическом дискурсе, так как они не являются инструментом рекламного продвижения оружия, в основной своей массе не имеют зарегистрированных комплексов фирменной айдентики и не используются в рекламных текстах, обращенных к массовой целевой

аудитории. Заказчиками и покупателями российских вооружений являются только корпоративные клиенты: государственные или частные компании, в том числе, дружественных государств.

Главная функция российских армонимов — репрезентативная, идентификация произведенных на государственных предприятиях видов и марок вооружений или же уникальных механизмов, таких, например, как боевые корабли или самолеты.

Основными идентификаторами видов и марок вооружений в сфере российского военного дискурса являются общевойсковые буквенно-цифровые индексы, которые могут дополняться словесными номинациями, более удобными в профессиональной коммуникации и одновременно выполняющими функцию секретности. Так, например, основной боевой танк, выпускаемый на Уралвагонзаводе, имеет индексальные войсковые обозначения (*T-72*, *T-72A*, *T-72AK*, *T-72-M* и т. д.), но отдельные модели дополняются словесными знаками, которые можно назвать *армонимами*: *T-72 «Урал»* (1973), *T-72 «Урал-1»* (1973), *T-72K «Урал-К»* (1974), *T-72 «Буйвол»* (1974), *T-72B2 «Рогатка»* (2005).

Согласно открыто публикуемым данным, в настоящее время насчитывается около пяти тысяч словесных номинаций российского оружия [Электронный справочник названий российского (советского) оружия, 2023; Словесные названия российского оружия, 2023]. Несмотря на то, что все они входят в состав единого *армонимического пространства* России, принцип словесной индивидуализации знаков здесь не работает. Слово может свободно повторяться при номинации разных видов вооружений, например: *«Москит»* — серия советских ракетных катеров; *П270 «Москит»* — противокорабельная крылатая ракета; *МиГ-АТ «Москит»* — реактивный учебно-тренировочный самолёт. Также одно и то же слово может повторяться с дополнительными буквенно-цифровыми индексами, представляя модификации марок вооружения, например, гаубицы *2С21 «Мста-К»* (1985), *2С19 «Мста-С»* (1998), *2С19М1 «Мста-С»* (2000), *2С33 «Мста-СМ»* (2012), *2А65 «Мста-Б»*.

Армоним — собственное наименование, образованное в результате процесса искусственной номинации, «который принадлежит сфере институированной коммуникации и ставит своей целью создание наименования, рассчитанного на априорную узуализацию» [Голомидова, 1998: 45]. Как отмечает М. В. Голомидова, «При искусственном наречении сокращается процесс выработки абстрактного языкового символа, связь которого с предметом поддерживает только нарицательный классификатор» [Голомидова, 1998: 47].

Среди российских *армонимов* доминируют условно-символические имена, часто не мотивированные свойствами называемого объекта, которые легко превращаются в условные индивидуализирующие знаки, например, современные инструменты боевой разведки: *«Фара»*, *«Ирония»*, *«Интриган»*. В то же время некоторые из военных онимов сохраняют ассоциативную связь с называемым объектом, например, БПЛА *«Ланцет»* — высокоточный дрон-камикадзе, *«Балеринка»* — изящная авиационная автоматическая пушка, *«Лягушка»* — гаубица, упоры которой визуально напоминают лягушачьи лапки.

Разряд *армонимов в онимическом пространстве России* представляет собой большой и неоднородный пласт проприальной лексики, включающий официальные и неофициальные номинации, большая часть которых находится в сфере профессиональной коммуникации, однако в связи с возрастающей актуальностью все больше проникает в общественно-политический дискурс. Внутри российского армонимического поля, в свою очередь, выделяются собственные наименования, маркирующие серии вооружений, которые можно считать *прагматонимами* (самоходная артиллерийская установка *2С3 «Акация»*), и собственные имена уникальных объектов, которые соответствуют термину *хремотонимы* (атомный подводный крейсер *«Император Александр III»*).

Российские армонимы образуются преимущественно семантическим способом от общеупотребительных и стилистически нейтральных слов русского литературного языка или собственных имен, номинирующих географическое пространство нашей страны, оформляются в кириллической графике и несут в себе патриотические коннотации, отражая картину мира россиянина. Военные прагматонимы обычно однословные наименования, короткие, обладающие оптимальными фонетико-акустическими свойствами, включающие сонорные согласные, легкие для восприятия на слух и запоминания: РСЗО *«Град»*, *«Смерч»*, *«Торнадо»*, *«Ураган»*. В то время, как хремотонимы могут представлять собой многословные номинации, как, например, ТАКР *«Адмирал флота Советского Союза Кузнецов»*.

Исследование структуры армонимического поля России и отдельных его единиц актуально и перспективно в аспекте национально-культурной специфики условно-символической номинации.

Список источников

1. Амиров А. М. Функционирование ономастических единиц в милитарном дискурсе // Вопросы ономастики. — 2021. — Т. 18, № 1. — С. 237–250. — URL : https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/97211/1/voron_2021_1_12.pdf?ysclid=lab86hixu278980723 (дата обращения: 25.01.2023).
2. Армата (универсальная боевая платформа). — URL : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Армата_\(универсальная_боевая_платформа\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Армата_(универсальная_боевая_платформа)) (дата обращения: 25.01.2023).
3. Буркова С. С. Этимология словесных названий российского вооружения // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2021. — № 1 (40). — С. 24–28. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/etimologiya-slovesnyh-nazvaniy-rossiyskogo-vooruzheniya?ysclid=lae1jzupe0480392484> (дата обращения: 25.01.2023).
4. Военная энциклопедия. — СПб. ; [М.] : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911–1915. — Т. 3. — С. 34. — URL : <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/1669-t-3-aralskaya-flotiliya-afonskoe-srazhenie-1911#mode/inspect/page/48/zoom/6> (дата обращения: 25.01.2023).
5. «Военторг» подал заявку на регистрацию знака «Армата» для потребительских товаров // Агентство городских новостей. — 2015, 13 июля. — URL : <https://www.mskagency.ru/materials/2471031?ysclid=lcu7kmdba3788646043> (дата обращения: 25.01.2023).
6. Воронина Л. В., Бондарев А. В. Лингвистические и экстралингвистические факторы, обуславливающие номинацию российского вооружения и техники // Actual Problems of the Theory and Practice of Philological Researches. — 2018. — С. 30–32.
7. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике : монограф. / Уральский гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1998. — 232 с.
8. Кивелёва Е. Б. Динамический аспект каронимики как раздела ономастики // Вестник МГЛУ. — 2014. — Вып. 20 (706). — С. 110–119.
9. Крюкова Е. В. Семантические особенности наименования оружия и техники России и стран НАТО // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 1 (86). — С. 305–309.
10. Крючков Ю. С. Имя на борту. — М. : Транспорт, 1989. — 157 с. — URL : <https://coollib.com/b/594440/read?ysclid=ldna7x3mcw506221445> (дата обращения: 14.02.2023).
11. Ляпидовская М. Е. О некоторых особенностях номинации единиц военной техники и орудий // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — № 1 (37). — URL : <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.43> (дата обращения 25.01.2023).
12. Милитари-нейминг — почему у российских вооружений «веселые» названия. — URL : <https://exiterra.com/blog/marketing-blog/militari-neyming-pochemu-u-rossiyskogo-vooruzheniya-veselye-nazvaniya/?ysclid=la81mla5o4695055375> (дата обращения: 25.01.2023).
13. О рекламе : фед. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 05 дек. 2022 г.). — Ст. 26 : Реклама продукции военного назначения и оружия. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/33fd4818c9148dd3303f8f648504d08b59d57e16/?ysclid=ldlnz1tr1d406586123 (дата обращения: 25.01.2023).
14. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1988.
15. Родина Н. А. Военная хремотонимика: лексико-семантические особенности названий кораблей военно-морского флота России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». — 2021. — № 1. — С. 39–50.
16. Родина Н. А. Лексико-семантическая характеристика ассоциативных хремотонимов в российской армии (на материале названий военной техники) // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. — Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2019. — С. 64–72.
17. Россия — номенклатура вооружений. — URL : <http://www.militaryparitet.com/nomen/russia/> (дата обращения: 25.01.2023).
18. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А. Н. Чудинов. — 1910. — URL : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-192-9.htm#zag-3378> (дата обращения: 25.01.2023).
19. Словесные названия российского оружия. — URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 25.01.2023).
20. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М. : Наука, 1973.
21. Уралвагонзавод зарегистрировал шесть товарных знаков // Seldon.News. — 2020. — URL : <https://news.myseldon.com/ru/news/index/235300078> (дата обращения: 25.01.2023).
22. «Уралвагонзавод» оформляет бренд «Армата» // ЮрПАТЕНТ : сайт. — 2016. — URL : <https://www.s-tm.ru/news/2369/?ysclid=lc90nepni9589486368> (дата обращения: 25.01.2023).

23. Фатеева Н. А. Названия военных событий как особый класс хрононимов // Вестник ВГУ. Сер. «Филология. Журналистика». — 2018. — № 2. — URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_35121247_52956216.pdf (дата обращения: 25.01.2023).
24. Шарафутдинова Н. С. Прагмонимы в специальной лексике по авиации // Преподаватель XXI век. Языкознание. — 2016. — № 2. — С. 327–336.
25. Электронный справочник названий российского (советского) оружия. — URL : <https://milita.jofo.me/297265.html?ysclid=lgqehfju9m196451320> (дата обращения: 25.04.2023).
26. Armored Warfare: Проект Армата. — URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Armored_Warfare (дата обращения: 25.04.2023).

Сведения об авторе

Романова Татьяна Павловна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва (Самара, Россия).

С. М. Рудометова

ОНИМЫ В МЕЩЕРСКИХ ГОВОРАХ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: В статье рассматривается история возникновения наименований двух сёл Волгоградской области, в которых распространено яркое фонетическое явление — цоканье. Проанализированы местные топонимы, геортонимы и катойконимы, в которых отражается специфическая лингвокультура носителей волгоградских цокающих говоров.

Ключевые слова: мещерские цокающие говоры, топонимы, гидронимы, катойконимы, геортонимы

Исследуемые нами мещерские цокающие говоры с. Перещепного Котовского района и с. Краишева Еланского района Волгоградской области являются собственно-переселенческими диалектами изолированного типа. Села Перещепное и Краишево были заселены в 1787 и в 1799 гг. соответственно [Кудряшова, 1997: 29]. Первые жители с. Перещепного и с. Краишева — переселенцы из Пензенской губернии. По воспоминаниям краишевских старожилов, они прибыли из села Ушинки, которое относилось к Керенскому уезду. В свою очередь жители Керенского уезда Пензенской губернии являются переселенцами из рязанской Мещеры. Следовательно, в середине XVII в. предки перещепновцев и краишевцев переселились из рязанской Мещеры в Пензенскую губернию, а уже оттуда перебрались в Поволжье [Кудряшова, 1997: 29]. Таким образом мещерские цокающие говоры попали на территорию Волгоградской области. Несмотря на удаленность сел друг от друга и отсутствие постоянных контактов между ними, в обоих населённых пунктах сохранились общие лингвокультурные особенности, выделяющие их среди других окрестных сел. Эти характерные черты отражаются и в местной ономастике.

Главной языковой особенностью волгоградских мещерских говоров является твердое цоканье: *девоука, пеука, доука*. В говоре с. Перещепного твердое цоканье хорошо сохраняется и на современном этапе развития. Диалектоносители знают о специфике своего говора, обыгрывают её в частушке: *Ни хадИте д'Эйки зАмуи ф тир'цапнОвскайэ силО. У них гОвар нихарОшый: бАють там цавО-цавО*. В говоре с. Краишева твердое цоканье постепенно утрачивается, вместо него наблюдается твердое чоканье: *ПрийЭхало йих чЭт'ви́ро чылавЭк*. Однако память об этой специфической черте диалектной фонетики сохраняется, она отражена в местных топонимах и катойконимах.

С. Краишево названо по р. Краишевке, на которой оно расположено. Гидроним, вероятно, восходит к местному названию разновидности вяза *караич* с выпадением первого гласного

и переходом [ч] в [ш]. В прошлом встречались название села Краишевка. В 2 км от села на берегу Терсы находится государственный водный памятник природы «Родник Краишевский», в котором вода имеет повышенное содержание серебра. Микрогидроним имеет то же происхождение, что и название реки. Топонимы и гидронимы Караичка, Караичев, Караичевский распространены на севере Волгоградской области.

Топоним Перещепное образован, возможно, от антропонима Перещепин, Перещепа. Эта фамилия прозвищного происхождения встречается в России. В русских народных говорах глаголы *перещипать*, *перещепить* обозначают 'взять верх над кем-либо, превзойти кого-либо' [СРНГ, 26: 250]. В Воронежской области есть село Перещепное.

Окрестные жители, отмечая фонетическую особенность говора жителей села Краишева, называют его в шутку *Цукреспубликой*. Возможно, на возникновение народного топонима повлияло неофициальное название расположенной в прошлом неподалеку АССР Немцев Поволжья — *Немреспублика*. Перещепное шутливо именуют *Цавокино село*, также отражая в топониме особенности говора. За жителями закрепились катойконимы: *цуканы*, *цукан*, *цуканка* (Краишево) и *цыкуны* (Перещепное).

Специфическими являются в обоих селах геортонимы, которые не встречаются в соседних населенных пунктах. В говорах обоих сел нами записан праздник *Кузьминки*, *Кузьмин день*. В этот день молодёжь села устраивали *ссыпки*, на которых проводился обряд обыгрывания витушек: *СсЫпки были, витУшки абЪурывали — эт завитое пичэн'йэ. На КузьМИнки дЕлали: парни выкупають и цалують всех дийчат*.

Кузьминки — народное название праздника, отмечавшегося в честь памяти святых Косьмы и Дамиана (1/14 ноября), в народной традиции — Кузьмы и Демьяна. В этот день молодые люди делали ссыпки — собирали продукты для гулянья [Этнографическая энциклопедия, 2017: 162]. Следует полагать, что ссыпки — это повод выбрать жениха и невесту. Известно, что в народе св. Косьму и Дамиана считают покровителями свадьбы, поэтому именно в этот день и собиралась молодёжь. Однако в соседних с Краишевом и Перещепным селами эти геортонимы и связанные с ними традиции не отмечены.

Жителями обоих сел также особо почитается религиозный праздник в честь святой мученицы Параскевы, именуемый *Девятая пятница*. Дата празднования подвижная — девятая пятница после Пасхи, почему и праздник так назван. В обоих селами освящены источники в честь мученицы Параскевы, которые называются также *Девятая пятница*.

Итак, в двух селами Волгоградской области, расположенных на значительном удалении друг от друга, имеются общепонимание собственно языковые (цоканье) и лингвокультурные особенности, которые ярко проявляются, прежде всего, в местных геортонимах.

Список источников

1. Кудряшова Р. И. Слово народное: говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем : учеб. пособие. — Волгоград : Перемена, 1997. — 124 с.
2. Кузнецова Е. В. Цокающий волгоградский говор: на материале экспедиции 2009 г. // Вопросы краеведения : материалы XXI и XXII краевед. чтений / [редкол. : И. О. Тюменцев [и др.]]. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. — Вып. 13. — С. 521–524.
3. Орлов Л. М. Русские говоры Волгоградской области : учеб. пособие. — Волгоград : Изд-во ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1984. — 96 с.
4. Словарь русских народных говоров / гл. ред Ф. П. Сороколетов. — Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1981. — Вып. 26 — 350 с. (СРНГ).
5. Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. — 544 с.

Сведения об авторе

Рудометова Светлана Михайловна — к. филол. н., доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, Россия).

О ЦЕННОСТНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ТОПОНИМИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье ставится и анализируется одна из актуальных проблем современной методики преподавания русского языка, а именно: актуализация аксиологической лингвометодики и ценностного потенциала топонимики для воспитания и развития личности обучающихся средствами родного языка.

Ключевые слова: топонимика, топонимы, аксиологическая лингвометодика, русский язык, воспитание, языковая личность.

В статье будет рассматриваться проблема использования ценностного потенциала топонимики в качестве дидактического материала для достижения целей изучения русского (родного) языка в современной школе. Топонимика — «раздел ономастики, исследующий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменение во времени» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 515]. В статье освещается одна из актуальных проблем современного российского филологического образования — формирование ценностной ориентации личности на основе познания родного языка, открытия студентом/школьником аксиологичности и универсальности лингвистического знания, которое рассматривается как ведущий методический фактор в становлении языковой личности, мировоззрения, отношения к миру, языку и культуре, истории своего народа. Актуальность предлагаемой статьи может быть подчеркнута социальным заказом, сформулированным в материалах ФГОС ООО (2020). В документе содержится следующее: согласно п. 35.2 и п. 42 ФГОС ООО, учебные занятия по различным предметам обязательно должны способствовать формированию социокультурных и духовно-нравственных ценностей у обучающихся [ФГОС ООО, 2020].

Проблема аксиологичности лингвистического знания анализируется в контексте аксиологического подхода в преподавании русского (родного) языка на материале «Топонимического словаря Рязанской области» (2004).

При решении актуальных проблем методики преподавания русского языка «мы не можем оставить без внимания факторы, влияющие в процессе организации познавательной деятельности учащегося на развитие структурных компонентов его личности, среди которых рационально-логическое мышление и эмоционально-волевая сфера, мировоззрение и ценностная ориентация. Поведение личности определяется системой сформированных ею индивидуальных ценностных идеалов, иерархия которых служит для связи духовного мира личности с духовной культурой общества. Это своеобразная «ось сознания», «призма восприятия не только внешнего, но и внутреннего мира индивида» [ФЭС, 1983: 764], которая, являясь психологическим основанием, характерным для данной личности, связывает её с миром, влияя и на ценностные установки и самого общества» [Скрябина, 2023: 160].

В философии аксиология рассматривается как теория ценностей, «философское учение о природе ценностей, их месте в реальности и структуре ценностного мира, т. е. о связи различных ценностей между собой с социальными и культурными факторами и структурой личности» [ФЭС, 1983: 763]. В прошлом мыслители (Сократ, Платон, Аристотель) утверждали, что истинные ценности, сокровища души, это добродетели как цель воспитания. Этическая сторона проблемы воспитания определялась ими как цель. Великий дидакт прошлого Ян Амос Коменский видел цели воспитания и образования в том, что оно должно готовить человека к жизни вечной. Вспоминается известное высказывание К. Д. Ушинского о том, что образование и воспитание без православия «звук пустой».

Есть основание утверждать, что ценности православной культуры как истинные ценности, принятые русским народом, нашли свое отражение в топонимике, например, рязанского края [Топонимический словарь Рязанской области, 2004]. В предисловии, написанном А. А. Никольским, сообщается, что топонимами называются собственные названия географических объектов

(греч. *topos* «место» и *онима* «имя, название»). А. А. Никольский сопровождает толкование термина цитатой из текста К. Г. Паустовского: «Относясь к разным историческим эпохам, топонимы отражают многие их явления. «Названия, — подчеркивал выдающийся писатель К. Г. Паустовский, — это народное поэтическое оформление страны. Они говорят о характере народа, его истории, его склонностях и особенностях быта» [Топонимический словарь Рязанской области, 2004:5]. Доминируют в топонимах Рязанской области православные ценности и святыни, перечислим некоторые: *Спас-Клепики*, *Спасское*, *Спасск-Рязанский*, *Богородицкое (с. Милославского района)* и *Богородицкое (с. Ухоловского района)*, *Богослово (с. Скопин)*, *Воскресенье (с. Клепиковского района)*. В поиске обновленного дидактического материала, безусловно, можно и нужно использовать ценностный потенциал топонимики, в частности, при изучении русского языка и его разделов.

Исследования в области топонимики осуществляли многие известные лингвисты, среди которых В. А. Никонов, Е. М. Поспелов, В. П. Нерозняк, О. Н. Трубачев, В. Д. Бондалетов, Г. П. Смолицкая. Свой вклад в ее развитие внесли рязанские ученые, среди них А. А. Никольский, И. Н. Хрусталев, А. В. Бабурин, собравшие и представившие в словаре 826 топонимов Рязанской области. Это, как писали создатели словаря, был первый опыт описания топонимов Рязанской области. Авторы «стремились с наибольшей полнотой учесть имеющиеся топонимические материалы, как опубликованные, так и рукописные. Основными источниками явились научные статьи и монографии XIX–XXI вв., публикации в местной периодической печати этого времени, фонды Государственного архива Рязанской области» [Топонимический словарь Рязанской области, 2004: 6].

В процессе анализа поставленной методической проблемы мы будем опираться на основные постулаты аксиологической лингвометодики, представленные А. Д. Дейкиной. Аксиологический подход рассматривается ею как самое общее методологическое направление, «для которого характерен аспект ценности материального и духовно-нравственного, интеллектуального, эстетического, эмоционального» [Дейкина, 2019: 29]. «Аксиологическая лингвометодика, — констатирует А. Д. Дейкина, — это преподавание русского языка путем реализации ценностного подхода как стратегии обучения русскому языку. Под ценностным (аксиологическим) подходом понимается базисная категория методики, располагающая своими средствами и методами обучения. Выбор метода определяет совокупность приемов, способствующих постижению учащимися ценностной сущности изучаемого предмета» [Дейкина, 2019: 29]. В концепции А. Д. Дейкиной доминирует главная ценность — родной язык. «Задача современной методики — в этом и ее инновационный путь — не только характеризовать ценностный объект, каковым является русский язык, со стороны привлекательности, но сделать эту характеристику цельной, полной, системной» [Дейкина, 2019: 17]. А. Д. Дейкина провозглашает идею о том, что через ценностное восприятие родного языка обучающийся сможет прийти и к усвоению истинных общечеловеческих ценностей.

Мы полностью разделяем утверждение А. Д. Дейкиной о методологической значимости и универсальности аксиологического подхода в сопоставлении с существующими подходами: «Аксиологический подход, имеющий мощную философскую базу, психологическое обоснование структуры личности с доминантой в виде ценностной ориентации как «оси сознания», теоретически глубже, значительнее, функционально определеннее, масштабнее по своей направленности на гармоничное развитие личности, ее рационального и эмоционального начал, мощно воздействующих на процесс организации познания и воспитания личности средствами родного языка» [Скрябина, 2023: 161]. Вне всяких сомнений, аксиологический подход взаимосвязан с другими современными подходами на основе доминанты — «русский (родной) язык есть ценность», мы рассматриваем его как стратегию обучения русскому языку, как метаподход.

Основное положение нашей статьи заключается в следующем: использование материалов топонимического словаря в качестве обновленного дидактического материала и организация его изучения на основе лингвистического комплексного анализа топонимов обладает потенциалом для развития у обучающихся «модуля ценностей», ценностного восприятия языка Отечества, его культуры, истории; далее: развивает мотивацию к его изучению и актуализирует формирование предметных и метапредметных умений.

Топонимы Рязанской области являются ценнейшим свидетельством не только ее географии, но и (это главное) истории, культуры этноса, его верований, представлений о добре, зле, запечатленных в языковых формах — названиях населенных пунктов, городов, поселков, деревень, сел. Лингвистическое описание топонима или гидронима, его этимология зачастую ярко

представляет тех, кто жил когда-то здесь, какому народу принадлежала земля, река, на каком наречии дано имя. Это словотворчество славян, племени мещера или эрзя?

Например, сопоставление топонимов: *Переяславль-Рязанский* (*Переславль Рязанский*) — посёлок *ОКТЯБРЬСКИЙ* — город *Касимов*—свидетельствует о разных эпохах возникновения, отражает историю наименования, смыслы и ценности своего времени. Согласно данным словаря, топоним *Переяславль-Рязанский* (*Переславль Рязанский*), а сейчас это город *Рязань*, впервые «упоминается летописях под 1300 год. Содержащаяся в Следованной Псалтыри второй половины XV— XVI в. запись о заложении города в 1095 году носит характер позднейшего припоминания. В Древней Руси было три Переяславля: в Среднем Поднепровье, в Ростово-Суздальской земле и в Рязанском Поочье. Первый именовался Русским, или Южным, второй Новым, Суздальским, позднее Залесским, третий — Рязанским. В дальнейшем это города Переяславль-Хмельницкий, Переславль Залесский и Рязань (в последнем случае город получил новое наименование в 1778 году в память о находившейся в другом месте первоначальной столице Рязанского княжества) [Топонимический словарь Рязанской области, 2004, с.189-190]. Гипотезы о происхождении топонимов связаны с освоением восточными славянами новых земель или были занесены из Киевской Руси. Это история освоения рязанских земель. А вот лингвистическое объяснение названия *Переяславль*, данное Г. П. Смолицкой, доказывает, что города именовались по одному признаку — «перенявший славу»: «Например, *Переяславль-Рязанский* — это город, перенявший славу Рязани, прежней столицы Рязанского княжества, разоренной Батыем в 1237 году» [Топонимический словарь Рязанской области, 2004: 190].

Материалы, приведенные в словарной статье А. А. Никольским, открывают простор для учителя в поиске методов и приемов для его изучения. Это не только этимологический анализ в сопоставлении с морфемным анализом, но и морфологическая характеристика, орфографический разбор, исторический комментарий, задания творческого характера: «Почему и какую славу перенял Переяславль-Рязанский?», «Чем прославилась Рязань в 1237 году?», «Какие герои принесли славу Рязанскому княжеству?». Это могут быть индивидуальные или групповые проекты, воплощенные в кинофильмы, презентации, сопровождаемые текстами, снимками памятников в Рязани, свидетельствующих о великих людях, о славной истории, виды Рязанского кремля, земляного вала, записи инсценировок; сведения о современниках, подобных героям, перенявшим славу, и т.д.

Обратим внимание на гидронимы, системно представленные И. Н. Хрустальевым в Топонимическом словаре. Например, гидроним *Ока*, правый приток Волги, повторяемый, как пишут авторы словаря, в разных регионах, что связано с общностью происхождения. Разнообразны версии, свидетельствующие о происхождении гидронима, но они ярко представляют язык тех, чья жизнь протекала на берегах Оки. Это название связано, по одной гипотезе, с финно-угорским названием *jokki* (река), сторонники другой гипотезы соотносят с литовскими *aka* (источник) или *akis* (глаз), славянская версия соотносит гидроним со словом *око* (глаз) [Топонимический словарь Рязанской области, 2004: 178-179].

Богатейший материал по топонимике и этнографии содержится в экспериментальном учебном пособии «Касимов: город и человек» (1999г.), материалы которого можно предлагать старшим школьникам для подготовки рефератов, мини-проектов при изучении русского языка с региональным компонентом. Топоним *Касимов*, данный по имени татарского царевича Касима, вытеснил топоним *Городец — Мещерский*, первоначальное название связано с племенем *мещера* и названием местности, сохраняющимся в наши дни. Как пишут авторы Топонимического словаря, мещера — «местность в среднем Поочье», упоминается в 1382 г., в настоящее время — часть территории левобережья Оки в Рязанской области. Большинство исследователей связывают топоним *Мещера* с этнонимом *мещера*, одного из народов, проживающих на реке Оке. В учебном пособии «Касимов: город и человек» содержатся сведения о том, что в окрестностях Касимова найдены следы древнейшего человека, стоянкам которого около 4 тысяч лет, самая известная из них в селе Ибердус. О топониме, созвучном произношению слов финно-угорских языков: *поле*, *пашня*, *стена*, сообщается: согласно одной из гипотез, что топоним *Ибердус* «с конечным элементом — *ус*» связан с языком неизвестного народа, населявшего край в дославянский период [Топонимический словарь Рязанской области, 2004: 92-93]. В учебном пособии находим: «...по имени народа *мещеры* ныне называется *Мещерская низменность* и весь *Мещерский край*, который

включают Касимов и названия старинных сел, рек речек. Это реки: *Нинур, Дердур, Чинур, Сынтул, села: Свинчус, Ибердус, Салаур, Ерахтур*. Очевидно, эти названия происходят из языка древней мешеры — племени, оставившем о себе память в словах, звучащих совершенно непонятно для современного русского человека» [Касимов: город и человек, 1999: 30]. Что же касается первоначального топонима *Городец-Мещерский*, там же о первом компоненте *Городец* пишется следующее: «В VII-V вв. до нашей эры на территории нынешней Рязанской области расселились племена *Городецкой культуры*, названной по приокскому селу *Городец*, где были обнаружены остатки укрепленного поселения (*городца*). ...*Их городища встречаются по всему среднему течению Оки, от устья Москвы-реки до Касимова*» [Касимов: город и человек, 1999: 29].

Итак, можно констатировать, что материал топонимики Рязанской области обладает богатым потенциалом для организации активной познавательной деятельности школьников как в сфере изучения русского языка, так и погружения в историю, географию и культуру тех, кто далек от нашего времени, но близок нам по духу, мысли и культуре и языку.

Список источников

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. — М. : Просвещение, 1983. — 224 с.
2. Дейкина А. Д. Аксиологическая методика преподавания русского языка : моногр. — М. : МПГУ, 2019. — 212 с.
3. Касимов: город и человек : народный учеб. : экспериментальное учеб. пособие (региональный компонент содержания образования) для учащихся старших классов. — М. : МИРОС, 1999. — 352 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Ярцева. — М. : Сов. энцикл., 1990. — 685с.
5. Скрябина О. А. Аксиологическая основа настоящего и будущего методики преподавания русского языка // Русский язык в школе. — 2019. — № 1. — С. 16–19.
6. Скрябина О. А. Аксиология отечественной методической традиции // Наука и культура России : междунар. науч.-практ. конф. — Самара : СамПГУС, 2022. — С. 162–165.
7. Скрябина О. А. О константе в современной методике преподавания русского языка // Известия ЮФУ. Филологические науки. — 2023. — № 1. — С. 158–167.
8. Топонимический словарь Рязанской области / под ред. А. А. Никольского ; Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. — 2-е изд., испр. и доп. — Рязань, 2004. — 296 с.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт : утв. Приказом Минобрнауки России от 17 дек. 2010 г. № 1897 (ред. от 11 дек. 2020 г.).
10. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев [и др.]. — М. : Сов. энцикл., 1983. — 840 с. (ФЭС).

Сведения об авторе

Скрябина Ольга Алексеевна — д.пед.н., профессор кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ имени С. А. Есенина (Рязань, Россия).

А. А. Соколова, Н. А. Фатеева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИЛИТАРИОНИМЫ СТАЛИНГРАДА

Аннотация. В статье проведён анализ фразеологических милитариионимов Сталинграда. Выявлены и описаны лингвистические и экстралингвистические факторы формирования единиц и их значений. Экстралингвистическим фактором стали сталинградские события 1942–1943 гг. и сохранение памяти о них. Лингвистические факторы различны.

Ключевые слова: фразеологические милитариионимы, фразеоним, Сталинград, лингвистические и экстралингвистические факторы.

Исторические события, как правило, сопровождаются появлением новых фразеологизмов, в том числе и ономастических. Вторая Мировая война и Великая Отечественная война (ВОВ), как её часть, породили большое количество фразеологических милитарионимов, таких, например, как: **Маршал Победы, Огненная дуга, Киевский котёл** и др.

Сталинградская битва была одним из ключевых событий не только Второй мировой войны, но и военной истории в целом. Кровавопролитные сражения в течение 200 дней, бои за каждый дом (Молочный дом, дома Павлова и Заболотного, дом Железнодорожников и др.), взятие высоты 102,0, оборона Сталинградского тракторного завода, заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь», защита центральной переправы через Волгу — всё это навсегда осталось в памяти и сердцах людей.

Такое эмоциональное потрясение не могло не отразиться в языке.

В современном русском языке существует огромное количество милитарионимов, связанных с этим эпохальным событием. Сталинградским онимами уделено пристальное внимание в научной литературе (Супрун, Горбаневский, Ильин, Сидорова, Попов и др.), тогда как фразеологические онимы (фразеонимы) мало исследованы.

Под фразеонимом (фразеологическим онимом) мы понимаем воспроизводимый неоднословный, раздельно оформленный оним, компоненты которого имеют синтаксические связи и формируют целостное значение. Фразеонимы, как и фразеологизмы, «служат не только для номинации, но и для характеристики явлений, в них может быть заложена оценка» [Жуков, 1986: 45].

В данной работе предпринята попытка проанализировать фразеологические милитарионимы Сталинграда и выявить факторы формирования данных единиц и их значений.

В своей статье мы рассмотрим шесть наиболее известных фразеологических единиц, номинирующих различные объекты милитарионимастического пространства Сталинграда: **битва на Волге, Сталинградский котёл, Мамаев курган, Дом Павлова, (скульптура) «Родина-мать зовёт!», (приказ № 227) «Ни шагу назад!»**.

Рассматриваемые милитарионимы могут обозначать реальные военные события 1942–1943 гг., географические объекты и документы того времени и являться символами памяти о Сталинградской битве.

На наш взгляд, фразеологизация словосочетания **битва на Волге** произошла после появления военного термина **Сталинградская битва**. На фоне термина словосочетание становится перифразой, приобретая коннотации эпохального события. Эти коннотации могут усиливаться определениями *великий, величайший, гигантский, исторический*:

На этом была полностью завершена величайшая битва на Волге <...> [Маршал Жуков, 2002: 121].

Гигантская битва на Волге продолжалась, волнуя все сердца, а сообщения сводок были скупы и сдержанны [НКСРЯ: Н. К. Чуковский. Балтийское небо (1946–1953)].

По версии китайской стороны, Цзян Цзэминь и Ван Епин, наслышанные о Сталинграде, давно хотели побывать на месте исторической битвы на Волге [НКСРЯ: Е. Григорьева, М. Кригер. Визит большой дружбы. В Россию прибывает лидер Китая Цзян Цзэминь (2002) // «Известия», 13.07.2001].

В настоящее время фразеологический милитарионим **битва на Волге** является синонимом терминологическому милитариониму-хрониму **Сталинградская битва**.

Фактором возникновения номинации **битва на Волге** стали ожесточённые сражения в междуречье Дона и Волги. Фактором же фразеологизации номинации стали оценочные коннотации существительного *Волга*, которые сформировались с течением времени.

Фразеомилитарионим **Сталинградский котёл** построен по продуктивной модели, где существительное *котёл* является активным фразеобразующим компонентом. Так, известны фразеологизмы с компонентом-существительным *котёл*, не являющиеся онимами: *общий котёл, солдатский котёл, вариться в котле, котёл войны*.

В «Словаре русского языка» Академии наук СССР, слово «котёл» представлено в трёх значениях. В третьем — с пометой «военное»: полное окружение (больших групп войск) [Словарь, 1983: 115]. Это значение сформировалось на основе кальки с немецкого языка. А. Фесенко и Т. Фесенко отмечают, что «знаменитая немецкая тактика окружений» дала русскую кальку от немецкого Einkesselyng (окружение), Kessel (котёл) [Фесенко, 1955: 118].

В период Второй мировой войны операции на окружение были основой военного стратегического искусства Вермахта. Именно в этот период операции на окружение стали называть «котлами».

Ранее нами было выявлено и описано 39 единиц, которые номинируют события Второй мировой войны: **Хайлигенбайльский котёл**, **Дюнкеркский котёл**, **Минский котёл**, **Барвенковский котёл**, **Гайтоловский котёл**, **Демянский котёл** и др. [см.: Соколова, Фатеева, 2015]

Фразеологический милитарионим **Сталинградский котёл** номинирует окружение фашистских войск в Сталинграде (стратегическая наступательная операция «Уран» и операция «Кольцо»):

Когда закончилось окружение противника в Сталинградском котле, было решено предложить итальянцам и румынам сдаться [НКСРЯ: И. Дьяконов. Книга воспоминаний].

Это была катастрофа, после которой Гитлер и Вермахт так и не смогли очухаться — «сталинградский котёл» снился им до конца войны [НКСРЯ: Комсомольская правда, 22.01.2003].

Свободного словосочетания *сталинградский котёл* нет. Фактором возникновения фразеологического милитарионима **Сталинградский котёл** также послужили военные события 1942–1943 гг.

Наименование возвышенности **Мамаев курган** до Великой Отечественной войны не имело милитарионимного значения.

Название **Мамаев курган**, так он был назван в сентябрьском приказе 62-ой армии, распространилось благодаря военным корреспондентам (как будто видели его судьбу поминальной возвышенности), до войны гражданские называли его бугром, а военные — высотой 102 [Трофимов].

В период Великой Отечественной войны топоним **Мамаев курган** приобрёл милитарионимное фразеологическое значение ‘важная стратегическая высота’:

16 сентября дивизия А. И. Родимцева отбила Мамаев курган [Маршал Жуков, 2002: 82].

Через несколько дней немцы оставили Мамаев курган. [НКСРЯ: В. Некрасов. Рядовой Лютиков, 1950].

Возвышаясь над центральной частью Сталинграда, Мамаев курган был важным звеном в системе обороны Сталинградского фронта [НКСРЯ: Памятник героям Сталинграда открыли 54 года назад // Парламентская газета, 2021.10].

В 1967 году на Мамаевом кургане был создан памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы». Именно в этот период формируется второе фразеологическое значение милитарионима **Мамаев курган** — ‘символ памяти о Сталинградской битве’:

Памятниками этой победе служат три священные горы: Мамаев курган в Сталинграде, Саур-Могилы в Донбассе, Сапун-гора в Севастополе [НКСРЯ: Мы живём в великую эпоху // Известия, 2016.10].

Мамаев курган — место массового поклонения. До войны местные жители его называли просто — «бугор» [НКСРЯ: Финал конкурса «Семь чудес России» // Vesti.ru, 2008.06].

Мамаев курган — там, наверно, без слёз никто не обходится. [НКСРЯ: Е. И. Карабанова. Дневник (1977) // Дневники Е. И. Карабановой. 1975–1991 на сайте «Муромский историко-художественный музей»].

Таким образом, фразеоним **Мамаев курган** является многозначным. Первое милитари-фразеологическое значение ‘важная стратегическая высота’ сформировалось в связи с тем, что бои за возвышенность 102,0 имели решающее значение: кто владел курганом, тот мог контролировать не только город, но и Заволжье, а также переправы через Волгу. Формирование второго значения ‘символ памяти о боях в Сталинграде’ связано с увековечением памяти о подвиге защитников Мамаева кургана.

Дом Павлова — четырёхэтажный жилой дом, в котором во время боёв за Сталинград в течение 58 дней героически держала оборону группа советских бойцов.

Как фразеологический милитарионим он имеет три значения:

1. Жилой дом, в котором держали оборону во время боёв за Сталинград:

После пленения фельдмаршала Паулюса в его картах увидели, что дом Павлова был отмечен как боевая крепость русских [НКСРЯ: М. Клапатнюк. Я — русская дорога (16.04.2013) // «Новгородские ведомости», 2013].

Сразу вспомнил **дом Павлова** в Сталинграде — артиллерийскими снарядами разворочены кабинеты, всё буквально посечено осколками или сожжено, всюду смрад и гарь [НКСРЯ: А. Студенок. После освобождения в 1992 году Бендеры напоминали кинохронику военных лет // Новый регион 2, 2010.06].

2. Символ героизма и стойкости:

«**Дом Павлова**» вошёл в историю войны как символ стойкости, мужества и патриотизма [НКСРЯ: Новгородцы почтили память героя обороны Сталинграда Якова Павлова // Vesti.ru, 2009.02].

3. Архитектурный памятник:

Конечно, изучать город-герой можно и «дикарём» — наиболее яркие достопримечательности, такие как Мамаев курган и **Дом Павлова**, доступны любому посетителю «с улицы» [НКСРЯ: Дорогами войны // Известия, 2015.05].

До ожесточённых боёв в Сталинграде не существовала номинация здания, находящегося на улице Пензенской, 61, это был обычный жилой дом. Номинация **Дом Павлова** возникла сразу как фразеологический милитаризм в связи с его ролью в сталинградских сражениях. Формирование первого значения непосредственно связано с военными событиями, второго и третьего — стало следствием беспримерного подвига советских воинов и памяти о нём.

Две номинации, как нам кажется, стоят особняком. Это название скульптуры «**Родина-мать зовёт!**» и приказ № 227 «**Ни шагу назад!**».

Номинация «**Родина-мать зовёт!**» дана скульптуре Е. В. Вучетича по аналогии с плакатом:

*В первые дни войны, в июне 1941 года, художник Иракий Тоидзе нарисовал плакат «**Родина-мать зовёт!**»* [НКСРЯ: В. Быков, О. Деркач. Книга века, 2000].

Лозунг «**Родина-мать зовёт!**» является крылатым выражением, так как, безусловно, имеет автора и обладает устойчивым компонентным составом, воспроизводимостью, целостностью значения — ‘призыв защищать Родину’ — и яркой эмоциональной оценкой.

Со временем крылатое выражение утратило связь с источником и превратилось, по словам С. Г. Шулежковой, в «безымянную фразеологическую единицу». Это крылатое выражение потеряло сигнальный компонент, привязывающий его к источнику, а предикативная единица превратилась в незамкнутую структуру — **Родина-мать**, которая может функционировать как член предложения [Шулежкова, 2002: 265]:

*Полуобернувшись ко всей стране, подняв меч, **Родина-мать** как будто кричит о том, о главном, что невозможно забыть нам, детям и внукам солдат, прошедших от Бреста до Берлина* [НКСРЯ: А. Каменев, В. Сухих, В. Фомин. Дорогие пермяки! (2003) // «Пермский строитель», 28.04.2003].

Таким образом, номинация скульптуры «**Родина-мать зовёт!**» прошла путь от авторского крылатого выражения-призыва, равного по структуре предложению, до «безымянного» фразеологизма **Родина-мать** со значением ‘скульптурный памятник’.

Как известно, 28 июня 1942 г. вышел приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций». Главным призывом этого приказа были слова Иосифа Виссарионовича Сталина:

***Ни шагу назад!** Таким теперь должен быть наш главный призыв.*

*Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — **ни шагу назад** без приказа высшего командования [О мерах по укреплению дисциплины...].*

Поскольку приказ был очень важным и известным в воинских подразделениях («Приказ прочесть во всех ротках, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах» [Там же]), его стали называть «**Ни шагу назад!**», и выражение стало крылатым:

*Я полковников взял к себе в полторку, чтобы их немцы не захватили, а они трясутся в кузове и меня просят: «Дайте нам материалы по внедрению приказа «**Ни шагу назад**»... [НКСРЯ: В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2, 1960].*

*У нас же штрафные части были созданы после **приказа № 227 «Ни шагу назад»** [НКСРЯ: Чем штрафбаты отличались от строевых частей? // Аргументы и факты, 2020.04].*

Такие крылатые выражения С. Г. Шулежкова условно называет «историческими» и говорит о том, что «они свидетельствуют о битвах, с их победами и поражениями, <...> о разнообразных исторических реалиях и фактах» [Шулежкова, 2002: 99].

Таким образом, нами рассмотрены фразеологические милитариионы Сталинграда (*битва на Волге, Сталинградский котёл, Мамаев курган, Дом Павлова, (скульптура) «Родина-мать зовёт!»*, (приказ № 227) «*Ни шагу назад!*»), выявлены факторы их возникновения и формирования милитарифразеологических значений. Экстралингвистическим фактором, общим для всех единиц, являются сталинградские события 1942–1943 гг. и сохранение памяти о них.

Лингвистические факторы у каждого фразеонима свои. Так, лингвистическим фактором для милитарифразеонима **битва на Волге** является перифраза. Для единицы **Сталинградский котёл** — семантическая калька с немецкого. На формирование милитаризначений у фразеонима **Мамаев курган** лингвистические факторы не повлияли, что связано с существованием номинации Мамаев курган до военных событий в Сталинграде.

В языке существует продуктивная словообразовательная модель для называния внутригородских объектов (*дом купца Колокольникова, дом Железнодорожников, дом Оборона, Дом офицеров* и др.). Эта генитивная модель послужила основой для номинации **Дом Павлова**, что явилось лингвистическим фактором для образования новой единицы языка.

Крылатые выражения, которые стали основой для образования милитарифразеонимов «**Родина-мать зовёт!**» и «**Ни шагу назад!**», по структуре равны предложениям, различным по составу. В названии скульптуры использована модель двусоставного предложения, в приказе — «безглагольная конструкция с высокой степенью модально-побудительной категоричности» [Ваулина, Кукса, 2018: 64]. Этот фактор образования фразеонимов — наличие в языке указанных моделей — может выступать как лингвистический.

Список источников

1. Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Лингвистические стратегии реализации побудительной модальности в политическом лозунге и рекламном слогане // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. — 2018. — Т. 17, № 2. — С. 63–73.
2. Жуков В. П. Русская фразеология. — М.: Высш. шк., 1986. — 158 с.
3. Маршал Жуков Г. К. Воспоминания и размышления : в 2 т. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — Т. 1. — 415 с.
4. Национальный корпус русского языка. — URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.04.2023) (НКРЯ).
5. О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций : Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР. — URL : <http://yandex.ru/> (дата обращения: 24.04.2023).
6. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Рус. яз., 1981–1984. — Т. 2 : К — О. — 1983. — 736 с.
7. Соколова А. А., Фатеева Н. А. Фразеографическая разработка милитариионов с компонентом «КОТЁЛ» // На крыльях слова : материалы междунар. заочной науч. конф. / гл. ред. А. А. Осипова, Н. В. Позднякова. — Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2015. — 420 с. — С. 172–180.
8. Трофимов А. С. Мамаев курган. До и после. — URL : <https://proza.ru/2018/12/03/299> (дата обращения: 16.05.2023).
9. Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при Советах. — Нью-Йорк, 1955. — 222 с.
10. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. — М., 2002. — 287 с.

Сведения об авторах

Соколова Анастасия Александровна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка Тюменского высшего военно-инженерного ордена Кутузова командного училища имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова; **Фатеева Наталья Александровна** — старший преподаватель кафедры русского языка Тюменского высшего военно-инженерного ордена Кутузова командного училища имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова (Тюмень, Россия).

«СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА» РУССКИХ КОРАБЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию каронимов русского флота с точки зрения их семантики и структуры. Автор ставит целью рассказать о том, как получали свои имена русские корабли, из чего складывается собственное имя корабля, какие языковые средства и конструкции используются при этом.

Ключевые слова: ономастика, каронимика, русский флот, вторичная номинация, традиции.

Раздел ономастики — карабонимика (букв. от греческого «имена кораблей») — это наука, изучающая историю и происхождение названий кораблей, традиции и истоки в их наименовании. Наряду с этим термином используется другой — каронимика, считающийся более благозвучным, которым называется вспомогательная наука в ряду военно-исторических дисциплин, ведь исследованиями того, с каких пор, по каким принципам, как и когда назывались русские корабли — получали «собственные имена», — в основном занимались историки. Это логично, так как корабли — неотъемлемая часть истории и современности нашей страны, без которых немыслима жизнь государства. Собственно лингвистическая наука мало занималась вопросом наименования кораблей, цель нашей статьи — рассказать о том, как получали свои имена русские корабли, из чего складывается собственное имя корабля, какие языковые средства и конструкции используются при этом.

Корабли делались с любовью, украшались изысканно, нередко внутреннее убранство судна было шедевром, произведением искусства. Моряки любили свои корабли, относились к ним, как к живым существам. Имя кораблю давалось и даётся перед спуском на воду, перед его «крещением», что усиливает традицию «одушевления» кораблей, приписывания им черт человека (вообще живого существа). Особое отношение к собственным именам кораблей связано с тем, что от корабля, его «поведения» на воде зависит жизнь его команды («Как вы судно называете, так оно и поплывёт» [Некрасов, 1958: 3]). Имя корабля — это его оберег, его судьба, это вопрос жизни и смерти его команды, это его визитная карточка — уникальное языковое явление.

Выходить в моря, в боевые походы русичи начали очень давно. Легендарный Олег на своих лодях дошел до Царьграда, жители русского Севера — поморы — бесстрашно отправлялись в далекие странствия задолго до создания флота, но давать названия кораблям начали лишь в XVII веке. Первый русский корабль, получивший имя, — «Орёл», построенный в селе Дединове по приказу царя Алексея Михайловича: «Кораблю, который в селе Дединове сделан <...> прозвание дать «Орлом». Поставить на носу и корме по орлу, и на знаменах <...> нашивать орлы же» [Названия кораблей русского флота времен Петра I]. Уже это название символично: с одной стороны, орёл — символ царской власти, с другой — гордая и сильная птица, способная не только оборонить себя, но и наказать дерзнувшего напасть на нее. Позволим себе предположить, что уже здесь закладывается традиция собственного имени кораблей: это и номинация, и метафора, и коннотация — всё сразу. Ю. С. Крючков, автор книги о названиях кораблей русского флота, пишет: «Названия военных кораблей регулярных флотов не являются абстрактными и случайными. Они знакомят нас с историей страны и народа, знаменитыми битвами, героическими подвигами моряков, местами, где происходили исторические события, историческими и государственными деятелями определенной эпохи и т.д. Корабли — это книга, в которой история нашей страны записана их именами» [Крючков].

В назывании русских кораблей существуют свои традиции, которые сохранились со времен Петра I, осознававшего огромную значимость флота для русской жизни: здесь и чувство патриотизма, и мощь государства, и международный престиж, и память о славном прошлом и его героях, и высокий воинский дух. Называние судов — это государственное дело, которое зависит не только от воли монарха или президента, но и от ранга корабля, его характеристик. Имя кораблю в России присваивается приказом главнокомандующего ВМФ.

Каронимы — собственные имена кораблей — имеют прямое и переносное значение (подчеркивают стремление государства к международному престижу, сохранению традиций, поднятию патриотического духа), обладают характеристиками нескольких номинаций: вторичной, идеологической и стратегической. Для иллюстрации обратимся к справочникам военных кораблей России [Боевые корабли и подводные лодки...; Военно-морской флот России 2023; Дыгало; Как Российский императорский флот называл свои корабли]. Наиболее употребительны имена «божественных» покровителей страны: «Святой Николай Чудотворец» или «Андрей Первозванный»; названия городов как символа страны или значимой победы: «Москва» или «Нарва»; имена героев страны (государственных деятелей, полководцев и флотоводцев или героических защитников Родины): «Адмирал Нахимов» или «Казарский». Все эти названия демонстрируют миролюбивый характер русского флота, который готов защищать себя и страну, но не проявлять агрессию, патриотизм как национальную идею России, память о подвигах предков.

О том, как назывались русские корабли, написано много [Боевые корабли и подводные лодки...; Военно-морской флот России 2023; Дыгало; Как Российский императорский флот называл свои корабли; Крючков; Названия кораблей русского флота времен Петра II. Мы позволим себе лишь обозначить эту систему. Броненосцам давались названия по имени городов («Полтава», «Севастополь», «Петропавловск»). Самые мощные крейсера использовали традиционно «легендарную» каронимику: «Варяг», «Рюрик», «Аскольд», «Олег», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах» и т.д. Именами выдающихся военачальников назывались более лёгкие крейсера (в честь Нахимова, Корнилова, Ушакова, Грейга и т.п.), а ещё эти корабли использовали имена богинь: «Паллада», «Аврора», «Диана» (подобное имя увековечено в знаменитой рок-опере «Юнона» и «Авось» А. Рыбникова и А. Вознесенского). Малые крейсера (второго ранга) именовали по названиям драгоценных камней («Жемчуг», «Изумруд», «Алмаз»). Изредка, в виде исключения, их называли в честь побед русского флота («Очаков», «Память Меркурия» и т.д.).

Эскадренные миноносцы назывались качественными — «характеризующими» — прилагательными («Меткий», «Зоркий», «Стремительный», «Решительный») и причастиями («Гремящий», «Поражающий», «Стерегающий»), а также именами офицеров-героев флота («Капитан Изыльметьев», «Инженер-механик Зверев» и т.п.). Малые миноносцы именовались прозвищами национальных меньшинств («Финн», «Грухменец»), хотя встречались и другие названия («Забияка», «Охотник» и т.д.). Похожим образом называли и канонерки (канонерские лодки): «Гиляк», «Кореец», «Хивинец», но ещё для них использовали названия, взятые из животного мира (как правило, хищные зверьки): «Бобр», «Сивуч», а также названия природных явлений («Метель», «Град» и др.).

Подводные лодки (субмарины) именовались рыбами и морскими гадами («Сом», «Налим», «Минога» и др.). Все исследователи-историки отмечают, что подобная систематичность не всегда выдерживалась, часто в названиях однотипных кораблей присутствовала необъяснимая путаница, нарушающая, казалось бы, установившиеся правила и каноны (пример с броненосцами: «Бородино», «Князь Суворов», «Орел», «Император Александр III» и «Слава» — не выдерживает никакой критики).

Проанализировав названия русских кораблей, мы пришли к выводу, что в их наименованиях наиболее часто встречаются следующие лексемы:

– *мифологизмы* — имена мифологических (греческих и римских) богов и героев: крейсера «Аврора» и «Паллада», миноносец «Самсон», ледокол «Геркулес», бриг «Меркурий», плавучий госпиталь «Ариадна»;

– *имена христианских православных святых*: флагман «Георгий Победоносец», учебный корабль «Андрей Первозванный». На Балтийском море, например, был целый дивизион (XIII) миноносцев, названных именами архангелов: «Гавриил», «Авгандил», «Михаил», «Автроил», «Даниил».

– *имена легендарных воинов/героев*: крейсера «Баян», «Аскольд», «Рюрик», «Олег», «Пересвет», «Ослябя»;

– *имена выдающихся государственных деятелей (самодержцев, полководцев флотоводцев)*: линкоры «Пётр Великий», «Император Александр III» и «Император Павел I», «Адмирал Макаров», «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», «Маршал Устинов»; *героев флота*: миноносцы «Лейтенант Ильин», «Лейтенант Изыльметьев», *Героев Советского Союза*: катера «Олег Кошевой», «Любовь Шевцова», «Сергей Тюленин», «Лиза Чайкина»;

– названия памятных мест, где происходили значимые для русской истории победы: линкоры «Ништадт» и «Полтава», крейсер «Гангут»;

– названия континентов: учебный корабль «Африка»; стран: субмарина «Русь» и городов: линкоры «Петропавловск», «Севастополь», учебный корабль «Николаев», транспорт «Либава»; названия рек и озер: брандвахтенное судно «Волхов», минные заградители «Амур», «Волга», «Буря», «Зея» и «Припять»;

– названия явлений природы: миноносцы «Гром», «Град», «Дождь», «Буря», «Метель», «Смерч», «Иней» и др. В истории Балтийского флота даже бытовало шутовское прозвище для дивизиона миноносцев, названных подобным образом, — «слякотный дивизион»;

– зоонимы: учебный корабль «Чайка», субмарины «Тигр», «Волк», «Пантера», «Барс», «Гепард», «Ягуар», «Сом», «Налим», «Макрель», «Минога», «Акула», «Ёрш», сторожевики: «Барсук», «Выдра», «Горностай», «Хорёк», «Ласка», посыльное судно «Куница», даже сказочные зоонимы: субмарины «Дракон», «Единорог»;

– названия драгоценных камней: малые крейсера (второго ранга) «Жемчуг», «Изумруд», «Алмаз».

Хотелось бы обратить внимание на метафоричность в названиях кораблей. Она свойственна всем каронимам, но особенно лексемам, перешедшим из нарицательных. Закрепляясь за объектом в качестве его наименования, метафора осуществляет номинативную функцию. Это лишнее доказательство того, что корабли ассоциируются в сознании носителей языка с живыми существами. Природные погодные явления («Гром», «Буря», «Метель», «Смерч») стоят на страже интересов родной страны. Зоонимы («Гепард», «Налим», «Макрель», «Минога», «Акула», «Ёрш», «Барсук», «Выдра», «Горностай», «Хорёк», «Ласка», «Куница»), используемые в названии корабля, передают одно, но самое существенное свойство или признак: названия «Налим», «Макрель» фокусируют внимание на ловкости и умении ускользать от врага, присущих этим рыбам; «Хорёк», «Горностай», «Ласка» — на хитрости, коварстве и беспощадности к врагам и т.п. «Жемчуг», «Изумруд», «Алмаз» передают значимость, драгоценность этих судов для флота.

По структуре конструкции каронимов также весьма разнообразны:

– имена собственные. Здесь могут быть личные имена: «Олег Кошевой», «Любовь Шевцова», имена с прозвищем: «Петр Великий» или «Екатерина Великая», указание на звание и личное имя: «Адмирал Макаров», «Лейтенант Ильин». Сюда же мы относим топонимы («Африка», «Русь» «Петропавловск», «Севастополь», «Либава») и гидронимы («Амур», «Волга», «Буря», «Зея» и «Припять»). Реже встречаются астрономимы: «Сириус», «Вега» (названия кораблей парусного флота XX века).

– имена нарицательные, перешедшие в собственные. Прежде всего это зоонимы: «Чайка», «Барс», «Налим», «Барсук»; названия явлений природы: «Гром», «Град», «Дождь», «Буря», «Метель». Использование в качестве названия имён национальных меньшинств: «Кореец», «Хивинец» или род деятельности: «Охотник», «Пограничник», «Сибирский охотник», «Эмир Бухарский». Лексеммы конкретной тематической группы, например: «Ударник», «Капсюль», «Запал» — корабли-тральщики. Или, наконец, «случайные» лексеммы из разных сфер: «Рында», «Океан» — хоть как-то связанные с морем, флотом и кораблями, или «Победитель» и «Забияка», изначально несущие положительную семантику в определении сущности и предназначении корабля.

– субстантивированные причастия и прилагательные. Эти нарицательные лексеммы стали собственными именами эскадренных миноносцев: «Верный», «Меткий», «Внимательный», «Решительный», «Смелый», «Статный», «Молодецкий», «Гремящий», «Поражающий», легендарный «Стерегущий» — получили вторую жизнь, каронимическую коннотацию.

– буквы церковнославянского алфавита: транспорты «Буки», «Глагол», «Иже», «Веди»;

– литерно-цифровые названия: Щ — «Щука», М — «Малютка» (субмарины типа Щ и типа М. Названия закрепились в языке для серий в целом по названию головной лодки, за литерой шла цифра, а иногда и собственное имя (М-200 «Месь»)). В современном флоте литера — это также может быть название головного судна: Б-602 «Магадан» (многоцелевая атомная подводная лодка), К-573 «Новосибирск» (дизельная подводная лодка), а может быть аббревиатура: БТ-325 (базовый тральщик), Д-704 (десантный катер), Р-29 (ракетный катер).

– *целые предложения* в качестве каронимов практически не встречаются, но есть и исключение. Например, знаменитый кароним «Не тронь меня» (название это восходит к евангельскому тексту: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему», — так обратился воскресший Христос к Марии Магдалине). Интересно, что это легендарное имя носила плавбатарей Черноморского флота в первые годы Великой Отечественной войны. Тогда это название приобрело другой смысл: Бойся меня! Стоит меня задеть, и это дорого обойдется).

Есть известная крылатая фраза: «Корабли не умирают». Это значит, в первую очередь, что они, их подвиги остаются в памяти потомков. Но есть у этой фразы и прямое значение: хотя время диктует свои правила, но во флоте есть традиция передавать имена кораблей, покинувших этот мир, другим. Так, в русском флоте есть каронимы, которые более чем за 300 лет существования самого флота повторялись 7 («Не тронь меня» и «Азов»), 10 («Выборг»), 14 («Нарва») или даже 22 («Надежда») раза.

Собственные имена кораблей — это сложная единица, вобравшая в себя традиции и современность, живущая по определённым правилам и законам, находящаяся под влиянием различных факторов. Название корабля идентифицирует его, даёт ему характеристику, оценивает его и определяет его жизнь. «Корабли — как и люди, они тоже нуждаются в славе, в уважении и в бессмертии...» [Некрасов, 1958: 487].

Список источников

1. Боевые корабли и подводные лодки Российской Федерации 2023. — URL : <https://russianships.info/today/> (дата обращения: 18.08.2023).
2. Военно-морской флот России 2023: актуальный корабельный состав. — URL : <https://russianships.info/today/> (дата обращения: 22.08.2023).
3. Дыгало В. А. Откуда и что на флоте пошло. — URL : <https://history.wikireading.ru/321059> (дата обращения: 12.08.2023).
4. Как Российский императорский флот называл свои корабли. — URL : <https://lenta.ru/articles/2016/09/18/names/> (дата обращения: 19.08.2023).
5. Крючков Ю. С. Имена кораблей — это книга истории // Николаевский базар. — URL : <http://bazar.nikolaev.ua/content/имена-кораблей-это-книга-истории> (дата обращения: 19.08.2023).
6. Кивилева Е. Б. Динамический аспект каронимики как раздела ономастики. — URL : <https://clck.ru/36CaAq> (дата обращения: 29.08.2023).
7. Макаров А. Р. Боевые корабли мира // Иллюстрированная энциклопедия. — СПб. : Полигон, 1995. — 577 с.
8. Названия кораблей русского флота времен Петра I. — URL : <https://armedman.ru/korabli/do-1899-korabli/nazvaniya-russkih-korabley-petrovskih-vremen.html> (дата обращения: 13.08.2023).
9. Некрасов А. С. Приключения капитана Врунгеля. — М. : Детгиз, 1958. — 196 с.
10. Пикуль В. С. Невидимки. Романы. — Днепрпетровск : Проминь, 1989. — 492 с.

Сведения об авторе

Сомова Марина Викторовна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ имени С. А. Есенина (Рязань, Россия).

И. И. Файзуллина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНЦИПА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СОЗДАНИИ ПРАГМАТОНИМОВ

Аннотация: В данной статье авторы рассматривают использование в номинации продуктов питания принципа языковой игры. Его применение связано с тем, что сегодня интерес к наименованиям пищевых продуктов обусловлен практическими целями, а именно: зависимостью от них всех маркетинговых

коммуникаций, которые, в конечном счете, обуславливают экономическую эффективность продукции на рынке. Принцип языковой игры активно проявляется в ономастической сфере, где наблюдается особая разновидность языковой игры-шутки — «ономастическая игра», основанная на актуализации ассоциативного потенциала имени собственного. Ономастическая языковая шутка может реализовываться на фонетическом и словообразовательном уровнях. На фонетическом уровне она реализуется с помощью таких приемов, как анаграмма, палиндром, звукоподражание, а также различные фоносемантические сближения слов. На словообразовательном уровне ономастическая языковая игра проявляется в суффиксации и словосложении.

Ключевые слова: языковая игра, наименования продуктов питания, ономастика, прагматонимы

Богатство и разнообразие стихии языка города связано с тем, что, как в свое время отметил Б. А. Ларин, «в лингвистической истории большого города имеет место столкновение и скрещивание разнообразных типов культур». Изучение городского языкового кода, этикетных стереотипов, закрепленных в нем, процессов обновления характеристических средств в ситуации смены культурно значимых ориентиров развития и увеличения их количества предполагает взгляд на язык города как на особое явление городской культуры, своеобразный ее компонент [Ларин, 1977: 23]. Язык города — одна из центральных проблем современного языкознания и, в частности, таких его разделов, как социолингвистика, психолингвистика и ономастика.

Обобщая теоретический материал, мы понимаем язык города как конгломерат трех компонентов, главным из которых считается литературная (устная и письменная) речь — один из вариантов кодифицированного литературного языка; другой компонент — это живая разговорная речь; наконец, в качестве третьего компонента выделяем ономастическое пространство города, охватывающее обширный пласт наименований различных объектов [Яковлева, 1985: 28]. Одним из составляющих этого пространства является поле прагматонимов — номенов для обозначения сорта, марки, товарного знака (от греч. *πράγμα* — ‘предмет’, ‘вещь’ + *ονομα* — ‘имя’, ‘название’) [Подольская, 1978: 81]. Достаточно много обобщающих работ было посвящено словесным товарным знакам советского периода (О. Винцлер, Н. Д. Голев, З. П. Комолова, Н. В. Подольская, И. Т. Поротников, Т. А. Соболева, А. В. Суперанская, Л. И. Щетинин). На современном этапе описываются в основном отдельные аспекты прагматонимов (А. А. Исакова, Ж. Б. Кошпанова, И. В. Крюкова и др.).

Сегодня интерес к наименованиям продуктов питания обусловлен практическими целями, а именно: зависимостью от них всех маркетинговых коммуникаций, которые, в конечном счете, обуславливают экономическую эффективность продукции на рынке. Осознав реальную ценность слова, отечественные производители столкнулись с проблемой поиска удачных названий, которая особенно актуализировалась в конце 90-х гг. XX в., когда ассортимент продуктов начал значительно расширяться. Одним из решений проблемы стало использование при назывании различных продуктов принципа языковой игры.

Понятие языковой игры связано с определенными трудностями. Некоторые исследователи считают, что правильнее было бы говорить о речевой игре, поскольку она «двунаправлена по отношению к языку и речи» [Гридина, 2005: 7–10]. Реализуется она в речи с учетом особенностей ситуации и особенностей собеседника; эффект, результат игры единичен, эпизодичен. Предпочтительнее, однако, по мнению В. З. Санникова, использовать традиционный термин *языковая игра*, поскольку она основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц [Санников, 1999]. В случае языковой игры говорящий играет с формой речи для усиления ее выразительности или же для создания комического эффекта, но это определение слишком широкое. Вся художественная литература попадает под него, поскольку нет автора, который не стремился бы к большей языковой выразительности.

Более определенно выделяется тот вид языковой игры, целью которого является создание комического эффекта, — языковая шутка. Кроме определенности, этот прием имеет еще смысловую и грамматическую законченность шутки, что делает ее идеальным объектом лингвистического анализа. Вслед за В. З. Санниковым, мы в настоящем исследовании будем говорить о языковой шутке в широком понимании, т.е. о словесной форме комического. Еще Аристотель отмечал две основные черты комического: «Смешное — это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное» [Цит. по Санников, 1999: 7].

В связи со сказанным выше считаем наиболее полным следующее определение языковой игры. Языковая игра — это специфический тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции языковой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект. Чаще всего языковая игра связана с выражением в речи комических смыслов или с желанием создать «свежий, новый образ» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003].

Языковая игра — многомерный феномен, проявляющийся в разных ипостасях речевой деятельности говорящих (см. работы Т. А. Гридиной, С. В. Ильясовой, В. З. Санникова). Субстратом языковой игры выступает, с одной стороны, гибкость и саморегулирующая сила системного механизма, определяемая «бесконечной интерпретационной валентностью» знака (по А. Ф. Лосеву); с другой стороны, спонтанное или осознанное творческое отношение к языку самих его носителей. Языковая игра с этой точки зрения может быть рассмотрена как феномен лингвокреативного мышления, которое выявляет способность говорящих к разнообразной ассоциативной переработке языковых форм и значений.

Языковая игра всегда связана с творческой деятельностью и имеет следующие особенности:

1) способность субъекта к яркому, необычному эффектному употреблению слова (или выражения) всегда вторична по отношению к знанию языковой системы и владению ее нормативными связями, т.е. умение «играть словом» предполагает владение стилистическими богатствами языка;

2) «игровой» момент в речевом общении может проявляться лишь тогда, когда говорящий осуществляет целенаправленный поиск приемов разрушения конвенциональных языковых структур и связанных с ним стереотипов речевого восприятия;

3) языковая игра всегда адресна: будучи целенаправленной и продуманной именно как эффективный вариант языкового употребления;

4) языковая игра всегда направлена на создание языковой (речевой) структуры нового смысла, незнакомого ранее слушателю / читателю [Гридина, 2005].

Эти особенности проявляются и в ономастической сфере, где наблюдается особая разновидность языковой игры-шутки — *ономастическая игра*, основанная на актуализации ассоциативного потенциала имени собственного. Это достигается акцентированием и одновременным нарушением / переключением стереотипов восприятия онима при помощи различных приемов его трансформации и контекстуальной / референтной актуализации [Гридина, 2005].

Эффект языковой игры основывается на ассоциативном потенциале слова — ассоциативной валентности слова, допускающей варьирования при совмещении его плана выражения и плана содержания и — как результат — различную интерпретацию его значения [Гридина, 2005: 33–63].

Ассоциативный потенциал имени собственного может быть охарактеризован с помощью этнокультурной и социокультурной интерпретационных моделей описания [Флоренский, 1990], поскольку «семантика» имени определяется, прежде всего, тем, что оно «коннотирует» как единица языка и речи в рамках культуры определенного этноса и социума. По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, в сочетании с личностно-проективными аспектами восприятия имени собственного этот этносоциокультурный базис создает «обширный и качественно сложный лексический фон», придающий конкретному имени «неповторимый облик» [Верещагин, 1980: 98]. Так, для восприятия антропонима носителями языка значимыми оказываются следующие параметры: «возраст», происхождение, социальная «окрашенность», употребительность, территориальная локализация, «живая внутренняя форма», устойчивые «значения», связанные с употреблением имени в фольклоре (там же). К этому можно добавить такие парадигмы, как контекст имени, определяемый его связью с разного рода прецедентами из различных областей жизни (политики, истории, литературы и т.п.).

Ономастическая языковая шутка может реализовываться на фонетическом и словообразовательном уровнях.

На фонетическом уровне она реализуется с помощью таких приемов, как анаграмма, палиндром, звукоподражание, а также различные фоносемантические сближения слов. Следует

также отметить случаи фонетических каламбуров. Под каламбуром в данном случае понимается шутка, основанная на смысловом объединении одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию [Санников, 1999: 490]. Из определения следует, что формальные приемы создания каламбура весьма разнообразны (семантические каламбуры, параномазия и др.).

Каламбурное обыгрывание при создании имен собственных — весьма распространенный прием. Используя принцип языковой игры, субъект номинации реализует свою способность к словотворчеству, например, к образованию семантических каламбуров. Создаются аллюзивные названия с двойной мотивацией, и обе мотивировки воспринимаются одновременно: например, мороженое *Белосъежка и съем гномов*. Здесь номинатором используется глагол *есть* в качестве основного действия над продуктом, поэтому его включение в название знаменитой детской сказки перефразирует смысл. Подобное наблюдается в номинации мороженого — *Ежъ*, где дополнительно использована устаревшая графика — финальный Ъ, который и создает новое восприятие прагматонима.

На словообразовательном уровне ономастическая языковая игра проявляется в следующих словообразовательных способах:

1. Суффиксация. Номинаторы продуктов питания нередко используют словообразовательные форманты имен и отчеств. Так, прагматоним *Белебейч* (наименование водки) образован с помощью суффикса *-ич* — от названия города Белебей Республики Башкортостан, где производится водочная продукция (по аналогии с водочным брендом *Кузьмич*). Подобное наблюдается в номинации конфет *Гусь Ланыч*, представляющей собой стилизацию прагматонима под мужское отчество. Здесь акцент делается на то, что вместо нейтрального суффикса *-ович-*, который обычно оформляет мужские отчества, используется разговорный вариант *-ыч* — с усечением слога. Принцип ономастической игры наблюдается также при образовании женских имен. Так, для указания состава продукта в кондитерских изделиях были созданы прагматонимы *Пралинетка*, *Шоколетта* (по примеру иностранных женских имен *Антуанетта*, *Виолетта*, *Генриетта*), *аКокосанка* (по аналогии образования нарицательных слов *мексиканка*, *тропиканка* и др.) и проч.

Близкой по структуре и значению мотивата группой являются прагматонимы на *-ин(о)*, имитирующие названия реальных населенных пунктов: конфеты *Вкуснино*. Легенда о вымышленной стране или местности, основной характеристикой которой является производство названного корневым морфемой продукта, реализуется в прагматониме с суффиксом *-й-*: торт *Кофей*.

Прагматонимы, образованные с помощью суффикса *-ик-*, могут быть:

а) узуальными, т.е. соответствующими словообразовательной модели, регулярно воспроизводимой в языке, например, номинации товаров, характеризующихся признаком, названным мотивирующим словом — прилагательным [Русская грамматика, 1980: 166]: медовый → торт *Медовик*;

б) неузуальными, представляющими собой единичные случаи образования с использованием данного суффикса, например, номинации товаров, мотивированные отглагольными существительными мужского рода, значение которых характеризуется действием, названным мотивирующим словом: хрустеть → хруст → мороженое *Хрустик* (с хрустящим вафельным стаканчиком).

В названии мороженого *Крутышка* суффикс *-ышк-* — представляет собой гибрид значений: ‘лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом с дополнительным оттенком незрелости и ласкательной окраской (мальшка, коротышка)’ [Русская грамматика, 1980: 175] и ‘единичный предмет (преимущественно небольшого размера), принадлежащий к массе вещества или к совокупности однородных предметов, названной мотивирующим словом (ледышка)’ [Русская грамматика, 1980: 208], — при этом мотивирующим во втором случае подразумевается слово со значением массы мороженого, а крутышка — ‘одна единица этой массы’.

2. Словосложение. Этим способом образовано наименование конфет *Сладуванчик* (сладкий + одуванчик), *Шоколанки* (шоколадные лапки). Интересным является прагматоним *Шоколандия*, состоящий из двух корней, причем второй из них калька и в переводе с английского языка означает land — страна, т.е. шоколадная страна. Словосложением также образованы прагматонимы *Конфетерра* (конфета + терра с лат. ‘земля’), *Шокотайм* (шоколад + тайм с англ. ‘время’).

Последний способ образования прагматонимов говорит о том, что в современном мире «идет постоянный процесс взаимного проникновения элементов разных культур и языков» [Красных, 2012: 75]. В связи с этим город Уфу можно смело назвать полифоничным городом, в котором наблюдается активное использование не только англоязычных слов, но и тюркских в качестве наименований тех или иных продуктов питания. Например, в основу водочного бренда *Сабантуй*, легло название национального праздника, связанного с земледелием: *сабан* означает ‘яровые’, или ‘плуг’, а *туй* — ‘свадьба’, ‘торжество’. Также важным праздником у тюркских народов считается *Навруз* (в переводе с персидского языка означает ‘новый день’), праздник весны и начала нового года. Это слово стало названием конской колбасы.

Неотъемлемой частью культуры башкирского народа является уникальный духовой музыкальный инструмент *курай*. Он изготавливается из стебля зонтичного растения с одноименным названием. В настоящее время широкое распространение получил деревянный *курай*. Популярность национального музыкального инструмента очень велика, поэтому номинатор, чтобы выделить его на фоне богатой башкирской культуры, использует название музыкального инструмента в качестве наименования водочной продукции как символ республики, атрибут государственного флага и герба Башкортостана: водка *Курай*, *Золотой Курай*.

Нередко для привлечения потенциального покупателя используются собственно башкирские наименования, имеющие свои русские параллели: водка *Тантана* — торжество; торты *Байрам* — праздник, *Бахет* — счастье; хлеб *Идель* — река, *Нур* — луч, *Уныш* — урожай, *Юлдаш* — спутник; пряники *Шатлык* — радость, *Арыш* — рожь.

Таким образом, рассмотрев номинацию продуктов питания, производимых на территории Республики Башкортостан, мы можем сделать вывод о том, что при образовании прагматонимов номинатор активно использует способ языковой ономастической игры, в которой проявляется использование английских и тюркских слов, что говорит о полифоничности города Уфы.

Список источников

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М. : Рус. яз., 1980. — 320 с.
2. Гридина Т. А. Интерпретационное поле ономастической игры // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2005. — С. 37–40.
3. Красных В. В. Современный большой город как перекрёсток миров (виртуальное vs реальное, вербальное vs невербальное, «своё» vs «чужое») // Полифония большого города : сб. науч. ст. / под ред. Л. М. Терентия, В. В. Красных, А. В. Кириловой. — М. : МИЛ, 2012. — 152 с.
4. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города: к лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // История русского языка и общее языкознание. — М. : Просвещение, 1977. — С. 10.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1978. — 198 с.
6. Русская грамматика. — М. : Наука, 1980. — Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 784 с.
7. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М. : Языки рус. культуры, 1999. — 544 с.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М. : Флинта : Наука, 2003. — 696 с.
9. Флоренский П. А. Имена. Фрагменты рукописи русского философа // Социологические исследования. — 1990. — № 5. — С. 82–86.
10. Яковлева Е. А. Восточная орнаментика русской речи многонациональной Уфы // Востоковедение в Башкортостане. — Уфа, 1985. — С. 22–30.

Сведения об авторе

Файзуллина Ильсюяр Ильгизовна — к.филол.н., доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России (Уфа, Россия).

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ОНОМАСТИКА, ОНИМЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Н. Б. Бугакова

ПРОФЕССИОНИМ КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕЛИ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА А. ПЛАТОНОВА

Аннотация. в статье рассматривается употребление А. Платоновым профессионализма в качестве ономастической единицы. Автор исследования приходит к выводу, что профессионализм является важным элементом модели ономастического творчества А. Платонова, поскольку для писателя характеристика по профессии несет больше информации о человеке, нежели его имя. Подобная ситуация обусловлена автобиографическими мотивами: принадлежностью самого писателя к среде рабочих и важностью в его картине мира обладания какой-либо профессией.

Ключевые слова: литературная ономастика, антропоним, профессионализм, модель ономастического творчества, А. Платонов.

Для творческой лаборатории А. Платонова характерным является употребление в качестве идентификатора персонажа именованного его по профессии (для обозначения таких элементов будем использовать термин *профессионализм*). Известно, что писатель пришел в литературу, не имея гуманитарного образования. А. Платонов, родившийся в семье рабочего, получил техническое образование, сам работал с раннего возраста и считал, что именно таким должен быть путь пролетарского писателя. Пребывание в привычной с детства среде машинистов, обтирщиков и т.д. не могло не наложить отпечаток на создаваемые писателем тексты, и популярной тенденцией в ономастической лаборатории писателя становится употребление профессионализма для обозначения героя. Полагаем, писатель прибегает к таким лексическим единицам вместо имен, поскольку считает профессию более важной характеристикой, чем имя.

Отметим новизну проводимого исследования, так как профессионализмы как часть модели ономастического творчества А. Платонова до сих пор не рассматривались учеными. В современной лингвистике существуют работы, посвященные анализу лексем, обозначающих названия профессий, с различных точек зрения. В этой связи можно отметить, например, работу В. М. Мокиенко «О коннотативном потенциале традиционных названий некоторых профессий» [Мокиенко, 2011], в которой рассматривается коннотативный потенциал названий профессий в пословицах, поговорках и сравнениях. Г. А. Воеводина размышляет о специфике наименований профессий и должностей в русском языке [Воеводина, 2017], выделяя следующие тематические группы такого типа лексем: 1) названия профессий, 2) названия должностей, 3) сфера профессиональной деятельности человека [Воеводина, 2017 : 86]. Кроме того, исследователь считает, что «иногда в употреблении наименований профессий отражено оценочное языковое явление» [Воеводина, 2017 : 86].

К анализу названий профессий обращается также А. Агорен, рассматривающий новые названия лиц по роду профессиональной деятельности в современном русском языке [Агорен, 2019 : 418]. В своем исследовании ученый приходит к выводу, что среди новых названий профессий преобладают заимствования из английского языка [Агорен, 2019 : 422]. Е. В. Корнева выявляет особенности перевода профессионализмов сферы информационных технологий [Корнева, 2015]; автором описаны словообразовательные модели, установлены словообразовательные гнезда и логические отношения внутри композитов, позволяющие облегчить задачу переводчика.

М. Б. Абдиев на материале узбекского языка анализирует названия лиц, работа которых связана с техникой [Абдиев, 2015], приводя классификацию таких названий, включающую пять основных типов. Предметом исследования диссертационной работы Е. Ю. Новиковой становятся структура, семантика и тенденции развития наименований лиц по профессии в современном

немецком языке [Новикова, 2006]. В работе сообщается, что «ономастиологическая группа, включающая наименование лиц по профессии, является одним из наиболее динамичных фрагментов словарного состава» [Новикова, 2006 : 4]. Кроме того, автор отмечает экстралингвистическое влияние на обновление лексического слоя, включающего наименования лиц по профессии, и считает, что профессионалы полифункциональны, поскольку могут выполнять целый ряд «и общеязыковых, и сугубо ономастических функций (номинативная, коммуникативная, идентифицирующая, характеризующая, социально-различительная, экспрессивно-оценочная), т.е. профессионалом может называть лицо, характеризовать его и пр.» [Новикова, 2006 : 15].

Л. С. Плавинская рассматривает возможность образования названий профессий от дворянских фамилий (на материале фамилий рязанского дворянства) [Плавинская, 2010].

Как видим, работы, анализирующие профессионалы как часть модели ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира писателя, в современной лингвистической науке не представлены. В этой связи рассмотрение художественного творчества А. Платонова с этой точки зрения представляет интерес для исследователей.

В предлагаемом исследовании рассматриваются примеры профессионалов, которые были выявлены нами в художественном пространстве А. Платонова. Отобранные примеры сформированы по моделям, которые классифицируем следующим образом:

1) профессионалом.

Рассматривая случаи употребления профессионалов для обозначения персонажей, отметим, что автор использует подобные ономастические единицы непосредственно для демонстрации профессиональной принадлежности того или иного персонажа, соблюдая все характеристики обладателей этой профессии. Так, служитель церкви — поп — удивляет тем, что бьет жену: «Как так поп дерется? — спросил комиссар» [Платонов, 2009, Т. 1 : 17]. Здесь находит отражение традиционное для русской национальной картины мира отношение к священнику, который является посредником между богом и его народом, характеризуется как обладатель высоких морально-этических качеств, доброты, безупречной репутации. Священнослужитель должен учить людей христианской вере и доброй жизни [Закон Божий, 2005 : 618]. Возможно, потому, что поведение священника не соответствует традиционному пониманию, писатель использует лексему *поп*, которая, являясь синонимом лексемы *священник*, имеет скорее негативную окраску (отметим, что лексема *поп* отмечена как разговорная в «Большом толковом словаре современного русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, 2007 : 744]).

Показательно употребление писателем профессионалов в качестве заглавия произведений. Так, один из рассказов называется «Песчаная учительница», т.е. уже в названии произведения автор заявляет о профессии двадцатилетней Марии Нарышкиной, которая «родом из глухого, заброшенного песками городка Астраханской губернии» [Платонов, 2009, Т. 1: 25]. Примечательно, что о родине учительницы писатель сообщает такую подробность — городок, заброшенный песками. Так читатель получает возможность поразмышлять о том, почему в заглавии произведения профессионалом учительница дополнен эпитетом песчаная — потому, что героиня отправляется на укрощение песков или потому, что родилась среди них. Отметим, что для А. Платонова не важен пол персонажа. О песчаной учительнице он сообщает: «Это был молодой здоровый человек, похожий на юношу, с сильными мускулами и твердыми ногами» [Платонов, 2009, Т. 1: 25]. Таким образом, по мнению писателя, нет разделения профессий на мужские и женские, любой человек может выполнять любые задачи, главное, чтобы это помогало развитию страны и улучшению условия жизни людей.

Кроме того, употребление профессионала может осуществляться совместно с другими характеристиками (например, национальность или степень родства): «Аграфена Шовье ... вышла замуж вторично за голландца, штурмана дальнего плавания, и пропала без вести» [Платонов, 2009, Т. 1: 20]; «своjak помогал, он в Коломне техник» [Платонов, 2009, Т. 1 : 19]. Известно, что штурман — это профессия, вид деятельности человека, связанный с управлением судами, как надводными, так и подводными. В обязанности штурмана в первую очередь входит прокладывание курса движения судна. В приведенном примере видим несоответствие персонажа профессии — Аграфена пропала без вести, т.е. штурман не смог правильно проложить «маршрут» их семьи. Обозначение национальной принадлежности нового мужа Аграфены — голландец — представляет собой очевидную

аллюзию к легенде о Летучем голландце, корабле-призраке, который не может пристать к берегу. Таким образом, использование профессионализма в качестве основной характеристики персонажа позволило автору сообщить о герое гораздо больше, чем можно было при использовании антропонима. Употребление в качестве имени героини имени *Аграфена* также показательно: по данным словаря А. В. Суперанской, Аграфена (лат. *Agrippina*) — «производное от римского родового имени Агриппа; согласно легенде, основатель этого рода родился вперёд ногами, откуда и получил своё имя» [Суперанская, 1998 : 347]. Соответственно, А. Платонов демонстрирует свое отношение к поступкам персонажа по имени Аграфена: выйти замуж «вторично» в глазах писателя — поступок предосудительный. Сам автор очень любил свою жену и, несмотря на то что они часто жили не вместе, считал недопустимым изменить ей. Об этом свидетельствуют письма А. Платонова М. А. Платоновой, в которых содержатся многочисленные признания в вечной любви («Любимой женщине судьбою я поручен и буду век с ней сердцем неразлучен», «Мы прирожденные жених и невеста. Наша любовь — истинное и редкое чудо» [Платонов, 2019 : 221]).

Употребление лексем *своjak*, *техник* является характеристикой персонажа по степени родства (*своjak* — это муж сестры жены, т.е. близким такое родство назвать сложно) и по профессии (*техник* — название профессии, связанной с использованием различной техники). Видим, что любовь писателя к технике, механизмам находит отражение и в характеристике персонажей: *техник* помогает несмотря на то, что является дальним родственником, поскольку только человек, работающий с техникой, по-настоящему добр и способен сострадать.

Следует отметить, что обращение к техническим специальностям и к употреблению названий технических профессий в качестве характеристик персонажа достаточно популярны в ономастической лаборатории А. Платонова. Очевидно, писатель считает, что работающий человек гораздо более значим для общества, так как приносит очевидную пользу. В этой связи в художественном пространстве А. Платонова возможны ситуации употребления для обозначения персонажа двух профессионализмов подряд, один из которых относится непосредственно к персонажу, а второй, например, к отцу героя; такие наслоения демонстрируют семейную тягу к труду и возвышают персонажа в глазах писателя. Так, например, знакомство с героем произведения «Лунные изыскания» («Лунная бомба») писатель начинает с того, что сообщает о нем следующее: «Сын шахтера, инженер Петер Крейцкопф, в столице своей страны был в первый раз» [Платонов, 2009, Т. 1 : 42]. Таким образом, сначала мы узнаем социальное происхождение героя, родившегося в семье рабочего и ставшего инженером, и только потом узнаем его имя, что в очередной раз убеждает нас в важности для автора именно профессиональной реализации персонажа (об антропониме Петер Крейцкопф см. подробнее [Скуридина, Бугакова, 2021 : 140-146]).

2) профессионализм + антропоним.

По этой модели образуются ономастические единицы, сочетающие обозначение профессиональной принадлежности персонажа и его имени. Как правило, сформированный по такой модели оним используется для именования героев, имеющих ремесло, но не имеющих образования: «Прибежала кухарка Марфа, подол подоткнут под мышки, и видны голые лыдки» [Платонов, 2009, Т. 1 : 34]; «печник Гаврюша хотел двинуть Иоанна Мамашина в ушняк» [Платонов, 2009, Т. 1 : 35]. Герои в приведенных примерах — кухарка, печник — принадлежат к более низкому социальному слою, чем, например, инженер. Это подчеркивается употреблением А. Платоновым стилистически окрашенной лексики при характеристике этих героев (лыдки, двинуть, ушняк). Однако к носителям таких профессий автор относится не менее уважительно, чем к другим.

Одним из приемов ономастической лаборатории А. Платонова является употребление профессионализма в качестве приложения к антропониму: «На переменах приходит Митрич — сторож» [Платонов, 2009, Т. 1 : 35]; «Каждый день ... приходит Аполлинария Николаевна, учительница, и пишет палочки на доске» [Платонов, 2009, Т. 1 : 35]. Видим, что персонаж, занимающий более высокое социальное положение, поименован по имени-отчеству, а сторож — по отчеству в стяженной (просторечной) форме. Здесь обратим внимание на автобиографичность персонажа учительницы: Аполлинария Николаевна — это учительница самого писателя, который учился в церковно-приходской школе, принадлежавшей Троицкому (Смоленскому) соборному храму. Об Аполлинарии Николаевне А. Платонов позднее писал: «Я ее никогда не забуду, потому что я через нее узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека, родимого «всякому дыханию», траве и зверю, а не властвующего бога, чуждого буйной зеленой траве, отделенной от неба бесконечностью...» [Платонов, 2000 : 135].

В ономастической лаборатории писателя, кроме перечисленных, возможны случаи употребления антропонима в качестве приложения к профессионалисту. Так, один из персонажей именуется «живописец-Автоном», и мы видим, что имя *Автоном* выступает дополнительной характеристикой к профессионалисту *живописец*, который, очевидно, предпочтительнее для А. Платонова, поскольку лучше характеризует персонаж. Примечательно, что в качестве профессионалисту употреблена лексема *живописец*. В соответствии с данными «Большого толкового словаря современного русского языка» Д. Н. Ушакова живописец — это «художник, занимающийся живописью» [Ушаков, 2007, с. 219]. Лексема *художник* в том же словаре имеет значения «человек, творчески работающий в какой-н. области искусства», «то же, что живописец» [Ушаков, 2007, с. 1164]. Можно предположить, что автор употребляет для обозначения рода деятельности персонажа лексему *живописец* потому, что хочет обратить внимание на тот факт, что герой занимается именно живописью, т.е. рисует красками по разным поверхностям. Однако отметим, что Автоном получает заказ написать рекламный текст:

«ЮАН ДАНИЛОВИЧ МАМАШИН
брючный сюртучный и элегантный
ПОРТНОЙ
а также песнопевец и принимаю заказы на апостола и протчии
ТОРЖЕСТВЕННЫЕ БДЕНИЯ» [Платонов, 2009, Т. 1, с. 3].

Персонаж, обратившийся к Автоному с такой просьбой, напутствует живописца следующим образом: «А ты его нарисуй — помудрей как-нибудь, а конец по-божественному обведи» [Платонов, 2009, Т. 1, с. 3]. Примечательно, что несколькими строками ранее живописец-Автоном именуется Автоном-маляр. В этом случае на первом месте находится антропоним Автоном, образованный от др.-греч. *Αὐτόνομος* — «живущий по собственным законам, автономный, независимый, самостоятельный; свободный, вольный», от др.-греч. *αὐτός* — «сам» + др.-греч. *νόμος* — «закон» [Суперанская, 1998, с. 105]. В качестве приложения в данной ономастической единице выступает лексема *маляр*, имеющая значения «рабочий, специалист по окраске зданий, внутренних помещений и различных крупных предметов» и «плохой живописец, художник» (разг.) [Ушаков, 2007, с. 426]. Очевидно, что о способностях Автонома-майлора окружающие невысокого мнения, и это мнение удастся изменить заказчику, поручившему написать текст. После получения этого заказа Автоном получает дополнительную характеристику в виде профессионалисту *живописец*.

Примечательно, что А. Платонов, употребляя в качестве обозначения персонажа профессионалисту, использует несколько именовании по профессии, причем эти профессии далеки друг от друга. Так, например, живописец-Автоном обозначается следующим образом: «Нанял Автонома-майлора и женского хирурга — и продиктовал ему такого сорта слова» [Платонов, 2009, Т. 1, с. 3]. В том же произведении упомянут некий мастерской, которого писатель называет «боец и хирург» [Платонов, 2009, Т. 1, с. 3], потому что он однажды «Мамашину ... хорошей плюхой ... сделал из двух скул одну — на острый угол. В другой раз этот же боец и хирург сделал из Мамашиной хари опять благоприятный лик» [Платонов, 2009, Т. 1, с. 3]. Таким образом, мастерской обладает навыками хирурга, поскольку способен менять внешность окружающих. Этот персонаж имеет именование только по ремеслу — мастерской; антропоним для обозначения этого персонажа автором не используется. Для писателя гораздо более показательны умения персонажа для его характеристики; здесь отметим, что герой — мастерской, т.е. принадлежит к рабочему классу, что чрезвычайно важно для А. Платонова, считающего, что человек должен обязательно иметь ремесло, профессию.

Таким образом, завершая рассмотрение профессионалисту как элементов модели ономастического творчества А. Платонова, приходим к выводу, что обозначение персонажей по профессии достаточно популярно в художественном пространстве А. Платонова. Обусловлено это обстоятельство, на наш взгляд, отношением писателя к обладателям любой профессии: А. Платонов ценил всех, кто имеет ремесло и использует его для улучшения жизни. Кроме того, писатель считает, что обозначение профессии персонажа способно сообщить о нем больше, чем имя.

Список источников

1. Абдиев М. Б. Названия лиц, работа которых связана с техникой // Перевод и сопоставительная лингвистика. — 2015. — Вып. 11. — С. 125–127.
2. Агорен А. Новые названия профессий и должностей в русском языке // Преподаватель XXI век. — 2019. — № 2. — С. 418–422.
3. Воеводина Г. А. Специфика наименований профессий и должностей в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2 ч. — Тамбов : Грамота, 2017. — № 4 (70). — Ч. 2. — С. 84–86.
4. Закон Божий. — Изд. Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2005. — 713 с.
5. Корнева Е. В. Некоторые особенности перевода профессионализмов сферы информационных технологий // Вопросы искусствоведения, философии, культурологии, истории и лингвистики : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. — М. : Перо, 2015. — С. 106–109.
6. Мокиенко В. М. О коннотативном потенциале традиционных названий некоторых профессий // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 24 (239). — С. 88–91.
7. Новикова Е. Ю. Структура, семантика и тенденции развития наименований лиц по профессии в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006. — 25 с.
8. Плавинская Л. С. Названия профессий в основах дворянских фамилий на материале фамилий рязанского дворянства // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. — 2010. — С. 178–181.
9. Платонов А. П. Записные книжки : материалы к биограф. — М. : Наследие, 2000. — 424 с.
10. Платонов А. Собрание сочинений : в 8 т. — М. : Время, 2009.
11. Платонов А. «...я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. — М. : РЕШ, 2019. — 717 с.
12. Скуридина С. А., Бугакова Н. Б. Феноменология камня в художественных текстах Ф. М. Достоевского и А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2021. — № 3. — С. 140–146.

Сведения об авторе

Бугакова Надежда Борисовна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета (Воронеж, Россия).

А. А. Бурченкова

ОНОМАСТИКОН РОМАНА Б. ВАСИЛЬЕВА «В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ»

***Аннотация.** В статье рассматриваются топонимы и антропонимы в романе Бориса Васильева «В списках не значился». В статье делается вывод о том, что они выполняют несколько функций в художественном произведении: они воссоздают историческую картину событий романа, отражают мировоззрение автора, дают характеристику героям.*

***Ключевые слова:** оним; антропоним; топоним; ономастическое пространство; исторические события; «окопная правда».*

Все онимы в произведениях Б. Л. Васильева создают целостную ономастическую систему, которая отражает историческую основу событий и их участников, в значительной степени определяется контекстом произведения, а также авторским мировоззрением, интенциями, идейно-тематической направленностью творчества писателя.

Проанализировав роман «В списках не значился», посвященный сражению за Брестскую крепость, мы выделили два основных разряда онимов: антропонимы и топонимы, употребление которых обусловлено исторической тематикой романа, так называемым жанром «окопной правды».

Сначала остановимся на основных топонимах, создающих фон для описываемых событий и действий главных героев: Брестская крепость — 122 упоминания в тексте; Москва — 35; Брест, Брест-Литовск — 29; Тереспольские ворота — 23; Германия — 10; Буг — 8; Минск — 6; Холмские ворота — 6; Мухавец — 4; Белоруссия — 3.

Действие происходит в Белоруссии в Брестской крепости, чем и обусловлена частотность употребления данного урбанонима.

Крепость строилась с 1833 по 1842 год и за время своего существования принадлежала и польской, и немецкой стороне, и только 22 сентября 1939 года Брест и Брестская крепость были переданы немцами советской стороне и официально вошли в состав СССР.

22 июня 1941 года началось самое страшное испытание для цитадели. Оборона Брестской крепости стала одним из самых трагичных событий истории XX века, а бастион — символом мужества солдат, героические поступки которых характеризует надпись на территории ныне Мемориального комплекса: «Я умираю, но не сдаюсь».

В романе «В списках не значился» Брестскую крепость можно назвать одним из действующих лиц, ей посвящена не одна страница, образ представлен в динамике в контексте описываемых событий.

В первый раз крепость открывается главному герою Николаю Плужникову тихой и какой-то бесформенной, совершенно не оправдавшей его ожидания увидеть что-то наподобие Кремля: *«Миновал длинные и низкие сводчатые ворота, они попали в крепость: за ее первый, внешний обвод, ограниченный каналами и крутыми валами, уже буйно заросшими кустарником. Было тихо, только где-то словно из-под земли глухо бубнил заспанный басок да мирно всхрапывали кони. В полумраке виднелись повозки, палатки, машины, тюки прессованного сена. Справа туманно вырисовывалась батарея полковых минометов. — Тихо, — шепотом сказал Коля. — И нет никого»* [Васильев, 2021: 50-51].

Второй раз крепость описывается во время взрыва склада боеприпасов — «незнакомой и полыхающей»: *«Кругом все горело. Горела кольцевая казарма, дома возле церкви, гаражи на берегу Мухавца. Горели машины на стоянках, будки и временные строения, магазины, склады, овощехранилища — горело все, что могло гореть, а что не могло — горело тоже, и в реве пламени, в грохоте взрывов и скрежете горящего железа метались полуголые люди. <...> и кричали лошади. <...> Плужников не знал крепости. Они с девушкой или в темноте, а теперь эта крепость предстала перед ним в снаряжных всплесках, дыму и пламени»* [Васильев, 2021: 67].

И в эпилоге крепость описывается как живой человек, *«крепость не сдалась, и немцы не захватили здесь ни одного боевого стяга. Крепость не пала. Крепость истекла кровью»* [Васильев, 2021: 284].

Брестская крепость — это центральный топоним, точнее урбаноним, с ним тематически связаны следующие топонимы — хороним Белоруссия, астионим Брест; годонимы улица Стыцкевича (Комсомольская), на которой находился ресторан, где Николай Плужников услышал игру на скрипке Рувима Свицкого, и улица Каштановая, ведущая к цитадели; урбанонимы Тереспольские и Холмские ворота, Северные ворота, Белый дворец (здание инженерного управления), а также гидронимы Буг и Муховец — реки, на берегах которых располагается крепость.

Тереспольские ворота — это одни из четырёх ворот Кольцевой казармы, узваны в честь польского города Тересполь и выходят на берег Буга.

Холмские ворота — одни из четырёх ворот оборонительной казармы, выходящие на мост через южный рукав реки Мухавец. Названы в честь города Хелма, так как дорога от ворот вела в южном направлении в сторону этого города. Сегодня именно эти ворота — символ Брестской крепости.

Упоминание данных ворот в романе отражает как стратегическое положение крепости, так и её историю — принадлежность Польше и Германии в разное время.

Буг или Западный Буг — крупная река в Восточной Европе, протекающая через Беларусь, Польшу и Украину. Согласно Збигневу Голенбу, славянский гидроним Bug как *bugъ/*buga происходит от индоевропейского глагольного корня *bheug— со значением "изгиб, поворот, отходит", с производными от русского bûga ("низкие берега реки, заросшие кустарником"), польского bugaj ("кусты или лес в долине реки или на крутом берегу реки") и латышского bauga ("болотистое место у реки") [Голенб: 258-260].

Еще один гидроним — Мухавец — правый приток Западного Буга. Река берёт начало от слияния ручья Муха и канала Вец в городе Пружаны.

В годы Великой Отечественной войны река Мухавец стала символом мужества и жертвенности советских солдат. Именно отсюда защитники крепости под прицельным вражеским огнём

пулемётов, миномётов пытались доставить воду раненым и пулемётчикам. Каждый год 22 июня в память о защитниках Родины пограничники, ветераны и представители общественных организаций спускают на воду венки.

Второй наиболее частотный астионим — Москва. Москва — это столица СССР, родина главного героя.

Сначала она предстает как самое любимое и красивое место на свете, олицетворение счастливого детства Коли: *«До Кропоткинской Коля доехал на метро — самом красивом метро в мире; он всегда помнил об этом и испытывал невероятное чувство гордости, спускаясь под землю. <...> Это был его дом, и если понятие «родина» ощущалось как нечто грандиозное, то дом был попросту самым родным местом на всей земле»* [Васильев, 2021: 20].

К концу романа Москва предстает в мыслях Николая местом спасения, местом, куда никогда не доберется фашистам: *«Он знал, что немцы ворвались в глубину России, но ни на секунду не допускал мысли о том, что они могут взять Москву. Они могли прорваться за Минск, могли даже вести бои где-то возле Смоленска, но сама возможность их появления под Москвой была абсурдна»* [Васильев, 2021: 243].

В конце романа перед самой смертью Плужникова топоним Москва звучит в тревожном контексте: *«А Москва наша? Немцы не брали Москву?»* [Васильев, 2021: 280] и обнадеживающий ответ Рувима Свицкого: *«— Нет, нет, что вы! Это я знаю совершенно точно. Их разбили под Москвой. Под Москвой, понимаете?»* [Васильев, 2021: 280].

То есть Москва — это сердце страны, пока она не захвачена, есть надежда, есть, ради чего жить и сражаться. И именно с мыслью о том, что Москва не взята, погибает Николай. Его смерть как символ всех тех жертв, которые понесла крепость, но закрыла дорогу к Москве.

С Москвой связаны урбанонимы: Красная площадь, Кремль, Мавзолей, Манеж (Манежная площадь) — символы столицы; Белорусский вокзал, Дворец Советов — станции метро; годонимы Остоженка (Метростроевская), Кропоткинская — улицы.

На страницах романа находим и упоминание о родном городе Бориса Васильева — Смоленске. Родом из этого дорогого писателю города (а конкретнее из Духовщины) положительный герой произведения — Сальников — один из самых верных друзей Плужникова. Нам кажется, неслучайным, что именно положительный персонаж родился на Смоленской героической земле, такой родной и любимой для писателя.

Таким образом, на наш взгляд, топонимы не только создают историческую канву художественного пространства романа, но и отражают мировоззрение автора, служат фоном для характеристики персонажей.

Перейдем к анализу антропонимов романа.

Остановимся только на самых частотных: Плужников — 641; Мирра — 123; Петр Сальников — 115; Волков Василий — 65; Рувим Свицкий — 52; Федорчук — 48; Степан Матвеевич — 33; Семишный — 16.

Обратимся к этимологии антропонимов главных героев.

Никола́й от греч. Nikolaos : níkaō побеждать + laos народ [Суперанская, Петровский]. Происхождение фамилии Плужников вероятнее всего связано со словом плужник. В словаре В. Даля плужник — пахарь работающий с плугом [Даль].

Не зря Борис Васильев дает имя «народ-победитель» персонажу, человеку огромной духовной силы, железной воли, твёрдого характера. Этот молоденький русский лейтенант 10 месяцев защищал крепость и доказал, что один в поле — тоже воин. В конце романа, узнав, что немцев разбили под Москвой, Николай выходит к нацистам, а те отдают ему честь, восхищаясь его мужеством, и он умирает, но не сдаётся: *«Он упал на спину, навзничь, широко раскинув руки, подставив солнцу невидящие, широко открытые глаза. Упал свободным и после жизни, смертью смерть поправ»* [Васильев, 2021: 283].

Борис Васильев дал герою романа имя своего реального друга Николая Плужникова, таким образом увековечив память о нем и сотне таких же обычных ребят, отдавших свою жизнь за родину. Об этом он вспоминает в своей автобиографической повести: *«Его звали Николаем Петровичем Плужниковым, у него была сестра Вера, и я назвал его именем одного из первых своих героев — героя романа «В списках не значился». Мне необходимо было положить свой венок на могилу самого близкого друга моего...»* [Васильев, 2010].

Следующая героиня — первая любовь Коли Мирра.

Мирра от греч. Murrha [имя матери Адониса, превращённой, согласно легенде, в дерево мирру, или мирт] или сокращение сочетания мировая революция [Суперанская].

Возможно, для Бориса Васильева имя главной героини было связано с одним из значений слова «мир» — согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны [Ожегов], потому что именно с Миррой Коля мечтал о мирной жизни в Москве, о том, как они сделают ей протез и она перестанет хромать, как они будут жить семьей простой обычной жизнью.

Второстепенные персонажи тоже значительно влияют на сюжет.

Один из них Петр Сальников — верный товарищ, мужественный и умный солдат. **Пётр** из греч. Petros камень [Суперанская]. Фамилия Сальников, возможно, образована от прозвища Сальник. Скорее всего, так называли торговца салом или кушаний из сала. Однако существует и другая версия, согласно которой, такое прозвище давали полному человеку. В толковом словаре Даля встречается слово Сальник: «Сальник м. сев. ряз. сальный ночник, жирник, каганец, плошка, лампадка; | ряз. сальная свеча. | Сиб. булка с салом, с крошеным жиром сдобная» [Даль].

На наш взгляд, сочетание имени и фамилии олицетворяет истинного русского воина — простого, деревенского, хозяйственного, но твердого как скала в защите своей родины.

Следующий герой — Волков Василий — молодой боец, потерявший разум на фоне творящегося ужаса, расстрелянный фашистами. **Василий** от греч. basileus — царь [Петровский]. Фамилия Волков образована «от Волк — древнерусское самобытное имя (ласкательный вариант — Волчко), означавшее «сила, отвага, хитрость» [Ведина].

Возможно, имя и фамилия даны в противовес характеру и поступку персонажа романа. Прототипов в истории России или в окружении автора мы не смогли найти. Может быть, эти традиционные русские антропонимы и не несут какой-либо особой нагрузки, а передают мысль Бориса Васильева о том, что война — это страшно, и любой человек в трагических обстоятельствах может проявить себя с той стороны, о которой никто и никогда бы не подумал. И отважный царь, «смелый волк» может стать трусливым зайцем.

Еще один герой произведения — Рувим Свицкий, старый еврей, лучший скрипач Бреста, дядя Мирры. «Бывший человек», как пишет о нем Васильев, попав в гетто для евреев, покорился своей участи сразу и бесповоротно.

Рувим рус. библич. из др.-евр. g'û-hēn «смотрите, сын» — имя одного из сыновей Иакова [Суперанская]. Есть разные версии происхождения фамилии данного персонажа. Во-первых, фамилия Свицкий образована скорее всего от топонима Свица. Так называлась деревня в районе Пружан, Белоруссия. Вероятно, предок носителей этой фамилии был выходцем оттуда. Вторая версия — польское происхождение фамилии. Подавляющее большинство представителей фамилии Свицкий относились к польской шляхте.

Рувим Свицкий променял свое божественное предназначение — дарить прекрасную музыку людям — на рабское существование в немецком плену, и антропонимы подчеркивают его характер и роль в романе.

Ещё одно действующее лицо — Федорчук — старший сержант в возрасте, который предпочел сдаться в плен.

Скорее всего основой фамилии Федорчук послужило церковное имя Феодор (от древнегреческого Theodoros — «дар богов»), в XVI-XVII вв. одно из самых распространенных имен у русских, которое уступало в частоте употребления только Ивану и Василию. Фамилия Федорчук достаточно широко распространилась на западе Украины и граничащих с ней областях.

Интересно, что у этого персонажа нет имени в романе, только фамилия, возможно, это обобщенный образ людей, которые хотели выжить на войне любой ценой. Для него не имели никакого смысла ценности Плужникова «родина», «долг», «честь», он рассуждал так: «Постреляли, побегали — а зачем? Что, война от этого скорее кончится, что ли? Мы скорее кончимся, а не война. Война, она в свой час завершится, а вот мы...» [Васильев, 2021: 177].

Он даже сдаваться в плен шел грузным, уверенным шагом: «Он шел в плен так спокойно, так обдуманно и неторопливо, словно возвращался домой после тяжелой и нудной работы. Все его существо излучало такую преданную готовность служить, что немцы без слов поняли его и ждали с шуточками и смехом, и винтовки их мирно висели за плечами» [Васильев, 2021: 179], то есть для него это было даже не предательство, а естественное спасение своей никчемной жизни, что никак не соответствует его фамилии «дар богов».

Противоположность Федорчуку Степан Матвеевич — старшина-герой, подорвавшийся с большой группой немцев у ворот.

Степа́н — это русское имя [из греч. Stephanos венок; лат. Stephanus][Суперанская]. Отчество Матвеевич от имени **Матвей русского** [из др.-евр. mattityāhu дар Яхве (бога)] [Суперанская].

То есть два противоположных по характеру персонажа носят похожие по значению имена: Федорчук — «дар богов» и Степан Матвеевич — «божий венок». На наш взгляд, это не случайно, в этом проявляется идеология Бориса Васильева, его «окопная правда»: в нечеловеческих военных условиях каждый человек ведет себя по-разному, независимо от происхождения, воспитания, все определяет его внутренний стержень, сила воли, ценности.

Еще один из главных героев романа Семишный — последний друг Плужникова, который умер от ранения в спину.

Возможно, основой фамилии Семишин послужило имя Семен, Симеон (с греческого — «слышающий Бога»). В основу фамилии легла просторечная форма этого имени — Семиша. Так звали одного из сыновей Иакова, родоначальника Симеонова колена, и старца-священника, Богоприимца, воспринявшего в храме новорожденного Христа. Симеон Столпник был знаменитым аскетом, привязавший себя на 40 лет к построенному им столпу. На Руси был широко известен и Симеон Полоцкий, церковный деятель и писатель, воспитатель царских детей.

Образ лейтенанта Семишного очень важен: он является олицетворением русского солдата, стального, непоколебимого, спокойно и уверенно выполняющего повседневные дела, приближающие победу.

Его характер раскрывается и в речевой манере — старшина всегда говорит ободряюще, позитивно, несмотря на происходящие вокруг события: *«Отдохнул? Автомат в руки и — наверх. Наверх, лейтенант! Чтоб знали — крепость жива. Чтобы и мертвых боялись. Чтобы детям, внукам и правнукам своим заказывали в Россию соваться»* [Васильев, 2021: 272].

Также силу духа демонстрирует и то, что Семишный, невзирая на пулю в позвоночнике, каждое утро, просыпаясь, делал зарядку, в надежде вновь встать и идти воевать.

Семишный до конца боролся за свою жизнь и за честь своей Родины. Именно ему Борис Васильев поручает такое почетное и опасное дело — он сохранил полковое знамя, которое перед смертью передает Николаю. И умер Семишный тоже гордо. Последние его слова: *«Не сдали мы крепость. Не сдали»* [Васильев, 2021: 275].

Таким образом, мы в очередной раз убедились, что все онимы в произведениях Бориса Васильева не случайны, они продиктованы авторским замыслом, его мировоззрением, идеологией, знанием фронтовой «непричесанной» правды, а также желанием сохранить память о дорогих для писателя местах и дорогих людях.

Список источников

1. Васильев Б. Л. В списках не значился : роман. — СПб. : Азбука, 2021. — 288 с.
2. Васильев Б. Л. Летят мои кони. — М. : АСТ, 2010. — 73 с. — URL : <https://mybook.ru/author/boris-vasilev/letyat-moi-koni> (дата обращения: 28.05.2023).
3. Веди́на Т. Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения. — М. : Астрель : АСТ, 2008. — URL : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/encyclopedia/russian-family/index.htm> (дата обращения: 28.05.2023).
4. Голенб Збигнев. Происхождение славян: взгляд лингвиста. — Славица : Колумб, 1992. — С. 258–260.
5. Даль В. И. Толковый онлайн-словарь русского языка. — URL : <https://lexicography.online/explanatory/dal> (дата обращения: 28.05.2023).
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — URL : <https://ozhegov.info/slovar> (дата обращения: 28.05.2023).
7. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен : более 3 000 ед. — М. : Рус. словари, 2000. — URL : <http://www.gramota.ru/slovari/info/petr> (дата обращения: 28.05.2023).
8. Суперанская А. В. Современный словарь личных имён. Сравнение. Происхождение. Написание. — URL : <https://lexicography.online/onomastics/superanskaya> (дата обращения: 28.05.2023).

Сведения об авторе

Бурченкова Александра Александровна — к.пед.н., доцент кафедры лингвистики Смоленского государственного медицинского университета (Смоленск, Россия).

ОНИМЫ И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ В АВТОРСКОМ СЛОВАРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ)

Аннотация. В статье рассматривается употребление в русской поэзии XVIII – начала XIX веков прилагательных, образованных от гидронимов, прежде всего от названий рек, то есть т.н. отпотамонимические прилагательные. Они представляют собой многочисленную группу в разряде отонимной лексики этого периода. В семантическом плане такие прилагательные активно эволюционируют: расширяют сочетаемостные возможности, образуют новые разнообразные словесные комплексы, широко реализуют образный потенциал. Между тем эта группа лексики традиционно слабо представлена в современной лексикографии. В связи с этим актуальным становится вопрос о ее отражении в авторских (в том числе в «Словаре языка М. В. Ломоносова») и в исторических толковых словарях.

Ключевые слова: отонимная лексика, лексикография, невский, гидронимы, русская поэзия XVIII – начала XIX века.

«Уча Грамматике, может учитель с нею учить купно и Географию и Историю» и далее: «понеже Историю честь без ведения Географсаго, есть как бы завязанными глазами по улицам ходить <выделено нами — авт.> того ради здравый совет есть год, Грамматике определенный, разделить на две части. И полгода первое, учить Грамматику с Географиею, особенный в неделе день определяя», — писал в 1721 году в «Регламенте, или уставе духовной коллегии» Феофан Прокопович [Духовный регламент, 1721: 26]. А прямое указание на возможность изучения географии и истории при изучении грамматики (в широком понимании – словесной культуры XVIII столетия, текстов XVIII века) говорит о понимании автором «Духовного регламента» высокой роли топонимической, антропонимической, оттопонимической и отантропонимической лексики, в том числе и как объекта изучения (по крайней мере вопросы, которые он предписал задавать на уроках — это вопросы о топонимах, например: «где Азия? Где Африка? Где Европа? И к которым сторонам под нами лежит Америка? Також и особь о Государствах: где Египет? Где Хина? Где Португалия?» [Там же: 27]. Поскольку далее Феофан пишет о переводе — «обучатися в переводах», то можно предположить, что анализ грамматических трудностей родного или изучаемого языка в классе должен был сопровождаться объяснениями наставника соответствующих географических и исторических фактов. Изложенные в «Духовном регламенте» идеи об организации духовного образования в России соответствовали взглядам самого Петра I. Его особое отношение к содержанию этого текста проявилось в многочисленной правке, сохранившейся в черновике регламента [Верховской, 1916: II, 15]. Такое внимание к проблемам топонимики в тот исторический период вполне понятно: стремительная экспансия Российской империи на юг, запад и восток, создание флота, острейшие военные конфликты, освоение новых территорий и их эффективное обслуживание, великие географические экспедиции, административно-территориальная реформа привели к быстрому развитию географической науки в России.

Новые географические объекты требовали инвентаризации и, соответственно, номинации, а новые наименования, в свою очередь, требовали нормализации, на что и были направлены усилия М. В. Ломоносова и возглавляемого им Географического департамента Академии наук (1758–1765).

Весьма специфическую группу в разряде географической лексики XVIII века, которая в целом еще не представляется окончательно изученной (несмотря на известные труды А. В. Барандеева, С. М. Глускиной, В. М. Живова, Н. В. Николенковой и мн. др.), составляют многочисленные прилагательные, образованные от гидронимов (ОГП), прежде всего от названий рек, то есть т.н. отпотамонимические прилагательные (ОПП); отдельные элементы этой культурно-исторической группы получили распространение в поэтическом языке этого периода: *донский, дунайский, евфратский, заднестрский, невский, нильский, обский, стигийский* (Ломоносов), *волжский, днестрский, ниловый, невский* (Петров), *ахеронский, волгин, ингрыйский, невский, нильский, пермесский, скамандрин* (Сумароков) и мн. др.

Е. А. Левашов, много времени и внимания посвятивший исследованию непростых вопросов филологического описания географической лексики русского языка и разработке топонимического (нормативного) словоупотребления, высказывал мнение, что семантика подобных прилагательных является ущербной, прежде всего в силу «всеобщности и стандартности» их лексического значения — значения отношения к географическому имени [Левашов, 2000: 7]. Он полагал, что при словарном описании этих весьма многочисленных лексических единиц основное значение оттопонимических прилагательных «относящийся к ... (такому-то месту, местности)» подразумевается и выступает *сквозным значением* <выделено нами — авт.> во всех словарных статьях [Там же: 8].

Нет оснований, да и представляется отчасти некорректным как-то критиковать основные положения топонимической концепции Е. А. Левашова и разработанные им правила лексикографического описания географической лексики ни в целом, ни в частностях. Однако эмпирическую базу его исследования, как известно, в основном составляли (и это ясно показывает материал словарных статей) строго нормативные справочные или официальные издания: научная краеведческая и географическая, литература, энциклопедии, справочники административно-территориального деления и даже списки избирательных округов. Однако наши наблюдения над языком русской поэзии XVIII — начала XIX веков приводят к совершенно иным выводам; во всяком случае ни о какой «всеобщности и стандартности» значения оттопонимических прилагательных речи идти не может. Бурная эволюция русского литературного ономастикона, по-видимому, должна быть представлена как одна из существенных черт системы литературных имен собственных XVIII столетия. На протяжении этого периода в языке русской поэзии топонимы и антропонимы (в широком понимании этого явления) приходят в чрезвычайно взволнованное, беспокойное, можно сказать, трепетное состояние, они как бы оживают, разогреваются, вибрируют, их творческая активность резко возрастает. Значительно расширяются их сочетательные возможности, они энергично образуют новые разнообразные словесные комплексы, завязывают отношения с новыми группами лексических единиц. Главными причинами этого, во-первых, является глубинный культурный сдвиг, обусловленный усвоением общеевропейского ономастического тезауруса. Во-вторых, в поэтическом тексте имя собственное приобретает новые смысловые возможности. В-третьих, не менее важным фактором является интенсивная творческая работа поэтов и писателей на протяжении всего XVIII столетия, в результате которой литературные антропонимы и топонимы все более и более активно вовлекаются в поэтическое описание, все более становятся объектом семантического переосмысления, которое становится надежным средством пополнения числа экспрессивной лексики в поэтическом языке.

Так, ОПП *невский* хорошо известно в русской оригинальной литературе XVIII в., в том числе и в поэтических текстах, что, впрочем, совсем неудивительно, принимая во внимание события Северной войны, основание Петербурга и превращение его в северную столицу — «полночных стран красу и диво». В первичном, «географическом», значении (1) «связанный с Невой, относящийся к реке Нева», «свойственный, присущий реке Нева» оно представлено в целой группе однотипных сочетаний модели «*топонимический компонент* (в форме отпотамонимического прилагательного) + *существительное* «движение, течение воды»»: *невский ток* (Ломоносов), *невские струи* (Ломоносов, Майков, Державин), *невские волны* (Сумароков), *невские быстринны* (Поповский), *невский поток* (Костров), которые метонимически трансформируются в перифрастическое обозначение реки Нева, т.е. в поэтическую топонимическую перифразу, как, например, у М. Н. Муравьева: *Воззри, вселенная, на Лавровы венцы, / Снесенны россами во все земны концы: / К Алфею с Невских струй, от Селенги до Истра / И, меряя полет их шествованья быстра, / Познай преемников и римлян и ахей* (здесь и далее источником примеров является «Национальный корпус русского языка»), где поэтический топоним *невские струи* стоит в одном ряду с наименованиями рек в Европе и Азии. В поэзии XVIII — начала XIX вв. данная фразеологическая модель является продуктивной, см., например, *донские, дунайские, евфратские, ипрейские струи* (Ломоносов), *тибрские струи* (Поповский), *кастальские, волжские струи* (Петров, Херасков), *ларгские струи* (Майков) и др. Также у А. С. Пушкина: *Отдохнув от злой погоны, / Чуя родину свою, / Пьют уже донские кони / Арпачайскую струю*. Употребление в составе перифразы ономастического компонента вполне обычно для поэзии XVIII в., ср., например, поэтические перифразы *Петрова дочь* «императрица Елизавета Петровна» (Ломоносов) или

Павлов сын ‘великий князь Константин Павлович’ (Петров) и мн. др. В заключение укажем на употребление перифразы *невский ток* в поэзии Ломоносова в обращении, осложненном олицетворением: *О чистый Невский ток и ясный, / Щастливейший всех вод земных!*

Не менее часто в русской поэзии XVIII века представлена топонимическая перифраза *невский берег*, *невские берега* с общим значением ‘место действия’, в процессе семантического развития реализующая имплицитную семантическую связь **потамоним** → **астионим** и превращающаяся в метонимическое обозначение Санкт-Петербурга, как, например, у А. П. Сумарокова: *Увидим, может быть, мы нимф Пермесских лик / В достоинстве, в каком они в их были леты, / На Невских берегах во дни Елисаветы*; В. И. Майкова: *Гремите вы, согласны струны, / Ликуйте, невские берега*; / *Уже российские перуны / Низвергли гордого врага* или у М. М. Хераскова в «Россиаде»: *О! если истину друзья мои вещали, / Мои составлены их песни восхищали; / И муз любители у невских берегов / Сих часто слушали внимательно стихов*. Подобное же употребление поэтической топонимической перифразы *невские берега* ‘Санкт-Петербург’ встречаем и в первой главе «Евгения Онегина»: *И журналистам на съеденье / Плоды трудов моих отдам: / Иди же к невским берегам, / Новорожденное творенье, / И заслужи мне славы дань: / Кривые толки, шум и брань!* Ср. также перифразу *берега Невы*. Анализ употребления этой перифразы и слова *Нева* на материале произведений А. С. Пушкина представлен в статье В. М. Калинин [Калинкин, 2017: 80–82].

Однако, наиболее все-таки интересны употребления ОПП *невский* не в составе перифразы, а в отдельных переносных значениях (в том числе локативных), демонстрирующих приращения смысла, семантический дрейф, трансформацию семантики и, соответственно, семантические новации отпотамонимического прилагательного:

– ‘такой, который находится на Неве’: *Здесь Нимфы Невской Ипокрены, Видения Ея* <Елизаветы Петровны — авт.> *лишенны, / Сердцами пойдут в след за Нею* (Ломоносов); также отметим здесь поэтическую топонимическую перифразу *невский град* ‘Петербург’ у А. П. Сумарокова: *Разверзлось небо, зрю Героя, / Восшедшего на небеса; / Российский славный обладатель / И града Невского создатель / Уставы чтет судьбины там*;

– ‘такой, который построен на Неве, в Петербурге’: *Нептун ему* <Петру I — авт.> *свой скиптр вручает / И с страхом Невский флот встречает, / Что мимо Белтских гор бежит* (Сумароков);

– ‘такой, который изготовлен в Петербурге’: *Не кость резная Колмогор, / Не мрамор Тифды и Рифея, / Не Невски зеркала, фарфор, / Не шелк Баки, не глазумея / Благоуханные пары / Вельможей делают известность, / Но некий твердый дух и честность, / А паче муз дары* (Державин). Здесь слово *невский* употребляется расширительно и подразумевает Императорский стеклянный завод, расположенный в Стеклянном городке (Санкт-Петербург), который включал мастерскую, изготавливавшую зеркала.

Несмотря на достаточно сложную семантику, мощную культурно-историческую ауру, тесную связь с рядом микропонимов Петербурга (Невский проспект, Невский район и пр.), идеями («Невский проспект» Н. В. Гоголя, «Невский Альманах» Е. В. Аладьина) и даже наименованиями сельскохозяйственных культур (Невский — это сорт картофеля) оттопонимическое прилагательное *невский*, к сожалению, отличается весьма печальной лексикографической судьбой. Эта языковая единица не регистрируется большинством нормативных и исторических словарей русского языка (исключение составляют авторские словари: «Словарь языка Пушкина», «Словарь языка Грибоедова», «Поэтический словарь Ф. И. Тютчева» и «Словарь языка русской поэзии XX века»); в словаре Е. А. Левашова прилагательное включается в словарную статью на слово *Нева* и сопровождается цитатой из сочинений К. Паустовского (Левашов 2000: 353).

Такое ограниченное отражение лексемы *невский* в словарях обусловлено, с одной стороны, отношением к онимам и их производным в русской лексикографии. Если в нормативных (включая и исторические) словарях они в основном исключаются из словника, то в писательской лексикографии заметна тенденция к максимальному охвату всей используемой тем или иным автором лексики. С другой стороны, как уже было отмечено выше, сквозное значение ‘относящийся к + производящее слово’ обычно доминирует при описании оттопонимических (и шире — отыменных) прилагательных в словарях. В связи с этим они нередко не имеют подробного или последовательного в отношении некоторых сем описания.

Определенным «ориентиром» для лексикографического описания авторского языка с момента его составления и до настоящего времени является «Словарь языка Пушкина». Однако имена собственные и их производные представлены в нем достаточно непропорционально: они включены в словарь весьма ограниченно, в то время как их производные показаны в нем довольно широко. Вместе с тем семантика оттопонимических прилагательных обычно либо не дается (см., например, статьи ЗАКАВКАЗСКИЙ, КИЕВСКОЙ, КИТАЙСКИЙ, ПЕКИНСКИЙ, ПЕНЗЕНСКИЙ), либо сопровождается пометой «прил. к + производящее слово» (статьи ИЛЛИРИЙСКИЙ, ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ, КАГУЛЬСКИЙ, ОДЕССКИЙ), либо формулируется по модели 'принадлежащий, связанный, относящийся к + производящее слово' (см., например, статьи ЗАПОРОЖСКИЙ, ЗИМОВЕЙСКОЙ, ИЛЕЦКИЙ). В редких случаях семантика подобных лексем присутствует, например: «ЗАКУБАНСКИЙ ... *Находящийся по ту сторону реки Кубани*»; «ПАРНАССКИЙ (парнасской) ... *Прил. к Парнас, относящийся к поэзии, поэтический*»; «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ... *Прил. к Петербург; находящийся, происходящий в Петербурге, относящийся к нему*». В статье НЕВСКИЙ комбинируются разные типы семантического описания: прямое значение дается без толкования, далее приводятся связанные значения (в названиях, перифрастических сочетаниях), особые употребления и семантические сдвиги.

В последующих авторских словарях составители стремились расширить присутствие имен собственных в словнике, тем самым уделяя большее внимание и отыменной лексике. Полное включение имен собственных в словник отражено в «Словаре языка русской поэзии XX века». Такой же подход представлен в «Словаре поэтического языка Марины Цветаевой» и в «Словаре языка Есенина». Составитель последнего подчеркивает необходимость подробного описания всех частей речи и форм, включая наречия, причастия, деепричастия, полные и краткие формы [Шипулина, 2015: 6–16]. В связи с этим оттопонимические прилагательные в «Словаре языка Есенина» сопровождаются толкованием, например: *Американский ... — прил., относит.: относящийся к Америке, связанный с ней.*

Дифференцированный подход к описанию отыменных прилагательных применен в «Словаре автобиографической трилогии М. Горького»: при употреблении в составе наименований, функционально приближенных к именам собственным, они включаются в особый выпуск словаря «Имена собственные»; в случаях расширительного, терминологического, фразеологического и других применений они приводятся в основном словаре. Подобный подход отражен и в «Словаре русских произведений Шевченко», в котором имена собственные («имена, отчества и фамилии персонажей произведений, исторически реальных лиц, прозвища людей, библейские и мифологические имена, топонимические и гидронимические названия, названия произведений, состоящие из собственных имен или образованные от них») выделены в особый раздел (Приложение № 4), находящийся во втором томе. При этом отыменные производные даются в основном корпусе словаря, например: статьи АМЕРИКАНСКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ и АМЕРИКА, АНГЛИЯ. В «Поэтическом словаре Ф. И. Тютчева» все онимы и их производные (за исключением, вероятно, ошибочного включения слова *невский* в основной словник) вынесены во второй раздел словаря «Имена собственные», где фиксируются, например, следующие лексемы: АЛЬПИЙСКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ, АХЕЯНЕ, АХЕЙСКИЙ, МОСКОВСКИЙ.

Принцип полного семантического описания онимов и их производных принят и в «Словаре языка М. В. Ломоносова», который составляется в настоящее время в Институте лингвистических исследований РАН. Приведенные выше примеры из поэзии Ломоносова ярко демонстрируют взаимодействие ОПП с другими семантическими полями, формирование у них новой сочетаемости и реализацию образного потенциала. В то же время эти процессы отнюдь не являются характерными только для авторского идиолекта, а отражают общепозитические тенденции, поэтому заслуживают всестороннего лексикографического описания в исторических толковых словарях.

Список источников

1. Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент» : в 2 т. — Ростов н/Д. : Скл. изд. у авт. и в кн. маг. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. — Т. 2. — 686 с.
2. Духовный регламент. — СПб. : Санкт-Петербургская тип., 1721. — 65 с.

3. Калинин В. М. Собственные имена в языке писателя как инструмент изучения ономогенеза и проблема ономографии // Ономастика Поволжья : материалы XVI Междунар. науч. конф. — Ульяновск : ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2017. — Т. 1. — С. 76–82.

4. Левашов Е. А. Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей. — СПб. : «Дмитрий Буланин», 2000. — 600 с.

5. Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Художественная проза. — Баку, 2015. — Т. 1. — 563 с.

Сведения об авторах

Волков Сергей Святославович — к.филол.н., заведующий отделом Института лингвистических исследований РАН; **Смирнова Анна Сергеевна** — к.филол.н., старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН; **Ткачева Наталья Валериевна** — мл. научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН; **Шарихина Миляуша Габдрауфовна** — к.филол.н., научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

В. В. Вязовская

«ИМЯ СТЁРЛИ»: ПЕРСОНАЖИ РОМАНА Н. С. ЛЕСКОВА «НА НОЖАХ» ОБ ИМЕНАХ И КЛИЧКАХ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования Н. С. Лесковым имени собственного на материале его романа «На ножках». Писатель наделяет своих героев способностью комментировать личные имена. Имена, являющиеся объектами таких комментариев, участвуют в формировании образа персонажа и раскрытии идейного замысла романа.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, оним, роман «На ножках», имянаречение, имя персонажа.

Н. С. Лесков – великий русский художник слова, в ономастической лаборатории которого имя занимает значимое место. Н. С. Лесков в своей статье «Пресыщение знатностью» (1888) отмечал: «пусть люди хранят вне службы свои имена, какие (по Феокриту) «всяк при рождении себе в сладостный дар получает» [Лесков 1958: 81].

Язык произведений этого писателя, равно как и оригинальность имен его персонажей не раз становились объектом негативной оценки со стороны его современников. Критик М. А. Протопопов в своей статье «Больной талант» писал следующее об именах героев Н. С. Лескова: «Точно не доверяя разумению читателя, он спешит разукрасить своего героя чисто-внешними и почти всегда безвкусными атрибутами, т.-е. или назоветь его каким-нибудь сверхъестественным именем (Шерамурь, Навскокъ, Овцебыкъ и проч., и проч.) или заставить изъясняться каким-то вычурным, каламбурным языком (кдеветонь, вмѣсто фельетонь, укушетка, вмѣсто кушетка, ори сто кратъ, вмѣсто аристократъ, и проч., и проч.)» [Протопопов, 1891].

В качестве доказательства такой оригинальности языка автора он приводит диалог персонажей романа «На ножках», в основе которого ономастический каламбур: «Звѣзда стражница, звѣзда все видитъ, она видѣла, какъ Кавель Кавеля убилъ. Мѣсяць увидаль, да испугался, макъ христианская кровь брызнула и сейчасъ спрятался, а звѣзда все надъ Кавелемъ плыла, Богу злодѣя показывала.

— Кавеля?

— Нѣтъ, Кавеля.

— Да, вѣдь, кто кого убилъ-то: Кавель Кавеля?

— Нѣтъ, Кавель Кавеля.

— Врешь, Кавель Кавеля.

«Споръ становился очень затруднительнымъ, только было слышно «Кавель Кавеля», «нѣтъ, Кавель Кавеля». На чьей сторонѣ была правда ветхозавѣтнаго факта – различить было невозможно и дѣло грозило дойти до брани» [Протопопов, 1891].

В романе «На ножках» Н. С. Лесков играет с именем, заставляя своих героев принимать активное участие в этом процессе. Он наделяет своих персонажей особым чувством имени: «Я ради тебя *имя крестное* потерял» [Лесков, 1989, 9: 332]; «Скажите, какая важная фамилия: «*Висленев*»» [Лесков, 1989, 8: 137]; «Вас зовут *Иосаф*, очень редкое имя» [Лесков, 1989, 8: 137]; «О, черт бы его побрал! еще *имя* этого проклятого здесь нужно», [Лесков, 1989, 8: 137]; «А *имя* мое, и ведь все знают» [Лесков, 1989, 8: 137], «плохо сдерживает свое обязательство не марасть *русское княжеское имя*» [Лесков, 1989, 8: 223].

Герои вступают в ономастические «баталии» по поводу имен и имянаречения.

«— Вас как зовут? — спросил он девочку.

— Меня с? — переспросила она тоненьким голосом.

— Да с, вас с, — передразнил ее фистулой Висленев.

Девочка покраснела и отвечала, что ее зовут *Малашей*.

— Прекрасное имя! Вы им довольны или нет?

Девочка молчала.

— Довольны вы или нет, что вас зовут *Малашей*?

Опять молчание.

— Что же вы молчите? Не хотели бы вы, например, чтобы вас лучше звали *Дуней* или *Сашей*?

— Нет с, не хочу с.

— Отчего же вы не хотите? Стало быть, вам ваше имя нравится?

— Надо какое Бог дал с.

— А а! По-вашему, имена Бог дает; ну тогда это другое дело» [Лесков, 1989, 8: 182].

Итак, перед нами женские имена: Малаша, Дуня и Саша. Оним *Малаша* – это краткий вариант имени *Маланья*, имеет греческое происхождение: от *Мелание*: *меланиа* чернота [Суперанская, 2003: 408]. Имя девочки традиционное для крестьянского именика. Насыщенность речи словоерсами (меня с; нет с; не хочу с и др.) выражает оттенок самоуничижения крепостной в её общении с Висленевым как представителем дворянства и вместе с тем делает её речь живой, характерной для низшего сословия XIX века.

Имя *Маланья* в составе фразеологизма *Маланьяина свадьба* входит в название главы романа «На ножках». Одно из самых известных значений этого фразеологизма – «богатое, обильное застолье». Однако М. И. Михельсон приводит ещё одно малораспространённое значение этой идиомы: *Маланьяина свадьба* – «не обещающая мирного сожительства» [Михельсон, 1997: 531] – и иллюстрирует его цитатой из романа «На ножках»: «Когда же будет эта их «*Маланьяина свадьба*»? [Михельсон, 1997: 531]. В романе реализуются оба значения, при этом первое «обильное застолье» в противоположном смысле: «Свадьба эта, которую майорша называла «*маланьиной свадьбой*», совершилась тихо, при одних свидетелях, после чего у молодых был скромный ужин для близких людей. Веселья не было никакого, напротив, все вышло, по мнению Форовой, «не по-людски» [Лесков, 1989, 9: 56], «*Маланьяина свадьба*» выходила прескучная!» [Лесков, 1989, 9: 56]. Пророческие звучат мысли майорши по поводу будущего молодой семьи: «*Маланьяина свадьба*» казалась ей не браком, а какой-то глупостью, которая непременно должна иметь быстрый, внезапный и грустный конец» [Лесков, 1989, 9: 195].

В диалоге упомянуты еще два женских имени: *Дуня* и *Саша*. Имя *Дуня* имеет неоднозначную трактовку. Согласно версии А. С. Суперанской, оно представляет собой краткую форму имени *Авдотья/Евдокия*: из греческого *зудокья* ‘благоволение’ [Суперанская, 2003: 380]. А. И. Соболевский предлагает иную версию, полагая что имя *Дуня* является нехристианским личным именем и восходит к апеллятиву *дуня*: «*дуня* в старом русском языке должно было значить или то же, что в болгарском и сербском, или – что более вероятно – то же, что наше *дуля*» (вид груши) [Соболевский, 1972: 62]. Впоследствии при исчезновении нехристианских личных имён имя *Дуня* слилось с *Авдотья* и стало его уменьшительной формой [Соболевский, 1972: 63].

В романе две героини наречены этим именем – работница *Авдотья*, родившая ребенка от солдата, и «здоровенная русая девка *Евдоха*» [Лесков, 1989, 9: 309]. Имя *Дуня* — достаточно известно в русской литературной традиции: например, Дуня Вырина – героиня повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель», это же имя носит сестра Родиона Раскольникова – главного героя романа Ф. М. Достоевского «Преступление наказание». Н. С. Лескову принадлежит сказка «Маланья — голова баранья» (1888) из цикла «Семейное чтение», героиней которой является праведница Маланья. Итак, дворовая девочка носит имя, полностью отражающее её низкий социальный статус.

Имя *Саши*, которое предлагает Висленев девочке, характерно для именника людей высшего сословия. На распространённость имени Александр в русской культуре, особенно в царской династии, повлияли образы Александра Невского и Александра Македонского [Пчелов, 2022:11]. Становится это имя популярным и для женского именника: «В честь брата старшую дочь Павла Петровича и Марии Федоровны назвали Александрой, а затем и мужское имя Александр, и женское Александра стали чрезвычайно популярными родовыми именами династии на протяжении следующего столетия» [Пчелов, 2022: 11]. Е. В. Пчелов отмечает, что женский вариант имени *Александра* неоднократно являлся иноческим для представительниц княжеского рода: «иноческое имя Александра практически во всех этих случаях символизировало царственный статус инокинь, поскольку отсылало к образу римской царицы Александры. Иноческое имя царственных монахинь могло повлиять и на иноческие имянаречения их ближайших родственниц» [Пчелов, 2022: 13].

В романе «На ножах» это имя носит несостоявшаяся невеста дворянина Висленева — Александра Ивановна Гриневич.

Таким образом, рассмотренные имена отображают особенности крестьянского и дворянского именника России XIX века.

Н. С. Лесков наделяет своих героев не только особым языковым чутьем к имени в живой речи, но и позволяет им самим выбирать имена в своём литературном творчестве. Так, один из персонажей сочиняет шуточную историю о мальчишке, поступающем в приходское училище:

«— Идет, видите ли, экзамен, ребятишек в приходское училище принимают и предстоит, видите, этакая морда, обрубок мальчуган *Савоська*, которого на каникулах приготовил медицинский студент *Чертов*.

—Гм! Фамилия недурна!

—Да, и с направлением, понимаете?» [Лесков, 1989, 8: 245].

Фамилия *Чертов* достаточно распространена в русском ономастиконе, в данном контексте в её основе актуализируется семантика апеллятива *черт*. Популярность в русской культуре этого антропонима объясняется представлением славян о способности подобного имени выступать в качестве оберега от темных сил, т.е. человека, носящего такое прозвище или фамилию, темные силы должны миновать, так как он является частью их самих [Ганжина, 2002: 542].

Таким образом, экспрессивность ситуации строится на антитезе Бог /сатана: студент с говорящей фамилией *Чертов* ожидаемо не подготовил мальчика в соответствии со своей фамилией:

«— А закон Божий знаешь? — ветрел поп.

— Да коего лиха там знать-то! — гордо, презрительно, гневно, закинув вверх голову, рыкнул мальчуган, в воображении которого в это время мелькнуло насмешливое, иронически-честно-злое лицо приготовлявшего его студента *Чертова*» [Лесков, 1989, 8: 246].

Семантика имени ученика противопоставлена семантике фамилии студента-репетитора: *Савоська* < разг. *Савостьян-Севастьян из греч. Себастианос: себастос 'священный'* [Суперанская, 2003: 296]. Мальчик несёт атрибуты мира зла: его физическая неполноценность (обрубок) в сочетании с манерой поведения и речи противопоставлены миру христианства. Таким образом, функционирует ось на уровне онимов: Бог/сатана, реализуемая посредством онимов (*Савоська / закон Божий / Чертов*) и поддерживающих их слов и выражений: поп вертел, лихо, рыкнул мальчуган, иронически-честно-злое лицо.

Имя *Савоська* (Севостьян) является структурной частью русской пословицы: *Севастьян горшки продает, а Севастьянича подтаргивает* [Даль, 2008 : 94]. Как правило, это изречение употребляется по отношению к людям, занимающимся мошенничеством. Эта пословица ассоциативно связана с рассказчиком этой истории, для которого не чужды самые различные аферы.

Герои Н. С. Лескова размышляют об имени, потеря которого является знаком изгнанием из общества: «Я борюсь за мое существование; да, черт возьми! да... за существование! Они или я, кто-нибудь один. Они меня стерли; даже имя мое стерли: меня зовут не иначе как «Алинкин муж», мне даже повестку прислали: «Мужу Алины Дмитриевны Висленевой»... Нет! Я не хочу слушать никаких ваших новых хитростей, да... Не хочу быть «Алинкиным мужем»! [Лесков 1989, 8: 279]. Итак, потеря имени ведет героя к потере его чувства самоидентичности.

По мнению персонажей Н. С. Лескова, фамилия должна быть благозвучной, вызывать приятные ассоциации. Показательна в этом плане история о баснописце И. А. Крылове, которой делится генеральша:

«Я читала, что Крылов один раз нарочно нанял себе квартиру в доме, хозяин которого назывался *Блинов*. Ивану Андреевичу очень понравился звук этой фамилии, и он решил, что это непременно очень добрый человек.

— А вышло что?

— А вышло, что это был большой сутяга и плут» [Лесков, 1989, 9: 292].

Восприятие фамилии обусловлено личным опытом говорящего: фамилия *Перушкин* привлекает внимание генеральши, когда, как для ее собеседника, она ничем не примечательна:

«<...> его зовут Андрей Парфеныч Перушкин.

Генеральша улыбнулась.

— Что же тут смешного?

— Так, я думаю об этой фамилии.

— Фамилия самая обыкновенная.

— Даже очень мягкая и приятная» [Лесков, 1989, 9: 292].

Перушкин – чиновник, по легенде друг генерала, приехавший в деревню под видом землемера. Видимо, «мягкость» и «приятность» фамилии для генеральши обусловлена наличием диминутивного суффикса *-ушк-* и семантикой производящего аппелятива *перушко*. Вполне вероятно связь с омонимом «перушко», т.е. шубка [Даль, 2006, 3: 103]. Шубка находит свое воплощение в виде тулупа, но не физическом виде, а иносказательно, когда майор раскрывает истинную цель Перушкина (тот не является землемером) с прибывшим вместе с ним помещиком: «гримированы мастерски и костюмировались так, как будто целый век проходили в тулупах: эти лица были ваши гости» [Лесков, 1989, 9: 294].

Портретная характеристика, в которой Перушкин сравнивается с крылатым амуром, на физическом уровне поддерживает его фамилию – перед нами образ человека кругленького и пухлого: «маленький кубарик, с крошечными, острыми коричневыми глазками, с толстыми, выпуклыми пунцовыми щеками, как у рисованного амура» [Лесков, 1989, 9: 293]. Значимой является небольшая деталь в портрете Перушкина – «кубарик». Кубарик – это «волчек; пустой шар на ножке, с дырою в боку, который дети спускают для потехи»; отсюда и глагол «кубарить, забавляться, дурить, заниматься пустяками» [Даль, 2006, 2: 209]. Поговорка «*Кубарики кубаришки, малые ребятишки*» [Даль, 2008: 239] выражается в таланте Перушкина занимать девочку Веру, падчерицу генеральши: «для забавы Веры, магнетизировал петуха, брал голою рукой раскаленную самоварную конфорку, показывал, как можно лить фальшивые монеты с помощью одной распиленной колодочки и, измяв между ладонями мякиш пеклеванного хлеба, изумительно отчетливо оттиснул на клочке почтовой бумажки водянистую сеть ассигнации» [Лесков, 1989, 9: 293]. Игра – литье фальшивых монет – дополняет «фальшивость» самого Перушкина, скрывающего свои истинные цели приезда в деревню и выдающего себя за землемера.

История, произошедшая с писателем Иваном Крыловым получила своё развитие в жизни генеральши, которая, поддавшись благозвучию фамилии, также была разочарована, как и великий баснописец.

Таким образом, Н. С. Лесков виртуозно использует имя в своей творческой лаборатории. Одним из ярких авторских приемов писателя, демонстрирующих его особое обращение с именем, является наделение своих персонажей способностью комментирования имени. В этом случае образы таких героев становятся более самобытными и многогранными. Становится очевидно, что большею частью имена, вызывающие интерес, являются для таких «комментаторов» особо значимыми в их жизненном пути, они аллюзивно связаны с их мировосприятием, с прошедшими или будущими событиями их биографии.

Список источников

1. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. — М. : АСТ : Астрель, 2001. — 672 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Рус. яз. : Медиа, 2006. — Т. 2 : И—О. — 779 с. ; Т. 3 : П—М. — 544 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М. : Эксмо, 2008. — 616 с.
4. Лесков Н. С. Пресыщение знатностью // Собрание сочинений : в 11 т. — М. : Худож. лит., 1958. — Т. 11. — С. 171–189.
5. Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 12 т. — М. : Правда, 1989. — Т. 8–9.
6. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний : в 2 т. — М. : ТЕРРА, 1997. — Т. 1. — 800 с.
7. Протопопов М. Большой талант (Собрание сочинений Н. С. Лескова. Десять томов. СПб., 1889–1891 гг.) // Критические статьи. — М. : Изд. С. Скимунта, 1902. — URL : http://az.lib.ru/p/protopopow_m_a/text_1891_bolnoy_talant_olderfo.shtml (дата обращения: 16.07.2023).
8. Пчелов Е. В. Имя Александр в русской дворянской антропонимии дореволюционного времени // Вопросы ономастики. — 2022. — Т. 19, № 1. — С. 9–29.
9. Соболевский А. И. Груша и Дуня // Русская речь. — 1972. — №4. — С. 61–63.
10. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. — М. : Эксмо, 2003. — 544 с.

Сведения об авторе

Вязовская Виктория Викторовна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка как иностранного Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия).

Е. В. Генералова

ФУНКЦИИ ОНИМОВ В НОВОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ *

Аннотация. Предмет статьи — функционирование имен собственных в устойчивых словесных комплексах, возникших в постсоветский период (также описывается и более широкий фон фразеологии последних пятидесяти лет). Рассматриваются функции стереотипизации и точной референции онимов в современной фразеологии, а также отсылочная и экспрессивно-оценочная функции.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, имя собственное, фразеология, неология, семантика, референция.

Устойчивые сочетания, компонентами которых являются имена собственные, функционируют в языке во все периоды его существования. Состав использующихся во фразеологическом фонде онимов и ярко демонстрирует национальное своеобразие языка (см. образы, характерные для русской картины мира (*куда Макар телят не гонял, валять Ваньку, как Сидорову козу*), фразеологизмы, отражающие значимые страницы русской истории (*Мамаево побоище, Филькина грамота, как французы под Москвой*), отсылки к прецедентным в русской культуре текстам (*а Васька слушает да ест, богатенький Буратино, дядя Степа*)), и включает интернациональные имена собственные (библейзмы (*Фома неверующий, от Адама*)), мифологические онимы (*Сизифов труд, нить Ариадны*)), имена персонажей мировой литературы (*Али-Баба и сорок разбойников*)). Как подчеркивает М. Л. Ковшова, «онимы особенно ярко и памятно выполняют в паремиях и идиомах важнейшую культурно-языковую функцию — быть носителями культурных смыслов, воплощенных в языковую оболочку» [Ковшова, 2019: 7].

© Генералова Е. В., 2023

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления».

Онимам в составе устойчивых сочетаний посвящено значительное количество работ. В трудах О. И. Фоняковой, В. М. Мокиенко, М. Л. Ковшовой, Н. В. Подольской, Е. В. Иванцовой, Е. А. Гладченковой, Е. А. Флейшер и др. описываются история и этимология таких фразеологизмов, поднимаются вопросы прецедентности и семантической трансформации имен собственных при вхождении в состав устойчивых сочетаний, классификации онимов в составе фразеологизмов, использования имен собственных в жаргонной фразеологии.

В настоящей статье рассматривается функционирование имен собственных в современной фразеологии, при этом фразеология понимается в «широком» смысле, т.е. анализируются разные с точки зрения структуры, наличия образности и экспрессивности устойчивые словесные комплексы (и собственно идиомы, и составные наименования, и перифразы, и крылатые слова, и фразеоконструкции). Базой исследования послужили данные неологических словарей XXI века «Новое в русской лексике. Словарные материалы» и словарей фразеологических неологизмов, а также материалы интернет-ресурсов. Объектом внимания в первую очередь была новейшая фразеология (устойчивые словесные комплексы, возникшие в постсоветский период), но привлекался и более широкий фон фразеологии последних пятидесяти-шестидесяти лет, т.е. «фразеологии как «старой новой», которая обладает признаками новизны у носителей русского языка старшего поколения, так и «новейшей новой», которая рождается в речи нашего младшего поколения и в современных средствах массовой информации» [Мокиенко, 2022: 139].

С точки зрения референтной отнесенности, в современной фразеологии используются разные онимы, но по частотности лидируют антропонимы (*Вася Пупкин, акт Родченкова*), далее идут топонимы (*Нигерия в снегах*) и оттопонимические прилагательные (*сибирский валенок, испанский стыд*). Среди онимов фиксируются имена собственные реальные и вымышленные. Многие современные крылатые выражения, включающие имена собственные, имеют источником фильмы (*Гюльчатай, открой личико!*) и мультфильмы (*Поздравляю, Шарик, ты балбес!*), а новейшие — интернет-мемы (*Как тебе такое, Илон Маск?*), отрываясь от которых выражения начинают использоваться в текстах как самостоятельные: *Обсуждается вопрос: «Как защититься от энергетических вампиров?» Элементарно, Ватсон: скрестить руки на груди* (Л. Пономарёв. Телемистика // «Наука и жизнь», 2008) [НКРЯ], *Будь умным. Будь лидером. Будь как Петя* (Как становятся лидерами // Medium 10.08.2018), *Если удастся, и Америку обгоним. Как тебе такое Илон Маск? Попробуем за него ответить, — «С трудом верится»* // Коммерсант, 2020.06 [НКРЯ]. Современные устойчивые сочетания, включающие имена собственные, имеют как исконное, так и заимствованное происхождение, при этом материал обнаруживает характерную особенность фразеологии — безусловное преимущество калькирования как типа заимствования (вплоть до условного «калькирования» имени собственного). См. фразеологизм (*Петя умный*). *Будь, как Петя* ‘делай что-л. правильное, соответствующее здравому смыслу’ имеет источником интернет-мем, появившийся в соцсетях в 2016 г. как калька англоязычного мема *Be like Bill*, где главным героем графических картинок с краткими текстами является поступающий так, как нужно, Билл.

Имена собственные входят в состав устойчивых сочетаний, выполняя разные функции.

Первой такой функцией является стереотипизация. Ряд онимов-компонентов фразеологизмов, становится обозначениями неких типичных объектов, и в данном случае уникальная, точечная референция, присущая имени собственному как таковому, фактически превращается в свою противоположность, как при апеллятивизации имен собственных. Такое промежуточное значение имен собственных (между их употреблением в качестве онимов и превращением в апеллятивы) В. И. Супрун характеризует как «обобщенное употребление», подчеркивая, что «обобщенное употребление можно наблюдать у реальных (*Урютинск* — символ российской провинции) и вымышленных (*Мухосранск* — малопривлекательный во всех отношениях провинциальный город)» [Супрун, 2020: 133] имен собственных. Оним в таких случаях обрастает дополнительными смыслами и коннотациями, важна фоновая историческая и культурная информация.

Так, частотным антропонимом (который может быть интерпретирован и как устойчивое сочетание) в современном дискурсе является *Вася Пупкин*. Это имя собственное, не имеющее отсылки к реальному адресату, обнаруживает комплекс значений, используя как ироническое

обозначение некой неизвестной или анонимной личности, усредненного человека (ср. *имярек*) (*Допустим, Вася Пупкин из села Далекого решил поступать в столичный институт* (А. Рябцев. Единый госэкзамен–2006: сдавать будут не все // Комсомольская правда, 2005.11) [НКРЯ]), а также рядового пользователя интернета (*Соцсеть — это такая демократичная штука, где после условного Герцена может написать Вася Пупкин, не ставящий запятых* (Т. Хрулева. К чему приведет гражданская идеологическая война (13.07.2017) [НКРЯ]). Стереотипным обозначением может выступать и реальное имя собственное: см., например, *мать Тереза* ‘иронично — о бескорыстном, щедром, милосердном человеке’ (как типичные обобщаются черты поведения реальной исторической личности), (*кто-/что-л.*) и в *Африке* (*кто-/что-л.*) ‘о стабильности какого-л. положения, неизменности сущности кого-/чего-л.’ (*Африка* — стереотип места, наиболее удаленного, экзотического, не похожего на то, где находится говорящий, но такого, где предмет сохраняет свое тождество несмотря на изменившиеся условия).

Принципиально иная функция имен собственных — это, напротив, указание на конкретный субъект (реалию), всегда в той или иной степени прецедентные. В составных наименованиях имена собственные — это способ точного и недвусмысленного обозначения кого-(чего-)л. и однозначной номинации реалии. См., например, образующиеся по регулярной модели неофициальные обозначения законодательных актов по имени человека (как правило, не автора акта): *закон Димы Яковлева* ‘закон, содержащий запрет на усыновление для всех граждан США’ (вступил в действие с 1 января 2013 г., получил название по имени российского ребенка, погибшего вскоре после усыновления гражданами США), *закон Миши Малахова* ‘законопроект, касающийся ужесточения миграционной политики РФ’ (активно обсуждался в 2020 г., получил название по имени ребенка, убитого в составе всей своей семьи под Нижним Новгородом рабочим-мигрантом), *акт (закон) Родченкова* ‘закон, подразумевающий уголовное преследование нарушителей антидопинговых правил по всему миру’ (принят в США в 2020 г., назван по имени директора Антидопингового центра Г. М. Родченкова, давшего в 2016 г. показания о существовании в России государственной программы поддержки допинга). Ср. другие отмеченные в словарях неологизмов единичные составные наименования, в которых онимы используются с аналогичной функцией: *вырез Сабрины* ‘узкий горизонтальный вырез, скрывающий ключицы’ (получил свое название благодаря фильму «Сабрина» 1954 г., в котором главную роль сыграла Одри Хепберн в платье с таким вырезом; в русском языке оборот зафиксирован в 2018 г.); *Немцов мост* ‘неофициальное название Большого Москворецкого моста в Москве’ (на этом мосту 27 февраля 2015 г. был застрелен Б. Е. Немцов).

Обычно такие устойчивые сочетания привязаны к конкретной ситуации и конкретному времени, легко становятся историзмами: см. уже устаревшее устойчивое сочетание *ножки Буша* ‘об импортируемых из США замороженных куриных окорочках’ (о поставке дешевых продуктов в 1990 г. М. С. Горбачев договорился с американским президентом Дж. Бушем-старшим). Но иногда такие устойчивые сочетания могут и перерасти свое время: так, десантные войска и в современном дискурсе нередко именуют *войсками дяди Васи* (шуточная расшифровка аббревиатуры ВДВ), но здесь это не усредненный дядя Вася, а реальный человек — генерал армии, Герой Советского Союза, Василий Филиппович Маргелов, внесший значительный вклад в развитие Воздушно-десантных войск (1954–1979 гг. — командующий ВДВ): *В минувшие выходные десантники, или как сами себя они называют войска Дяди Васи, отметили свой профессиональный праздник.* (Vesti.ru, 2014.08) [НКРЯ].

В отличие от имен собственных, входящих в составные наименования, для онимов в составе образных оборотов (в том числе и для онимов, соотносимых с реальными объектами) прежде всего важны ассоциации: так, выражение *Нигерия в снегах* (*снегу*) ‘о России как об экономически отсталой стране’ основано на образе Нигерии как сильно коррумпированной страны. В основе ставшего популярным в рунете и изначально привязанного к мему выражения *Как тебе такое, Илон Маск?* ‘о нелепых российских изобретениях’ и шире — ‘о любых странных, вызывающих удивление явлениях и реалиях’ неслучайна отсылка к фигуре Илона Маска как одного из признанных гениев и лидеров технического прогресса.

Выражения с онимами, имеющие источником фильмы, мультфильмы, книги, обычно отсылают не столько к прецедентному объекту, названному именем собственным, сколько к типичной ситуации с его участием, т.е. оним здесь выступает в роли триггера, вызывающего в памяти соответствующий эпизод или произведение. Такую функцию онимов можно обозначить как отсылочную: см. *под колпаком у Мюллера* ‘под наблюдением’, *Леопольд, выходи, подлый трус!* ‘предложение кому-л. откуда-л. выйти’, *Элементарно, Ватсон!* а) ‘смехотворно, абсурдно’, б) ‘крайне просто, общеизвестно’ (см. подробнее о последнем выражении [Шунейкин, 2018]).

Особой функцией имен собственных во фразеологии является экспрессивно-оценочная. Имена собственные нередко становятся объектом языковой игры: см. *Сергей Бордюрович* ‘о мэре Москвы С. С. Собянине’ (в связи с масштабной заменой бордюров в рамках долгосрочной программы благоустройства Москвы «Моя улица»), *показать кьюркузькину мать* ‘шутливо — для выражения угрозы или предостережения’. Частым во фразеологии является

обыгрывание звучания имен собственных (по случайному звуковому сходству), т.е. сближение обычно не связанных слов по принципу народной этимологии: см. *Блин Клинтон* — бранно (языковая игра по созвучию с именем американского президента Билла Клинтона и использование слова *блин* в роли эвфемизма), жаргонное *Мария Ивановна* ‘эвфемистически о марихуане’. Этот процесс особенно характерен для жаргонной фразеологии, т.к. «функционирование онима в составе жаргонных ФЕ создает определенный экспрессивный образ, важный для носителя жаргона в познавательном и эмоциональном плане» [Гладченкова, 2012: 84].

Таким образом, имена собственные в современных устойчивых сочетаниях востребованы, с одной стороны, как носители культурных ассоциаций, что позволяет использовать их как стереотипные обозначения, а с другой стороны, как точные (с уникальной референцией) указания на объект, в связи с чем фиксируются в терминологических и образных номинациях конкретных объектов и явлений. Онимы в составе выражений, восходящих к литературным, кинематографическим и сетевым источникам, обычно отсылают не столько к прецедентному объекту, названному именем собственным, сколько к типичной ситуации, функция онима в данном случае отсылочная (к соответствующему произведению или его конкретному эпизоду). Также имеет место экспрессивно-оценочная функция онимов во фразеологии, проявляющаяся прежде всего, когда имя собственное становится объектом языковой игры (в частности, при обыгрывании его звуковой формы), с этой функцией имена собственные особенно часто используются в жаргонной фразеологии.

Список источников

1. Гладченкова Е. А. Функционально-семантические особенности имен собственных в жаргонных фразеологизмах // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2012. — № 4 (170). — С. 83–87.
2. Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. — М. : ЛЕНАНД, 2019. — 352 с.
3. Мокиенко В. М. Старое новое и новое новейшее (к проекту «Большого словаря русских фразеологических неологизмов») // Неология. Неография. 2021 : сб. науч. ст. междунар. науч. конф. — СПб. : ИЛИ РАН, 2022. — С. 132–142.
4. Национальный корпус русского языка. — URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.05.2023) (НКРЯ).
5. Супрун В. И. Имена собственные в обобщённом употреблении // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Междунар. науч. конф. : в 2 т. — Кострома : Костромской гос. ун-т, 2020. — С. 126–134.
6. Шунейко А. А. Элементарно, Ватсон // Русская речь. — 2018. — № 4. — С. 117–121.

Сведения об авторе

Генералова Елена Владимировна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

РОЛЬ ТОПОНИМИИ В СОЗДАНИИ
ДУАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЛОНДОНА
В РАССКАЗЕ НИЛА ГЕЙМАНА
«КАК МАРКИЗ ВЕРНУЛ СВОЁ ПАЛЬТО»

Аннотация. Статья посвящена исследованию создания семантического пространства вымышленного мира, как элемента художественного переосмысления топонимических реалий города Лондона в произведении английского писателя Нила Геймана «Как маркиз вернул своё пальто».

Ключевые слова: топонимия, семантика, урбанонимы, ойкодомонимы, гидронимы, этимология, экклезионимы, годонимы.

С момента своего основания в начале первого тысячелетия нашей эры и до сегодняшнего дня столица Туманного Альбиона претерпела множество изменений, пережила войны, эпидемии, пожары. Накопленное за это время богатое историческое и культурное наследие отразилось в языковом коде, в ключевых компонентах совокупности ономастических наименований лингвистического ландшафта города.

Дихотомия Верхнего и Нижнего Лондона продолжает традиции основной истории Нила Геймана романа «Никогда» (*Neverwhere*). В авторском цикле строится модель реалистического образа города и суггестивного, сверхъестественного. Специфика вымышленного амбивалентного мироустройства базируется на системе лексико-семантического единства: первичная номинация географических объектов и вторичная номинация (языковая и речевая). Под первичной номинацией понимаются конвенционально закреплённые общезыковые смыслы словесных знаков, порождённые и выросшие в британской культуре, призванные дополнить лакуны номинативных средств языка. Под речевой номинацией понимается дискурсивное употребление знака [Крюкова, 2004: 83], в контексте данной статьи мы рассмотрим их на примере индивидуально-авторских метафорических значений.

С целью подробного изучения городского пространства авторского мира мы произвели этимолого-семантический анализ урбанонимикона рассказа Нила Геймана «Как Маркиз вернул своё пальто», сопоставили, где это возможно, конвенциональные аллюзивные значения урбанонимов реального Лондона и оригинальные авторские коннотации.

Опираясь на терминологическую трактовку Н. В. Подольской, мы используем термин урбаноним как генерализованное понятие для любого топографического объекта, функционирующего в рамках внутригородского пространства, и включающего в себя конкретные единицы: хоронимы городские, агоронимы, экклезионимы, годонимы, ойкодомонимы. Само общее название объекта поселения людей именуется ойконимом, а имена городов кодируются как астионимы [Подольская, 1978: 154].

Внутригородские хоронимы представляют собой имена ограниченной внутригородской территории; агоронимы — имена площадей, кодифицированы адресом; экклезионимы — имена мест совершения религиозных обрядов, монастырей, церквей; годонимы — адресные имена линейных городских объектов, как правило, улиц, шоссе, тупиков, переулков; ойкодомонимы — отдельные здания [Подольская, там же]. Особенности нашего исследования обязывают нас ввести дополнительные термины, такие как, гидроним (общее имя для водных объектов); потамоним (реки); лимноним (озёра), а также пилоним (ворота) [Мадиева, Супрун, 2017]. Вслед за М. С. Миловановой для обозначения станций лондонского метрополитена введём термин метроним (не имеет отношения к матрониму) [Милованова, 2018].

В ходе работы было выделено и проанализировано 19 названий топонимических объектов. Все эти названия можно найти на карте современного Лондона, за исключением трёх названий, основообразующих реалий для супранатуралистического мира: Плавающий рынок (*Floating Market*), Подземное Озеро Мертвецов (*Lake of the Dead*) и Нижний Лондон (*London Below*). Данные онимы

тесно связаны с реальным миром, однако они не принадлежат ему. Подземное Озеро Мертвецов не является экспликацией реального лимнонима, однако оно имеет семантическую и дислокационную конвергенцию с пригородным районом Лондона, с хоронимом известным как Мортлейк (*Mortlake*) (*It was not until they had reached the banks of the **Mortlake**, the vast underground Lake of the Dead*) [Gaiman, 2015]. Ойконим Нижний Лондон, зеркальное отражение Верхнего Лондона — стержневая метафора авторского мира, состоящая из словосочетания с повторением смыслообразующей основы, комплиментарно завершённой антонимической парой (*The paths of **London Below** are not the paths of **London Above**: they rely to no little extent on things like belief and opinion and tradition as much as they rely upon the realities of maps.*) [Gaiman, 2015]. Этимология Лондона восходит своими корнями к латинской форме *Londinium*, однако само значение на данный момент так и не удалось достоверно установить. Существует множество теорий происхождения названия, среди которых выделяется теория о кельтском происхождении от топонима *Londinion*, на базе имени собственного *Londinos*, где *-lond-*, означает ‘дикий’.

Плавающий рынок представляет собой нерегулярную ярмарку, возникающую в случайных местах и доступную только тем, кто знает путь. Это основообразующий ойкодомоним вымышленного мира и, по этой причине он автономен и уникален, при этом он имеет крепкое сопряжение с Верхним Лондоном, каждый раз перемещаясь по вполне реальным локациям города. В данном рассказе действие разворачивается на территории рынка, расположенном в Садах-на-крыше «Дерри и Тома» (*The next Floating Market was being held in **Derry and Tom's Roof Garden.***) [Gaiman, 2015]. Это место действительно существует неподалёку от парка Кенсингтон и названо вслед за универмагом, на крыше которого были и разбиты висячие сады.

Перейдём к основной группе урбанонимов. Автор рассказа придает названиям мест большее значение, они органично вплетаются в повествование в «семантический узор» таинственной атмосферы Нижнего Лондона (*London Below*). Жители вымышленного города живут преимущественно под землёй, поэтому основа топографической картины строится на реальных названиях станций лондонского метрополитена. В рассказе метронимы представлены такими названиями как, Рейвенскорт (*Ravenscourt*), Шепердс-буш (*Shepherd's Bush*), Олдвич (*Aldwych*). Название Рейвенскорт появилось сравнительно недавно в 18 веке, его придумал секретарь Адмиралтейства Уильям Корбетт (1680–1748), выкупивший в этой местности усадьбу. Этот каламбур происходит от французского слова ‘ворон’ (*corbeau*), что отражается в фамилии землевладельца, его родовом девизе «Бог кормит воронов» (лат. ‘*Deus pascit corvo's* — англ. ‘*God feeds the ravens*’) и на щитке герба. Название поместья стало донорским и для станции лондонской подземки. В авторской интерпретации это просто топоним Нижнего Лондона, где проживает свой народ (*The visit to **Raven's Court** is a formality: it is merely to deliver a letter.*) [Gaiman, 2015]. Шепердс-Буш происходит от названия района в западной части города. Оно имеет длинную историю, считается, что пастухи устраивали там ночлег на пути к Смитфилдскому рынку в Лондоне, а чтобы непогода не помешала их отдыху, они укрывались ветками куста боярышника. По более прозаичной версии, этимология связана с именем местного землевладельца. Из текста рассказа можно сделать вывод только о том, что эта земля принадлежит народу пастухов (*It was not unusual in **Shepherd's Bush** to see a shepherd and part of his flock moving from place to place, accompanied by several of the fiercest sheepdogs.*) [Gaiman, 2015]. Что касается, Олдвич, то эта на данный момент закрытая станция находится в боро Вестминстер в центральной части города, недалеко от одноимённой улицы. Название представляет собой слияние древнеанглийских слов *eald* и *wic*, то есть ‘старое поселение’. В рассказе используется как эвфемизированная форма ругательства, по образцу реально существующего смягчённого богохульства (*And, I know I should have asked before, but what in the **Auld Witch's** name is this?*) [Gaiman, 2015].

В отдельный абзац вынесем два особых метронима. Они существуют на реальной карте метромастикона Лондона, однако в авторской интерпретации эти топонимы переходят в ряд имён собственных мифологических существ. Первый из них — метроним Слон и Замок (*Elephant and Castle*), унаследовал свое имя от постоянного двора. За давностью лет сложно определить точную этимологию онима (этот трактир упоминался ещё в «Двенадцатой ночи» Шекспира), приведём несколько версий образования. Начнём с гипотезы об искажённом «*La Infanta de Castilla*», то есть имени английской принцессы испанского происхождения (в разных версиях

это Элеонора Кастильская, Екатерина Арагонская или Мария Анна Испанская). Однако более правдоподобна теория об ассоциативном характере номинации. В этом месте была *Worshipful Company of Cutlers*, мастерская ремесленников, мастеров по изготовлению холодного оружия. Их герб изображал несущего замок на спине слона. В тексте Нила Геймана вышеупомянутый метроним трансформируется в живое божество, у которого даже есть подданные, образуя некий мифоним, мотивированный топонимом (*'I was born and bred to give my fealty and loyalty to the Elephant and the Castle'*) [Gaiman, 2015].

Далее рассмотрим метроним Темпл (*Temple*). Это название связано с одноимённым районом неподалёку от Сити, который в XII веке был известен как 'Новый храм' (*Novum Templum*). Этим храмом и принадлежащей ему территорией владели тамплиеры до роспуска ордена в XIV веке. Сейчас этот участок используется судебными иннами. Олицетворение данной станции метро в виде вымышленных божеств мы видим во время клятвы одного из персонажей повествования (*Knibbs had told him, by the Temple and the Arch: he just had not listened to her*) [Gaiman, 2015]. В связи с упоминанием арки, стоит дать комментарий. Арка (*Arch*) тоже является сверхъестественной личностью с экклезионимом в своей основе и её семантический образ близок к Темплу. Арка делает отсылку к известной церкви Сент-Мэри-ле-Боу (*St Mary-le-Bow*), где *Bow* — 'арка'. Под церковью находится часовня нормандской постройки (это прослеживается даже во французском артикле «*le*») со сводчатой криптой, исходя из этого атрибута внутреннего убранства и была названа церковь. На данный момент в ней также располагается англиканский церковный суд, так называемый 'Суд Арок' (*Court of Arches*). Сент-Мэри-ле-Боу имеет особый культурный статус, её упоминание можно встретить во многих произведениях английской литературы и искусства. А городская легенда гласит, что рождённый в пределах слышимости её колокольного звона — истинный кокни.

Единственный годоним, который встречается в тексте — Бонд-стрит (*Bond Street*). Улица увековечила имя известного застройщика сэра Томаса Бонда (*Thomas Bond*). Улица славится своими модными бутиками и имеет расхожее употребление в значении 'модное место'. Авторское видение улицы с большей вероятностью представляет собой каламбур на основе внешней формы слова и её омонимии, чем на внутренней семантике (*'I got bonded,' she said, 'in Bond Street.'*) [Gaiman, 2015].

Следующим пунктом предлагаем перейти к более подробному анализу гидронимов. Начнём с потамонима Килберн (*Kilburn*) от германского *Cye Bourne*, что значит 'королевский ручей'. Это небольшая река на северо-западе Лондона, приток Темзы, который был уведён в трубопровод. (*The seven of them reached the banks of the Kilburn, where they stopped, and the former shepherd and the three shaggy dog-men strode out into the water*) [Gaiman, 2015].

Третий потамоним, представленный в рассказе Тайберн (*Tyburn*) — это река, которая является притоком Темзы, её имя происходит от Тео Берна (*Teo Bourne*). По имени реки был назван также и населённый пункт, ставший главным местом казни для преступников и предателей, в языке потамоним закрепился в виде идиом «поехать в Тайберн» (*to take a ride to Tyburn*), «хозяин поместья Тайберн» (*Lord of the Manor of Tyburn*). В рассказе он используется в противоположном значении, здесь река связана с «путём на волю» (*he had helped across the Tyburn River to freedom, and to a short but happy life*) [Gaiman, 2015]. Сейчас Тайберн, подобно Килберну, полностью переведён в подземный тоннель. Этот факт хорошо подходит под реалии альтернативного мира и используется автором для создания транспортного пути лирического героя до следующего места назначения своих поисков.

Перейдём к ойкодомонимам, образованных от пилонимов. Бишопсгейт (*Bishopsgate*), здесь прослеживается простая связь двух слов *bishop* и *gate*, то есть 'епископские врата'. Это название римских восточных ворот в оборонительной стене Лондона, было дано в честь епископа восточных саксов Эркинвальда. На сегодняшний день ворота не существуют, от них осталось лишь памятная епископская митра на здании на перекрёстке одноимённой улицы Бишопсгейт с Уормвуд-стрит в районе Бишопсгейт. Нил Гейман проводит простую аналогию с названием и в Нижнем Лондоне это хороним, где проживают епископы (*He toyed with the idea of visiting Bishopsgate, of spending a pleasant handful of days establishing that his coat was not there.*) [Gaiman, 2015].

Продолжая ансамбль древних врат оборонной стены вокруг Лондона, проанализируем пилоним Людгейт (*Ludgate*). Согласно легенде, записанной валлийским священнослужителем Гальфридом Монмутским, это слово происходит от имени британского короля Луда (*Lud*). Кроме того, автор также связывает этимологию топонима Лондона с этой полумифологической личностью. В то же время, известный английский писатель и журналист, Дж. У. Торнбери полагает, что корни этого стоит искать в слове *ludgeat*, что означает 'задние ворота' или в староанглийском терминологическом соединении *hlid-geat*, что значит 'задняя часть' или 'распашные ворота'. В контексте рассказа этот топоним предстаёт в виде выражения досады или ругательства в момент, когда герои попадают в засаду (*'Lud's gate!' muttered Peregrine*) [Gaiman, 2015].

В заключение добавим, что всё вышеизложенное дает только некоторое представление о топонимической системе Нижнего Лондона, в романе, по которому написан рассказ, упоминается куда более разветвлённая сеть географических объектов.

Авторская номинация позволяет обновлять семантику слов, обеспечивая нетипичное и креативное осмысление существующих реалий, формируя новые лингвокультурные поля наименований в языке. Благодаря использованию реальных урбанонимов писатель общается с реципиентом на уровне интертекста, актуализируя фоновые знания он добавляет новые семы существующим объектам. Декодирование этих смыслов становится творческим процессом и оставляет широкое пространство для интерпретации и создание индивидуальной картины вымышленного мира. Топонимы выполняют функцию якорей из реального Лондона и позволяют читателю ощутить близость описываемых событий.

Список источников

1. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2004. — 40 с.
2. Мадиева Г. Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Вопросы ономастики. — 2017. — Т. 14, № 2. — С. 115–125.
3. Милованова М. С. Метроним как объект лингвистического и лингвокультурологического исследования / М. С. Милованова, С. Одои-аджей // Русский язык за рубежом. — 2018. — № 6. — С. 88–93.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1978. — 199 с.
5. Gaiman N. How the Marquis Got His Coat Back. — Headline Publishing Group, 2015. — P. 64.
6. The Map of Early Modern London. — URL : <https://mapoflondon.uvic.ca/edition/7.0/EXEC1.htm> (дата обращения: 06.05.2023).

Сведения об авторе

Гординская Елизавета Михайловна — магистрант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Н. И. Данилина

GENIUS LOCI СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ

Аннотация. На материале произведений А. Слаповского о Саратове, насыщенных локальной онимией, делается попытка выявить *genius loci*. Воссоздание *genius loci* как писательская задача выражается в концептуализации города: принятии его как постоянного объекта авторской рефлексии, создании цикла с катойконимом в заглавии и декларировании собственной принадлежности к саратовцам. Суть Саратова видится автору в типичности и провинциальности, что подчеркивается сознательным устранением из художественного пространства индивидуализирующих символов города. Вместе с тем

городская среда исторического центра воссоздается детально и фактически достоверно, в том числе средствами ономастики. Функциональная нагрузка топонимии заключается в противопоставлении концептуального фокуса и фона, которое проводится на двух уровнях: насыщенный центр — фрагментарные окраины и душевный центр — событийный центр.

Ключевые слова: топоним, эргоним, катойконим, *genius loci*, А. Слаповский, Саратов.

Чем «цивилизованнее» эпоха, тем более склонна она делать из простого сложное. Так произошло с античным понятием *Genius loci*. Древние просто верили, что у каждого места есть свое божество-покровитель, и оба они (божество и место) уникальны. Некоторые наши современники разделили единое понятие на место и гения в нынешнем понимании, т.е. выдающегося творческого человека, так или иначе связанного с данным местом и выступающего объектом местной мифологизации или брендинга [Алексеева, 2004]; [Казначеева, 2015]. Уникальность же места (удерживаемая его гением в античном понимании), получает иные обозначения, например текст (*пермский текст* [Абашев, 2004]), гуманитарно-географический образ [Замятин 2005], топонимический концепт [Щербак, 2009]. Даже П. Вайль в книге эссе «Гений места», описывая собственные впечатления от городов, выносит в названия глав пары «город — писатель» (*Афины — Аристофан, Рим — Петроний*) [Вайль, 2010]. Полная реконструкция *genius loci* — работа кропотливая и требует учета многих текстов разных авторов [Абашев, 2004], [Замятин, 2005]. Мы предполагаем рассмотреть элементы саратовского *genius loci* в одной его ипостаси — литературно-ономастической.

В данной статье мы ограничимся парой *Саратов — Слаповский*. А. Слаповский (1957–2023) — российский прозаик и драматург, лауреат многочисленных литературных премий, широкому читателю (зрителю) известен более как сценарист («Участок», «Остановка по требованию»), до 2001 г. жил и работал в Саратове. Объектом наших наблюдений стала его саратовская проза 1990-х — начала 2000-х: сборник рассказов «Антиабсурд, или книга для тех, кто не любит читать», роман «Я — не я», повести «Гибель гитариста», «День денег», «Кумир». Данный автор выбран нами по нескольким причинам. Главная: далеко не все саратовские писатели, помещая своих героев в пространство родного города, вводят в текст имя самого города (что сдвигает фокус проблемы в сферу литературоведения), и никто другой, кроме А. Слаповского, не делает Саратов героем своих произведений, по значимости сопоставимым с остальными персонажами; постоянная авторская рефлексия позволяет искать *genius loci* Саратова в творчестве именно этого писателя. С точки зрения ономастики, по нашим наблюдениям, ничья другая саратовская проза не является столь насыщенной топонимами и эргонимами, как локальными, так и сторонними, что дает возможность рассмотреть роль онимии в целом (а не только имени города) в создании литературного образа города. И, наконец, автор использует исключительно реальные, при этом весьма типичные, повсеместно распространенные онимы, которые не всегда рассматриваются исследователями с точки зрения их функций в художественном тексте.

Пренебрегая дискуссионностью термина «концепт», можно сказать, что Саратов для Слаповского концептуален. Он не только избирается местом действия произведений «в реалистической транскрипции» (авторское обозначение жанра), но и почти всегда называется прямо (в 20 произведениях, тогда как только саратовские объекты-реалии упоминаются лишь в пяти). Имя города выносится в сильные текстовые позиции: *Случилось это, сами понимаете, в городе Саратове, поскольку ни в каком другом месте случиться не могло, даже если б захотело* (начало повести «День денег»); *И меня еще спрашивают, почему я из Саратова не еду!* (конец рассказа «Автомобиль не роскошь»), *В поезде №13 Саратов — Москва* (конец рассказа «Чистота»).

Авторское отношение к Саратову неоднозначно, о чем говорится прямо (и от лица героев, и от лица автора): *гнусный город* («Я — не я»); *в этом гадком пыльном городе; в большом местами и временами красивом волжском городе Саратове* («День денег»); *Саратов — замечательный город, хоть я его и не люблю; Сергею трудней не любить свой Саратов, чем мне Волгоград* («Кумир»); *Со школьных времен запомнил народное саратовское речение, что, дескать, в России три города-матери: Москва-мать, Одесса-мама и Саратов, так его мать!* («Род городов»).

Саратов концептуализируется А. Слаповским как символ русской провинции: *Я люблю его как раз за то, что он похож на множество других российских городов, попадая в которые чувствуешь себя так, будто никуда не уезжал...* («Я — не я»); *там и домов старых много, и улицы уютные есть и полуразвалившиеся дома и пустыри в достаточном количестве* («Кумир»). Поэтому концептуализация происходит «от противного» — через отрицание привычных, «индивидуализирующих» городских символов: *У нас великая река Волга... но она и у Казани, и у Самары, и у Камышина. У нас жил и работал... Н. Г. Чернышевский, но... в каждом городе в своё время кто-то жил и работал. У нас развитая промышленность и богатые культурные традиции, но... где же нет хоть какой-нибудь промышленности и хоть каких-нибудь традиций?* («Я — не я»). Внешнее снятие индивидуализации осуществляется и выбором задействованных топонимов: улицы Советская, Рабочая, Горького, Мичурина и т.п. есть во многих российских городах. Объекты, традиционно позиционируемые как достопримечательности Саратова, упоминаются вскользь и не становятся предметом авторского внимания, описания или рефлексии: магазин «Мелодия», что возле **консерватории** («Гибель гитариста»); на лавочке в сквере между **Крытым рынком и цирком** («День денег»); в саду возле **музея Радищева** («Больше не могу»). Метод «от противного» срабатывает и в употреблении официальных названий объектов, которые в обиходе, разумеется, называются иначе, что создает дистанцию между авторской и официально-идентифицирующей трактовкой городской среды: *отделение русского языка и литературы филологического факультета государственного университета имени Николая Гавриловича Чернышевского* («Излишне говорить»); *зам. нач. сар. отд. Прив. ж.д.* («Гад такой»); *Государственный Подшипниковый Завод Номер Три (ППЗ-3)* («Без названия»).

Саратов в произведениях А. Слаповского словно противопоставлен остальному миру. Кроме Саратова, в мире реально существует Москва, куда или откуда ездят многие персонажи и их знакомые и куда ходит поезд № 13 (упоминается в нескольких произведениях), а Павелецкий вокзал (упоминаемый дважды), таким образом, тоже признается как бы частью Саратова. Иные называемые реальные локусы (за исключением Сочи в романе «Я — не я») не играют сюжетообразующей роли, их имена легко могут быть заменены другими без ущерба для замысла произведения. Например, герой рассказа «Двойники» имеет девушек в *Новосибирске, Томске, Екатеринбурге, Макеевке, в Москве, в Санкт-Петербурге, в Пензе, в рабочем поселке Вырино Красноярского края, в селе Шеварнак Ахтубинского района Волгоградской области, на станции Докторовка Приволжской железной дороги, в городах Авиньон (Франция), Париж (Франция), Уотерфорд (США), Кассель (Германия)*. Показателен способ ввода в текст подобных незначимых топонимов: *где-то* в Улан-Удэ, *то ли* в Йошкар-Оле («День денег»); *из какого-то вообще Акмолинска* («Гибель гитариста»); *город Гинован на Окинаве (а где это?)* («Я — не я»). Герои повести «День денег» собираются *уехать далеко-далеко и начать новую жизнь*; этим далеко выбирается Нерюнгри, потому что *название нравится*. Все перечисленные и другие населенные пункты представляются такими же далекими и полуреальными, как и упоминаемые Австралия, Южная Африка, Антарктида, Ганг или Флорида, где, кстати, состоялся Международный криминальный симпозиум («День денег») и откуда летит на Саратов атомная бомба («Я — не я»).

Сам Саратов делится на концептуально значимый центр и незначимые окраины. О неконцептуальности окраин говорит их скупое, фрагментарное отражение средствами топонимии — названиями не улиц, а больших пространств: микрорайоны *Шестой квартал* (упомянут дважды), *Комсомольский поселок, Молодежный* (далеко не все из реальных окраин), лесопарк *Кумысная поляна, Жареный бугор* (место, где расположено городское кладбище, эвфемизм самого кладбища). Есть на окраинах (или уже за окраинами) и некоторые объекты: *Елишанская птицефабрика* (Елшанка — один из окраинных микрорайонов), *кинотеатр «Саратов», пансионаты «Волжские дали», «Заря», «Волга»*. Герои А. Слаповского редко живут на окраинах, а если и живут, то автор предпочитает не говорить об этом прямо. Они могут ехать *в троллейбусе номер десять, что соединяет вокзал города Саратова и окраину* («Одноклассники») или *до Государственного Подшипникового Завода Номер Три (ППЗ-3)* («Без названия»), также расположенного на окраине. Не становятся окраины и местом действия произведений (максимум, отдельных эпизодов, всегда неприятных). Не они составляют в восприятии автора *genius loci* Саратова. Даже в относительном отдалении от центра практически нет ни улиц, ни иных объектов, —

только сюжетно необходимые. Из улиц — *Вишнёвая, Тулупная* (на ней расположен психоневрологический диспансер, в котором лечится герой романа «Я — не я»). Из объектов — *Сенной рынок, где продают щенков* (герой по сюжету хочет купить щенка); *Дворец спорта «Кристалл»* и находящаяся рядом *гостиница «Олимпия»* (герой предстает в образе популярного музыканта, а в 1990-х «Кристалл» был единственной площадкой для гастролеров).

В противоположность окраинам, центр выписан во всех топонимических и эргонимических деталях. Так, в рассматриваемом материале встретилось 13 годонимов, относящихся к центру города, 17 эргонимов и 3 имени пространств (площадь, парки), не считая единственных в своем роде объектов, называемых апеллятивами (цирк, консерватория, строительный техникум, вокзал).

Фактическая точность воспроизведения городского пространства, возводится А. Слаповским в ранг художественного приема. Показателен, например, такой пассаж, и по сей день актуальный: *На отрезке улицы Мичурина от Рахова до Чапаева, как вы, конечно, знаете, есть по четной стороне только один большой девятиэтажный дом («День денег»)*. Многие поименованные автором объекты существуют до сих пор или прекратили существование не так давно: магазины «Руслан и Людмила», «Три медведя», ресторан «Волга», музей Радищева и др. Акцентирование фактической достоверности создается, в частности, соотносительным названием объектов, например, не (или не только) эргонимами, а отсылками к годонимам: *рюмочная на Ульяновской; магазин, что на углу Чапаева и Ульяновской («День денег»); на улице Рабочей перед зданием строительного техникума («Теория вероятности»); магазин «Зодиак», что на улице Волжской города Саратова («Телефонная история»); достиг угла улиц Горького и Кирова, где и находится ресторан «Россия» («Я — не я»); стадион «Локомотив», что возле вокзала («Происшествие»)*. Нарочитость, приёмность подобных именовании заключается в том, что для саратовцев местоположение многих именуемых объектов не требует уточнения, а для читателей из других городов является сюжетно излишним. Преувеличенная точность, не только топографическая, но и хронологическая, вообще служит у А. Слаповского одним из приемов «абсурдизации» повествования: *проходящий ночной поезд на Москву (№183 Астрахань—Москва, убытие в 1 час 13 минут) («День денег»); 11 июля 1993 года в двенадцать часов дня на углу улиц Мичурина и Чапаева в городе Саратове стоял, ожидая трамвая, Василий Константинович Зинин, 1954 года рождения, работник СЭПО (Саратовское электроагрегатное производственное объединение)...* («Происшествие»); весь сюжет этого одностраничного рассказа состоит в том, что названный гражданин дал другому, столь же подробно охарактеризованному автором, сто рублей). Разновидностью описанного приема можно считать использование парных топонимов — советских и дореволюционных, возвращенных в 1990-е: *к площади Революции (ныне Театральная); до улицы Немецкой (историческое название проспект Кирова — или наоборот?); на улице Немецкой (бывш. проспект Кирова, бывш. Немреспублики); на ул. Большую Казачью (бывш. 20 лет ВЛКСМ)*.

Отдельно следует сказать об особенностях использования годонимов. В Саратове Слаповского центральные улицы делятся на духовные (или душевные?) и событийные — концептуальный фокус и фон. В этом разделении четко просматривается сформулированный выше принцип концептуализации Саратова как символа провинции: местом жительства героев (единственным точно называемым) избирается улица Мичурина («Гибель гитариста», «День денег», «Смысл жизни»), где *только один большой девятиэтажный дом*. Действие повести «Гибель гитариста» постоянно возвращается к саду на ул. Мичурина д. 33; действие романа «День денег» — также к соседней улице Ульяновской, где находятся любимые героями рюмочная и магазин и где возле магазина «Три медведя» они нашли бумажник с миллионами (завязка сюжета); *на улице Лермонтова между домами №17 и №19* возникает вопрос о смысле жизни у героя одноименного рассказа. Улица Мичурина, наверное, самый частотный топоним у Слаповского. Выбор писателя неслучаен: эти улицы, действительно, являются островками тишины и неторопливости в шумном и многолюдном центре. Своеобразным противопоставлением им выглядит путь последовательно по улицам Чапаева, Советской, Горького (на них сосредоточены основные транспортные потоки), Кирова (пешеходная зона), Радищева, и естественной представляется заключительная фраза героини одноименного рассказа: «Больше не могу...» (весь рассказ представляет собой описание данного пути).

Важной ономастической приметой Саратова в творчестве Слаповского становится катойконим *саратовцы*. В сборнике «Мы» имеется отдельный цикл «Краткие очерки о саратовцах» — иронические зарисовки, каждая из которых начинается словом *саратовцы*: *Саратовцы довольно рассеянны и часто теряют ключи от квартиры; Саратовцы в большинстве своем выходят из деревни; Саратовцы очень любят своих девушек и женщин, которые, как известно, самые красивые в России (а следовательно и в мире); Саратовцы такие люди, что им кажется, что все, что происходит с ними, происходит и с другими людьми* и т.д. Первая фраза каждой зарисовки — формулировка тезиса о саратовцах, сюжет — доведение названного свойства до абсурда. Например, начало: *Саратовцы... верят врачам и верят медицине*; сюжет — рассмотрение плакатов в поликлинике; заключение: *И лечиться после этого не спешит, а живет и терпит, зная, что когда придет край, — спасут*. Разумеется, все описанные в данном цикле черты характера и бытового поведения свойственны не только саратовцам, и мы вновь имеем дело с писательской типизацией Саратова как символа провинции. Но, и это важно и принципиально, авторская ирония по отношению к саратовцам, — в то же время и самоирония (например, *Саратовцы любят получать бужеровские премии*). Автор открыто отождествляет себя с жителями родного города: *чувство юмора у меня какое-то интернациональное, и если кто-то падает в лужу, с лестницы или в гололед на перекрестке, я еле удерживаю хохот, я удерживаю его — иначе саратовцы примут меня за чужого, заезжего, а мне этого не хочется, я ведь свой, родной, местный*.

Обобщим наши наблюдения. Наиболее полное выражение саратовский *genius loci* нашел в творчестве А. Слаповского, т.к. для этого прозаика Саратов — не просто место развития фабулы, а предмет постоянной рефлексии, объединяющий ряд сюжетно не связанных произведений. Постоянство Саратова при случайности и взаимозаменяемости остальных упоминаемых топонимов помещает его в центр мира. В то же время суть Саратова видится А. Слаповскому в его типичности и провинциальности, что подчеркивается сознательным устранением из художественного пространства (или затушевыванием) привычных индивидуализирующих символов города. Вместе с тем *genius loci*, отвечающий за неповторимость места, заставляет автора воссоздавать городскую среду саратовского исторического центра фактически достоверно и весьма детально, в том числе средствами онимии (использованием актуальных эргонимов, двойных топонимов, взаимоотсылочного обозначения объектов и локаций). Функциональная нагрузка топонимии в овеществлении *genius loci* заключается в противопоставлении концептуального фокуса и фона, которое проводится на двух уровнях: насыщенный центр — фрагментарные окраины и душевный центр — событийный центр. Воссоздание *genius loci*, «саратовского национального характера», становится для А. Слаповского осознанной задачей, что подчеркивается наличием цикла с катойконимом в заглавии и декларирование собственной принадлежности к саратовцам.

Список источников

1. Абашев В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX в. — Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2000. — 404 с.
2. Алексеева В. Л. Структура концепта «Гений места» // Известия вузов. Сер. «Гуманитарные науки». — 2015. — № 6 (2). — С. 88–91.
3. Вайль П. Л. Гений места. — М. : Corpus, 2010. — 424 с.
4. Замятин Д. Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география. — 2005. — Вып. 2. — С. 276–323.
5. Казначеева Т. А. Концепт «Genius loci» в межкультурном аспекте // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2007. — Т. 13. — С. 180–184.
6. Щербак А. С. основные типы ономастических концептов // Вестник ТГУ. — 2009. — Вып. 10 (78). — С. 169–175.

Сведения об авторе

Данилина Наталия Ивановна — д.филол.н., профессор кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета имени В. И. Разумовского (Саратов, Россия).

ХРЕМАТОНИМЫ ОРУЖИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. В. ДУБОВОГО

***Аннотация.** В ономастике существует большое количество названий объектов материальной культуры. С начала XXI века возрос интерес к изучению онимов, связанных с военной сферой. Военнослужащие контактируют в одинаковой степени как с людьми, так и с техникой, от которой во многом зависит их жизнь и здоровье во время боевых действий, поэтому оружие и машины зачастую наделяются качествами, присущими живым существам. В данной статье рассматриваются официальные и неофициальные хремотонимы оружия и военной техники в произведениях Г. В. Дубового.*

Ключевые слова: ономастика, оним, хремотоним, оплоним, оружие, военная техника, Г. Дубовой.

Геннадий Васильевич Дубовой — журналист, писатель, военный корреспондент, получил широкую известность, как военкор Новороссии, ведущий свои репортажи из зоны боевых действий. Его рассказы и очерки публикуются в России и за рубежом. Критики высоко оценили его книгу «Рыцари Новороссии. Хроники корреспондента легендарного Моторолы», которая «отличается от обычной военной публицистики ярким авторским стилем, искренним, увлекающим в глубины человеческой психики, необыкновенно отточенным и художественно красивым. То, как автор описывает переживание человеком времени и пространства на войне (то проникновенно-мистически, то в остроумно-ироничном ключе), достойно хорошей художественной прозы» [Логвинова]. В 2018 году в Бельгии отдельной книгой вышел рассказ «Увертюра к плачу кукол» на французском языке.

Текстовое пространство произведений военкора Дубового репрезентировано онимами, соответствующими реальному ономастикону. Данная статья посвящена функционированию хремотонимов в творчестве Геннадия Васильевича на примере онимов оружия и военной техники. Вслед за Н. В. Подольской, автор статьи понимает под хремотонимами «собственное имя уникального предмета материальной культуры, произведенного или добытого руками человека» [Подольская, 1988: 146]. М. Е. Ляпидовская вводит для названий различных типов вооружения и военной техники термин «оплоним» [Ляпидовская].

Никаких жестко регламентированных правил присвоения названий оружию и военной техники не существует. Модели и типы вооружения могут называться в честь создателя, аббревиатурно, ассоциативно, по названию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, конкурсу, желанию конструкторов, по литере модификации, по логике серии, по ярко выраженному свойству или действию. Не стоит забывать про военный юмор и жаргон.

Так, в «Рыцарях Новороссии. Хроники корреспондента легендарного Моторолы» военная хремотонимика представлена онимом «Утес»: *Поступила команда об отходе и смене позиции, пацаны несут «Утес», я — с патронными ящиками иду замыкающим* [Дубовой, 2017 (3): 162]. НСВ «Утес» — советский 12,7-мм крупнокалиберный пулемет, потомок легендарного ДШК «Дегтярев-Шпагин крупнокалиберный», предназначенный для борьбы с легкобронированными целями, типа БТР, и огневыми средствами, для уничтожения живой силы противника, например, скопленных пехоты, и поражения воздушных целей, преимущественно низколетящих. Свое название пулемет получил по начальным буквам фамилий авторов, которые его создали: Г. И. Никитин, Ю. М. Соколов и В. И. Волков. Данный хремотоним образован путем буквенной аббревиации. Под аббревиатурным именем, вслед за В. И. Супруном, понимаем «производное имя собственное, образованное путем сокращения производящих слов до одного звука (буквы) или до слога, морфемы» [Супрун, 2011: 136].

Существуют также аббревиатуры НСВТ (модификация — ‘танковый’) и НСВС (модификация — ‘на станке’). Таким образом, хремотоним НСВ становится лексико-семантически значимой единицей, от которой образуется вторичная буквенная аббревиация: к начальным буквам фамилий создателей пулемета добавляется буква *T* или *C*, что вызвано необходимостью уточнения модификации данного оружия.

В военной среде боевой технике зачастую присваиваются неофициальные идентификаторы — прозвища, которые являются частью жаргонной лексики и используются в неформальном общении. Во время боя бойцы в равной степени контактируют как с людьми, так и с техникой, от которой во многом зависит жизнь и здоровье воинов, поэтому вполне логично, что оружие и техника наделяются качествами присущими людям и животным, а при их назывании используются как официальные, так и неофициальные названия. «Таким образом, мы можем выделять особый, пограничный разряд хремотонимов — прозвища военной техники» [Родина, 2017: 71].

За свою довольно долгую службу «Утес» успел повоевать в Афганистане и Чечне. Именно в Чечне за ним закрепилось прозвище **«антиснайпер»**. Большая дальность стрельбы и малозаметность в сочетании со специальным прицелом позволяли «Утесу» эффективно бороться со снайперами противника. На просторах интернета нами также было встречено прозвище **«царь-пулемет»**. За годы эксплуатации пулемет НСВ получил еще одно прозвище — **«Утес Иваныч»**. Присвоение оружию и технике известных русских личных имен традиционно. Русская ментальность «предполагает существование своеобразного отождествления государства как сильного, мощного защитника и человека, представляющего это государство, чему способствуют типичные русские имена» [Родина, 2019 (2): 333]. Например, ГАЗ-67, который внешне напоминает американский автомобиль «Виллис», в российской армии носит прозвище «Иван Виллис».

В силу сохранения секретности, чтобы обеспечить быструю коммуникацию между военными, а также для более легкой идентификации военной техники, ее модификаций и поколений название оружию и технике дается в виде комбинаций цифр и букв. Однако коммуникация между военнослужащими происходит прежде всего с использованием слов — основных знаков, называющих понятия. «Благодаря данной функции лексики в военном подъязыке сформировалась своеобразная система двойной номинации объектов: индексирование по кодификации Вооруженных сил и присвоение словесного ярлыка» [Родина, 2019 (2): 66]. Ко всему прочему военнослужащие находятся в тесном коллективе и ограниченном пространстве, особенно в боевой обстановке, «создавая определенную своеобразную субкультуру, которая, в свою очередь, формирует подъязык, обладающий краткими, ёмкими, выразительными средствами» [Родина, 2017: 71].

Еще один хремотоним встречаем у Дубового в очерке «Русский Солдат Вечной Войны»: **«Шмель»** *выбирает позицию слева от дороги, он должен вступить в бой в ключевой момент. Огнемёт с этим «мохнатым» названием — страшное оружие...* [Дубовой, 2017 (2): 411]. Реактивный пехотный огнемёт РПО-А — советский и российский 93-мм реактивный пехотный огнемёт одноразового применения. Вероятно название «Шмель» было дано оружию за высокую точность стрельбы и за особенности эксплуатации, так как в полете боеприпас огнемёта стабилизируется оперением за счет вращения относительно продольной оси.

Образная основа прозвищ часто имеет метафорическое происхождение. Так, огнемёт «Шмель» имеет следующие прозвища: *Можно сказать, что это русский Змей Горыныч и византийский огонь в одной упаковке* [Ардашев, 2001: 60], *Афганские моджахеды называли его «птайтан-труба» («Шайтан-труба» — прим. автора), «черная смерть». В Российской армии его называют скромнее — «Шмель».* [Ардашев, 2001: 131]. Прозвище «Шайтан-труба» было дано РПО-А ситуативно при следующих обстоятельствах: «изначально огнемёт использовался для «выкуривания» душманов из пещер и подземных убежищ-кяризов» [Ардашев, 2001: 134].

В очерке «Позывной «Корреспондент» Г. В. Дубовой наделяет машину как антропоморфными, так и зооморфными чертами. Как человек она обладает сознанием, волей/безволием, у нее есть кровеносная система, вены. Автомобиль сравнивается с наркозависимым человеком, так как испытывает тяжелое физическое состояние, вызванное воздержанием от приема наркотического средства. Используются и зоомаркеры: «рысак», «скачет». Стоит обратить внимание на то, что автор и водитель, то есть люди, которые используют машину, дают технике прозвище по особенностям эксплуатации, остальные бойцы, называют автомобиль «БТРом», исходя из сходства *Ssang Yong Rexton* с бронетранспортером, основанного на сенсорном взаимодействии, в данном случае, зрительном: *Первым нашим — Корреспондента и Артиста — собственным «джихад-мобилем» стал «кореец-наркоман». Не шучу. Трофейный дизельный Ssang Yong Rexton останавливался в любой момент и требовал дозы — бензиновой инъекции в воздухопроводную «вену». Бойцы, которым мы развозили боеприпасы и продукты называли его «секретным русским бэтэром». Ибо чадил сей «бэтэр» ужасающе, исторгая из выхлопной трубы кометный черный косматый хвост.*

Когда мы вкатывались в «зеленку», украинские наблюдатели, видимо, всерьез полагали, что так дымить может как минимум взвод секретных (поскольку никогда никто их не видел) БТРов <...> Разворачиваемся на площадке перед колбасным цехом — самое открытое простреливаемое место и — из полночи въезжаем в день: над нами зависает «люстра» (осветительная ракета), а наркозависимый внедорожник в очередном приступе «ломки». Глохнет. Вылетаем из салона, ждем темноты и паузы в обстреле. **Впрыснув «корейцу» дозу**, мчимся — ура! Увы. Сразу за ближним блокпостом авто глохнет, а над нами — да-да, снова вспыхивает «люстра». Укрываясь от осколков, ныряем за бетонные блоки. Артист (с того момента уважаемый мной безгранично) вдруг вскакивает на блок и в почти солнечном сиянии нескольких осветительных ракет жестом семафорит Карачуну могучий русский фак. И преспокойненько, помахивая шприцем, топает под осколками к **измученному абстиненцией корейскому рысаку**. **Взбодренный**, тот некоторое время **«скачет»** и — ровно на полпути к возжеленному Интернету — глохнет! Вновь «люстра», визг осколков, **укол в резиновую «вену»** [Дубовой, 2017 (1): 97–98]. В данном отрывке несколько раз встречается неофициальный хрематоним «люстра» — осветительные боеприпасы, предназначенные для освещения местности в темное время суток. Широко применяется на территории современного военного конфликта на территории Украины. Прозвище дано за особенности эксплуатации боеприпасов. Помимо подсветки «люстры» применяются также для оказания на противника психологического давления.

В творчестве Геннадия Васильевича встречаются и другие прозвища военных автомобилей: *Rextop* сгинул при выходе ополчения из Славянска, **«джихад-мобилем №2»** служила нам безотказная русская «Волга-31» <...> **«Джихад-Волга»** несетя под перекрестным огнем снайперов <...> А вскоре безотказная наша русская **«джихад-колесница»** помогла нам настичь и пленить украинский беспилотник [Дубовой, 2017 (1): 98–99]. Есть и совсем сказочное сравнение военного автомобиля, отсылающее читателя к русской народной сказке:

— Жди. Утром придет Моторола, заберет тебя.

— Моторола? А как я его узнаю?

— Узнаешь. — Засмеялся: — **Услышишь грохот громче взрывов, не ошибешься: это лягушонок в коробчонке, твой командир летит на «джихад-мобиле»** [Дубовой, 2017 (2): 407].

В очерке «Русский Солдат Вечной Войны» Г. Дубовой использует следующие прозвища боевой техники. Вертолет огневой поддержки Ми-24 — один из самых известных вертолетов в мире, прозван **«крокодилом»** за мощное вооружение и сильную боевую живучесть. **«Корова»** — тяжелый транспортный вертолет, которому принадлежит действующий мировой рекорд грузоподъемности. Надежный и неприхотливый. Прозвище получил за размеры: **Над нами два «крокодила» (Ми-24) и две «коровы» (Ми-8)** [Дубовой, 2017 (2): 411]. «Сушками» называют самолеты Су-24, Су-25. Именования образованы от официальных названий объектов по созвучию: **Заходят в атаку «сушки», вой, лохматые полосы ракетного зальпа, скрежет** [Дубовой, 2017 (2): 413]. 7,62-мм автомат, сконструированный в 1947 году М. Т. Калашниковым, имеет неофициальное название **«калаш»**, образованное путем усечения основы фамилии конструктора: **Стекла в дверцах авто приспущены, высунуты стволы «калашей» и ручных пулеметов** [Дубовой, 2017 (2): 412–413].

Таким образом, хрематонимы в художественном пространстве Г. В. Дубового отличаются метафоричностью, наличием литературных аллюзий, языковой игрой. Названия российского оружия формируются в основном мелиоративным коннотативным полем. Наряду с официальными названиями военная техника и оружие имеют прозвища, что «представляет собой оригинальную ономастическую группу» [Родина, 2017: 73], которая подлечит структурно-семантической классификации. Прозвища даются технике за особенности внешнего вида, характер издаваемых звуков, особенности эксплуатации, ситуативно.

Список источников

1. Ардашев А. Н. Огнемтно-зажигательное оружие : ил. справ. — М. : Астрель : АСТ, 2001. — 288 с.
2. Дубовой Г. Позывной «Корреспондент» // На переднем крае. Битва за Новороссию в мемуарах ее защитников / сост. Е. В. Семенова. — М. : Традиция, 2017(1). — 488 с. — С. 91–103.
3. Дубовой Г. Русский Солдат Вечной Войны // Добровольцы. Век XXI. Битва за Новороссию в портретах ее героев / сост. Е. В. Семенова. — М. : Традиция, 2017(2). — 488 с. — С. 405–425.

4. Дубовой Г. Рыцари Новороссии. Хроники корреспондента легендарного Моторолы. — М. : Кн. мир, 2017. — 320 с. (3).
5. Ляпидовская М. Е. О некоторых особенностях номинации единиц военной техники и орудий // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — № 1. — DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.43>. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-nominatsii-edinit-voennoy-tehniki-i-orudiy/viewer> (дата обращения: 11.07.2023).
6. Логвинова И. В. Красота как мера духовности в рассказе Геннадия Дубового «Увертюра к плачу кукол». — URL : <https://od-novorossia.livejournal.com/2220808.html?ysclid=l48de7q1bk576071571> (дата обращения: 11.06.2023).
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд. перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
8. Родина Н. А. Военная хремотонимика. Прозвища военной техники как особый вид онимов // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. — 2017. — № 5. — С. 70–74.
9. Родина Н. А. Лексико-семантическая характеристика ассоциативных хремотонимов в Российской армии (на материале названий военной техники) // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. — 2019. — № 7. — С. 64–72.
10. Родина Н. А. Юмористические мотивы номинации российской военной техники // Неофилология. — 2019. — Т. 5. — № 19. — С. 327–336. — DOI: 10.20310/2587-6953-2019-5-19-327-336.
11. Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — № 8 (62). — С. 133–138.

Сведения об авторе

Демидович Татьяна Викторовна — к.филол.н., старший преподаватель, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва, Россия).

В. М. Калинин

О МЫСЛЯХ, «ИЗРЕЧЕННЫХ» ПОЭТОНИМАМИ (ИЗ ФИЛОЛОСОФИЧЕСКИХ ОПЫТОВ ДИЛЕТАНТА)

***Аннотация.** Представлена попытка проникнуть в сокрытые от любопытствующих “недра” поэтонимии, функционирующей в литературно-художественных текстах, и, хотя бы гипотетически, предположить, как устроен таинственный механизм превращения имени в поэтоним. Феноменология поэтонима обсуждается на фоне необходимых уточнений, касающихся той части метаязыка поэтонимологии, в которой трактуется таксономия избранного для анализов множества как принципиально специфической категории собственных имён.*

***Ключевые слова:** метаязык; объект именованя; оним; память; поэтоним; словесность; художественное произведение.*

*Имя — тончайшая плоть, посредством
которой объявляется духовная сущность.*

П. Флоренский.

Пускай в душевной глубине

Встают и заходят оне...

Ф. Тютчев.

От “филолософствующего”, если даже он дилетант, требуется особенно ответственное отношение к каждому слову и понятию метаязыка той области, о которой он размышляет. Рассуждать же придётся о феноменологии поэтонима как явления в мире слов уникального.

Просто заглянув во второе издание всё ещё остающегося образцовым «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, *поэтоним* можно и не заметить. Он вписан в скобках при термине ПОЭТИЧЕСКОЕ ИМЯ в качестве варианта «менее удачного, менее употребительного, но зарегистрированного в литературе» [Подольская, 1988: 21]. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Словарь издан в 1988 году, а автор предлагаемого вниманию читателей “опыта” только “заявил” об использовании термина *поэтоним* для обозначения любых собственных имён в литературно-художественных произведениях в середине 80-х годов прошлого века, да “закрепил” его в АКД. Что касается указанного выше словаря, то в нём дефинитивная часть словарной статьи выглядит следующим образом: «**ПОЭТИЧЕСКОЕ ИМЯ** (поэтоним) — Имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило относится к категории вымышленных имён, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинации тех и других. *Происх.*: греч. ποιητική ‘искусство творения’. *Употр.*: многие авторы: Карпенко, 1985; Калинин, 1988. *Примеч.*: в художественных текстах различных авторов встречаются имена собственные любых классов...» [Подольская, 1988: 108]. Приведённого фрагмента словарной статьи достаточно для дальнейшего обсуждения. Однако необходимо отметить два момента: 1) Ю. А. Карпенко термин *поэтоним* хвалил, считал “исключительно удачным”, но в своих работах этим вариантом понятия так и не воспользовался; 2) в дефиниции (подчеркну особо) указано, что поэтонимы это “имена собственные *любых* классов”.

Сказать, что термин легко “проложил дорогу” и уверенно закрепился в научной дисциплине, именованной *литературной ономастикой*, а ныне всё чаще называемой *поэтонимологией*, было бы самонадеянным. Поэтому некоторое пространство этого “опыта” снова придётся отдать разъяснениям. И хотя сегодня *поэтоним* уже довольно прочно вошёл “в обиход” публикаций, посвящённых функционированию собственных имён в литературно-художественных текстах, “радоваться” рано. Ведь параллельно с ним продолжают использоваться другие, чаще традиционные или “устаревшие”, хотя случаются и новые, термины. А понятие *поэтоним* многими исследователями, к сожалению, по-прежнему понимается превратно. Так, уже неоднократно цитировавшийся в других публикациях «Словник української ономастичної термінології» спустя почти четверть века после словаря Н. В. Подольской трактует термин *поэтоним* ошибочно: «**ПОЕТОНИМ, або літературно-художній онім** (див.), вид ідеоніма (див.), підвид хремадоніма (див.), будь яка власна назва у художньому творі; цим терміном послідовно послуговуються представники донецької ономастичної школи на означення власних назв у художньому (поетичному, прозовому, драматичному творі)» [Словник, 2012: 150].

Всё правильно, но, “почти”.

Ошибочной трактовки понятия *поэтоним* составителям словаря показалось недостаточно, и они (не иначе, как в предвидении имевшегося уже тогда и накалившегося сейчас идейного, а теперь и военного противостояния) написали: «Все ж не кожний онім, вживаний у літературі, можна вважати поетонімом, наприклад, антропоніми на зразок *Ленін, Сталін, Гітлер, Дзержинський* і под.» [Словник, 2012: 21]. Тут, как говорится, “обмишулились”: наверное, сегодня имя *Гітлер* наравне с именем *Бандера* могло бы претендовать на роль “поэтонима” в украинской литературе. Однако, если оставить в стороне идеологическую составляющую пассажа, то в нём отчётливо проявится другая сторона ошибки, возникшая по двум причинам: сближения понятия *поэтоним* с поэзией (др.-гр. ποιησις) вместо подразумеваемой внутренней формы термина *поэтикой* (др.-гр. ποιητική τέχνη), а также из-за попытки “наградить” мелиоративными коннотациями нейтральное, по определению, средство обозначения — термин *поэтоним*.

Далее: и хремадоним, и его “подвид” идеоним — это *разряды* онимов. Термином *хремадоним* (вид прагмадонима) принято называть «собственное имя уникального предмета материальной культуры, произведённого или добытого руками человека» [Подольская, 1988: 146], а под термином “идеоним” «пока условно (курсив мой. — В. К.), объединены различные категории имён собственных, имеющие денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности» [Подольская, 1988: 61].

По существу, любая попытка деления некоторого множества чем-то или в чём-то “похожих” единиц языка может быть названа *классифицированием*, а полученный результат — таксономией,

возможно [чтобы не повторить первоначальный метаязыковой “недосмотр” ономастики ¹], — таксономом ² (от др.-греч. τάξις — порядок и νόμος — закон).

Опыт классифицирования был предпринят и поэтонимологией, наукой всё ещё молодой, но уже вступающей в пору зрелости. Результат применения таксономических опытов к поэтонимии в настоящее время можно представить в виде одного из ответвлений древовидной структуры классификаций. На счету у языкознания огромное количество попыток классификации словарного состава конкретных языков. Как испокон веку известно, средства языка, используемые для называния, обозначают понятием ИМЯ. Наиболее привлекательным для поэтонимологии способом отделения “зёрен от плевел” можно считать применённую к лексике дихотомию *имя / не имя*. Разнообразие средств “номинарующего хозяйства языков” породило множество подходов к “наведению порядка”, поэтому процедура однозначного деления массива «словесное» надвое удобна тем, что позволяет обозначить корневой таксон нашей классификации как ИМЯ. Его, в свою очередь, можно представить разделённым на две категории *имя нарицательное / имя собственное (оним)*, различавшиеся, как известно, уже во времена Продика ³.

Следующим актом классифицирования имён собственных будет шаг *оним / поэтоним*, к обсуждению которого уже можно приступить.

Однако, прежде, чем продолжить представление поэтонимологической таксономии, имеет смысл рассмотреть фактически укладываемое в статус аксиомы “филолософическое” предположение, что поэтоним как явление, рождённое в недрах художественной литературы, появиться ранее самой среды существования попросту не мог, разве что в “пренатальном” состоянии. Следовательно, во-первых, имена, использовавшиеся в письменных и, тем более, в устных текстах до появления литературы, называемой художественной, квалифицировать как поэтонимы — опрометчиво. Однако (раньше это было “во-вторых”, а в настоящее время всё чаще сблизается с “во-первых” в форме сложносочинённого, лишь в некотором смысле “противительного” высказывания), между художественной и “дохудожественной”, но уже словесностью, ни демаркационные линии, ни, тем более, “государственные границы” не проложены до сих пор, и, думается, вряд ли это когда-нибудь случится. Здесь придётся вспомнить Г. Гийома, указавшего на *процессуальность* как принцип существования, так и способ анализа языковых явлений, и заявить, что поскольку рождение художественной литературы было длительным, многовековым процессом, то и у поэтонимов “пренатальное” состояние тоже было весьма долгим.

За это время собственные имена в текстах, обобщённо именуемых *словесностью* ⁴, обрели некоторые свойства, опробовали возможности и начали устойчиво соотноситься с риторическими средствами выразительности (*elocutio*).

Иными словами, в художественную литературу имена вошли уже “вооружёнными”, по крайней мере фигуративно, и, адаптировавшись в среде обитания, превратились в поэтонимы, продолжая развивать специальные свойства. При этом нужно признать, что собственные имена в дохудожественной словесности уже могли и, случалось, исполняли, пользуясь словарным определением поэтонима, «характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [Подольская, 1988: 108]. Собственное имя в художественном произведении многофункционально, однако, не выполняя обязательных языковых функций (номинативной, идентификационной, дифференцирующей) оно попросту не будет восприниматься как имя. Фрагмент дефиниции поэтонима из словаря Н. В. Подольской, в определённой мере приложимый к собственным именам в дохудожественной литературе, ясно указывает на то, что такое определение оказывается недостаточным для отнесения имени к поэтонимам. На обязательные и указанные в дефиниции

¹ В начальный период становления науки о собственных именах одним и тем же термином назывались и предмет исследования и наука – *ономастика*. Позднее учёные договорились (хотя некоторые всё равно остались верны традиции) для совокупности имён использовать термин *онимия*, что позволило предмету науки и её название разграничить.

² Для различения названия науки и продукта, полученного в результате её применения.

³ Древнегреческий философ, “старший софист”, лингвист и этик Продик (Πρόδικος, 465 д. н. э.– 395 д. н. э.) занимался вопросами синонимии, омонимии и разделил имена на общие и собственные.

⁴ Сюда нужно отнести также любые формы существования мифологических и фольклорных текстов.

“поэтические” функции имени наслаивается много других, позволяющих не только использовать имя в выразительных целях, но и актуализировать исключительно специфические, превращающие имя в поэтоним.

Основанием для выделения поэтонимов в особую **категию**⁵ имён являются две их характеристики. А кардинальным отличием поэтонима от онима являются вовсе не “художественные” (образные) его свойства, а 1) взаимоотношение с объектами именованного в “материальных” границах художественного произведения и 2) неизбежно исполняемая поэтонимом кумулятивная функция. Оним при всей своей “генетической” близости к поэтониму такую “работу” либо не выполняет, преимущественно оставаясь номинативным средством, либо выполняет в незначительной мере в узком кругу пользователей языка⁶. Поэтоним же, функционируя в литературно-художественном произведении, обязательно аккумулирует в себе всю информацию об объекте именованного, представленную в тексте.

Ответить на вопрос о том, как и в каком виде сохраняется информация о поименованном объекте, ограничив возможности филолософствования только филологическими методами и приёмами добывания знаний, можно лишь “*со-мнительно*”-гипотетически. Однако, попытавшись привлечь к изложению *нашего мнения* понятия и термины из гуманитарного и даже естественнонаучного “ореола” филологии, можно представить более или менее ясную (хотя и остающуюся гипотетической) картину.

При этом очень важно хранить “в уме” мнение “конкретного метафизика”, философа-антрополога и богослова о. Павла Флоренского, эпиграфом к своему сочинению об именах выбравшего слова автора «Философии имени» А. Ф. Лосева: «... Человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живёт он в глухонемой действительности»⁷, — и следующим образом сформулировавшего своё отношение к собственным именам: «Имя — новый высший род слова и никаким конечным числом слов и отдельных признаков не может быть развёрнуто сполна. <...> Но как имя воплощено в звуке, то и духовная сущность его постигается преимущественно вчувствованием в звуковую его плоть» [Флоренский, 2006: 440].

Любое воспринимаемое на слух или визуальное слово воздействует на сознание реципиента прежде всего материально, становясь источником раздражения слуховых анализаторов либо напрямую, либо опосредованно: графический образ имени “озвучивается” во внутренней речи. В основе психофизиологического механизма реагирования, в том числе эстетического, на имя, по-видимому, лежит сложный комплекс факторов различной природы. С точки зрения физиолога, изучающего поведение организма, системы или отдельного органа в условиях различных внешних и внутренних воздействий, можно (конечно, предельно упрощённо) говорить о реакции на возбуждение, вызванной звуковым или визуальным стимулом. Стандартные, привычные воздействия вызывают естественные (бессознательные) реакции. Возбуждение, выходящее за рамки нормального (привычного), фиксируется сознанием и сохраняется в памяти. Психофизиолог, исходя из анализа деятельности слуховых и зрительных рецепторов в предлагаемых обстоятельствах, очевидно, объяснит ту или иную реакцию на услышанное или написанное собственное имя специфическим функционированием нейронов в процессе высшей нервной деятельности. Психолог, заинтересованный качеством психического отражения индивидом объективной реальности, скажет, что необычное или особым образом организованное сочетание звуков вызывает естественную слуховую реакцию, которая становится источником, порождающим либо наслаждение, либо неудовольствие. Эстетик попытается найти свой, гуманитарный ответ, привлекая категории прекрасного, ценности и оценки, традиции и новаторства, узнавания и удивления, ритма и гармонии и т.д. Однако останутся не обозначенными филологические аспекты

⁵ Категория — наиболее общее априорное понятие, используемое здесь для разграничения двух подклассов собственных имён на третьем (*оним / поэтоним*) уровне построения таксономической теории поэтонимологии.

⁶ В бытовом речевом общении часто можно наблюдать ситуацию “вспоминания”: «Это сказал (сделал) Иван». А на уточняющий вопрос: «Какой?» — излагается актуальная для данного случая информация об объекте именованного.

⁷ Фрагмент из эпиграфа к книге «Имена» [Флоренский 2006, с.434].

сознательного использования автором художественного произведения того или иного имени для целенаправленного воздействия на читательское восприятие и множество других вопросов, в том числе, о том, каким образом собственное имя в художественном тексте не только превращается в поэтоним, но и сохраняется в памяти поколений читателей как слово, коннотирующее целый спектр смыслов, составляющих пусть малый, но несомненно значимый фрагмент семиосферы национальной, а случается, и мировой культуры. Ответы на эти и множество других, пока даже не поставленных, но предчувствуемых вопросов пытается дать поэтономология, наука, специально исследующая поведение проприальных единиц в художественном тексте.

Возвратимся к обсуждению процесса накопления именем сведений об объекте именованного. В основе аккумуляции информации поэтонимом лежит механизм памяти. Поскольку память относится к основным познавательным процессам, обойтись без её участия в объяснении феномена накопления информации поэтонимами в художественном произведении не удастся. Средоточием механизма памяти является головной мозг⁸. Ближе к концу XX века для сторонников “топографирования” функций мозга по отдельным его участкам достаточно привлекательной новостью стало обнаружение участия мозжечка в процессах накопления опыта, памяти и мышления.

Согласимся с тем, что мозг по отношению к получаемой от органов восприятия информации действует весьма избирательно: что-то хранит мгновения (кратковременная память), чем-то пользуется дольше, обслуживая решение задач посложнее (оперативная память), а что-то отправляет в долговременную память. При этом важно понимать, что информация, невостребованная обстоятельствами воспоминания, мозгом вначале частично, а потом и полностью аннулируется.

Относительно объектов, имеющих собственные имена в художественной литературе, нужно говорить особо и много. Они — “плоть от плоти” (хотя, может быть, правильнее сказать “духовное от духовного”) творческой деятельности художников слова. То, что не каждому писателю удаётся создать образы, сопоставимые по выразительности, например, с действующими лицами комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», героями романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» и даже с персонажами маленького рассказа «Толстый и тонкий» А. П. Чехова, связав их неразрывно с именами, лишь свидетельство того, что гениям удаётся сделать много больше того, что может сделать рядовой “труженик пера”. А поэтономологический вывод прост, как просты слова: «Кто вникал, как зачинаются и рождаются художественные образы и каково внутреннее отношение к ним художника, тому ясно, что объявить имена случайными кличками, а не средоточными ядрами самых образов — всё равно, что обвинить в субъективности и случайности всю словесность как таковую, по самому роду её» [Флоренский, 2006: 447].

Список источников

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
2. Флоренский П. А. Ономатология // Имена : соч. — М. : Эксмо, 2006. — С. 433–507.
3. Словник української ономастичної термінології / уклад. Д. Г. Бучко, Н. В. Ткачова. — Харків : Ранок — НТ, 2012. — 256 с.

Сведения об авторе

Калинкин Валерий Михайлович — д.филол.н., профессор кафедры русского языка Донецкого государственного университета (Донецк, Россия).

⁷ Все обсуждение проблем, связанных с высшей нервной деятельностью, сведено к простейшим и общеизвестным (сегодня — по сути — тривиальным) фактам. Любой человек, заинтересовавшийся “подробностями” сможет найти необходимые сведения в популярных статьях, не говоря уж о специальной литературе, размещённой даже в Интернете.

РУССКИЙ ОНОМАСТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАЛЕНДАРЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ В РОССИИ И В МИРЕ

Аннотация: Анекдоты давно уже стали любимым жанром русского фольклора. Этот жанр настойчиво и тщательно отбирает нюансы политической, экономической и социально-культурной жизни как в России, так за рубежом. Причем в данной статье рассматриваются лишь анекдоты, содержащие работающие на содержание ономастические единицы. Анализ показал, что практически в каждом анекдоте такая единица является конфликтообразующим центром.

Ключевые слова: анекдот, тема анекдота, контаминация, хронология и хронотоп в анекдоте, юмор, сатира, гипербола.

Всем, видимо, пришлось встретиться с таким уникальным, а в то же время универсальным явлением отражения хронотопа дыхания Российской державы. Мне пришлось долгое время работать над ономастическим каламбуром в истории отечественной прозы и поэзии. Опыт такого исследования завершился небольшой книгой «Именной каламбур русских писателей» [Ковалев, 2014].

Конечно же, такой материал ограничивался специфическим каламбуром с участием различных ономастических единиц в авторском тексте. Но оказалось, что рядом идет большой, даже громадный, поток использования ономастических единиц в таких жанрах уже не чисто писательского труда, а жизни массовой культуры в слове. Такими жанрами оказались анекдоты, шутки, афоризмы, изменённые «крылатые слова» и сентенции известных в истории человечества личностей. Более близкое общение с таким вулканическим материалом выявило характерную особенность: имена собственные всегда оказываются участниками в поле игры и в поле изменения интонации и семантики таких юмористических или сатирических текстов.

Более того, именно ономастические единицы, как верстовые столбы, ярко и образно показывают путь и хронограф нашей истории, пусть весьма специфическим форматом, но абсолютно верно и дотошно, чего не способны достигать крупные литературные и даже исторические произведения. Справедливо отмечала В. А. Кухаренко: «... имена собственные, входя в произведение, выходят из него семантически обогащенными и выступают как сигнал, возбуждающий большой комплекс ассоциативных значений» [Кухаренко, 1988: 11]. А ведь это определенно распространяется и на анекдоты, шутки и афоризмы!

Характерно, что анекдоты, практически не меняя своего смысла и содержания, переносят нас в различные эпохи и ситуации только за счет изменения ономастических точек отсчета фамилии, топонимы, названия организаций... и тому подобное).

Вот как анекдоты, живя во временно'м социуме, фиксируют мелькание имен, тем самым отражая хронотоп. Здесь даю пример различной хронологии использования пушкинского выражения «души прекрасные порывы», в котором семантика существительного «душа» подменена глагольным императивом «души!»).

Следует сказать, что при жизни В. И. Ленина анекдотов о нем было не так много. Они появились в период подготовки к нашему, тогда «глобальному», празднику — 100-летию со Дня Рождения Владимира Ильича. В народе его уважительно называли Ильич, в отличие от того же отчества Л. И. Брежнева, которое называлось крайне иронически: «От Ильича до Ильича» или верноподданнически: «И лично Леониду Ильичу Брежневу».

Дзержинский звонит Ленину:

— Владимир Ильич, когда расстреливать — до или после обеда?

— Пренебреженно до обеда! А обеды отдайте детям — дети рабочих голодают!

Однажды Ленину прислали телеграмму из провинции: «Шкрабы голодают».

— Кто, кто? — не понял Ленин.

— Шкрабы, — сказали ему — это новое обозначение для школьных работников.

— Что за безобразие называть таким отвратительным словом учителя! — возмутился Владимир Ильич.

Через неделю пришла новая телеграмма: «Учителя голодают»

— Вот — совсем другое дело! — обрадовался Ленин.

— Здравствуйте, товарищ ходок, садитесь! Вы, конечно, бедняк?

— Да вот, Володимир Ильич, вроде бы и нет. Лошадь есть у меня...

— Ага, стало быть, товарищ, вы середнячок?

— Да как сказать, Володимир Ильич... Сят каждый день, дети сыты, обуты, так что да... Две лошади у меня, вот как.

— Ага, стало быть, кулачок! Феликс Эдмундович! Расстрелять этого товарища!

Пришли к Ленину рабочие и жалуются, что есть нечего, говорят:

— Сними продразверстку, с голодухи весь овес съели, скоро, как лошади ржать будем.

А Ленин им отвечает:

— Что вы товарищи возмущаетесь. Вот я вчера съел баночку меда и не жужжжу...

— Владимир Ильич, участники кронштадтского мятежа арестованы. Что с ними делать?

— Расстрелять! Но перед расстрелом архиважно напоить чаем. И непременно горячим!

Корреспондент берет интервью у В. И. Ленина:

— Владимир Ильич, как Вы придумали лозунг «Учиться, учиться и учиться»?

— Ничего я не придумывал, это я ручку расписывал!

Вождь революции быстро шел по Смольному в направлении ватерклозета. Навстречу — Горький.

— Владимир Ильич! Я вот, «Мать» написал!

Ильич выхватывает книгу из рук, вырывает страницу и бежит дальше:

— Очень своевременная книга!

Воскрес Ленин и сразу отправился в пивную пообщаться с пролетариатом. Рабочие стоят, выпивают, не обращают на вождя внимания.

— Что, товарищи, не узнаете меня?

— Ванька, гляди, — червонец!

Только после смерти В. И. Ленина, но значительно позднее, к 100-летию юбилею появляется масса издевательских анекдотов:

Телеграмма: «Москва, Кремль, Ленину. Товарищ Ленин, помогите бедному еврею. Рабинович». На следующий день Рабиновича вызывают куда надо:

— Вы в своем уме? Вы что, не знаете, что Ленин давно умер?

— Ну да, у вас всегда так: если вам нужно, так он вечно живой, а если нужно бедному еврею, так он давно умер!

— Я Ленина живым видел!

— А я в гробу!

— Сегодня мы идем в театр! Будем смотреть «Живой труп».

— Надоело уже — всё про Ленина, да про Ленина!

А вот анекдоты о Сталине в основном стали появляться почти сразу после его смерти в 1953 г. Обыгрывался обычно его грузинский акцент, а также метод его ведения разговора:

— Иосиф Виссарионович, смогли бы вы для дела революции расстрелять десять человек?

— Канэшино, Владимир Ильич!

- Скажите, батенька, а десять тысяч человек расстрелять смогли бы?
- Канэшно, Владимир Ильич!
- Так, так, батенька мой... А если бы для революции нужно было расстрелять десять миллионов человек? Смогли бы? — Ленин быстро взглянул на собеседника и хитро прищурился.
- Канэшно, Владимир Ильич!
- Э, нет, батенька мой, вот тут-то мы вас и поправим!

В кабинете главного чекиста страны висел портрет Пушкина. Однажды его спросили:

- Почему у многих портреты Путина, Медведева, а у вас Пушкин?
- Так ведь это же он написал: "Души прекрасные порывы!"

Это почти современная версия из Интернета. А вот близкая к оригиналу версия Иосифа Раскина:

Рассказывали, что в кабинете Ю. В. Андропова висел портрет Пушкина. И кто-то у него спросил: "Юрий Владимирович! А почему — Пушкина? Почему не Урицкого, не Дзержинского, Менжинского? Почему именно — Пушкина?"

— Так ведь Пушкин первый сказал: "Души прекрасные порывы".

В свое время великая наша актриса Фаина Раневская сказала:

— У меня закралось подозрение, что нынешние актеры во фразе «Души прекрасные порывы» полагают, что «души» — это глагол. [Раневская, 2014: 14].

Только те, кто хорошо знает нашу «советскую» историю смогут понять смысл такого анекдота:

— Изя, похоже, в нашей конторе грядут большие перемены.

— С чего ты это взял?

— Сегодня мониторил истории поисковых запросов, так вот: наш главный бухгалтер искал «Уголовный кодекс РФ», «органические яды», «как спрятать труп» и «климат Магадана».

Человек прошлой, досоветской эпохи, наверняка поймет, что главное слово здесь — *Магадан*, и означает оно не только крайний, приполярный Север, но и долгую тюрьму с летальным исходом там же.

Когда Сталина похоронили у кремлевской стены, на его могиле появился венок с надписью: «Посмертно репрессированному от посмертно реабилитированных».

Анекдот откликается на малейшие нюансы в политической сфере: происходит обыгрыш ситуаций, фамилий «героев» политического процесса, приводя повествование к совершенно скабрёзному финалу.

Про Хрущева слагались такие анекдоты:

Приехал Н. С. Хрущев в колхоз, заходит на свиноферму, везде бегают свиньи, хрюкают: "Хрю-хрю-хрю!"

— Сколько вы им даете кормов?

— По 40 килограммов в день.

— Давайте сразу по 80, чтобы они "Хрущев" выговаривали.

Из советских руководителей анекдотное «первенство» по всенародному праву занял Л. И. Брежнев, хотя в его эпоху уже за анекдоты сочиняющих не расстреливали, а рассылали по психлечебницам, откуда они иногда возвращались, но очень запущенными больными. Сам же Брежнев представлялся безграмотным чиновником, потихоньку уходящим от реальной жизни в сторону жестокого старческого маразма, сопровождаемого еще постепенной утратой связной речи:

Брежнев в Средней Азии.

— *Салям алейкум!* — приветствуют его собравшиеся.

— *Алейкум салям!* — отвечает подготовленный Брежнев.

— *Салям алейкум!*
— *Алейкум салям!*
Вдруг кто-то из толпы выкрикивает:
— *Архипелаг Гулаг!*
— *Гулаг Архипелаг!* — *отвечает Брежнев.*

Конечно же, происходило и сопоставление его образа с первыми советскими деятелями:

Брежнев пришел в мавзолей с внуком. Внук спрашивает:
— *Дедушка, а когда ты умрешь, ты тоже будешь здесь жить?*
— *Конечно, отвечает Леонид Ильич.*
Вдруг поднимается Ленин и возмущенно кричит:
— *Вам тут что — общежитие?*

В брежневские времена спрашивали:

— *В чем отличие ленинского субботника от субботника в наши дни?*
А в ответ:
— *Бревно то же самое, а Ильич другой.*

Пришла на прием к Брежневу Надежда Константиновна Крупская. Ему докладывают: "Крупская. Надежда Константиновна". Она заходит к нему в кабинет.

— *Здравствуйте, Леонид Ильич. Я — Крупская. Вы меня должны знать, и моего мужа хорошо знаете. Вы его часто цитируете.*

— *Здравствуйте, дорогая Надежда Константиновна. Конечно, я вас очень хорошо знаю. И вашего мужа хорошо знаю... товарища Крупского.*

Возможно, этот старческий маразм во многом содействовал принятию решения о вводе советских войск в Афганистан. В этом смысле он напоминает нам старика Джозефа Байдена, суетящегося сейчас с проблемами далекой ему Украины. Л. И. Брежнев прославился в качестве писателя, отхватившего самую главную Ленинскую! премию в СССР за написанные для него профессиональными журналистами «мемуары» ("Малая Земля", "Целина", "Возрождение"), прославился званием Маршала СССР, полученным в мирное время (он закончил войну полковником), прославился единственным человеком в СССР, награжденным пятью золотыми медалями Героя Советского Союза (у И. В. Сталина была лишь одна). Но именно это и породило массу анекдотов:

Брежнева водят по Третьяковской галерее. Экскурсовод рассказывает об истории каждой картины.

— *Хорошая картина, — время от времени замечает генсек.*
— *А это, Леонид Ильич, Врубель.*
— *Хорошая картина. И недорогая.*

Почему Брежневу не присваивают звания Генералиссимуса?

— *Потому что он не может выговорить это слово.*

Или:

Является Брежнев на тот свет, пересчитывает золотые звезды (награды) и возмущенно спрашивает:

— *Почему только пять?*
— *У вас было пять.*
— *А посмертно?*

Поэтому, видимо, справедливо отметил фольклорист А. Топорков: «При Хрущеве образ власти вырождается, а при Брежневе миф окончательно теряет связь с жизнью и спускается до анекдота» [Топорков].

Когда к власти пришел малограмотный краснбай М. С. Горбачев, появились анекдоты и о нём.

Когда 11 марта 1985 г. пришел к власти Михаил Сергеевич Горбачев, то из обращения были изъяты две поговорки: "Горбатого могила исправит" и "Бог шельму метит".

Анаграмма в прозаическом анекдоте (гораздо чаще ею камуфлировались неприличные или ругательные слова):

"ГОРБАЧЕВ — Граждане! Обрадовались Рано — Брежнева, Андропова, Черненко Еще Вспомните!"

Характерна фраза Е. Обухова: "После разрушения Берлинской стены Михаил Горбачев написал книгу "Майн кайф" [Литературная газета, 2018: 28].

После поездки в один из северных городов нашей страны Горбачев как-то утром посмотрел на себя в зеркало и увидел, что пропала знаменитая Божья отметина. Он позвонил руководителям города, который он накануне покинул, и спросил, чем это они его так напоили.

— Это вы у себя там в столице пьете коньяки разные и "Абсолюты", а мы здесь только пятновыводитель употребляем.

Действительно, по приходе Михаила Сергеевича к власти решалась проблема: не убрать ли ему его знаменитое пятно на лбу. Вопрос якобы решил сам Горбачев, который от этой идеи отказался наотрез, хотя сделать это было элементарно.

Естественно, досталось и «Райкину мужу» — М. С. Горбачеву, жену которого в народе очень не любили.

— У нас в стране три Райкиных: Райкин-отец, Райкин-сын и Райкин муж.

К 100-летию юбилею В. И. Ленина анекдоты о Чапаеве и чукчах, вполне естественно, были отодвинуты анекдотами о Вовочке и совершенно похабными анекдотами о В. И. Ленине. Вовочка прожил долго и незаметно превратился уже в ипостась В. В. Путина, хотя Владимиром Владимировичем были Маяковский и Набоков.

Активны в наших анекдотах фамилии писателей, из которых лидирует, конечно, А. С. Пушкин — в анекдотах он действительно — «наше всё», причем в этих анекдотах не обходится без скабрёзностей:

Дантес никак не мог решиться нажать на курок. Но услышав грозный окрик своего секунданта — "А стрелять за тебя Пушкин будет?" — вздрогнул и инстинктивно разрядил пистолет в поэта.

Или с цитатой, которая сгодилась на все времена:

*На четвертом энергоблоке установлен плакат с надписью:
"Отсель грозить мы будем шведу". Подпись — "АЭС Пушкин".*

Среди литературных героев лидируют: Буратино, Герасим и Муму, Анна Каренина, Чапаев, Красная Шапочка и, как ни странно, ... Колобок!

Анекдоты о Буратино несколько однообразны: это или псевдосекс (Буратино и Мальвина), или обыгрыш «деревянности» этого персонажа А. Н. Толстого:

Когда Буратино и Мальвина выросли, они поженились и наплодили много мальчиков с деревянными мозгами и девочек с фарфоровой головкой [Мухин, 2017: 155].

— Буратино! Пойдём купаться!

— Спасибо, Мальвина, но я боюсь утонуть.

— Глупенький — ты же деревянный!

— Рубль тоже так думал.

Затонул «Титаник». Всплывает Ди Каприо, смотрит по сторонам и видит: Мальвина держится за Буратино, Чебурашка плавает на Гене, Малыш летит на Карлсоне. Ди Каприо печально вздыхает:

— Эх, у всех любовь как любовь, а у меня...

— Вот видите, Буратино до сих пор согревает наши сердца...

— сказала Мальвина и подбросила в костер полено.

Буратино не любил книги, так как знал, что на бумагу для них уходит не одно полено.

Учительница на уроке литературы:

— Дети, а какой национальности был Буратино?

Отвечает Петя:

— Он был русским. Книжка же на русском языке написана.

Вася:

— Нет, он был итальянцем, ведь автор итальянец!

Вовочка с задней парты:

— Да какой он русский или итальянец? Там же прямо черным по белому написано: «Взял папа Карло чурку».

Страшно даже подумать, сколько бы мог стоить сейчас Буратино, если бы у папы Карло была фамилия "Страдивари"!

Как-то раз Буратино обнаружил у себя жучка и подумал: "Вот и до меня добрались проклятые спецслужбы!"

Сравните с другим анекдотом:

Грызут два жучка-короеда деревяшку. Один другому и говорит:

— Ну, и что? Обыкновенное дерево! А ты все твердил: «Страдивари, Страдивари!...»

Почему герои И. С. Тургенева Герасим и Муму попали во множество анекдотов, редко связанных со школьнолитературной практикой? Да потому, что они ОТВЕРЖЕННЫЕ, — их необходимо ЖАЛЕТЬ! Пусть и с иронией, но сказано справедливо:

— Какой литературный герой лучше всего выражает голос нашего народа?

— Герасим из "Муму".

Вопрос на засыпку: почему собачку звали Муму? Честно глядя на меня честными глазами, сын ответил — собачка не умела лаять, не умела.. только мычала — му-му...

Муму, как много этим словом

Герасим выразить хотел...

Муму: Ты куда меня везешь?

Герасим: Ты Тургенева читала?

Муму: Только "Отцы и дети".

Герасим: Тогда сюрприз.

Плывут Герасим и Муму в лодке, Муму говорит:

— Герасим! По-моему, ты мне что-то не договариваешь!

— Не топи меня, — сказала Муму.

— Не ори на меня, — ответил Герасим.

Капитанка спрашивает у Муму:

— Ну что задумалась, мать?

— Да вот не знаю, что делать — то ли с Герасимом на рыбалку идти, то ли с Сусаниным в лес за грибами.

Герасим всегда отличался своими утопическими взглядами.

А. М. Горькому очень нравился рассказ Тургенева "Муму". И он даже задумал продолжение этого рассказа и написал его. Сперва он хотел назвать новый рассказ "Муму-2", но подумал-подумал и назвал его просто — "На дне".

*На верфи города N*ска готовятся к спуску на воду подводная лодка "Муму" и большой противолодочный корабль "Герасим".*

Без слёз невозможно читать и скабрёзные анекдоты об Анне Карениной, очень хрупком персонаже Л. Н. Толстого:

Ария паровоза из оперы "Анна Каренина".

Из школьного сочинения:

"Анна Каренина переходила железнодорожный переезд в наушниках и с опущенным капюшоном".

Анна Каренина в юности очень боялась, что её замуж никто не возьмет.

— Не плачь, Анна, — бывало, утешает её мать, — твой поезд ещё не пришел.

Сколько ни бросалось женищин под поезд, а Анной Карениной ни одна, так и не стала...

"Фаина Георгиевна Раневская приехала однажды на отдых в Репино. Наутро ее подружка Татьяна Ованесова, разбуженная шумом проходящей электрички, постучалась к Раневской.

— Как отдыхали, Фаина Георгиевна?

— Танечка, как называется этот дом отдыха?

— Имени Яблочкиной.

— Почему не имени Анны Карениной? Я всю ночь спала под поездом" [Синдаловский, 2002: 34–35].

В сюжеты анекдотов с Анной Карениной позднее стали вплетать чапаевский персонаж Д. С. Фурманова — Анку, а еще позднее — булгаковскую Аннушку из «Мастера и Маргариты»:

Вронский, провожая Каренину у порога:

— Аннушка, душа моя, ты на вокзал? —

Нет, на Патриаршие.

— А масло подсолнечное зачем тебе?

На экзамене. Преподаватель:

— Ваше имя и фамилия?

— Если не сдам, то — Анна Каренина.

Характерно, что очень редки анекдоты на шекспировские темы, практически совсем нет анекдотов о таком, казалось бы, комическом персонаже, как Дон-Кихот. Могу лишь привести реплику М. Н. Задорнова:

«Только наш человек, не имея даже начатого начального образования, все равно может угадать, что коня Дон Кихота звали Россинант, при том, что сам никогда не читал Дон Кихота и уверен, что самого "Дон Кихота" написал сам Дон Кихот».

Полагаю, что здесь наш великий юморист не совсем прав. Как ни странно, но в этом испанце заложен... прекрасный русский менталитет, который постоянно двигает его ЗАЩИЩАТЬ. А о наших защитниках анекдоты у нас сочиняют только русофобы.

Некоторым персонажам для всеобщего обозрения книжных текстов не хватило, только из киногероев в анекдоты ушли: Чапаев, Штирлиц и... поручик Ржевский. Таким в анекдотах предстал Василий Иванович Чапаев, сочетающий в себе несовместимые хронологические контаминации:

— Василий Иванович, к нам Андже́ла Девис приехала в гости.

— К стенке её.

— Ты что, с ума сошёл, она же негритянка, борец за свободу, её все в мире знают, натерпелась от пиндосов.

— Ладно, Петька, уговорил. Пусть с краю ложится.

Подходит Чапаев со своей дивизией к Ганноверу (город в Германии). И встречает его с хлебом-солью старая Арабка. Отломил Василь Иванович горбушку от каравая, макнул в соль, прожевал и спрашивает:

— А что, мать, белые в городе есть?

— Василий Иванович, а белые в Америке есть?

— Есть, Анка. Но коренное население там — красные!

— Василий Иванович! Воон в небе клин журавлей летит: это обычные журавли или стерхи?

— Сразу видать, обычные, Петька!

— ???!!!

— Ну, сам смотри: дельтаплана впереди нет, мигалок нет...

— Василий Иванович! А смартфон — какой он?..

— Уу, Петька, он умный! Прямо как Фурманов... Только ему еще и в харю пальцем тыкать можно.

Крайне важны анекдоты, где, казалось бы, нет имен собственных, но они незримо присутствуют в ткани анекдота за счет подтекста и намёка. Вот пример такого намёка на несуществующую страну:

Девушку, претендующую на место секретаря директора фирмы, экзаменуют:

— А вы владеете французским и испанским языками?

— Свободно!

— А эсперанто?

— Еще лучше — я прожила в этой стране шесть лет!

Уникальное явление в анекдотах: соединение разных героев и разных эпох. Такая контаминация порождает совершенно непредсказуемый исход анекдота:

Никогда еще Дон Кихоту не попадалась такая вёрткая мельница — Карлсон был в восторге от игры в пятнашки.

Или:

— Вчера смотрел старый французский фильм.

— Как называется?

— Э тот, как его... Анжелика и Варум.

Список источников

1. Ковалев Г. Ф. Именной каламбур русских писателей. — Воронеж : Источник, 2014. — 180 с.
2. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. — М. : Просвещение, 1988. — 192 с.
3. Литературная газета. — 2018. — №25–26. — С.28
4. Мухин В. Г. Извиняйте, не еврей. — М. : Аргументы недели, 2017. — 416 с.
5. Раневская Ф. Г. Раневская шутит. — М. : Яуза-каталог. — 2014.
6. Синдаловский Н. А. Мифология Петербурга. — СПб., 2002
7. Топорков А. Мифы и мифология в современной России. — URL : Мифы и мифология в современной России — Журнальный зал (gorky.media).

Сведения об авторе

Ковалев Геннадий Филиппович — д.филол.н., профессор кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия).

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНТРОПОНИМОВ
И ТОПОНИМОВ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ
И. А. ДЕДКОВА)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования антропонимов и топонимов в мемуарной литературе на примере дневниковых записях И. Дедкова, проводится содержательный и структурный анализ собственных имен, выявляются особенности личности автора, репрезентированные антропонимами и топонимами.

Ключевые слова: топонимы; антропонимы; собственное имя; мемуарная литература; дискурсивный анализ.

Ономастика, будучи в своей основе лингвистической наукой, включает в себя также культурологический, исторический, социологический, этнографический компоненты, что приобретает существенное значение в свете антропоцентрической парадигмы научного знания, целью которой является изучение языка в неразрывной взаимосвязи с сознанием, мышлением, деятельностью человека. Предметом изучения ономастики является оним (собственное имя), который служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов. Имя собственное становится весьма значимым «для самоидентификации языковой личности как автора текста, так и его адресата (адресатов)» [Черникова, 2009: 3], поскольку оно ассоциируется не только с индивидуальным опытом носителя языка, но и с общим культурным пространством, «тесно связано с культурой станы и обладает ярко выраженным национальным колоритом» [Рылов, 2006: 32].

Интерес к изучению собственных имен не спадает, в центре внимания исследователей оказываются прежде всего литературные онимы: особенности употребления в различных типах текстов (поэтических, прозаических, драматических), их стилистика, различные приемы языковой игры, происхождение, специфика значения во фразеологизмах, пословицах, поговорках, загадках, тогда как исследование собственных имен в мемуаристике нечасто становится предметом исследования лингвистов. Вопросы изучения имен собственных в жанре семейных родословных посвящены работы Е. М. Черниковой; в мемуарах современников Л. Улицкой — статьи Т. А. Сироткиной.

Дневники, являясь жанром мемуарной литературы, закрепляют воспоминания о прошлом, фиксируют реальные события, факты, встречи с реальными людьми. При этом они несут на себе отпечаток личности автора и, как следствие, характеризуются высокой степенью субъективности. Дневниковые записи, таким образом, «являются показателем работы автора в попытке установить связь с читателем. Передать как можно отчетливее свои мысли, идею, замысел, воссоздать картины прошлого, обратить внимание на важные жизненные события» [Гордиенко, Малышева, 2012:1]. На наш взгляд, изучение имен собственных, использованных в дневниковых записях, позволяет более полно раскрыть образ мемуариста, его внутренний, духовный мир, жизненный опыт, отразить ономастический фрагмент языковой картины мира автора. Рассмотрим особенности функционирования антропонимов и топонимов в дневниковых записях Игоря Александровича Дедкова. В тексте статьи имена собственные приводятся в той форме, в которой они даны в дневниковых записях.

Собственные имена выполняют прежде всего функцию создания реальных исторических, национально-культурных, социальных ассоциаций, сопрягаемых носителями языка с языковой единицей, «вписывают повествование в определенную систему пространственно-временных координат» [Сироткина, 2019: 17].

Анализ топонимов позволяет проследить географию поездок Игоря Александровича. Условно топонимику дневника можно разделить на 3 уровня фоновых знаний:

1) общечеловеческие знания — *Москва, Чехословакия, Польша, Эстония, Югославия* и др. Большую часть данных наименований Дедков использует в записях, посвященных событиям в тех или иных странах, практически не дает оценочных характеристик. Однако топоним *Москва* (особенно в записях 50-60-х годов, пока не утихла обида от несправедливой высылки из Москвы в Кострому) используется автором в контексте с негативной коннотативной окраской:

«*Москва. Самодовольство плыло по тротуарам густою уличною толпою...плыло довольство: узкобочное, накрашенное, по-цирково яркое и по-торгашески упитанное, чванное и веселое, — возродившее племя наплевизма*» [Дедков, 2005: 32]; «...этим вопросом...преследовала меня *Москва моих недавних друзей, полная безразличия и дум о самой себе*» [Дедков, 2005: 33]. Позже Дедков часто описывает подробно поездки в Москву, уже не давая оценочных характеристик.

2) общенациональные знания — *Ужгород, Шатура, Кострома, Новосибирская область, Вологда* и др. Мемуарист вскользь упоминает данные топонимы как определенные пространственные точки, отмечающие его передвижения по территории Советского союза.

3) региональные знания — топонимы Костромской области, в которой Дедков И. А. провел долгие годы, — *Шарья, Чухлома, Шабаново, Кологрив, поселок Никольское, улица Чайковского, улица Советская, микрорайон Малышково* и др. И. А. Дедков, будучи корреспондентом областной газеты «Северная правда», объездил всю Костромскую область. Впечатления от мест, в которых бывал, критик подробно описывал на страницах своего дневника: «*Улица Чайковского — самая короткая в городе, но самая знаменитая. Одни называют ее проспектом любви, другие — проспектом Последних надежд*» [Дедков 2005: 29]; «*Панорама старой Костромы с Волги прекрасна...*» [Дедков, 2005: 209]; «...*тихое Шабаново*» [Дедков 2005: 57]; «...*а если пойти из гостиницы влево, то как раз и будет горсад на высоком берегу, где мне по сей день хочется посидеть на лавочке лицом к озеру*» [Дедков, 2005: 31] (о Чухломе — Е. К.). Описание улочек, деревенок, памятных для автора мест создает тихий спокойный образ провинциального городка, в котором жизнь течет размеренно, где можно остановиться и подумать над общечеловеческими вопросами.

Интересно использование топонима *Никольское*, которое является прецедентным текстом: «*Был Славка Штыков. Худой, пьяный, глаза темные, большие. Ему плохо. Боится, что снова отправят в Никольское*» [Дедков, 2005: 62]. Автор не поясняет ни в тексте дневника, ни в примечаниях к тексту использование этого собственного имени: для костромичей Никольское — это символ сумасшествия, психической неустойчивости. Дело в том, что в поселке Никольское, который расположен в нескольких километрах от областного центра, находится Костромская областная психиатрическая больница, куда отправляют на лечение людей, имеющих не только психическое заболевание, но и проблемы с алкоголем, наркотиками.

Антропонимика дневниковых записей Дедкова разнообразна и представлена различными группами антропонимов, позволяющими составить представление об интересах, увлечениях, уровне образованности автора мемуаров. Собственные имена этой группы также прежде всего выполняют номинативную функцию, называя значимых для автора текста людей.

На страницах дневника встречаются имена собственные, называющие

1) политических деятелей как современных, так и исторических: *Даллес* (госсекретарь США), *Гришин* (партийный и государственный деятель того времени), *П. Н. Миллюков* (политический деятель, историк, публицист), *Сталин*, *Каменев* (большевик), *Басаргин* (декабрист) и др.

2) зарубежных и русских писателей и поэтов: *С. Смирнов* (популярный в 50-е годы русский поэт), *Нилин Павел Филиппович* (русский писатель), *Станислав Ежи Лец* (польский писатель), *Бабель* (русский писатель), *Николай Колотилов* (костромской писатель, журналист), *Верков* (французский писатель и художник), *Л. Шашиа* (итальянский писатель), *Марциал* (римский поэт), *О. Хаксли* (английский писатель), *Л. Н. Толстой*, *Бондарев*, *С Есенин* и др.

3) литературных критиков: *Кузнецов* (литературовед), *Розанов* (философ); *З. Паперный* (литературный критик), *Сац* (член редколлегии журнала «Новый мир») и др.

4) журналистов региональных и центральных средств массовой информации: *Баранов* (собственный корреспондент газеты «Северная правда»), *Косолапов* (главный редактор журнала «Новый мир»), *Саша Колумбин* (костромской журналист), *Шпанченко* (внештатный корреспондент газеты «Северная правда») и др.

5) известных ученых: *А Деборин* (философ, академик), *Быков* (физиолог), *Маймонид* (древнееврейский философ), *Олег Хлевнюк* (историк, доктор исторических наук), *Нольман* (доктор филологических наук) и др.

6) родных и близких знакомых автора: *Герман* и *Жанна* (одноклассники Дедкова), *Тома*, *Тамара*, *Томочка* (жена Дедкова), *супруги Пьяных*, *Алочка* и *Володька Шатровы* (близкие друзья семьи), *тетя Тася* и др.

Представленные в тексте дневника имена собственные указывают на разностороннюю образованность автора, на увлечение литературой (мировой, русской), на заинтересованность политическими процессами, происходящими в обществе, на обширный круг знакомых в области литературной критики, литературоведения.

В дневниковых записях И. А. Дедков использует разнообразные модели антропонимов. Можно выделить три формулы собственных имен в тексте.

1. трехкомпонентная формула, представленная указанием фамилии, имени и отчества, встречается в двух вариациях: 1) полностью прописанная словами: *Геннадий Семенович Парфенов, Станислав Рышард Добровольский, Нина Сергеевна Самарская, Удалов Игорь Александрович*; 2) фамилия с двумя инициалами: *В. О. Богомолов, Е. Н. Конюхова, Е. И. Изгородина* и др.

2. двухкомпонентная формула реализуется в нескольких вариантах: 1) указание имени и отчества: *Владимир Галактионович* (Короленко — Е. К.), *Александр Иванович* (шофер грузовика в Чухломе — Е. К.); 2) указание имени (словом или инициалом) и фамилии: *Глеб Попандопуло, В. Овечкин, А. Дебори, Р. Роллан, Лариса Рейснер, Генри Эрнст, Грэм Грин, Лева Аннинский, Володька Ляпунов, Славка Штыков, Володя Леонович* и др.

3. однокомпонентная формула включает название по фамилии или по имени: *Воронский, Бабченко, Валька с Аллочкой, Гришин, Беляев и Базанков, Тома* и др.

Как показывают приведенные выше примеры, кроме стилистически нейтральных форм имен собственных, И. А. Дедков при упоминании родных и знакомых использует стилистически маркированные единицы: усеченные формы имени (*Тома, Тася, Володя, Лева*), дериваты с суффиксами субъективной оценки (*Володька, Славка, Аллочка, Стасик*). Таким образом, выбранная форма антропонимов позволяет автору выразить свое отношение к окружающим людям. Кроме того, оценочность антропонимам придают сочетающиеся с ними слова качественной семантики: «*выдающийся физиолог **Быков***» [Дедков, 2005: 32]; «*самое удивительное было в таинственном шепоте **Инны Кременской***» [Дедков, 2005: 191]; «***Буракова**... очень располагающая к себе, по всему добрая и умная женщина*» [Дедков, 2005: 233], «*...А каково ей с **Протасовой** и **Ивановым**, давним, обтертым до блеска, обкомовским работником, — такими абсолютно чужими, даже враждебно чужими людьми*» [Дедков, 2005: 259] и др.

В тексте дневниковых записей можно выделить группу прецедентных онимов, позволяющих провести параллели между описываемыми явлениями, ситуациями и героями русской литературы, за образами которых закрепились в нашем сознании определенные характеристики. Например: «*Есть ли лучший способ упразднить несоответствие, чем обречение голов? Лохматость, по евангелию от Кочетова, нового представителя Третьего отделения, признак нигилизма. Бедные **Базаровы!***» [Дедков, 2005: 42]; «*С полдня снова жарко. Второй раз читаю «Зависть». По-моему, это точная книга. Кавалеров не менее тип, чем **Обломов**. Духовно чувствую себя паршиво*» [Дедков, 2005: 21].

Таким образом, ономастикон дневниковых записей И. А. Дедкова репрезентирует как конкретные пространственные реалии и прецедентные имена, так и мироощущение самого автора, восприятие им бытовых реалий, исторических фактов, политических событий и отношение к окружающим его людям.

Список источников

1. Гордиенко Н. А., Малышева М. С. Художественные особенности мемуаров А. М. Топорова // Актуальные проблемы филологии : материалы междунар. науч. конф. — Пермь : Меркурий, 2012. — С. 1–3.
2. Дедков И. А. Дневник. 1953–1994. — М. : Прогресс-Плеяда, 2005. — 792 с.
3. Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках: романская и русская антропонимика : курс лекций по межкульт. коммуникации. — М. : АСТ, 2006. — 311 с.
4. Сироткина Т. А. Функции имен собственных в мемуарах современников Людмилы Улицкой «Детство 45–53» // Восточнославянская филология. Языкознание. — 2019. — № 9. — С. 17–22
5. Черникова Е. М. Имена собственные в жанре семейных родословных : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2009. — 23 с.

Сведения об авторе

Колобова Екатерина Андреевна — к.филол.н., доцент кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета (Кострома, Россия).

БИБЛЕЙСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ВЫБОРЕ ИМЕНИ ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА В. И. БЕЛОВА)

Аннотация. Имена собственные, будучи одним из средств воплощения художественной реальности в произведениях В. И. Белова, поясняют и суть основной идейно-тематической оппозиции его произведений: противопоставления сакрального и inferнального пространства и времени, борьбы светлых и тёмных сил в душе человека. Взаимодействие книжного и фольклорного начал, а также библейские традиции в творчестве писателя отражаются и в выборе имени персонажа, и в поэтике всех имён собственных в художественной картине крестьянского мира.

Ключевые слова: В. И. Белов, литературная ономастика, имя в тексте, библейские и фольклорные мотивы.

Один из крупнейших представителей «деревенской» прозы, В. И. Белов во многих своих произведениях размышлял о последствиях разрушения основ русской деревни, а значит, и разрушения основ национальной культуры: «Русское душевное устройство запечатлела его проза сразу — с повести «Деревня Бердяйка» и с первых рассказов, опубликованных в столичном «Нашем современнике» в 1962 году» [Кокшенева, 2017: 6].

Л. Г. Яцкевич считает В. И. Белова наследником поэтики древнерусской литературы в новых культурно-исторических условиях: «Как и в произведениях древнерусской литературы, для которой характерно взаимопроникновение фольклорной и книжной словесности, в творчестве В. И. Белова также наблюдается тесное взаимодействие книжного и фольклорного начал» [Яцкевич, 2017: 142]. В трилогии «Час шестый» автор, безусловно, следует принципам критического реализма и даже цитирует подлинные документы эпохи революционных преобразований в России. Вместе с тем он использует и библейские традиции, библейские образы пространства и времени для создания художественной картины крестьянского мира в трагическом XX веке [Яцкевич, 2017: 142].

В соответствии с этими принципами поэтики своих произведений автор подбирает и имена своим персонажам. Взаимодействие книжного и фольклорного начал, а также библейские традиции в творчестве писателя отражаются и в выборе имени персонажа, и в поэтике всех имён собственных в художественной картине мира.

Рассмотрим основные примеры проявления библейских и фольклорных мотивов в именовании персонажей трилогии В. И. Белова «Час шестый».

Многочисленными исследованиями доказана мысль о том, что для творчества всех писателей характерен диалог светской и религиозной культур: «Наиболее эксплуатируемыми являются две притчи — о Сеятеле и Блудном сыне. Да и всю русскую литературу можно представить как художественную модель возвращения блудного сына» [Рублева, 2017: 136].

В трилогии «Час шестый» носителями библейского мотива о блудном сыне являются несколько персонажей и прежде всего *Игнат Сопронов* — антагонист *Павла Рогова*.

Центральное место в произведении занимает образ дома, который в одночасье рушится; а также образ дороги, который представляет собой выбор каждым героем своего пути в жизни. В построении этих образов немаловажную роль играют трансформации имён собственных двух ключевых персонажей трилогии.

В романе «Кануны» это двое ещё совсем молодых мужчин, вступающих в серьёзную взрослую пору своей жизни и оказывающихся перед выбором дальнейшего пути. Становлению личности *Павла Рогова* и *Игнахи Сопронова* отводится главное место в субъектной организации первого романа трилогии.

Женившись на Вере Роговой, *Паиска Пачин* стал «приёмным» в семье Роговых, теперь он *Павел Рогов*. *Рогов* — это ещё и «говорящая» фамилия, «кто есть упёрся рогом», его не свернёшь с намеченного пути, он бодается с тем, что считает несправедливым.

Персонаж *Паиска Пачин* появляется на страницах только первой главы романа «Кануны», далее во всей трилогии будет исключительно *Павел Рогов*. Такая смена имени служит маркером духовного роста личности. Односельчанин и ровесник Павла *Игнаха Сопронов* в редких случаях именуется во всей трилогии как-либо по-другому: Игнат или Игнатий.

Диминутив *Игнаха* употребляется и в несобственно-прямой речи персонажа: *Ему, Игнахе, вовек не забыть и другие обиды: как жил в бурлаках и как свои же девки не ходили с ним ко столбушке. Это тогда он поклялся никогда не приезжать больше в Шибаниху. Но он приехал. Он доказал всем, кто он такой, и докажет еще тысячу раз. Он готов на смерть за пролетарское дело. Они узнают еще, кто такой Игнаха Сопронов, теперь он нашел свою дорогу* [Белов, 2011(1): 200].

В речи других персонажей романа встречается ещё диминутив *Игнашка*, также с отрицательной коннотацией. Дед *Павло Сопронов* занемог ногами, его семья жила бедно, а сын *Игнашка Сопронов* уродился и вырос злым и завистливым. Когда из центра поступают указания об обложении налогами зажиточных крестьян, *Игнаха* берет дело в свои руки и, опираясь на директиву Л. Кагановича, на поддержку партийного работника областного масштаба Меерсона, возглавляет соответствующую комиссию и облагает крестьян, своих же односельчан, налогами, заведомо непосильными.

Для понимания роли моделей именования этого персонажа в субъектной организации романа особенно показателен фрагмент, когда Сопронов едва не утонул: *Смертельный страх прокатился по всему его телу <...> Лодка оседала с каждой секундой. <...> Весло обронилось и поплыло за бортом. Новая волна ужаса окатила его, и вдруг Игнатий Сопронов вспомнил Бога, начал униженно шептать полузабытые слова из «Отче наш», путая их со словами других молитв... «Господи! Спаси меня, Боже, Господи, не оставь ты меня, Господи, Господи...». Лодка хлебнула из озера всем левым бортом и начала погружаться в воду вместе с Игнахой... Он закричал в отчаянии. Этот животный рев и трепет всего его тела слились воедино* [Белов, 2011(1): 414]. В этом фрагменте ракурс повествователя по отношению к персонажу максимально близкий. Перед лицом Господа в минуту смертельной опасности *Игнаха* на мгновение становится *Игнатием*, но побеждает всё-таки животный страх, а не раскаяние человеческой души, и поэтому он снова *Игнаха*.

В тексте трилогии фамилия *Игнахи Сопронов* работает и своим звукообразом «соплюн»: так называли братьев *Сопроновых* с детства односельчане. *Игнаха* попирает (Сопронов — «сопрёт») все духовные ценности и морально-этические установки, важные для его окружения, глумится над православными святынями. Старшего в семье раскулаченных Роговых, молитвенника и труженика деда *Никиту* он находит в лесу, куда тот уединился в свою келью-избушку, и убивает его, а Библию сжигает вместе с кельей. Эта невинная жертва старца спасает жизнь главного героя романа Павла Рогова. *Игнаха Сопронов* впоследствии окончательно сходит с ума.

Внутренняя форма имени старца *Никиты* от греч. *никетас* «победитель» [Суперанская, 1998: 249]), он и побеждает бесов новой власти, не даёт сломить свой дух, изломать душу, и погибает во время погони за Павлом. Но блудный сын *Игнаха* так и не «возвращается» с покаянием.

Мотив юродивого связан с образом трагикомического старика *Кривого Носопыря*, который соотносится в романе с образом старца *Никиты*.

Носопырь — одинокий, старый бобыль, живущий вместе со своим «баннушкой» в старой бане. В отличие от *Никиты Рогова*, который всю жизнь занимался трудом, *Носопырь* живет тем, что ходит и «кормится от мира».

В уста отца Николая (попа Рыжко) вложена следующая дескрипция: — *Ну-с? Применительно к печальным сим обстоятельствам придется прямо из горлушка. Алексей, божий человек, не с тебя ли начнем? — Нет уж, я после всех ежели, — произнес Носопырь с достоинством* [Белов, 2011(1): 306]. Это аллюзия к известному библейскому сюжету о христианском святом: родившийся в знатной римской семье, *Алексей, человек Божий*, покинул родной дом и в течение семнадцати лет жил милостыней, питался только хлебом и водой, а все ночи проводил в бдении и молитве.

Внутренняя форма имени *Алексей* от греч. *алексо* «защищать, отражать, предотвращать» [Суперанская, 1998: 110], но на деле дед *Носопырь* «воюет» только со своим домовым, страдая от одиночества и греша суевериями. Он вроде местного юродивого, дети над ним потешаются, да и взрослые иронизируют, хотя и оказывают ему уважение по его возрасту.

Носотырь образом жизни опровергает этимологию своего личного имени «защитник», напротив, он жалок, попадает в трагикомические ситуации, как например, с неудачными попытками сватовства к старухе Тане. У него нет никаких своих твёрдых убеждений, поэтому он то среди старожиллов села, ищущих справедливость, то безропотно подчиняется воле Игнахи Сопронова и входит в особые группы бедноты по раскулачиванию земляков.

Мотив юродивого, защищающего местную церковь от поругания, несёт в себе и образ персонажа *Акиндина Судейкина*. Он всех «судит» в своих пригоношках, вызывая добрые насмешки односельчан и недовольство, а потом и преследование со стороны представителей местной власти.

Но главным шутком на традиционных святочных и масленичных гуляниях в Шибанихе в первом романе трилогии «Кануны» является местный священник, *Николай Иванович Перовский*, прозванный крестьянами за неумный нрав и яркую рыжую бороду «*поп Рыжко*». В романе «Кануны» *отец Николай* предстаёт в комических ситуациях, он и в карты играет, и выпить не прочь, в духе времени становится попом-прогрессистом, то есть обновленцем, утратившим веру.

В романе «Год великого перелома» *отец Николай* уже совсем другой человек. Страдания людей, которые он пропускает через своё сердце, заставляют возродиться его душу. Теперь он испытывает жгучее чувство стыда за своё прошлое. Когда на допросе Райберг спрашивает *отца Николая*, действительно ли он верит в Бога, бывший *поп Рыжко* отвечает ему: — *Не верил, когда служил! Ныне властью духовной не облечен, но верую. За грехи и великое бесчестье Земли готов пострадать. Ибо есть Бог милующий, но Он же и наказующий!* [Белов, 2011(2): 70].

В тяжелейших условиях заключения *отец Николай* ничего не боится, не впадает в уныние. Он по-прежнему весел, но уже не пьяным весельем, а духовной радостью. Смелые речи и поведение *Перовского* вызывают ненависть к нему чекиста Ерохина, от его пули и погибает *отец Николай*. В образе этого персонажа также читается и мотив возвращения блудного сына, обретения себя истинного и, как следствие, возвращение к имени *отец Николай Перовский* от прозвища *поп Рыжко*.

Судьба бывшего ольховского дворянина Владимира Сергеевича *Прозорова* — одна из ключевых сюжетных линий трилогии В. И. Белова. Автор неслучайно наделяет этого героя фамилией с такой яркой внутренней формой — *Прозоров* от *прозревать*: с одной стороны, он один из немногих, кто понимает всё происходящее, с другой стороны, он не смог предвидеть свою собственную судьбу — что из прогрессивно настроенного юноши он превратится в стареющего дворянского отпрыска — «контру».

Судьбы двух героев трилогии схожи: на формальном сюжетном уровне они из «прогрессивно мыслящих» (поп-прогрессист *Рыжко* и прогрессивно настроенный юноша *Владимир*) превращаются в «контру», но на глубинном, сакральном уровне они проходят сложнейший путь становления личности человека, рождаются заново духовно. И возможно, то обстоятельство, что их духовное перерождение происходит в столь чудовищных условиях (*Прозоров* сам не может понять, отчего в тюрьме ему так хорошо и светло на душе), позволяет видеть в этих персонажах трилогии воплощение надежды автора на спасение человека.

Фольклорные мотивы в трилогии «Час шестой» связаны с образом того же старика-бобыля *Кривого Носотыря*, который воюет со своим баннушкой, с пригоношками, которые поёт Акиндин Судейкин.

Особого внимания заслуживают женские образы в трилогии В. И. Белова. Во многих из них переплетаются и фольклорные, и библейские мотивы, воплощённые в целостной картине страданий, выпавших на долю русской женщины-крестьянки в тяжелейшие времена первой половины XX века.

В центре внимания снова семья Роговых, женщины в ней работающие, любящие и наделённые многими талантами, в том числе и творческими. Так, тёща Павла *Аксинья* печёт для зятя блины и одновременно развлекает его рассказом о том, как «тёща блинами кормила Ондрюшонка»: «Растворила-то много, самую большую корчагу. Ондрюшонок сидит да уминает, а она испекет блин да ждет, не наелся ли зятюшко. Ну, думает, этот испеку, да, однако, и встанет из-за стола. Пекла, пекла, а Ондрюшонок никак не встает, ест да прихваливает. Тёща-то вся в расстройство ударилась, блины-то кончаются, осталось на доньшке, он ест да ест. Только за ушами пищит. Вот и остатний блинок, убогонький, кинула да и говорит: «Ровно бы и не пекла!» А он съел блинок-то да и говорит: «А ровно бы и не ел!» [Белов, 2011(1): 174].

«Чист и ясен образ Веры, жены Павла Рогова, — она навсегда останется крестьянским идеалом русской женщины, как и другой классический лик — пушкинской Татьяны. Оказывается, крестьянский и дворянский национальные идеалы не так уж и далеко разошлись» [Кокшенева, 2017: 6].

Вера Ивановна Рогова — идеальный образ женщины-супруги, что находит отражение и в этимологии самого имени героини: *Вера* — это женское русское личное имя старославянского происхождения, калька с др.-греч. «Пистис», имени раннехристианской святой. Имя вошло в русский язык вместе с именами *Надежда* и *Любовь* [Суперанская, 1998: 361].

Внутренняя форма имени второй героини, подруги Веры *Палагии Мироновой*, на первый взгляд, как бы сближает имена двух героинь, включают их в одну парадигму, ведь *Палагия* — в каком-то смысле, тоже *Любовь*, ср.: имя *Пелагея* от др.-греч. *пелэгос* «морская» — эпитет Афродиты, древнегреческой богини любви [Суперанская, 1998: 415]. Но в смысловом аспекте трилогии имя *Палашика* своей доантропонимической семантикой являет собой, скорее, антонимическую пару этимологии имени *Вера*.

Номинативная цепочка компонентов именованной этой героини имеет вид: *Палашика* — *Палашика* — *Палашика Миронова* — *Палашика Евграфова* — *Палагия*. Каноническая форма имени *Пелагея* ни разу не используется в тексте трилогии, в качестве полной формы имени в речи некоторых персонажей звучит народная, разговорная форма имени *Палагия*, что в известной степени «огрубляет» имя, «снижает» его исходное значение до мелкого, бытового уровня. Богиня любви Афродита в образе *Палашики* — это девица на выданье, которая ведёт себя достаточно вольно: *Палашика Миронова хороводила во всех девичьих делах. Это она уговорила вдову Самовариху, и девки на все святки откупили большую Самоварихину избу* [Белов, 2011(1): 123]. *Палашика* «водит шашни» с председателем сельсовета *Микулёнком*, от которого в итоге и «приносит в подоле» в первом романе «Кануны», и в последней части «Час Шестый» *Палашика* продолжает своё «падение».

В собственно-авторском повествовании *Палагия* исключительно *Палашика* (иногда *Миронова* или *Евграфова*). Следует обратить внимание на то, что и диминутивы личных имён двух подруг автор выбирает неслучайно, они также служат маркерами оценок в субъектной системе текста: *Вера*, *Верушка*, *Верунька* (суффиксы с уменьшительно-ласкательной оценкой) и *Палашика* (коннотация на словообразовательном уровне, как минимум, носит оттенок пренебрежения). *Палагия* — народная разговорная форма от канонического имени *Пелагея*, подчёркнутая контекстами, в которых она встречается, создаёт эффект «сниженности», приземлённости имени и, следовательно, характеризует его носителя.

Текст трилогии «Час шестый» включает в себя не только фольклорные произведения (пригоношки Акиндина Судейкина, например), но и молитвы и цитаты из Библии. Евангельское выражение «Час шестый» (Ин. 19, 14) [Белов, 2011(3): 381] в названии самого произведения является камертоном, настраивающим на христианское осмысление всех событий романа.

Список источников

1. Белов В. И. Кануны // Собрание сочинений : в 7 т. — М. : Классика, 2011(1). — Т. 3 : Повесть. Роман. — 512 с.
2. Белов В. И. Год великого перелома // Собрание сочинений : в 7 т. — М. : Классика, 2011(2). — Т. 4 : Романы. — 616 с.
3. Белов В. И. Час шестый // Собрание сочинений : в 7 т. — М. : Классика, 2011(3). — Т. 4 : Романы. — 616 с.
4. Кокшенева К. А. Крестьянский заступник // Беловский сборник / Союз писателей России ; Адм. г. Вологды ; Вологодский гос. ун-т. — Вологда : ВолНЦ РАН, 2017. — Вып. 3 — С. 4–7.
5. Рублева Н. И. «Евангелие от Белова» (Притча о блудном сыне в публицистике писателя) // Беловский сборник / Союз писателей России ; Адм. г. Вологды ; Вологодский гос. ун-т. — Вологда : ВолНЦ РАН, 2017. — Вып. 3. — С. 135–140.
6. Суперанская А. В. Словарь русских личных имён. — М. : АСТ, 1998. — 528 с.
7. Яцкевич Л. Г. Крестьянская смеховая культура в произведениях В. И. Белова // Беловский сборник / Союз писателей России ; Адм. г. Вологды ; Вологодский гос. ун-т. — Вологда : ВолНЦ РАН, 2017. — Вып. 3. — С. 142–153.

Сведения об авторе

Комлева Наталья Валентиновна — к. филол. н., доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия).

Л. Л. Косташ

ХАРАКТЕРИСТИКА ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГОВОРЯЩИХ ОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. С давних времён имена собственные являются объектом пристального внимания учёных. Статья посвящена функционированию имени собственного в литературном тексте. Цель работы заключается в изучении особенностей классифицирования и перевода английских говорящих онимов на русский язык в произведениях современного британского писателя Терри Пратчетта. Для анализа примеров нами были использованы переводы, выполненные М. Ю. Юркан, В. Вербицким и В. Е. Филипповым.

Ключевые слова: ономастическое пространство, имена собственные, говорящие онимы, особенности перевода, художественный текст.

Имя собственное — объект ономастики, самостоятельной лингвистической науки [Влахов, 1980:207]. Многие лингвисты предпринимали попытки дать всеобъемлющее разъяснение понятию «имени». По нашему мнению, наиболее точное и полное определение принадлежит О. И. Фонаковой: «имя собственное — это универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевлённых и неодушевлённых), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [Фонакова, 1990:21].

Имена собственные относятся к виду языковых средств, который даёт возможность лаконично передать смысловое и эмоциональное содержание. Подобное свойство показывает, что каждый оним сопровождается ассоциативным образом или характерной чертой.

Говорящий оним — имя нарицательное, на определённом отрезке своего существования трансформировавшееся в имя собственное — как литературный приём в художественном тексте получил широкое применение в конце XIX–начале XX века, когда ввиду большой популярности сатирической комедии оригинальные авторские приёмы стали истощать себя. Публика требовала новизны и остроумных идей [Kripke, 1991:65].

Использование говорящего имени в тексте может быть обусловлено несколькими причинами, такими как необходимость создания юмористического или сатирического эффекта, придание тексту яркой художественной образности.

Писатель вкладывает в каждого литературного героя определённый образ, смысл и, уже исходя из этого, подбирает ему имя, которое соединяется с образом персонажа, с самим персонажем. Прежде всего, писатель выбирает те имена, которые содержат внутри себя информацию:

1) лежащую на поверхности (говорящие имена, фамилии или целые антропонимические комплексы);

2) «расшифровка» которых требует некой интеллектуальной индукции [Ковалёва, 2011:171].

Представим классификацию онимов по семантическому признаку О. И. Фонаковой. Все онимы можно разделить на следующие классы:

1. Антропонимы — все имена собственные, относящиеся к человеку — личное имя, фамилия или прозвище:

1.1 Индивидуальные антропонимы — относятся к единственной личности;

1.2 Групповые антропонимы — родовые, семейные или династические имена, чьи денотаты — группы людей;

1.3 Псевдонимы — имена, используемые в той или иной публичной деятельности вместо настоящих;

2. Топонимы — собственные названия больших и малых географических объектов — земные и водные, городские и сельские:

2.1 Наземные топонимы:

2.1.1 Оронимы — названия гор и прочих возвышенностей;

2.1.2 Спелеонимы — названия пещер, гротов и целых подземных систем;

2.1.3 Дримонимы — названия лесных массивов;

2.2 Гидронимы — общие названия всех водных систем:

2.2.1 Пелагонимы — названия морей;

2.2.2 Лимнонимы — названия озер;

2.2.3 Гелонимы — названия болот;

2.2.4 Потамонимы — названия рек;

2.3 Топонимы неприродного происхождения:

2.3.1 Ойконимы — названия населённых пунктов:

2.3.1.1 Астионимы — названия городов;

2.3.1.2 Комонимы (хорионимы) — названия сельских поселений;

2.3.2 Урбанонимы — названия улиц и других мелких объектов внутри населённых пунктов;

2.3.3 Дромонимы — названия путей сообщения и маршрутов;

2.3.4 Хоронимы — названия больших областей (географических, экономических, исторических);

3. Зоонимы — имена/клички различных животных, птиц и прочих представителей фауны;

4. Фитонимы — именованья отдельных растений;

5. Космонимы и астронимы — названия внеземных объектов в галактике и на картах крупных планет;

6. Мифонимы — группа вымышленных живых существ, мест или предметов, обычно облечённые в форму сверхъестественных сил;

6.1 Теонимы — особая группа мифонимов, имена божественных созданий;

7. Хремотонимы — индивидуальные названия предметов и продукты духовной и материальной культуры народа;

8. Хрононимы — названия исторических событий, периодов, процессов, протекающих в определённые отрезки времени;

9. Этнонимы — названия народов, народностей и племён;

10. Документонимы — названия документов, актов, законов;

11. Фалеронимы — названия наград (орденов, медалей, знаков отличия);

12. Торговые и фирменные названия;

13. Названия предприятий, обществ и объединений;

14. Названия органов периодической печати;

15. Названия мероприятий, кампаний, войн;

16. Названия произведений литературы и искусства;

17. Обозначения людей по месту жительства и групповые прозвания людей;

18. Товарные знаки;

19. Названия средств передвижения;

20. Названия праздников юбилеев, торжеств;

21. Названия стихийных бедствий [Фонякова, 1990:12].

Приведённая выше классификация, по нашему мнению, показывает всю многомерность и комплексность ономастического пространства.

В качестве материала для исследования выбраны произведения одного из наиболее популярных авторов Великобритании Т. Пратчетта. Работы написаны в жанре юмористической фантастики и наполнены искромётным юмором, одно из проявлений которого нашло себя во множестве говорящих имен собственных. Нами было найдено и проанализировано 222 примера

данного явления, 67 из которых в произведении «Благие знамения» Терри Пратчетта в соавторстве с Нилом Гейманом (оригинальное название — “Good Omens”) и 155 примеров из цикла рассказов Т. Пратчетта «Плоский мир» (“Discworld”).

Антропонимы — самый часто встречаемый класс говорящих онимов. Это объяснимо тем, что одушевлённый персонаж с говорящим именем намного уместнее и гармоничнее влетается в повествование, тогда как другие категории онимов легко могут показаться излишне вычурным способом выражения авторского остроумия. Нами было найдено 94 примера говорящих антропонимов. Рассмотрим пример перевода антропонима: *Anathema Device was reading The Book, under the bedclothes, with a torch.*

В трёх разных официальных переводах переводчики пришли к разным вариантам данного имени:

Анафема Гаджет, спрятавшись под одеялом и вооружившись фонариком, читала Книгу (перевод М. Ю. Юркан).

В данном примере переводчица М. Ю. Юркан выбрала наиболее близкий к английскому языку вариант перевода имени (применив заимствованное слово), сохранив при этом значение оригинального имени и применив конкретизацию.

Анафема Прибор читала Книгу — под одеялом, с фонариком (перевод В. Вербицкого).

В. Вербицкий выбрал более понятный русскому читателю вариант перевода, добавив при этом лишнюю букву для сохранения эффекта отличия слова от имени нарицательного. Переводчик использовал генерализацию в качестве переводческого приема, применив более широкое значение слова “device”.

Анафема Деталь читала Книгу, спрятавшись под одеяло с фонариком (перевод В. Е. Филиппова).

Пройдя через дифференциацию при переводе, имя не сохранило своего прямого значения, оставшись в своём семантическом поле. Особо примечательно, что В. Е. Филипповой было выбрано имя нарицательное женского грамматического рода, что приближает читателя к полу персонажа.

Мифонимы — второй по объёму примеров класс говорящих онимов в произведениях Т. Пратчетта. Основополагающее отличие от прочих авторов художественных произведений легко отметить — большинство говорящих имён собственных в его произведениях номинально можно отнести к мифонимам ввиду жанра фантастического реализма. Однако семантика онимов является главным помощником для более точного определения класса имени.

Главная отличительная черта мифонимов в произведениях английского автора — их повсеместный характер. Писатель использует обычные для нас слова (“time”, “place”, “house” и т.д.) и трансформирует их в говорящие онимы. Это может сбить читателя с толку, но является неотъемлемой частью мира Пратчетта. По этой же причине перевод таких мифонимов может стать трудной задачей для переводчика.

Рассмотрим особенности перевода мифонимов из найденных нами 44 примеров: *Full Chorus of Tibetans, Aliens, Americans, Atlanteans and other rare and strange Creatures of the Last Days.*

Применив смысловое развитие и компенсацию, М. Ю. Юркан сохранила изначальный стиль, связав оним также с предыдущим именем собственным в попытке создать эффект иронии: *Обитатели Тибета, иных планет, Америки, Атлантиды и прочие редкие и странные Создания Последних.*

В отличие от своей коллеги, В. Вербицкий применил конкретизацию, сохранив при этом особенность — перечисление: *Большая куча Тибетцев, Пришельцев, Американцев, Жителей Атлантиды и других странных, редких Созданий Последних Дней.*

Хор Тибетцев, Инопланетян, Американцев, Атлантян и прочих редких и странных Созданий Последних Дней (перевод В. Е. Филиппова).

В. Е. Филиппов в данном примере применил дифференциацию, воссоздав структуру однородных существительных без добавления лишних описательных элементов.

Множество наименований групп людей, объединённых по какому-либо признаку или обстоятельству в организации, также являются отличительной чертой в произведениях Терри Пратчетта.

Нередко такие примеры могут обладать абсурдно длинной структурой (состоять из 5-8 основ, объединённых в один оним), что делает задачу перевода таких слов без потери смысла практически невозможной. Перед переводчиками стоит трудный выбор — составить собственный вариант по «шаблону» оригинала или акцентировать внимание на значении, потеряв юмористический элемент.

Чтобы выработать стратегию перевода, проанализируем некоторые занимательные с лингвистической точки зрения единицы на предмет применяемых к ним переводческих трансформаций: *Medieval Jewish scholars put the date of the Creation at 3760 B.C.*

Перевод М. Ю. Юркан: *Средневековые иудеи утверждали, что мир был сотворён в 3760 году до Рождества Христова.*

Переводчик применила опущение последнего элемента. Затруднительно оценить разумность такого подхода. Присвоив высказывание целому народу, М. Ю. Юркан утверждает фразу как общепризнанную во время её первого выдвижения. Однако, влияние учёного класса на умы людей в Средние века довольно сомнительно (если принимать во внимание роль Церкви, чьей частью и являлись исследователи).

Средневековые еврейские исследователи заявляли, что дата Создания — 3760 год до н.э. (перевод В. Вербицкого).

В. Вербицкий использовал конкретизацию, вместо общего значения «учёные» (люди науки), применив «исследователи» (т.е. учёные-практики).

Средневековые каббалисты считали датой творения 3760 год до рождества Христова (перевод В. Е. Филиппова).

В. Е. Филиппов предпочёл обратиться к смысловому развитию, чтобы точнее передать смысл непросвещённым в историю развития иудейской религии читателям.

Имена собственные занимают особое место в произведениях Терри Пратчетта, отражая характер героев через свою семантику. По этой причине в них можно найти даже самые редкие примеры виды онимов. Некоторые из них встречаются чаще (мы встретили 17 примеров топонимов; 10 примеров названий произведений литературы и искусства, 8 хремотонимов), некоторые реже (5 зоонимов; 4 космонима; 4 хрононима; 4 примера мероприятий, кампаний и войн) другие же — исключительно редко (2 этнонима; 2 документонима; а также по одному примеру фитонимов, органов периодической печати, обозначений людей по месту жительства и групповые прозвания людей и названий средств передвижения). Нам не удалось найти примеры фалеронимов, торговых и фирменных названий, товарных знаков, названий праздников, юбилеев и торжеств, названий стихийных бедствий. Это оставляет место для будущих исследований темы.

Проанализировав различные варианты перевода примеров имён собственных, стоит отметить, что более корректный перевод (перевод М. Ю. Юркан) имел место в тех случаях, когда переводчик углублялся в семантику онима, пытаясь найти его суть и передать её в язык перевода, трансформировав в нечто аналогичное, но более понятное русскому читателю, когда как другие варианты (переводы В. Вербицкого и В. Е. Филиппова) порой теряли «свой блеск», проходя через языковой барьер.

В результате нашего практического исследования можно сделать вывод, что чаще всего авторами перевода применялась такая переводческая лексическая трансформация, как смысловое развитие, так как с её помощью можно восполнить смысловые пробелы не только на лингвистическом, но и на национальном уровне.

Количество встречаемых примеров разных классов имён собственных и многообразие их переводов показывает, насколько тема требует тщательного анализа для выработки схемы работы с говорящими именами. Таким образом, категория говорящего онима непосредственно влияет на условия перевода, при котором необходимо учитывать не только характеристики адресата текста, но культурные, исторические, видовые и стилистические особенности.

Список источников

1. Влахов С. И., Флорин С. П. Непере译димое в переводе. — М. : Междунар. отношения, 1980. — 340 с.
2. Ковалева Л. Г. Антропоним как отражение личности персонажа // Вестник ИГЛУ. — 2011. — С. 170–176.
3. Пратчетт Т. Плоский мир. — М. : Эксмо, 2022.

4. Пратчетт Т., Гейман Н. Благие знамения. — М. : Эксмо, 2012. — 512 с.
5. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. — Л. : ЛГУ, 1990. — 91 с.
6. Kripke S. Naming and Necessity. — Cambridge : Harvard University Press, 1991. — 252 p.
7. Sir Terry Pratchett. — URL : <https://www.terrypratchettbooks.com/books/good-omens> (дата обращения: 10.05.2023).

Сведения об авторе

Косташ Людмила Леонтьевна — старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко (Тирасполь, ПМР).

Н. С. Кочнева

ИГРОВОЙ ОНОМАСТИКОН В СКАЗОЧНОМ ТЕКСТЕ В. П. КРАПИВИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА-СКАЗКИ «СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ»)

Аннотация. в статье анализируется игровой контекст ономастикона романа-сказки «Стража Лопухастых островов» В. П. Крапивина, актуализированного посредством объединения ономастических единиц в семантическое игровое поле «Природа». В результате исследования показано, что игровая семантика имени собственного порождает конфликт произведения, заостряет авторскую оценку. Ономастическая игра является важным элементом в конструировании художественных миров сказочных и фантастических текстах В. П. Крапивина.

Ключевые слова: литературная ономастика, В. П. Крапивин, ономастическая игра, игровой ономастикон, ономастическое пространство, игровое семантическое поле, игровой оним.

Детский писатель В. П. Крапивин — автор многочисленных произведений, созданных в различных жанрах (сказка-повесть, роман-сказка, реалистическая (школьная) повесть, фантастика и фэнтези). Важным элементом литературного творчества В. П. Крапивина является имя собственное. В зависимости от жанра писатель использует различные онимические единицы: окказиональные, индивидуально-авторские, а также соответствующие традиционному ономастикону того или иного языка.

В сказочных и фантастических произведениях В. П. Крапивин наиболее часто использует способы ономастической игры, что позволяет конструировать и репрезентировать сказочные миры.

Цель данной статьи — продемонстрировать особенности и функции игрового ономастикона в творчестве В. П. Крапивина на примере романа-сказки «Стража Лопухастых островов».

При анализе ономастического пространства исследуемых художественных текстов мы опирались на классификацию О. И. Фоняковой (1990), теорию ономастического поля В. И. Супруна (2000), концепцию игровой доминанты Р. Ю. Шебалова (2004). Также в статье используется терминология Н. В. Подольской (1978, 1988).

Работу над романом-сказкой «Стража Лопухастых островов» писатель завершил в июне 2002 г. В «Календаре знаменательных дат жизни и творчества В. П. Крапивина, написанном им самим» автор отмечает, что «хотелось сочинить веселую историю для младших ребят, но, увы, нынешняя суровая действительность влезла и в этот сюжет — никуда от нее не денешься. Так что полной солнечности не получилось» [Крапивин, 2008: 502].

Конфликт романа-сказки «Стража Лопухастых островов» построен на борьбе жителей городов Малые Репейники и Ново-Груздева (в прошлом Большие Репейники): организация НИИ-ТЕРРОР, функционирующая в городе Ново-Груздеве, пытается разрушить привычный уклад и природу города Малые Репейники, построив там полигоны для испытания оружейной техники.

Рассмотрим ономастическое пространство романа-сказки. Самым объемным ономастическим разрядом в исследуемом тексте являются **антропонимы** ср.: *Ига Егоров, Генка Репьев, Степанида, Степка, Стеша, бабка Анастасия Ниловна, купец Тягушинский, Яков Лазаревич Штольц, Иван Апполинарьевич Штандарт-Полустинов, Чарли Афанасьевич Домби-Дорритов, Афанасий Иванович Мишечкин, корреспондент Юрий Бдительный, руководитель городского управления Максим Максимович Нечитайлов, депутат губернской думы Эраст Эрнестович Стоерасов, Евгения Евгеньевна Козодубова, Марионелла Ромашикина, Капитон Климентьевич Калашный, Эмма Певичкина, Пузырь, Соломинка, Лапоть, СтёпниДлинныйЧулок, О-пиратор и др.* Антропонимы в основном соответствуют традиционному русским антропонимическим конструкциям. Вместе с тем используются и индивидуально-авторские онимические конструкции.

Второй по объёму разряд — это **топонимы**, ср.: *Малые Репейники, Ново-Грудев, Лопухастые острова, деревня Бубенцы, поселок Красностадухино, поселок Курочка Ряба, Большие Репейники, Щучий посад, улица Солнечных часов, Полынные переулки (прямой и кривой), Земляничный проезд, Утиный переулок, Кожевенная улица, Историческая улица, Мельничная улица, улица Умелых Токарей, Приозерный спуск, улица Колхозная, улица Большая Казачья, Багамские острова и др.* В тексте романа подробно представлены названия улиц в Малых Репейниках и даны наименования других населенных пунктов рядом с этим городом.

Остальные ономастические разряды представляют периферию ономастического поля ср.: **эргонимы:** аптека «*Не болейте!*», союз *Наши силы*, киоск *Стекляшкина будка*, антикварный магазин «*Два рыцаря*», страховая компания «*Камышовый кот*», НИИТЕРРОР — научно-исследовательский институт для использования территорий для испытаний оружейной техники, ЕЯНВТ — ежегодная ярмарка новейшей военной техники, кинотеатр *Красная пирамида*, экипаж *Репейный Беркут* и др.; **гидронимы:** речка *Говорлинка*, озеро *Журавлиное*, речка *Гусыня*, болота *Плавни*; **зоонимы:** гусь *Казимир Гансович*, *Казя*, пес *Бумсель*, петух *Ерофей*; **экклезионимы:** *Вознесенский монастырь*, *Спасская церковь*; **Мифонимы:** *ноги атлета Жоры*, *Куриные ноги*, *Лебедушка* и др.

В целом в романе-сказке представлены имена собственные, характерные для традиционного ономастикона, также встречаются окказиональные онимические единицы, но в меньшей степени. Игровой статус имени собственного формируется посредством объединения в семантическое поле «Природа». К семантическую полю «Природа» относятся онимы, которые соотносятся с лексемами, обозначающими различные природные явления. В результате объединения онимов в игровое семантическое поле «Природа» порождается игровое противопоставление мира детей миру взрослых. Писатель рисует образ города Малые Репейники как пространство, в котором торжествует природа, посредством онимов, соотносящихся с концептом природа ср.: *улица Юных садоводов, Полынная улица, улица Георгинов, Песчаный мыс, остров Большой Лопуховый, остров Малый Лопуховый, остров Индюк, остров Березовый, остров Катамаран, остров Кошкин Пуп, остров Одинокий Петух* и др.

Примечательной особенностью юных жителей Малых Репейников, является тот факт, что их уши похожи на лопухи. Эту особенность автор обозначает прилагательным «*лопухастый*». «Лопухастость» становится своеобразной приметой возраста и места проживания. Значимость данной лексемы подчеркивается включенностью в заглавие произведения — «*Стража Лопухастых островов*», а также ассоциативной цепочкой: *Лопухастый остров — лопухастые уши — «честное лопухастое» (ср. честное пионерское) — лопухи*; связь с антропонимическими и апеллятивными конструкциями: *Генка Репьев — репьевская классическая (водка)*; игровой трансформацией фразеологизма «*вешать лапшу на уши*» ср.: «*Нечего, мол, нам на уши репья цеплять*»; игровая трансформа, приветствия: *репивет* («*это означало привет по-репейному*»), актуализация лексемы *репей* (*Генка Репьев достал из торчащих волос репей*); передача «*Ключики для репейных сказок*»; корабль «*Репейный беркут*», *репейные места*; сатирическая газета «*Репейный цепляла*»; статья «*Большой заговор против Малых Репейников*»; танцевальная группа «*Репейчата*», острова *Большой Лопуховый* и *Малый Лопуховый*.

Своеобразная принадлежность лексем «лопух» и «репей» к так называемому миру детства, помимо основных значений ср. «репей — сорное растение с цепкими, колючими, отрывающимися соцветиями или плодами» [Ожегов, 2006: 676], «лопух — травянистое сорное растение семейства сложноцветных, с крупными, широкими листьями и цепкими колючками; репейник» [Ожегов,

2006: 333], отображает также дополнительные значения: Ср. «репей — пристал как репей, о том кто ведет себя навязчиво, надоедливо» [Ожегов, 2006: 676], «лопух — (разговорно-сниженное) о простоватом, несообразительной человеке» [Ожегов, 2006: 333]. Прилагательное зеленый, являющийся основным цветом указанных растений, также имеет дополнительное значение: «очень юный, неопытный по молодости» [Ожегов, 2006: 228]. Указанные ряды значений способствуют формированию собирательного, метафорического образа местных детей («колючий характер», но наивный и простоватый в силу возраста, «зеленый»), ассоциирующийся с молодой, непрактичной зеленой природой (лопухи, репья), что противопоставляется, так называемым «новым груздям» (взрослые, чиновники, проживающие в Ново-Груздеве), имеющих явную практическую значимость [Кочнева, 2022:195].

Пространство города Малые Репейники и прилегающих территорий подробно обозначены: гидронимы — *озеро Журавлиное, речка Гусыня, впадающая в речку Говорлинку*; топонимы — *Большой Лопуховый остров, остров Индюк, остров Березовый, остров Кошкин Пуп, остров Одинокий Петух, остров Малый Лопуховый, Земляничный проход, Утиный переулоч, Полынные переулочки (прямой и кривой), Приозерный спуск, улица Колхозная, Полынная улица, улица Георгинов, улица Юных Садоводов, город Щучий Посад, город Бобровск* и др.; зоонимы — *ручейковые, камышовые, озерные квамы, одуванчиковые, ежевичные, лютиковые кнамы, кнам Нырялло, болотные книмы, храбрый квам по имени Речная Ставрида* и др.

Город Ново-Груздев, шумный и деловой мегаполис, противопоставляется зеленым Малым Репейникам: ср. «Ново-Груздев от Малых Репейников был совсем недалеко. Но очень от них отличался. Там блестели стеклами многоэтажные кварталы, дымили заводы, тысячами носились по улицам автомобили, ездили троллейбусы и сияла по вечерам реклама «Кока-колы» и «Самсунга». А здесь, как в заповеднике, мирно дремала старина» [Крапивин, 2003: 11]. Примечательно то, что Ново-Груздев (в прошлом Большие Репейники) представлен только эргонимом *НИИ-ТЕРРОР*. Эта аббревиатура, обозначающая «научно-исследовательский институт для использования территорий для испытаний оружейной техники». Данный оним играет важную роль в интерпретации текста. Комический эффект заключается в сочетании смыслов двух лексем «научно-исследовательский институт» и «террор», т.е. институт, порождающий террор. Принцип построения и использования эргонима соответствует имитативному принципу языковой игры, реализуемому «в установке на опознаваемость прототипных черт» [Гридина, 2015: 161]. Таким образом, в тексте явственно транслируется авторское отношение к происходящему.

Таким образом, в анализируемом тексте посредством ономастической системы формируются два игровых мира: образ детства (зеленый, цветущий, природный) и взрослый мир (современный, деловой, злой, опасный), актуализирующий сеть негативных ассоциаций посредством доминантного онима НИИТЕРРОР (а также ср. библионим «*Как танцует твист Ниитерририст*»), относящегося к этому пространству.

Ономастикон исследуемых произведений представлен онимами разных разрядов, соотносимых с традиционным ономастиком русского языка. Однако игровой статус имени собственного актуализируется посредством объединения онимов в игровое семантическое поле «Природа». Ономастическая игра является наиболее действенным механизмом в формировании текстовых миров, актуализации конфликта в сказочных и фантастических текстах В. П. Крапивина.

Список источников

1. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте : моногр. / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — 3-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург, 2013. — 254 с.
2. Кочнева Н. С. Игровой статус имени собственного в художественном тексте (на материале произведений В. П. Крапивина) : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2022. — 497 с.
3. Крапивин В. П. Стража Лопухастых островов. — М. : Автор, 2003. — 164 с.
4. Крапивин В. П. Белые башни родины. Избранное : в 2 т. — Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2008. — Т. 2. — 532 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеолог. выражений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М. : А Темп, 2006. — 944 с.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1978.

7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
8. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.
9. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие. — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. — 104 с.
10. Шебалов Р. Ю. Ономастическая игра в художественном тексте (на материале ранних рассказов А. П. Чехова) : дис. канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2004. — 219 с.

Сведения об авторе

Кочнева Наталья Сергеевна — ассистент кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

П. Ю. Красильникова, К. С. Федотова

ИМЕНА БИБЛЕЙСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА И САШИ ЧЕРНОГО

Аннотация. В статье кратко рассмотрена семантика и поэтика имен библейских персонажей, встречающихся в поэзии Н. Гумилева и Саши Черного: поэтонимы Адам, Ева, Авель, Каин, Моисей, Иона, Лазарь, Петр. Представлены контексты их употребления, выделены основные референциальные аспекты семантики, обозначены стилистические особенности конструкций с указанными поэтонимами.

Ключевые слова: библейский персонаж, литературная ономастика, семантика, собственное имя, поэтика, поэтоним, Н. Гумилев, Саша Черный.

В рамках проводимого нами в настоящее время исследования, посвященного описанию и сопоставлению организации ономастического пространства поэтических текстов Николая Гумилева и Саши Черного, была выделена группа собственных имен (поэтонимов), отсылающих к библейским текстам. Сравнение ономастической области поэзии Гумилева и Саши Черного представляет большой интерес вследствие, во-первых, некоторой хронологической симметрии их биографий, а во-вторых, контрастности их мировоззрений, на фоне которой с отчетливостью выступают как неожиданно яркие сходства, так и индивидуальные черты образов автора.

Имена собственные были проанализированы с точки зрения специфики референциального значения и особенностей их контекстуальной семантики.

В стихотворениях Саши Черного отмечено 36 собственных имен библейской сферы, многим меньше половины которых встречаются в творчестве доэмигрантского периода, в поэзии Гумилева таких поэтонимов 12. Эта количественная разница не так значима, так как наблюдается пропорциональность времени жизни и периодов творчества, которое для Гумилева продлилось после революции совсем недолго, тогда как у Саши Черного в эмиграции произошел ощутимый идейный и стилистический поворот.

В рамках данной работы внимание уделено сопоставлению тех имен собственных, которые используются обоими поэтами: *Адам, Ева, Авель, Каин, Моисей, Иона, Лазарь, Петр*.

Семантика имени Адам у обоих поэтов реализуется довольно широким спектром значений. В частности, отмечено употребление этого поэтонима для обозначения временной давности: *Это было еще до Адама / В небесах жил не Бог, а Брама* («Сказка» [Гумилев, т. 2: 128]); *Разве видел мир наш от Адама / Хоть один свободный, полный час? / Декорации меняются, но драма / Той же плетью бьет теперь по нас* («Надо» [Саша Черный, т. 1: 344]). У Саши Черного такая функция отмечена и для поэтонима Ева: *Для матери, так повелось от Евы, / Улыбка сытого ребенка слаще манны...* («Американец» [Саша Черный, т. 2: 54]).

В текстах обоих поэтов находим отсылку к сюжету изгнания из рая, где Адам является жертвой чужого проступка, при этом его образы у поэтов схожи и как бы контаминируют в себе сугубо мужские черты: он суров, молчалив, горд, зол, бледен. Ср. у Саши Черного: *Адам молчал, сурово, зло и гордо, / Спеша из рая, бледный, как стена* («Несправедливость» [Саша Черный, т. 1: 209]), у Гумилева: *Адам, униженный Адам, / Твой бледен лик и взор твой бешен* («Адам» [Гумилев, т. 1: 268]); *И многое видит смущенный Адам: / От тонет душою в распутстве и неге, / Он ищет спасенья в надежном ковчеге / И строится снова, суров и упрям* («Сон Адама» [Гумилев, т. 1: 256]).

Адаму как архетипу мужчины в сюжете изгнания противопоставлена Ева, воплощающая в себе архетип женщины: *А у Евы — и дети, и стадо овец, / В огороде картофель, и в доме уют* («Ева или Лилит» [Гумилев, т. 2: 68]). Архетип женщины-Евы у Саши Черного может содержать и отрицательные коннотации, когда на первый план выступают такие черты как переменчивость, несерьезность: *В слезах из рая Ева уходила... / Но ей Адам из перьев какаду / Передник сделал с пряжкой на заду. / Вмиг Ева расцвела: «Как это мило!»* («Из альбома женоненавистника» [Саша Черный, т. 2: 210]). У Гумилева в образе Евы сочетаются и амбивалентные черты, свойственные многим женским образам его поэзии: *Вот Ева — блудница, лепечет бессвязно, / Вот Ева — святая, с печалью очей* («Сон Адама» [Гумилев, т. 1: 257]).

У Саши Черного в связи с сатирической направленностью его поэтического стиля нередко встречаются случаи, когда имя известного персонажа или исторического лица служит для именования современников. В этих случаях, как правило, поэтоним употреблен либо в сравнительной конструкции, либо в форме множественного числа, а в его семантике акцентирован один коннотативный аспект (например, Адам как первобытный человек, мужчина): *Волосатые Адамы / Вяло шлепают девиц. / Раскоряченные дамы / С балыками вместо лиц...* («Курортное» [Саша Черный, т. 2: 86]). У Гумилева также встречается использование поэтонимов для вторичной номинации, но только в составе сравнения и с отсылкой к лирическому герою (лирической героине) или абстрактному образу: *И в юном мире юноша Адам, / Я улыбаюсь птицам и плодам* («Баллада» [Гумилев, т. 2: 6]); *Ты полюбишь мира звенья, / Будешь радостною Евой / Для иного поколенья* («Разговор» [Гумилев, т. 1: 77]).

В сравнительном обороте для вторичной номинации у Саши Черного употреблено имя Авель. В «Невольном признании» оно отсылает к политическому деятелю — лидеру конституционно-демократической партии И. Гессену, беседовавшему со своим соратником П. Милюковым: *Гессен сидел с Милюковым в печали. / Оба курили и оба молчали. / Гессен спросил его кротко, как Авель: / «Есть ли у вас конституция, Павел?»* ([Саша Черный, т. 1: 116]). Отсылка к библейскому Авелю как жертве братоубийства здесь обусловлена тем, что оба лица (И. Гессен и П. Милюков) состояли в одной политической партии и были редакторами газеты «Речь», однако их отношения не были в полной мере дружескими [Саша Черный, т. 1, комментарии: 415]. У Гумилева поэтоним Авель употреблен вместе с именем Каин в стихотворении «Сон Адама», где описано видение, в котором Адаму раскрываются будущие события: *За вепрями сильный охотится Каин, / И Авель собирает маслины и мед* ([Гумилев, т. 1: 255]).

В стихотворении «Театр» Гумилева Каин становится персонажем воображаемой пьесы мира людей, разыгрываемой Богом: *Бог, наклонясь, наблюдает. / К пьесе он полон участия. / Жаль, если Каин рыдает, / Гамлет изведает счастье!* («Театр» [Гумилев, т. 1: 270]). Здесь переплетены сюжеты Библии и трагедии Шекспира: Каин как архетип безжалостного братоубийцы противопоставлен Гамлету как персонажу, жаждущему справедливости и желающему отомстить дяде за убийство своего отца.

В стихотворении «С приятелем» Саши Черного имя Каин использовано как метафора современников — сторонников определенных идей, разрушения и насилия: *Гроздь лозунгов новых наряднее тостов, — / В середине — холодные тли. / Каин тучен и весел, / Нож сверкает у чресел, / Холм невинных все выше вдали...* [Саша Черный, т. 2: 71]. В стихотворении «Семь чудес» с Каином сравнивает себя лирический герой Саши Черного, но в основе сравнения здесь, видимо, лежит переживаемое им чувство пустоты, бессмысленности эмигрантской жизни: *Шесть дней, как Каин, брожу вдоль панели, / Томлюсь и на стены глаза тарану* [Саша Черный, т. 2: 246].

Имя пророка Ионы у обоих поэтов содержит отсылку к библейскому сюжету поглощения пророка китом и использовано в конструкции сравнения: в «Кому в эмиграции жить хорошо»

Саши Черного лирический герой, переживающий однообразие, монотонность и одиночество жизни за границей, сравнивает свое состояние с Ионой, попавшего во чрево кита: *Ох, надоело, миленький! / Хоть сът, хоть койка мягкая, — / Но стражду, как Иона, я / Во чреве у кита...* [Саша Черный, т. 2: 414]. У Гумилева этот поэтоним встречается в стихотворении «Крест», которое является шуточным ответом на критику в адрес поэта со стороны К. Чуковского: *Но, кажется, попал тебе, Чуковский, / На твой огромный, страшный зуб, / Я — не Иона, я же не таковский* [Гумилев, т. 2: 131].

Имя пророка *Моисея* у Саши Черного встречается в стихотворении «Фонтан на Monte Pincio», где описывается скульптура в парковом комплексе в Риме, на которой изображена мать *Моисея*, опускающая ребенка в воды Нила в надежде, что он будет найден и спасен. Наблюдая скульптуру, лирический герой ощущает свою связь с историей, преемственность прошлого: *О скорбная мать Моисея! / Сегодня — ты наша сестра* [Саша Черный, т. 2: 199]. У Гумилева в стихотворении «Красное море» поэтоним *Моисей* также отражает образ истории, эпохи единобожия, которая сменила эпоху язычества: *И ты помнишь, как, только одной из морей, / Ты когда-то исполнило Божий закон, / Ты раздвинуло цепкие руки зыбей, / Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон* [Гумилев, т. 4: 15].

Имя *Лазарь* встречается у обоих поэтов, но отсылает к разным евангельским персонажам: у Гумилева в стихотворении «Счастье», вероятно, упоминается нищий Лазарь, нашедший покой после полной лишений жизни и противопоставленный богачу, прожившему полную удовольствий и радости жизнь и не получившему покоя после смерти, в чем лирический герой усматривает высшую несправедливость: *...Ему дороже нищий Лазарь / Великолепно волхва* [Гумилев, т. 3: 66]. У Саши Черного в двух произведениях этот поэтоним содержит аллюзию на евангельский сюжет воскрешения Христом другого Лазаря, брата Марфы и Марии. Здесь *Лазарем* именуется лирический герой — сам поэт, который переживал поступившую в свой адрес критику в том, что он пишет о ненависти, а не о любви. В роли воскресителя выступает *Муза*: *Но в окно вспорхнула Муза / И шепнула: Лазарь, встань! [...] Кто не глух, тот сам расслышит, / Сам расслышит вновь и вновь, / Что под ненавистью дышит / Оскорбленная любовь* [Саша Черный, т. 1: 216]. В «Пробуждении весны» под *Лазарем* понимается начавшее цвести весной растение: *И кактус мой, — о чудо из чудес, — / Залитый чаем и кофейной гущей, / Как новый Лазарь, — взял — да и воскрес* [Саша Черный, т. 1: 46].

Имя апостола *Петра* у Саши Черного встречается один раз в описании скульптуры «По форуму Траяна» (*Стволом гигантской свечки / Колонна вьется к небу. / Вверху, как на крылечке, — / Стоит апостол Петр* [Саша Черный, т. 2: 194]) и один раз оно служит именованию других лиц — издателей второсортных журналов: *Даже старцы Петр и Павел / По шаблонам европейским / Завели отдел в газетах / С содержанием злодейским...* («Иллюстрированной России» [Саша Черный, т. 2: 167]). В последнем случае обыгрывается роль апостолов как учителей новой веры для народов-язычников, сопоставимая с ролью издателей как носителей определенных идей.

У Гумилева семантика имени *Петр* раскрывается несколько по-разному: в двух стихотворениях Петр представлен как носитель ключей, охраняющий вход в рай. В одном случае он становится адресатом обращения лирического героя: *Апостол Петр, бери свои ключи, / Достойный рая в дверь его стучит* («Рай» [Гумилев, т. 3: 80]). Во втором стихотворении («Ворота рая») *Петр* показан как привратник, стоящий у входа в ненужный людям и отвергаемый ими рай: *Так проходит медленное чудище, / Завывая, трубит звонкий рог, / И апостол Петр в дырявом рубище, / Словно нищий, бледен и убог* [Гумилев, т. 1: 193]. В «Блудном сыне» *Петр* как апостол, обладающий твердым и вспыльчивым характером, противопоставлен апостолу *Иоанну*, известному своей кротостью и смирением: *Я больше не мальчик, не верю обманам, / Надменность и кротость — два взмаха кадила, / И Петр не унижится пред Иоанном / И лев перед агнцем, как в сне Даниила* [Гумилев, т. 2: 31]. Для лирического героя оба качества — твердость и кротость — имеют равное значение. В «Молитве мастеров» имя *Петр* служит созданию обобщенного образа, в основе которого лежит мотив отречения апостола от Христа. Основная идея стихотворения — взаимодействие учителя и тех учеников, которые ждут от него чего-то необычного и нового: *Их радует, что мы в борении, покуда / Петр отрывается и предает Иуда* [Гумилев, т. 4: 122].

Краткий анализ семантики и поэтики имен библейских персонажей в творчестве Саши Черного и Гумилева позволил выделить некоторые черты ономастической составляющей их поэтики:

вторичная номинация у Саши Черного может отсылать к другим лицам — современникам поэта (например, использование имен *Петр* и *Павел* для именованя издателей), у Гумилева она, как правило, называет самого лирического героя или служит созданию символического образа (например, имя *Моисей* (во множественном числе) в стихотворении «Деревья») или образа обобщения (например, имя *Петр* в «Молитве мастеров»). Для обоих поэтов характерно использование поэтонимов в сравнительных конструкциях (имена *Авель*, *Каин*, *Лазарь* у Саши Черного, *Иона* у обоих поэтов), также встречаются случаи развернутого сравнения (в некоторых контекстах имена *Адам*, *Ева* у Гумилева). В случаях, когда использована первичная номинация (поэтоним называет библейский персонаж), в контексте употребления имени, как правило, содержится отсылка к конкретному ветхозаветному или новозаветному сюжету, что актуализирует какой-то один аспект его семантики (например, у обоих поэтов *Адам* как архетип мужчины, *Каин* как архетип братоубийцы).

Список источников

1. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. — М.: Воскресенье, 1998. — Т. 1 : Стихотворения. Поэмы (1902–1910).
2. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. — М. : Воскресенье, 1998. — Т. 2 : Стихотворения. Поэмы (1910–1913).
3. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. — М. : Воскресенье, 1999. — Т. 3 : Стихотворения. Поэмы (1914–1918).
4. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. — М. : Воскресенье, 2001. — Т. 4 : Стихотворения. Поэмы (1918–1921).
5. Саша Черный. Собрание сочинений : в 5 т. — М. : Эллис Лак, 1996. — Т. 1 : Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905–1916.
6. Саша Черный. Собрание сочинений : в 5 т. — М. : Эллис Лак, 1996. — Т. 2 : Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932.

Сведения об авторах

Красильникова Пелагея Юрьевна — к.филол.н., старший преподаватель Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова; **Федотова Ксения Сергеевна** — к.филол.н., старший преподаватель Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова (Москва, Россия).

Н. В. Ланге

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ В РОМАНЕ Д. И. РУБИНОЙ «МАНЬЯК ГУРЕВИЧ»

Аннотация: В статье исследуются прецедентные антропонимы в романе Д. И. Рубиной «Маньяк Гуревич». Несмотря на «медицинскую» тематику произведения, в романе встречаются разнообразные тематические группы прецедентных антропонимов. Такие имена могут иметь различные функции: показывать эрудированность героев, самого писателя, отражать определённое время. Дальнейшее изучение прецедентных имён в прозе Рубиной позволит сделать выводы, являются ли прецедентные имена особенностью стиля писателя.

Ключевые слова: Рубина, ономастика, прецедентные имена, антропоним, референтное (вторичное) сознание, языковая картина мира.

Изучению прецедентных имён в художественном дискурсе посвящено множество научных работ современной ономастики [например, Блинова 2019, Родионова, 2018]. Как отмечает

Ю. А. Блинова, «прецедентные имена <...> не являются сюжетообразующими, однако они насыщают роман дополнительной образностью, создают вертикальный контекст произведения и открывают читателю внутренний мир героев» [Блинова, 2019: 155]. Вместе с этим прецедентные имена иллюстрируют фрагмент языковой картины мира автора, могут стать особенностью стиля.

Роман «Маньяк Гуревич» – один из последних романов Д. И. Рубиной. Главный герой — Семён Гуревич — врач-психиатр, добрый, мягкий, но очень мужественный и стойкий человек. В его жизни не было огромных трагедий, но было много несправедливостей и невзгод, с которыми он боролся, как мог. Его жизнь типична для поколения, рождённого в начале 60-х годов в СССР, типична для представителя интеллигентной еврейской семьи потомственных врачей. Советское детство и юность, студенческая молодость и период работы в больнице эпохи перестройки, эмиграция — это основные вехи жизни героя. Поэтому вместе с Семёном героем романа Рубиной становится время, советский Ленинград 60 — х — 90 — х годов и Израиль 90-х годов. Рассмотрим прецедентные антропонимы в романе.

Среди прецедентных антропонимов можно выделить следующие тематические группы: религиозные имена (*Мария-грешница, Пресвятая Дева (Мария, Мадонна), Давид, Голиаф, Богородица, Христос, Создатель (Всеблагий Господь, Главреж), Лазарь, Иосиф, Моисей, Илья-пророк*), имена мифологических персонажей (*Немезида, Бог Саваоф, Троянский конь, Харон, Медуза Горгона*), имена писателей (*Пушкин (Алексан Сергеич), Некрасов, Кюхля, Фет, Джойс, Майн Рид, Золя, Мопассан (Ги де Мопассан), Фенимор Купер, Данте, Овидий Назон, Фейхтвангер, Блок, Шекспир, Томас Манн, Толстой, Фридрих Ницше, Льоренте, Шолом-Алейхам, братья Гримм, Гейне, Гегель, Кант, Чехов, Дина Рубина Гашик, Джером, О'Генри, Диккенс, Ростан*), имена героев книг (*Анна Каренина, Д'Артаньян, Сирано де Бержерак, Ассоль, Евгений (из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник»), Вера Павловна, Остап Бендер*), имена сказочных персонажей (*Гулливвер, Буратино, Красная Шапочка, Дед Мороз, Снегурочка (Снегурка), Петрушка, Курочка Ряба, Змей Горыныч, Двое из ларца одинаковых с лица*), имена политических деятелей (*Сталин, Ришелье, Екатерина Великая (Вторая), Павел Первый, Молотов, Ильич (Ленин), Наполеон, Инесса, Арманд, Александр Невский, династия Чжоу, Пётр Первый, Дзержинский, Иван Грозный, Гитлер, Лоуренс Австрийский, Фанни Каплан*), имена военачальников (*граф Сиверс, Флавий*), имена народных героев (*Степан Разин (Стенька Разин), Емельян Пугачёв (Емеля Пугачёв)*), имена артистов (*Баталов, Ольга Аросева, Лоллобриджида, Фред Астер, Барбара Брыльска, Плятт, Вера Холодная, Ида Рубинштейн*), имена певцов и композиторов (*Макаревич, Высоцкий, Мирей Матье, Эдит Пиаф, Армстронг, Римский-Корсаков, Вагнер, Сергей Никитин*), имена архитекторов (*Корбюзье*), имена спортсменов (*Матти Хейкинен, Брюс Ли*), имена известных медийных личностей (*Чумак, Кашиповский*), имена известных психиатров и врачей (*Фрейд, Юнг, Черток, Гиппократ, Павлов, Ромберг, Блейлер, Квинке*), имена художников (*Босх, Гойа, Бехштейн*), имена учёных-лингвистов (*Вольфрам фон Эшенбах, Готфрид фон Штраасбург*), имена танцовщиков (*Айседора Дункан*), имена других исторических персонажей (*Казанова*). Как видим, в «медицинском романе» представлены разнообразные тематические группы прецедентных имен.

Прецедентные антропонимы могут являться показателем эрудированности и интеллигентности героев произведения. Так, отец главного героя — «*красавец, романтик, член Пушкинского общества; всего Пушкина знал наизусть, а взятки брал только книгами*» [Рубина, 2022: 12]. Он показывает сыну любимые места Ленинграда, и в его рассказах оживают великие писатели, Пушкин становится «нашим Алексан Сергеичем»: «*Что касается нашего Алексан Сергеича <...>, так он целых тринадцать раз проезжал через эти места на Святые Горы...*». Или, гуляя по окрестностям Вырицы, папа рассказывает «*про графа Сиверса, которому поместье пожаловала государыня Екатерина Великая*» [Рубина, 2022: 52]. Безусловно, несмотря на то что в детстве Сене иногда «*хотелось, чтобы Пушкин уже отдохнул*» [Рубина, 2022: 31], Гуревич растёт эрудированным человеком, в школе раздражает учителей, «*подхватывая и завершая строки Некрасова, Пушкина или Фета*» [Рубина, 2022: 83]. Даже себя он ассоциирует с литературным персонажем: «*Он был подростком начитанным и <...> знал «Сирано де Бержерака» чуть не наизусть. Близок был ему герой Ростана. В частности из-за носа*» [Рубина, 2022: 120]. Папа сравнивает его с **Кюхлей** (а мама тут же выдает каламбур: «Он был и останется Рохлей» [Рубина, 2022: 103]), и уже в зрелом возрасте Гуревич мысленно утверждает в правоте родителей.

В этом примере прецедентный антропоним развивает вторичное созначение и обозначает мягкого человека, не умеющего отстоять свою точку зрения.

Всю жизнь вокруг Сеня воспринимает через призму прецедентных антропонимов. Причём это имена из разных областей культуры. Так, играя в детстве с двумя кукольными Петрушками, «Сеня сам их обшивал, облекая матерчатые туловища в потребные действию одежды. Это был достойный гардероб: красная ряса **кардинала Ришелье**» [Рубина, 2022: 28]. Разыгрывая «чемпионат мира по бегу на четвереньках вокруг стола», Сеня воображал себя финским спортсменом **Матти Хейкиненом** [Рубина, 2022: 29–31]. Когда Семён слушал рассказы деда о его работе в авиационном полку в Великую Отечественную войну, «воображение младшего Гуревича рисовало грандиозную картину: дед-**Гулливёр** <...> хватает за хвосты сразу несколько связанных верёвочкой самолётов» [Рубина, 2022: 64]. Поехав с дедом на рыбалку и слушая эмоции деда по поводу сильного течения и отсутствия рыбы, Сеня вспоминает известную народную песню про Степана Разина: «Сеня знал песню про **Степана Разина**, даже любил её, но не хотел бы разделить участь княжны в набежавшей волне» [Рубина, 2022: 66]. Драку с одноклассником Гуревич воспринимает, как битву Давида с Голиафом: «Он был **Давидом**, где-то посеявшим свою пращу и улепётывающим от разъярённого **Голиафа**» [Рубина, 2022: 116]. Прецедентные имена Давид и Голиаф также развивают референтные созначения. Голиаф — ‘могучий великан, сильный человек высокого роста’ [Отин, 2006: 131]. Давид — ‘не такой сильный, но смелый и умный и поэтому победивший в неравном бою. Красивую девушку Гуревич называет **Ассоль**: «Гуревич всерьёз заподозрил, что эта **Ассоль**, гибкая как кошка, имеет разряд по спортивной гимнастике» [Рубина, 2022: 149].

В молодости, работая на «Скорой помощи», Семён оказывается в разных непростых ситуациях. И многое он вновь оценивает через известные прецедентные антропонимы. Так, с юмором описывается история, когда немолодой женщине стало плохо в бане. Сеня приехал в качестве дежурного врача. Картина, которая предстала перед Гуревичем, — полная баня голых старух — вызывает такие ассоциации: «Любите ли вы **Босха**? Или, скажем, предсмертного **Гойю** с его «Чёрной живописью» из Дома глухого? <...> Это был чистый **Босх**, это был **Дантов Ад**» [Рубина, 2022: 174–175]. Другая история вновь связана со старой женщиной, которая стала просить фельдшера скорой помощи Сеню чесать ей ногу. Высохшая старуха называется **Курочкой Рябой**: «припомнили, конечно, и тот вызов, когда доктор Гуревич сосредоточенно чесал лапу **Курочке Рябе**» [Рубина, 2022: 194].

Эрудицию Сеня «не растерял» и в зрелом возрасте: «Если ты помнишь, главного героя «Двенадцати стульев» полностью звали **Остан Сулейман Берта Мария Бендер-бей**» [Рубина, 2022: 428]; «...мог часами говорить <...> о китайском кобальтовом стекле времён **династии Чжоу**» [Рубина, 2022: 205]. Иногда Рубина иронизирует и над поверхностностью некоторых знаний персонажа: «Старуха сидела на диване, являя лик **Медузы горгоны**, с близорукими глазами **Фанни Каплан**, хотя Гуревич понятия не имел, как та выглядела, впрочем, как и **Медуза горгона**» [Рубина, 2022: 376].

Гуревич — прекрасный врач, психиатр, поэтому медицинские знания для него являются приоритетными. «Медицинские» прецедентные антропонимы встречаются в различных диагнозах, которые ставит Гуревич, в перечислениях авторов книг, которые читает студент Сеня. Даже судьбы известных личностей его интересуют с точки зрения их болезней: в качестве примеров нелеченного сифилиса и как его следствия слабоумия Гуревич вспоминает **Ницше**, **Ивана Грозного**, **Ги де Мопассана**. Так писатель хочет показать не только эрудированность, но и правильный выбор профессии героем: это та профессия, которая действительно становится делом жизни. Работа психиатра сравнивается с добрым словом Христа, используется прецедентный религионим Лазарь: «Доброе слово врача воскрешает умершего **Лазаря**» [Рубина, 2022: 186].

Безусловно, прецедентные антропонимы показывают эрудированность и самой Дины Рубиной. Сравнения, метафоры, каламбуры с использованием прецедентных имён — всё это является способами языковой игры, которой отличается стиль писателя. Приведём несколько примеров. Сравнение: «она <...> подошла к ряду фанерных кресел, где обычно сидел отверженный Гуревич, как **Наполеон на острове Святой Елены**» [Рубина, 2022: 85]; каламбур (римский полководец Флавий и учитель истории Иосиф Флавич): «Родители Гуревича, ведомые полководцем **Флавичем**...» [Рубина, 2022: 120]; метафора, связанная с детским трагическим восприятием Сени

увиденного им убийства курицы на суп — курица без головы выбежала в ворота и была задавлена автомобилем: «*Анна Каренина в перьях*» [Рубина, 2022: 44] и другие. Вновь многие метафорически используемые антропонимы приобретают референтные значения. Так, **бог Саваоф** — одно из имён Бога, подчеркивающее его всемогущество — становится обозначением самого влиятельного и авторитетного человека: «*Завкафедрой профессор Нестеренко <...> для ординаторов — просто бог Саваоф, уж не ниже рангом*» [Рубина, 2022: 273]. Библейский Моисей у Рубиной — обозначение предприимчивого человека: «*Предприимчивый парняга, он, как библейский Моисей, умел добывать из скалы воду*» [Рубина, 2022: 366].

Другая важнейшая функция прецедентных антропонимов — показать время, в которое живёт герой. Так, на страницах романа появляются имена популярных в то время актёров и певцов. Они фигурируют как реальные популярные люди 70-х годов. Так, Семён вспоминает Старый Новый год в Ленинграде: «*...по-семейному смотрели «Кабачок «13 стульев» с пани Моникой в исполнении Ольги Аросевой*» [Рубина, 2022: 90]. Все стремятся быть похожими на кумиров: «*прямо на снежный наст осела девушка лет двадцати — миловидная, бледная, в меховой шапке а-ля Барбара Брыльска*» [Рубина, 2022: 201]; «*В вагоне электрички увидел девушку. <...> сначала со спины отметил красивую стрижку паж, в то время модную из-за Мирей Матье*» [Рубина, 2022: 167]. Многие такие имена развивают вторичные значения. Лоллобриджида — молодая прекрасная девушка: «*...душ <...> — баловство на случай — привести себя в порядок перед ужинком с Лоллобриджидой*» [Рубина, 2022: 134]. Брюс Ли — «великий спортсмен»: «*И кунг-фу подождёт <...> Подумаешь, ну не выйдет из тебя Брюса Ли, не судьба*» [Рубина, 2022: 425]. Макаревич, Высоцкий — «талантливые, популярные певцы»: «*...и голос неплохой: не Макаревич, конечно, не Высоцкий...*» [Рубина, 2022: 111]. Время конца 80-х — начала 90-х выдвигает других кумиров: «*Чумак и Кашиповский тяжело глядели из телевизоров на население, заряжая воду в стаканах, бокалах и кружках*» [Рубина, 2022: 161].

Интересную функцию — показать отклонения психически нездоровых людей, пациентов отца Семёна, а потом и самого Гуревича — имеют прецедентные имена политических деятелей. Так ребёнком Сеня вычитывает из медицинской карты папиного пациента: «*Родителей считает неродными: «они только притворялись, а квартиру дал лично Сталин*» [Рубина, 2022: 19]. Другая пациентка, уже самого Гуревича, «*тихим уютным голосом <...> она привычно докладывала любому интересующемуся, что была соратницей Дзержинского, делала революцию*» [Рубина, 2022: 252].

Оригинальным прецедентным антропонимом является имя самой писательницы. Чтобы показать «дыру», в которой согласился работать в эмиграции «декабрист» Гуревич, она иронично рассказывает такую историю: «*При Гуревиче тут построили гостиницу, где на его памяти мало кто останавливался, — разве что писательница Дина Рубина, по легкомыслию или незнанию географии согласившаяся приехать и выступить в местной библиотеке*» [Рубина, 2022: 433].

Таким образом, прецедентные антропонимы в романе Д. И. Рубиной весьма разнообразны, связаны с разными областями жизни, в том числе с медициной, поскольку «Маньяк Гуревич» — «медицинский» роман. Они могут характеризовать эрудированность героев романа, их способность воспринимать жизнь образно и ярко (именно поэтому Гуревич называется «маньяком»), могут быть связаны с психическими отклонениями пациентов Семёна, отражают определённые временные реалии, показывают эрудированность самого писателя и используются им в качестве средства языковой игры. Многие имена приобретают референтные значения, фиксируемые и не фиксируемые словарями, но понятные для любого русского человека. Дальнейшее изучение прецедентных имён в романах Д. И. Рубиной позволит определить, является ли использование их — особенностью стиля писателя или характерно только для конкретного романа.

Список источников

1. Блинова Ю. А. Прецедентные имена и названия в художественном дискурсе (на материале романа Вольфганга Херрндорфа «Чик») // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2019. — Т. 25, № 1. — С. 155–160.
2. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён. — М. ; Донецк : А Темп, 2006. — 440 с.

3. Родионова Л. П. Прецедентные и аллюзивные имена собственные в ранних романах А. О. Белкина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Смоленск, 2018. — 22 с.
4. Рубина Д. Маньяк Гуревич. — М. : Эксмо, 2022. — 512 с.

Сведения об авторе

Ланге Нина Витальевна — к.филол.н., заведующий кафедрой лингвистики Смоленского государственного медицинского университета (Смоленск, Россия).

М. Л. Лаптева

ИТАЛЬЯНСКИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

Аннотация. В статье представлены результаты семантического анализа фразеологических единиц с топонимическим компонентом, связанным с итальянским дискурсивным пространством (Неаполь, Рим). Выявляются особенности функционирования данных единиц в узуальной форме, рассматриваются их структурно-семантические преобразования и определяется лингвокультурная значимость для русского языкового сознания.

Ключевые слова: топонимический образ, фразеологическая семантика, трансформация, языковое сознание.

Значимый сегмент фразеологического пространства русского языка составляют единицы, в которых находит отражение восприятие элементов «чужой» культуры в самом широком смысле этого слова. Фразеологической объективации подвергаются, в частности, инокультурные топонимические образы, обладающие определенной степенью ценности для картины мира носителей русского языка. Так, элементы дискурсивного пространства инокультурной топонимики актуализируются в единицах *глава Ватикана, дама из Амстердама, дела как в Польше, идти/пойти в Мекку, люди из Лэнгли, туманный Альбион, молода — в Саксонии не была* и др. В составе русских косвенно-производных знаков обнаруживаем не только топонимы, но и их дериваты. Речь идет о единицах типа *китайская стена, греческий огонь, африканская жара, венский вальс, сиамские близнецы, сыны израилены, египетские папирасы* и др., обладающие разной степенью семантической неделимости и стилистической маркированности.

В настоящее время можно говорить о двух противоположных тенденциях: с одной стороны, наблюдается недостаточно активное или ограниченное употребление членами лингвокультурного сообщества некоторых кодифицированных фразеологических единиц, их несоответствие реальным коммуникативно-прагматическим ситуациям и, с другой стороны, расширение границ современного дискурса за счет трансформации фразеологических знаков, в основе которых лежит «чужой» образ, соотносимый с теми или иными актуальными фактами русской культуры, или его пополнение новыми единицами.

В рамках данной статьи остановимся на выявлении особенностей функционирования фразеологических единиц с топонимическим компонентом, который связан с итальянским культурным пространством.

Рассмотрим «наследие», которое оставила Италия в русской фразеологии. Обратимся, прежде всего, к выражениям, встречающимся сразу в двух языках, поскольку, несмотря на параллельное функционирование, зачастую они имеют разную коннотацию и, следовательно, по-разному характеризуют культурный аспект менталитета представителей той или иной национальной личности. Нельзя не вспомнить выражение *видеть/увидеть Неаполь и умереть* (варианты: *увидеть Неаполь — и потом умереть, посмотри на Неаполь — и умри!*).

Фразеологическая единица *видеть/увидеть Неаполь и умереть* закрепились в русском языке в значении — ‘о страстном желании увидеть что-л., побывать где-л. во что бы то ни стало’ [Бирих, 2007: 465].

Например: «*Tarantella dell'imbrecciata* была действительно вещь невиданная, и даже Шталь, побывавший в Париже и поэтому окруженный особым ореолом среди молодых офицеров (хоть он там ничего такого не видал), не строя разочарованного лица, соглашался, что для одной тарантеллы стоило проделать поход. — **Увидеть Неаполь и умереть!** — убежденно сказал один из молодых людей» (М. А. Алданов. Чертов мост). В процессе употребления акцентируются положительные коннотативные семы ‘восторг’, ‘восхищение’, ‘удивление’. Топоним *Неаполь* в структуре русского фразеологизма создает образную основу фразеологической семантики и соотносится с представлениями носителей русского языка о красоте расположенного на берегу залива солнечного и теплого итальянского города. Именно таким он предстал и в глазах европейцев.

Латинское выражение *Vedere Napoli et Mori* (букв. Видеть Неаполь и Мори) заимствуется итальянским, где звучит *Vedi Napoli e poi Mori*, а оттуда попадает и в другие европейские языки. В этом выражении, являющемся когнитивной базой русской фразеологической единицы, согласно одному из вариантов перевода, *Mori* — имя собственное, название деревушки близ Неаполя, согласно другому — глагол *Mori* означает ‘умереть’. Иными словами, исходная фраза в итальянском языке может выступать как свободное сочетание слов (увидеть Неаполь и его окрестности), что объясняется следующим: во-первых, поселение с названием Мори действительно есть в Италии и находится вблизи Неаполя, а во-вторых, форма *mori* может рассматриваться как диалектная форма второго лица единственного числа итальянского глагола *morire*, т.е. ‘умереть’. В основе формирования фразеологического значения в русском языке лежит, следовательно, либо неточный перевод с итальянского, либо каламбур.

Существует несколько версий об авторстве данного выражения [Душенко, 2021], однако мы не будем останавливаться на них своего внимания.

Общеизвестность получила такая лексическая трансформация рассматриваемого выражения, как *увидеть Париж и умереть*. Авторство нередко приписывается известному русскому писателю Илье Эренбургу, со ссылкой на его книгу «Мой Париж», изданную в 1931 году. Однозначно можно лишь сказать, что в речевой оборот ставшее впоследствии широко употребительным названное выражение входит не ранее середины XX века.

Отметим, что в современном фразеопотреблении обнаруживается большое число трансформированных единиц с заменой топонимического компонента, что позволяет говорить уже о фразеологической модели *увидеть X и умереть*, где X — топоним, употребленный в прямом значении, но в личностном дискурсе выступающий символом мечты. В наших материалах встречаются такие единицы, как *увидеть Нью-Йорк и умереть*, *увидеть Мадрид и умереть*, *увидеть Прагу и умереть* и др.

Например: «*Есть список мест на земле (слава Богу, для разных людей он все же в той или иной степени разный, но тем не менее), которые «культурный» человек непременно должен увидеть. Увидеть Рим и умереть. Увидеть Париж и умереть. Прага — самый красивый город на земле. А значит — надо смотреть, смотреть, смотреть*» (Ольга Балла. *Homo turisticus // «Знание — сила»*, 2010 — НКРЯ).

Во всех лексически трансформированных единицах сохраняется фразеологическое значение — ‘страстное желание, мечта, цель, обычно связанная с посещением какого-либо места’. То же значение можно зафиксировать и у усеченного фразеологизма, где топонимический компонент отсутствует, но восстанавливается из контекста.

Например: «— *Такой заезд! Увидеть и умереть! Алеша — это бог, плевать на все, едем в Москву ...*» (Анатолий Гладилин. Большой беговой день — НКРЯ).

Какой из топонимических образов (Неаполь или Париж) имеет большее значение в русском лингвокультурном пространстве, определить однозначно сложно. Насколько сильно будет влияние экстралингвистических факторов на функционирование данных выражений, повлияют ли современные геополитические изменения на степень их употребительности, появятся ли трансформации типа *увидеть Алтай и умереть*, *увидеть Сахалин и умереть*, *увидеть Байкал и умереть* и т.п., можно будет сказать спустя время, т.к. «теоретически каждый акт трансформации на

когнитивном уровне сопряжен с востребованностью той или иной единицы для языковой картины мира коммуникантов с актуализацией ценностно-культурной значимости единицы для данного лингвокультурного сообщества» [Лаптева, 2017: 147].

Ценным для русского языкового сознания оказывается топоним Рим. Вспомним имеющие книжный характер кодифицированные фразеологические единицы *быть в Риме и не видеть Папы* — ‘не видеть самого главного где-л., в чем-л.’ [Бирих, 2007: 596] и *все дороги (пути) ведут в Рим* — ‘множество способов неизбежно ведет к достижению одной цели’, являющиеся кальками с итальянского языка: *È stato a Roma e non ha veduto il Papa* и *Tutte le vie conducono a Roma* соответственно. В западноевропейских языках эти выражения стали устойчивыми еще в Средние века. Топоним Рим, называющий колыбель цивилизации, сердце Западной империи, выступает смыслообразующим центром формирования фразеологической семантики. В составе первой фразеологической единицы происходит расширение топонимического значения, и под Римом понимается любой топоним. Во втором выражении Рим выступает неким квазисимволом цели, которая непременно будет достигнута.

Несмотря на долгую историю бытования в русском языке, анализируемые косвенно-производные знаки употребляются в узуальной форме и значении чаще в художественной литературе. Прежде всего, это касается выражения *быть в Риме и не видеть Папы*, которое в основном характерно для русской классической литературы. Однако и здесь фиксируются модификации.

Например: «*Ведь говорят же вот, что **быть в Риме и не видеть собора Петра** невозможно» (Ф. М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях).*

В разговорной речи или в публицистике названные обороты в основном становятся элементами языковой игры, основанной на все той же замене топонимического компонента. Сравним:

Например: «*Скажи, как станешь подводить итоги: В твоём XX веке **все дороги ведут в Москву** — и вот она, Москва!*» (А. Терехов. Бабаев).

Уточним, что в Национальном корпусе русского языка из 65 текстов, заданных по поиску «Все дороги ведут», только 29 вхождений кодифицированного фразеологизма *Все дороги ведут в Рим* (6 из них встречаются в произведениях художественной литературы XIX века), остальные единицы являются лексико-грамматическими трансформациями: *все дороги ведут на юг, все дороги ведут к Богу, все дороги ведут в Барнаул* и др.

Если языковая память в случае с выражением *все дороги ведут в Рим* поддерживается за счет зарубежной литературы — французской басни Жана Лафонтена «Третейский судья, брат милосердия и пустынный», то выражение *наши предки (гуси) Рим спасли* актуализируется русской литературой — басней И. А. Крылова «Гуси» (1811), в сюжете которой содержится аллюзия на легенду о том, как гусиный гогот разбудил стражу и предотвратил взятие стен римского Капитолия войском галлов:

«*Вы сколько пользы принесли? —
“Да **наши предки Рим спасли**”».*

В тексте басни И. А. Крылов делает намек на людей, которые знамениты только своими предками.

Именно в этом значении выражение реализуется, например, в следующих контекстах:

1. «— *Нам говорили, что все люди равны, что сословные различия глупы, — смешно гордиться тем, что **наши предки Рим спасли***» (В. В. Вересаев. Воспоминания — НКРЯ).

2. «— *А при чем же тут «названная княжна Джаваха?» — не спуская с меня взгляда, спросила она. — Моего названного отца и дядю звали так, и на Кавказе все меня знали под этой фамилией. Мои предки... — Да, **наши предки Рим спасли!** — рассмеялась мне в лицо странная девочка, заставив меня вспыхнуть от незаслуженной обиды» (Л. А. Чарская. Вторая Нина).*

Рассматриваемое фразеологическое выражение занимает определенную смысловую лакуну, т.к. среди исконно русских устойчивых выражений не обнаруживается языковой единицы со сходной семантикой.

По нашим наблюдениям, говорящий демонстрирует знание исторического контекста и его актуальность для языкового сознания, когда употребляет данное выражение именно с компонентом «гуси».

Сравним: «*Вы знаете о роли животных в истории? Гуси Рим спасли. А собаки? По преданию, собака укусила Магомеда*» (Сергей Шаргунов. Вась-вась, 2009 — НКРЯ).

Апеллирует к этой древней легенде и В. Высоцкий в «Песенке-представлении Робина Гуся»:

«Я вам клянусь, я вам клянусь,

Что я из тех гусей, что Рим спасли»

В данном случае можно говорить о прецедентном характере высказывания, но не об отнесенности его к корпусу фразеологических единиц.

Во фразеологическом фрагменте русской языковой картины мира играют роль топонимические образы, которые оязыковляются посредством оттопонимических адъективов, в нашем случае — адъектива *итальянский*, утратившего в составе устойчивых единиц свое прямое значение и получившего дискурсивное переосмысление. Так, в русском языке закрепились выражения *итальянская бухгалтерия* — ‘двойная бухгалтерия’ и *итальянская забастовка (стачка)* — ‘вид забастовки, во время которой бастующие являются на место работы, но не работают или делают вид, что работают’ [Лаптева, 2019: 91], каждое из которых соотносится с инокультурным пространством: считается, что двойная бухгалтерия зародилась в Италии, и новый вид забастовки был применен впервые железнодорожниками в Италии. Во ФССРЛЯ фиксируются единицы *итальянское окно* — ‘широкое окно, имеющее три-четыре створки’ — и *итальянский карандаш* — ‘чертящий, рисующий материал, применяемый графиками’ [ФССРЛЯ, 2004: 476], мотивированные представлением об Италии как о стране-первоисточнике появления такого типа окна или карандаша. Относительно недавно в средствах массовой информации появилось сочетание *итальянский синдром* (ориентировочно в 2012 году), обозначающее психические проблемы (депрессии) русских женщин или женщин из стран СНГ, работающих в Италии нянями или сиделками. Например: «*Примерно у пяти процентов женщин, которые уехали из Молдовы за границу на заработки, очевидны признаки так называемого “итальянского синдрома”, — об этом говорят исследователи процессов миграции*».

Таким образом, среди топонимических образов, которые нашли отражение во фразеологической семантике, выделяются не только образ Италии в целом, но и образы Неаполя и Рима, городов, о которых в русском языковом сознании исторически сложился комплекс представлений. Функционирование фразеологических единиц с итальянским топонимическим компонентом определяется ценностно-смысловым критерием. При сохранении семантической структуры данные фразеологизмы нередко употребляются в трансформированном виде.

Список источников

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология : ист.-этимолог. слов. — М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2007. — 926 с.
2. Душенко К. В. Увидеть и умереть: от Неаполя до Парижа // Литературоведческий журнал. — 2021. — № 53. — С. 188–197.
3. Лаптева М. Л. Особенности восприятия инокультурных образов носителями русского языка (на фразеологическом материале) // Вестник РУДН. Сер. «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — 2017. — Т. 15, № 2. — С. 137–151.
4. Лаптева М. Л. «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве : познават. слов.-справ. — Астрахань : Издатель Сорокин Р. В., 2019. — 204 с.
5. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. — М. : Флинта : Наука, 2004. — Т. 1. — 832 с. (ФССРЛЯ).

Сведения об авторе

Лаптева Мария Леонидовна — д.филол.н., заведующий кафедрой современного русского языка Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева (Астрахань, Россия).

ГРЕЦИЯ: ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И СИНТАГМАТИКА ТОПОНИМА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация. В статье анализируются частотность, семантика, функции и направления образной трансформации топонима Греция в русской поэзии XVIII — начала XXI веков, участие в образовании тропов, синтагматические особенности, выявляются жанровые предпочтения и рифменный потенциал собственного имени. Всплеск интереса к топониму Греция особенно проявляется в период между Ломоносовым и Пушкиным. Поэты новейшего времени используют античные аллюзии, как правило, в ироническом ключе.

Ключевые слова: поэтическая ономастика, топоним, античные реминисценции, аллюзия, хроно-топ, троп, синтагматика.

Видный представитель карельской филологической школы Т. Г. Мальчукова в монографии «Классицизм и неоклассицизм в поэзии А. С. Пушкина» подробно описывает эволюцию рецепции античного наследия российской литературой. В частности, если в XVIII столетии греко-римская классика воспринимается как образец для подражания, идеал и цель развития национальной словесности, то романтизм начала XIX в. трактует античность уже как «детство человечества», с которым можно вступить в полемику, «перерасти». И все же, по мысли Т. Г. Мальчуковой [Мальчукова, 2012: 15], весь путь русской поэзии свидетельствует о постоянном интересе писателей к греко-римскому культурному наследию. Не только переводы античных авторов, но постоянное привлечение широкой мифологической палитры образов, переработка античных мотивов, ориентация на античную жанровую систему, древнегреческие и латинские образцы в области риторики, стиля, языка свидетельствуют о постоянном внимании мастеров слова в России к культуре Древней Греции и Рима. Конечно, все это совершалось в русской литературе не без влияния веймарского классицизма Гете и Шиллера, античных реминисценций у поэтов «Озерной школы» и Байрона, неоклассицизма Гюго и других французских авторов. Новый всплеск интереса к античности, к «ее иррациональной дионисийской архаике» [Мальчукова, 2012: 51], к античным образам, сюжетам, метрике, жанрам — в эпоху Серебряного века: в 1917 г. в Петрограде был организован «Союз Третьего Возрождения», участниками которого стали многие российские историки культуры (Фаддей Зелинский, Лев Пумпянский, братья Николай и Михаил Бахтины и др.), широкий размах приобретает переводческая деятельность.

Данные «Национального корпуса русского языка» (далее поэтические контексты, привлекаемые в ходе анализа, цитируются по этому источнику с указанием автора, названия произведения и года его создания в круглых скобках) представляют следующую картину «жизни» слова Греция в прозаических жанрах и в русской поэзии XVIII — начала XXI веков: 159 документов, 196 вхождений в поэзии и 404 документа, 866 вхождений в прозе (с двумя максимумами частотности между серединой XVIII и серединой XIX в.).

Появляется лексема Греция у В. К. Тредиаковского в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов ...» 1735 г. в качестве стихотворного вкрапления — «Эпистоле от российской поэзии к Аполлину», затем в переводах из Горация — в «Книге писем» Кантемира. Позднее Ломоносов и Сумароков упоминают Грецию в качестве примера для подражания всем поэтам — последователям античных авторов и правителям — покровителям искусств:

*Монарх и филозов, полночный Соломон,
Весь свет твою имел премудрость пред очами;
Разумных множество теснясь под твой закон,
Познали Грецию над ипрейскими струями.* (М. В. Ломоносов. На Фридриха II, короля прусского сочинение господина Вольтера, переведенное господином Ломоносовым, 1756)

*Наполняйтесь, россияне,
Теми сладкими струями,
Кои Греция пила...* (А. П. Сумароков. Хор к Парнасу, 1762-1763)

Россия и ее культура видится продолжателем античных традиций:

*Чему во Греции пространный свет чудился
И чем превосходил над ними древний Рим, — То всё в единой мы теперь России зрим...
В течении времен судьба неборима:*

Прешли величества и Греции, и Рима!..

*И будем доле цвезть, чем Греция и Рим,
Доколе род Петров владети будет нами!* (В. И. Майков. Надпись ко мраморам российским, 1769)

*Явите в Севере талантом вы своим
И славу Греции, и чем гордится Рим.* (Я. Б. Княжнин. Послание к российским питомцам свободных художеств, 1782)

*Искусства Греции и Рима чудеса —
Зрят с дивом над собой полночны небеса.* (П. А. Вяземский. Петербург (отрывок), 1818)

Как и топоним *Эллада*, *Греция* часто встречается в стихах, посвященных победам России в русско-турецких войнах:

*Морея, Чесмь и вся в том Греция свидетель,
Что в них ты был герой и купно благодетель.* (В. И. Майков. Стихи на прибытие графа Алексея Григорьевича Орлова после Чесменского боя в Санктпетербург, 1771)

*И солнце на местах, и воды остаются,
Но страждет Греция, там крови реки льются.* (М. М. Херасков. Чесмесский бой, 1771)

Еще один историко-биографический контекст употребления топонима — судьба и смерть Байрона, поддержавшего борьбу греческих повстанцев:

*Куда бегут на звон печальный
Священной Греции сыны?..
Как будто в гробе том свобода
Воскресшей Греции лежит...* (К. Ф. Рылеев. На смерть Бейрона, 1824)

С течением времени, к началу XX столетия, начинает преобладать трактовка образа Греции как безвозвратно ушедшей старины и расцвета культуры:

*Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет всё — Европа и Россия.* (М. А. Волошин. Дом поэта, 1926)

*Прекрасен, светел, венчан, златокрыл,
Цвел гений Греции.* (В. Я. Брюсов. Эллинизм и Рим, 1918)

Синтагматика имени *Греция* подобна сочетаемости топонима *Эллада*, однако отличие заключается в том, что окружения римский по происхождению топоним нередко сопровождают обособленные синтагмы:

1) бинарные сочетания с атрибутом: *падшая Греция* (Херасков), *старинная Греция* (Богданович), *древняя Греция* (Радищев, С. Дуров, Случевский, Слуцкий, Бродский, Баркова), *святая Греция* (Баратынский), *роскошной Греция* (И. Тургенев), *Греция счастливой* (С. Соловьев), *гений Греция* (Брюсов), *Греция вторая* (Соловьев), *солнечной Греция* (Мориц), *волчья Греция* (Кривулин);

2) бинарные сочетания с Р.п.: *слава Греции* (Княжнин, Гнедич), *искусства Греции* (Вяземский), *муза Греции*, *Греции народы* (Гнедич), *цвет Греции* (Катенин, Цветаева), *покровитель Греции* (Пушкин), *изящной Греции* (Апухтин);

3) многочленные сочетания: *времена ученой Греции* (Херасков), *древней Греции священные места* (Батюшков), *под небом Греции священной* (Пушкин), *чада Греции прекрасной* (Катенин), *Греции избранные сыны* (Катенин), *священной Греции сыны, свобода воскресшей Греции* (Рылеев), *цвет лучший Греции* (Дельвиг), *нашей Греции прекрасной* (Жуковский), *фрукты Греции счастливой* (Лермонтов), *небом Греции родной, под небесами Родимой Греции* (Щербина), *следа ... Греции счастливой* (А. К. Толстой), *Древней Греции священные места* (Никитин), *лунной Греции ... сады* (Цветаева), *Греции последний вздох* (Брюсов), *времена тугие и благие Великой Греции* (Вагинов), *вычурные недоноски Поздней Греции* (Оцуп), *боги древней Греции* (Чиннов), *миф древней Греции* (Вс. Рождественский), *расцвета Древней Греции* (Мориц);

4) осложняющие обособленные обороты при топониме:

Греция, плененная, гордого пленила

Победителя своего и ввела науки

В дикую Италию... (А. Д. Кантемир. Из Горация. Писем книга II. Письмо I. К Августу, 1740–1742)

Греция вся, быв едва не порабощенна,

От работы животом сих всех воспященна. (В. К. Третьяковский. Из «Древней истории». «Падших за отчизну покрывает здесь земля...», 1760)

Увидя Грецию, упадишу пред ним,

Считает целый мир подножием своим... (М. М. Херасков. Чесмесский бой, 1771)

И тщетно Греция, наполненная им,

Вносила громкий глас во всех градах цветущих... (Н. И. Гнедич. Рождение Гомера, 1816)

Се Греция, бессильна боле

Сносить ее дручащий гнет,

Бессильна в горестной неволе

Претерпевать всю лютость бед,

Против злочестного тирана,

К ней лютым зверством обуянна,

Защиты обнажила меч... (В. В. Капнист. Воззвание на помощь Греции, 1821–1822)

В роскошной Греции, оливами покрытой,

Где небо так светло, там только, Афродита,

Живиться ты могла... (И. С. Тургенев. К Венере Медицейской, 1837)

Целая плеяда эпитетов сопровождает топоним у А. Кушнера, навевая воспоминание о гекзаметре:

В Греции праздной он жил, стойкой еще, образцовой,

Тронутый тленьем уже, пышноколонной, лепной,

Близящейся к своему римскому плену, упадку. (А. С. Кушнер. «Иль не родиться совсем, или скорей умереть...», 2000–2005)

Использование топонима *Греция* в хронотопических прямо-номинативных контекстах (то есть в обстоятельственной позиции) оказывается преобладающим:

В старинной Греции, в Юпитерово время,

Когда размножилось властительное племя... (И. Ф. Богданович. Душенька, 1775–1782)

Греция в поэтическом контексте приобретает метонимические смыслы, однако примеры переносных употреблений для топонима *Греция* в количественном отношении скромны:

Греция, плененная, гордого пленила

Победителя своего и ввела науки

В дикую Италию... (А. Д. Кантемир. Из Горация. Писем книга II. Письмо I. К Августу, 1740–1742)

Се ищет Греция Елены... (А. П. Сумароков. Ода е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской в 25 день ноября 1743, 1743)

Лишь Греция одна стонала под ярмом. (А. С. Хомяков. Послание к Веневитиновым, 1821)

До дырок износилась козья шкура,

Которой опоясывалась Греция... (Л. Н. Мартынов. Пан, 1960)

В сочетаниях с некоторыми глаголами, нарушающими привычную сочетаемость топонима, выявляется метафоризация и олицетворение, одушевление, а следовательно, появление понятийного компонента семантики:

Здесь веет Греция, Египет... (С. М. Соловьев. Неаполь, 1913-1915)

И Греция цветет могилами,

Как будто не было войны. (Г. В. Иванов. «Свободен путь под Фермопилами...», 1943-1958)

Греция блуждает по Европе... (М. А. Светлов. Манолису Глезосу, 1959)

пока озеро вечерело,

сгущалась Греция,

Албания подмигивала неверным светом... (Е. Б. Рейн. Отель «Дрина», 1998)

Встречаются олицетворяющие риторические обращения с участием топонима:

О Греция, казалось, бог обрек

Тебя мечу карательной десницы! (В. И. Туманский)

(Я шел, не чувствуя себя;

Я был в стремительном волнении,

Увидев, Греция, тебя!)... (М. Ю. Лермонтов)

Восстань, о Греция, восстань. (А. С. Пушкин)

В чем видел я родство с моей душой,

Где сердце после бурь житейских отдыхало, —

О Греция, всё связано с тобой! (Н. Ф. Щербина)

Ах, Греция! мечта души моей! (С. А. Есенин)

Синекдоха и антономасия создаются с участием окказиональных форм множественного числа:

Рушатся Римы, Греции. (А. А. Вознесенский. Лирическая религия, 1963)

на постройку ассирий и греций (А. П. Цветков. «мы стихи возвели через силу...», 1985)

В позиции заглавия топоним встречается преимущественно в произведениях середины XIX в.: В. В. Капнист «Воззвание на помощь Греции» (1821-1822), О. М. Сомов «Греция» (1822), В. И. Туманский «Греция», цикл (1825), А. А. Фет «Греция» (1840) и перевод из Шиллера «Боги Греции» (1878), Н. Ф. Щербина «Путешествие в Грецию» (1853), А. Н. Апухтин «Греция» (1859), И. Г. Эренбург «В Греции» (1958).

В отличие от топонима *Элада*, имя *Греция* встречается в низком жанре басни (Сумароков, Крылов и др.):

Когда из Греции вон выгнали богов

И по мирянам их делить поместья стали,

Кому-то и Парнас тогда отмежевали... (И. А. Крылов. Парнас, 1808)

Короче: звери все, и даже самый Слон,

Который был в лесах почтен,

Как в Греции Платон,

Льву все еще казался не умен

И не учен. (И. А. Крылов. Воспитание льва, 1811)

Лексема *Греция* почти никогда не оказывается в позиции рифмы, и только поэты XX в. начинают эксперименты с неточной, бедной рифмопарой: *Греция — согреться я* (Хлебников), *согреться* (Баркова), *грация* (Коган), *Франция* (Брюсов), *Лукреция* (Мартынов), *лешие* (Вознесенский), *Греции — иллюминации* (Чиннов), *специи* (Стратановский).

Анализ топонима *Греция* доказывает, что рецепция античного наследия в русской культуре второй половины XVIII — середины XIX веков совершалась очень активно. Всплеск возрождения интереса к эллинским мотивам — эпоха классицизма и романтизма. Античные аллюзии все чаще включают в свои произведения новейшие российские поэты, создавая, как правило в ироническом ключе.

Список источников

1. Мальчукова Т. Г. Классицизм и неоклассицизм в поэзии А. С. Пушкина. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2012. — 336 с.
2. Национальный корпус русского языка. — URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.06.2023).

Сведения об авторе

Патроева Наталья Викторовна — д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Е. А. Разумовская

ТОПОНИМЫ И АНТРОПОНИМЫ В СБОРНИКЕ Р. М. РИЛЬКЕ «ЖЕРТВЫ ЛАРАМ» КАК ПРИЕМ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГОРОДА

Аннотация. В статье рассматривается сборник «Жертвы ларам» (1895) Райнера Марии Рильке с точки зрения употребления топонимов и антропонимов. Все стихотворения объединены центральным образом Праги конца XIX века, увиденной глазами юноши, родившегося в Праге в немецкой семье. Названия знаковых мест Праги и имена исторических деятелей, имеющих отношение к истории города, создают особый образ Праги — древнего города, хранимого своими ларами, духами места и живущей в нем общины.

Ключевые слова: Рильке, Жертвы ларам, Прага, топонимы, антропонимы, урбанистическая поэзия

Один из ранних стихотворных сборников Райнера Марии Рильке, «Жертвы ларам» (1895), посвящен Праге, родному городу поэта. Об этом свидетельствует и заглавие сборника: лары — божества дома, «по представлениям древних римлян, охранявшие дом и семью» [Мифологический словарь, 1959: 101], и время издания: сборник был опубликован к Рождеству, празднику искони домашнему и семейному. Важно отметить, что сам поэт родился и был крещен в декабре (4 и 19 декабря 1875 года соответственно), т.е. декабрьский выпуск сборника был приурочен им и к этим датам.

Первое же стихотворение, открывающее сборник «Жертвы ларам», — «Im alten Hause» (В старом доме), — написано от первого лица и не только рисует панораму Праги: ... *vor mir frei / seh ich ganz Prag in weiter Runde...* [Rilke, 1955: 9], но и делает старый дом, в котором жила и родилась семья лирического героя книги, мечтательного юноши-поэта, исходной точкой обзора и композиционным центром всего сборника. К образу старого дома, родового гнезда, полного воспоминаний, Рильке, варьируя его, постоянно возвращается в «Жертвах ларам» (стихотворения «Im alten Hause», «Auf der Kleinseite», «Ein Adelshaus», «Mein Geburtshaus» и цикл «Der Bau» и др.). К образу родового гнезда возвращается Рильке и в своем «Мальте»-романе («Заметки Мальте Лауридса Бригге» (1910)).

Однако старый дом — это лишь смысловой и композиционный центр сборника «Жертвы ларам». Весь сборник, распадаясь на циклы, стихотворения в которые объединены образом или настроением, создает центральный образ книги, образ Праги конца XIX века, увиденный глазами юноши, родившегося в Праге в немецкой семье. Именно Прага является главным героем сборника, образ которой складывается из отдельных стихотворений и лирических циклов сборника. Какова же эта Прага, Прага «Жертв ларам» молодого Рильке? — на этот вопрос отчасти поможет ответить использование поэтом топонимов и антропонимов.

Само имя Праги (Prag) встречается в «Жертвах ларам» не часто, всего в четырех текстах из 99 стихотворений книги. Это стихотворения «Im alten Hause», открывающее сборник, и «Beim

Nacht», а также в двух заключительных стихотворениях исторического цикла «Aus dem Dreißigjährigen Kriege».

«Im alten Hause» [Rilke, 1955: 9], первое стихотворение сборника, как уже говорилось, не только описывает панораму Праги; в нем также из различных деталей складывается главное настроение «Жертв ларам»: по-юношески романтическое, торжественное, с отчетливыми нотками печали и грусти. А. Г. Березина, посвятившая раннему творчеству Рильке отдельную монографию, отмечает характерный для рубежа XIX–XX веков стиль сборника и его импрессионистическую тональность [Березина, 1985]. Время действия первого стихотворения — беззвучные сумерки: ... *tief unten geht die Dämmerstunde / mit lautlos leisem Schritt vorbei...* [Rilke, 1955: 9]

А сама Прага стихотворения, да и сборника в целом создается поэтом крупными мазками и потому представляется читателю нечетко, так, словно, как обозначил это сам Рильке, город «*verschwimmt wie hinter Glas*» (расплывается будто за стеклом). В сумерках различимы лишь самые яркие детали облика старинного города: отчетливо выделяется лишь купол базилики св. Николая на Малой Стране (Turmkuppel von Sankt Nikolas), да тут и там загораются отдельные огни. Кстати сказать, образ базилики св. Николая, поставленный в центр композиции стихотворения и выделенный лексически (сравнением и эпитетом-неологизмом), образует мостик-переход ко второму стихотворению сборника, «Auf der Kleinseite» (На Малой Стране) [Rilke, 1955: 9–10], точно так же, как Мала Страна соединяется с историческим ядром города знаменитым Карловым мостом. Уже в самом начале сборника мы видим, что юный поэт использует указания на знаменитые места и здания Праги для создания переходов между отдельными стихотворениями книги, словно выписывая маршрут путешествия по родному городу.

Точно также имя Праги звучит в первой же строке стихотворения «Bei Nacht» (Ночью) [Rilke, 1955: 25]. Композиционно это стихотворение построено так же, как и первое в сборнике: первая строфа отмечает время действия; во второй рисуется центральный образ; наконец, третья строфа рождается как отзвук или отражение центрального образа. Читатель видит: город объяла ночь. Высоко над Прагой ухмыляется лунный диск, сыпя вниз, в струи реки Влтавы, серебряную стружку своего света. Но вдруг он прячется, увидев соперника: на башне ратуши, что на Староместской площади, в лунном свете блестит циферблат знаменитых пражских курантов (*der Turmuhr helles Stundenblatt*). Здесь Рильке рисует Прагу вне времени, волшебный, прекрасный город, на улицах которого здесь и там внимательный глаз находит следы минувшего, застывшие в архитектуре былых времен, будь то базилика св. Николая и Мала Страна, Карлов мост или пражские куранты Староместской ратуши.

В цикле «Из Тридцатилетней войны» имя Праги встречается в двух последних стихотворениях («Beim Friedland» и «Frieden», №№ 11–12 в цикле), но, по сути, прямую отсылку к Праге имеет еще одно стихотворение цикла: № 7 «Der Fenstersturz» (в русском переводе В. Летучего это реализовано в названии стихотворения — «Пражская дефенестрация»): только эти три стихотворения цикла «... имеют прямое отношение к Чехии. Они социально и исторически конкретны» [Березина, 1985: 27]. В них Прага изображается как центр, исходная и конечная точка грандиозного исторического события, навсегда изменившего облик Европы, Тридцатилетней войны (1618–1648): *Prag gebar die Mißgestalt / dieses Krieges, der voll Trücke / hauste. — Auf der Karlsbrücke / starb er, dreißig Jahre alt.* [Rilke, 1955: 59]

Однако гораздо чаще имя Праги в стихотворениях сборника поэт не использует. Он часто называет Прагу просто «городом» (*die Stadt*) (стихотворения «Im alten Hause», «Vom Lugaus», «Das Kloster», «Barbaren» и в цикле «Träume»), что наводит на параллель Прага/Рим, ведь Прага некогда была столицей Священной Римской империи. Еще чаще поэт вводит в стихотворения названия знаменитых мест и районов Праги, а также названия пражских часовен, церквей и монастырей, освященных во имя местных святых. Читатель «Жертв ларам» прогуляется вслед за поэтом по Малой Стране, Градчанам, Смихову и др.; полюбуется собором св. Вита, а потом заглянет в него и в часовню св. Венцеля (Вацлава), неотъемлемую часть собора; пройдет по Карлову мосту над Влтавой, украшенному изображениями святых; увидит городскую ратушу с башенными часами на Староместской площади, монастырь капуцинов, один из древнейших пражских монастырей, и Пражскую Лорету: «Даже в тех стихах, в которых Прага не упоминается, она ощущается как фон и место действия» [Березина, 1985: 17].

Показательно в этом плане, к примеру, стихотворение «Der Hradschin» (Градчаны) [Rilke, 1955: 10–11]; в нем лексически подчеркивается вертикальность, устремленность вверх, к небесам Пражского Града и расположенного в нем собора святого Вита, Вацлава и Войтеха (*Stirn der alten Hofburg, Türme, des Veitsturms Knauf*; глаголы *an-/ aufschauen, hinanklettern*). Первая и третья строфы стихотворения вводят параллельные образы: в первой строфе ребенок, взгляд которого взбирается по вертикальным контурам Пражского Града, создает масштаб восприятия Градчан зрителем; башни более позднего времени постройки, как стайка детей на милого отца, взирают на капитель центральной башни собора св. Вита, — третья строфа переводит образ, введенный в первой, в иной план, план человеческих чувств и эмоций, и создает образ любви и почитания. Эти строфы обрамляют вторую, центральную строфу стихотворения, в которой речь идет о возрастном равенстве и внушенном уважении: даже волны древней Влтавы приветствуют Градчаны, и статуи святых, украшающие Карлов мост, серьезно взирают на один из старейших районов Праги, где вершилась история чехов и Чехии.

Особую группу составляют стихотворения, в которых Рильке использует имена людей, так или иначе связанных с Прагой. Эти имена можно разделить на несколько групп. Прежде всего, это имена почитаемых в Праге святых: св. Николай, св. Вит; св. Венцель (Вацлав), покровитель Чехии; св. Ян Непомук. Многочисленным святым Праги Рильке посвящает отдельное стихотворение — «Heilige» [Rilke, 1955: 31–32]. Здесь они — святые великие и малые, из дерева или из камня, Анны и Катерины, св. Венцель (Вацлав), Непомуки, глядящие с арок и мостов на Прагу, — рисуются как равноправные жители древнего города, те самые лары, которые многие века хранят Прагу и пражан от невзгод. Часто имена святых выступают в «Жертвах ларам» метонимически, в качестве названий церквей и часовен Праги. Так, особое стихотворение посвятил юный поэт костелу св. Генриха (Йинджриха) в непосредственной близости от отчего дома, — в нем он был крещен 19 декабря 1875 года (Bei St. Heinrich) [Rilke 1955: 67]. Представляется, что к этой группе относятся также стихотворения, связанные с Мальвасинкой и Вольшанами, большими пражскими кладбищами (например, «Der Engel», «Auf dem Wolschan» [Rilke, 1955: 26, 26–27]), и с днем поминовения усопших (например, цикл из двух стихотворений «Allerseelen» [Rilke, 1955: 24–5] etc.).

Вторую группу образуют имена чешских поэтов: Ярослава Врхлицкого, Юлиуса Зейера и Кайетана Тыла (стихотворения «Jar. Vrchlický», «An Julius Zeyer» и «Kajetan Tyl») [Rilke, 1955: 20, 35–36, 38–39]. Эти стихотворения говорят о симпатиях юного немецкоязычного поэта, выросшего в Праге, к ее славянской культуре, к чешской поэзии и народным напевам, а потому перекликаются с другими текстами сборника, в которых Рильке восторгается чешской народной песней («Land und Volk», «Das Volkslied», «Das Heimatlied») [Rilke, 1955: 22–23, 40, 68–69]. Кроме того, как отметила А. Г. Березина, стихотворение, обращенное к Юлиусу Зейеру, расположением связано и с другими стихотворениями книги: «Ему предшествуют два очень значительных стихотворения — «Superavit» и «Несмотря на это». Первое из них — славословие Гусу и его подвигу, второе же связано с чешской легендой о Далиборе» [Березина 1985: 24].

Третью группу составляют имена исторических персон, связанных с Прагой (легендарный Далибор («Trotzdem») [Rilke, 1955: 35], император Рудольф II и его брат Матвей («Kaiser Rudolf») [Rilke 1955: 20, 50–51], рабби Лёв (цикл «Rabbi Löw») [Rilke, 1955: 20, 61–64]); но в основном это имена, имеющие отношение к событиям Реформации в Чехии: реформатор Ян Гус («Superavit») [Rilke, 1955: 34], граф фон Турн и герцог Валленштейн (цикл «Aus dem Dreißigjährigen Kriege») и др.

Третью группу образуют имена чешских поэтов: Ярослава Врхлицкого, Юлиуса Зейера и Кайетана Тыла (стихотворения «Jar. Vrchlický», «An Julius Zeyer» и «Kajetan Tyl») [Rilke, 1955: 20, 35–36, 38–39]. Эти стихотворения говорят о симпатиях юного немецкоязычного поэта, выросшего в Праге, к ее славянской культуре, к чешской поэзии и народным напевам, а потому перекликаются с другими текстами сборника, в которых Рильке восторгается чешской народной песней («Land und Volk», «Das Volkslied», «Das Heimatlied») [Rilke, 1955: 22–23, 40, 68–69]. Кроме того, как отметила А. Г. Березина, стихотворение, обращенное к Юлиусу Зейеру, расположением связано и с другими стихотворениями: «Ему предшествуют два очень значительных стихотворения — “Superavit” и “Несмотря на это”. Первое из них — славословие Гусу и его подвигу, второе же связано с чешской легендой о Далиборе» [Березина, 1985: 24]. Таким образом, очевидно, что

эти две группы имен и стихотворений, олицетворяющих, с одной стороны, старинную славу и мощь Праги, а с другой — гордость новой Праги, связаны между собой.

Итак, мы видим, что сборник «Жертвы ларам» теснейшим образом связан с Прагой, где Рильке родился, где прошли его детство и юность. В книге создается особый образ Праги: древнего города, хранимого своими ларами, духами места и живущей в нем общины. Поскольку «римляне выводили культ ларов из культа мертвых» [Мифы народов мира, 1988: 38], то ларами города в книге Рильке становятся не только святые, связанные с многочисленными церквями и соборами города. Духами-хранителями Праги Рильке рисует и души тех, кто некогда жил здесь, — людей именитых и принесших славу своей земле, и безвестных, тех, кого помнят только немногие близкие. На улицах, в памятных и скорбных местах Праги словно оживают тени прошлого, а потому облик, созданный Рильке в «Жертвах ларам», скорее, ностальгический, напоминает о былой славе и гордости Чехии и ориентирован не столько в настоящее или будущее Чехии, но в ее богатое прошлое.

Список источников

1. Березина А. Г. Поэзия и проза молодого Рильке. — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. — 184 с.
2. Мифологический словарь / сост. : М. Н. Ботвинник, М. А. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий. — Л. : Учпедгиз, 1959. — 228 с.
3. Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — 2-е изд. — М. : Сов. энцикл., 1988. — Т. 2 : К — Я. — 719 с.
4. Černý V. Rainer Maria Rilke, Prag, Böhmen und die Tschechen. — Prag : Artia, 1966. — 82 S.
5. Rilke R. M. Sämtliche Werke : In 6 Bd. — Frankfurt am Mein : Insel Verlag, 1955. — Bd. 1. — 879 S.

Сведения об авторе

Разумовская Елена Александровна — к.филол.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

В. И. Супрун

СПЕЦИФИКА ПОЭТОНИМИИ ДРАМАТУРГИИ: ОТРАЖЕНИЕ УСТНО-ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В ОНИМАХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования имён собственных в пьесах А. Н. Островского. Устанавливается, что язык драматургии является переходной формой между письменной и устной речью: текст создаётся для его устного произнесения на сцене, подчиняется параметрам устности, но фиксируется в письменной форме, соблюдая правила литературной орфографии и пунктуации. Поэтонимия драматургического текста отражает свойства устно-письменной формы существования языка. Антропонимикон пьес строго делится на три части: номинация действующих лиц в начале пьесы и в начале явлений, антропонимы в ремарках и имена в словах персонажей. В пьесах используются полная формула именованного русского человека, отдельные её компоненты и оценочные дериваты личных имён.

Ключевые слова: ономастикон, поэтонимия, А. Н. Островский, антропонимическая формула, вокатив, гипокористика, ремарка.

Язык драматургии существенно отличается от языка других жанров художественного творчества. Если опустить промежуточные жанры (пьеса в стихах) и историю появления и становления драматургии (драма Древней Греции, Средневековья, Востока, XVIII века и пр.), мы

можем определить следующие особенности языка реалистических пьес: диалогичность, преимущественное употребление глаголов в настоящем времени, перво— и вторичность глагольных форм, простые синтаксические структуры, активное включение в текст разговорной и просторечной лексики, использование междометий и перебивов речи (*значит, ну, э, гм* и пр.), наличие ремарок как средств «передачи авторского голоса» и «внутреннего состояния персонажей пьесы» [Верещагина, 2013: 5] и др.

Б. М. Гаспаров важной характеристикой синтаксиса устной речи определяет «непроективное строение текста», выявляя 6 параметров устности: 1) инверсии и разрыв конфигураций: непосредственно синтаксически связанные между собой элементы отрываются друг от друга в линейном расположении; 2) перебивы речи: заполнение пауз незначимыми элементами *вот, значит, ну, так* и др.; 3) активизация исходных форм слов: вынос в начальную позицию И. п. темы или инфинитива; 4) разрушение границ между фразами: дискретные предложения, связанные между собой по определенным правилам, заменяются нанизыванием синтаксических сегментов при формально не отмеченной их группировке в синтаксически самостоятельные единицы; 5) повторения и возвращения (в варьируемом виде) для актуализации уже выраженных смыслов; 6) перестановки смысловых блоков для внесения ясности и компоновки смысла, приводящие к «нелинейности» текста [Гаспаров, 1978: 76-82]. Учёный отмечает, что существование «частичных, периферийных пересечений между свойствами устной и письменной речи создает возможность их сближения и образования переходных форм, как особого стилистического приема» [Гаспаров, 1978: 94]. Такой переходной формой можно считать язык драматургии, в котором представлены многие из названных Б. М. Гаспаровым параметров устности. Тексты пьес создаются для их устного произнесения на сцене, они подчиняются параметрам устности, но фиксируются в письменной форме, в большей или меньшей степени соблюдая правила литературной орфографии и пунктуации.

Поэтонимия драматургического текста также отражает свойства устно-письменной формы существования языка. В ней представлены характерные черты устного употребления онимов, при этом имена включены в письменный текст произведения, подчиняясь правилам его оформления.

В отличие от прозаического художественного текста антропонимикон пьес строго делится на три части: 1) номинация действующих лиц в начале пьесы и (в некоторых случаях) в начале явлений, 2) антропонимы в ремарках и 3) имена в словах персонажей. В каждой из этих частей отмечаются особенности использования единиц. В именовании лиц пьесы авторы используют полную трёхкомпонентную русскую антропонимическую формулу или её сокращённый вариант, состоящий из двух или одного компонентов, что представляется драматургу достаточным для включения персонажа в действие произведения. В последующем перед репликой персонажа автор ставит либо фамилию, либо имя, либо имя и отчество, либо должность, профессию героя.

В пьесе А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» (1853) персонажи представлены полной антропонимической формулой: Максим Федотыч Русаков, богатый купец; Селиверст Потапыч Маломальский, содержатель трактира и гостиницы; Иван Петрович Бородин, молодой купец, имеющий мелочную лавочку и погребок; Виктор Аркадьич Вихорев, отставной кавалерист; Андрей Андреич Баранчевский, чиновник. У героинь фамилия имплицитна, притяжательное местоимение и термин родства относит их к соответствующему мужскому персонажу: Авдотья Максимовна, его дочь; Арина Федотовна, его сестра, пожилая девушка; Анна Антоновна, его жена. Только по имени назван слуга Вихорева Степан. Лишён имени половой в гостинице. Два других безымянных персонажа мальчик и девушка (далее в тексте: *девка*) отмечены комментарием: без речей (здесь и далее все примеры из: [Островский, 1973-1980]). Перед вторым и третьим действием обозначение персонажей отсутствует. Перед репликами мужские персонажи обозначены фамилией, а женские — именем и отчеством.

В «картинах из московской жизни» «Старый друг лучше новых двух» (1860) того же автора всего 9 действующих лиц. Главные героини именуется сокращённой формулой: Татьяна Никоновна, мещанка, хозяйка небольшого деревянного дома; Оленька, ее дочь, портниха, 20-ти лет. Лишён фамилии и отчества лакей Орест. У Анфисы Карповны фамилия Васютина не называется, её именование следует за представлением мужа. Пять других персонажей именуется полной формулой: Пульхерия Андревна Гущина, жена чиновника; Прохор Гаврилыч Васютин, титулярный советник (во втором действии охарактеризован: *сын их*); Гаврила Прохорыч Васютин, старик,

отставной чиновник; Вавила Осипович Густомесов, купец, лет 35-ти. Имеется и безымянный персонаж *проситель*, который не включён в список действующих лиц, хотя у него имеются две реплики. В начале третьего действия все герои, кроме Оленьки, названы по имени и отчеству. Густомесов в последнем явлении перед репликами обозначен словом *купец*, а остальные персонажи, как и ранее, названы по имени и отчеству. В тексте упоминается также некий *Иван Яковлич*, к которому Оленька ходила гадать и который ей предсказал: «<...> чуть ли мне не быть барыней».

В пьесе «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (1861) только кухарка Матрена и горничная Маша именуются одним личным именем, остальные лица названы по имени, отчеству и фамилии: Павла Петровна Бальзаминава, вдова; Михайло Дмитрич Бальзаминов, сын ее; Акулина Гавриловна Красавина, сваха; Павлин Иваныч Устрашимов, сослуживец Бальзаминава; Анфиса Даниловна Антрыгина, вдова, 30-ти лет; Анна Прокловна Пионова, ее знакомая, 25-ти лет.

Признаком разговорности стало употребление отчеств персонажей в синкопированной форме: Федотыч, Аркадьич, Андреич, Гаврилыч, Прохорыч, Дмитрич, Иваныч, Андревна. Подобная форма антропонима регулярно использовалась русскими писателями XIX — начала XX века и в прозаических текстах. А. П. Чехов употребляет отчества героев своих рассказов в синкопированной форме не только в диалогах, но и в авторском тексте, что является одним из стилиобразующих компонентов чеховского текста: *Иван Евсеич, Яков Васильич* в «Лошадиной фамилии» [Супрун, 2000: 147].

Под ремаркой понимается ‘пояснения автора к тексту пьесы (обычно в скобках), содержащие краткую характеристику обстановки действия, внешности и особенностей поведения персонажей’ [БТС: 1116]. Заметим, что большая часть текста ремарок приходится на пояснение действий героев в начале, конце и в середине явлений; скобочные ремарки в основном состоят из глаголов и деепричастий: *Уходит. Садаются. Задумывается. Утирая слезы. Взглянув в окно*. И. П. Зайцева отмечает, что эти включения в текст пьесы стали традиционными для русской драматургии после появления произведений А. Н. Островского, они «нередко обладают в художественной драматургической структуре стилистической выделенностью, отличаясь явной субъективностью и повышенной экспрессией» [Зайцева 2002: 11].

В ремарках пьес А. Н. Островского антропонимы употребляются для мужских персонажей в виде фамилий, а для женских — с использованием имени и отчества. Прислуга обозначается одним именем, безымянные персонажи — названием должности: *половой, мальчик* (‘в России до 1917 г.: малолетний слуга в господском доме или работник в торговом, ремесленном заведении’ [БТС: 517-518]). Подавляющее большинство ономиупотреблений стоит в именительном падеже. В редких случаях включения антропонимов в текст скобочных ремарок отмечен дательный падеж в значении адресата: *подходит к Максиму Федотычу; подходя к Авдотье Максимовне*.

Наиболее ярко бытующая в устной речи форма антропонимов отражена в словах персонажей. В текстах пьес отмечено регулярное использование имён и отчеств в именительном обращении, в вокативной функции, характерной для различных коммуникативных ситуаций. Хотя традиционно эта форма именуется падежом, точнее будет трактовать ее как явление, стоящее вне падежной системы: основное назначение падежа — выражать синтаксические отношения слова к другим словам высказывания, тогда как обращение стоит за пределами предложения. В. И. Карасик возводит вокативы в ранг языковой универсалии, отмечая при этом, что они «специфично отражают национально-культурные особенности языков, неоднородны по своему составу и имеют сложное содержательное строение» [Карасик, 1992: 196]. Вероятно, морфологическое воплощение вокативности является палеоязыковой универсалией, которая по мере развития языка имеет тенденцию к исчезновению [Супрун, 2010: 47]. Русский язык утратил специальное выражение вокатива морфологическими средствами. Этот процесс, начавшийся еще в XI веке, только к XVII веку привел к замещению русских звательных форм формами именительного падежа [Филин, 1972: 386-387], точнее говоря, к употреблению именительного падежа в вокативном значении и соответствующем интонационном оформлении. Несмотря на то, что форма обращения обычно не отличается по звуковому составу от номинатива, ее интонационное оформление, отсутствие синтаксических связей, грамматическая семантика делают возможным и предпочтительным вычленение вокатива из падежной системы языка, рассмотрение его как самостоятельного явления. Н. И. Формановская не только не считает вокатив самостоятельным падежом, но даже отказывает входящим в обращение единицам в праве именоваться лексемами:

«Обращения возникают на базе слов, но сами они словами не являются. Это уже не слово-название (как называние третьего лица), а обращенная к адресату коммуникативная единица, т. е. своеобразное речевое действие (речевой акт), состоящее из призыва и называния одновременно» [Формановская, 1994: 84].

Ядром вокативов выступают антропонимы в различных вариантах и сочетаниях. В драматургии А. Н. Островского ярко отражается национально окрашенная вокативная модель *имя + отчество*. В пьесе «Не в свои сани не садись» к персонажам обращаются: *Селиверст Потаньч, Максим Федотыч, Виктор Аркадьич, Авдотья Максимовна, Иван Петрович, Арина Федотовна*. В такой форме обращаются друг к другу не только представители старшего поколения и младшие к старшим, но и молодые люди в ситуации официального общения. При переходе к более неформальной коммуникации и при обращении старших к младшим встречаются в вокативном употреблении разные гипокористические и деминутивно-мелиоративные формы антропонимов: *Дуня, Дунюшка, Ваня, Иванушка*.

А. Н. Островский отметил и характерную для слушателей учебных заведений и военнослужащих форму обращения по фамилии: *Баранчевский*. В тексте пьесы не сообщается о прошлых контактах чиновника Баранчевского и отставного кавалериста Вихорева, однако из обращения по фамилии читатель (зритель) может предположить, что когда-то они вместе обучались в каком-либо учебном заведении или проходили службу в кавалерии. Антропоним *Андрюша*, с которым Вихорев дважды обращается к собеседнику, говорит об их достаточно близких отношениях, но всё же модель обращения по фамилии более привычна для друзей (8 употреблений).

Вокатив существенно преобладает в тексте пьесы над другими формами антропонима. Из 45 употреблений в репликах имени и отчества Максима Федотыча Русакова 29 приходится на него (64,4 %), ещё 10 (22,2 %) раз употреблена форма именительного падежа, который является наиболее частотным в прозаическом тексте [Супрун, 2000: 150], на остальные падежи приходится всего 13,4 % онимоупотреблений (родительный и винительные — по 2, дательный и творительный — по 1).

В произведениях русских драматургов XX-XXI века поэтонимические традиции были продолжены. Так, в пьесе А. В. Вампилова «Утиная охота» к регулярно встречаются гипокористические и оценочные формы имени при обращении (*Витя, Коля, Дима, Галка, Верочка, Толечка*), в официальной обстановке отмечено обращение по фамилии (*Кузаков*), к одному из героев обращаются с синкопированной формой отчества: *Вадим Андреич* [Вампилов, 2011].

Итак, можно отметить главную черту онимоупотребления в драматургическом тексте: антропонимы используются преимущественно в форме вокатива. В пьесах А. Н. Островского ярко отражается национально окрашенная вокативная модель, состоящая из имени и отчества. При обращении к младшим и близким людям используются гипокористические и уменьшительно-ласкательные формы личного имени. Традиции онимоупотребления были продолжены в произведениях русских драматургов XX-XXI веков.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998. — 1536 с. (БТС).
2. Вампилов А. В. Утиная охота : пьесы / [вступ. ст. Б. Сушкова]. — М. : Детская лит., 2011. — 270 с.
3. Верещагина О. Н. Язык и стиль драматургии М. Ю. Лермонтова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ярославль, 2013. — 24 с.
4. Гаспаров Б. Г. Устная речь как семиотический объект // Лингвистическая семантика и семиотика. I: Семантика номинации и семиотика устной речи // Ученые записки Тартуского университета. — 1978. — Вып. 442. — С. 63–112.
5. Зайцева И. П. Современная драматургическая речь: структура, семантика, стилистика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2002. — 35 с.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М. : Ин-т языкознания РАН : Волгоградский гос. пед. ин-т, 1992. — 329 с.
7. Островский А. Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. — М. : Искусство, 1973–1980. — Т. 1 : Пьесы (1843–1854). — 1973. — 575 с. ; Т. 2 : Пьесы (1856–1866). — 1974. — 806 с.

8. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : моногр. — Волгоград : Перемена, 2000. — 172 с.
9. Супрун В. И. Особенности использования вокативных единиц в современном русском языке // Грани познания : электрон. науч.-образоват. журн. ВГПУ. — 2010. — № 5 (10). — С. 47–52.
10. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков : ист.-диалектолог. очерк. — Л. : Наука, 1972. — 656 с.
11. Формановская Н. И. Обращение // Русский язык в школе. — 1994. — № 3. — С. 84–88.

Сведения об авторе

Супрун Василий Иванович — д.филол.н., профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, Россия).

Е. А. Тихонова

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ ХАЙ ЦЗЫ «СЕРГЕЙ ЕСЕНИН»

***Аннотация.** В статье проводится стилистический анализ ключевых имен собственных в поэтическом цикле китайского поэта Хай Цзы «Сергей Есенин». Показана роль антропонимов, топонимов и теонимов в отражении художественного замысла поэта. Отмечается значение имен собственных в формировании единого поэтического образа Хай Цзы — Есенин.*

***Ключевые слова:** Хай Цзы, Есенин, имена собственные, антропонимы, топонимы, теонимы.*

Поэт Хай Цзы (поэтический псевдоним поэта Чжа Хайшэн) является одним из ярчайших представителей китайской литературы 1980-х гг. XX в. Он написал около двухсот поэтических произведений, в тематической направленности и художественном своеобразии которых наиболее ярко выделяются две основные темы: тема родины и тема любви. Его часто оценивают как «символ поэзии определенной эпохи» и как «поэта с мировым видением, который внес значительный вклад в мировую литературу» [Ван Синьтун, 2017; Цыбикова, 2010 и др.].

Хай Цзы называют «китайским Есениным». Исследователи отмечают сходства не только в их творческом пути, но и в биографиях. Хай Цзы, как и С. А. Есенин, прошел короткий жизненный путь. Он родился в 1964 году в крестьянской семье, жившей в провинции Аньхой, а закончил свою жизнь трагически, бросившись под поезд недалеко от Заставы Шаньхайгуань незадолго до своего 25-го дня рождения [Ван Синьтун, 2017: 15].

С. А. Есенин и Хай Цзы родились в разные эпохи, в разных странах, но их объединяет любовь к родине и природе. С. А. Есенин и «китайский Есенин» Хай Цзы — оба крестьянские сыновья, переехавшие из деревни в город, но всю свою короткую жизнь воспевавшие красоту деревни. Их считают представителями крестьянской поэзии.

Схожий возраст и жизненный опыт часто берут за основу сопоставления Хай Цзы и С. А. Есенина. При этом исследователи творчества Хай Цзы отмечают, что в творчестве обоих поэтов мир крестьянства и мир родной природы неразрывно связаны друг с другом, они являются основными художественными образами в их творчестве [Сюнь Ма, Эртнер, 2017: 43].

С. А. Есенин был одним из самых любимых поэтов при жизни Хай Цзы, и он прославил его, написав с февраля 1986 по май 1987 гг. поэтический цикл «Поэт Есенин». Это стихи, написанные в последний период его жизни.

Цикл состоит из 10 стихотворений, напоминающих диалог с С. А. Есениным. 8 из них переведены на русский язык: «Рождение» — 出生, «Деревенское облако» — 村云, «Девушка» — 女孩, «Поэт Есенин» — 诗人叶赛宁, «Кукурузное поле» — 玉米田, «Хмельная родина» — 霍普家园, «Путешествие скитальца» — 流浪者的旅程, «Жизнь прервалась» — 生活被打断了.

Обратимся к особенностям употребления имен собственных в данном поэтическом цикле. При этом будем использовать как оригинал [Харитонов], так и перевод стихов, выполненных И. А. Алексеевой в монографии, посвященной творчеству Хай Цзы [Алексеева, 2021] и С. Надевым в сборнике стихов китайских поэтов [Азиатская медь]. На наш взгляд, переводчики точно сохранили функции имен собственных, которые встречаем в рассмотренных стихотворениях.

Имен собственных в поэтических текстах Хай Цзы не так много, но их роль в передаче коннотаций имени собственного достаточно высока. Под ономастической коннотацией мы понимаем сложный компонент семантики онима, который, добавляясь к его предметно-логическому содержанию, отражает отношение носителей языка к внутренней форме имени или к субъекту/объекту номинации, получившему широкую известность в данном языковом коллективе в определенный исторический период [Крюкова, 2019: 265].

В рассмотренном материале коннотативные оттенки смысла приобретают антропонимы, топонимы и теонимы, которые были необходимы Хай Цзы для представления и описания главного персонажа, мест, связанных с рождением и проживанием обоих поэтов в разные эпохи и разные периоды жизни, религиозных взглядов обоих поэтов.

Центральное место в поэтическом цикле Хай Цзы «Поэт Есенин» занимает антропоним *Есенин* (叶赛宁). Он употребляется 7 раз.

Уже в первом стихотворении этого поэтического цикла, посвященном рождению С. А. Есенина, Хай Цзы подчеркивает свою близость русскому поэту, почти родственную связь, называет его «наш Сергей Есенин». *В чьем окне зажегся свет / Это свет растений / Что как лампа / Шлет привет / Извещая белый свет / Что родился здесь поэт / Наш / Сергей / Есенин* («Рождение»).

В следующем стихотворении цикла антропоним *Есенин* сближается с оттопонимическим прилагательными *русский* и *рязанский*, имеющими коннотации национально-культурного плана. *Есенин / Русская душа / Рязанской крови / Мужичье сердце* («Поэт Есенин»).

Такое контекстуальное окружение антропонима *Есенин*, показывает, что русский поэт близок Хай Цзы. Он подчеркивает крестьянской происхождение С. А. Есенина, его открытость, отмечает широту русской души.

В этом же стихотворении и себя, и С. А. Есенина Хай Цзы называет странником. *Поэт Есенин / Странник / даже вор*.

Но при этом Хай Цзы подчеркивает отстраненность и одиночество образа С. А. Есенина, с которым он себя постоянно отождествляет. Это говорит о том, что и самому Хай Цзы свойственна подобная печаль, тоска и меланхолические настроения, связанные с его непризнанностью и недооцененностью. *Сидит безмолвно в комнате поэт / В молчании сидит поэт Есенин* («Поэт Есенин»).

Хай Цзы принимает на себя тяготы судьбы поэта С. А. Есенина. Он готов умереть непризнанным гением, отвергнутым возлюбленной.

Прекрасна — ты / Отвратен — я / Умерший вновь / Поэт Есенин... («Поэт Есенин»).

В последнем стихотворении цикла «Жизнь прервалась» Хай Цзы дважды использует антропоним *Есенин*. В первом фрагменте с именем поэта С. А. Есенина связана тема отверженного возлюбленного и непонятого никем творца. *В тихом городе / Где гречихи горчит аромат / Дай расстанемся / И с Есениным кротко ты уйдешь в листопад* («Жизнь прервалась»).

А во втором фрагменте Хай Цзы прощается с любимым русским поэтом. *Распрощайся / С тем Есениным / Он свою кожу содрал / Он угробил себя / Промотал, растоптал / Ради песен волшебных / Навылет, навзрыд* («Жизнь прервалась»).

Среди других имен собственных особое место в данном поэтическом цикле занимает коннотативный топоним *Россия* (俄罗斯). Употребляя его, поэт снова подчеркивает, что он — странник, отверженный скиталец, который, тем не менее, нашел свое пристанище «на рязанщине» в России, на Родине С. А. Есенина, с которым у Хай Цзы так много общего. *Я в России / И в тот же час / Пел в родных горах* («Путешествие скитальца»).

В цикле стихотворений «Поэт Есенин» можно также встретить такие топонимы, как *Европа* (欧罗巴), *Италия* (意大利), *Польша* (波兰). Таким образом, перечисляя в стихотворениях чужие далекие страны, Хай Цзы примеряет на себя образ странника. *И я же — из Европы / Как сын Италии / Дочь Польши / Всё испил*.

Употребление топонима *Персия* (波斯) в этом стихотворении — это своеобразная переключка с циклом «Персидские мотивы» С. А. Есенина. *Вчера в скитаниях на постоялый двор / Забрел я в Персии* («Поэт Есенин»)

Теонимы в данном поэтическом цикле отражают широту религиозных взглядов Хай Цзы.

С одной стороны, встречаем в стихотворениях Хай Цзы теоним *Кришна*, который отражает буддистское мировоззрение поэта. *Девушка / Как прекрасная ветвь / Срубленная / У Кришны* («Девушка»).

С другой стороны, поэт упоминает имя *Иисус* (耶穌基督). *В этот год Иисус пришел в мир / и тоже вырос под солнцем* («Летнее солнце»). [Алексеева, 2021: 192]. Это имя в целом часто встречается в творчестве Хай Цзы. Например, в другом стихотворении, не входящем в рассматриваемый поэтический цикл, оно употребляется в сильной позиции названия стихотворения «*Иисус (священный агнец)*» (耶穌基督).

Таким образом, имена собственные играют очень важную роль в понимании художественного замысла Хай Цзы. Они устанавливают своеобразный межкультурный диалог и формируют единый поэтический образ *Хай Цзы* — *Есенин*. Антропоним *Есенин* обладает особой знаково-стью, вызывает разнообразие историко-культурные и эмоционально-образные ассоциации. Топонимы с национально-культурными коннотациями связаны с биографией поэта и его отношением к месту, где жил С. А. Есенин, а также с городами и странами Запада, что необходимо для формирования единого образа странника. Диалог разных культур продолжают теонимы, имеющие отношение как к буддистской, так и к христианской религии.

В заключение отметим, что имена собственные в стихотворениях Хай Цзы, посвященных С. А. Есенину, способствуют объединению поэтического наследия России и Китая.

Список источников

1. Азиатская медь. Антология современной китайской поэзии / сост. Лю Вэнь-фэй. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2007. — 256 с.
2. Ван Синьтун. С. А. Есенин и китайский поэт Хай Цзы: биографические и творческие параллели // Современное есениноведение. — 2017. — № 2 (41). — С. 14–18.
3. Внутри пламени: поэзия Хай Цзы / пер. и примеч. И. А. Алексеевой. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2021. — 400 с.
4. Крюкова И. В. Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, вып. 10. — С. 261–266.
5. Сюнь Ма, Эртнер Д. Е. Метафорические модели и символизация в поэзии С. Есенина и Хай Цзы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2017. — Т. 3, № 2. — С. 134–153
6. Харитонов К. А. 诗人叶赛宁 — Поэт Есенин. — URL : <https://www.hashtap.com/@fidel.kirichenko/> 诗人叶赛宁-поэт-есенин-rRpDBxVdzPgD (дата обращения: 30.05.2023).
7. Цыбикова В. В. Темы родины и любви как основные в творчестве китайского поэта Хай Цзы (1964–1989) // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 8. — С. 209–213.

Сведения об авторе

Тихонова Екатерина Алексеевна — аспирант кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, Россия).

И. Ю. Третьякова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ-АСТИОНИМЫ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена изучению астионимов, включённых в компонентный состав фразеологических единиц. На примерах фразеологизмов с компонентом-астионимом *Вавилон* и *вавилонский*,

зафиксированных в различных словарях, а также функционирующих в современных дискурсах, выявляются особенности астионимов как компонентов устойчивых единиц, определяются их функции.

Ключевые слова: топоним, астионим, фразеологизм-библейзм, новый Вавилон, вавилонская блудница, вавилонская башня, вавилонское столпотворение.

Проблемное поле ономастической науки конца XX — начала XXI века существенно расширилось: помимо теории ономастики в центре внимания учёных оказались новые ономастические феномены, специфика ономастической системы современного русского языка, своеобразие онимов как прецедентных единиц в национальной и универсальной картинах мира и др. Одним из вопросов, касающихся разностороннего подхода к изучению онимов, является вопрос функционирования собственных имён в составе фразеологических единиц (далее ФЕ) в качестве компонентов. Следует заметить, что устойчивые единицы с компонентами-онимами (антропонимами, зоонимами, топонимами и др.) уже привлекали внимание фразеологов, однако разработки велись и ведутся в основном в сопоставительном и лингвокультурологическом аспектах. Объектом научного внимания в данном исследовании стали фразеологические компоненты-астионимы (далее ФА) в функциональном плане. Как известно, ФЕ в большинстве своём отличаются от других единиц языка тем, что являются знаками косвенной номинации. Следовательно, становясь компонентом фразеологизма, астионим претерпевает изменения в структурно-семантическом и функциональном плане. Основному анализу подвергся семантический план компонента-астионима и функции астионима в рамках фразеологического знака.

Рассмотрим функциональные особенности астионимов на примере нескольких ФЕ с компонентом *Вавилон* и его производным *вавилонский*. В Энциклопедии современных библейских фразеологизмов [ЭСБФ, 2010] — наиболее полном собрании фразеологизмов-бibleизмов, насчитывающем более пятисот ФЕ, — зафиксированы следующие ФА: *новый Вавилон, вавилонская башня, вавилонское столпотворение, вавилонская блудница, вавилонское пленение, вавилонская тоска, вавилонский плач, выводить вавилоны, выписывать вавилоны, разводить вавилоны, строить вавилоны, на реках вавилонских седоном и плаконом*.

Этимологическим источником данных фразеологизмов является Библия. Происхождение ФЕ связано со старозаветным городом Вавилоном. Исследователи-историки до сих пор не нашли точного подтверждения существования этого города и его локации, но в Ветхом Завете с Вавилоном связан ряд событий. Само появление астионима *Вавилон* уже является результатом этих событий, точнее одного из них: потомки Ноя в равнине Сеннар решили построить большой красивый город, а также возвести башню «высотой до небес», чтобы «сделать себе имя». «И сошёл Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. ... И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что начали делать. Сойдём же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их господь по всей земле» (Быт. 11:2–9). Таким образом, Вавилон означает ‘смешение’» [ЭСБФ, 2010: 64–65]. То есть в первоисточнике название города связано с ветхозаветным событием.

Астионим *Вавилон* попал в орбиту фразеобразовательных процессов неслучайно: в нём содержится ономастическая информация (культурная, историческая, коннотативная), давшая повод для создания того или иного фразеологизма. Этимологические справки, сопровождающие в [ЭСБЭ] словарные статьи вышеперечисленных фразеологизмов, а также статьи из [СРФ] позволяют сделать заключение о том, что актуальной становилась информация об образе этого города и о разных событиях, связанных с городом.

В связи с этим возникает вопрос о наделении фразеологизмов символическим значением, о символизации астионима *Вавилон*, с которым носители языка связывают некий смысл, идею, о выполнении компонентом символической функции. Анализ ФЕ позволяет ответить на этот вопрос.

1. ФЕ *новый Вавилон*.

В данном фразеологизме ключевым словом является астионим *Вавилон*. Во фразеологизмах подобного типа (*третий Рим, северная Пальмира, северная Венеция*) именно компоненты-астионимы несут основную смысловую нагрузку, репрезентируя «концепт» именуемого города,

в котором («концепте») представляются особенные черты этого города, выделяющие его в ряду других подобных географических объектов. Поэтому само существование в языке фразеологизма *новый Вавилон* демонстрирует символичность астионима. Знак-символ интегрирует в себе наиболее существенные признаки именуемого объекта; за астионимом *Вавилон* «закреплены» сразу три особенных признака, формирующих представление об уникальности этого города: Вавилон, по библейскому преданию, был (1) необычайно богат и сказочно красив, (2) многолюден, (3) полон соблазнов, характеризовался как «мать блудницам и мерзостям людским». Эти символические черты отразились в значении ФЕ *новый Вавилон* — ‘о гигантском многолюдном городе, известном не только богатством, красотой и пышностью, но и шумом, суетой, свободными нравами и распутством’ [ЭСБФ, 2010: 438]. ФЕ *новый Вавилон* используется для характеристики какого-либо города с проявляющимися в нём качествами Вавилона библейского. Так как в астиониме закреплены разные символические компоненты, то и символическое значение данный фразеологизм реализует с разным смысловым наполнением, когда ярко проявляются все символические признаки либо доминирует какой-нибудь из них. См., к примеру, характеристику одного из европейских городов в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из отечества» Гавриилы Романовича Державина: «О *новый Вавилон*, Париж! / О град мятежничьих жилищ, где бога нет, кроме злата, / соблазнов и разврата; / где самолюбью на алтарь / всё, всё приносят в дар! //» [Державин]; см. также характеристику города Нью-Йорка: «Теперь уже понятно, что страной Сеннаар ... являются сегодня США, а Новым Вавилоном — главный торговый город Нью-Йорк. Что это за женщина по имени «нечестие», помещённая в середине гирьки для торговли? ... называется она “статуей Свободы”» [Новый Вавилон]. О символическом значении ФЕ свидетельствует название фильма «Новый Вавилон», снятого американским режиссёром Демьеном Шазеллом в 2022 году. «Героем» фильма (что примечательно) стал уже не город, а сообщество людей, работающих в кинематографе. Фильм повествует об эпохе перехода Голливуда от немого кино к звуковому кинематографу. В одной из рецензий на фильм автор пишет: «“Великий немой” умирал в муках, забирая с собой в небытие суперзвёзд XX века. Хоронили, а после гуляли, как водится, всем миром. ... Дикае оргии и безудержное пьянство, нищета второсортных актёров и адский труд на съёмочных площадках периодически сменяются глянцем волшебного мира большого кино и больших денег — того мира, где возможно всё» [Агеев]. Как видно из примеров, ФЕ *новый Вавилон* использована для негативной оценки человеческого общества, в котором процветают пороки, присущие библейскому Вавилону: пьянство, распутство, алчность, стяжательство.

Однако анализ словарных статей выявил доминирование другой символической черты, закреплённой за астионимом *Вавилон*. Так, в [СРФ, 2001: 65] фиксируется значение ФЕ с акцентом на гигантский размер города (‘о гигантском, многолюдном индустриальном городе’), при этом отсутствует указание на развратное поведение горожан; см. там же историческую справку: «ФЕ *новый Вавилон* применяют в тех случаях, когда хотят подчеркнуть необыкновенную значимость, богатство, роскошь или другие качественные характеристики какого-либо современного города, места или явления, как бы сравнивая его с древним Вавилоном. Те или иные столицы или крупные города современного мира, находящиеся на пике своего развития и могущества, часто называют Новый Вавилон. Например, “Абу-даби — это Новый Вавилон современности”». Именно в таком значении функционирует фразеологизм во многих текстах. См. название статьи «Китай. Мегагород — новый Вавилон» — об объединении девяти городов и создании мегаполиса с населением в 42 миллиона человек. Таким образом, астионим *Вавилон*, являющийся компонентом фразеологизма *новый Вавилон*, выполняет символическую функцию, однако сам фразеологизм проявляет тенденцию к уменьшению семантического объёма.

2. ФЕ *вавилонская башня*

Фразеологизм *вавилонская башня* непосредственно связан с событиями, описанными в Ветхом Завете, а именно с возведением высокой, до небес, башни как демонстрации силы человека, что вызвало гнев Бога и наказание людей; см. в [ЭСБФ, 2010: 63–64]: «Вавилонская башня является символом гордыни народа, пожелавшего утвердить своё величие в мёртвом монументе, а не в угодных Богу живых делах. Ср. “...что высоко у людей, то мерзость перед Богом” (Лук. 16:15)». Астионим *вавилонская* выполняет отсылочную функцию, актуализируя внутреннюю форму ФЕ. Будучи отыменным словом, прилагательное *вавилонская* предназначено

также для выполнения символической функции. Кроме того, астионим *вавилонская* в данной ФЕ связан с библейской историей, в которой важно не только возведение высокой башни, но и разрушение её — как наказание людей за их гордыню, за неповиновение Богу. Однако в семантике ФЕ *вавилонская башня* — ‘высокое здание, строение, сооружение; нечто почти грандиозное’ [ЭСБФ, 2010: 63] — этого символического значения не просматривается. Во [ФСРЛЯ, 1997: 23] ФЕ имеет схожее значение — ‘об очень высоком здании, строении’, статья сопровождается пометой «книжн.». В [ЭСБФ, 2010: 63] фразеологизм зафиксирован с пометами «Книжн.; возм., неодобр». То есть автор словаря не утверждает, а лишь предполагает («возможно») существование негативной оценки в коннотации фразеологизма, хотя в библейском рассказе негативная оценка действий людей проявляется явно. Иллюстрации в словарной статье демонстрируют отсутствие оценочности, связанной с библейской историей. В текстах передаётся слабо выраженная негативная оценка, но связана эта оценка с недовольством чрезмерной высотой башни: «Живёт Василий неважно... Этаж высокий — идёшь, идёшь, словно на башню вавилонскую. Н. Потапов. Блудный сын»; или: «В тот день океан устроил людям подлинное побоище... Эфир был полон сообщениями об аварийном состоянии судов многих стран. Под ударами урагана рухнула “вавилонская башня” наших дней — циклопическое сооружение, вознёсшееся над океаном на мощных опорах-ногах, — буровая платформа (В. Шмыгановский. Сага о капитане Ольсене)». Таким образом, отыменный астионим не актуализирует элементы значения, связанные с наказанием человека за гордыню, а значит, символическая функция компонента-астионима отсутствует.

3. ФЕ *вавилонское столпотворение*

Образование фразеологизма, компонентом которого является астионим *вавилонское*, связано со строительством башни в Вавилоне — «до неба, чтобы оставить о себе память в веках, воплощённую в грандиозном каменном сооружении» [ЭСБФ, 2010: 69]. Господь смешал языки строителей, и люди перестали понимать друг друга, возводить башню стало невозможно. Отыменный астионим выполняет во ФЕ отсылочную функцию, вновь отсылая носителей языка к библейской истории. Данная ФЕ в современном русском языке имеет значение ‘полная неразбериха, беспорядок, путаница; шум, гам, сутолока, суматоха’ [ЭСБФ, 2010: 68] и, на первый взгляд, проявляет одну из символических черт, связанную с многолюдием древнего города, с большим количеством народа, проживавшего в нём. Однако компонент *вавилонский* лишён своего символического значения, так как фразеологизм *вавилонское столпотворение* подвергся народной этимологизации и основное значение эксплицируется компонентом *столпотворение*. Компонент *столпотворение*, изначально представлявший собой образование сложного слова из словосочетания *творение столпа* (столп = башня) со значением ‘строительство башни’, со временем утратил связь со *столпом* как сооружением и получил новое толкование, закрепившееся в языке: *столпотворение* — от слова *толпа*, то есть ‘много народа’ (см. *толпа* — ‘скопление людей, сборище’ [ТСРЯ, 2005: 801]). *Столпотворение*, употребляющееся в языке как самостоятельная лексическая единица, имеет значение ‘бестолковый шум, беспорядок при большом стечении народа’ [ТСРЯ, 2005: 770]). Таким образом, компонент *столпотворение* связан со свободной лексемой, значение которой совпадает со значением фразеологизма. Компонент *вавилонский*, по сути, десемантизирован, отсылочная функция явно ослаблена, символическая функция отсутствует.

4. ФЕ *вавилонская блудница*

Из этимологических источников известна связь фразеологизма с библейским городом Вавилоном, который был славен, с одной стороны, своим богатством и красотой, с другой — пороками и развращённостью его жителей. В значении фразеологизма *вавилонская блудница* акцентирована только одна особенность горожан — порочность, причём порочность не связана с каким-либо одним библейским персонажем: «Этот оборот ... употребляется обычно символически, обозначая страну, город или народ, отступивший от Бога и блуждающий во тьме идолопоклонства» [ЭСБФ, 2010: 65]; так, в Откровениях апостола Иоанна Богослова (Апокалипсис. 18:2–3) читаем следующее: “... пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу”» [ЭСБФ, 2010: 66]. В современном русском языке ФЕ *вавилонская блудница* имеет значение ‘крайне развращённая, фривольная, распутная женщина’ [ФСРЯ, 1986: 38]. Смысловой акцент во фразеологизме падает на компонент *блудница*. Этот фразеологический компонент употребляется в значении, сходном со значением лексической

единицы: *блудница* — ‘распутная женщина’ (ТСРЯ, 2003: 52). То есть, по сути, субстантивный компонент употребляется в прямом значении, смысл фразеологизма мало отражает начальную мотивацию значения ФЕ. Компонент *вавилонский* выполняет отсылочную функцию, однако ФЕ *вавилонская блудница* используют для характеристики развратных женщин, для негативной оценки конкретных лиц; см. «А на постели сидит *вавилонская блудница*, сама хозяйка Лукерья Непомнящая, лохматая, тощая, с веснушками...» (А. Чехов. Остров Сахалин) [ЭСБФ, 2010: 65]. Библейская — символическая — трактовка *блудницы* (народа, блуждающего в темноте неверия или язычества) становится при этом неактуальной. Таким образом, астионим *вавилонская* не является компонентом-символом, основное значение ФЕ репрезентируется субстантивным компонентом *блудница*.

5. В [ЭСБФ] зафиксированы и другие фразеологизмы с компонентом-астионимом: *вавилонское пленение* (‘угнетение, несвобода, тяжёлая неволя’), *вавилонская тоска* (‘сильная, безысходная тоска, бесконечная скорбь’), *вавилонский плач* (‘горестный плач, сетования’), *на реках вавилонских седоком и плакоком* (‘о томительной и печальной жизни вдали от родных мест’). Данные фразеологизмы этимологически связаны Библией — с историей вавилонского пленения евреев и их тоске по родине — Сиону. Субстантивные компоненты — *пленение, тоска, плач* — являются ключевыми, эксплицируют элементы значения фразеологизма; во ФЕ *на реках вавилонских седоком и плакоком* таким же ключевым элементом становится глагольный компонент *плакоком*. В данных ФЕ компонент-астионим выполняет отсылочную функцию, символическая же функция компонента не проявляется, так как судьба еврейского народа, его чаяния не связаны с символической характеристикой Вавилона.

6. Фразеологизмы *строить вавилоны* (‘чудить, вести себя экстравагантно, чудаковато’) [СРФ, 2001: 65], *выводить вавилоны* (‘идти заплетающейся походкой, шатаясь, выписывая зигзаги’; о пьяном) [ФСРЛЯ, 1997: 115], *вавилонны писать* (‘о хмельном, ходить пошатываясь туда-сюда’) [ТСЖВЯ, 1989: 159], *разводить вавилоны* (‘говорить или писать намёками, обиняками, затемняя суть дела’) [ФСРЯ, 1986: 379] существенно отличаются от других ФЕ данной подгруппы как в структурно-грамматическом, так и в семантическом планах. В [ЭСРЯ, 1986: 263] зафиксировано слово *вавилонны* в значении ‘мн.ч. загогулины, плохой почерк’; в [ТСЖВЯ, 1989: 159] — ‘запутанный криволинейный узор, плохое письмо с криволинейными строками’; а также ‘вавилонистый, извилистый, вилявый’, в [ЭСБФ, 2010: 148] слово *вавилонны* означает ‘извилины, вычурные узоры, лабиринт; словесные хитросплетения’. Слово *вавилонны* является производным от астионима *Вавилон*, образовано в результате затемнения внутренней формы (демотивированности значения), детопонимизации (метафорического переноса значения, утратившего функцию именованного города), трансформации грамматического плана (перехода формы единственного числа, свойственной топонимам, в форму множественного числа). Семантика фразеологизмов данной группы связана со знаками графическими — узорами, загогулинами, извилинами в их метафорической форме. Восстановление или определение точной мотивировки значений фразеологизмов, их смысловой связи с астионимом *Вавилон* не представляется возможным. Компонент *вавилонны* утратил признаки и функции имени собственного.

Анализ словарного и контекстного материал с фразеологизмами, в компонентный состав которых входит астионим *Вавилон / вавилонский*, позволил сделать вывод об изменении семантического плана и функций астионима: об актуализации символической функции, о деонимизации слова, о его десемантизации. Такие изменения могут быть обусловлены как внутренними, лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами; влияние внешних факторов на функционал фразеологизмов с компонентами-астионимами очень существенно и требует учёта для представления полной картины бытования астионимов как компонентов фразеологизмов.

Список источников

1. Агеев А. Новый «Вавилон»: кино о кино или «Великий Немой» умирал под звуки джаза. — URL : <https://dzen.ru/a/ZARLrXWhG3vW5XKx> (дата обращения: 10.05.2023).
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии : ист.-этимолог. справ. — СПб. : Фолио-Пресс, 2001. — 704 с. (СРФ).
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Рус. яз., 1989. — Т. 1. — 699 с. (ТСЖВЯ).

4. Державин Г. Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества. — URL : <http://mirpoezylit.ru/books/5156/2/> (дата обращения: 12.04.2023).
5. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. — М. : Флинта : Наука, 2010. — 808 с. (ЭСБФ).
6. Китай. Мегалополис — Новый Вавилон. — URL : <https://kailash.ru/news2/news3462.html> (дата обращения: 12.04.2023).
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских пословиц. — М. : Олимп, 2007. — 786 с. (БСП).
8. Новый Вавилон: Великая Дивеевская тайна. — URL : <https://tainadiveevo.ru/novjy-vavilon.html> (дата обращения: 12.04.2023).
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. — 944 с. (ТСРЯ).
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М. : Прогресс, 1986. — Т. 1. — 576 с. (ЭСРЯ).
11. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. — М. : Цитадель, 1997. — Т. 1. — 1391 с. (ФСРЛЯ).
12. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М. : Рус. яз., 1986. — 543 с. (ФСРЯ).

Сведения об авторе

Третьякова Ирина Юрьевна — д.филол.н., Костромской государственной университет (Кострома, Россия).

Т. К. Ховрина

СПИРИДОНЫ-ПОВОРОТЫ

***Аннотация.** В статье исследуется лексика, связанная с именем св. Спиридона, в ярославских говорах. Рассматриваются названия дня 25 декабря в народном календаре и апеллятивные единицы в литературном источнике. Анализируются единичные наименования, зафиксированные в конце XIX века в очерке Н. С. Лескова «Спиридоны-повороты», который был написан на основе мемуаров уроженца Углича Н. И. Свешников.*

***Ключевые слова:** диалектная лексика; Ярославский областной словарь; народный календарь; Н. И. Свешников; мемуары; Н. С. Лесков; «Спиридоны-повороты».*

В православном календаре 25 декабря (12 декабря по ст. ст.) — день памяти святителя Спиридона, епископа Тримифунтского. В русском народном календаре этот день называется по имени святого — *Спиридон*. Такое название известно в русских говорах, ср. в ярославских: *В Спиридон пойду в церковь* (Некр.) [ЯОС, 9: 63]; в нижегородских: *Чай от Спиридона солнышко на лето, а зима на мороз*; в вятском фольклоре: *На Спиридона медведь в берлоге поворачивается на другой бок, а корова на солнышке бок греет*; в говорах Прикамья: *В Спиридоны ясно — впереди морозы сильны* [РНК: 414, 416]. Как видим, с ним связаны народные приметы.

Этот день знаменовал переход от одного времени года к другому, поэтому в народном календаре имя святого было дополнено приложением и получило наименование *Спиридон-поворот (Спиридоны-повороты)*. Оно распространено в говорах Русского Севера, северо-запада и Поволжья [СРНГ, 40: 145], ср. в ярославских: *На Спиридона-поворота в город поеду* (Дан.); *Милая, я не приеду к вам до самого Спиридона-поворота* (Некр.) [ЯОС, 9: 63]; в костромских: *Спиридон-поворот у нас 25 декабря, когда замораживало, с осени на зиму* [РНК: 415]. Это название дня 12 декабря (по ст. ст.) в ярославских лексикографических источниках зафиксировано в «Материалах для словаря народного языка в Ярославской губернии» Е. Якушкина 1896 г.

Другой вариант данного названия *Спиридон-солнцеворот* (*солноворот*) наиболее распространен в севернорусских и сибирских говорах [СРНГ, 40: 145], ср. в вологодских: *Зимой Спиридон-солнцеворот лютует* [РНК: 415]. В. И. Даль поясняет: «*Солноворот, солнцеворот* — поворот солнца на прибыль или на убыль дня, зимний и летний, 10 дек. и 9 июня; в народе день Спиридона Солноворота 12 декабря». *Солнце на лето, зима на мороз* [Даль, 1984, 4: 266, 290]. Такое название может быть связано и с народными верованиями, согласно которым сам Спиридон поворачивает светило.

Эти и другие наименования дня 25 декабря (12 декабря по ст. ст.) отражены в русских поговорах, поговорках, народных приметах, причем в одном и том же народном изречении могут варьироваться его названия, например: *После Спиридона, хоть на воробьиный скок, да придёт денёк* [РНК: 414]; *После Солноворота, хоть на воробьиный скок, да придёт дня* [Даль, 1984, 2: 322]; *Со Спиридонова дня зима ходит в медвежьей шкуре, стучит по крышам, баб-хозяек по ночам будит — печи топить*; *Если на Спиридонов день солнышко играет — будут и на Святках дни ясные* [РНК: 416]; *Спиридоньев день, подымайся вверх* (приговаривают садовники, встряхивая яблони) [Даль, 1984, 2: 322].

Приведенные названия дня 25 декабря народного календаря известны во многих русских говорах. Однако апеллятивные единицы хрононимического происхождения, связанные с именем св. Спиридона, зафиксированы только в ярославских материалах конца XIX века и включены в «Ярославский областной словарь». Это лексемы *спиридон, спиридон-поворот, спиридонка, спиридонить, спиридонствовать*, а также фразеологические обороты *Спиридону кланяться* и *Спиридону поклониться*, содержащие само имя Спиридон [ЯОС, 9: 63]. Все эти наименования присутствуют в одном источнике — мемуарах угличского мещанина Николая Ивановича Свешникова (1839–1899). Многие ярославцы в XIX в. отправлялись из родного дома на поиски заработка в Петербург, Москву и другие города Российской империи. Одним из таких «отходников-питерцев» и был уроженец Углича Н. И. Свешников, его отправили в Петербург «в люди» тринадцатилетним мальчиком в 1852 г. [Астафьев, Астафьева, 1990: 191]. Здесь ему многое пришлось претерпеть, впоследствии он стал уличным букинистом, разносчиком книг, прославившимся своими мемуарами «пропащего человека», в которых с достоверностью запечатлел «многоликий мир социальных низов Северной столицы» [Смирнов, 2010: 29]. Букинист того времени (среди них были и другие ярославцы) — совершенно особый тип «культурного» разносчика, книжного «ходбщика», как их называли, лоточника, «ларьщика» [Там же: 127]. По оценке современников, Свешников был представителем настоящих букинистов, которые любили и знали книжное дело, были незаменимыми помощниками писателей, он умел достать редкую книгу, подобрать недостающий том, был знаком с А. П. Чеховым, Г. И. Успенским, Н. С. Лесковым и другими литераторами и издателями [Предисловие 1930: 7].

Историю своей жизни, полной горестных превратностей, изломанной пьянством, Н. И. Свешников подробно описал в своих мемуарах, недаром назвав их «Воспоминания пропащего человека». В них он рассказал о мучениях, выпавших на его долю, о вынужденных скитаниях. Это правдивая исповедь человека, много испытавшего на своем веку, «опускавшегося до самых низин социального дна» [Предисловие, 1930: 5]. Оставшись без средств к существованию, он оказывается в петербургской Вяземской ночлежке. Когда кончается срок паспорта, его арестовывают и отправляют этапом на родину в Углич, затем он снова возвращается в Петербург. И так происходило не раз, он арестовывался, заключался в пересыльную тюрьму, десять раз ходил по этапу [Астафьев, Астафьева, 1990: 192].

Первая часть мемуаров была написана им весной 1889 г. Чтобы получить какие-то средства к существованию за свои «записки», Свешников пешком отправился из Углича в Москву, где встретился с А. П. Чеховым, который одобрил рукопись, но отказался ее исправить и пообещал содействовать ее публикации, посоветовав обратиться к петербургскому издателю А. С. Суворину [Свешников, 1930: 307–308]. Добравшись до Петербурга и не застав Суворина, Свешников принес рукопись Н. С. Лескову, у которого он бывал и раньше «с предложениями услуг по “книжным редкостям” или с просьбой “поддержать его”, когда на него находила известная “русская слабость”... Он пропивал все, до последнего лохмота на его грешном теле и “погибал”: ему надо было помочь» [Лесков, 1930: 445]. Лесков согласился исправить рукопись, он переработал

одну из ее частей, повествующую об этапном путешествии Свешникова из Петербурга в родной Углич, о его злоключениях во время этой высылки, и, дав ей оригинальное название «Спиридоны-повороты», опубликовал очерк под своим именем в журнале «Русская мысль» в 1889 г. Свешников в мемуарах объяснил причину своей высылки: «Просрочив паспорт и не имея денег переменить его, я начал шляться по ночлежным приютам, где был арестован и отправлен на родину этапом» [Свешников, 1930: 268].

Пословица *На Спиридона поворот солнца на лето, а зима на мороз* послужила эпиграфом к очерку Н. С. Лескова. В предисловии он пишет, что предлагает читателю труд простолодина, поясняя: «Л. Н. Толстой и И. С. Аксаков неоднократно пробовали печатать описания, сделанные грамотными простолодинами. Опыты эти многим казались интересными... В бытовом отношении простонародному наблюдателю иногда бывает доступно то, чего человек другого круга не видит и с натуры описать не может» [Лесков, 1930: 445]. Это путевые впечатления человека, «лишенного столицы» и попавшего «на высыл». Н. С. Лесков объясняет название очерка: «*“Спиридоны-поворотами”* называют тех, которых высылают без осуждения за неисправность в бумагах, и прозвали их так потому, что их ушлиют, а они назад возвращаются» [Там же: 449].

Название очерка образно характеризует и судьбу Свешникова, т.е. речь идет о людях, высланных из столицы за административные нарушения (отсутствие паспорта, прописки и др.), но самовольно возвратившихся назад. Такие люди и попадали в «спиридоны». С ними в петербургской ночлежке оказался Свешников, когда полиция стала проверять паспорта: «*Все это были “спиридоны”, беднота и такая же рвань, как и я*» [Лесков, 1930: 450]; и далее уже на этапе в Москве он так характеризует их: «*Кандалыщики мне показались люди лучше, чем сброд, высылаемый административно и называемый “спиридонами”*» [Там же: 485]. Среди арестованных спиридонов были и женщины, которые соответственно именовались *спиридонками*: «*После переклички поставили всех “спиридонов” в ряды и сосчитали, а потом стали вызывать на двор. На дворе снова поставили в ряды: спереди мужчин, а сзади женщин-“спиридонок”*» [Там же: 455].

Некоторые из арестованных оказались старыми знакомыми и были спиридоны уже опытные, «среди них были и такие, что не помнили наверное, в котором году они были и прописаны. Особенно долго пришлось конторщикам прокопаться с одним “спиридоном”, раньше лишенным столицы и высланным в Мологу» [Лесков, 1930: 453]. И далее следует интересный диалог: — *Да ты в котором году спиридонил?* — спрашивал его конторщик. — *В восьмидесятом... Я уже восемь раз оборачивался и брал справку.* <...> — *Э, э, брат,* — сказал конторщик, — *вон ты какой: ты не восемь раз спиридонил, а больше! Тебя сюда двадцать семь раз приводили справки делать. Вон тут и в книге сколько о тебе “спиридонок”-то (отметок) наставлено. — Так что ж поделаешь? И еще приведут. Высылают на родину, а я там как кость обглоданная — никого нет, и никому я не нужен, — за неволю опять Спиридону поклониться пойдешь* [Лесков, 1930: 453–454]. В этом диалоге представлены уже однокоренные деривационные образования: *спиридонка* — наименование официальной пометки о самовольном возвращении лица, подвергшегося высылке, а также *спиридонить*, т.е. ‘подвергаться высылке и самовольно возвращаться’. Кроме того, здесь присутствует фразеологический оборот *Спиридону поклониться* — ‘возвратиться самовольно после высылки’ [ЯОС, 9: 63]. В продолжающемся далее опросе, когда конторщик обращается к царскосельскому арестованному, находим и другой вариант данного фразеологизма: — *Хорош и ты, приятель... Второй год, как выслан, а двадцатую справку о тебе делают. — Так я разве дальний? Меня вот в понедельник отправят в Царское, а уж во вторник-то я опять буду здесь Спиридону кланяться* [Лесков, 1930: 454]. Из приведенного контекста, таким образом, выясняется причина самовольного возвращения в столицу людей, лишенных ее. В дальнейшем описании прибытия арестованных в Ростов употреблен еще один дериват *спиридонствовать* — словообразовательный синоним (ср. *спиридонить*), указывающий на повторяемость действия: *Пришел надзиратель Иван Васильевич, и смешно ему стало, что он всех нас знает и его все знают.* <...> — *Э, да я вижу — тут всё знакомые... Да как тебя не узнать? Ведь ты, кажется, тут недавно был, по осени?* — *Так точно, Иван Васильевич, нынешний год вот уже третий раз взад-вперед спиридонствую.* — *Частенько же тебя гоняют из Питера* [Лесков, 1930: 489]. Очень выразительный оборот присутствует и в речи старосты, в конце этапа в Угличе в мещанской управе он спрашивает одного прибывшего: *Ты, брат, это который же раз таким манером из Питера поворотом прогуливаешься?* [Там же: 501].

Спиридоны в очерке противопоставлены *фортовым* (*мазурикам*, как поясняет Лесков), то есть мошенникам, вора́м. Вместе с ними спиридоны были на всем пути этапа, в том числе в московской пересыльной тюрьме. Приведем следующий диалог: — Ты, кажется, угличский? — Да, угличский. — Вор? — Нет. — “Спиридон-поворот”? — Да, — говорю, — паспорта нет [Лесков, 1930: 466]. В повествовании особо подчеркивается: «Административные арестанты или “спиридоны” у “фортовых” арестантов не в чести, а в презрении, — это народ всё оборванец, и не мастера себе помогать по-острожному. Они только и знают: терпеть до места, а оттуда уйти и в тех же лохмотьях назад воротиться» [Там же: 462].

Проанализированные наименования *спиридон*, *спиридон-поворот*, *спиридонка*, *спиридонить*, *спиридонствовать* в наших материалах, очевидно, можно рассматривать как «факт игрового переосмысления» названия дня 25 декабря (12 декабря по ст. ст.) — день *Спиридона-поворота* [Родионова, 2004: 68]. Данные наименования, связанные с именем св. Спиридона, даны в «Ярославском областном словаре» с пометой «устар.», так как зафиксированы в единственном источнике конца XIX века — очерке Н. С. Лескова «Спиридоны-повороты» (1889 г.), созданном на основе материалов Н. И. Свешникова. Публикация этого очерка не осталась незамеченной в изданиях того времени, что побудило Свешникова продолжить работу над своими мемуарами, писать дальше советовал ему и Г. И. Успенский: «У вас такой материал, какой никогда другому писателю не придется наблюдать... Ведь посмотрите, Лесков не бог весть что прибавил своего в вашей статье, а о ней почти все газеты говорили» [Свешников, 1930: 310]. Полностью «Воспоминаниями пропавшего человека» угличанина Н. И. Свешникова были опубликованы в «Историческом вестнике» в 1896 г. Эти «мемуары босяка», редкость в русской литературе, были переизданы в 1930 г. в издательстве «Academia» с приложением очерка Н. С. Лескова «Спиридоны-повороты», которые и стали источником нашего исследования.

Рассмотренные единичные апеллятивные наименования *спиридон*, *спиридон-поворот*, *спиридонка*, *спиридонить*, *спиридонствовать* с указанной семантикой и фразеологические обороты *Спиридону поклониться* (*кланяться*) включены в сводный «Словарь русских народных говоров» с единственной ссылкой на «Ярославский областной словарь», снабжены пометой «Углич.» с указанием 1930 г., т.е. даты переиздания, а не создания произведения. Это, таким образом, не соответствует действительному времени фиксации данных лексем, так как все они были засвидетельствованы в конце XIX века и поэтому должны быть корректно документированы в лексикографических источниках.

Список источников

1. Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края. — Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1990. — 288 с.
2. Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь : этнолингвист. слов. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. — 544 с. (РНК).
3. Даль В. И. Пословицы русского народа : сб. : в 2 т. — М. : Худож. лит., 1984. — Т. 2. — 399 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Рус. яз., 1978–1980.
5. Лесков Н. С. Спиридоны-повороты // Воспоминания пропавшего человека / Н. И. Свешников. — М. ; Л. : Academia, 1930. — С. 441–504.
6. Предисловие // Воспоминания пропавшего человека / Н. И. Свешников. — М. ; Л. : Academia, 1930. — С. 5–8.
7. Родионова И. В. Глаголы с антропонимической корневой морфемой в русских народных говорах (1) // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2004. — Вып. 5. — С. 63–77.
8. Свешников Н. И. Воспоминания пропавшего человека. — М. ; Л. : Academia, 1930. — 526 с.
9. Словарь русских народных говоров. — СПб. : Наука, 2006. — Вып. 40. — 346 с. (СРНГ).
10. Смирнов Я. Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи. — СПб. : Азбука, 2010. — 400 с.
11. Ярославский областной словарь : в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. — Ярославль : Изд-во ЯГПИ, 1981–1991 (ЯОС).

Сведения об авторе

Ховрина Татьяна Константиновна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА
В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СКАЗОК
ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА ОБ АЛИСЕ

Аннотация. Игра является важнейшей составной частью нонсенса, а частным случаем игры является обыгрывание имён, ономастическая игра. В данной статье рассматриваются такие игры с именами, как изобретение Кэрроллом искусственных имён, обыгрывающих имена реальных людей из круга его друзей и знакомых, анаграмму, акростих, каламбуры, звуко-буквенные варианты и параллели имён, их переосмысления, переосмысления семантических связей внутри именных словосочетаний, логические наложения биномов с одним общим членом, а также использование в повествовании реальных игр Викторианской Англии с именами собственными.

Ключевые слова: нонсенс, игра, ономастическое пространство, сказки Кэрролла об Алисе, обыгрывание имён собственных, искусственные имена.

В сказках об Алисе помимо нонсенса, логических переверзий, лингвистических и стилистических трансформаций Льюис Кэрролл постоянно прибегает к разного рода играм. «Кэрролл играет, меняя местами верх и низ, субъект и объект действия, причину и следствие; он играет, изменяя пропорции и градации; <...> играет, предлагая ложную аргументацию» [Демурова, 1979: 163–164]. Как пишет там же Нина Михайловна Демурова, игра кажется важнейшей составной частью нонсенса, который задаётся целью вместо привычного подставить нечто неожиданное, «смешав тем самым то обыденное представление о мире, которое существует у читателя» [Демурова, 1979: 164].

Теория игры была разработана Йоханом Хёйзингой [Johan Huizinga] в конце 30-х годов XX века и развита английским логиком Элизабет Сьюэлл [Elizabeth Sewell], по мнению которой «игра в нонсенс» состоит в разупорядочении и упорядочении действительности в противоборстве этих двух присущих человеческому разуму тенденций (см.: [Демурова, 1979: 165]).

Н. М. Демурова глубоко и подробно прослеживает генетическую связь нонсенса с игрой в сказках Кэрролла и иллюстрирует её многочисленными примерами, как на уровне реальных игр викторианской эпохи, так и на других уровнях, в том числе, игру словами.

В этой связи особого внимания, как представляется, заслуживает изучение того, как игра проявляется и функционирует в ономастическом пространстве, какие игры с именами можно найти в двух сказках Льюиса Кэрролла об Алисе.

Как известно, идея первой сказки возникла у Кэрролла 4 июля 1862 г. во время лодочной прогулки с приятелем, Робинсоном Даквортом (Robinson Duckworth), в те дни членом совета Тринити-колледжа в Оксфорде, и тремя дочерьми ректора Лиддела — Лориной Шарлоттой (Lorene Charlotte), Алисой (Alice Pleasance) и Эдит (Edith). Имена участников этой прогулки обыгрываются в первой книге, “Alice’s Adventures in Wonderland” («Алиса в Стране чудес») (1865): в конце главы II впервые упоминается Duck и Dodo, Logy и Eaglet, а в главе III они выведены в качестве персонажей: Dodo — это дронг, нелетающая птица, обитавшая на острове Маврикий к востоку от Мадагаскара, вымершая примерно два с половиной века назад. Это имя, как указывают комментаторы, Кэрролл выбрал для изображения себя самого, так как заикаясь, он произносил свою настоящую фамилию (Dodgson) Do-Do-Dodgson. Друг Кэрролла Duckworth — это Утёнок Duck, известно, что когда книга вышла из печати, автор послал один экземпляр Дакворту с надписью “The Duck from the Dodo”; австралийский попугайчик Logy изображает Лорину, Lorena (Lorie) Liddell, старшую сестру Алисы, Орлёнок — Eaglet — это Edith Liddell. Косвенным подтверждением данной трактовки является тот факт, что попугайчик Лори говорит Алисе: “I am older than you, and must know better” («Я старше тебя и лучше знаю, что к чему»).

Другой случай обыгрывания имён трёх из сестёр Лидделл читатель находит в главе VII этой же книги, “A Mad Tea-Party” («Безумное чаепитие»), когда Dormouse, Соня, рассказывает сказку

о трёх сестричках, живших на дне колодца, их имена Elsie, Lacie и Tillie. Автор комментария к изданию 1979 года Лидия Семёновна Головчинская [Carroll, 1979: 214] вслед за Мартином Гарднером (Martin Gardner. *The Annotated Alice*, 1960) (см.: [Кэрролл, 1978: 62]) указывает, что Элси — это инициалы Лорины Шарлотты, то есть L.C., произнесённые по-английски, [ˈelˈsi:], Тилли — сокращённое имя Matilda, шуточное имя, присвоенное в семье Лидделов Эдит, а Лэси — не что иное, как анаграмма имени Алисы (Lacie < Alice).

Во второй главе второй книги об Алисе “Through the Looking-Glass and what Alice found there” («Алиса в Зазеркалье») появляются ещё две младшие сестры Лидделл, Рода (греческое “роза”) и Вайолет (по-английски violet означает “фиалка”) как цветы, роза и фиалка, в саду, где цветы говорили. Snowdrop (в переводе “подснежник”) — белый котёнок из второй книги об Алисе носит имя котёнка, принадлежавшего Мэри Макдоналд, дочери друга Доджсона писателя Джорджа Макдоналда, старшую дочь которого, Лили, Кэрролл изобразил под видом белой пешки (см.: [Демурова, 1979: 56]).

Игрой в ономастическом пространстве является отражение в книге “Through the Looking-Glass and what Alice found there” («Алиса в Зазеркалье») имён двух персонажей из первой книги Кэрролла об Алисе. В главе V “Alice’s Adventures in Wonderland” («Алиса в Стране чудес») появляются фольклорные безумцы Mad Hatter и March Hare, то есть Безумный Шляпник и Мартовский Заяц. Во второй книге они приобретают «зеркальные» отражения в лицах (Hatter >) Hatta и (Hare >) Haigha, англосаксонских гонцов Белого Короля, причём в главе VII «Зазеркалье» Кэрролл счёл необходимым указать, что Белый Король произносил имя Haigha так, что оно рифмовалось с “mauor”, то есть оно произносится точно так же, как Hare.

В этой же главе Кэрролл упоминает языковую игру, которая приходит на ум Алисе, когда она слышит от Короля несколько слов о гонце по имени Haigha, начинающихся на букву “Н”. Это была популярная викторианская игра, в которую играли в Англии во времена Кэрролла. «Первый из играющих говорил:

“Мою любовь зовут на А...
Я люблю его, потому что он...
Я боюсь его, потому что он ...
Он меня водил в ...
Он меня кормил ...
И живёт он в ...” —

подставляя слова, начинающиеся на «А». Второй из играющих повторял те же фразы, подставляя слова на «Б», и так далее до конца алфавита. Не нашедшие нужного слова выбывали из игры» (см.: [Кэрролл, 1978: 185]).

И здесь случайные слова, подобранные Алисой на букву “Н” (“ham-sandwiches” — «сэндвичи с ветчиной») и “hay” — «сено»), становятся, как это часто случается в сказках Кэрролла об Алисе, сюжетобразующими, что тоже является своего рода игрой: оказывается, что в сумке англосаксонского гонца Haigha есть и ham-sandwiches (сэндвичи с ветчиной), и hay (сено), с помощью которых Королю удаётся подкрепиться и выйти из полубоморочного состояния. По правилам игры здесь игроки должны придумывать не только имена собственные, но в первой, четвёртой и шестой строках это должны быть как раз имена.

Ономастической игрой является по сути своей имя фантастического существа “Mock Turtle” (русское соответствие из перевода Н. М. Демуровой — «Черепаша Квази»). В Англии существовало блюдо, называемое *Mock Turtle Soup*, имитация черепахового супа, приготовляемая из телятины. То есть в языке слово *Mock* относится к словосочетанию *Turtle Soup*, ‘*фальшивый*’ + ‘*черепаховый суп*’. В игре, предлагаемой Льюисом Кэрроллом, из этого трёхсловного словосочетания остроумно искусственно вычленяются первые два слова, *Mock Turtle*, а слово *Soup* при этом начинает функционировать уже как бы на следующем уровне семантической связи, создавая у читателя впечатление, что есть такое существо, фальшивая черепаха (Черепаша Квази), из которого и готовят особый суп, что можно схематически обозначить так:

(в языке ☺ **Mock Turtle Soup** (у Кэрролла ☺ **Mock Turtle Soup**

!! _____ !! _____ !!
! _____ ! _____ !

Возможно, в этом заключается причина странного поведения Квази, который, словно зная о своей печальной судьбе, о предназначении попасть в суп, всё время вздыхает и рыдает.

Своего рода ономастической игрой являются имена Tweedledum и Tweedledee (в переводе Н. М. Демуровой — Труляля и Траляля), имена неразличимых близнецов, с которыми Алиса встречается в Зазеркалье. Эти имена, придуманные до Кэрролла, можно считать фольклорными (см. об этом: [Шехтман, 2022: 117–118]). Английские прототипы и источники этих имён — звукоподражания, изображающие без особого почтения звуки игры на разных музыкальных инструментах.

Искусственное имя Jabberwock, давшее название зазеркальному стихотворению “Jabberwocky” во второй сказке об Алисе (глава I), не имеет смысла, однако, как следует из самого текста стихотворения, это страшное чудовище (в стихотворном переводе Дины Григорьевны Орловской — Бармаглот [Кэрролл, 1978 : 122]). В этом же стихотворении встречаются также «игровые» бессмысленные названия Jubjub bird, Bandersnatch, Tumtum tree (см.: [Carroll, 1966: 49]).

Наконец, языковой ономастической игрой являются названия зазеркальных насекомых из главы III «Зазеркалье». Это Bread-and-butter-fly, производное от Butter-fly (бабочка) и Bread-and-butter (бутерброд); Rocking-horse-fly, производное от Horse-fly (слепень) и Rocking-horse (лошадка-качалка) и Snap-dragon-fly, производное от Snap-dragon (рождественская забава, когда в тарелку с изюмом и другими сладостями наливали бренди и поджигали его, а играющим предлагалось таскать руками эти сладости из огня и съедать их) и Dragon-fly (стрекоза). Примечательно, что у Кэрролла эти названия пишутся с прописной буквы, как и должны писаться личные имена. Внешний вид и свойства этих зазеркальных насекомых соответствуют их названиям.

Н. М. Демурова пишет в статье «О переводе сказок Кэрролла»: «Кэрролл изобретает «зазеркальные параллели» для трёх всем знакомых, обыденных насекомых. Под его магическим пером оживают забытые, стёршиеся значения, для которых он придумывает забавные пары <...> Как всегда, Кэрролл по-своему последователен и логичен в своих бессмыслицах. Зазеркальные насекомые — это результат «наложения», «склейки посередине» двух «биномов» с одним общим членом» [Кэрролл, 1978: 326].

Таким образом, схема выглядит так:

(a — ((b)) — c), где (a — b) наклеивается на (b — c) общим звеном b.

Своеобразная словесная игра с именем присутствует и в главе IV «Страны чудес», которая называется в оригинале “Rabbit Sends in a Little Bill” — и уже здесь, в заглавии, присутствует игра. Неопределённый артикль заставляет понять заглавие как «Кролик посылает маленький счёт (или билль)». Но в тексте главы присутствует персонаж Little Bill, ящерица по имени Билл, или Билль, таким образом, по прочтении главы возникает второе понимание её названия: «Крошка Билль вылетает в трубу» (см.: [Кэрролл, 1978: 328]).

Полное имя Алисы, Alice Pleasance Liddell, является в форме акростиха, завершающего вторую книгу, а также косвенным образом упоминается в стихотворении, открывающем вторую книгу, последние две строки которого:

“It shall not touch with breath of bale // The pleasance of our fairy-tale”

(«Дыханью зла и в этот раз // не опечалить мой рассказ» (перевод Д. Г. Орловской), буквально, «дыханью зла не омрачить радость нашей сказки», где pleasance — и счастье, радость, и одновременно и второе имя Алисы Лидделл.)

Таким образом, Кэрролл играет именами и названиями, придумывая искусственные имена, включая в повествование каламбуры, анаграмму, акростих, игру слов, переосмысливая семантические связи, используя в качестве сюжетобразующих реально существовавшие в Викторианской Англии языковые игры. Некоторые из игр в ономастическом пространстве двух сказок Кэрролла были понятны всем его современникам и понятны и нынешнему читателю, другие требуют в наше время развёрнутого комментария.

Однако в обоих случаях ономастическая игра Кэрролла создаёт неповторимый юмор, юмор нонсенса в частности, и дарит наслаждение всё новым поколениям читателей всего мира неповторимым шедевром английской литературы — двумя сказками Льюиса Кэрролла об Алисе.

Список источников

1. Демурова Н. М. Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. — М. : Наука, 1979. — 200 с.
2. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье / подгот., пер. с англ. и ст. Н. М. Демуровой. — М. : Наука, 1978. — 359 с.
3. Шехтман Э. Н. Имена собственные и их иноязычные соответствия // Ономастика Поволжья : материалы XX Междунар. науч. конф. / сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун ; Калмыцкий гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова. — Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. — 400 с. — С. 115–118.
4. Carroll Lewis. Through the Looking-Glass and what Alice found there. — М. : Прогресс, 1966. — 229 с.
5. Carroll Lewis. Alice's Adventures in Wonderland. — М. : Прогресс, 1979. — 235 с.

Сведения об авторе

Шехтман Элина Нахимовна — к.филол.н., доцент кафедры английского языка и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия).

Л. Дж. Кокова, Б. Дж. Кокова

ОНИМЫ С ЭЛЕМЕНТОМ -КАРА В РУССКОЙ МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. одному из самых интересных элементов в ономастике вообще и в литературной в частности посвящено это исследование. Кроме обзора произведений, где герои носят соответствующие фамилии, и топонимов из этих произведений, предпринята попытка проследить судьбу онимов с элементом -кара в наши дни.

Ключевые слова: оним, апеллятив, антропоним, топоним, фамилия, литературный герой, мифология

Онимы с элементом *-кара* относятся к наиболее интересным объектам исследования в ономастике, и не только тюркской, уже потому, что составляют огромный интересный пласт ономастических и исторических исследований в разных языках. Интерес связан и с тем, что значения онимов с этим элементом весьма разнообразны.

В памятниках устного народного творчества и произведениях русских писателей топонимы и антропонимы с элементом *-кара* не всегда являются «говорящими», но, несмотря на это, вносят в произведения яркий акцент.

Наиболее раннее его упоминание встречается еще в славянской мифологии в форме *Карачун* — названии зимнего солнцеворота и связанного с ним праздника — Рождества. Эта форма имеет древнерусские и болгарские корни (древнерусск. *корочунъ*, болг. *Крачунец* — «рождественский день»). В Закарпатье так называется рождественский пирог. Карачуном у славян называлось не только божество, но и рождественский пост.

В данном случае слово *карачун*, скорее всего, имеет не тюркское происхождения, а латинское со значением ‘шагать’. Со дня Карачуна (самого холодного) светлая часть суток увеличивается, зима «шагает» к весне. «Корочун, возможно, и считался той самой темной силой, которая укорачивает светлую часть суток» [Шапарова: 276].

Ещё одно значение слова *карачун* связано со словами ‘корчиться, кривляться’. Видимо, в связи с традицией рядиться и кривляться на Святки. Божество Карачун в славянских языках

связано с темными силами. В белорусском языке — это злой дух, ‘олицетворяющий смерть в молодом возрасте’, в русском — ‘смерть, злой дух’.

Большая часть антропонимов и топонимов русской литературы с элементом *-кара* все же имеет тюркские корни.

Кара, гора, хара (тюрк.-монг.), при характеристике личности героя или топонима в произведении означает букв. ‘черный’, ‘плохой’, ‘злой’. В топонимике имеет несколько сходных толкований: ‘дюна’, ‘холм’, ‘сопка’, ‘вершина’, ‘возвышенность’ [Мурзаев: 256].

Топоним с элементом *-кара* встречается еще в русских былинах, в частности, в былине «Обретение силы Ильей Муромцем»:

В славном городе во Муроме,
Во селе было **Карачарове**,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел цело тридцать лет... [Былины: 3].

Дело в том, что название села **Карачарово** имеет очевидное тюркское происхождение. Оно может значить: *кара джар* (Черный Яр) — крутой берег реки или утес, почва которого имеет черный цвет. Действительно, село расположено на высоком холме. Эта версия представляется нам менее вероятной. С другой стороны, слово *кара* переводится с тюркских языков еще и как глагол ‘смотри, наблюдай’. Поэтому, по другой версии, топоним **Карачарово** означает ‘дозорный пункт, наблюдательный пост’.

Существует еще несколько версий происхождения этого топонима, часть из которых также маловероятна: *кара за чары*, которая настигала колдунов и ведьм, «кара за чару», как наказание для пьяниц, а также ‘кара чура’ (черный богатырь). Речь идет о татарской части населения села Карачарово.

Наиболее обоснованной является официальная версия происхождения названия (отантропонимическая), от фамилии Карачаровых, в частности, от Федора Карачарова, основателя дворянского рода. Топоним Карачарово, сохранившись до наших дней, неслучайно попал в русские былины и сказания, как лихое место. В карачаровских лесах неподалеку от постоянных дворов орудовали шайки, нападавшие на торговый люд на Коломенской дороге и постепенно тракт был проложен в обход этих мест.

Первое упоминание о селе Карачарово относится к XVI в документах о владениях Спасо-Андроникова монастыря (1571 г.). Сегодня Карачарово — это большой индустриальный район на юго-востоке Москвы.

Фамилия одного из любимых персонажей автора и читателей романа Л. Н. Толстого «Война и мир» Платона Каратаева, несомненно, представляет интерес для исследователей. Не являясь одним из главных героев, он создан Толстым с такой любовью, что стал олицетворением всего самого доброго, светлого, радостного и смиренного в образе русского солдата, защитника Родины.

«...Платон Каратаев навсегда остался в душе Пьера самым сильным и добрым воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и круглого... Лицо его, несмотря на мелкие круглые морщины, имело выражение невинности и юности: голос у него был приятный певучий. ...Физические силы и поворотливость были таковы первое время плена, что, казалось, он не понимал, что такое усталость и болезнь. Каждый день утром и вечером он, ложась, говорил: «Положи, господи, камушком, подними калачиком» [Толстой: 424]. Характеристика героя, данная автором, несомненно, говорит о большой симпатии к нему. Каратаев живет радостно, гармонично и смиренно, даже предчувствуя скорую смерть. Лучшие черты русского народа нашли отражение в образе Платона Каратаева.

Сложно сказать, почему автор дал одному из любимых героев эту фамилию. По мнению Баскакова, фамилия Каратаев «в своей основе восходит к тюркскому сложному слову *karataj*, состоящему из *kara* ‘черный’ и *taj* ‘жеребенок годовалый, молодая лошадь по второму году’. При очевидной прозрачности этого варианта этимологии фамилии, который связан с коневодством, существует и другая версия возникновения фамилии. Фамилия Каратаевы из старотат. *qaraşu* ‘верный слуга, наблюдатель’ [Баскаков: 232]. Он же приводит версию происхождения фамилии из болгаро-казанского каратай ‘черная речка’ [Баскаков: 231-232]. Слово *qaraşu* встречается

в исторических хрониках о Крыме, а звание *карачи* носили беки древнейших дворянских родов. Таким образом, первые носители фамилии, скорее всего, были из крымских татар. Возможно, и сама фамилия Каратаев-Каратеев изначально имела форму Карачеев и изменилась позднее. А эволюция фамилии выглядела так: Карачеев → Каратеев → Каратаев.

Карандаш или карандаш — человек очень небольшого роста. В «Затишье» Тургенева читаем: «Вошел старичок низенький и толстенький, из породы людей, называемых коротышками и карандашами, с пухлым и в то же время сморщенным личиком вроде печенного яблока» [Тургенев: 17].

В форме прозвища *карандыш* встречалось в Костромской губернии (области). Согласно Словарю русских прозвищ, «прозвище шаловливого мальчика, шалуна.....диал. ‘маленький ребенок’, ‘человек небольшого роста’» [Вальтер, Мокиенко: 260]. Существовало также нижегородское неодобрительное прозвище *крундыш*. Значение апеллиатива аналогичное — «человек маленького роста» [Вальтер, Мокиенко: 308].

Фамилия героя пьесы А.Островского «Бесприданница» Карандышев, безусловно, «говорящая». Своим героем автор блестяще дополняет галерею «маленьких» людей в произведениях русских писателей. Карандышев в пьесе, действительно, «маленький» человек, не лишенный амбиций, и характер героя раскрывается автором до страшной развязки сюжета: «Карандышев. Да, это смешно... Я смешной человек... Я знаю сам, что я смешной человек. Да разве людей казнят за то, что они смешны?» [Островский: 334].

Антропониму Карамазовы посвящено не одно исследование. Давая семье или «семейке» эту фамилию, Достоевский указывает на «черную» ее суть.

Самая распространенная версия образования фамилии Карамазовы именно для героев романа связана с диалектным словом *карамазый* — ‘смуглый’, ‘черномазый’. Не случайно жена штабс-капитана Снегирева в романе называет Алешу Карамазова по ошибке Черномазов.

Но эта версия не единственная. Фамилия образовывалась также от тюркского глагола *qara* «смотреть» и аффикса *mazmez* образующего отрицательное причастие. Карамазов — ‘не смотрящий’, *qara* ‘смотреть’, *qara-maz* ‘не смотрящий’ + *ов* [Баскаков: 44, 206].

Унбегаун приводит свое схожее толкование фамилии Карамазов от тюрк. *кара* ‘черный’ и русского ‘мазать’. По классификации Унбегауна, эта фамилия относится к антропонимам, характеризующим моральные качества главных героев. Такие фамилии были особенно популярны в русской литературе (Правдин, Простаков, Скотинин, Стародум, Добров, Притворов, Чистосердов и под.). [Унбегаун: 189-190].

Существует также предположение, что фамилия Карамазов сходна с фамилией Каракозов (Д.В. Каракозов — народник, покушавшийся на царя в 1866 г.). Возможно, автор романа предполагал революционное будущее своего героя Алексея. Эта версия основана на желании автора написать продолжение романа о судьбе своих героев, главным образом Алексея Карамазова, через 20 лет.

Ономастические легенды, приведенные А. Рыбаковым в повести «Бронзовая птица», заслуживают отдельного исследования, поскольку описанные автором события действительно происходили в истории России. Одна из них — история рода Карагаевых и бронзовой птицы — одного из его символов.

Фамилия Карагаевы, которую в повести носил графский род, имела удивительную историю. В разговоре с Мишей Поляковым земский доктор открывает завесу родовой тайны: «Надо тебе сказать, что графы Карагаевы — старинный, но захудалый род. Дерево свое будто бы ведут от татарского мурзы, выехавшего в Россию из Золотой Орды...». [Рыбаков: 402].

Доктор также упоминает о женитьбе одного из Карагаевых на дочери Демидова и получении демидовских рудников на Урале. Один из них — Инзерский рудник находился рядом с деревней Карагаево. Вероятно, этот топоним и стал основой фамилии Карагаевы. После этого узнать прототипа Карагаева в повести несложно. Им был Сергей Павлович фон Дервиз (1863-1943), эмигрировавший из России после революции. Именно его усадьба Кирицы (архитектор Федор Шехтель) с очень необычной архитектурой подробно описана в «Бронзовой птице». А графов Карагаевых в истории России не было.

Этимология слова *карагай* весьма обширна.

Карагай — тюркское слово, лежащее в основе фамилии, в переводе с башкирского и татарского означает ‘сосна’, ‘сосновый бор’, ‘сосняк’.

Слово представлено и в топонимике: «Карагай, Карагаево — название нескольких селений в Башкирии и Пермской обл. Из башкирского *карагай* ‘сосна’ [Никонов: 176].

М. Фасмер приводит следующую этимологию: «*Караган* имеет значение ‘степная лисица’, а также ‘низкий кустарник, напр. жимолость, крестовник, шиповник’; ‘дикая акация’ [Фасмер: 190].

От апеллятива карагай также образованы и другие топонимы: с.Карагай на р.Обве, д.Карагай в Актюбинской обл. Казахстана, Караган — морская пристань в Гурьевской области.

Существует также географический термин *карагайник* ‘невысокий лес, растущий на болоте, кочковатое место со мхом’ [Мурзаев: 256].

Среди русских прозвищ Новгородской губернии (области) есть и *караган* (неодобрительное). ‘Прозвище человека небольшого роста’ [Вальтер, Мокиенко: 260].

Рассмотренные нами фамилии героев литературных произведений встречаются и в наши дни. Наиболее распространена фамилия Карагаевы. Примечательно то, что сегодня носители этой фамилии, в основном, проживают на территориях, которые описаны автором в легендах о графском роде Карагаевых, в частности на Урале, где они владели рудниками и в соседних областях (Пермь, Екатеринбург, Туринск, Нижний Тагил, Нефтеюганск, Новосибирск, Иркутск, Северобайкальск). Карагаевы живут также в Москве, Нижнем Новгороде, Енотаевке, Павлодаре, Краснодаре, Алматы и в других населенных пунктах.

Фамилия Карамазовы встречается практически во всех регионах России. Примечательно, что современные Карамазовы названы и именами, которые Достоевский дал своим героям: Иван, Дмитрий, Алексей, чаще других встречаются и имена Андрей и Федор.

Фамилии Карандышевы, Каратаевы и Карачаровы также встречаются во многих регионах России. Примечательно, что большинство Карачаровых носят имя Александр.

Онимы с элементом *-кара*, безусловно, украсили литературные произведения, вошедшие в золотой фонд мировой художественной литературы и сделали их героев незабываемыми.

Список источников

1. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. — М. : Наука, 1979. — 279 с.
2. Былины. Обретение силы Ильей Муромцем. — М. : Художественная литература, 1986. — 300 с.
3. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 704 с.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собр. соч. : в 12 т. — М. : Правда, 1982. — Т. 11, № 11. — С. 623 ; Т. 12, № 12. — С. 539.
5. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М. : Мысль, 1984. — 653 с.
6. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. — М. : Мысль, 1966. — 509 с.
7. Островский А. Н. Бесприданница. — М. : Синергия, 2000. — 377 с.
8. Рыбаков А. Н. Кортик. Бронзовая птица. — М. : Радио и связь, 1983. — 448 с.
9. Толстой Л. Н. Война и мир. — М. : Художественная литература, 1968. — Т. IV. — С. 703.
10. Тургенев И. С. Затишье // Собр. соч. : в 12 т. — М. : Художественная литература, 1978. — Т. 6, № 6. — С. 367.

Сведения об авторах

Кокова Лейла Джамалдиновна — к.филол.н., заведующий лабораторией ономастики и социально-политических исследований Кабардино-Балкарского госуниверситета имени Х. М. Бербекова;
Кокова Бэла Джамалдиновна — профессор кафедры фортепиано и методики Северо-Кавказского государственного института искусств (Нальчик, Россия).

Научное издание

ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ

Материалы XXI Международной научной конференции
Рязань, 3–5 октября 2023 года

Публикуется в авторской редакции

Главные редакторы *И. Н. Хрусталёв, В. И. Супрун*
Верстка *Д. А. Филатов*

3,95 МБ. Подписано к использованию 08.11.2023. Тираж 100 CD-ROM.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46; info@365.rsu.edu.ru
Тел.: +7 (4912) 97-15-24 (канцелярия)

Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а, vk.com/tic_rgu

Минимальные системные требования:

тип компьютера: IBM/PC, процессор x86, частота: 1,3 ГГц,
256 МВ RAM, свободное место на HDD 25 МВ, Windows XP и выше,
Acrobat Reader 3.0 или старше, дисковод для оптических дисков, мышь